

А. А. Бурыкин

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

текст, язык, автор

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES**

A. A. Burykin

«THE SONG OF IGOR'S CAMPAIGN»

Text, Language, Author

**St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers
St. Petersburg
2017**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

А. А. Бурыкин

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Текст, язык, автор

**Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2017**

ББК Ш5(2=Р)3,31

УДК 882«11»Слово о Полку Игореве

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках реализации Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»*

Утверждено к печати Ученым советом
Института лингвистических исследований РАН

Рецензенты: доктор филол. наук М. Н. Приемышева, канд. филол. наук
А. Н. Левичкин; отв. ред. чл.-кор. РАН С. А. Мызников

А. А. Бурыкин. «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. —
СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. — 416 с.

Б 90 Настоящее издание имеет характер научной бомбы: в результате многолетнего и многомерного изучения текста «Слова о полку Игореве» петербургский лингвист А. А. Бурыкин предложил убедительную научную теорию, кем мог быть автор этого знаменитого памятника.

Теория А. А. Бурыкина основывается на интердисциплинарных данных, согласно которым автором «Слова...» оказался не безвестный певец, дружинник или летописец, но необыкновенно одаренный человек, имя которого было известно и ранее, — зодчий, художник, золотых дел мастер, писатель, переводчик. Кузьмище Киянин. Образованнейший книжник, могущий по разносторонней одаренности быть названным русским Микеланджело, он превосходно владел искусством композиции, был начитан в греческой и русской словесности (воинские летописные повести, жития князей-мучеников), знал фольклорную традицию. Кузьмище Киянин жил как среди князей, так и среди строителей храмов, именно поэтому он сумел создать произведение, которое во многом вырывалось за привычные рамки тогдашней литературы. Подобное мастерство меняет наши представления о светской литературе Руси в XII в. и показывает ее более зрелый характер, чем считалось ранее.

А. А. Бурыкин убедительно доказывает свою гипотезу, оперируя языковыми элементами русской оригинальной и переводной прозы XII века, а также новыми наблюдениями над содержанием и эстетикой миниатюр Радзивилловской летописи. В приложении к изданию представлен перевод «Слова о полку Игореве», исправленный и уточненный с учетом последних научных изысканий, а также новый комментарий к тексту «Слова...».

Книга предназначена для специалистов по истории русского языка и литературы и широкого круга читателей, интересующихся вопросами древнерусской культуры.

ISBN 978-5-85803-502-2

9 785858 035022

© А. А. Бурыкин, 2017

© Петербургское Востоковедение, 2017

Оглавление

Предисловие	8
ТЕКСТ	
Проблема критического текста «Слова о полку Игореве»	23
К разгадке тайны так называемого «олоонецкого списка» «Слова о полку Игореве»	37
ЯЗЫК	
Полнота лексического ряда как принцип поэтики «Слова о полку Игореве» (по материалам военной лексики)	44
Лексика, связанная с природой, в «Слове о полку Игореве» и проблемы средневекового художественного канона	54
Метеорологическая лексика «Слова о полку Игореве» в свете данных современных русских народных говоров	59
Лексический атлас русских народных говоров и перспективы дальнейшего историко-диалектологического исследования лексики памятников древнерусского языка (выражение «лисици брешють» в «Слове о полку Игореве» и глагол брехать на карте № 14 Пробного выпуска ЛАРНГ)	67
Перевод первого издания «Слова о полку Игореве» 1800 года как памятник истории русского литературного языка XVIII века и как источник изучения оригинального текста «Слова...»	71
Проблематика изучения лексики «Задонщины»: задачи, проблемы, перспективы	82
Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика русских народных говоров (по данным новых диалектных словарей)	92
Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика украинских говоров (проблемы и перспективы дальнейшего исторического и диалектологического изучения языка «Слова о полку Игореве»)	105
К изучению лексического состава, стилистических функций и морфологической парадигматики имен прилагательных в русском языке конца XVIII—начала XIX века по материалам первого перевода «Слова о полку Игореве»	128

Мог ли переводчик «Повести об Акире Премудром», «Девгениева деяния» и «Сказания об Индийском царстве» написать «Слово о полку Игореве»? (к сравнительному изучению лексики древнерусских памятников конца XII века)	132
Киевский зодчий Кузьмище Киянин — автор «Слова о полку Игореве»? К сравнительному изучению лексики «Слова о полку Игореве», «Повести об Акире Премудром», «Девгениева деяния», «Сказания об Индийском царстве» и «Повести об убиении Андрея Боголюбского»	139
Миниатюры Радзивилловской летописи как видеоряд к тексту «Слова о полку Игореве». Итог поиска подходов к творческой мастерской Кузьмища Киянина — зодчего, художника, переводчика и писателя	152
О количестве и составе редакций «Повести об убиении Андрея Боголюбского» в связи с проблемой идентификации авторского стиля	170
Кузьмище Киянин — Киевский Микеланджело: архитектор, художник, переводчик, писатель. Опыт воссоздания биографии	180
Беловолод Просович: опыт изучения языковой практики кандидатов в авторы «Слова о Полку Игореве»	195

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»: PRO ET CONTRA

Академик С. П. Обнорский — комментатор и издатель текста «Слова о полку Игореве»	204
«Слово о полку Игореве» в трудах Никиты Александровича Мещерского (1906—1987)	208
«Слово о полку Игореве» в издании П. М. Бицилли	217
Н. А. Баскаков-филолог в работе над «Словом о полку Игореве»	235
Задачи исследования истории издания «Слова о полку Игореве» в контексте проблемы его принадлежности к образцам древней русской литературы XII века.	238
Некоторые комментарии к книге А. А. Зимина «Слово о полку Игореве»	253
Сон гоблинов, или великая мистификация по поводу поддельности «Слова о полку Игореве»	266
Подлоги тысячелетия или новая попытка объявить «Слово о полку Игореве» фальсификацией	270

ПРИЛОЖЕНИЕ

Слово о полку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова <i>Реконструкция древнерусского текста Н. А. Мещерского и А. А. Буркина.</i>	280
---	-----

Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука
Олегова

<i>Перевод древнерусского текста (А. А. Бурыкин)</i>	299
Комментарии	308
Заключение	377
Библиография	388
Список сокращений.	414

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Слово о полку Игореве» — произведение, которое вот уже почти 220 лет представляет многим поколениям отечественных и зарубежных читателей русскую культуру восьми веков и русскую гуманитарную науку XIX—начала XXI в. Для многих оно стало точкой отсчета истории русской литературы, берущей свое начало в Киевской Руси. «Слово о полку Игореве» с момента появления его первого издания в 1800 г., выпущенного самыми образованными людьми своего времени — графом А. И. Мусиным-Пушкиным, Н. Н. Бантыш-Каменским и А. Ф. Малиновским, — приобрело культуuroобразующую функцию (см.: [Шмидт 2012: 198—217]), оно оказывало влияние на литературное творчество, призывало литераторов нескольких поколений к поэтическим переложениям и вариациям на темы «Слова...», а ученых — к торжественно-ораторским прозаическим переводам, оно вдохновляло художников-живописцев и графиков, композиторов, хореографов. С разносторонним изучением «Слова...» связано развитие отечественной филологической науки — в одинаковой степени языкознания и литературоведения, исследование, научное издание и многократные переиздания памятников древнерусской литературы, а также становление европейской и мировой науки — славянской филологии. Почти два века «Слово о полку Игореве» входит в программу средних и высших учебных заведений, где изучалась и изучается русская литература.

О «Слове...» писали не только лингвисты и литературоведы, но и историки, специалисты по исторической географии, историки военного искусства, историки религии, биологи, регионоведы-краеведы. Библиография изданий этого памятника русской литературы, книг и статей, посвященных ему, огромна, а монографии и периодические издания, где регулярно публиковались и публикуются исследования, связанные со «Словом о полку Игореве», могут составить весьма объемную библиотеку. Труды ученых, работавших над «Словом...», выходили в свет в течение более чем 200 лет постоянно, в том числе в самые смутные времена истории — и в 1917—1920 гг., и в мрачные 1930-е гг., и в годы Великой Отечественной войны, а 1950-е—1980-е гг.,

время активной работы академика Д. С. Лихачева (1906—1999) и его последователей, были поистине золотым веком в изучении «Слова о полку Игореве», современных ему памятников древнерусской литературы XI—XIV вв., сочинений древнерусских книжников XV—XVII вв. и переводных произведений, имевших распространение в русской книжной культуре благодаря деятельности многих поколений переводчиков священных и светских книг на русский язык.

Внимательный читатель спросит — а что может сказать автор предлагаемой вниманию читателей книги о скептическом отношении к «Слову о полку Игореве», к указаниям и объяснениям того, что «Слово...» может быть сочинением, подделкой, имитацией, подражанием, которое было написано в XVIII в., и такое мнение в разные периоды истории поддерживалось известными людьми, в том числе профессиональными историками? Ведь всем известна работа А. А. Зимина и ее драматическая судьба.

Автор этой книги не собирается умалчивать об этом. Во-первых, среди тех, кто считал «Слово...» сочинением XVIII в., не было ни одного лингвиста-специалиста в области истории русского языка, да и за рубежом нашей страны таких были единицы. Во-вторых, и это важно, в обеих частях формулируемого тезиса ранний этап проявления сомнений в подлинности «Слова...» связан с недостаточным количеством известных древнерусских литературных памятников и очень ранним состоянием славянской филологии как научной дисциплины, когда история отдельных славянских языков и их диалектов не была изучена, а поздний его этап во многом обусловлен уже недостаточными знаниями отдельных ученых в области истории славянской филологии в XIX—первой половине XX в. В-третьих, как показал А. А. Зализняк в своей книге «Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста» [Зализняк 2004; 2007; 2008], для того чтобы в XVIII в. написать «Слово...» как текст, выдерживающий самые строгие лингвистические экспертизы на уровне знаний исторической фонетики, акцентологии, морфологии, синтаксиса русского языка начала XXI в., надо было быть гением. Это, как говорит А. А. Зализняк, чуть уступая в полемике сомневающимся, хотя и маловероятно, но все же возможно. В-четвертых, всего этого мало — для того чтобы воспроизвести исторический контекст и хронологическую канву, особенности языка, поэтику «Слова...» и его связи с более ранними литературными памятниками и современными ему произведениями, такому гению нужна была огромная библиотека, включающая все современные рукописные хранилища и тем более — рукописные памятники, которые не были даже известны на момент появления первого издания «Слова...». А вот это уже совершенно нереально. Вот почему страсти, вспыхнувшие после издания

книги А. А. Зимина [Зимин 2006] — в основном в виде дискуссий на форумах Интернета среди неспециалистов или просто невежд, тихо угасли сами по себе. Предваряя соображения, изложенные в четвертом разделе книги, можно уверенно сказать: в последние десятилетия скептицизм в отношении «Слова...» в России — это удел лузеров, людей, в чем-то не состоявшихся, стремящихся достичь эффектного результата малыми усилиями и теряющих на этом свои последние шансы, тех, кому не хватает образования или гуманитарных знаний.

Автору этой книги очень повезло в жизни. Приступив к изучению «Слова о полку Игореве» в конце 1970-х гг. под руководством своего учителя, заведующего кафедрой русского языка Санкт-Петербургского (тогда еще Ленинградского) университета профессора Никиты Александровича Мещерского, он, выпускник аспирантуры Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН) и молодой кандидат наук, оказался среди участников подготовки увидевшего свет в 1985 г. нового издания «Слова...» в 3-м выпуске «Библиотеки поэта», каковыми были акад. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов, Н. А. Мещерский. Н. А. Мещерскому и мне было поручено подготовить для этого издания древнерусский текст «Слова...», прозаический перевод (в издании 1985 г. он выполнен Н. А. Мещерским) и комментарии к древнерусскому тексту. Это определило формат дальнейших исследований автора данной книги по «Слову...» и его основную проблематику. Итоги этой деятельности ныне предлагаются вниманию читателей.

Книга состоит из четырех разделов, три из которых обозначены в ее названии.

Первый раздел — «Текст» включает две работы. Это, во-первых, статья, написанная в 1986 г. совместно с Н. А. Мещерским и обобщающая задачи и характер исправлений, которые могли быть предложены к древнерусскому тексту «Слова о полку Игореве». Вторая статья этого раздела посвящена загадке так называемого Олонекского списка «Слова...». Изучив наиболее достоверные источники сведений о загадочном списке, автор пришел к выводу, что слова преподавателя «Вот здесь содержится другой список „Слова о полку Игореве“, гораздо более подробный, чем тот, который напечатан» отвечают своему времени — тому, когда семинаристы читали хрестоматию с сокращенным текстом «Слова...», и они ничего не говорят ни о другой редакции, ни о другой рукописи памятника.

Раздел «Язык» включает девять статей, посвященных вопросам изучения языка «Слова о полку Игореве». Некоторые из них посвящены лексике «Слова...» в контексте его поэтики, статья о метеорологической лексике в «Слове...» связывает материал текста со словами,

отмеченными в русских народных говорах, и прослеживает историческую перспективу эволюции слов, связанных с погодными явлениями, от второй половины XII в. до наших дней. То же прослеживается по материалам глагола *брехать*, который в «Слове...» обозначает голоса лисиц. В современном русском языке и в народных говорах состав его значений расширился, а значение, отмеченное «Словом...», относится к постепенно уходящим из языка — как из русского, так и из украинского, где этот глагол также присутствует.

Одна из работ этого раздела имеет своим предметом перевод первых издателей «Слова...» как памятник русского литературного языка конца XVIII в., в чем сомневаться, понятно, не приходится, и вполне реальные связи этого перевода с текстом, который мы знаем как древнерусский оригинал «Слова...», поскольку некоторые формы перевода издания 1800 г. могут восходить только к древнерусскому тексту «Слова...» на разных этапах его изучения издателями и не могут иметь никаких иных источников.

Специальная статья этого раздела посвящена особенностям текста и языка «Задонщины» в связи со «Словом...», с очевидным влиянием его на разные списки «Задонщины» и невозможностью вывести текст «Слова...» из дисперсных фактов и странных контекстов разных списков «Задонщины». К сожалению, задача составления к «Задонщине» словаря, который мог бы решить целый ряд уникальных лексикологических и лексикографических проблем, пока далека от выполнения.

Две статьи раздела посвящены сопоставлению лексического материала «Слова...» с лексикой русских народных говоров и лексикой украинских говоров. Эта задача ранее была невыполнима, поскольку в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» не было возможности учитывать факты «Словаря русских народных говоров», издание которого началось почти одновременно с изданием «Словаря-справочника „Слова...“», законченным в 1984 г., в то время как издание «Словаря русских народных говоров» еще далеко от завершения. Мы до сих пор не имеем обобщающего словаря украинских говоров, но, во-первых, почти два десятка словарей украинских говоров дают нам прекрасные материалы для сравнения их с лексикой «Слова...», во-вторых, в «Словаре-справочнике „Слова...“» были не полностью учтены даже данные знаменитого «Словаря украинского языка» Б. Гринченко — «украинского Даля». В результате работы над этими статьями можно признать, что в лексике «Слова...», по сути, не осталось темных слов и гапаксов — слов, не имеющих подтверждения в живых языках или в текстах.

В статье, завершающей этот раздел, обсуждается оформление падежных форм имен прилагательных разного рода в русском языке

XVIII в. с целью показать влияние древнерусского текста «Слова...» на язык его первого перевода и невозможность иного объяснения наблюдаемых явлений.

Статьи, составляющие третий раздел — «Автор», и по теме, и по своим итогам стали полной неожиданностью прежде всего для самого автора этой книги. Все началось с миниатюрной заметки 1988 года, посвященной тому, что слова *лютый зверь* встречаются во всех четырех текстах, входивших в сгоревший мусин-пушкинский сборник, — «Слове о полку Игореве», «Девгениевом деянии», «Повести об Акире» и «Сказании об Индийском царстве». Уже тогда напрашивались вопросы, сколько слов являются общими для этих произведений и если таких слов достаточно много и совпадения их показательны, то не принадлежат ли эти тексты одному и тому же автору, т. е. не могло ли «Слова...» быть написано тем, кто переводил на русский язык указанные повести? До имени автора и переводчика этих текстов было еще очень далеко. Эта идея предполагала два краеугольных камня концепции — устранение представлений о фольклорной природе «Слова...», так и не уложившегося в систему жанров устной словесности, и возможность объяснять сходство языка и образов «Слова...» и ряда книжных, в том числе переводных памятников древнерусской литературы XII в. не влиянием, направление которого остается дискуссионным, а единством автора, что ранее для «Слова...» не предполагалось.

В ходе исследования выяснилось, что действительно во всех четырех текстах мусин-пушкинской тетради (той части мусин-пушкинского сборника, которая составляет предмет нашего внимания в этом разделе книги) количество общих слов является достаточно заметным, при этом не все сходства могут объясняться, как полагали и сторонники и противники подлинности «Слова...», влиянием переводных повестей на оригинальный текст «Слова...», поскольку развиваемая гипотеза устранила гетероморфность среды автора «Слова...» и сообщества книжников. Так был сделан первый шаг к установлению состава тех текстов, которые могли принадлежать пока еще неизвестному автору «Слова...», и выявлению особенностей его языка.

Стала понятной новая задача — попытаться найти среди всего, не столь уж и большого, массива текстов второй половины XII в. такие произведения, которые могли бы быть связаны с литературной или переводческой деятельностью того автора и переводчика, которому принадлежали тексты в мусин-пушкинской тетради. По результатам сверки словарного состава был получен отрицательный ответ на поставленный вопрос в отношении таких произведений, как «Слово о князьях», «Сказание о князьях Владимирских», летописные повести о походе Игоря на половцев по Лаврентьевской и Ипатьевской летопи-

сям. Можно было даже не смотреть тексты Кирилла Туровского, которого также относили к претендентам на авторство «Слова...». К громадному сожалению, правда, по причинам особого синтаксиса, с этими произведениями не связывается древнерусский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия — не подтвердилось высказанное в осторожной форме предположение А. Ю. Чернова, напрашивавшееся на основе аналогий между «Словом...» и этим текстом, послужившим в качестве образца для многих эпизодов воинских повестей («Перевод из Флавия оказал столь мощное влияние на поэта, что, видимо, следует поставить вопрос, не был ли сам поэт переводчиком этого памятника» [Чернов 2006а: 35]). С целью завершить просмотр изучаемых текстов было принято решение посмотреть в сравнении с интересующими нас произведениями еще один текст — «Повесть об убиении Андрея Боголюбского». Эта идея поначалу слегка настораживала: сам текст хорошо известен; почти со 100-процентной надежностью, чем мы обязаны Б. А. Рыбакову, известен его автор — зодчий и золотых дел мастер Кузьмище Киянин [Рыбаков 1972], который, несмотря на свое прозвище, долго жил во владимирской земле. И тем не менее сравнительный анализ лексики и наблюдения над морфологией показали — ближе всего к произведениям мусин-пушкинской тетради по языку стоит именно «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» и на эту позицию не может претендовать более ни один текст XII в.

Такой итог оставил двойственное впечатление. С одной стороны, не подтвердилось мнение Б. А. Рыбакова, согласно которому Кузьмище, чей стиль был всесторонне проанализирован, не выдержал конкуренции в очереди претендентов на авторство «Слова...». С другой стороны, появляется объяснение повышенного внимания автора к храмам — Софии Киевской, Софии Полоцкой, Богородицы Пирогощей; к фортификационным сооружениям — забралам городских стен; к некоторым деталям — к местам упокоения князей, которые мог знать и летописец, но которые обязан был знать архитектор; ко многим эстетическим решениям текста, а слова *златоверхий терем* и *златокованный стол* выглядят как авторская подпись в тексте, указывающая на род и предмет занятий автора — это надежнее любых анаграмм. Даже порядок текстов в мусин-пушкинской тетради объясняется очередностью внимания автора-архитектора к предметам текстов.

Стало ясно, что пути поиска автора «Слова...» у того, кто пишет эту книгу, и у всех других, кого одолевала идея атрибуции «Слова...», расходятся изначально. Вместо декларируемой идентификации текста с каким-то именем и молчаливого допущения, что чей-то кандидат в авторы «Слова...» более ничего не написал, характерного для десятков публикаций на эту тему, мы видим в роли автора литератора и пе-

реводчика, да еще и человека другой творческой профессии, требующей многократной одаренности — зодчего, архитектора. Третье расхождение с общим направлением поисков автора «Слова...», как известно, ведущим в тупик, — даже те, кто называл имена, искали изначально неизвестного, пусть и гениального, «своего» автора — певца, дружинника, книжника. Тут же у нас получается все наоборот — громкое имя зодчего Кузьмища, несмотря на то что писателем его считали не все, было известно раньше, чем вскрылась его переводческая деятельность и связь со «Словом...», и огромное дарование его определяется не только текстом «Слова...», но и множеством других творений в мире искусства. Понятно, что автор «Слова...» как известный гений, возможно даже из народа (хотя «Слово...» приписывали и князьям, и княгиням), очень импонировал в какое-то время общественному мнению и меньшинству, формировавшему это мнение. Весьма достойно выглядел в этой роли киевский боярин Петр Бориславич, явившийся в трудах Б. А. Рыбакова [Рыбаков 1972; 1991]. Солидный, в возрасте, не из гущи народа, но и не из Рюриковичей — не князь, общественный деятель и заодно политкорректный летописец. И вдруг вместо этого — архитектор и золотых дел мастер, только что не ювелир, переводчик и писатель, универсальный гений, какие в Европе появлялись только в эпоху Возрождения. Как сказал один из наших коллег — Киевский Микеланджело¹. Это сравнение, как выяснилось несколько позже, оказалось исключительно точным.

Как известно, в художественном наследии Кузьмища Киянина — или в том, что ему может приписываться с разной степенью достоверности — есть одна неясность, связанная с соответствием текста «Повести об убиении Андрея Боголюбского», изображений тех же событий в миниатюрах Радзивилловской летописи, в составе которой читается и Краткая редакция «Повести», и результатов почти криминалистического исследования антропологами в XX в. останков убитого князя. Текст обеих редакций повести упоминает «руку десную», которая была отсечена у князя, на миниатюре изображены рубленые раны на *левой* руке князя, нанесенные ему одним из заговорщиков, а исследование останков показало, что у князя левая рука была иссечена, но не отсечена. Это значит, что миниатюры Радзивилловской летописи являются источником, которому можно в определенной мере доверять. Возникает вопрос: не был ли Кузьмище — в дополнение ко всем его художественным заслугам — еще и автором миниатюр Радзивилловской летописи? Положительный во всех отношениях ответ на этот во-

¹ Выражаем благодарность коллеге и другу Владимиру Александровичу Попову за предложенную формулировку характеристики нашего персонажа.

прос дан в статьях третьего раздела книги после многократного просмотра всех иллюстраций летописи. Прежде всего, если зодчий Кузьмище и был, как предполагал Б. А. Рыбаков, приглашен к работе в летописный цех, то, очевидно, как раз для того, чтобы иллюстрировать один из сводов — таким и была Радзивилловская летопись. Эта летопись — копия XV в. с протографа XII—начала XIII в., она заканчивается 1206 г. Еще исследователи начала минувшего, т. е. XX века установили, что миниатюры протографа Радзивилловской летописи происходят «от одной руки», т. е. были выполнены одним автором, и они же отметили, что в Радзивилловской летописи памятники суздальской архитектуры изображены с очень большой точностью. Откуда такая точность при изображении суздальских построек в киевском своде — было бы неясно, если бы не одно допущение: кто строил владимирские и суздальские храмы, тот и рисовал их на миниатюрах к летописи, а это значит — там и там присутствует рука Кузьмища.

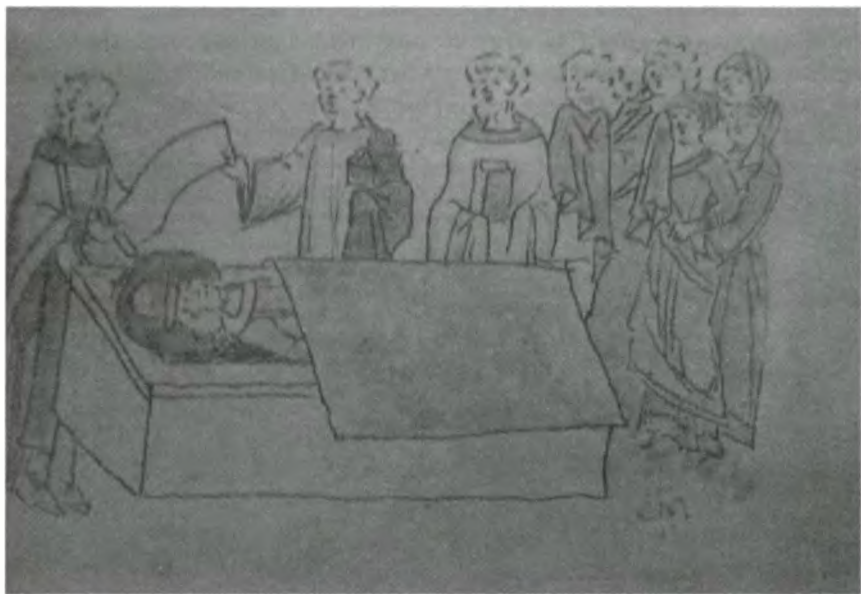

Строительство Успенского собора во Владимире.

Архитектор — Кузьмище Киянин (автопортрет) [Радз. лет. 1902: ил. 516]

Иллюстрациями к «Повести об убиении Андрея Боголюбского» в Радзивилловской летописи служат шесть миниатюр (ил. 541—546). Это и само по себе много. На ил. 541 заговорщики наносят князю удары мечами и саблями (копья называются как орудие убийства только

в Пространной редакции «Повести»). Место гибели князя на ил. 543 — те самые сени, где тело князя обнаружили клирошане. В сценах панихиды по убиенному князю и в сценах проводов гроба с его телом во Владимир (ил. 544, 546) присутствует портретное изображение одного и того же человека в одной и той же одежде, и этот человек держит в руках книгу — явное указание на его занятие в применении к происходящему. Значит, это автопортреты Кузьмища, причем Кузьмища-литератора. Кузьмище-архитектор запечатлел себя ранее в более подходящей ситуации — на строительстве Успенского собора во Владимире (ил. 516): это единственное изображение архитектора среди многих рисунков на строительные сюжеты.

Панихида по убиенному князю Андрею Боголюбскому.

Человек с книгой рядом со священниками — Кузьмище Киянин (автопортрет)
[Радз. лет. 1902: ил. 544]

К событиям, отраженным в «Слове о полку Игореве», имеют отношение целых 8 миниатюр Радзивилловской летописи. Первые 4 рисунка (ил. 583—586) изображают события от начала повествования до поражения дружины Игоря и Всеволода. На пятом рисунке (ил. 587), показывающем съезд князей у Святослава, на переднем плане стремной держит княжеское стремя, и таким образом сюжет рисунка связан со «Словом...», а не с летописным текстом. Две иллюстрации (ил. 588—589) относятся к нападению половцев на Переяславль, где

князь Владимир Глебович, руководивший обороной, получил «три смертные раны» (в «Слове...» «Владимир под ранами», но еще жив), последняя миниатюра (ил. 590) показывает бегство Игоря из плена. Напрашивается вопрос — где же все исторические сюжеты «Слова...»: поединок Мстислава с Редедой, битва на Нежатиной Ниве, бурная биография Всеслава Полоцкого и т. д.? Ответ на него есть, и он прост — все на своем месте. В строгом соответствии с хронологией, 22 рисунка. По сюжетам они составляют как раз то, что соответствует, по наблюдению Д. С. Лихачева и, позже, В. А. Кучкина, историческому кругозору автора «Слова...» по «Повести временных лет». В заключительной части Радзивилловской летописи почти все миниатюры — 23 иллюстрации (за вычетом связанных с событиями у Пронска) показывают князей-героев «Слова...» в основном в их победах над полками.

Проводы гроба с телом Андрея Боголюбского во Владимир.
Человек с книгой — Кузьмище Киянин [Радз. лет. 1902: ил. 546]

Здесь пока названо лишь то, что касается сюжетики миниатюр Радзивилловской летописи и событий, отраженных в «Слове...». Но есть еще множество деталей, характеризующих общность эстетики и этики автора миниатюр летописи и текста «Слова...». В «Слове...»

«...Лежать поганяя головы половецкыя», а на миниатюрах, если головы разбросаны по полю, то они — только половецкие и только в случае победы русской дружины. В других ситуациях такое невозможно. В «Слове...» есть неясная фраза «нъ розньо ся имъ хоботы пашють», но в Радзивилловской летописи развевающиеся на ветру значки копий направлены в разные стороны только на миниатюрах, изображающих княжеские конфликты. Сабли в миниатюрах летописи, как и в «Слове...», и в тексте летописи, вопреки историку А. А. Зимину (ими вооружились заговорщики, убившие князя Андрея Юрьевича, и по рисункам, и по рассказу), — это оружие, враждебное для русских дружинников, а по летописям, по их текстам и, соответственно, по рисункам к ним — это еще и орудие предательских убийств. Примеры этого не единичны. Наблюдения можно продолжать. И они уже говорят только об одном — если миниатюры Радзивилловской летописи рисовал Кузьмище, автор одной из повестей в ее составе, он же написал и «Слово...»; если Кузьмище является автором «Слова...» — его же руке принадлежат и летописные миниатюры. А это значит, что автопортрет Кузьмища на строительстве Успенского собора, на панихиде по убиенному князю Андрею рядом со священниками и на проходах его тела во Владимир — это портретные изображения, причем автопортреты будущего автора «Слова о полку Игореве». Надо сказать слова благодарности копиистам XV в., уже ничего не знавшим о Кузьмище и его творчестве, но добросовестно сохранившим портретное сходство человека на миниатюрах 544 и 546 Радзивилловской летописи, — надо полагать, они были точны и при воспроизведении других рисунков.

Проблема состава и соотношения редакций «Повести об убиении Андрея Боголюбского» напрямую не связана с предметом настоящей книги. Нас вполне устраивали построения Б. А. Рыбакова с его атрибуцией Кузьмищу Пространной редакции «Повести об убиении...» и отводом иных атрибуций этой повести. Однако оказалось, что почти все слова, интересующие нас в этой перспективе, присутствуют в Краткой редакции «Повести...», а в одной из летописей (в «Летописце Переслава Суздальского») находятся и основания для самой ранней датировки этой редакции, относящейся к концу 1174 г. и опережающей составление летописных сводов.

Заключительный очерк данного раздела — это опыт воссоздания биографии Кузьмища Киянина, Киевского Микеланджело, или, если угодно, Андрея Вознесенского XII в. — архитектора, художника с мышлением смелого и дерзкого новатора, переводчика, поэта (ведь все считают «Слово...» поэтическим произведением). Обобщая скудные сведения и результаты наблюдений над текстами Краткой и Пространной редакций «Повести об убиении Андрея Боголюбского» и

«Слова...», пытаясь определить возраст, примерное время рождения, время и последствие ухода из жизни киевского гения, мы пытаемся представить его биографию. Детство будущего зодчего связывается с временем закладки церкви Богородицы Пирогощей, а уход из жизни — с неожиданным завершением Радзивилловской летописи, как будто бы стало некому рисовать для нее миниатюры.

Бегство князя Игоря из плена. «Розно ся имъ хоботы пашють»: бывшие союзники Игорь и Кончак поссорились после побега Игоря уже во второй раз [Радз. лет. 1902: ил. 590]

Завершающий раздел книги — «„Слово о полку Игореве“: pro et contra». Его первую часть составляют статьи, прорабатывающие малоизвестные вопросы из истории изучения и издания «Слова...» и из жизни ученых, занимавшихся «Словом...» (С. П. Обнорский. П. М. Бицилли, Н. А. Мешерский, Н. А. Баскаков). Во второй его части помещены статьи, представляющие обсуждение опубликованных в последние годы работ «скептиков» — книг А. А. Зимина, В. М. Богданова и Н. В. Носова, А. Г. Костина, двух статей С. В. Власова и Д. Г. Демидова². Эта публика (исключая покойного А. А. Зимина), похоже, серь-

² Мы не рассматриваем в этом ряду точку зрения В. М. Димова, согласно которой «Слово...» написал Н. М. Карамзин [Димов 2009; 2014]. Такой взгляд

езно зарвалась — они думают, что представители «академической школы» на них не обращают внимания по той причине, что, мол, нечего возразить. По закону жанра карнавал должен начаться в конце вечера — тут-то читателю и представится возможность посмотреть, «кто есть ху». Честное слово, жалко, что нельзя уделить больше места и времени комментариям к тому же сочинению А. А. Зимина, объяснение, что к чему у Богданова и Носова — это сплошь клоунские репризы, ибо вся книга есть капустник двоечников на уроке литературы; публикация А. Костина — детективный роман с надуманным сюжетом, а статьи С. В. Власова и Д. Г. Демидова — нагромождение умолчаний и домыслов, причина которых — невнимательное знакомство с главной книгой, которая называется «Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгород-Северского...», т. е. с первым печатным изданием «Слова...» 1800 г.

Заключение к книге намечает дальнейшие задачи филологического исследования «Слова...» и обеспечения его научного сопровождения для квалифицированных читателей.

Приложение к книге состоит из трех разделов. Первая часть — реконструкция древнерусского текста «Слова...», которая за 32 года существования и энное время нахождения в Интернете утратила авторов и едва не стала добычей хищников, шныряющих около науки.

Вторая часть — перевод «Слова о полку Игореве» на русский язык. Признаемся, наш перевод никогда не освободится от влияния перевода Н. А. Мещерского в издании 1985 г. Причин тут две — первая: автор книги, которую держит в руках читатель, сделал много, может быть — слишком много для того, чтобы выработать новую концепцию научных прозаических переводов «Слова...» вместо переписывания текста «Слова...» в нормах грамматики русского языка XX в. Вторая причина — невозможность избавиться от прямого влияния перевода Н. А. Мещерского, своего учителя, поскольку и древнерусская

и не нов, и выглядел бы гораздо предпочтительнее, чем предположение А. А. Зимина и его последователей, не читавших ничего, кроме своего мэтра, и приписывавших «Слово...» Иоилу Быковскому — то ученойшему гению, то неграмотному монаху (по крайней мере, знакомство А. И. Мусина-Пушкина с Н. М. Карамзиным не требует доказательств, в отличие от его знакомства с Иоилем Быковским). Ход рассуждений и аргументы В. М. Димова логичны, но малодоказательны. Оставим в стороне недоразумения со стиховедческой терминологией. «Слово...» защищает само себя: откуда в выписках Н. М. Карамзина чтение «сѣчи Трояни» вместо «Были вѣчи Трояни», переводимого в издании 1800 г. как «Прошли съезды Трояновы» (форма *вѣчи* принята за форму мн. ч. от слова *вече*, см. далее в книге). При соприкосновении с такими «мелочами» рассыпается в пыль любая конструкция, объявляющая «Слово...» подделкой, и примеры этого мы еще увидим далее.

реконструкция, и перевод, и комментарии писались в то время, когда авторы этих разделов сидели за одним письменным столом.

Третья часть — комментарий к тексту «Слова...». Почти каждый фрагмент его состоит из двух частей. Первая часть воспроизводит текст примечаний из издания 1985 г., подготовленного двумя авторами, и она помечена цифрами 1985 — можно напомнить, что при воспроизведении этой части издания 1985 г. имена авторов также уже теряются в джунглях Интернета. Вторая часть статьи комментария (лишь небольшое число отрывков «Слова...» сохраняет неизменный текст примечаний), помеченная цифрами 2017, представляет добавления к комментарию 1985 г., подготовленные автором этой книги. Это указания на новые работы по той или иной проблеме, новые решения в области языка или критики текста, освещения новых комментариев, а в отдельных случаях — исправление неточностей, допущенных по разным причинам комментаторами в издании 1985 г.

Время движется вперед. Кто-то из озабоченных авторов, рассмотренных в крайнем разделе, неудачно заметил, что ряды «ортодоксов», пишущих о «Слове...», в последнее время поредели. И тут неправда, как и везде у этой публики, — это отнюдь не так. Как сказал классик: «Поздравляю вас, гражданин, соврамши!» Не дождетесь! Историей рукописи «Слова...» и его текста много лет занимаются А. Г. Бобров и Л. В. Соколова (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург). Новая оригинальная реконструкция древнерусского текста «Слова...», опирающаяся на данные истории и диалектологии русского языка, подготовлена славистом во втором поколении, членом-корреспондентом РАН Анной Владимировной Дыбо (Институт языкознания РАН, Москва), активно занимаются «Словом...» доктор филологических наук Сергей Львович Николаев (Институт славяноведения РАН, Москва) и сотрудники института мировой литературы РАН. Новый перевод и новые комментарии к «Слову...» выполнены поэтом и филологом Андреем Юрьевичем Черновым (Санкт-Петербург—Москва) [Чернов 2006, 2006а, 2010]. Более 30 лет проблемами «Слова...» занимается историк, профессор исторического факультета Московского университета Антон Анатольевич Горский, в начале 1990-х годов с помощью новой математической методики подтвердивший, что «Слово...» является основой для «Задонщины», но отнюдь не наоборот, как полагают скептики. Автор настоящей книги тоже продолжает что-то свое писать о «Слове...» и связанных с ним предметах. Продолжается изучение «Слова...» в Украине (В. Г. Скляренко, Б. И. Яценко, В. В. Нимчук, И. И. Костикова, В. Ю. Франчук и многие другие), в Белоруссии, где огромный вклад в изучение «Слова...» и освещение науки о нем внес М. Г. Булахов. Появляются новые обзорные и исследовательские работы о «Слове...» в славянском мире [Hodana 2011].

Говорить о трех изданиях блестящей книги академика А. А. Зализняка «Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста» (см. выше) — это уже не сообщать позитивную информацию, а дразнить неуравновешенных и озабоченных созерцателей «Слова...» в ряду памятников древнерусской литературы, образцов древнерусского языка и шедевров древнерусской культуры. Мы не будем этого делать — пусть каждый из читателей делает для себя собственные выводы, как же выглядела культура Киевской Руси во второй половине XII в. и что представляют собой современная филологическая наука и — чуть шире — гуманитарная наука.

ТЕКСТ

Проблема критического текста «Слова о полку Игореве»

Вопрос о критическом тексте «Слова о полку Игореве» представляет собой один из наиболее сложных вопросов, связанных с исследованием и изданием этого памятника. Вполне понятно, что текст «Слова о полку Игореве», как и тексты других произведений древней и средневековой литературы, за 600-летний период его бытования в рукописной традиции — с конца XII в. до 1800 г. — мог подвергнуться разнообразным изменениям и искажениям, неизбежно возникающим при переписке манускриптов. Наличие в «Слове о полку Игореве» многочисленных «темных мест» осознавалось уже его первыми издателями, последующие научные издания «Слова...» практически не обходятся без конъектурных поправок в его тексте. Вместе с тем необходимо признать, что подлинно критический текст «Слова о полку Игореве» до настоящего времени не стал достоянием исследователей и читателей и лишь немногие издания текста «Слова...» и специальные исследования каким-либо образом заполняют лакуну в филологическом изучении этого замечательного памятника древнерусской литературы. Здесь можно назвать лишь следующие труды.

1. Книга А. А. Потебни «Слово о полку Игореве» (Воронеж, 1878; 2-е изд. Харьков, 1914) [Потебня 1878]. Это издание текста «Слова...» по своей ориентации может быть названо гиперкритическим. В нем отмечаются предполагаемые издателем многочисленные лакуны и интерполяции, текст содержит большое количество конъектур. Хотя большинство исправлений текста, предложенных А. А. Потебней, не нашло поддержки у последующих исследователей, это издание до настоящего времени ценно как образец определенного подхода к тексту «Слова...».

2. Книга В. Н. Перетца «Слово о полку Игоревім — пам'ятка феодальної України — Руси XII віку» [Перетц 1926а]. Текст «Слова...» в этом издании представлен в виде реконструированной рукописи XV в.,

которая могла, по мнению В. Н. Перетца, быть протографом мусин-пушкинской рукописи «Слова...» [Перетц 1926а: 39—40, 91]. Справочный аппарат этого издания, помимо разночтений из источников текста, сообщает также некоторые конъектуры. Комментарий к тексту «Слова...» содержит обзор конъектур, представленных в этом издании практически полным сводом. Хотя исследователи отмечают необходимость составления нового свода комментариев к «Слову о полку Игореве» [Дмитриев 1976], высокая научная ценность этого труда заставляет всех специалистов обращаться к нему даже теперь, спустя почти 60 лет с момента его выхода в свет.

3. Статья Л. А. Булаховского «О первоначальном тексте „Слова о полку Игореве“» (ИОЛЯ, 1952, т. 11, вып. 5, с. 439—449) [Булаховский 1978]. Данная работа содержит весьма информативный обзор отдельных конъектур к тексту «Слова о полку Игореве» и собственные исправления, в отдельных случаях предлагаемые автором. Каждая из обсуждаемых и предлагаемых конъектур сопровождается ее лингвистическим обоснованием.

Названные труды, в особенности две последние работы, систематизируют и делают доступными результаты огромной работы над текстом «Слова о полку Игореве», проделанной многими исследователями, принадлежащими к разным научным поколениям. Это позволяет лучше ориентироваться в обширной литературе, посвященной «Слову...», тем более что основная масса конъектур к тексту памятника содержится в его многочисленных изданиях — специальные статьи, посвященные отдельным «темным местам» «Слова о полку Игореве», стали появляться относительно поздно.

Существенным моментом в подготовке критического текста «Слова о полку Игореве» становится ныне и установление приоритета тех или иных ученых в отношении предложенных исправлений текста. Известны случаи, когда в специальных работах, посвященных дискуссионным чтениям отдельных мест памятника, выдвигаются предложения, повторяющие уже известные ранее конъектуры.

Далека от своего завершения и работа по критике текста «Слова...». Некоторые «темные места» до сих пор окончательно не «просветлены» и оставляют возможности для дальнейших разысканий. Отдельные фрагменты текста, имеющие осмысленное прочтение, иногда требуют исправлений по причинам языкового характера. По существу, не ставился вопрос о наличии интерполяций в дошедшем до нас тексте «Слова о полку Игореве»: лишь А. С. Орлов упоминает о нескольких глоссах, отмеченных им в мусин-пушкинской рукописи памятника, но его наблюдения могут быть продолжены. В современной литературе по «Слову...» практически не обсуждается возможность наличия в

тексте лакун — утрат отдельных его фрагментов. Иногда даже хорошо известные конъектуры нуждаются в дополнительных комментариях палеографического и филологического характера.

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы продемонстрировать и обсудить отдельные прочтения и возможные исправления текста «Слова о полку Игореве», вновь привлекая внимание исследователей к проблемам текстологии «Слова...». Разделяя осторожность в обращении с этим памятником, на необходимость чего уже неоднократно указывалось [Творогов 1977], мы все же не считаем возможным оставлять текст «Слова о полку Игореве» в неприкосновенности или даже ограничивать «темными местами» проблематику работы.

Обратимся к тексту «Слова о полку Игореве».

...начати старыми словесы трудных повѣстий о пълку Игоревѣ... (1) В тексте явный пропуск: глагол *начати* не имеет прямого дополнения, которое требуется по смыслу. Некоторые комментаторы (С. П. Обнорский, В. И. Стеллецкий [Обнорский 1960: 66; Стеллецкий 1981: 239]) видят в словосочетании *трудных повѣстий* форму родительного падежа в значении родительного партитивного, которая зависит от глагола *начати*. Это, однако, неправдоподобно, а другие примеры, иллюстрирующие употребление в «Слове...» родительного партитивного, сомнительны. Словосочетание *трудных повѣстий* относится к словосочетанию *старыми словесы* и имеет форму родительного падежа принадлежности. Утраченное прямое дополнение при глаголе *начати* легко восстанавливается по началу следующего предложения: *Начати же ся тѣмъ пѣсни*, из чего следует, что сочинение автора уже было названо ранее, причем названо именно песнью, иначе в тексте не было бы указательного местоимения *тѣмъ*.

Помняшетъ бо речь първыхъ временъ усобицѣ (3). Обычно предлагаемое и встречающееся во многих изданиях исправление *речь* на *рече* с рассмотрением полученной глагольной формы (форма аориста 3-го л. ед. ч.) как вводного слова, по нашему мнению, избыточно. Существительное *речь* выступает здесь как прямое дополнение при глаголе *помняшетъ*. Отметим, правда, что при таком чтении написание *речь* в данном случае будет отражать смещение *ѣ* и *е*, однако на такую мену гласных в мусин-пушкинской рукописи «Слова...» обратил внимание Л. А. Булаховский [Булаховский 1978: 442].

...иже истягну умъ крѣпостию своею, и поостри сердца своего мужествомъ (5). Неясны грамматические связи внутри фразы. В. И. Стеллецкий считает, что *поостри сердца* — это, как и в случае с *трудных повѣстий*, родительный партитивный [Стеллецкий 1981: 239], что невероятно (ср. рядом *умъ* в форме винительного прямого объекта). Наиболее приемлемым из объяснений и переводов этого

места представляется указание А. А. Потební на то, что форма *умь* употребляется в качестве объекта одновременно при двух глаголах, а форма *сердца* зависит от формы мужествомъ (родительный принадлежности). Перевод «...который выпрямил ум твердостью своей и наострил (его) мужеством своего сердца» позволяет допустить, что в тексте могло быть пропущено энклитическое местоимение. Восстановливаемый текст *и поостри ѥ сердца своего мужествомъ* отвечает нашему переводу, а искажение его объясняется, как и во многих других случаях, гаплографией [Булаховский 1978: 481, 493].

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. ...а любю испити шеломомъ Дону (5—6). Как известно, многие исследователи — А. И. Соболевский, В. Н. Перетц, Н. К. Гудзий, И. П. Еремин, Б. А. Рыбаков — считают, что данный отрывок текста находится не на своем месте, и переставляют его далее, после первого употребления формулы *ищучи себѣ чти, а князю славу* (8). Такая перестановка обосновывается соображениями композиционного характера и объясняется тем, что данный фрагмент текста мог быть написан на одном листе рукописи, а впоследствии выпавший лист попал не на свое место. Однако, во-первых, предлагаемая перестановка не восстанавливает строго хронологической последовательности событий и не спасает от того, что о солнечном затмении в «Слове...» говорится дважды (далее *Солнце ему тьмою путь заступаше*); во-вторых, аргументы палеографического характера неубедительны: в реконструкции В. Н. Перетца получается, что данный отрывок занимает не лист, а одну сторону листа (см.: [Перетц 1926а: 97]). Предположение, что последовательность текста «Слова...» могла быть нарушена не в результате выпадения листа, а в результате пропуска страницы при переписке, останется недоказанным. Считаем, что данная перестановка является недостаточно аргументированной, и не можем принять ее.

Пѣти было пѣсь Игореву, того (Олга) внуку (6). Форма *Олга* в скобках — вероятно, добавление издателей, отражающее их собственное понимание текста. Однако, скорее всего, речь здесь идет о самом Бояне, названном далее Велесовым внуком.

...свистъ звѣринъ въ стазби (9). То, что в первом издании словоделение явно ошибочно, не вызывает сомнений. Единодушно признается, что следует читать *свистъ звѣринъ въста...* Вслед за Н. С. Тихонравовым, В. Н. Щепкиным, А. С. Орловым мы считаем, что следующее далее *зби* — это внесенная в текст маргиналия *зри*, стоявшая на полях какой-то рукописи «Слова...» и относившаяся к слову *дивъ*. «Перевернутое» *р*, сходное с *б*, характерно для скорописных почерков конца XVI—начала XVII в. — того времени, которым обычно датиру-

ется мусин-пушкинская рукопись «Слова о полку Игореве». Напомним, что мусин-пушкинский сборник, содержащий «Слово...», не мог быть составлен ранее 1617 г. [Творогов 1976: 137—138]. Из иных исправлений этого места заслуживает упоминания изящная конъектура В. Ф. Ржиги *ста близъ* [Ржига 1950].

Уже бо бѣды его насетъ птицъ: подобію... (9). Исправление *по дубію* с изменением пунктуации первого издания, безусловно, должно быть принято. Искажение текста легко объясняется: в диграфе *оу* не был выписан второй знак. Чтение П. В. Владимирова и В. А. Яковлева *подъ облакы*, основанное на соответствующем месте «Задонщины» (см.: [Перетц 1926а: 176]), плохо согласуется с астрономическим временем описываемых событий. В данном отрывке действие происходит ночью, следовательно, скорее всего, птицы сидят на деревьях, а не летают под облаками.

...вльци грозу въ срожатъ, по яругамъ (9). Даже после того, как Л. А. Булаховский привел к форме *въсрожатъ* параллель из польского языка [Булаховский 1978: 483], а В. А. Козырев отыскал в брянских говорах лексему *всраиить* ‘разбередить’ [Козырев 1976: 96], продолжает привлекать к себе внимание конъектура И. М. Снегирева и Ф. Е. Корша *ворожатъ*. Искажение текста могло возникнуть вследствие того, что в мусин-пушкинской рукописи «Слова...» или в ее непосредственном оригинале слово *ворожатъ* было написано с омегой и неверно прочитано переписчиком мусин-пушкинской рукописи или ее издателями.

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влькомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому (11) Появление половецкого имени *Гзакъ* в форме с конечным *-къ* представляет собой одну из загадок текста «Слова...», так как подобная форма в летописях не встречается. К. Г. Менгес полагает, что вариант *Гзакъ* появился в тексте «Слова...» под влиянием аналогии с именами *Кончакъ*, *Кобякъ* [Менгес 1979: 115]. Однако, по-видимому, в этом месте текста такой вариант мог появиться и по другой причине — в результате повторения предлога *къ* из словосочетания *къ Дону великому* из-за пропуска строки рукописи при переписке. Предлог *къ* отстоит от имени *Гза / Гзакъ* на 41—42 знака: весьма вероятно, что длина строки одного из протографов мусин-пушкинской рукописи «Слова о полку Игореве» была равна 42—44 знакам (подробнее см. ниже).

Рускыя плъкы отступиша (13). Перевод первого издания «войско русское подалось назад» ошибочен, ошибочна и его пунктуация. Форма *плъкы* — это форма не именительного, а винительного падежа. Издатели, по-видимому, не вполне верно прочитали написание *оступиша* с омегой, приняв последнюю за лигатуру «от», или эта лигатура в данном случае имела в рукописи на месте омеги.

...звонъ слыша давныйъ великийъ Ярославъ сынъ Всеволожь: а Владиміръ по вся утра уши закладаше (15). Из текста невозможно понять, о каком именно историческом лице здесь идет речь: оба имени стоят в форме притяжательных прилагательных. Мнения комментаторов здесь разделились. Одни — М. А. Максимович (1837), А. А. Потебня, В. Н. Перетц, Д. С. Лихачев — вслед за Н. Ф. Грамматиным и П. Бутковым читают: *...Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владиміръ...* Другие — И. М. Снегирев, Д. Н. Дубенский, М. А. Максимович (1859), П. П. Вяземский, О. Огоновский, Вс. Миллер, Н. С. Тихонравов, Е. В. Барсов, Ф. Е. Корш, А. С. Орлов, И. П. Еремин, В. И. Стеллецкий, Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов — читают: *Ярославъ сынъ Всеволодъ*. Второе чтение нам представляется бесспорным. В летописном некрологе («Повесть временных лет» под 1093 г.) Всеволод Ярославич назван великим: *...преставися великийъ князь Всеволодъ, сынъ Ярославъ, внукъ Володимеръ...* Таким образом, Всеволод Ярославич является вторым после Ярослава Мудрого киевским князем, которого летопись именует великим. Княжение Всеволода Ярославича — это период интенсивных княжеских междоусобиц, а именно о них идет речь в рассматриваемом отрывке «Слова о полку Игореве» далее. Известно, что Ярослава Мудрого в это время уже не было в живых, а видеть здесь «поэтическую вольность» автора «Слова...» мы не считаем возможным.

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Канину зелену наполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя (15—16). Править форму на *Канину*, заменяя ее формой на *Канинѣ* [Стеллецкий 1981: 95], думается, нет необходимости, так как формы местного падежа на *-у* возможны. Сложнее разобраться в синтаксических связях внутри этой фразы. Получается, что если дополнением при глаголах *приведе* и *постла* является словосочетание *Бориса Вячеславлича*, то слова *зелену наполому* просто выпадают из текста. Если дополнением при глаголе *постла* является словосочетание *зелену наполому*, то теряется всякая, даже смысловая, связь между двумя простыми предложениями: «А Бориса Вячеславлича слава на суд привела и на Канине зеленый плащ постлала». Возможны две поправки: *и на Канину на зелену наполому постла*, т. е. «и на Канине на зеленый плащ (его) разостлала», либо: *и на Канину зелену наполому ему постла*. В обоих случаях можно предполагать описки гаплографического характера. Вторая конъектура нам кажется предпочтительнее.

Ничить трава жалощами, а древо с туюю къ земли преклони-лось (19); *...древу с туюю къ земли прѣклонило* (43). Перевод первого издания «от печали» говорит о том, что издатели опознали в этих контекстах слово *туга*. Исправления *съ туюю* стали общепринятыми, но они не обосновывались специально.

Некоторые особенности языка «Слова о полку Игореве» и уже известные заведомые ошибки мусин-пушкинского списка «Слова...» заставляют нас предложить иное решение. Во-первых, известно, что в «Слове о полку Игореве» широкоупотребительными являются формы беспредложного творительного причины — возьмем для примера хотя бы первые части формул *ничить трава жалощами, уныша цветы жалобою* и др. Во-вторых, как можно заметить, возвратные глаголы с *ся* в постпозиции довольно редко помещаются в тексте «Слова о полку Игореве» в конце синтагмы — можно отметить только случаи *въсплакашась* (20) и *скратишась* (17). В-третьих, во втором примере *ся* вообще отсутствует. На основании совокупности всех перечисленных фактов можем предложить иное чтение: *древо ся тугою къ земли преклонило*. В таком случае постпозитивное *ся* в первом из примеров может быть результатом такой же описки, как повторение *ся* в фразе *Вежи ся половецкii подвижашася* (40). Данное чтение в большей степени соответствует языковым особенностям памятника, чем чтение *съ тугою*.

...плещуци, убуди жирня времена (19). Поправка А. А. Потебни *упуди*, поддержанная В. Н. Перетцем и А. С. Орловым, безусловно, должна быть принята. Обращаем внимание, что другая префиксальная форма того же самого глагола — *роspудити* ‘*распугать, разогнать*’ также не была опознана, ср. *лебеди роspущени* (9). Искажение текста объясняется прежде всего ошибками рукописи. Скорее всего, обе эти формы были искажены писцом мусин-пушкинской рукописи или каким-то другим переписчиком.

Усобица Княземъ на поганяя погыбе (19). Общий смысл «*борьба князей против поганых прекратилась*» выявляется не без труда. Необычная сочетаемость лексем — *Усобица... на поганяя, усобица... погыбе* и форма *княземъ* в значении дательного принадлежности, не характерная ни для «Слова...», ни для других древнерусских памятников, позволяет думать, что в данном месте лакуна или неисправимая порча текста.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера... (23). Споры вызывает пунктуация: исследователи расходятся в том, куда относится словосочетание *въ Кіевѣ на горахъ* — входит ли оно в авторскую речь или же открывает собой монолог Святослава. Есть все основания читать текст следующим образом: *А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ. «Въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахуть мя, рече...»* Во-первых, при этом чтении не возникает противоречий «Слова о полку Игореве» с известным сообщением Ипатьевской летописи о том, что в данное время Святослава в Киеве не было: *В то же время великий князь Всеволодичъ Святославъ шель бяшетъ в Ко-*

рачевъ и сбираеть от Вѣрхнихъ земель вои... — ибо место, где Святослав видит свой вещий сон, оказывается неназванным. Во-вторых, погребальный обряд над умершим или погибшим великим князем Киевским, как мы знаем из того же «Слова о полку Игореве», должен был совершаться именно в Киеве (ср. рассказ о погибшем на Нежатиной Ниве Изяславе Ярославиче, который был похоронен в Киеве). Такой порядок слов в предложении, при котором в начале предложения стоит обстоятельство места или времени, для «Слова о полку Игореве» является обычным.

...у *Плѣсънска на болони бѣша дебрь Кисаню и не сошлю къ си-
нему морю* (23—24). Место очень темное, до сих пор не получившее окончательного истолкования. Наличие в тексте глагольной формы аориста 3-го л. мн. ч. *бѣша* побуждает принять как единственно верную поправку А. А. Потебни *бѣша дебри Киянѣ* [Потебня 1914: 81]. Уже А. Ф. Вельтман, М. А. Максимович и А. Ф. Гильфердинг исправляли *не сошлю на несошася*, что не вызывает возражений. Эти чтения все-таки, думается, можно обосновать палеографически: буква *с* могла быть похожа на вертикальную черту, и написание йотированного *а* оказалось прочитанным как *са*. Достаточно правдоподобным является и предположение, что в мусин-пушкинской рукописи «Слова...» начертания *ia*, *ѣ* (с далеко заходящей влево спинкой) и *ю* были сходны друг с другом.

...два солнца помѣркоста, оба багряная стлѣна погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тѣмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыва: по Руской земли прострошася Половци; аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови (25). Со времени М. А. Максимовича слова *и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови* переставляются в другое место и помещаются после слова *поволокоста* — самая необходимость перестановки, вызываемая согласованием ряда глаголов друг с другом по двойственному числу, ощущается весьма явственно. Вполне понятно, что переносимый фрагмент помещался после последней — до образовавшегося разрыва — формы двойственного числа из встретившихся ранее. О причинах возникшей в дошедшем до нас тексте «Слова...» перестановки обычно ничего не говорится. Логичнее всего предположить, что последовательность текста оказалась нарушенной в результате пропуска целиком одной строки, которая была вписана позднее, причем эта ошибка переписчика сохранила, таким образом, для нас формат одного из протографов мусин-пушкинской рукописи «Слова...». Строка этого протографа насчитывала 42—44 знака (флексия в *подасть* в мусин-пушкинской рукописи была, скорее всего, написана над строкой, что и послужило

причиной появления данного написания вместо закономерного *подаста*). Эти цифры близки тому результату, который был получен при рассмотрении формы *Гзакъ*, и едва ли такое сходство результатов может быть случайностью. Естественно было бы ожидать, что пропущенная строка окажется вписанной в текст после отрывка, равного целому числу строк. Фрагмент, разорвавший текст, если принимать ставшее общепринятым исправление, оказывается меньшим, чем 2 строки рукописи. Напрашивается иное предположение: пропущенная строка рукописи располагалась после слова *погасоста*. Тогда получается, что эта строка была вписана ровно через три строки — от слова *погасоста* до начала возвращаемого на место отрывка насчитывается 134 знака. Восстановленный текст читается так: *два солнца помѣркости, оба багряная стѣгна погасоста и въ морѣ погрузиста и великое буйство подаста Хинови, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тѣмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыла...*

Скорее всего, эта ошибка принадлежит писцу мусин-пушкинской рукописи, следовательно, мы располагаем сведениями о ее непосредственном оригинале. Если бы она принадлежала какому-то из более ранних списков «Слова о полку Игореве», то текст мог быть исправлен в отношении грамматических форм и возникшую путаницу было бы трудно обнаружить.

Олегъ и Святъславъ. Мы должны присоединиться к мнению тех исследователей (А. А. Потебня, С. К. Шамбинаго, А. С. Орлов, И. П. Еремин, Л. А. Творогов, Р. О. Якобсон), которые считают эти имена внесенной в текст глоссой, принадлежавшей одному из списков «Слова...», когда имена его персонажей уже не были широко известны. Подобная глосса могла появиться во второй половине XIII в. или позднее, но эти имена должны были присутствовать в восстанавливаемом нами оригинале мусин-пушкинской рукописи, иначе представленные выше расчеты теряют последовательность. Вряд ли эти имена принадлежали оригиналу «Слова...» — ведь Олег, младший сын Игоря, не мог принимать участия в походе, так как был еще слишком юн; летописных известий о его участии в походе нет.

А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями, съ Могуты и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчаки, и съ Ревугы, и съ Ольберы. Ти бо бес щитовъ, съ засапожники кликомъ плѣкы побѣждають, звонячи въ правдѣдную славу (26—27). Последняя фраза приведенного отрывка вряд ли может относиться к перечисленным выше тюркским племенам, находящимся в зависимости от Чернигова. Не совсем ясно также, о какой «*праведней славе*» может идти речь. *Засапожники* —

ножи, носимые за голенищем, были оружием русских пехотинцев, но не кочевников-тюрков, которые носили ножи в ножнах у пояса. По-видимому, в тексте лакуна.

*Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ... на кровавѣ травѣ при-
трепанъ Литовскими мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ* (34). Последняя фраза лишена какого бы то ни было смысла. Ссылки на то, что *кровать* здесь — символ брачного ложа, часто связываемого в фольклоре со смертью, не заслуживают серьезного внимания, так как подобная аллегория противоречила бы поэтике «Слова...». Считаем необходимым принять исправления М. И. Маньковского, Н. К. Грунско-го и М. В. Щепкиной: *исходи юна кровь, а тѣй рекъ*, положительно оцененные Л. А. Булаховским [Булаховский 1978: 486, примеч. 1; 510]. Это чтение в наибольшей степени соответствует смыслу всего контекста. Из других конъектур заслуживает внимания основательно забытая конъектура В. Н. Перетца: *и се хоти юна (на) крови ти рече* [Перетц 1926а: 119]. Заметим, впрочем, что в исландских сагах — «Саге о Гисли», «Саге о Греттире» — герой перед смертью сам произносит вы-сы — стихотворные строфы, близкие по стилю фразе, сказанной умирающим Изяславом Васильковичем.

Ярославе и вси внуце Всеслави (34). О каком из князей, носив-ших имя Ярослав, здесь может идти речь, непонятно, Ярослав Галиц-кий и Ярослав Всеволодович Черниговский в тексте «Слова...» уже были названы ранее. М. И. Маньковский и Д. С. Лихачев предложили читать *Ярослави* — «Ярославичи», потомки Ярослава Мудрого, кото-рые здесь все вместе противопоставляются полоцким князьям — вну-кам Всеслава Полоцкого, потомкам Изяслава, старшего брата Яросла-ва Мудрого. Наряду с формой *Ярослави* в тексте была возможна и форма *Ярославе*, в этом случае исправление совсем незначительно.

...сходи влъкомъ до Нemiги съ Дудутокъ (35). Ввиду того что то-поним Дудutki до сих пор не имеет определенного приурочения, а указания Н. М. Карамзина на монастырь под Новгородом и Н. П. Барсова на местность под Киевом могут быть основаны на тексте «Слова о полку Игореве» как на историческом источнике. В качестве альтернативного решения принимаем конъектуру Р. О. Якобсона *сѣду токъ* — ‘подготовил ток’ [Якобсон 1958: 106, 120]. Хотя формула *дуть ток* в фольклоре пока не обнаружена, сам текст «Слова...» мо-жет давать основания для ее восстановления. Искажение первоначаль-ного текста «Слова...» объясняется как диттография — повторение одного и того же слога *ду*.

Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше (36—37). В. Ф. Миллер, А. А. Потебня, А. И. Смирнов, Е. В. Барсов, В. Н. Перетц и последующие комментаторы приняли поправку *въ*

дръзѣ тѣлѣ ‘храбром, дерзком, смелом’. Л. А. Булаховский пишет: «Если, однако, принять недавно сделанную ссылку на выражение скальдов *eigi einhamr* „у кого больше одной оболочки“, т. е. тела, то данную конъектуру можно оспаривать» [Булаховский 1978: 490]. Если выражение *eigi einhamr* означает ‘оборотень’, все же не вполне понятно, почему вещая душа Всеслава помещается в «другом» теле. Отклонить ставшую традиционной конъектуру, думается, было бы преждевременно.

Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божіа не минути (37). **Птицю** здесь явно не подходит: текст лишается смысла. Поправка Л. А. Булаховского **пытьцю** ‘колдуну’ [Булаховский 1978: 490] снимает все противоречия.

Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою; велить Князю разумѣти (40). После того как комментаторы отказались от пунктуации первого издания, что само по себе было оправданно, понимание этого места стало затруднительным. Смысловые связи в тексте нарушены: подзывание коня свистом (при уникальном употреблении глагола **свиснути** в переходном значении) вряд ли могло служить условным сигналом, подаваемым Игорю, так как Игорь, находившийся в шатре под охраной половцев, не мог знать, кто именно и зачем свистит за рекой. Принимаем исправление М. И. Маньковского и Л. А. Булаховского **комоньнъ** ‘конный’ [Булаховский 1978: 487]. Отмеченная выше трудность интерпретации снимается: Овлур, уже с конями, свистит за рекой, подавая условный сигнал Игорю. Искажение первоначального текста, как и во множестве других случаев, объясняется гаплографией.

Князю Игорю не быть (40). Смысл этой реплики ясен, однако текст, как полагает С. П. Обнорский [Обнорский 1960: 59], испорчен, так как формы инфинитива на **-тъ** для языка «Слова...» нехарактерны. Предложить какое-либо исправление, по-видимому, невозможно.

...Тогда Влуръ влъкомъ потече (41) Варианты имени Овлурь/Влурь труднообъяснимы с учетом особенностей передачи половецких антропонимов в древнерусских памятниках: известно, что наличие двух согласных в начале слова противоречит законам фонетики тюркских языков. К. Г. Менгес приводит несколько этимологий этого имени [Менгес 1979: 92—93], причем при этимологизации в качестве исходного может быть выбран как один, так и другой вариант. В любом случае при объяснении одного варианта появление другого останется непонятным. Интересную поправку предложил в свое время Ф. Е. Корш: **тогда (О)влуръ** (см.: [Перетц 1926а: 316]). Возможно даже, что в каком-то списке могло читаться **тогда Авлуръ...** Хотя здесь исправление не является необходимым для правильного прочтения и понимания текста, считаем, что нарушения орфографии памятника должны находить объяснение и подвергаться правке.

...чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ (42). А. А. Потебня, а вслед за ним и В. Н. Перетц [Перетц 1926а: 318] предлагают перестановку слов: *чрънядьми на струяхъ, чайцами на вѣтрѣхъ*, объясняя свое решение тем, что чайки обычно не плавают, а летают над водой, утки же, наоборот, плавают по воде. Мы не можем согласиться с этой перестановкой, так как ее объяснение верно лишь на первый взгляд. Фраза *чрънядьми на ветрѣхъ* становится понятной, если иметь в виду, что действие происходит в конце лета или в начале осени, когда утки, собравшись в стаи, начинают лететь к югу. Чайки в поисках добычи действительно летают над мелкими местами с быстрым течением, но тогда, когда они садятся на воду, они держатся крайне осторожно, взлетая сразу же, как только человек приблизится к берегу.

Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожръши чужжи ручьи, и стругы ростре на кусту? (42) Последние слова явно лишены смысла. Уже М. А. Максимович читал *растрѣна къ усту* [Перетц 1926а: 320], его поддержали другие комментаторы (Н. С. Тихонравов, В. А. Яковлев, А. В. Лонгинов, С. К. Шамбинаго и др.). Вс. Миллер предложил читать *простре на кусту*, что поддержал и В. Н. Перетц, однако это чтение приемлемо только в том случае, если слово *стругы* понимать как 'суда, ладьи'. Это маловероятно. Слово *стругы* в значении 'струи, потоки' отмечает и сам В. Н. Перетц, приводя примеры из других древнерусских памятников [Перетц 1926а: 320]. Слово *струга* 'струя' обычно для южнославянских памятников XVI—XVII вв. [Котков 1961: 68—69].

Уношю Князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ (42). Уже П. П. Вяземский и А. А. Потебня исправили *князю Ростиславу на князя Ростислава*: ошибка в какой-то рукописи вызвана морфологической аналогией с формой *уношю*. М. А. Максимович, Вс. Миллер, А. А. Потебня читали вместо *Днѣпръ — затвори днѣ при темнѣ березѣ*, этого же мнения придерживается М. В. Щепкина. Форма *Днѣпръ* появилась явно под влиянием предшествующего упоминания в тексте Днепра, она нарушает общую картину противопоставления двух рек. Если отнести группу *Днѣпръ темнѣ березѣ* к последующей фразе *Плачется мати Ростиславля*, как иногда читают, то получится, что глагол *затвори* утратил необходимое по смыслу обстоятельство места.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца старого времени Ярославля Ольгова Козаня хоти (44). Предложенное И. Е. Забелиным исправление *Ходына* поддерживается большинством современных комментаторов, хотя иногда высказываются и сомнения (М. В. Щепкина, Л. А. Булаховский). Чтение «Ходына» хорошо согласуется с теми формами двойственного числа, которые встречаются далее — *пѣст-*

ворца и Ольгова Коганя хоти. Сомнения исследователей понятны: ничего кроме предположительно восстанавливаемого имени нам о со товарище Бояна по песенному искусству не известно. Известно, правда, что в древнегерманской поэтической традиции сохранились отголоски исполнения поэтических произведений двумя певцами [Стеблин-Каменский 1979: 67; Шарыпкин 1973: 195—201]. В одном из «Мы со Скиллингом возгласили / Голосами чистыми / Зычно пред хозяином / Песносказанье наше» [Древнеанглийская поэзия 1982: 20]. Комментарий к этому тексту представляет большой интерес для исследования «Слова о полку Игореве», так как подсказывает нестандартное решение вопроса: интерпретаторы «Видсида» расходятся во мнениях относительно того, кому принадлежит имя Скиллинг — второму исполнителю или же музыкальному инструменту певца [Древнеанглийская поэзия 1982: 259]. Оставляя вопрос об истолковании текста «Слова о полку Игореве» открытым, чтение *и Ходына*, безусловно, является наилучшим из предложенных.

...слава Игорю Святъславлича, Буй-туру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу (46). Во-первых, в тексте нарушены грамматические связи: нет согласования отчеств с именами и имени Всеволодъ с прозвищем Буй-туру; во-вторых, имеются варианты оформления этих форм по Екатерининской копии — *Святъславличъ, Всеволоде, Игоревичъ*. Вряд ли и отсутствие согласования, и вариантность являются случайными, и простое приведение текста к грамматической норме представляет собой оптимальное решение. Весьма вероятно, что во всех трех случаях мы встречаемся с внесенными в текст глоссами, поясняющими имена и прозвища *Буй-туръ*. Формы, встретившиеся в источниках текста, — винительный падеж (кого?), местный падеж (о ком?) и именительный падеж (кто?) вместо требующегося по смыслу дательного делают данное предположение более чем правдоподобным. Таким образом, текст восстанавливается в следующем виде: *Слава Игорю, Буй-туру, Владиміру*. При этом напрашивается вопрос, какому Владимиру провозглашается здесь «слава» — Владимиру Игоревичу или Владимиру Глебовичу Переяславскому, третьему и последнему из князей, принимавшему участие в битвах 1185 г., — вопрос, который имеет принципиальное значение для датировки создания «Слова о полку Игореве» и который заслуживает отдельного обсуждения.

Последний случай заставляет вспомнить еще о некоторых прозвищах и отчествах князей, встречающихся в «Слове...». Форма *Осмомыслѣ* в обращении *Галичкы Осмомыслѣ Ярославѣ* (30) фактически представляет собой форму не звательного, а местного падежа. Предполагать смещение *ѣ* и *е* в формах звательного падежа у нас нет оснований — из 25 случаев употребления звательного падежа в 22 приме-

рах мы находим закономерное *е* и в трех — *Всеволодѣ* (13), *Осмомыслѣ* (30) и *вѣтрѣ* (38) — встречается *ѣ*, которому во всех случаях соответствует в Екатерининской копии *е*. В этих случаях *ѣ* в тексте первого издания мог появиться только из рукописи, так как формы звательного падежа в XVIII в. представляли собой живой факт русской грамматики. Скорее всего, писец Екатерининской копии сознательно или бессознательно исправил «ошибки» рукописи, унифицировав написания. Любопытно, что все три формы, перечисленные выше, повторяют другие наименования или оказываются повторенными (ср.: *Ярь туре Всеволодѣ, Осмомыслѣ Ярославе, вѣтрѣ, вѣтрило*) и называются как бы избыточными. Прозвище *Осмомыслъ* по другим источникам неизвестно. Нам кажется, что оно могло существовать в узусе читателей «Слова...», но едва ли могло попасть в авторский текст. То же, пожалуй, можно сказать и по поводу другого прозвища — *при Олзѣ Гориславличи* (16), которое не соответствует авторскому именованию Олега Святославича, встречавшемуся в тексте «Слова...» ранее, и которое также является уникальным в отношении этого князя.

Соображения по поводу прочтения и интерпретации отдельных мест текста «Слова о полку Игореве» могут показаться слишком смелыми и излишне скептическими по отношению к дошедшему до нас тексту памятника. Однако при оценке тех или иных поправок к тексту «Слова о полку Игореве» следует принимать во внимание не степень сохраняемости текста, а необходимость того или иного предлагаемого исправления и степень его аргументированности. Задача восстановления авторского текста «Слова...» диктуется самой логикой развития науки о «Слове о полку Игореве», и она отнюдь не представляется неразрешимой. Работа по восстановлению текста «Слова...» по мусин-пушкинской рукописи, которая иногда считается единственно возможной из задач реконструкции текста «Слова о полку Игореве» [Творогов 1975а: 199—200], в основном уже выполнена (см. исследования Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова). Текст первого издания «Слова о полку Игореве» с разночтениями по другим источникам уже не может полностью удовлетворить исследователей, тем более — текст без полного свода комментариев, который учитывал бы различные точки зрения. Когда такой свод комментариев будет подготовлен, несовершенство текста первого издания с разночтениями по источникам станет очевидным. Идеальным решением проблемы была бы публикация одновременно двух различных текстов «Слова...» — текста первого издания с разночтениями по источникам как основания для научной интерпретации текста и восстановленного авторского текста с основными конъектурными поправками, вынесенными в подстрочные примечания, и сводом поправок в комментарии. Опытом та-

кого рода издания может служить издание В. Н. Перетца, с появлением нового подобного издания изучение «Слова о полку Игореве» продвинется далеко вперед.

К разгадке тайны так называемого «олонецкого списка» «Слова о полку Игореве»

Все согласны с тем, что «Слово о полку Игореве» представляет собой поистине уникальный памятник древнерусской литературы домонгольского периода. Уникальность его разноаспектна — она заключена и в том, что «Слово...» является редким из известных нам образцом светской ораторской прозы, имеющим жанровые связи с летописями, воинскими повестями, восточнославянским фольклором и фольклором степных народов, и в том, что оно дошло до своих издателей в единственном списке в рукописи сложного состава и эта рукопись позднее оказалась утраченной, что уже в течение длительного времени дает кому-то шанс оспаривать подлинность этого списка. Все, что удалось найти в архивах, — это так называемая Щукинская рукопись «Слова о полку Игореве», в которой, однако, мы находим больше следов различных изданий «Слова...» XIX в., нежели признаков того, что она списана с какой-то древней копии «Слова...» или переписана из мусин-пушкинской тетради [Гаврюшин 1986; Творогов 1995к].

Так называемый «олонецкий список» «Слова...» представляет собой самый интригующий сюжет в археографии «Слова о полку Игореве». Кажется, единственная публикация, посвященная этой археографической загадке «Слова о полку Игореве» в последние 30 лет — это статья В. Семенова, опубликованная в 1989 г. в литературном журнале «Север» [Семенов 1989].

Бесспорной заслугой автора данной статьи является то, что он смог обозреть весь круг лиц из числа жителей Петрозаводска, кто мог знать о существовании «олонецкого списка» «Слова...», а также расспросить их потомков о таинственной рукописи. Но ни К. Ф. Филимонов, упоминаемый Л. А. Твороговым, ни В. Ф. Снитко, преподававший в той же семинарии, ни А. Н. Капусткин, основательно занимавшийся историей Петрозаводска, ни Д. В. Островский, который до своей кончины имел как минимум полтора года на то, чтобы объявить о сенсационной находке (при том что он оставался практически единственным обладателем уникальной рукописи!), сами не упоминали о каком-либо списке «Слова...». Рассказы о загадочной рукописи «Слова...», собранные В. Семеновым, частично противоречат как друг другу, так и тому, что мы знаем о ней из публикаций Л. А. Творогова.

Есть в этой статье и неосторожная фраза самого В. Семенова: «Откуда взялся и куда пропал рукописный хронограф, в составе которого находилось „Слово о полку Игореве“, остается неясным» [Семенов 1989: 118]. Ни один из источников информации, которые использует автор данной статьи, не говорит о том, что «олонецкий список» «Слова...» был включен в хронограф.

Наконец, не может соответствовать действительности присутствующее в статье предположение В. Семенова, что И. Е. Троицкий рассказывал о таинственной рукописи «Слова...» А. И. Соболевскому как своему студенту [Семенов 1989: 118] — дело в том, что Алексей Иванович Соболевский (1857—1929) окончил Московский университет в 1878 г., т. е. ко времени встречи с И. Е. Троицким он уже не был студентом, а в свои студенческие годы вообще не был петербуржцем.

Обратимся к тем фактам, которые можно считать бесспорными и на которые мы можем опираться, научно подходя к рассмотрению проблемы «олонецкого списка» «Слова о полку Игореве».

По сути, все, что мы знаем об «олонецком списке» «Слова...», сообщено нам в одном-единственном источнике — в примечании Н. М. Каринского к его до известной степени культовой статье «Мусин-пушкинская рукопись „Слова о полку Игореве“ как памятник псковской письменности XV—XVI вв.», вот оно: «В заседании Общества любителей древней письменности, где читался настоящий реферат, проф. А. И. Соболевский сообщил любопытное сведение об исчезнувшем уже в настоящее время одном из списков Слова о полку Игоря. Лет 20 тому назад проф. А. И. Соболевскому рассказывал проф. И. Е. Троицкий, что преподаватель словесности Олонецкой духовной семинарии, показывая в классе ученикам, в числе которых тогда был и И. Е. Троицкий, старую рукопись, сказал: *„Вот здесь содержится другой список Слова о полку Игореве, гораздо более подробный, чем тот, который напечатан“* (курсив наш. — А. Б.). Когда впоследствии И. Е. Троицкий приехал в Петрозаводск, преподаватель, сообщавший о списке „Слова о полку Игореве“, уже умер, и И. Е. не мог найти следов рукописи, о которой он слышал в семинарии» [Каринский 1916: 212, примеч. 1].

Обращаем внимание — это все, что мы знаем об «олонецком списке» «Слова...», причем, стоит заметить, даже наш первоисточник содержит информацию, передаваемую из третьих рук, ибо все остальные сообщения об «олонецком списке» «Слова...» основываются на этом примечании к статье Н. М. Каринского и тем самым не имеют ценности оригинальных источников, или же восходят к итогам деятельности тех исследователей, которые основывались в своих разысканиях на данном сообщении.

Иван Егорович Троицкий, единственный человек, который свидетельствовал, что сам видел «олонецкий список» «Слова...», родился в 1834 г. в Пудожском уезде Олонецкой губернии, воспитывался в Каргопольском духовном училище и олонецкой семинарии, окончил Духовную академию в 1859 г. [Энциклопедический словарь 1901, т. 33б: 578—579]. После этого И. Е. Троицкий с 1859 по 1861 г. преподавал в Олонецкой семинарии логику, психологию, патристику и латинский язык, позже он стал профессором Санкт-Петербургской Духовной академии. Скончался И. Е. Троицкий 2 августа 1901 г. [Жукович 1901], следовательно, он мог рассказать об «олонецком списке» «Слова...» А. И. Соболевскому где-то в 90-е гг. XIX в.

Можно ли рассматривать известные нам слова преподавателя олонецкой семинарии «Вот здесь содержится другой список Слова о полку Игореве, гораздо более подробный, чем тот, который напечатан» как свидетельство того, что этот преподаватель (и уже неважно, был ли им Д. П. Ягодкин или Ф. С. Рождественский) располагал иным, «гораздо более подробным» списком «Слова...», чем тот, который был издан Мусиным-Пушкиным? Все те немногочисленные энтузиасты, кто обращали внимание на проблему «олонецкого списка» «Слова...», давали на поставленный вопрос положительный ответ. Отметим — именно слова «гораздо более подробный, чем тот, который напечатан» и создавали главную интригу для поисков исчезнувшей рукописи. Однако обращение к биографии единственного очевидца этого таинственного списка, профессора И. Е. Троицкого, как это ни парадоксально, заставляет отрицательно ответить на поставленный вопрос.

Как было сказано выше, И. Е. Троицкий окончил Духовную академию в 1859 г., следовательно, он учился в олонецкой семинарии в начале-середине 1850-х гг. Нам теперь известно из специальных исследований, посвященных изучению «Слова о полку Игореве» в учебных заведениях, что в это время в обиходе, соответственно, и на столах учеников находилась «Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языков» А. Д. Галахова, изданная в Москве в 1848 г. [Елеонская 1978: 167]. В этой хрестоматии текст «Слова о полку Игореве» напечатан *с сокращениями* [Галахов 1848: 53—56]. А это означает, что текст, «гораздо более подробный, чем тот, который напечатан», мог содержаться не в другой редакции «Слова...», а в любом печатном издании «Слова...», выпущенном в 1800—1840-х гг. Возможно, что «гораздо более полный» текст «Слова...» содержался в преподавательском конспекте Д. П. Ягодкина, и такие конспекты, надо полагать, имелись в изобилии, поскольку к началу XX в. мы имеем уже массу печатных учебных изданий «Слова о полку Игореве»,

которые выходили в свет во многих провинциальных городах¹. Таким образом, текст, *«гораздо более полный, чем тот, который напечатан»* мог содержаться не в другой редакции «Слова...», а в любом печатном издании «Слова...», выпущенном в 1800—1840-х гг. Следующая по времени учебная хрестоматия — «Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языков» Ф. И. Буслаева появилась только в 1861 г., т. е. в то время, когда И. Е. Троицкий уже сам был преподавателем олонекской семинарии.

Из всего сказанного следует, что фраза *«Вот здесь содержится другой список Слова о полку Игореве, гораздо более подробный, чем тот, который напечатан»*, которую запомнил И. Е. Троицкий, все-таки не свидетельствует о существовании рукописи «Слова...», которая могла бы превосходить своей полнотой известный нам текст мусин-пушкинского издания этого памятника. Наши наблюдения соответствуют предположениям М. Д. Каган-Тарковской, согласно которым в истории об Олонекском списке «Слова...» речь могла идти об учебных материалах по словесности, связанных с чтением и изучением «Слова...» [Каган-Тарковская 1993: 73].

В истории с «олонекским списком» «Слова о полку Игореве» имеется еще одна странность. Один из материалов, сообщающий об «оло-

¹ Возможно, что далеко не все из учебных изданий «Слова о полку Игореве», выходивших в разное время в различных городах, разысканы и включены в библиографические указатели. Так, в Библиотеке Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) имеются два литографированных издания с рукописным воспроизведением текста «Слова о полку Игореве» по изданию 1800 г.: на обоих изданиях не указаны ни место, ни время выхода в свет, и, насколько нам известно, в библиографиях по «Слову о полку Игореве» эти издания не учтены. В каталоге этой же библиотеки в 1980-е гг. имелась карточка на экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве», не учтенный в известной книге Л. А. Дмитриева об истории первого издания «Слова...» [Дмитриев 1960], однако эта единица хранения библиотеки числится утраченной с 1960-х гг. В 1980 г. автору данной статьи довелось увидеть в одном из букинистических магазинов Санкт-Петербурга фальшивый экземпляр мусин-пушкинского издания «Слова о полку Игореве» — в качестве первого раритетного издания «Слова...» покупателям предлагалось помещенное в любительский переплет репринтное издание «Слова...» М. С. Сабашникова (М., 1918) с оторванными началом и последними страницами. Продавцы фальшивки, видимо, не были осведомлены о том, что специалистам известны не только все без исключения репринтные издания «Слова...», но исследователи легко могут отличить один репринт «Слова о полку Игореве» от другого по характерным опечаткам и по бумаге, никоим образом не похожей на бумагу первого издания «Слова...». Как бы там ни было, этот факт оригинальным образом дополняет историю первого издания «Слова о полку Игореве».

нецком списке» «Слова...» и известный в литературе по археографии «Слова...» — это письмо Л. А. Творогова к академику М. Н. Тихомирову, опубликованное в 1948 г. на страницах журнала «Вопросы истории» [Творогов 1948: 134—136], — кстати, то самое, с упоминания которого начинается статья В. Семенова. В этом письме излагаются некоторые принципиально новые факты об истории «олонецкого списка» «Слова...», которые могли бы привлечь к себе внимание, и они привлекли внимание исследователей, по сути, как новый источник сведений о рукописи «Слова...». Однако пишущим на эти сюжеты остается неизвестным то, что отчет о поездке Л. А. Творогова в Петрозаводск, во время которой он собирал материалы об «олонецком списке» «Слова...», был опубликован еще в 1929 г. [Творогов 1929: 5—8]. И вот что странно и необъяснимо — в этой публикации мы не находим вообще ни одного упоминания о «Слове о полку Игореве», как будто бы «Слово...» вообще не интересовало автора во время его визита в Петрозаводск, и это обстоятельство абсолютно непонятно и необъяснимо. Почему Л. А. Творогов, опубликовавший в 1929 г. отчет о своей поездке по свежим следам, умолчал в нем о возможности отыскать рукопись «Слова...» и заговорил об «олонецком списке» «Слова...» только 20 лет спустя, остается без объяснения.

Итак, из сказанного следует, что, скорее всего, «олонецкий список» «Слова о полку Игореве» как отдельная рукопись, продолжающая традицию бытования этого памятника в древнерусской книжности, никогда не существовал. В тех обстоятельствах, которые вызвали к жизни филологическую легенду о нем, мог фигурировать только преподавательский конспект или рукописная копия с какого-либо печатного издания «Слова...» от 1800 г. примерно до 1845—1846 гг. Однако изучение наиболее близких к первоисточнику сообщений об «олонецком списке» «Слова о полку Игореве» позволило получить некие позитивные результаты.

Что касается так называемого «астраханского» списка «Слова...», который якобы видел на базаре в Астрахани в 1920-е гг. или в начале 1930-х гг. один из учеников акад. В. Н. Перетца и который, по романтическим предположениям тех, кто писал об этом, мог быть тождественным «олонецкому списку», то мы не располагаем на этот счет никакой заслуживающей внимания информацией (см.: [Каган-Тарковская 1993; Салмина 1995в: 45—46]). Сам В. Н. Перетц (1870—1935), кстати, живший в последние годы в ссылке в Саратове, в своих трудах нигде о таком событии не упоминает [Каган-Тарковская 1993: 73]. Не отмечен этот факт и ни в одной из достаточно многочисленных работ много занимавшейся «Словом о полку Игореве» супруги В. Н. Перет-

ца — Варвары Павловны Адриановой-Перетц, которая не могла бы не знать о таком событии, если бы оно имело место. Осталось неизвестным и имя того из учеников В. Н. Перетца, который видел эту рукопись «Слова...» на базаре в Астрахани, хотя кто-либо из молодых исследователей сам не преминул бы рассказать о таком событии еще в 1930-е гг. Самое же существенное заключается в том, что все рассказы об «астраханском» списке «Слова...» являются с очевидностью вторичными по отношению к истории «олонецкого списка» и время их рождения — это период между 1920-ми гг., когда Л. А. Творогов ездил в Петрозаводск, и 1948 г., когда он изложил их в письме М. Н. Тихомирову.

Интересный факт, о котором упоминает в рассмотренной выше статье В. Семенов, — это то, что в рассказе И. Л. Андроникова «Личная собственность» (1960) содержатся следующие указания: «Здесь... есть что искать ученому-следопыту: имеются сведения, что именно в окрестностях Астрахани в 1921—1922 годах в последний раз видели древний — XVI века — список „Слова о полку Игореве“, принадлежавший до революции Олонецкой духовной семинарии, а потом находившийся в руках преподавателя семинарии Ягодкина». Однако тут возникает масса вопросов. Кто определил с такой точностью время написания рукописи «Слова...»? Почему вдруг эта рукопись стала считаться собственностью Олонецкой семинарии и лишь позже попала в руки Ягодкина? Ведь он, как мы знаем, владел этой рукописью уже в 1840-е гг. Откуда в Астрахани стала известна фамилия преподавателя Олонецкой семинарии? Напрашивается мысль о том, что И. Л. Андроников воспроизвел — причем не совсем точно и, вероятно, через каких-то посредников (возможно, астраханских, но не обязательно) — сведения из публикации Л. А. Творогова.

В заключение нам остается сказать следующее. История об «олонецком списке» «Слова о полку Игореве» не оказывается красивой легендой, которая не имеет под собой реальной основы, но она представляет собой результат стечения определенных обстоятельств, которые в дальнейшем получили не вполне адекватное истолкование. Если исследователи предшествующих поколений были полны надежд найти новый список «Слова о полку Игореве», то мы оставляем эти надежды. Судя по всему, четыре текста мусин-пушкинской тетради — «Сказание об Индийском царстве», «Повесть об Акире», «Слово о полку Игореве». «Девгениево деяние» составляют наследие одного и того же автора, переводчика и составителя «Слова...». Как мы полагаем, даже порядок следования текстов в этой тетради соответствует хронологии их написания. Названные выше переводные повести известны в не-

большом числе списков, т. е. они переписывались мало, а «Слово...», историческое сочинение вне летописного контекста, и вовсе почти не интересовало переписчиков, пока на него не обратил внимание автор «Задонщины». Мусин-пушкинская тетрадь, таким образом, может быть второй или даже первой копией с оригинала конца XII в.

ЯЗЫК

Полнота лексического ряда как принцип поэтики «Слова о полку Игореве» (по материалам военной лексики)

В настоящее время среди различных аспектов изучения лексического состава «Слова о полку Игореве» вызывает интерес анализ системных связей слов, принадлежащих к одной и той же лексико-семантической группе. При этом такие лексико-семантические группы слов, которые представлены в «Слове...» сколько-нибудь заметным количеством лексических единиц, являются хорошо изученными именно потому, что «Слово...» представляет собой весьма богатый материал для описания лексики. Надо признать, что наличие в тексте одного памятника большого числа слов одной лексико-семантической группы создает большое удобство для дифференциации значений слов данной группы, что весьма удобно и весьма полезно для лексикографического описания слов. Именно этим, в частности, объясняется то большое внимание к описаниям природы в «Слове...», упоминаемым в нем названиям животных, описаниям метеорологических и астрономических явлений, а также к отдельным группам военной лексики, которое проявлялось в разное время исследователями языка «Слова о полку Игореве» и его поэтики. Как мы пытались показать в одной из наших недавних публикаций, для поэтики «Слова о полку Игореве», во всяком случае для поэтического языка этого памятника, чрезвычайно характерным является принцип полноты лексического ряда, который находит свое выражение в том, что слова одной лексико-семантической группы присутствуют в тексте этого произведения в столь значительной мере, что обозначаемые этими словами предметы и явления составляют почти полную модель мира или картину мира, и этот же самый принцип изображения картины окружающего мира является характерным для других произведений древнерусской литературы, а также и для средневековой живописи [Бурыкин 2003].

Представляемая здесь новая работа в этой области демонстрирует попытку изучения в том же аспекте одной из тематических групп лексики, имеющих принципиальное значение для содержания и для поэтики «Слова о полку Игореве» — для военной лексики, а конкретно для лексико-семантической группы названий оружия и предметов вооружения воина.

Наименования разных видов оружия и предметов вооружения воина представлены в тексте «Слова о полку Игореве» не только в значительном разнообразии различных лексических единиц, но и в большом количестве употреблений одних и тех же лексем. В нем присутствуют как наименования разных видов наступательного оружия — сабля, меч, копье, лук, стрела, так и названия предметов, которые могут быть отнесены к оборонительному оружию, — это шлем и щит. Надо сразу же оговорить, что рассматриваемая группа лексики в целом не представляет каких-либо проблем в семантическом аспекте, поскольку все приведенные выше слова данной группы присутствуют в более поздних формациях древнерусского языка, а также используются и в современном русском литературном языке в тех же самых значениях. Перед исследователем в настоящей работе стоит иная задача — характеристика системных отношений слов, принадлежащих к данной лексико-семантической группе, рассмотрение экстралингвистической культурной коннотации, присущей отдельным лексическим единицам этой группы на том синхронном срезе, который соотносится с временем написания «Слова...» и той территорией, на которой оно могло быть создано, а также стилистической роли данной группы лексики и отдельных лексических единиц в стилистической архитектонике текста «Слова о полку Игореве». В какой-то степени настоящая работа является продолжением разностороннего системного исследования лексики «Слова о полку Игореве», которое было начато Д. С. Лихачевым [Лихачев 1950а, с. 63—82].

Предлагаемая вниманию читателей работа посвящена военной лексике «Слова о полку Игореве» как отдельной тематической группе лексики, имеющей особую значимость для изучения художественных особенностей памятника и, в частности, тех принципов, которые являются определяющими для его поэтики. Как нам кажется, именно изучение системных связей лексики — в равной мере как парадигматических связей слов одной лексико-семантической группы, так и синтагматических связей слов в тексте — должно стать одним из наиболее перспективных направлений в исследовании лексического состава «Слова о полку Игореве» и других произведений древнерусской литературы.

Военная лексика «Слова о полку Игореве» может быть разделена на несколько лексико-семантических групп: 1) названия воинской

службы и военных действий; 2) названия воинов и их объединений; 3) названия атрибутов войска; 4) названия результатов и последствий военных действий и операций; 5) названия укреплений; 6) наименования оружия и разнообразных предметов вооружения; 7) названия боевых коней; 8) названия конской упряжи и предметы оснащения конного воина. Отдельную, девятую лексико-семантическую группу составляют названия морских судов — слово *корабли* и название боевого корабля *носады* (см.: [Бурыкин 2004; Булахов 2010]).

Лексико-семантическая группа слов — названий оружия и предметов вооружения в «Слове...» является одной из самых многочисленных — к ней принадлежат слова *копие, шоломъ, луци, тули, сабли, стрѣлы, стрѣлки, мечи, засапожники, шерешеры, папорзи, сулицы*; сюда же, очевидно, может быть включена и лексема *стружие*, для которой не во всех употреблениях усматривается акцентированное символическое значение — например, в примере и *дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго*, — впрочем, здесь вся фраза представляет собой метафору, обозначающую кратковременное вокняжение Всеслава в Киеве.

Слово *сабля* — одно из немногих слов-наименований вооружения, которое в тексте рассматриваемого памятника хотя и не имеет иных значений, кроме прямого значения наименования вида оружия ([СлСпрСПИг, вып. 5: 79—80]; см. также: [ЭнцСПИг, т. 4: 258]), оно, в отличие от названий других видов оружия, по сути, не включается в метафорические контексты. Из стилистически маркированных перифрастических построений можно отметить только следующий оборот — *уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями*.

Хотя значение лексемы *сабля* в тексте «Слова...» не представляет никаких трудностей для определения и описания, стилистические функции этого слова в тексте памятника и его специфическая культурная коннотация, как нам кажется, остаются без внимания. В «Слове...» сабля упоминается по большей части как половецкое оружие. Рассмотрим некоторые примеры употребления этого слова: *гримлють сабли о шоломы; соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями; у Римъ крычать подѣ саблями половецкыми; Не ваю ли храбрая дружина акы тури, ранени саблями калеными на полѣ незнаемѣ* (речь идет о воинах дружины Рюрика и Давыда Ростиславичей, которые могут быть ранены только половецкими саблями) — здесь во всех случаях *сабля* используется как оружие против русских воинов. Другая группа употреблений этого слова представляет сабли как оружие дружины Всеволода — но не всего войска, ср.: *поскепаны саблями калеными шоломы Оварьскыя от тебе, яръ туре Всеволоде* — впрочем, возможно, что здесь скрыт малопонятный нам намек на то,

что эти шелома «поскепали» тюркоязычные союзники Всеволода, а не его дружина. Сабли упоминаются и в описании дружины Всеволода: *луци у них напряжени, тули отворени, сабли изьострены*. Этим двум группам примеров противопоставляется единственный случай употребления слова *сабля*, характеризующий ее как оружие, обращенное против половцев: *ту ся саблямъ потручати о шелома половецкыя*, однако в тексте «Слова...» данный пример может рассматриваться не как исключение из общего правила, а как реплика приведенной выше фразы об аварских шлемах.

Слово *мечь* употребляется в тексте исследуемого памятника тоже только в прямом значении [СлСпрСПИг, вып. 3: 90—91]. Слова *мечь* и *сабля* имеют примерно одинаковую частоту встречаемости (*мечь* — 8 раз, *сабля* — 7 раз). Однако, в отличие от слова *сабля*, лексема *мечь* в «Слове...» часто сочетается с теми глаголами, при которых ее употребление трудно предполагать, и тем самым она образует сложные метафорические словосочетания. Примеры употребления слова *мечь* в таких контекстах достаточно многочисленны: *Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше...; Грозою бяшетъ притрепеталъ, своими сильными пълкы и харалужными мечи наступи на землю половецкую; рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлти; главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужнии; Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шелома литовьскыя; подъ чърлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовьскими мечи; вонзите свои мечи верезжени*; ср. еще в метафоре при замене слова мечи: *молотять чени харалужными*. *Мечь* в «Слове о полку Игореве» — это то самое оружие, которым князья воюют друг с другом и со своими западными соседями. Не так уж много тех случаев употребления слова *мечь*, где обозначаемое этим словом оружие направлено непосредственно против половцев, ср.: *своими сильными пълкы и харалужными мечи наступи на землю Половецкую; Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлти; Хинова, Литъва, Ятвязи, Деремела и половци сулицы своя повъргоша а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужнии* (если слова «и половци» не являются в этом списке побежденных соседей позднейшей интерполяцией, вызванной общим содержанием текста «Слова...»). Складывается впечатление, что в отношении употребления лексемы *мечь* «Слове о полку Игореве» представляет такую устойчивую и насыщенную образными словосочетаниями традицию воинской словесности, которая более связана с «усобицами» или борьбой с западными соседями, нежели с походами против кочевников на юг и на восток.

Мы не будем в настоящей работе рассматривать слово *харалужный*, выступающее в качестве устойчивого эпитета для слова *мечь* и

встречающееся в тексте «Слова о полку Игореве» также — но по одному разу — в сочетании со словом *копья* и один раз в составе метафоры *молотять чени харалужными*. По нашему мнению, высказанному еще в 1980-е гг., слово *харалужный* должно было относиться не к кузнечной терминологии, связанной с технологией изготовления оружия, а к языку высокой воинской поэзии (см.: [Мещерский, Бурыкин 1984: 91—94; Слово о полку... 1985: 453, 467]). Отметим, что за более чем 30 лет, прошедших после того, как точка зрения Н. А. Мещерского и автора настоящей работы на происхождение и значение слова *харалужный*, согласно которой лексема-гапакс *харалугъ* является авторским поэтическим неологизмом, включенным в состав изысканной метафоры: «*Ваю храбрая сьрдця въ жестоцѣмъ харалузѣ скована а въ буести закалена*», и этот неологизм образован от прилагательного, служившего постоянным эпитетом для холодного оружия и имевшего значение ‘поражающий остротой’, ‘сверкающий остротой’, не подвергается критике. Показательно, что синонимом слова *харалужный* является эпитет *острый*: *Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы литовьскыя*. Более поздние публикации, посвященные словам *харалугъ*, *харалужный*, не дали каких-либо принципиальных результатов, значимых для понимания семантики или для установления происхождения этих поистине загадочных лексем «Слова о полку Игореве».

Лексема *копие* привлекает внимание среди названий предметов вооружения тем, что, употребляясь в тексте также только в прямом значении [СлСпрСПИг, вып. 2: 207], она в тексте «Слова...» встречается исключительно в поэтической идиоматике. К ней относятся все примеры употребления этого слова в тексте: *Хоцю бо, рече, копие приломити конецъ поля Половецкаго. А мои ти куряни... конецъ копия въскърмлени* (здесь, похоже, весь словесный ряд — это часть какого-то общеизвестного текста, вставленного в повествование); *ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломы половецкыя; летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копия харалужная въ полѣ незнаемѣ*. Как вид оружия *копие* в тексте «Слова о полку Игореве» оказывается предельно символизированным и несет на себе очень большую стилистическую нагрузку. В этом плане показательны два последних примера, где копья упоминаются среди других видов оружия, используемых русскими и половецкими воинами в битве, — и если копья в этих описаниях выполняют преимущественно ритуально-символическую функцию, т. е. трещат и ломаются, то все остальные виды оружия используются по их непосредственному назначению. Почти исчерпывающая характери-

стика слова и обозначаемой им реалии дана в «Энциклопедии „Слова...“» [ЭнцСПИг, т. 3: 76—78].

Лексема *сулиця* встречается в тексте «Слова о полку Игореве» всего два раза [СлСпрСПИг, вып. 5: 253—254]. Значение этого слова определяется достаточно легко и с большой определенностью — это «легкое копье, которое могло использоваться как метательное оружие». У этого слова символических функций не усматривается, но мы располагаем всего двумя употреблениями его в тексте памятника. Отличительной особенностью этого вида оружия, упоминаемого в «Слове...», среди всего прочего является то, что *сулицы* — оружие явно не русское.

В одном случае оно упоминается прямо с топографическим эпитетом, указывающим на его чуждый характер — *Кое ваши златыи шеломы и сулицы лаякия и щити?* — а в другом фиксируется при перечислении народов, побежденных воинами князей Романа и Мстислава: *...и многы страны — Хинова, Литъва, Ятвязи, Деремела и половци сулицы своя повъргоша...* Таким образом, лексическая единица *сулиця* в контексте «Слова о полку Игореве» имеет некоторые западные, преимущественно балтийские ассоциации и выпадает из культурного диалога Руси и Поля в военной сфере.

Отвлекаясь от дальнейшего изложения материала, можно отметить, что автор «Слова...» в использовании военной лексики выступает как искусный мастер-баталист, который не только хорошо знает описываемые им реалии, но и умело пользуется ими для выделения разнообразных смысловых оттенков, связанных с противопоставлением Руси и, соответственно, русских князей и русских воинов, и народов, недружественных или враждебных для Руси.

Лексемы *лукъ* и *туль* 'колчан' нельзя отнести к частотным единицам для «Слова о полку Игореве». Они встречаются в нем, соответственно, два и три раза (см.: [СлСпрСПИг, вып. 3: 67—68; вып. 5: 74—75; ЭнцСПИг, т. 3: 183; т. 5: 140]), причем дважды — в соотносительных друг с другом оборотах: первый раз при описании выступающей в поход дружины Всеволода — *луци у нихъ напряжени, тули отворени* — и второй раз в перифразе этого же оборота в плаче Ярославны: *жаждею имъ луци съпряже, тугою имъ тулы затъче*. На этот поистине впечатляющий параллелизм уже обращали внимание комментаторы «Слова о полку Игореве» [Слово о полку... 1985: 448, 478]. Складывается такое впечатление, что в плаче Ярославны автор «Слова...» намеренно дает перифраз того описания «кметей» Всеволода, которое присутствует в начальной части его текста, ставя антонимические глаголы после наименований лука и колчана, встречавшихся ра-

нее¹. Лексикографическое описание слова *лукъ* в наиболее новом «Словаре древнерусского языка» [СлДРЯ XI—XIV вв., вып. 4: 433—434] расширяет наши представления об употребительности и о сочетаемости этого слова, но не дает ничего принципиально нового для его семантики.

Еще один раз слово *туль* употребляется в сложном и не слишком ясном метафорическом построении в сне Святослава: *сыпахуть мѣ тѣщици тулы поганыхъ тѣлковинъ великій жєнчюгъ на лоно* — характерно однако же то, что *тѣщици тулы* принадлежат *поганымъ тѣлковинамъ*, то есть, вероятно, половцам, находящимся на русской службе, и сам по себе пустой колчан выступает как олицетворение несчастья, причиной которого являются опять-таки половцы.

Лексема *стрѣлы*, встречающаяся в достаточно большом числе контекстов (8 употреблений), также не имеет в тексте «Слова...» переносных значений ([СлСпрСПИг, вып. 5: 231]; см. также: [ЭнциСПИг, т. 5: 66—67]), тем не менее она почти во всех случаях входит в состав поэтических фигур, основанных на олицетворении. Примеры: *россужияся стрѣлами по полю; итти дождю стрѣлами съ Дону великаго; Се вѣтри... вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя тѣлки Игоревы; прыщєши на вои стрѣлами* (это сказано о Всеволоде, дружина которого, как мы отметили ранее, вооружена половецким оружием — саблями), *летять стрѣлы калєныя* (эпитет «каленный» стоит при слове *стрѣлы*: но всего через одно слово от слова «сабли»), *grimлють сабли о шєломы* (половцы бьют воинов Игоря); *загородите полю ворота своими острыми стрѣлами; чему мычєши хиновьскыя стрѣлки ... на моя лады вои*. Еще один пример употребления слова *стрѣлы* приходится на диалог половецких ханов: *соколичя рострѣляевѣ своими злачєными стрѣлами* — обратим внимание, что если у русских князей имеются золотые шлемы, седла и стремена, то у половецких ханов позолоченные стрелы. Наконец, еще в одном контексте стрелы выступают как недобрый знак «крамолы» и княжеских усобиц: *Тѣи бо Олегъ мечєтъ крамолу ковашє и стрѣлы по земли сѣяє*.

Трудно рассматривать как случайность то, что в тексте «Слова о полку Игореве» в пяти случаях стрелы летят на русских воинов и только в двух контекстах, а именно — *Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами* и *прыщєши на вои стрѣлами* — с очевид-

¹ Получается, что здесь лук и колчан в тексте «Слова...» — это как бы то самое ружье, которое, ежели оно присутствует на сцене, должно по сюжету обязательно выстрелить. Правда, неуспех описываемого в «Слове...» похода придает этим воинским символам в заключительной части текста принципиально иное значение, нежели то, которое они имели в его начале, и это находит отражение в тексте памятника.

ностью используются русскими воинами: в одном случае — *россушая стрѣлами по полю* — дано обобщенное сравнение воинов с летящими стрелами. Вероятно, неслучайно и то, что в «Слове...» так редко упоминаются лук и колчан. Все-таки лук и стрелы, согласно представлениям автора «Слова о полку Игореве» и его читателей-современников, — это, скорее, оружие кочевников, нежели предмет вооружения русских ратников. Похоже, неслучайно и то, что стрелы, как и сабли, фигурируют в описании «кметей» Всеволода.

У лексемы *шеломъ* в «Слове...» документировано также только прямое значение 'шлем'. Она представляет собой одну из наиболее частотных единиц среди названий предметов вооружения и встречается в тексте 13 раз [СлСпрСПИг, вып. 6: 174—175]. Однако кроме тех употреблений, которые по смыслу соотносятся с семантикой этого слова, в тексте не единожды встречаются такие употребления слова *шеломъ*, которые свидетельствуют о включении его в состав поэтической фразеологии памятника. Почти все примеры употребления слова *шеломъ* в тексте так или иначе связаны с традиционной поэтической фразеологией или авторскими метафорами: *а любо испити шеломомъ Дону; подъ шеломи възлелѣяни; гремлеши о шеломи мечи харалужными; Камо туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы...; поскѣпаны саблями калеными шеломи Оварьскыи отъ тебе; гримлють сабли о шеломи; Ты бо можеши Вългу веслы раскропити, а Донъ шеломи выльяти; не ваю ли <вои> злачеными шеломи по крови плаваши? Суть бо у ваю желѣзныи напорзи подъ шеломи латыньскыи; Кое ваши златыи шеломи и сулицы ляцкии и щити?* Эпитеты *златыи* или *злаченыи шеломи* встречаются в тексте «Слова...» трижды (все примеры приведены выше) и во всех этих случаях слово *шеломъ* приобретает символическую функцию, выступая в роли атрибута князя. Только два употребления слова *шеломъ* относятся к рядовым ратникам — *подъ шеломи възлелѣяни* и *гримлють сабли о шеломи*, и еще два употребления этого слова — *шеломи Оварьскыи* и *гремлеши о шеломи мечи харалужными* — относятся к вооружению половцев.

Интересный стилистический эффект в «Слове...» достигается тем, что слово *шеломъ* всего два раза употребляется в форме единственного числа, и восемь раз — в форме множественного числа: этим создается впечатление множественности не только княжеской дружины, но и князей-военачальников, носящих позолоченные шлемы, а в равной мере и множества побежденных противников или тех противников, с которыми сражаются русские воины..

Лексема *щитъ*, как и *шеломъ*, также наделяется в тексте «Слова о полку Игореве» символическим значением. В четырех контекстах сло-

во *щитъ* имеет эпитет *чърленыи*, выступающий как элемент национальной символики русских воинов: *лисици брешють на чърленыи щиты; Русичи великая поля чърлеными щиты прегородишия; Дети бѣгови кликомъ поля прегородишия, а храбрии русичи преградишия чърлеными щиты; Изяслав сынъ Васильковъ подѣ чърлеными щиты на кровавѣ травѣ притренанъ литовьскими мечи* — в последнем случае червленые щиты выступают опять же как атрибут национальной воинской символики, хотя противником войска с червлеными щитами являются уже не половцы, а литовцы. Еще раз щиты среди других предметов вооружения упоминаются в монологе Святослава, обращенном к Мстиславичам: *Кое ваши златыи шеломи и сулицы ляцкии и щити?* А «черниговские были» (вероятно, вассалы Ярослава Всеволодовича, родного брата Святослава) ... *бесѣ щитовѣ съ засапожники кликомъ тѣлки побѣждають, звонячи въ прадѣдную славу*, т. е. заметно отличаются от русских воинов по своему вооружению.

Другие слова, выступающие как названия предметов вооружения и их частей, а именно лексемы *засапожникъ*, *шерешеры*, *папорзи*, фиксируются только в «Слове о полку Игореве» и не имеют иной текстовой документации. С семантикой слова *засапожникъ* все более или менее ясно, не очень понятно только то, какая «прадедняя слава» подразумевается автором у обладателей такого простолюдинского оружия, как ножи, носимые за голенищем. Слово *шерешеры* за время изучения «Слова о полку Игореве» обросло комментариями, но обозначаема им реалья остается догадкой [Мещерский, Бурыкин 1984]. Слово *папорзи* — гапакс, и конъектурные прочтения его «паворози» или «попърси» долгое время были далеки от определенности, хотя чтение Ю. М. Лотмана «паворози» [Слово о полку... 1985: 471], подтвердившееся позднее, по сути, не имеет конкуренции в интерпретации памятника. Лишь недавно эта лексема стала понятной после выявления параллелей к ней из русских и украинских говоров.

Значительная по объему группа наименований оружия и предметов вооружения не только с достаточной полнотой отражает соответствующие реалии, но с ее помощью довольно отчетливо и выразительно в художественном отношении противопоставляются «свои» и «чужие» — прежде всего русичи и половцы, однако названия видов оружия позволяют автору намечать довольно тонкие различия между русскими дружинниками и воинством западных соседей Руси. Наименования видов оружия и предметов вооружения, которые само содержание «Слова о полку Игореве» делает лексической доминантой текста, не только отвечают смыслу повествования, но и несут на себе большую символическую нагрузку — они служат художественным

средством противопоставления союзников, т. е. русских князей с их дружинами, и противников — половцев, эти же средства служат в тексте «Слова...» социальным атрибутом — маркером, характеризующим положение князя среди его войска.

Из тематической группы военной лексики названия оружия и предметов вооружения в «Слове о полку Игореве» представляют самую многочисленную лексико-семантическую группу. Если сравнивать по количественным характеристикам объем других лексико-семантических групп военной лексики, зафиксированной в «Слове...», то мы увидим здесь заметные диспропорции. Так, названия боевых коней в «Слове...» представлены одной лексической единицей — *комони*, названия конской упряжи — словами *сѣдло* и *стремень*, названия укреплений — словами *забрало* и *забороло*, по сути, представляющими собой варианты одной лексемы и обозначающими одну и ту же реалию. Собственно, даже среди названий предметов защитного вооружения мы встречаем в «Слове...» только лексемы *шеломъ* и *щитъ*. Вместе с тем, хотя «Слово о полку Игореве» посвящено сухопутному походу, мы находим в нем упоминание и о *кораблях*, и о *носадах* как боевых судах. В чем же здесь дело? Очевидно, принцип полноты лексического ряда, позволяющей с максимальной степенью охвата изображать элементы действительности и характерной для «Слова о полку Игореве», предполагает различные варианты его реализации в конкретных текстах в зависимости от их содержания и степени традиционности их поэтического языка. Разнообразие частных вариантов этого принципа создается за счет тонких градаций наполнения отдельных лексико-семантических групп слов, а также варьирования относительной частотности употребления отдельных слов. Именно это мы видели, например, на материале лексики, связанной с природой в «Слове...», почти то же самое наблюдаем и на материале военной лексики «Слова...».

Для дальнейшего изучения лексического состава «Слова о полку Игореве» и конкретно военной лексики в известной мере представляют интерес и те словосочетания, которые образуют наименования видов оружия и предметов вооружения в «Слове о полку Игореве», и прежде всего — сочетания слов-названий оружия с постоянными эпитетами, которые, несмотря на то что поэтическая фразеология «Слова...» хорошо изучена, продолжают привлекать внимание уже в связи с общей лексической организацией текста и, в частности, с линейным расположением отдельных лексических единиц относительно друг друга.

Так, одним из интересных стилистических средств «Слова...» является смещенное употребление постоянных эпитетов. Покажем это на примерах: эпитет *каленный* почти во всех случаях относится к саб-

лям, но в одном случае он применен к стрелам — оружию из того же неприятельского лагеря, что и сабли. Эпитет *златъ* применяется в «Слове...» и к шлему, и к стремени, и к седлу и выступает, с одной стороны, как маркер княжеских атрибутов, а с другой — как средство наименования действий князя, обозначаемых устойчивыми поэтическими фразеологизмами. Подобная неравномерная частотность постоянных эпитетов при отдельных словах и их вариативная сочетаемость составляет примечательную особенность поэтики «Слова о полку Игореве» и вместе с другими фактами лексики этого памятника требует дальнейшего внимания исследователей.

Лексика, связанная с природой, в «Слове о полку Игореве» и проблемы средневекового художественного канона

Об изображении природы в «Слове о полку Игореве» и об использовании в его тексте лексики, представляющей соответствующие тематические группы, написано уже довольно много [Салмина 1995г; Николаева 1997; Гаспаров 2000; Шелемова 2000; 2015]. Об этом неоднократно писали и филологи-лингвисты и фольклористы, и биологи. Настоящая работа лишь в минимальной степени может претендовать на оригинальность в освещении этого материала как множества конкретных лексических единиц — ее цель заключается в том, чтобы вскрыть некоторые особенности употребления соответствующей лексики в тексте памятника и показать некоторые закономерности построения древнерусского литературного текста в связи с некоторыми универсальными канонами средневекового искусства.

Весьма важную роль в «Слове...» играют названия небесных светил и связанные с ними явления. В тексте памятника неоднократно упоминаются солнце и «тьма», т. е. солнечное затмение: *възрѣ на свѣтлое сьлнце и видѣ отъ него тьмоу вся своя воя прикрыты; сьлнце ему тьмоу путь заступаше*, луна — *и съ нима молодая мѣсяця... тьмоу ся поволокоста* (здесь, возможно, намек на лунное затмение); а также вечерние и утренние звезды-«зори», *кръвавыя зори, погасоша вечеру зори*, утренняя заря, рассвет — *свѣтъ*.

Обозначения времени суток в «Слове...» не только очень разнообразны, но часто следуют друг за другом и тем самым создают картину, разворачивающуюся во времени [Одоховская, Баканурский 1990: 89—92]. В тексте встречаются и раннее утро — *Съ зарания в пятькъ*; и ночь — *нощъ стонуци ему грозою птичь убуди*, и полдень — *третьяго дни къ полуднию*; и описание целых суток — *Съ зарания до вечера*,

съ вечера до свѣта; и последовательная смена времени суток: вечер — *Погасоша вечеру зори...*; полночь — *комоньнъ въ полунощи Овлуръ свисну*; рассвет — *соловии веселыми песньми свѣтъ повѣдаютъ*. В тексте наряду с указанием на время суток присутствуют даже некоторые сложные световые явления, вписываемые в метафорический контекст: *Два сълнца помъркоста, оба багряная стѣлна погасоста и въ морѣ погрузиста... и съ нима молодая мѣсяця... тъмоу ся поволокоста*.

Богато представлена в «Слове...» лексика, обозначающая разнообразные природные и метеорологические явления — *Не буря соколы занесе, Заря-свѣтъ зашла, мъгла поля покрыла, черныя туча, 4 сълнца, синии млѣнии; Быти грому великому; Се вѣтри ... вѣють съ моря; пороси поля прикрывають; яко вихрь; идуть смърчи мъглами; труся собою студеную росу; одѣвавши его теплыми мъглами, и в метафоре — итти дождю стрѣлами*. Возможно, данная группа лексики представлена в «Слове...» и не полностью, но разнообразие названий разных метеорологических явлений является весьма впечатляющим и довольно неожиданным. Заслуживает внимания тонкая игра многозначными словами *громъ* 'гроза' (в метафорах) и *гроза* в значении 'угроза'.

Не только весьма выразительной, но и создающей цельную визуализированную картину в «Слове...» является лексика, характеризующая ландшафт, пейзаж и их фрагменты. Имеется множество примеров ее употребления: *рыща в тропу трояню чрьсъ поля на горы; Земля тутнеть, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрывають, стязи глаголютъ, начаяши мосты мостити по болотомъ и грязивым местомъ; пустыни силу прикрыва, въсплескала лебедиными крылы на синѣ морѣ; О, далече заиде сокол, птиць. бя — к морю; притѣпта хълмы и яругы, възмути рѣкы и озеры, иссуши потоки и болота, а поганого Кобяка изъ луку моря яко вихрь вытѣрже; Сула не течеть сребреными струями... и Двина болотомъ течеть...; мало ли ти бяшетъ горъ под облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ; прысну море полунощи; идуть смърчи мъглами; Овлуръ свисну за рѣкою; рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожърши чюжи ручьи и стругы, рострена къ усту, уношу князя Ростистава затвори днѣ при темнѣ березѣ*. Применительно к этой группе лексики можно говорить о том, что названия частей ландшафта присутствуют в «Слове...» с почти исчерпывающей полнотой и таким образом как бы создают целостную словесную модель окружающего мира. Не реже встречаются в тексте «Слова...» лексемы «путь», «след» и «дорога» (последнее 1 раз), также примыкающие к характеристике пейзажа и подчеркивающие перемещение героев повествования по разным гео-

графическим средам. Хронотоп «Слова о полку Игореве» создается также еще и специфическим подбором топонимов, охватывающих всю известную автору территорию, и подбором антропонимов, охватывающих значительный по времени период Киевской Руси и подчиненных идее взаимосвязи территорий различных княжеств и разных поколений князей.

Один из фрагментов «Слова...» — обращение Игоря к Донцу — особенно насыщен словами, связанными с живой и неживой природой: *О Донче! Не мало ти величия, лелѣявѣшу князя на вълнахъ, стлавишу ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезехъ, одѣвавши его теплыми мѣглами подѣ сѣнию зелену древу, стрезжаше е<го> гоголем на воде, чаицами на струяхъ, чѣрнядьми на вѣтрѣхъ*. Этот фрагмент и по содержанию, и по поэтике соотносится с фольклорным жанром восхвалений-магал, бытующих у монголоязычных народов. Показательно, что другой фрагмент «Слова...», относящийся к более ранним событиям, демонстрирует иное лексическое наполнение и иное образное насыщение контекста: *...на Канину зелену паполому (ему) постла... хробра и млада князя*.

Любопытно, что в «Слове...» довольно часто отмечается динамика перемещения по вертикали и характеристика вертикальной структуры пространства: *растѣкашется мыслию по древу, серым волком по земли. шизым орлом под облакы; скача... по мыслену древу, летая умомъ подѣ облакы, ... рыца в тропу Трояню чресъ поля на горы; пути имѣ ведоми, яругы имѣ знаеми, меча бремены чресъ облакы яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяся; Поскочи горнастаемъ къ тростию и бѣлымъ гоголемъ на воду, вѣвѣржесе на бѣрзъ комонь и скочи съ него босымъ вълкомъ, и полетѣ соколомъ подѣ мѣглами... Коли Игорь соколом полетѣ, тѣгда Влурь вълкомъ потече, труся собою студеную росу, и в двух контекстах присутствует даже речное дно — *иже погрузи жирь во днѣ Каялы и ...затвори днѣ при темнѣ березѣ*.*

Значительное место в образной системе «Слова...» занимает и растительный мир: *Дивѣ кличетъ вѣрху древа, Ничитъ трава жялющими, а древо ся тугою къ земли приклонило; древо не бологом листвие сѣрони; мое веселие по ковылию развѣя; поскочи горнастаемъ къ тростию; стлавишу ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ; унышиа цвѣты жялобою*.

Очень разнообразны в тексте «Слова...» названия птиц — *шизым орлом под облакы; тогда пуцаше 10 соколов на стадо лебедей; скача, славию, по мыслену древу; ношь стонуци ему грозою птичь убуди; рци лебеди роспужени; орли клеткомъ на кости звѣри зовуть; ни соколу, ни кречету, ни тебе, чѣрный воронъ, ...; чясто врани граяхуть, трупия себе деляче, а галици свою речъ говоряхуть; вѣсплескала*

лебедиными крылы на синѣ морѣ; О, далече заиде сокол, птиць бя — к морю; Коли соколъ в мытѣхъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду; яко соколъ на ветрѣхъ ширяся; зегзицею незнаема рано кычетъ, полечю, рече, зегзицею; бѣлымъ гоголемъ на воду...; и полетѣ соколомъ подь мъглами, избивая гуси и лебеди завтраку обѣду и ужинѣ; стрежаше е<го> гоголем на воде, чаицями на струяхъ, чърнядьми на вѣтрѣхъ; А не сороки вѣтроскоташа; Врани не граяхуть, галици помълкоша, сороки не троскоташа...; дятлове текѣтомъ путь к рѣцѣ кажутъ, соловию веселыми песньми свѣтъ повѣдаютъ; Аже соколъ къ гнѣзду летить, соколичя ростреляевѣ, сокольца опутаевѣ. Здесь кроме вписывающихся в традиционную образную систему средневековой литературы и фольклора названий птиц — орла, сокола, ворона, соловья, лебедя — мы встречаем дятлов, галок, сорок, разные виды уток, «чаиц» и «зегзиц», т. е. разные виды чаек; впрочем, и лебеди фигурируют в тексте не только в высокопоэтических контекстах, но и как охотничья добыча рядом с гусями.

Несколько менее разнообразны по сравнению с птицами упоминаемые в тексте «Слова...» животные: серым вълком по земли; свистъ звѣринъ вѣста; вълци грозу вѣсрозжатъ; орли клетомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешють; ярь туре, камо туръ поскачаше, акы пардуже гнѣздо; рыкають, акы тури; дружину твою княже птичь крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша; скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ; поскочи горнастаемъ къ тростию... вѣвържесе на бързъ комонъ и скочи съ него босымъ вълкомъ, полозию ползоша. Здесь со значительной частотностью представлены и поэтизированный боевой конь — комонъ, и достаточно мифологизированный волк — серый и босый, что на самом деле одно и то же (тюрк. boz 'серый'), однако же в тексте присутствуют и лисицы, и горностаи, и пардус (гепард, или, возможно, какая-то рысь — лесная или степная), и лютый зверь (вероятно, барс), и тур (см.: [Шелемова 2000: 182]).

Весьма характерной особенностью поэтики «Слова...» являются не только целые ряды слов, обозначающих части ландшафта, но и довольно длинные ряды из зоонимов и сопровождающих их эпитетов. Имеется множество примеров: серым волком по земли, шизым орлом под облакы; тогда пуцашие 10 соколов на стадо лебедей; не буря соколы занесе чресъ поля широкая — галици стады бѣжаша...; насетъ птичь... вълци грозу вѣсрозжатъ по яругамъ, орли клетомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешють...; щекотъ славий успе, говоръ галичь убудися; дружину твою княже птичь крылы приодѣ а звѣри кровь полизаша; Поскочи горнастаемъ к тростию и бѣлымъ гоголемъ на воду, вѣвържесе на бързъ комонъ и скочи съ него босымъ вълкомъ, и

полетѣ соколомъ подѣ мѣглами, избивая гуси и лебеди завтраку, обѣду и ужинѣ; стрежаше е<го> гоголем на воде, чаицами на струяхъ, чѣрнядьми на вѣтрѣхъ; врани не граяхуть, галици помѣлкоша, сороки не троскоташа...; дятлове текѣтомъ путь к рѣцѣ кажутъ, соловии веселыми песнями свѣтъ повѣдаютъ; Аже соколъ къ гнѣзду летить, соколича ростреляевѣ; сокольца опутаевѣ.

Можно отметить, что внутри отдельных групп лексики, связанной с природой, частотность отдельных слов в тексте неодинакова, при этом ее пропорциональная встречаемость явно подчинена художественному замыслу. Высокую частотность имеют слова, относящиеся к традиционной образности (например, сокол, ворон, лебедь, комонь, волк), однако без лексических единиц, входящих в те же группы, но встречающихся по одному разу (дятел, горностаи, «лютый зверь» и пардус) образная система памятника явно была бы неполной.

Разнообразие групп лексики, связанной с природой, и одновременно полнота представления в тексте «Слова...» отдельных групп лексики — таких как астрономическая, метеорологическая лексика, лексика ландшафта, фитонимика и зоонимика — говорит о том, что в изображении окружающего мира в «Слове...» реализован тот же самый художественный канон, который характерен для европейской живописи средних веков и Раннего Возрождения и в определенной мере представлен в средневековой русской церковной живописи². В рамках этого канона изображаемый пейзаж представляет собой не фрагмент окружающего мира, а относительно полную модель мира во всем его реальном многообразии. Сходные приемы словесного изображения пейзажа и природы в целом встречаются и в других произведениях древнерусской литературы, например в «Слове о погибели Русской земли», а также в таких переводных памятниках, как «Сказание об Индийском царстве».

Сделанные наблюдения весьма важны в периодически возникающей полемике по поводу подлинности «Слова о полку Игореве», поскольку они однозначно свидетельствуют о том, что поэтика «Слова...» соответствует средневековым художественным канонам не

² Ближе всего к пониманию обсуждаемой проблемы подошел Д. С. Лихачев, сопоставивший фразу «Слова...» *«Ничить трава жалошцами а древо с(я) тугою къ земли приклонилось»* с клеймом одной из русских икон [Лихачев 1978а]. А. Л. Никитин, сравнивая пейзажи «Слова...» с изображениями природы на иконах и фресках [Никитин 1998: 128], не признает их сходства прежде всего из-за того, что обращает внимание на стиль, естественно, различающийся в разных видах искусства, а не на единый состав образов и, соответственно, на единую образную систему, составляющую художественную модель мира.

только в словесности, но и в художественном мышлении в целом. Создать нечто подобное в XVIII в. было невозможно не только потому, что филологические познания того времени не позволяли адекватно воспроизвести древнерусский язык конца XII в., но и в силу того, что фальсификаторы или имитаторы XVIII в. явно не располагали теми познаниями в области художественной культуры и эстетики средневековья, какие доступны современным исследователям.

Метеорологическая лексика «Слова о полку Игореве» в свете данных современных русских народных говоров

Изучение лексического состава «Слова о полку Игореве» в сопоставлении его с лексикой русских народных говоров имеет давние традиции. Трудно даже обозреть труды разного масштаба, в которых лексические единицы «Слова...» сравниваются с материалами из словаря В. И. Даля и других диалектных словарей, до сих пор представляется интересным и перспективным изучить отдельные лексемы «Слова...» в сравнении с материалами словаря Б. Гринченко и более поздними словарями украинских говоров. Сравнение лексических единиц «Слова...» с диалектными материалами представляет несомненный интерес в ареальных исследованиях в контексте работы над ЛАРНГ [Бурыкин 2006]. И хотя в настоящее время понятно, что ареальные характеристики диалектных слов, имеющих параллели в «Слове о полку Игореве», не позволят нам найти то пересечение изоглосс, которое могло бы быть определено как место создания «Слова...» или место рождения его автора — в конце концов «Слово...» написано не на диалекте, а на литературном языке XII в., — все же представляется интересным, пользуясь материалами «Слова...», оценить характер дивергенций ареалов отдельных лексем, хорошо документированных как письменными памятниками разных периодов с территориальной привязкой, так и материалами русских народных говоров XIX—начала XXI в.

Исследования лексики «Слова...» в сравнении с лексикой русских говоров представляют интерес и оказываются актуальными в силу еще одного обстоятельства: в «Словаре-справочнике „Слова...“», последний выпуск которого вышел в 1984 г., авторы имели возможность учесть только начальные выпуски СРНГ и «Псковского областного словаря», в то время как основная масса лексики «Слова...» остается до настоящего времени вне сравнения с диалектным материалом. На этом фоне досадно, что в подобных исследованиях не могут быть уч-

тены в сколько-нибудь полном объеме материалы «Словаря брянских говоров», представленного пятью выпусками (1976—1984).

Предметом настоящей работы является метеорологическая лексика «Слова...». Данная статья продолжает исследования автора, посвященные отдельным тематическим группам словарного состава «Слова...» и параллелям лексики «Слова...» в русских говорах [Бурыкин 2014], в какой-то мере продолжающие историю тех же тематических групп лексики в исторической перспективе [Сороколетов 1970], в отношении ряда групп намечающие аналогичные исследования по письменным памятникам и историческим словарям русского языка.

В работе рассматриваются слова *буря*, *вихрь*, *вѣтръ*, *вѣтрило*, *гроза*, *громъ*, *дождь*, *мъгла* ~ *мьгла*, *мълния* ~ *молния*, *облакъ* ~ *облако*, *пороси*, *сморци*, *туча* ~ *тучя*.

1. **Буря.** В «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» отмечена одна цитата с этим словом:

«**Буря** — сильный разрушительный ветер, ветер с грозой (1): Не буря соколы занесе чрьсь поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому... 6—7³. || *Перен.* сильное душевное волнение. || *Перен.* жестокое гонение, преследование».

В СРНГ отмечены следующие значения слова *Буря*:

«1) Туча. 2) Кто или что-нибудь очень больших размеров; в идиоматике — **Буря ее знает**. Кто его знает» [СРНГ, вып. 3: 301].

Диалектные значения слова *буря* не вполне совпадают с тем, что зафиксировано в «Слове...» и близко к фактам современного русского языка, однако идиома *Буря ее знает* представляет для нас ценность в связи с полной аналогией ее со словом *вихрь* (см. далее).

2. **Вихрь.** В «Словаре справочнике „Слова...“» статья к этому слову имеет такой вид:

«**Вихрь** — **вихрь** — смерч (1): ...[Святослав] А поганого Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ Половецкихъ, яко вихрь выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли. 21—22».

В СРНГ отмечены следующие формы и значения слова *Вихрь*:

«Вихор, -хра и вихѳр, -хра, м. 1. Вихрь (с цитатами: *Вихор такой поднялся. Вот так вихор на улице. Вчера вихор все бабки повалил* (и т. п. — А. Б.)). 2. *Перен.* Вихор, Ветреный, непостоянный человек. 3. Вихор. Нечистая сила, якобы находящаяся в вихрях. *Бранно. Вихор ее знает. Ну те к вихру*» [СРНГ, вып. 4: 305].

Здесь метеорологическое значение «смерч», данное «Словарем-справочником», гораздо точнее, чем первое значение в толковании

³ Цифры после цитат обозначают страницы первого издания «Слова...» 1800 г.

СРНГ. Довольно неожиданной оказывается представленная в говорах персонификация образа *вихрь* в виде нечистой силы, поддержанная аналогичным фактом со словом *буря*.

3. **Вѣтръ — вѣтеръ.** В «Слове...» данная лексема встречается 4 раза:

Ветр — вѣтръ — ветер (4): *Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы! 12. А ты, буи Романе, и Мстиславе! храбрая мысль носить ваю умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буиствѣ одолѣти. 31. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши?..» 38. Игорь рече: «О Донче! не мало ти величія, лелѣявшу князя на влѣнахъ... стрежаше е гоголемъ на водѣ, чаицами на струяхъ, чрънядьми на вѣтрѣхъ. 42. || Перен. дуновение, движущая сила».*

Материалы СРНГ [СРНГ, вып. 4: 191 и след.] не дают чего-либо примечательного для сопоставления, поскольку данное слово сохраняется в том же значении в современном русском литературном языке.

4. **Вѣтрило.** Разработка данного слова в «Словаре справочнике» такова:

«Ветрило — вѣтрило (1) 1. Ветер: Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: „О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновъская стрѣлки на своею нетрудною крилицю на моя лады вои?..“ 38. 2. Парус. || Перен. То, что дает силу устремиться, вознестись. 3. Парус как архитектурная деталь».

Слово *вѣтрило* определено в «Словаре-справочнике» как ‘ветер’ [СлСпрСПИг, вып. 1: 112]. Псковский материал дает для слова *вѣтрило* уточненное значение — ‘сильный ветер’ [ПОС, вып. 3: 128], что позволяет видеть в тексте памятника не словообразовательную, а семантическую игру однокоренными лексическими единицами. В СРНГ отмечена лексема *ветриво* «О сильном ветре» [СРНГ, вып. 4: 201], соизмеримая по значению с *ветрило*; значения лексемы *ветрило*, зафиксированные в СРНГ [СРНГ, вып. 4: 202], не имеют отношения к метеорологической лексике. Данное слово — показательный пример непредумышленного перекрестного игнорирования новых фактов словарями (СлСпрСПИг, ПОС и СРНГ), выпуски которых, соотносительные по словнику, выходят в свет примерно в одно и то же время и материалы которых не учитываются там, где должны быть воспроизведены.

5. **Гроза.** Словарная статья к этому слову в СлСпрСПИг имеет такой вид:

«Гроза (4) 1. Буря с громом и молнией: Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь, стонуши ему *грозою*, птичь убуди... 8—9. Уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубію; вльци *грозу* въсрочать по яругамъ; орли клетомъ на кости звѣри зовуть. 9. 2. Угрожающая, приводящая в трепет сила, устрашающее превосходство: Тѣи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста, которую то бѣше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великийи Кіевскыи *грозою*. Бѣшетъ притрепетать своими сильными плъкы и харалужными мечи... 21. Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! ...*Грозы* твоя по землямъ текутъ, отворяеши Кіеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. 30. || Угроза. || Страшная кара, наказание».

Здесь вызывает сомнение отнесение второго примера **вльци грозу въсрочать** к первому из выделенных значений: на самом деле тут отчетливо видна игра двумя значениями слова *гроза* — *гроза* как метеорологическое явление и *угроза*; это явление в словарном составе и поэтике «Слова...» заслуживает дальнейшего изучения на фоне синкретизма значений слов в древнерусских памятниках.

Словарная статья к слову *гроза* в СРНГ насыщена разнообразными по семантике примерами:

«1. Гроза, ы, жс. 1) гром; 2) молния; 3) о грозовой туче. 2. 1) грозная власть; 2) грозный человек; 3) предмет, которым бьют, угрожают; 4) бой, битва; 5) вред. 3. *Гроза*, в знач. *парен*. 1) много, пропасть; 2) давно» [СРНГ, вып. 7: 147—148].

Переносные значения слова *гроза* в современных русских говорах в целом совпадают с непрямыми употреблением или употреблением, близкими к основному метеорологическому значению слова *гроза* в тексте «Слова...», где мы имеем своего рода игру смыслами «гроза» и «угроза», заключающимися в одном слове.

6. **Гром.** Слово *гром* в СлСпрСПИг описывается так:

«**Гром — громъ** (1) 1. Грохот, сопровождающий молнию во время грозы: Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя туча съ моря идуть, хотятъ прикрыти д солнца, а в нихъ трепещуть синіи мльній. Быти г р о м у великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго. 12. || Грохот, сильный шум и треск. 2. Молния».

Материалы к слову *гром* в СРНГ отсутствуют, а единичность фиксации при очевидности значения, находящегося на грани прямого и переносного (поддерживаемого метафорой *идти дождю стрѣлами*), не создает проблем в понимании текста «Слова...».

7. **Дождь.** Это слово встречается в тексте памятника один раз, причем в метафоре:

«**Дождь** (1): Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя туча съ моря идуть, хотятъ прикрыти д солнца, а въ

нихъ трепещуть синіи мльніи. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго. Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломы Половецкыя, на рѣцѣхъ на Каялѣхъ, у Дону Великаго. 12. || *Перен*. Множество, непрерывное обилие чего-л..»

В СРНГ статья к слову *дождь* содержит идиому:

«Дождем бежать, бежать, как дождь. Бежать большой толпой, врассыпную» [СРНГ, вып. 8: 92].

То, что данная лексема не показывает дифференцированной семантики ни в тексте «Слова...», ни в материалах СРНГ по говорам, где фиксируется метафора того же типа, что и в «Слове...», весьма показательно на фоне истории и семантической структуры других слов метеорологической семантики, разбираемых далее.

8. Мгла, мгла. Эта лексема интересна и своей частотностью, и многозначностью. Статья СлСпрСПиГ имеет такой вид:

«Мгла — (5) 1. Темнота, мрак: [Ночь мръкнеть, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла. 10. || *Перен*. 2. Туман: [Ночь мръкнеть, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла. 10. Игорь рече: О Донче! не мало ти величія, лелѣявшу князя на влънахъ... одѣвавшу его теплыми мъглами подь сѣнію зелену древу. 42. 3. Облако, туча: Скочи (Всеслав) отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ. 35. Прысну море полунощи; идуць сморци мъглами. 39. ...и потече (Игорь) къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подь мъглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ. 41».

В этой статье толкование лексемы словами «Облако, туча» несколько осложняет анализ и не позволяет дифференцировать значение слова в двух последних примерах из памятника, однако в целом описание значений лексемы *мгла* оказывается вполне адекватным.

Словарные статьи СРНГ содержат примеры, весьма важные для понимания преобразований внешнего облика и семантики слова *мгла* в диалектах, ср.:

«Мга, и, ж. 1. Мокрый снег с дождем. 2. Изморозь. „Изморозь в соединении с туманом“. 3. Губительный для растений холодный туман, роса. („Мга пала, лист побила“). 4. Болезнь злаков, в результате которой зерно не наливается» [СРНГ, вып. 18: 62]. «Мгла, ы, ж. Губительный для растений туман, роса» [СРНГ, вып. 18: 63].

«Мгун, а, м. Изморозь» [СРНГ, вып. 18: 63]. Здесь значение слова *мгла*, не имеющее параллелей в современном русском литературном языке, как нельзя лучше соответствует первому контексту «Слова...», хотя и здесь можно видеть характерный для поэтики «Слова...» синкретизм значений частотных лексических единиц. Под «теплыми мъглами» определенно имеются в виду утренние летние или осенние

туманы, в остальных случаях семантика слова *мгла* в «Слове...» соответствует современным значениям слов «облако» и «туча» — следовательно, придется разбираться с их семантикой в контексте «Слова...».

9. **Молния, мълнія.** В «Слове...» эта лексема встречается один раз: *Молнія — мълнія* (1): *Чръныя тучя съ моря идуть, хотяють прикрыти ѿ солнца, а въ нихъ трепещуть синіи мълніи.* 12.

Сравнительный материал, содержащийся в СРНГ, весьма интересен, ср.:

«**Молния**, и, ж. Зарница, молния ночью без грома. || Сухая *молния*. Зарница в июле» [СРНГ, вып. 18: 219]. «Молонѣнка, и, ж. Молния. Мѳлонье, я и молонѣ, я, ср.: Молния. = *Мѳлонье*. Молонья, и мѳлонья, и, ж. Молния. Ср.: *Моланка, Моланья, Молашка*» [СРНГ, вып. 18: 237—238].

Синие молнии, как и черные тучи, входят в состав символов для «Слова...», при том что в отношении семантики слово *мълнии* для «Слова...» не создает проблем.

10. **Облакъ, облако.** Это слово привлекает внимание в «Слове...» тем, что встречается в четырех разных контекстах:

«**Облако — облакъ** (4) 1. Облако: Галичкы Осмомыслѣ Ярославѣ! ...Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плѣки... меча бремены чрезъ *облаки*. 30. ~ *Подъ облакы* — высоко в небо (в небе): Боянь бо въѣщи, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣкрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ *подъ облакы*. 3. Мало ли ти бяшетъ горѣ *подъ облакы* вѣяти. 38. || *Перен.*: О Бояне, соловію стараго времени! а бы ты сіа плѣкы ущекоталь, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ *подъ облакы*. б».

В СРНГ слово *облако* описывается так:

«**Облако**, а, ср. 1. Туча, застилающая небо. || Туча грозовая либо исчерна темная. [Даль], „Тьма, облегающая вокруг“. [Даль]. 3. Туман. [Даль]: еще 3 значения не являются метеорологическими» [СРНГ, вып. 22: 83—84]. Эти значения в общем соответствуют тому, что можно вычитать из контекстов «Слова...» с семантической стороны.

Обращает на себя внимание то, что три из четырех примеров на слова *облакъ, облако* содержат это слово в сочетании с предлогом *подъ* и один — с предлогом *чрезъ*, примеры с предлогом *подъ* позволяют думать, что словами *облаки, облака* в тексте памятника обозначается природная проницаемая граница видимого мира. При этом слова *соколомъ подъ мълнами*, возможно, содержат указание на скрытность (ср.: *обѣсися синѣ мълнѣ* — о Всеславе, скрывшемся от чьих-то глаз). Впрочем, три контекста употребления формы *облаки* иллюстрируют употребление этого слова в составе поэтических метафор.

11. **Пороси.** Приведем статью СлСпрСПИг:

«**Порох — порохъ** — пыль (1): Земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ, *пороси* поля прикрываютъ. 12». Подавляющее большинство переводчиков и комментаторов «Слова...» видят в ней форму множественного числа от *порохъ* — ‘пыль’, что и нашло отражение в определении этой формы в Словаре «Слова...».

Загадочное слово *пороси* выглядит гапаксом «Слова...» или лексическим анахронизмом. Однако совсем не обязательно думать, что перед нами форма множественного числа от слова *порохъ* ‘пыль’. Диалектный материал дает две возможности для понимания контекста «Слова...». 1) «**Пѣрость, ж.** 1. Поросль; молодые деревья. 2. Лишай, растущие на пнях, поросль» [Даль]. 2) «[...] 2. **Порось, ж.** То же, что 1 Порость. *Порось зеленая, густая*. 3. **Порось, ж.** Мелкие капли росы на траве, растениях» [СРНГ, вып. 30: 80]. А. К. Югов считал, что в этом контексте «Слова...» отражено ботаническое значение слова *пороси*, что отмечено в СлСпрСПИг. Однако второе значение слова *порось* — ‘мелкие капли росы на траве, растениях’ идеально вписывается в контекст «Слова...», а диалектные данные устраняют всевозможные семантические допущения и анахронизмы, неизбежно возникающие при понимании формы *пороси* как «порох, ‘пыль’».

12. **Сморци.** Как и предыдущая лексема, форма *сморци* встречается в «Слове...» один раз: *Сморкъ — смерч (1): Прысну море полунощи; идут сморци мъглами*. 39. По данным СлСпрСПИг, слово *сморци* имеет параллель в Хронике Георгия Амартола: «И есть вода и [о]гнь подъ землею, а еже верху вода землѣ събрася въ снемъ единъ, и море наречено бысть; а еже подъ землею вода оста, бездна наречена бысть, из неяже яко сморци нѣкотории испущаются источници, на животь намъ и всякои животинѣ, огнюдоже и теплицѣ исходятъ». Примеры из «Слова...» и Хроники Георгия Амартола обособлены в СлСпрСПИг от примеров, в которых присутствует форма «смерч», и это оказывается в высшей степени оправданным.

Загадочное и, по сути, уникальное, хотя и не являющееся гапаксом слово *сморци* имеет единичное, но весьма репрезентативное соответствие в живых русских говорах: «**Сморак, м.** Дым, чад. *Не разлей молоко-то, а то смораку наделаешь*» (Иркутская обл., 1970) [СРНГ, вып. 39: 39]. Таким образом, исходной формой для *сморци* оказывается форма *сморъкъ*, а значением — ‘кочья тумана, стелющиеся по земле, подобные облакам’, ср. далее форму *мъглами* как творительный падеж сравнения, частотный и характерный для поэтики «Слова...».

13. **Туча.** Эта лексема встречается в тексте «Слова...» всего однажды:

«Туча (1) 1. Грозное, дождевое облако: Чёрная *туча* съ моря идуть, хотяъ прикрыти ѿ солнца, а въ нихъ трепещуть синіи мълніи. 12».

Другие значения, отмеченные СлСпрСПИг:

«2. Гроза. 3. Дождь. | В образных и переносных выражениях. 4. О большом количестве чего-л.».

Сравнительные данные для этого слова в изданных выпусках СРНГ и ПОС отсутствуют.

Рассмотрение тринадцати лексических единиц из «Слова о полку Игореве», входящих в тематическую группу метеорологической лексики, показывает нам следующее:

1. Слова, сохранившиеся в основных значениях в современном русском литературном языке, — *буря, ветер, гроза, громъ, дождь, молния, облако, туча* — встречаются в тексте «Слова о полку Игореве» в переносных значениях, в составе метафор, в стилистически маркированных контекстах. Таким образом, для автора «Слова...» это были лексические единицы, относящиеся к языку высокой поэзии. Их присутствие в современном русском литературном языке в статусе общеупотребительной лексики хорошо согласуется с процессом постепенного снижения стилистической характеристики слов от «высокого» до «среднего» стиля. Восприятие контекстов с этими лексическими единицами не представляет трудностей для современного читателя, однако стилистическая маркированность этих слов, определяемая только при анализе целостной системы лексических единиц, не осознается.

2. Слова *вихрь, мъгла ~ мъгла, пороси, сморци*, изменившие свое значение и сохранившиеся по большей части в русских говорах, по-видимому, не были столь ярко маркированы и относились к общеупотребительной стилистически нейтральной лексике. В соответствии с общими закономерностями снижения стилистических характеристик слов, а также в связи с внутренними перераспределениями значений между отдельными лексическими единицами данные слова оказались оттесненными на периферию словарного состава русского языка и сохраняются лишь в отдельных говорах в статусе диалектных слов. Из этого ряда слов только слово *мъгла* характеризуется многозначностью; в современном русском языке оно утрачивает метеорологическую семантику.

Обращает на себя внимание и то, что некоторые слова метеорологической семантики встречаются без эпитетов (например, *буря, ветер, гроза, дождь, облако* и др.), но многие из тех слов, для которых мы усматриваем на момент создания «Слова о полку Игореве» принадлежность к языку высокой поэзии, имеют эпитеты: *грому великому, синіи мълніи, синѣ мъглѣ* и *теплыми мъглами, чёрная туча*. Эти

наблюдения, как представляется, согласуются с данными анализа художественной системы «Слова...» в контексте поэтики фольклора [Новоселова 2007], однако сама стилистическая соотнесенность определяемых эпитетами слов и историко-диалектологическая дисперсность метеорологической лексики «Слова...», в результате которой одни слова сохранились в современном русском литературном языке, а другие стали редкими даже в говорах, являются довольно неожиданными для наблюдений над неплохо изученной лексикой «Слова о полку Игореве».

**Лексический атлас русских народных говоров
и перспективы дальнейшего историко-
диалектологического исследования лексики
памятников древнерусского языка
(выражение «лисицы брешють» в «Слове о полку
Игореве» и глагол брехать на карте № 14
Пробного выпуска ЛАРНГ)**

О важности диалектных данных для изучения исторической лексикологии русского языка и в частности лексики памятников древнерусского языка XI—первой половины XVI в. в литературе говорилось уже достаточно много, и здесь не было бы надобности повторяться. Более того, у историков языка могли появиться опасения, что в связи с объективными изменениями в функционировании диалектов и стремительными преобразованиями в их лексическом составе, которые наблюдают диалектологи повсеместно, современные диалектные материалы могут создавать впечатление, что их роль для исторической лексикологии может постепенно снижаться. Однако в наши дни имеет смысл еще раз вернуться к этой проблеме, поскольку совершенствование методов исследования диалектной лексики позволит получать качественно новые результаты в применении к истории слов. Как представляется, использование материалов ЛАРНГ и региональных атласов позволяет получать наиболее объективную картину бытования слов в границах определенного ареала, а по данным ЛАРНГ можно составить обобщающее представление о бытовании тех или иных лексических единиц в определенных микроареалах на различных территориях. При исследовании лексического материала памятника, территориальная приуроченность которого документирована или более или менее определена, сочетание историко-лексикологических и диалектологических исследований позволяет не только получить максималь-

но детализированную хронологическую картину бытования слов, но и получить ее пространственную проекцию, отражающую территориальную распространенность слова и в какой-то степени ее лингвогеографическую динамику.

Значимость изучения лексического состава такого памятника, как «Слово о полку Игореве», в связи с диалектными данными осознается в науке уже давно. Этому были посвящены работы Н. А. Мещерского [Мещерский 1956; 1956б], сохраняющие свое значение до нашего времени в равной мере как в методологическом плане, так и в плане вовлекаемого в исследование фактического материала. Особенно важно для нас и для дальнейшей перспективы исследований [Николаев 2014] то, что указанная статья до сих пор оказывается образцом того, насколько существенно в историко-диалектологических и ареальных исследованиях, во-первых, учитывать многозначность рассматриваемых лексических единиц и, во-вторых, осознавать возможность различия ареальных характеристик разных значений полисемантической лексемы на определенном синхронном срезе, в-третьих, понимать, что ареальная соотнесенность лексики памятника и словарного состава языка на определенной территории в определенный временной момент может быть установлена только на основе рассмотрения некоего множества лексических единиц, показывающих связи с интересующим исследователя ареалом.

«Слово о полку Игореве» в ряду интересующих нас проблем продолжает оставаться интереснейшим объектом для исследований не только ввиду исключительного положения этого памятника в древнерусской литературе и культуре, но и по той причине, что язык его имеет высококачественное лексикологическое и лексикографическое описание, в котором лексика «Слова...» подается в соотнесении с материалами других памятников древнерусского языка и оказывается интегрированной в пространственно-временной языковой континуум с достаточной степенью надежности. «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“», первый выпуск которого вышел в свет более 40 лет назад, до сих пор представляет собой практически безупречное справочное пособие по изучению истории лексики этого древнерусского текста.

Новые диалектные материалы, в отличие от словарного состава «Слова...», ввиду значительности объема более трудны для обозрения в связи с лексикой памятников. Это связано и с особенностями сбора материала, и со спецификой его преподнесения. «Точечные» наблюдения, открывающие присутствие какого-то слова в тех или иных современных говорах, требуют изучения большого массива диалектного материала, в то время как составление и издание диалектных словарей

оказывается длительным и сложным процессом, а картотеки доступны далеко не всем. Так, изучение лексики «Слова о полку Игореве» в соотношении ее со словарным составом псковских говоров, что могло бы пролить свет на «псковские следы» в истории «Слова...», существенно осложнено тем, что монументальный «Псковский областной словарь с историческими данными» издан пока только в объеме 25 выпусков, охватывающих, по оценкам, менее половины лексического материала картотеки этого словаря.

Выход в свет пробного выпуска ЛАРНГ показал, что этот проект может дать в распоряжение исследователей «Слова о полку Игореве» и других древнерусских памятников новые материалы, вызывающие чрезвычайный интерес. Так, на карте 1 пробного выпуска ЛАРНГ «Белка» представлена лексема *мысь*, которая давно принимается во внимание в критике текста «Слова...», причем фиксация этого слова в материалах ЛАРНГ оказывается не единичной⁴.

В Пробном выпуске ЛАРНГ на карте № 14 объектом описания оказывается глагол *брехать*, имеющий значение 'издавать громкие, характерные для лисы звуки'. Это значение заставляет вспомнить известный контекст «*лисици брешють на чърленья щиты*» из «Слова о полку Игореве», заметим, контекст, документирующий интересующий нас глагол в узком и конкретном значении — том самом значении, которое составляет предмет данной карты.

На карте № 14 Пробного выпуска ЛАРНГ «Издавать громкие, характерные для лисы звуки», на которой представлены всего 4 слова (*брехать*, *гавкать*, *лаять*, *тявкать*)⁵, глагол *брехать* картографирован вместе с тремя другими глаголами с тем же значением. Как явствует из справочных материалов к данной карте, этот глагол засвидетельствован в 92 из 1064 пунктов, где собирался материал для ЛАРНГ. Такая статистика, как думается, позволяет делать достаточно надежные выводы, поскольку в этом случае мы имеем дело отнюдь не с единичными фиксациями диалектного слова, а с вполне репрезентативной статистикой.

В комментариях к карте № 14 отмечается: «Несмотря на известную неполноту материала, предварительный лингвогеографический анализ карты позволяет дать некоторые ареальные характеристики картографируемых лексем, а именно глаголы *тявкать* и *лаять* являются преобладающими на всей картографируемой территории, тогда

⁴ Устное сообщение Т. И. Вендиной во время доклада автора на конференции в январе 2006 г., за которое автор выражает ей искреннюю признательность.

⁵ В пункте 222 [Лексический атлас 2004: 92] отмечена форма *нявкать*, не опечатка ли это?

как глаголы *гавкать*, *гамкать* и *брехать* характерны в основном для южнорусских говоров» [Лексический атлас 2004: 91]. Сам по себе данный вывод мало что дает для ареальной характеристики этой лексемы «Слова...» (в нем немало южнорусских лексических единиц), однако существенно то, что материалы ЛАРНГ позволяют оценивать бытование интересующих нас слов внутри синонимических рядов, т. е. в соотношении с другими словами, имеющими те же или сходные значения.

Согласно карте № 14, на которой, что немаловажно, представлены всего 4 слова (*брехать*, *гавкать*, *лаять*, *тявкать*; другие примеры, имеющиеся в Индексе материалов к карте, единичны), глагол *брехать* в значении 'издавать громкие, характерные для лисы звуки' фиксируется по всей западной границе распространения русских говоров, начиная от псковских, новгородских, смоленских говоров, отмечается в брянских, курских, белгородских говорах, на южной периферии донских говоров, к югу, востоку и северо-востоку от Москвы, отдельными точками отмечен в Нижнем и Среднем Поволжье с некоторой концентрацией в Верхнем Поволжье, изредка встречается в вятских и пермских говорах.

Из 92 пунктов картографической сетки ЛАРНГ, где отмечен глагол *брехать* в указанном значении, в 58 пунктах он имеет синонимы или дублиеты — это пункты № 24, 30, 31, 36, 41, 51, 62, 70, 106, 142, 159, 169, 187, 188, 205, 206, 211, 223, 235, 246, 247, 266, 269, 282, 300, 325, 341, 344, 364, 387, 390, 398, 421, 433, 436, 437, 463, 529, 564, 600, 794, 815, 847, 848, 877, 879, 884, 886, 944, 949, 952, 960, 962, 964, 980, 989, 1016, 1021. Это количество составляет почти две трети от общего числа мест фиксации данного глагола, и это означает, что данный глагол неизбежно вовлекается во взаимодействие с другими компонентами того синонимического ряда, в который он включается.

При этом только в 14 пунктах, т. е. в одной четверти всех тех точек, где для обозначения издаваемых лисой характерных для нее звуков засвидетельствован синонимический ряд или его подобие, глагол *брехать* стоит в этих рядах на первом месте, чаще же он занимает вторую или третью, соответственно, последнюю позицию. Отсюда становится понятным, что глагол *брехать* в значении 'издавать громкие, характерные для лисы звуки' почти во всех говорах, где он отмечается, представляет собой архаическую, уходящую из активного употребления лексическую единицу, вытесняемую синонимами. Доминирование в рассматриваемом материале тех глаголов, которые часто используются по отношению к собаке, заставляет думать, что в каких-то говорах мы имеем на месте данного значения в наши дни лексическую лакуну, заполняемую за счет широты значения глаголов

лать, тьякать и им подобных. Правда, в 26 пунктах — пункты 140, 166, 242, 324, 462, 537, 545, 578, 583, 589, 608-609, 614, 676, 743, 766, 846, 849, 853, 883, 895, 905, 908, 938, 954, 1024 — глагол *брехать* все же не имеет синонимов или дублетов.

Выводы, которые мы можем сделать из наблюдений над ареальными характеристиками глагола *брехать*, согласно карте № 14 Пробного выпуска ЛАРНГ, таковы:

1. Ареал глагола *брехать* в современных русских говорах оказывается в достаточной мере размытым. Он включает говоры, ареал которых соприкасается с местами, где могло быть написано «Слово о полку Игореве», однако же сам по себе данный глагол определенно не может служить территориальной приметой языка «Слова...».

2. Почти в двух третях пунктов, где фиксируется глагол *брехать* в применении к голосу лисицы, а именно в 58 пунктах из 92, этот глагол имеет синонимы или дублеты, и только в 14 пунктах он может претендовать на первую позицию в синонимическом ряду. Повторяем — так ведут себя архаические, уходящие из языка лексемы, и не случайно такое поведение их высвечивается еще более рельефно в связи с показаниями древних письменных памятников. Приходится не без некоторой грусти признать, что диалектная лексика, напрямую соотносимая по семантике и по форме с лексикой древнерусских памятников домонгольского периода, в большинстве современных говоров приобретает статус архаизмов. Архаический характер глагола *брехать* применительно к лисицам, то, что в сравнении с другими глаголами, отраженными на карте № 14 Пробного выпуска ЛАРНГ, он является не просто старой, а именно уходящей из диалектной речи лексической единицей, прослеживается именно в слабости его позиций в синонимическом ряду среди других глаголов. Кстати, и слово *мышь* ‘белка’ имеет такую же судьбу — в единственном пункте 216, где оно отмечено, оно стоит третьим в синонимическом ряду после слов *белка* и *векиша* [Лексический атлас 2004: 46].

Перевод первого издания «Слова о полку Игореве» 1800 года как памятник истории русского литературного языка XVIII века и как источник изучения оригинального текста «Слова...»

В «Слове о полку Игореве», как это ни парадоксально, заключено сразу несколько памятников русского литературного языка. Прежде всего это текст, демонстрирующий состояние и процессы русского литературного языка последней четверти XII в. — того времени, когда

«Слова...» было написано. То есть «Слова о полку Игореве», что не подлежит сомнению, является памятником древнерусского литературного языка домонгольского периода, а скептические соображения на этот счет, оформленные в виде монографии А. А. Зимина [Зимин 2006], имеют даже не исторический, а историографический интерес. Перевод «Слова...», сделанный первыми издателями этого произведения, а именно Н. Н. Бантыш-Каменским и А. Ф. Малиновским в 1790-е гг. (см.: [Дмитриев 1960; Козлов 1985; 1988; 1999]), представляет собой даже не просто ценный образец русского литературного языка XVIII в., но весьма примечательный пример переводческой работы с текстом, оригинал которого представляет близкородственный язык или — в нашем случае — старшую формацию русского литературного языка. Наконец, разнообразные переводы и переложения «Слова...», выполненные в XIX—XX вв., органично входят в корпус поэтических текстов соответствующего времени и вполне могут изучаться в контексте тех или иных синхронных состояний русского литературного языка. Наконец, прозаические переводы «Слова...» могут рассматриваться как научные опыты перевода литературных произведений с древнерусского языка, и лингвистическое описание таких переводов еще не имеет своего формата, в котором должны находить отражение такие факты, как различия в разновременных переводах, соотношение оригинала и перевода, степень соответствия перевода тем или иным нормам литературного языка, соответствующим данному переводу во времени. Правда, мы должны оговорить, что не собираемся пока говорить здесь о переводческой практике первых издателей «Слова...», — как показывают наблюдения над материалом, это отдельная тема в изучении переводческой практики конца XVIII в. В настоящей статье первый перевод «Слова...» будет интересовать нас как лингвистический источник, прежде всего как источник лексического материала.

В настоящее время мы знаем имя автора первого перевода «Слова о полку Игореве» — это А. Ф. Малиновский. Из материалов архива А. Ф. Малиновского, как это было установлено еще М. Н. Сперанским [Сперанский 1967], было известно, что А. Ф. Малиновский принимал деятельное участие в подготовке перевода «Слова...» [Дмитриев 1995а]. В наше время эти сведения подтверждены документальными данными, связанными с некоторыми экземплярами первого издания «Слова о полку Игореве», сохранившимися до наших дней. В частности, из записи на экземпляре первого издания «Слова...», принадлежавшем А. И. Сулакадзеу и хранящемся ныне в Фундаментальной библиотеке РГПУ им. А. И. Герцена, куда он попал в составе коллекции Н. М. Каринского, явствует, что перевод древнерусского текста «Слова...» был сделан именно А. Ф. Малиновским [Селиванова 2006].

Перевод «Слова...», впервые опубликованный в 1800 г., не входит в перечень источников «Словаря русского языка XVIII века», в какой-то мере это понятно, и такой подход разработчиков концепции словаря можно считать оправданным. Тем не менее в наше время можно и даже следует говорить о том, что отдельные примеры из этого перевода могли бы быть использованы для составления «Словаря русского языка XVIII века» и для описания лексики русского языка конца XVIII в., документированной переводом «Слова...». Насколько нам известно, этот перевод в равной мере не привлекал внимания исследователей поэтического стиля русской литературы рубежа XVIII и XIX вв., хотя в разнообразных рецепциях «Слова...» в русской поэзии, литературно-художественной критике и других жанрах изящной словесности можно усматривать воздействие не только оригинала «Слова о полку Игореве», но и его разнообразных переводов и переложений.

Язык перевода «Слова...», выполненный его первыми издателями, неравноценен на разных уровнях. Во-первых, сколь бы неожиданным это ни казалось, мы практически не можем изучать синтаксис перевода «Слова...». Причина для этого одна, но она необычна и исключительно важна — в переводе «Слова о полку Игореве» 1800 г. отмечается более 100 случаев инверсии, т. е. изменения порядка слов в переводе по отношению к оригиналу на обратный — причем, как можно судить, это намеренно применяемый переводчиком прием «дистанцирования» перевода с древнерусского языка от своего оригинала, так сказать, прием «отстранения» перевода, публикуемого, напомним, параллельно с древнерусским оригиналом. Приведем некоторые примеры:

*Сей Игорьъ, напрягши ум свой крепостию, поощрив сердце свое мужеством и исполнясь духа ратнаго*⁶, // *иже истягну умь крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ наплѣннися ратнаго духа* (5)⁷.

Тогда взглянул он на солнце светлое и, увидев мраком покрытое все войско свое // *Тьгда Игорьъ възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты* (5).

Охабнями, плащами, шубами и всякими половецкими нарядами по болотам и грязным местам начали мосты мостить // *Орьтьмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорочьи Половѣцкыми* (11).

⁶ Обращаем внимание, что нередко при дипломатическом воспроизведении перевода первого издания «Слова...» публикаторы модифицируют его орфографию.

⁷ Цифры в скобках указывают на страницы первого издания «Слова...» 1800 г.

Ты, стоя на стороже, градом пускаешь стрелы на врагов своих, а булатными мечами гремишь об шлемы их // стоиши на борони, прищеси на вон стрѣлами, гремлеши о шелома мечи харалужными (13).

Наблюдения над синтаксисом перевода «Слова о полку Игореве» 1800 г. в сравнении с оригиналом могут быть продолжены, однако ясно, что синтаксический строй этого перевода не вполне самостоятелен и что он не столько воспроизводит оригинал, сколько намеренно, в соответствии с представлениями переводчика, контрастирует с ним.

Что касается лексики перевода «Слова...», выполненного в конце XVIII в., то мы, разумеется, имеем право подходить к этому переводу как к оригинальному тексту и брать из него для анализа любые примеры. Более того, мы, наверное, можем даже составить словарь к этому переводу — вопрос будет заключаться лишь в том, насколько это имеет смысл, поскольку в этом переводе имеют место ошибочные интерпретации древнерусского текста «Слова о полку Игореве» типа «**Къ мети**» вместо *къмети*, «**Курска**» вместо *куръ* и т. п., а также очень вольные перифразы отдельных мест; ср.: *Ибо когда мудрый Боян хотел прославлять кого, то носился мыслию по деревьям* (2—3). Как в древнерусском оригинале, так и в первом переводе (и в любом другом переводе) «Слова...» очень много общерусской лексики (*князь, сокол, меч* и т. п.), которая не изменилась на протяжении последних восьми веков ни с формальной, ни со смысловой стороны и описание которой ничего не даст ни для изучения языка «Слова о полку Игореве», ни для рецепций «Слова...» в последующие периоды истории языка — единственным направлением в изучении такой лексики остаются поэтика и лексическая стилистика этого произведения [Бурыкин 2003; 2004].

Лексический материал перевода «Слова о полку Игореве» 1800 г., о котором хотелось бы поговорить, подразделяется на несколько групп.

1. Интересны примеры с лексическими заменами известных и понятных читателям XVIII в. древнерусских слов, для которых переводчик тем не менее находит новые эквиваленты. Рассмотрим примеры: *Начать же сию песнь по бытиям* /= *былинам*/ *того времени, а не по вымыслам* /= *замыслению*/ Бояновым (1—2) ...*все пути им сведомы* ⁸ /= *вѣдоми*/, *все овраги знаемы* (2), — обратим внимание на форму. *свѣдоми* в другом контексте в оригинале: *а мои ти Куряин свѣдоми къ мети* (= *къмети*). Еще примеры: *скрывают возы* /= *тѣлѣгы*/ *в полуночи, как лебеди скликааяся* (9); *Прошли съезды Трояновы* ⁹, *протекли*

⁸ Вопрос: откуда в переводе «Слова...» появилось эта форма, если не из древнерусского оригинала?

⁹ Как известно, в выписках Н. М. Карамзина в этом фрагменте древнерусского текста вместо *вѣчи* встречается другое слово — *сѣчи*, графически

лета Ярославовы, **миновались** брани Олеговы, Олега Святославича (14—15). Тем временем нечестивые со всех сторон стекались на **одоление** /= побѣдами нарищюще/ Русской земли (19). Ваши храбрые сердца из крепкого **булата** /= въ жестоцѣмъ харалузѣ/ скованы и в **буйстве** /= въ буети/ закалены (26). Заметим, что один раз слово **буйство** уже встречается в переводе памятника, но там оно буквально воспроизводит словоупотребление древнерусского текста: и великое **буиство** подаеть Хинову — и придали Хану их великое **буйство** (25); здесь эта лексема передает другое слово с тем же корнем.

2. Привлекают внимание такие примеры, когда в оригинале и в первом переводе «Слова...» встречаются одни и те же слова, но между ними издатели не усматривают отношений эквивалентности, и в древнерусском тексте и переводе эти слова нередко встречаются в разных контекстах и в разных местах текста памятника. Рассмотрим их на примере одного наиболее показательного для данной группы слова — слова *мгла*. В ряде примеров из перевода 1800 года это слово буквально соответствует древнерусскому: *потом побегжал он лютым зверем в полуночи из Бела-города, закрывшись мглою синюю* /= **обѣсися синѣ мѣглѣ**/ (35). Примеры: *Ночь меркнет, свет зари погасает, мглою поля устилаются* /= **мѣгла поля покрыла**/, *песнь соловьиная умолкает* (10)¹⁰. Однако в других случаях эквивалентности не наблюдается, так, в примере *Взволновалось море в полуночи; мгла столбом*¹¹ *подымается* /= **идуть сморци мѣглами**/; князю Игорю Бог путь кажет из земли Половецкой в землю Русскую слово *мгла* «повышено в ранге» за счет изменения синтаксической конструкции; наконец, в одном случае древнерусское *мѣгла* просто заменяется словом *облако*: *Он помчался на борзом коне и, скочив с него, босым волком побегжал к лугу донецкому; летел соколом под облаками* /и **полетѣ соколомъ подѣ мѣгла**-

в своем начале похожее на слово *сѣзды* [Слово о полку... 1985: 26]. Здесь имеют место явные, причем неоднозначные разночтения текста и перевода памятника в рассматриваемом издании. Это может свидетельствовать о том, что в распоряжении издателей «Слова...» были копии с другими чтениями и переводами отдельных мест памятника. О слове *сѣзды* в переводе первого издания «Слова...», выступающем как эквивалент формы *вѣчи*, нам еще придется сказать ниже.

¹⁰ Слово *Дълго*, отделенное от начала приведенной фразы точкой (хрестоматийный пример пунктуационных неточностей первых издателей «Слова...», показываемый в громадном количестве комментариев), вообще осталось без перевода в издании 1800 г.

¹¹ *Столбом* здесь — явное понимание лексемы *сморци* как ‘смерчи’, свойственное громадному большинству комментаторов, и еще одно свидетельство аутентичности и самого наличия древнерусского оригинала текста XII в. в распоряжении издателей.

ми/, *побивая гусей и лебедей к завтраку, к обеду и к ужину* (39—41). Видимо, в подобных случаях в переводе «Слова о полку Игореве» 1800 г. вскрываются некоторые поэтические вольности издателей, внедренные ими в перевод в ущерб его филологической точности.

3. В переводе «Слова...» 1800 г. имеются случаи, когда одно и то же древнерусское слово в одном и том же значении имеет разные лексические соответствия. Яркий пример этому — переводы слова *поганый*. Чаще всего оно переводится словом *нечестивый*: *Не родилось оно обид терпеть ни от сокола, ни от кречета, ни от тебя, черный ворон, нечестивый (= поганый) половчанин!* (11); *Тем временем нечестивые (= погании) со всех сторон стекались на одоление Русской земли* (19), однако иногда это слово имеет другой эквивалент: *Нечестно ваше одоление, неправедно пролита вами кровь неприятельская (= кровь поганую проліясте)* (26). *Стреляй, о государь! в Кончака и в неверного /= поганаго/ Кощя...* (30).

4. Как кажется, в ряде контекстов перевода «Слова...» 1800 г. отмечается сохранение древнерусской лексики оригинала «Слова...», что приводит к явным ошибкам в его понимании. Один пример такого рода: *На реке Каяле свет в тьму превратился; рассыпались половцы по Русской земле, как леопарды, из логовища вышедшие; погрузили в бездне силу русскую и придали хану их великое буйство* (25). Наряду с примерами, обсуждавшимися выше, этот случай показывает, что издатели так и не разобрались до конца со значениями слов с корнем *буй*, а материалы перевода «Слова...» 1800 г. дают основания для продолжения разговора об этих словах, начатого в известных статьях Б. А. Ларина [Ларин 1962; 1963; 1977; 2003].

5. Примеры, когда древнерусские лексемы, имеющие разные значения и входящие в синонимические ряды, получают в переводе «Слова...» 1800 г. весьма разнообразные эквиваленты, в нашем материале достаточно многочисленны. Такие случаи наблюдаются в самых разных группах слов. Рассмотрим их:

а) военная лексика. Слова *рать* и *тьлкъ* имеют в переводе 1800 г. разные соответствия в одной и той же фразе — *Так бывало во время прежних браней и от тогдашних войск, а такого сражения еще и не слышано / То было въ ты рати и въ ты тьлкъ, а сицеи рати не слышано* (17) — при том что слово *тьлкъ* чаще — и совершенно справедливо — передается словом *поход*, а иногда и словом *брань*, ср.: *миновались брани /= плъци/ Олеговы, Олега Святославича*. Не вполне ясно, почему слово *въѣжа* имеет перевод заставка: *Застонала земля, зашумела трава; двинулись заставы половецкия* (40);

б) географическая лексика. Слово *яругы* из древнерусского текста памятника имеет в переводе два разных эквивалента — ср.: *все овраги знаемы /= яругы имъ знаемы/* (8), *но наступил он на землю Половец-*

кую, притоптал холмы и **буераки**, помутил воду в реках и озерах, иссушил **источники** и болота, а нечестивого Кобыка из **луки морской**, из середины железных великих полков половецких, подобно вихрю, исторгнул (27—28);

в) наименование русских — слово **русичи**. Эта древнерусская лексема обнаруживает в переводе «Слова...» 1800 г. два соответствия — *россияне* и *руссы*, вполне соответствующие поэтическому и вообще торжественному словоупотреблению своего времени. Ср.: *Хочу, — сказал он, — с вами, **россияне!** (= **русичи**) переломить копье на том краю поля Половецкого* (6); *Недостало у них вина кроваваго; храбрые **руссы** там пир свой кончили (= **ту пирь dokonчаша храбрии русичи**), сватов попоили, а сами полегли за землю Русскую* (18);

г) лексика, выражающая чувства и душевные состояния. Лексемы этой группы часто заменяются в переводе 1800 г.: *Увяла трава от жалости, наклонились деревья от **печали** (= стугою <**съ туюю** или **ся туюю**> (18—19). Уныли в то время городские стены, **помрачилось** (= **понице**) веселие (22) все милья прихоти, обычаи и **приветливость** прекрасной своей супруги Глебовны!* (14) — любопытно, что древнерусский оборот из этого фрагмента «Слова...» — *свычяя и обычяя* вошел в поэтическую фразеологию русского языка до известной меры вопреки первому переводу «Слова...» и языковым вкусам издателей, не сохранивших его в переводе;

д) поэтическая лексика. В этой группе слов показателен следующий ряд замен: *лисицы лают на **багряные** (= чръленыя) щиты* (10), *Ты, стоя на стороже, градом пускаешь стрелы на врагов своих, а **булатными** (= **харалужными**) мечами гремишь об шлемы их* (13). Загадочное слово **харалужный**, естественно, не вошло в поэтическую лексику русского языка более поздней формации хотя бы по той причине, что оно не встречается в других литературных или фольклорных источниках, однако же мы находим его в русском переводе поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре», выполненном в середине XX в. Ш. Нуцубидзе. Показательна и замена слова **блъвань** словом *истукан*, ср.: *по Волге и по морю, по Суле, по Суражу в Корсуне и у тебя, Тматороканский **истукан!*** (9), соотносимая с поэтическим узусом первой четверти XIX в., ср. у А. С. Пушкина: «*Кто ж вступился за Пифона, Кто разбил твой истукан?*»;

е) глаголы речи. В переводе «Слова о полку Игореве» 1800 г. явно заметно стремление разнообразить репертуар глаголов речи и произнесения поэтических текстов. Так, формы глагола **речи** имеют разные эквиваленты в разных фрагментах текста: **произнес** /= *рече/ к дружине своей*: — *Братья и друзья!* (5—6). *Богатырь же Всеволод **вещает** /рече/ к нему* (7). ***В ответ** на сие Гзак **сказал** Кончаку /= и *рече/ (43—44), **брат брату стал говорить** /= *рекоста бо братъ брату/***

(19), *Бояре князю отвечали /И ркоша бояре князю/* (34). Есть примеры сохранения глаголов речи в переводе, например: *Тебе бы, мудрый Боян, внук Велесов! сие воспеть /= чи ли въспѣти было/*. (7) *Молвил Гзак Кончаку /Млѣвити/* (43), но *Гзак Кончаку отвечствовал /= и рече/* (43) — однако не всегда глагол **млѣвити** воспроизводится в переводе, ср.: *И начали князья за малое, как будто бы за великое, ссориться /и начаша князи про малое, се великое млѣвити/* (19). Другие глаголы речи иногда сохраняются в переводе с заменой форм времени (что вообще нередко для анализируемого перевода!), ср.: *соловьи веселым пением свет поведали (= повѣдаютъ)* (43), но гораздо чаще заменяются формами, обычными для русского языка XVIII в., чему имеется множество примеров: *Поют девицы на Дунае; раздаются (= вьются) голоса их чрез море до Киева* (44—45), *Славу князей гласили /= князѣмъ славу рокоташу/* (4), *тебе бы надлежало провозгласить о сих подвигах /А бы ты сія плѣкы ушекоталъ/* (6). Форма **аркучи** передается формами глагола *приговаривать*, чаще всего деепричастием *приговаривая* (20, 38, 39). Однако оставлено без перевода и даже без попытки воспроизвести его словосочетание **пѣснь творити**.

6. Соотношение славянизмов в тексте и переводе «Слова...» 1800 г. демонстрирует такую же картину, какая наблюдается в других группах лексики — иногда славянизмы оригинала «Слова...» сохраняются в переводе, иногда неполногласные формы заменяются в переводе на полногласные, а иногда наоборот — полногласные формы заменяются в переводе «славянскими» формами.

Тогда Игорь князь, вступя в золотое стремя /въ златъ стремень/ (8), *Солнце своим затмением преграждает путь ему /= заступааше/* (8), *песнь соловьиная умолкает /= щекоть славій/* (10), *Преградили Россияне багрянными щитами широкие поля /= прегородиша/* (10), *а с ними золото /= злато/* (11), *и дорогія (sic!) бархаты /= драгыя оксамиты/*¹² (11), *дремлет в поле Ольгово храброе гнездо /= хороброе/* (11), *Бесовы дети оградили /= прегородиша/ стан свой криком, а храбрые россияне [форма преградиша осталась без эквивалента и попросту опущена] багрянными щитами* (13). В последнем примере в переводе 1800 г. не поддержана красивая игра форм оригинала, где по соседству стоят рядом полногласная и неполногласная формы **прегородиша** и **преградиша**.

Еще примеры соотношения полногласных и неполногласных форм в переводе «Слова...» 1800 г. в сравнении с оригиналом: *Не ваши ли*

¹² Похоже, что в переводе 1800 г. по какой-то причине оказалась воспроизведена древнерусская форма винительного падежа полного прилагательного, с определенностью имеющаяся в древнерусском оригинале, но не соответствующая нормам русского языка XVIII в.

позлащенные шлемы /= **злаченными** шело~~м~~ы/ в крови плавали? (29), **Вступите**, государи, в свои **златыя** /= **злата**/ стремена за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича. А ты, Осмомысл Ярослав Галицкий! Высоко сидишь на своем **златокованом** /= **златокованнѣмъ**/ престоле. Ты подпер горы Венгерския своими полками железными, ты **заградил** /= **заступивъ**/ путь королю, ты затворил Дунаю ворота, бросая тягости чрез облака и простирая власть свою до той реки! Грозное имя твое разнеслось по всем землям; **отверзт** тебе путь к Киеву, стреляешь ты с отеческого **золотого** престола /= **злата** стола/ на солтанов в земли дальняя. Стреляя, о государь! в Кончака и в **неверного** Коцея за землю Русскую, за раны **храброго** /= **бугею**/ Игоря Святославича. А вы, о **храбрые** Роман и Мстислав! Потрясась от них земля и многия страны ханския. Литва, ятвяги, деремела и половцы, повергнув свои копыя, **подклонили**¹³ свои головы /= главы/ под те мечи булатные. Храбрые князи Ольговичи на **брань** /= **браны**/ поспешили. Ингварь и Всеволод, и все трое Мстиславичи, не худого гнезда шестокрилицы, не победами ль жребий **власти** вы себе доставили? К чему же вам **золотые** шлемы /= **злати** шело~~м~~ы/, копыя и щиты польские! **Заградите** /= **загородите**/ в поле ворота стрелами своими острыми, вступите за землю Русскую, за раны храброго Игоря Святославича. ...Не было тут братьев ни Брячислава, ни Всеволода; он один испустил жемчужную свою душу чрез **золотое** /= **злато**/ ожерелье из храброго тела (29—34); к золотому престолу /= **злату** столу/ отеческому (40). Во-первых, представленные наблюдения над переводом «Слова...» 1800 г. заставляют вспомнить о том, что славянизмы в русском языке XVIII в. были стилистической категорией [Замкова 1975], во-вторых, из них явствует, что употребление полногласных и неполногласных форм в переводе «Слова...» 1800 г. соответствует принципам перевода памятника с древнерусского языка, которыми руководствовались издатели — по возможности дистанцировать в языковом отношении друг от друга оригинал и перевод даже при наличии в них сходных по форме и значению языковых элементов. Вероятно, в дальнейшем есть смысл систематизировать употребление полногласных и неполногласных форм в оригинале и первом переводе «Слова...» и проанализировать их соотношение как внутри двух текстов, так и в соотношении друг с другом — дело в том, что в нашем распоряжении имеется не так уж много материала, который позволял бы следить за употреблением славянизмов в языке XVIII в. на фоне значительного массива полногласных и неполногласных форм, обуславливающих выбор той или иной формы и ее стилистическую маркировку. Думается, интересно было бы привлечь к об-

¹³ По источникам текста во всех известных рукописях читается **поклониша**.

суждению этих групп лексики «Слова...» и диалектный материал [Порохова 1988].

7. В переводе «Слова о полку Игореве» 1800 г. в достаточном количестве документируется общеупотребительная лексика, фоновая для текста памятника и не относимая к поэтической лексике — безотносительно к соответствиям или несоответствиям древнерусского оригинала и переложения. Поскольку такие случаи не требуют комментариев, мы ограничимся приведением примеров: *Не буря соколов занесла чрез поля широкия, слетаются галки стадами к Дону великому* (7). *Ржут кони за Сулою* (7), *волки по оврагам вытьем своим страх наводят* (9); *Охобнями, плащами, шубами и всякими половецкими нарядами по болотам и грязным местам начали мосты мостить* (11); *одевали вы меня (он боярам рассказывал) черным покровом на тесовой кровати; подносили мне синее вино, с ядом смешанное; сыпали из пустых колчанов на лоно мое крупный жемчуг в нечистых раковинах и меня не жили. На златоверхом моем тереме будто б все доски без верхней перекладкины; будто б во всю ночь с вечера до света вороны каркали, усевшись у Пленска на выгоне в дебри Кисановой, и не полетели к морю синему* (23—24).

Когда сокол *перелиняет*, тогда он птиц высоко загоняет и не дает в обиду гнезда своего. Но то беда, что мне князья не в пособие; время все *переиначило*. Уже кричит Урим под саблями половецкими, а Володимир под ранами. Горе и печаль сыну Глебову! О великий князь Всеволод! Почто не *помыслишь* ты прилететь издалека для защиты отеческого золотого престола? Ты можешь Волгу веслами *разбрызгать*, а Дон шлемами *вычерпать*. Когда бы ты здесь был, то б были Чага по ногате, а Кощей по резани. Ты можешь на сухом пути живыми шереширами стрелять чрез удалых сынов Глебовых (27—29); Не ваша ли храбрая дружина *рыкает*, подобно *волам* (= аки тури), израненным саблями булатными / = калеными / в поле неизвестном? (29), Ярославнин голос слышится; она, как оставленная *горлица*, по утрам *воркует*: «Полечу я, — говорит, — *горлицею* по Дунаю, обмочу бобровой рукав в реке Каяле, оботру князю кровавые раны на твердом его теле». Ярославна поутру плачет в Путивле на городской стене, приговаривая: О ветер! Ветрило! К чему ты так сильно веешь? К чему навеваешь легкими своими крылами хиновския стрелы на милых мне воинов? (37—39) Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур (Лавер) волком побежал, *отрясая* с себя росу холодную, ибо *утомили* они своих борзых коней (41), и охраняя его как *гоголя* на воде, как чайку на струях, как *чернядей* на ветрах (42), Тогда вороны не *каркали*, галки умолкли, сороки не *стрекотали*, но двигались только по сучьям; дятлы, *долбя*, к реке путь показывали; соловьи веселым пением свет *поведали* (43). Отмеченные примеры вполне могут занять свое место

в картотеке «Словаря русского языка XVIII в.» и быть использованы при работе над этим словарем.

Таким образом, первый перевод «Слова о полку Игореве», помещенный в мусин-пушкинском издании «Слова...» 1800 г., является не только любопытным и важным для науки примером перевода текста с древнерусского языка, выполненного в конце XVIII в., и не только свидетельством работы филологов конца XVIII в. над словарным составом и синтаксическим строем древнерусского текста — этот перевод также представляет собой памятник русского литературного языка XVIII в., язык его интересен для лексикологических исследований, лексикографического описания, а также для исторической стилистики и топики русской поэзии и прозы конца XVIII—начала XIX в. Однозначно ясно, что такие темы, как влияние древнерусского оригинала и первого перевода «Слова...» на русскую поэтическую лексику и фразеологию XIX—XX вв., еще очень далеки от своей исчерпанности, несмотря на то что многие крупные ученые-лексикологи посвятили им немало специальных исследований.

В заключение нам хотелось бы обратить внимание на один из фрагментов перевода «Слова о полку Игореве» 1800 г., который имеет самостоятельную ценность для обсуждения совсем другой проблемы — проблемы аутентичности, подлинности «Слова о полку Игореве» и который уже приводился выше. Это фраза *Прошли съезды Трояновы, протекли лета Ярославовы, миновались брани Олеговы, Олега Свято-славича* (14—15). Здесь словом *съезды* передается форма **вѣчи**, в которой издатели «Слова...», начиная с М. А. Максимовича, видели форму именительного падежа множественного числа слова **вѣкъ** — **вѣци**; так понимали эту форму А. А. Потебня, О. Огоновский, А. Ф. Вельтман и другие (только Н. М. Карамзин, очевидно, основывавшийся на своих выписках, и Н. Ф. Грамматин читали эту форму как *сѣчи*, что, впрочем, не согласуется с переводом 1800 г.), а Н. С. Тихонравов, П. В. Владимиров и С. К. Шамбинаго правильно полагали, что *и* в этой форме было заменено на *ч* под воздействием диалектов, возможно, языка переписчика-псковича [Перетц В. Н. 1926а: коммент., фрагм. VIII]). То, что в переводе этого фрагмента, выполненном первыми издателями, появляется слово *съезды*, однозначно указывает на одно: издатели приняли диалектную форму **вѣчи** за форму множественного числа другой лексемы — лексемы **вѣче**, чего не заметил В. Н. Перетц и чего не видят и другие комментаторы. Очевидная ошибка переводчика, не попадавшая в поле зрения исследователей, и ошибка чтения текста первыми издателями «Слова о полку Игореве», которая была исправлена с легкостью последующими комментаторами и публикаторами памятника, в наши дни выступает как неоспоримое свидетельство подлинности «Слова о полку Игореве» как памятника конца XII в. А. И. Му-

син-Пушкин и его помощники, подготовившие издание «Слова...» 1800 г., вполне могли не знать русской диалектной фонетики в 600-летней исторической перспективе, но вряд ли какой-либо фальсификатор древних славянских рукописей мог, рискуя своей репутацией грамотного человека, перепутать два разных слова — *век* и *вече* — или грамматические формы двух разных слов.

Отечественная наука о «Слове о полку Игореве», которая имеет более чем 200-летнюю историю, постепенно расширяет предмет своих исследований. Первый перевод «Слова о полку Игореве», как мы стремимся показать, заслуживает пристального внимания и как продукт исследований этого произведения, и как особый образец русского литературного языка XVIII в., оказавший влияние на поэтический стиль первой половины XIX в. и практику перевода и издания произведений древнерусской книжности.

Проблематика изучения лексики «Задонщины»: задачи, проблемы, перспективы

Не будет преувеличением сказать, что русская историческая лексикография в наши дни находится в активной фазе своего развития. Близка к завершению более чем тридцатилетняя работа над «Словарем русского языка XI—XVII веков», продолжается издание «Словаря древнерусского языка XI—XIV веков», сравнительно недавно издан «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П. Я. Черных, нашедший свое место в ряду отечественных исторических словарей. Продолжается издание «Псковского областного словаря с историческими данными». Вышли в свет пять выпусков «Словаря обиходного языка Московской Руси XVI—XVII веков». Данный перечень был бы неполным без упоминания о переизданиях знаменитых «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, которые стали доступны для пользователей в нескольких электронных версиях.

Названные словари охватывают разные хронологические периоды. Словарь Срезневского и «Словарь русского языка XI—XVII веков» охватывают весь древнерусский период истории русского языка. «Словарь древнерусского языка XI—XIV веков» является лексикографической разработкой языка рукописей старшего периода, и он существенно расширяет наши представления о лексике древнерусского языка внутри указанных хронологических рамок. Другие словари, в том числе и те, что перечислены во вводной статье к первому выпуску «Сло-

варя обиходного языка...», относятся ко второй половине XV—началу XVIII в.

Что касается жанра словаря по языку отдельных памятников, рукописей и авторов, то он в наши дни малопопулярен, хотя им далеко не исчерпан материал, который может служить основой для таких словарей. Образцами словарей такого типа надолго станут «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“» (вып. 1—6. М., 1965—1982) и «Лексика и фразеология „Моления Даниила Заточника“» (Л., 1981; 2-е изд. СПб., 2007). Все памятники, по которым составлены специальные словари, относятся к «старшему» периоду истории русского литературного языка (по С. П. Обнорскому), соответственно, язык памятников более позднего времени еще не стал объектом текстовой лексикографии.

Язык такого памятника древнерусской литературы, как «Задонщина», на протяжении последних полутора столетий был предметом особого внимания специалистов, а само это произведение привлекало внимание литературоведов в течение того же времени по одной и той же причине — «Задонщина», повествующая о Куликовской битве, была написана под влиянием «Слова о полку Игореве», с использованием образной системы «Слова...» и его языковой фактуры. Причем по какому-то стечению обстоятельств сам факт существования «Задонщины» и языковой материал этого произведения стал использоваться для обоснования двух противоположных утверждений — как аргумент в пользу подлинности «Слова о полку Игореве», с наибольшей надежностью датируемого последними 15 годами XII в. (точнее — от осени 1185 г. до середины 1190-х гг.), и одновременно как аргумент в пользу вторичности (или поддельности) «Слова...» (известное мнение А. А. Зими́на). Итоги исследования отношений «Слова о полку Игореве», «Задонщины» и других произведений, повествующих о Куликовской битве, были подведены в обобщающей коллективной монографии, которая и в наши дни может считаться самым авторитетным исследованием в области литературной истории, текстологии и языка «Задонщины» [«Слово...» и памятники 1966]. Станным на фоне более чем солидных трудов по языку «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» в сопоставительном плане выглядит то, что никто из исследователей языка и прежде всего словарного состава разных списков «Задонщины» не оформил итогов своих разысканий в виде словаря или хотя бы объемных очерков по лексике этого памятника.

С учетом того, что сказано выше о развитии русской исторической лексикографии в наши дни, обращение к составлению словаря языка «Задонщины» будет иметь особую актуальность. Прежде всего, здесь проявится поддержание традиции составления словарей по языку от-

дельных памятников древнерусского языка. Далее, лексикографическое описание языка текста начала XV в., представленное в рукописях, лишь незначительно отстоящих по времени от момента написания «Задонщины», обеспечивает достоверность отнесения извлекаемой из языка памятника информации к тому историческому периоду, к которому относятся сама «Задонщина» и рукописи, сохранившие ее текст. Таким образом, работа над словарем языка «Задонщины» может заполнить ту хронологическую лауну, приходящуюся как раз на XV в., которая обозначается при изучении состава источников и хронологических границ наиболее подробных исторических словарей русского языка. Напомним, что «Словарь русского языка XI—XVII веков», отмечающий наиболее ранние и наиболее поздние фиксации описываемых в нем слов, в отношении материала, фиксируемого на протяжении всего указанного в заголовке словаря периода, невольно выпускает из поля зрения лексические материалы, относящиеся к среднерусскому периоду, и как бы оставляет их для проработки в каком-то ином словаре. Таким образом, составление словаря к «Задонщине» даст возможность, с одной стороны, опираться на имеющиеся и вновь издаваемые словари древнерусского языка, с другой стороны, описание лексики «Задонщины» может способствовать дальнейшему осмыслению того материала, который должен быть размещен в еще не изданных частях словарей.

То, что задача описания словарного состава русского языка XV в. будет решаться на основе составления словаря к одному определенному памятнику, позволит воспользоваться альтернативным решением контрверсы соотношения описания слов в историческом словаре и словаре к памятнику; как показывает опыт изучения языка отдельных текстов и анализ словарей, описание языка памятника, учитывающее все употребления слова в тексте, дает более надежные результаты, а главное — оно позволяет извлекать из изучаемого текста новую информацию и оперативно корректировать выводы и заключения, касающиеся значения и особенностей употребления отдельных слов (см.: [Бурыкин 2004: 183—185]). В отношении конкретного материала составление словаря к такому памятнику, как «Задонщина», — как, впрочем, и опыт работы над словарем к «Молению Даниила Заточника», наработанный в свое время коллективом авторов, позволит обратить внимание на особенности языка отдельных списков памятника и, возможно, пролить какой-то свет на проблему соотношения списков и редакций «Задонщины». Обратим внимание, что словари к отдельным памятникам практически не могут устаревать, это подтверждается, в частности, судьбой «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“», который и в наши дни, спустя 40 лет после выхода в свет его первого выпуска, не требует серьезного пересмотра его материала.

«Задонщина» представлена следующими списками:

- 1) ГБЛ (ныне РГБ), собр. Ундольского, № 632 (список «У»);
- 2) ГИМ, собр. Музейское, № 2060 (список «И-1»);
- 3) ГИМ, собр. Музейское, № 3045 (список «И-2»);
- 4) БАН, 1.4.1 (список «Ж»);
- 5) ГПБ (ныне РНБ), собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/1086 (список «К-Б»);
- 6) ГИМ, собр. Синодальное, № 790 (список «С»);
- 7) Выписки на л. 1 (чистом) Миней: ГПБ (РНБ), собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 382/639.

Все эти списки изданы с достаточной степенью точности [«Слово...» и памятники 1966: 535—556]. Это обстоятельство делает материал памятника весьма удобным для изучения и описания.

Исходя из всего сказанного, можно сформулировать задачи, которые должны решаться при составлении словаря к «Задонщине». Прежде всего это лексикологическое и лексикографическое описание языка памятника, относящегося к первой половине XV в. и отражающего языковой узус последней четверти XIV в. Далее, это лексикографическая репрезентация текста, представленного несколькими сильно различающимися редакциями и списками с вниманием к различиям, отражаемым разными источниками. Полное описание значений и употреблений слов, встречающихся в разных списках «Задонщины», с фиксацией его результатов в словарной форме, позволит нам еще раз сравнить общий для разных рукописей «Задонщины» и текста «Слова о полку Игореве» лексический материал, поэтому в данный словарь должны будут включаться те цитатные фрагменты «Слова о полку Игореве», которые имеют параллели в «Задонщине» на уровне фраз и словосочетаний, и в какой-то форме в нем должна воспроизводиться со специальными ремарками вся лексика, общая для этих двух произведений.

Одной из проблем, которая может быть вынесена на обсуждение как теоретическая проблема составления словарей к памятникам, изучаемым по многим источникам, является проблема подачи иллюстративного материала по тем словам, которые встречаются в тексте неоднократно и фиксируются в разных списках памятника. Здесь возможны два решения — располагать все цитаты с интересующими нас словами внутри одной рукописи, последовательно переходя от одного текстового источника к другому, или же располагать рядом друг с другом те цитатные иллюстрации, которые относятся к одному и тому же фрагменту текста памятника, с тем чтобы еще раз попытаться разобраться во взаимоотношении списков и редакций «Задонщины». Первое решение позволит зафиксировать внимание на количестве употреблений и особенностях употребления отдельных слов внутри

разных списков «Задонщины», что представляет самостоятельный интерес и в какой-то степени объективирует результаты исследования лексики языка XV в. безотносительно к филологическим вопросам об истории текста «Задонщины» и его соотношения с текстом «Слова о полку Игореве». Второе решение, наоборот, позволит сосредоточиться на решении проблем отношения «Задонщины» к «Слову...» на уровне отдельных лексических единиц, и, возможно, именно оно позволит более объемно представить лексические соотношения древнерусского языка конца XII в. и языка начала XV в. — времени создания «Задонщины».

В качестве одного из результатов предварительного изучения материала, который так или иначе будет привлекаться к работе над словарем, ожидается изучение обстоятельств, сопровождающих создание «Задонщины» и историю ее отдельных списков. На эту проблему проливают свет некоторые новые работы [Бобров 2003], появившиеся сравнительно недавно. Так, А. Г. Бобров показал, что инок Ефросин, создавший особую редакцию «Задонщины» и вносивший в нее правку по какой-то рукописи «Слова о полку Игореве», — это не кто иной, как, по его обоснованному предположению, в миру до пострижения князь Иван Дмитриевич, сын Дмитрия Шемяки. Иван Дмитриевич княжил в Новгороде-Северском [Бобров 2003: 272], поэтому неудивительно, что он мог иметь у себя список «Слова о полку Игореве».

Весьма интересно, что в составе конвоя одного из списков «Задонщины» (списка «У») присутствуют такие произведения, как «Повесть об Акире» и «Сказание об Индийском царстве» [Дмитриева 1966: 203, примеч. 20]. Мы знаем, что эти же произведения, переведенные на русский язык, очевидно в последней четверти XII в., находились в составе мусин-пушкинского сборника, содержавшего «Слово о полку Игореве»¹⁴, а «Слово...» и два названных произведения (а также «Девгениево деяние») имеют общие языковые черты. Данное обстоятельство позволяет понять, в составе какого сборника «Слово о

¹⁴ А. А. Зимин писал: «В мусин-пушкинском сборнике находились также Повесть об Акире Премудром и Сказание об Индийском царстве. Эти же два произведения содержатся в сборнике Ундольского, № 632, где также помещена и Задонщина Пространной редакции. Выше было установлено, что „Слово о полку Игореве“ основано именно на этой редакции Задонщины» [Зимин 2006: 350]. Основанием для вывода А. А. Зимина служит то, что список Ундольского («У») является одним из лучших списков «Задонщины». «Повесть об Акире» и «Сказание об Индийском царстве», как отметил О. В. Творогов [Творогов 1976: 138], представляют в этом сборнике редакции, отличные от редакций мусин-пушкинской тетради. Вопрос: если мнимый фальсификатор имел под руками список из сборника В. М. Ундольского (один из лучших), зачем ему были нужны все остальные списки «Задонщины»?

полку Игореве» могло стать известным автору и переписчикам «Задонщины», и таким сборником вполне мог быть и протограф мусин-пушкинской рукописи, имевший тот же состав, что и ее вторая часть.

Составление словаря к «Задонщине», которое будет по условиям решения лексикографической задачи предполагать сопоставление материала разных рукописей памятника, позволит найти решение проблемы странных разночтений цитат из «Слова о полку Игореве» в разных рукописях «Задонщины» и лексических рассогласований отдельных рукописей «Задонщины» между собой.

При изучении «Задонщины» уже не раз возникал вопрос о том, в какой форме ее автор познакомился со «Словом о полку Игореве» — имел ли он возможность слышать устное исполнение «Слова...», знал ли он его наизусть и цитировал по памяти или же имел перед глазами рукопись «Слова...» и делал из нее выписки при цитировании отдельных мест «Слова...» в своем тексте. На последней возможности фиксировали свое внимание такие исследователи «Задонщины», как И. И. Срезневский и В. Ф. Ржига. Сравнение отдельных фрагментов «Слова о полку Игореве» с текстом «Задонщины» по разным рукописям, а также сопоставление некоторых мест текста «Задонщины» по нескольким источникам показывает, что совпадающие сегменты текста двух или нескольких источников сопровождаются такими лексическими (или, реже, морфологическими) различиями, в которых разные слова имеют сходный графический облик. При этом лексические различия при графических сходствах, характерные как для фрагментов «Слова...» в списках «Задонщины», так и для разных рукописей «Задонщины», встречаются, по сути, во всех источниках текста «Задонщины», что, на наш взгляд, весьма существенно для понимания истории текста «Задонщины». Рассмотрим примеры из разных списков «Задонщины», где мы встречаем лексические различия такого типа¹⁵:

Список «У»

Истезавше ум свои крѣпкою крепостью и поостриша с(е)рдца свои мужеством, и наполнися ратнаго духа, уставиша собѣ храбрыя воеводы (536)¹⁶

¹⁵ Светлым прямым даны цитаты из «Задонщины» (цифры в скобках — номера страниц по названному изданию списков «Задонщины»), светлым курсивом — цитаты из «Слова...». Подчеркнуты различающиеся слова, имеющие графическое сходство.

¹⁶ В данном примере имеется еще и употребление двух слов с одним корнем и одинаковым началом «крѣпкою крепостью», что также может считаться ошибкой списывания.

«Слово...»: *Иже истягну умъ крепостию своею и поостри (и) сердца своего мужьствомъ, напълнивься ратнаго духа, наведе своя храбрыя тълкы...*

Ци буря соколи снесетъ изъ земля Залѣския (536)

«Слово...»: *Не буря соколы занесе чресъ поля*

А въ нихъ трепещуться сил(ъ)ные молыныи (537)

«Слово...»: *А въ нихъ трепецуть синіи мълнии*

Черна земля подъ копыты, а костыми татарскими поля настѣяша, а кровью их земля пролита бысть (538)

«Слово...»: *Черна земля подъ копыты костыми была постѣяна, а кровію поляна.*

Тутю поганые разлучишася розно и побѣгше неуготованными до-рогами въ лукоморье (539)

«Слово...»: *Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрои Каялы.*

Список «И-1»

Стяжавъ умъ свои крѣпостию, и поостриша с(е)рдца своя муж(е)ством, и наполнишас(я) ратнаго духа, и уставиша себе храмныя полькы (541)

«Слово...»: *Иже истягну умъ крепостию своею и поостри (и) сердца своего мужьствомъ, напълнивься ратнаго духа, наведе своя храбрыя тълкы*

Цег буря коли¹⁷ снесет из земли Залѣтские (541)

«Слово...»: *Не буря соколы занесе чресъ поля*

Подъ трубами и подъ шеломы возлелеяны (542)

«Слово...»: *Подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни*

Из нихъ выступают кровавыя зори, а въ нихъ трепещуть сил(ъ)нии молнии (542)

«Слово...»: *А въ нихъ трепецуть синіи мълнии*

А уже беды ихъ пловуще птица ихъ крылати подъ облакы (542)

«Слово...»: *Уже бѣды его пасетъ приць по дубію (подобію)*

Что шумит, что гримит рано пред зарями? Кн(я)зь Владимиръ пакы уставляеть (543)

«Слово...»: *Что ми шумить, что ми гремитъ давеча рано предъ зорями? Игорь полкы заворочаетъ...*

¹⁷ Соколи — исправление по трем другим спискам «Задонщины».

Черна земля подь копыты, костью татарскими поля насѣяша (543)

«Слово...»: *Черна земля подь копыты костью была посѣяна. а кровію поляна.*

Кликнуло Диво в Руской земли, велить послушати грознымъ землям (543)

«Слово...»: *Дивѣ кличетъ върху древа, велить послушати земли незнаемѣ*

Доне, быстрая река, прирыла еси горы каменные, течещи в землю Половецкую (544)

«Слово...»: *Ты пробилъ еси каменные горы сквозѣ землю половецкую.*

А уже диво кличетъ подь саблями татарскими (544).

«Слово...»: *Дивѣ кличетъ върху древа, велить послушати*

Можеши ли... весла Непра запрудити, а Донѣ шлемомъ вычерпати (544)

«Слово...»: *Ты бо можеши Вългу веслы раскропити, а Донѣ шеломы выльяти.*

Всталъ уже туръ оборонѣ (544).

«Слово...»: *Яръ туре Всеволоде! Стоиши на борони*

Ср. «И-2»: уже ста во ту на боронѣ (547).

Ср. «У»: уже бо ста туръ на оборонѣ

Тутю ся погании разлучишас(я) боръзо, розно побѣгши (545)

Ср. «И-2»: Тутю погании разлучишас(я) раздно побѣгшоа неуготованными дорогами в лукомор(ь)е (547)

«Слово...»: *Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрои Каялы.*

Уж(е) вержено диво на землю (545).

Ср. «У»: Уже бо вержено диво на земли (540)

«Слово...»: *Уже вържеса Дивѣ на землю.*

Список «И-2»

Можеши ли... веслы Непру запрудити, а Донѣ шоломы вычръпати (546)

«Слово...»: *Ты бо можеши Вългу веслы раскропити, а Донѣ шеломы выльяти.*

Руские сын(о)вѣ поля широкие кон(ь)ми огородиша

«Слово...»: *Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша*

Список «К-Б»

Подъ трубами поють, подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копия
вскормлены, с вострого меча поены (549)

«Слово...»: *Подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, ко-
нецъ копия въскърмлены*

Ис тучи выступи кровавая оболоча, а изъ нихъ пашють синие
молнии (549)

«Слово...»: *А въ нихъ трепещуть синіи мълнии*

Список «С»

Помянем первых лет времена, похвал вешего горазда гудца. Тот бо
леи похвалы вещи буины накладаетъ свои белыя руцы но злотыи
струны (551)

«Слово...»: *Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити*

Ср. «У»: похвалим вещанного боярина, горазна гудца в Киеве. Тот
боярин воскладоша (536),

Ср. «И-1»: и похвалим вѣща боинаго гораздаго гдуча в Киевѣ. Тот
боюн воскладше нгораздыя своя персты на живыа струны (541).

От Колонцыя роти летъ 160 до Мамаева побоища (551).

Ср. «У»: А от Калатьские рати до Момаева побоища 170 лѣт (536).

Под трубами нечистых кочаны, коней вскармлены, с коленных
стрел воспоены.

«Слово...»: *Подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, ко-
нецъ копия въскърмлены,*

А ворони часто играют, а галици своею реч(ь)ю говорятъ (552)

Но только часто ворони играют, трупъ человеческого чають (554).

«Слово...»: *Нъ часто врани гряхуть, а галици свою речъ говоря-
хуть*

Што пишуть, что гримит рана пред зорами? (553)

«Слово...»: *Что ми шумить, что ми гремить давеча рано предъ
зорями?*

Выписки

Ворони часто грают, галици своею реч(ь)ю говорят, орли клегчют,
волцы грозно воюют... (556)

Ср. «У»: Ворони часто грают, а галици своею речью говорят, орли
хлѣкчют, а волцы грозно воют... (556)

Приведенные здесь лексические различия между списками «Задонщины» или соотношения между фрагментами «Слова о полку Игореве» и текстом «Задонщины» заставляют обсудить в общем-то незнакомую и нетривиальную проблему исторической лексикографии — проблему лексикографического отражения незакономерного словоупотребления. Рассмотренный материал позволяет понять, что многие лексические единицы появлялись в переписываемом тексте на основании их графического сходства с теми единицами, которые были в оригинале (в списке «Слова...» для архетипа «Задонщины» или в протографах известных нам рукописей «Задонщины»). Эти особенности текста и конкретно рассматриваемых отрывков «Задонщины» должны приниматься во внимание при лексикографической фиксации слов, входящих в данные отрывки и образующих разночтения.

Указанные особенности текста «Задонщины», где в местах явных цитат встречаются разночтения с графическим сходством, которые могут быть основаны на не вполне корректном прочтении переписываемого оригинала, и распределение подобных разночтений с графическим сходством по разным источникам текста «Задонщины», как нам кажется, позволяют сформулировать гипотезу о происхождении разных редакций «Задонщины». И. И. Срезневский и В. Ф. Ржига полагали, что разные списки «Задонщины» писались на том или ином этапе по памяти [«Слово...» и памятники 1966: 557].

Мы высказываем другое предположение — вероятно, автор «Задонщины» испытывал трудности с чтением рукописей, которыми пользовался при составлении своего сочинения, в итоге он правильно прочитывал отдельные словосочетания, но часть текста воспроизводил по догадке или в результате неправильного прочтения оригинала. Наличие нескольких сильно разнящихся редакций «Задонщины» позволяет думать, что, по крайней мере, две из них могли принадлежать ее автору, который, написав однажды свой текст с использованием «Слова о полку Игореве», позже мог переписать его со своей же рукописи, но в весьма свободной форме, читая ее так же, как ранее он читал «Слово...». Составление словаря к «Задонщине», как представляется, позволит еще раз обсудить многие вопросы, связанные с происхождением и историей этого памятника, его местом в ряду современных ему произведений в жанре воинской повести, в том числе повествований о Куликовской битве, а также даст возможность охарактеризовать изменения в языке древнерусских воинских повестей XII—XV вв.

Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика русских народных говоров (по данным новых диалектных словарей)

Издание специального словаря — «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“» (СлСпрСПИг), начатое 40 лет назад и продолжавшееся два десятилетия (1965—1984), обогатило опыт русской исторической лексикографии составлением словаря языка памятника, дающего подробную разработку значений слов памятника на фоне исторической перспективы и сравнения лексики древнего текста с материалами по словарному составу русских народных говоров.

«Словарь русских народных говоров» (СРНГ) был начат изданием в 1965 г. На момент завершения работы по изданию СлСпрСПИг, шестой выпуск которого увидел свет в 1984 г., было опубликовано 19 его выпусков, охватывающих материал до начала буквы Н. Однако, как показывает изучение текста СлСпрСПИг, новые диалектные материалы при комментировании и толковании лексики «Слова...» учитывались далеко не в полной мере. В силу непонятных причин лексика украинских говоров, привлекаемая к сопоставлению с лексикой «Слова...», также оказалась учтена. По сути, только сейчас, когда составление и издание «Словаря русских народных говоров» близится к завершению и мы имеем в нашем распоряжении словари орловских и курских говоров (к сожалению, работа над словарем брянских говоров остановлена после 6-го выпуска), мы можем обратиться к сравнительному изучению словарного состава «Слова...» и лексики современных русских говоров, в первую очередь говоров юга и юго-запада России. Эта работа была начата автором данной статьи по материалам «Псковского областного словаря» [Бурыкин 2007], и она будет иметь продолжение по мере появления других региональных словарей по русским говорам Северо-Запада, запада и юго-запада России, по материалам ЛАРНГ [Бурыкин 2006; 2013; 2014], а также по территориально близким этому региону украинским и белорусским говорам.

Исходя из опыта нашей работы и учитывая имеющиеся исследования, авторы которых пытались установить место написания «Слова...» на основе диалектных данных [Мещерский 1956б; Николаев 2014], мы можем констатировать, что подобные попытки, к сожалению, безуспешны. Ареалы распространения многих лексических единиц, параллели к которым зафиксированы в «Слове...», существенно изменились, и ныне они являются либо смещенными, либо размытыми, либо фрагментированными, в чем неумолимо сказывается закон неравномерного сохранения лексического фонда в диалектах и близкородственных языках. Кроме того, здесь придется принимать во внимание не

только данные русских говоров, но и материалы украинских говоров, сформировавшихся после создания «Слова...» в последней трети XII в.

В настоящей статье мы представим наиболее интересные и наиболее значимые результаты сравнения лексических единиц «Слова о полку Игореве» с лексикой современных русских народных говоров, хотя и понимаем, что подобная работа требует продолжения и более объемного представления для историков языка и диалектологов.

Слово **болванъ**, документированное в тексте «Слова о полку Игореве» цитатой *«Дивъ кличетъ врѣху древа: велитъ послушати земли незнаемѣ, Влѣзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутараканьскый блѣванъ!»*, в «Словаре-справочнике „Слова...“» имеет значения: ‘идол, изваяние’, ‘статуя’, ‘столп’, ‘сосуд в виде изваяния’ [СлСпрСПИг, вып. 1: 56—58]. В «Псковском областном словаре» слово **болван** помещено в двух разных статьях — «**Болван** 1 ‘колодка щетки’, ‘статуя, изваяние божества’» [ПОС, вып. 2: 82], где второе значение совпадает с значением, традиционно усматриваемым в «Слове...», и «**Болван** 2 ‘место в озере, небольшой залив, заросший тростником и тиной’» [ПОС, вып. 2: 82]. Второе значение слова **болван**, вводящее слово в разряд географических терминов, позволяет думать, что в «Слове...» оно относится не к неизвестной статуе, а к юго-восточной части Азовского моря, поскольку перед словосочетанием **Тьмутараканьскый блѣванъ** стоит целый ряд топонимов. Тем не менее, как кажется, было бы чересчур рискованным понимать лексему **болванъ** в «Слове...» исключительно как географический апеллятив и изменять общепринятое чтение приведенного фрагмента памятника. Скорее всего, перед нами случай синкретизма, авторской игры совмещением значений многозначных лексических единиц в одном контексте, являющейся характерной чертой поэтики «Слова о полку Игореве».

Для слова **боронь**, употребляемого в «Слове...» в контексте *«Яръ туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными»*, в современных русских говорах имеется такая параллель: «**Боронить** перех. 1. ‘Оборонять, защищать’» [СРНГ, вып. 3: 116].

Данный пример интересен не только сохранением беспристрастного глагола в позднейших говорах, но и тем, что его география совпадает с ареалом потенциального написания «Слова...».

Глагол **брехать**, встречающийся в «Слове...» однажды в предложении *«Лисици брежутъ на чръленыя щиты»*, имеет в «Словаре-справочнике» [СлСпрСПИг, вып. 1: 73] и «Псковском областном словаре» [ПОС, вып. 2: 167] одинаковое объяснение — ‘лаять’. До недавнего времени такая интерпретация данной лексики была достаточной.

Однако в пробном выпуске «Лексического атласа русских народных говоров» (2004) имеется карта № 14 «Издавать громкие, характерные для лисы звуки», и из ее материалов, как и из приведенной цитаты, ясно, что данный глагол обозначает звуки, издаваемые лисицей, а не, например, собакой. Более того, распределение синонимов в рядах слов, картографируемых по данной позиции Программы ЛАРНГ, показало, что глагол *бrehать* в данном значении представляет собой архаическую, уходящую из употребления лексику [Бурыкин 2006].

Для глагола *ввергнуться* (...*въврѣжесе на бръзъ комонъ и скочи съ него босымъ вълкомъ*) в СРНГ имеется следующая параллель: «*Ввержить, ввёржу, ввёржиши*, сов., перех. ‘Забросить, закинуть’» [СРНГ, вып. 4: 81]. Этот пример важен тем, что по диалектным словарям обнаруживаются интересные примеры префиксальных глаголов, встречающихся в тексте «Слова...».

Глагол *вергнуть* (*На седьмомъ вѣцѣ Трояни върже Всеславъ жребій...*) в СлСпрСПИг (вып. 1: 103) определяется как ‘бросить, кинуть’, а соотносительный возвратный глагол *ввергнуться* — как ‘броситься, кинуться’. В «Псковском областном словаре» имеется глагол *вергнуть* ‘бросить, кинуть куда-нибудь’ [ПОС, вып. 3: 80], в семантике которого акцентирована направленность действия. Думается, что подача причастных и деепричастных форм в исторических словарях может составить отдельную тему для обсуждения. Тем не менее в «Словаре-справочнике „Слова...“» имеется отдельная статья к причастной форме *верезень* ‘поврежденный в бою, славный (об оружии)’ [СлСпрСПИг, вып. 1: 104] с контекстом «*Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи верезени*». В «Псковском областном словаре» имеется гнездо слов *вередить, вередиться, веред, верезжать*, находим мы там и причастия: *верезженный, верезжёный* ‘больной; поврежденный в результате несчастного случая или тяжелой работы’ [ПОС, вып. 3: 81—83]. Данное значение причастия совпадает с тем, которое реализовано в «Слове о полку Игореве»; определение «славный» для рассматриваемой формы, бесспорно, должно быть признано неудачной гипотезой.

Причастие вин. пад. мн. ч. м. р. от глагола *вередити* — *верезени* из цитаты «*Ярославе и вси Вередити, внуце Всеслави! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи верезени*» соотносится с диалектными глаголами *вередить* (1. ‘Причинять вред, вредить’; 2. ‘Ушибать (руку, ногу и т. п.)’; 3. ‘Портить что-либо’) и *вередиться* (‘Ушибаться’) [СРНГ, вып. 4: 127]. Эти данные лишь незначительно дополняют то, что дает для данных форм «Псковский областной словарь».

Слово *вѣтрило* из контекста «*О вѣтре, вѣтрило! Чему, Господине, насильно вѣеши?*» определено в «Словаре-справочнике» как ‘ве-

тер' [СлСпрСПИг, вып. 1: 112]. Псковский материал дает для слова **вѣтрило** уточненное значение 'сильный ветер' [ПОС, вып. 3: 128], что позволяет видеть в тексте памятника не словообразовательную, а семантическую игру однокоренными лексическими единицами.

Глагол **взыти**, встречающийся во фразе «*Чръна земля подѣ копыты костью была посяна, а кровію поляна; тугою взыдоша по Рускои земли*», в «Словаре-справочнике „Слова...“» дан в значении 'прорасти, вырасти' [СлСпрСПИг, вып. 1: 115]. Такой же глагол **взыти** 'взойти' отмечен и в «Псковском областном словаре» [ПОС, вып. 3: 167].

Для глагола **выльяти**, присутствующего в пассаже «*Ты бо можешии Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти*», параллелей в говорах нет. В СРНГ для глагола **вылить** указывается неактуальное здесь значение 'высыпать' [СРНГ, вып. 5: 303—304], значения 'разлить, разбрызгать' в СРНГ нет, но такое значение у глагола **вылить** есть в севернорусских говорах, в частности в русских говорах Карелии [СРГК 1994, вып. 1: 271].

Хотя префиксальные глаголы «Слова о полку Игореве» должны сравниваться с аналогичными префиксальными глаголами других источников, для глагола **пригвоздити** (*Того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевьскимъ*) в «Псковском областном словаре» обнаруживается интересная параллель — глагол **гвоздить** объясняется в нем как 'вбивать, вколачивать гвоздь', 'стучать' [ПОС, вып. 6: 149]. Из этих цитат явствует, что данный глагол предполагает прямой объект и должен иметь значение 'прибивать гвоздем, прибивать гвоздями'. Это же значение усматривается и для вышеприведенного контекста «Слова...». То же указывает нам и «Словарь русских народных говоров»: «**Гвоздить, гвозжу, гвоздишь**, несов., перех. и неперех. 1. Перех. 'Забивать, вколачивать гвоздь во что-либо'; 2. Перех., сов. [?]. *Забить клином щель или дыру пробкою во второй раз*'; 3. Перех. 'Прибивать что-либо гвоздями'; 4. Неперех. 'Стучать'; 5. Перех. 'Сильно и долго бранить'» [СРНГ, вып. 6: 160].

Лексема **гоголь** встречается в «Слове...» один раз в контексте «*стрѣжаше е[го] гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ*». «Словарь русских народных говоров» дает наиболее подходящее к тексту памятника толкование: «**Гоголь**, м. 1. Самец или самка одного из видов дикой утки. Самец одного из видов дикой утки. Самка дикой утки. 'Один из видов дикой утки (Anas сгаеса), самка; селезень ее называется: казачок'» [СРНГ, вып. 6: 263]. Однако в орловских и курских говорах встречаются слова **гогол** 'чайка, селезень' со знаком вопроса **гоголка, гоголица** [СРНГ, вып. 6: 262].

Для слова **година** (*Уже бо, братіе, не веселая година вѣстала, уже пустыни силу прикрыла*) в «Словаре русских народных говоров»

отмечено: «*Година* (...) 4. 'Время, пора' (...) 6. 'Судьба'» [СРНГ, вып. 6: 268].

Прилагательное *гораздый* (*Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божіа не минути!*) в СРНГ объясняется так: «*Гораздный* (обычно в краткой форме). 'Знающий, умеющий что либо, искусный в чем-либо'» [СРНГ, вып. 7: 18—19]. Судя по цитатам, в этом же значении данное прилагательное фиксируется в фольклорных текстах, соотносительных с былинами киевского цикла.

Для глагола *доткнутися* из цитаты «*Тъй клюками подтырся о кони, и скочи къ граду Киеву, и дотчеся стружіємъ злата стола кіевскаго*» в СРНГ отмечены: «*Доткнутъся* [СРНГ, вып. 8: 154], *дотыкаться* 1. 'Дотрагиваться до чего-либо, прикасаться к чему-либо'» [СРНГ, вып. 8: 154], данный глагол встречается в севернорусских и сибирских говорах.

Любопытная картина наблюдается со словом *жалость*, ср.: *Спала князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону Великаго*. В русских говорах слово *жалось* имеет значение 'любовь; расположение' и форма *жалось* отмечена со значением 'жалость, чувство сострадания' для брянских и орловских говоров [СРНГ, вып. 9: 67].

Глагол *заворочати* (*Игорь пълкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода*) в СлСпрСПИГ интерпретируется как 'поворачивать назад, в сторону, изменять направление движения' [СлСпрСПИГ, вып. 2: 97]. В этом определении, к сожалению, не раскрыто фактитивное значение глагола движения 'заставлять поворачивать назад'. Более точен в трактовке глагола *заворочать* «Псковский областной словарь»: 'заставлять вернуться, возвращать' [ПОС, вып. 11: 106].

Параллели к глаголу *заворочати* в СРНГ по имеющимся данным не могут быть выявлены, поскольку весь материал в этом словаре дан под формой *заворочать* 'поворачивать в сторону, изменять направление движения' [СРГК, вып. 2: 99] — о неодушевленных объектах.

Лексемы *заря, зоря*, трудноразличимые в тексте «Слова...» (...*заря свѣтъ запала... давеча рано предъ зорями.... Погасоша вечеру зари*), имеют такую поддержку в материалах СРНГ: «*Заря*, ж. 1. В сочетаниях. *До потух (поту, нетух, белой) зари* 'Допоздна'; 2. *Вечерняя заря* 'Планета Венера'. *Утренняя заря* 'Планета Венера'; 3. 'Северное сияние'» [СРНГ, вып. 11: 14—15].

Слово *зорька* в русских говорах имеет следующие значения: «1. *Зорька*, ж. 1. 'Потухающая заря'; 2. 'Вспышка отдаленной молнии; зарница'; 3. 'Утро'; 4. 'Легкий ветерок на утренней заре'; 5. 'Звезда' // 'Утренняя звезда'» [СРНГ, вып. 11: 343].

Семантическая структура слова *зоря* — лексического диалектизма в современном состоянии русского языка — такова: «*Зоря*, и *зоря*, ж. 1. В сочетаниях. *Дать (задать) зорю* 'Не дать покою'; 2. 'Звезда' |

‘Падучая звезда’ | *Зори девичьи*, мн. ‘Линия звезд по Млечному пути’; 3. ‘Песня, которую девушки поют утром и вечером под окном невесты, прощаясь перед свадьбой» [СРНГ, вып. 11: 344]. Однако этот материал не дает ничего нового для изучения лексики самого «Слова...».

Глаголы *заступати*, *заступити* (*Солнце ему тьмою путь заступаше; и жалость ему знаменіе заступи, заступишь королеви путь*) определены в СлСпрСПИГ, соответственно, как ‘заслонять, преграждать, загораживать’ [СлСпрСПИГ, вып. 2: 108]; ‘преградить, загородить, заслонить’ [Там же, вып. 2: 109]. Как кажется, более точная формулировка значений соотносительных глаголов *заступать* и *заступить* дается в ПОС ‘загораживать собой (источник света), заслонять’ [ПОС, вып. 12: 155—156] — правда, последнее определение не вполне соответствует первому контексту из «Слова...». Для этих глаголов имеются и иные диалектные параллели: *заступить* — *заступать*. «*Заступать* 2. Перех. ‘Загораживать, заслонять собою кого-, что-либо’, ‘Ступая, заслонять собою, преграждать, застенять’» [СРНГ, вып. 11: 71], при форме *заступить* дана отсылка к *заступать* [СРНГ, вып. 11: 72].

Слово *зегзица* (*На Дунаи Ярославнынь гласъ слышитъ, зегзицею незнаемъ рано кычетъ. Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви*), для которого Н. А. Мещерский и автор приняли перевод ‘чайка’, имеет следующие параллели в русских говорах: «*Загоженька*, ж. ‘Кукушечка’. *Загожечка*, ж. ‘Кукушечка’. *Загожий*, ‘Относящийся к загожке’. *Загожка*, ж. ‘Кукушка’. *Загошка*. *Загоза*, ж. ‘Кукушка’. *Загозий*, ‘относящийся к загожке’. *Загозка*, ж. ‘Кукушка’. *Загозонька*, ж. ‘Кукушечка’. *Загозочка*, ж. ‘Кукушечка’» [СРНГ, вып. 10: 15].

Любопытно, что наряду с этими словами зафиксировано, причем в курских говорах, и слово *зегзица*, ж. ‘птица иволга’ (курск.) [СРНГ, вып. 11: 244].

Слово *клюка* (*Тый клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Киеву, и дотчеся стружіемъ злата стола кыевского*), кажется, не привлекало особого внимания лексикологов, в тексте обычно видели его употребление в переносном значении. Диалектные параллели для слова *клюка* таковы: «*Клюка* и *клюха*, 1. ‘Дорожная палка, посох’ (...) 4. ‘Крюк’; 5. ‘Брус с загибом, на который настилается крыша’; 6. ‘Железный крюк, на который вешается желоб для стока воды под крышей’; 7. ‘Деревянный шест с загнутым в виде крюка концом для поддерживания водосточного желоба у крыши’» [СРНГ, вып. 13: 319—320]. Показательны «строительные» значения лексемы *клюка*, которые выявляются в диалектных данных и вписывают это слово в неожиданно открывающийся в «Слове...» ряд строительных терминов, входящих в состав скрытых метафор.

Слово *кнѣзь*, присутствующее в рассказе о сне Святослава (*Уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовѣрсѣмъ*), имеет в говорах такие параллели: «2. *Князёк*, м. 1. 'Верхнее продольное бревно, к которому прикрепляются верхние концы досок крыши'; 2. 'Бревно, которое кладется на князевое с целью удержания досок крыши; охлупень; обычно передняя его часть оформляется в виде коня или птицы'; 3. 'Верх, гребень двускатной крыши' | 'Угол стыка двускатной крыши' | 'Верхняя внутренняя часть крыши'; 4. 'Верхняя часть избы'; 5. В сочетаниях. *Крыть князьком* 'Крыть на два ската'; 6. 'Узкий скат под фронтоном избы'; 7. 'Крыша над воротами'; 8. 'Продольный брус, к которому прикрепляется палуба парусного судна'» [СРНГ, вып. 13: 352]. В говорах также встречается и слово *князь*: «*Князь*, м. 1. 'Верхнее продольное бревно, к которому прикрепляются верхние концы досок крыши; князек'; 2. 'Верх, гребень двускатной крыши' | 'Верх крыши с фасада'; 3. 'Двускатная крыша'; 4. 'Основная балка, поддерживающая потолочный настил, матица'; 5. 'Верхний сноп в суслоне'» [СРНГ, вып. 13: 354].

Слово *кожух* в тексте «Слова о полку Игореве» обозначает какую-то инокультурную реалию: *Орьтьмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорочьи половѣцкыми*. В говорах эта лексема имеет такие значения: «1. *Кожух*, и *Кожух*, ж. 1. 'Кожа, шкура' (...) 'Кожа змеи, гадюки или ужа'; 2. 'Кожура плодов (фруктов, ягод, картофеля) и грибов'; 3. 'Скорлупа, шелуха, лузга гороха, бобов, орехов, семечек и т. п.'; 4. 'Кожаная непромокаемая одежда (рыбаков и др.)' | 'Верхняя одежда от дождя'; 5. 'Кожаная оболочка чего-либо'; 6. 'Яйцо' | 'Тараканье яйцо'» [СРНГ, вып. 14: 54]. Это слово дважды встречается в «Девгениевом деянии», находящемся в мусин-пушкинской тетради сразу после «Слова...».

Рассмотрение слова *клюка* в контексте строительных терминов побудило автора данной работы просмотреть значения слова *конь* в русских говорах. Результаты таковы: «*Конь*, м. 1. 'Стык двускатной крыши, верхняя слега или балка на нем; конек' | 'Крыша избы' | 'Верхняя слега на крыше под коньком' | 'Выступающие с двух краев крыши концы стропил, иногда имеющих вид конской головы' | 'Род опрокинутого желоба на гребне двускатной крыши'; 2. 'Продольный деревянный брус на речных судах, укрепленный на двух стойках'» [СРНГ, вып. 14: 275]. Таким образом, *клюками подтырся о кони* (теперь похоже, что именно *о кони*, а не *окони*, как иногда читали с толкованием «приобрел коней») выглядит какой-то идиомой, использующей строительные метафоры, связанные с названиями дома, или, скорее, княжеского терема, — может быть, автор намекает, что Всеслав стал князем киевским незаконно, в образной форме — проник в княжеский терем через крышу, как бы мы сейчас выразились, по во-

досточной трубе? Заметим, что слово **кони** в «Слове...» в значении зоонима не используется, кони князей и дружинников именуются **комони**.

Глагол **лелѣяти** (*О, Донче! Не мало ти величїя, лелѣяшу князя на вълнах, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подь сѣнію зелену древу*) имеет в современных говорах аналогии, которые характеризуются разнообразным семантическим спектром. Для него отмечены следующие значения: «**Лелеять**, несов., перех. и неперех. 1. Неперех. ‘Волноваться, плескаться, вздыматься волнами, блестеть, переливаться (о воде)’; 2. Неперех. ‘Широко разливаться, затопляя большое пространство (о воде)’; 3. Неперех. ‘Бурно течь’; Перех. ‘Качать, колыхать на волнах’; 4. Перех. ‘Укачивать ребенка, нося его на руках’; 5. Неперех. ‘Манить, дразнить [?]’; 6. ‘Любить друг друга’» [СРНГ, вып. 16: 344—345]. Таким образом, не случайно глагол **лелеяти** (**възлелѣяти**) в «Слове...» оказывается связанным с водными стихиями, рекой и морем — эти связи хорошо сохранились в диалектном материале. Однако форма **полелѣя** выпадает из этого ряда.

Отмечены в русских говорах и параллели и для слова **лжа** (*Игорь и Всеволодъ, уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ*): «**Лжа**, ж. ‘Ложь’» [СРНГ, вып. 17: 38].

Из лексики природы, в изобилии встречающейся в «Слове...», интересные сравнительные материалы обнаруживаются для слова **мѣгла** (*Мѣгла поля покрыва; ...и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подь мѣглами, одевавшу его теплыми мѣглами под сѣнію зелену древу*). Для современных говоров фиксируется такое употребление данного слова: «**Мгла**, ж. ‘Губительный для растений туман, роса’» [СРНГ, вып. 18: 63]. Правда, **мѣгла** для автора и героев «Слова...» — это не только нечто неблагоприятное, но еще и вполне дружественное явление природы, позволяющее укрыться от погони.

Слово **луг**, относящееся к таким единицам, которые вполне могут остаться без внимания при изучении лексики древнего памятника из-за мнимой понятности, присутствует в «Слове...» (*И потече к лугу Донца*) и также требует сравнения с диалектными данными. В говорах русского языка слово **луг** имеет такие значения: «**Луг**, м. 1. ‘Заливной луг, пойма’ | ‘Лесистая пойма’; 2. В сочетаниях. **Боровой луг**. ‘Кормовые травы на выгоревших местах’; **Высокий луг** ‘Высокогорный луг’; 3. ‘Низменное заболоченное место’; 4. ‘Луговая суходольная поляна (обычно в лесу)’; 5. ‘Место за селом, где собирается крестьянская молодежь для гулянья (игр, песен, танцев); праздничное гулянье, происходящее в этом месте’; 6. ‘Лог’» [СРНГ, вып. 17: 174—175].

Глагол **мыкати** (*Чему мычещи хиновскыя стрѣлки на своею нетрудною крищю на моя лады вои?*) в русских говорах имеет разные

значения: «1. **Мыкать**, несов., перех. 1. ‘Расчесывать лен (или пеньку), подготавливая к прядению’; 2. ‘Отделять костру от льноволокна, мять лен’; 2. **Мыкать**, несов., перех. и неперех. 1. ‘Тормошить, теребить’; 2. Перех. ‘Таскать, притаскивать, приносить’; 3. Неперех. ‘Бежать, бежать’; 4. Перех. ‘Качать’; 5. **Мыкать время**. ‘Тратить, терять время’» [СРНГ, вып. 19: 52—53]. Дialeктные материалы подсказывают, что в «Слове...» этот глагол мог иметь значение ‘нести’, осложненное оттенком экспрессивности.

Наречие **наниче** (*Наниче ся години обратиша*) не имеет прямых аналогов в современных говорах, однако диалектные слова сохраняют структуру словообразовательного гнезда, к которому принадлежало это наречие. Зафиксированы следующие слова с таким же морфемным комплексом: «**Наника**, ж. ‘Нелицевая сторона, изнанка’. **Нанику**, нареч. ‘Навзничь’» [СРНГ, вып. 20: 48]; «**Наничина**, ж. ‘Нелицевая сторона, изнанка’. **Наничка**, ж. ‘Нелицевая сторона, изнанка’. ‘Подкладка одежды’. **Наничь**, нареч. 1. ‘Наизнанку’; 2. ‘Не так, как следует; наоборот’» [Там же: 49]. В сущности, в этом гнезде сохранился и точный эквивалент наречия, присутствующего в тексте исследуемого памятника.

Диалектные факты заставляют по-новому взглянуть на возможности выведения исходной формы существительного **напасть** (*А въсто на бо, братіе, Кієвъ тугою, а Черниговъ напастьми*). В русских говорах для существительного **напасть** отмечаются значения: «1. ‘Напраслина, наговор’; 2. ‘Притеснение’; 3. ‘Неожиданное счастье, удача’» [СРНГ, вып. 20: 65]. И там же присутствует существительное **напастье**: «‘Несчастье, напасть’. *Во снях счастье, а в быль напастье* (пословица)» [СРНГ, вып. 20: 65].

Наречие **насильно** (*О, ветрѣ, ветрило! Чему, господине, насильно вѣеши?*) имеет довольно неожиданные для внутренней формы слова значения: «**Насильно**, нареч. 1. ‘Едва, с большим трудом’; 2. ‘Накопец-то’» [Там же: 162]. Эти значения дают основания для несколько иного понимания обращения Ярославны к ветру — здесь не только порицание за «хиновские стрелки», но и упрек за то, что воины Игоря страдают от палящих лучей «светлого и тресветлого солнца», потому что ветер при ярком степном солнце дует слишком слабо — правда, Ярославна думает тут прежде всего не о дружинниках, а о луках и тулах-колчанах...

Для глагола **неговати** (и *нѣгують мя. Уже дѣски безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовѣрсѣмъ*) в русских говорах отмечена следующая форма: «**Неговать**, несов., неперех. Фольк. ‘Наслаждаться негой, лаской, заботой’» [СРНГ, вып. 20: 371]. Как можно думать, у данного глагола утрачено переходное значение ‘ласкать, нежить’, тогда как медальное значение сохранилось.

В известных нам материалах нет эквивалентов для существительного *непособие* (*Нъ се зло — княже ми непособіе*), есть лишь слова, входящие в то же словообразовательное гнездо: «*Непособимый. Непособимое горе*. 'Горе, которому невозможно, нечем помочь'; 1. *Непособный. Непособное горе*. 'То же, что непособимое горе'; 2. *Непособный*. Фольк. 'Такой, который не подходит, не годится для чего-либо'» [СРНГ, вып. 21: 121].

Прилагательное *нетрудный* встречается в «Слове...» в достаточно прозрачном контексте: *Чему мычещи хиновъскыя стрѣлки на своєю нетрудною крилицю на моя лады вои?* Точные эквиваленты его в говорах не сохранились. Лексема *нетрудный* имеет уже другой спектр значений, ср.: «*Нетрудный*. Фольк. 'Получаемый не от своего труда, нетрудовой'. *Нѣтрудъ*, ж. 'Лентяй'» [СРНГ, вып. 21: 179].

Глагол *обеситися* (*Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ пълночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мъглѣ*) имеет неожиданный по степени близости смыслов эквивалент в диалектных материалах: *Обвешаться*, несов. 'Вешать' [СРНГ, вып. 21: 360].

Слово *обида*, служащее в тексте памятника средством персонификации (*Встала обида; Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену напоному постала за обиду Олгову*), имеет такие формальные эквиваленты в современных русских говорах: «*Обида*, ж. 1. Фольк. 'Вина, проступок'; 2. В сочетаниях. *Быть не в обиду*. 'Быть не в убыток' // *За обиду*, в знач. нареч. 'Обидно, тяжело'» [СРНГ, вып. 22: 58]. Судя по диалектному материалу, оборот *за обиду* в «Слове...» может и не быть обстоятельством причины, как это обычно понимается в комментариях и переводах памятника.

Лексема *напорзи*, бесспорно, одна из самых загадочных лексем «Слова...», тем более что это гапакс, в других древнерусских текстах она не встречается, переводы и определения делаются в основном по догадкам. *Суть бо у ваю желѣзныи напорзи подѣ шеломи латинскими*. Ясно, что речь идет о какой-то части шлема или о том, что находится или может находиться под шлемом. Но что это?

В рязанских говорах отмечено слово *Паверза*, ж. 'Шнур, продернутый по верху поневы для удержания ее на поясе или под животом'. [СРНГ, вып. 25: 108]. Ср. еще: *навороз, наворозка* 'завязка, шнурок' [СДГВО, 2003: 402], что близко к тем определениям, которые трактовали *напорзи* как 'ремешки для закрепления шлема под подбородком'. Слово *наборзница*, ж. 'било цепа' [СРНГ, вып. 25: 108], скорее всего, обозначает то, чем било соединялось с цепом. Таким образом, отпадает более раннее толкование формы *напорзи* как 'наплечник, верхняя часть брони; крыло' [СлСпрСПИг, вып. 4: 55—56; вып. 6: 231]. Эти факты однозначно подтверждают конъектуру *наворзи, наворози* 'те-

семки на головном уборе', которые у русских шлемов были шелковыми, а у западноевропейских — кожаными с металлическими бляшками [Бобров 1995а, т. 4: 12—13].

Глагол *пастѣ* (*Уже бо бѣды его пасетъ птицъ подобію, вѣщи грозу въсрощатъ по яругамъ, орли клеткомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешють на чърленыя щиты*) не вызывает больших проблем при сравнении исторического и диалектного континуумов. «1. *Пастѣ*, несов., перех. 1. 'Стеречь кого-либо, следить за кем-либо' | 'Охранять, защищать; оберегать'» [СРНГ, вып. 25: 262—263].

Необычный по форме глагол *побарати* (*Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плѣки*) находит некоторую поддержку в диалектной форме *побаритѣся*, сов. 'побороться'. *Побаритѣся с богатырем*» [СРНГ, вып. 27: 186].

Загадочное слово *пороси* (*Земля тутнеть, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрывають, стязи глаголютъ*) выглядит гапаксом «Слова...» или лексическим анахронизмом. Однако совсем не обязательно думать, что перед нами форма множественного числа от слова *порохъ* 'пыль'. Диалектный материал дает две возможности для понимания контекста «Слова...»: 1) «*Порость*, ж. 1. 'Поросль; молодые деревья'; 2. 'Лишай, растущие на пнях, поросль'; 2. *Порость*, ж. 'Особый запах, присущий человеку какой-л. определенной народности'; 3. *Порость*, ж. 'Время, пора'» [СРНГ, вып. 30: 80]; 2) «2. *Порось*, ж. 'То же, что 1. Порость'; 3. *Порось*, ж. 'Мелкие капли росы на траве, растениях'» [СРНГ, вып. 30: 80]. Последний факт однозначно дезавуирует возможность присутствия здесь лексемы *порохъ* в значении 'пыль' [СлСпрСПИг, вып. 4: 159—160], несмотря на наличие такого словопотребления в Изборнике 1076 г. и в «Повести об Акире», близкой по языку к «Слову о полку Игореве».

Глагол *поскепати*, выпадающий в фонетическом отношении из системы языка «Слова...» (*поскепаны саблями калеными шеломи оварьскыя отъ тебе...*), поддерживается данными современных русских говоров: «*Поскепать* и *поскапать*, сов. 'Расколоть, расщепить'» [СРНГ, вып. 30: 164].

Глагол *потечи* (*и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подѣ мѣлами; ...Влурѣ вѣлкомъ потече*) имеет близкие и очевидные аналогии в современных русских говорах: «*Потечь*, сов. 1. 'Взять начало, вытечь (о реке)'; 2. 'Побежать, пойти'» [СРНГ, вып. 30: 280].

Глагол *потручяти* (*Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломи половецкыя, на рѣцѣхъ на Каялѣхъ, у Дону Великаго*), в отличие от многих глагольных лексем «Слова...», даже префиксальных, среди которых точные эквиваленты в говорах — обычное явление, не имеет прямых соответствий в современных говорах. Его про-

явлениями в современном состоянии языка с известными оговорками можно считать такие слова, как: «**Потруснуть**, сов. ‘Растреснуться, отколотся’» [СРНГ, вып. 30: 310].

Глагол **потяти** (*Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти*) имеет небольшое число весьма выразительных параллелей в современных русских говорах: «**Потятый**. ‘Медлительный, вялый, не активный’. **Потять**, сов. ‘Порубить, посечь, поколоть’ // ‘Искалечить’» [СРНГ, вып. 30: 330].

Существительное **похоти** (*Спала князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону Великаго*) в современных русских говорах отсутствует, но соотносительный с ним глагол имеется: «**Похотить**, сов. ‘Захотеть сделать что-л.’. **Похотила**, *пошла в садик*» [СРНГ, вып. 30: 364].

Глагол **припѣшати** (*крыльца припѣшали поганыхъ саблями, а самую опустоша въ путины желѣзны*) не имеет точных эквивалентов, и в памятнике, похоже, он употреблен в метафорическом значении. На это соображение наводит имеющийся в нашем распоряжении диалектный материал, ср.: «**Припешить**, сов. 1. ‘Устать (от ходьбы, бега), умориться’; 2. ‘Сконфузиться’. **Припѣшить**, сов., неперех. 1. ‘Устать (от ходьбы, бега), умориться’; 2. ‘Обеднеть’. **Припѣшиться**, сов. ‘Устать, умориться’» [СРНГ, вып. 31: 342].

Глагол **притрепати** (*Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чърлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи*) не имеет близких по семантике форм в современных говорах, ср.: «**Притрепать**. См.: **Притрѣпывать**. **Притрепаться**, сов. 1. ‘Выбиться из сил, устать’; 2. ‘Бить, колотить’; 3. Сов. ‘Утрамбовать, прихлопать’; 4. Сов. ‘Утомить (хождением)’; 5. Сов. ‘Принести, добыть’; 6. Сов., неперех. ‘Прибежать’» [СРНГ, вып. 32: 25].

Параллели для глагола **простротися** (*по Руской земли прострошился половци*) не слишком надежны, но тем не менее имеются, ср.: «**Прострекнуть**, сов., неперех. ‘Пробраться, пролезть куда-л.’» [СРНГ, вып. 32: 252].

Глаголы **прыскати** и **прыснути**, образующие видовую пару (*Яръ туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными; Прысну море полунощи*), имеют такие параллели в современных говорах: «**Прыскать**, несов., **прыснуть**, сов., перех. и неперех. 1. Несов., неперех. ‘Испражняться жидким (при поносе)’; 2. Сов., неперех. ‘Плюхнуть’; 3. Неперех. ‘Играть на поверхности воды, выпрыгивая из нее (о рыбе)’; 4. Сов., неперех. ‘Отскочить, отлететь в сторону, прочь’; 5. Сов. ‘Ударить’; 6. Сов.,

перех. 'Лягнуть (о лошади)'; 7. Неперех. 'Мяукать (о кошке)» [СРНГ, вып. 33: 73].

Глагол *раскропнѣти* (*Ты бо можеши Волгу веслы раскропнѣти, а Донъ шеломы выльяти*) сохраняется в говорах в близких значениях: *Раскропать*, сов., перех. 'Вытрясти из наволочки, матраца солому, пух и т. д., распотрошить постель'. *Раскропнѣть*, сов., перех. 'Окропляя что-л., разбрызгать всю жидкость' [СРНГ, вып. 34: 139].

Прилагательное *сизый, шизый* (*шизымъ орломъ подъ облакы*) не сохраняется в непроизводном состоянии, но отмечается в составе сложных слов, характеризующих птиц: «*Сизый*. 1. 'Фиолетовый (о цвете)'; 2. 'Серебристо-серый (о масти лошади)'. *Черна сбруя, сизый конь*; 3. 'Бледный (о цвете лица)» [СРНГ, вып. 37: 298]. *Сизокрыленький*. Фольк. Ласк. 'Сизокрылый'. *Сизокрылка*, ж. 1. 'Птица сизоворонка'. Даль. 2. Ласк. 'То же, что сизаночка'. Костром., Даль. *Сизокрылышки*, мн. Фольк. 'Сизые крылья'. *Сизоперенький*. Фольк. Ласк. 'С сизыми перьями'. *Соколик сизоперенький*. *Сизопѣристый*. Фольк. 'С сизыми перьями'. *Сизоперый*. 'С сизыми перьями» [СРНГ, вып. 37: 297].

Глагол *скокнѣти* (*Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ*»; «*скочи съ него босымъ вълкомъ*») имеет очень наглядные соответствия в современных говорах, ср.: «1. *Скокнѣть*, сов., неперех. 1. 'Прыгнуть, скакнуть'; 2. 'Поскакать (о коне)'; 3. 'Прыжками отбежать, отскочить» [СРНГ, вып. 38: 120—121].

Загадочное и уникальное слово *сморци* (*Идутъ сморци мъглами*) имеет единичное, но весьма репрезентативное соответствие в живых русских говорах: «*Сморак*, м. 'Дым, чад'. *Не разлей молоко-то, а то смораку наделаешь*» [СРНГ, вып. 39: 39]. Таким образом, отпадает и исходная форма *сморк*, и толкование «*Сморкъ — смерч*» [СлСпрСПИг, вып. 5: 180—181]; во-первых, *сморок* — не смерч, а род тумана, во-вторых, похоже, именно в этом значении та же форма *сморци* присутствует и в Хронике Георгия Амартола [СлСпрСПИг, вып. 5: 180].

Для глагола *спалати* (или существительного *спала*) — (*Спала князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону Великаго*) — точных параллелей нет ни в других памятниках, ни в современных русских говорах. На глагол *спалить* имеются следующие объяснения: «*Спалить*, сов., перех. 1. 'Подвергнуть действию огня, обжечь (при обработке чего-л.)'; 2. 'Заморозить, подвергнуть действию холода'; 3. 'Поставить в неловкое положение, сконфузить» [СРНГ, вып. 40: 108].

Вне рассмотрения пока остаются глаголы *стрѣжати* (*стрѣжаше его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чърнядьми на ветрѣхъ*), *тутнѣти* (*Земля тутнѣтъ, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрывають*) и существительное *чърнядь* (см. выше).

Таким образом, сравнение отдельных лексических единиц «Слова о полку Игореве», редких или уникальных для языка древнерусских памятников XI—XIII вв., со словами, отмеченными в русских народных говорах в XIX—XX вв., позволяет подтвердить существование ряда лексем для русского языка, расширить представления об их значении и стилистическом статусе, как это уже было показано с метеорологической лексикой [Бурыкин 2013], и даже внести некоторые коррективы в прочтение неясных мест «Слова о полку Игореве».

Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика украинских говоров (проблемы и перспективы дальнейшего исторического и диалектологического изучения языка «Слова о полку Игореве»)

Лексика «Слова о полку Игореве» на сегодня достаточно хорошо изучена с точки зрения исторической лексикологии русского языка, чему способствовали в равной мере издание «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“» и работа над историческими словарями русского языка. Однако диалектные лексические параллели к лексике «Слова о полку Игореве» изучены недостаточно, несмотря на попытки заниматься этими вопросами с разных сторон — от рассмотрения отдельных слов до анализа текста с целью локализовать место его написания [Николаев 2014]. Завершение работы над «Словарем-справочником» и его издание (последний выпуск вышел в 1984 г.) не позволило учесть в нем в полной мере лексические материалы «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), «Псковского областного словаря» (ПОС) и ряда других диалектных словарей. В равной мере и по тем же причинам не были учтены при описании лексики «Слова...» исторические и диалектные словари украинского и белорусского языков, а также «Старопольский словарь».

Рассмотрение лексики «Слова о полку Игореве» в сравнении с данными СРНГ, ПОС и материалами других словарей [Бурыкин 2007а; 2010; 2014], особенно в той части, которую составляют редкие слова и слова с неясным значением, привело к тому, что в словарном составе «Слова...», по сути, не осталось лексики, которая не имела бы параллелей либо в памятниках русского языка, либо в русских народных говорах. Сопоставление лексики «Слова...» с диалектными материалами в ряде случаев позволило лучше понять лексикостилистику слов в си-

нонимических рядах и тематических группах (например, соотношение слов, сохранившихся доньше в русском литературном языке, и «редких» слов в метеорологической лексике) [Бурыкин 2013]. В настоящее время мы не имеем иллюзий относительно возможности определить место написания «Слова...» по данным диалектной лексики, несмотря на очень интересную и насыщенную материалом работу С. Л. Николаева [Николаев 2014] (см. выше) — этому препятствует абсолютная размытость ареалов большинства слов за более чем 800 лет, однако имеется возможность проследить судьбу лексики «Слова...» по языкам, сложившимся после создания этого памятника, и их диалектам и говорам.

Тема настоящей статьи не является новой, однако проблемы, затрагиваемые в ней, привлекали немногих исследователей, а результаты их труда не были учтены должным образом в специальных работах по «Слову...» [Німчук 1967; 1968; 1971; 1987].

В настоящее время мы располагаем большим числом словарей украинских говоров разных регионов («Словарь говоров Одесской области» А. А. Москаленко; «Словарь гуцульских говоров» под ред. Я. Закревской; «Материалы для словаря гуцульских говоров» Ю. Пипаша и Б. Галаса; «Словарь бойковских говоров» М. Онишкевича; «Словарь закарпатского говора» И. Сабадоша; «Словарь западнopolесских говоров» Г. Аркушина; «Словарь полесских говоров» П. Лысенко; «Материалы для словаря буковинских говоров» (6 выпусков); «Словарь карпатоукраинского торуньского говора»; «Надднестровский региональный словарь» Г. Шило и другие). Кроме них, и как показывает практика, даже в большей степени для предпринимаемого исследования оказывается важным «Словарь української мови» Б. Гринченко, данные которого и составили начальную часть нашего исследования [Бурыкин 2014a].

Сравнение списка слов из текста «Слова о полку Игореве» объемом примерно в 200 единиц, получивших объяснение в «Словаре-справочнике „Слова...“» и в нем же снабженных сравнительными данными из древнерусских памятников, исторических и диалектных словарей (прежде всего из словаря В. Даля и некоторых других: в источниках присутствует и словарь Б. Гринченко), показывает, что данные словаря Б. Гринченко, «украинского Даля», отражены в «Словаре-справочнике» не полностью и не вполне логично. Так, в «Словаре-справочнике» практически никогда не приводятся украинские параллели к тем словам, которые совпадают по форме и по семантике со словами современного русского языка. Ценными для нас являются точные соответствия лексем «Слова...» и украинских слов по семантике и словообразовательные параллели — это параллели к словам

багрянний (багрянний), *брехати*, *вихрь* (вихор), *галиця* (галиця, галич), *година* (година ‘час, время’), *давеча* (даві ‘рано утром’), *доспели* (доспілий ‘спелый, созревший’), *доткнися дотикати, доткнути дотикатися доткнутися* — ‘дотрагиваться’), *жалоци* (жалоці — ‘скорбь, печаль; соболезнование, сожаление’), *клекъть* (клекіт ‘шум, гам; крик орла’), *кыкати* (кикати — ‘куковать’), *никати* (никнуть ‘клониться’), *оксамить* (оксамит ‘бархат’), *повѣдати* (повідати ‘говорить, рассказывать’, *поскочити* (поскочити ‘прыгнуть’), *потокъ* (потік ‘поток, ручей’), *припѣшати* (припішати ‘сделаться пешим’), *прихождати* (приходити ‘приходить’; в СлСпрСПИг — под *приходити*), *рано* ‘рано, рано утром’; в СлСпрСПИг — только ‘рано’), *скочити* (скочити ‘вскочить, прыгнуть’), *струга* (струга ‘струя’), *спалати* (спалати ‘сгореть’), *съягдати* (зглядати ‘взглядывать, взглянуть’), *туга* (туга ‘горесть, печаль’), *убудити* (убудити ‘разбудить’ или упудити ‘прогнать’), *хоботь* (хобот 2 ‘хохол, хохолок’), *цвѣлити* (цвілити ‘стегать, хлестать’). Обращают на себя внимание и контрасты семантики: *вѣжа* (‘башня, тюрьма’), *гораздъ* (*горазд, гаразд* ‘добро, счастье, благополучие’).

Рассмотрим встретившиеся нам словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в украинских говорах более детально.

Багрянный (оба *багряная стѣпа погасоста*). [Гринченко, т. 1: 18]: *Багрянний* — к *Багровий*; [Керча 2007, т. 1: 60]: *багрянный* ‘багровый’. Трудно однозначно решить вопрос, являются ли члены словообразовательных пар *багрянный* — *багровый* в русском и особенно в украинских языках диалектными лексемами.

Болонь (на *болони бѣша дебрь Кисаню*). [Гринченко, т. 1: 84]: *болония* ‘оболонь’ «низменная пойма реки, луг на берегу реки»; [Пипаш, Галас 2005: 16]: *болони* ‘оболонь’; [Шило 2008: 56]: *болоні* ср.: *оболонь*.

Болото (по *болотомъ и грязивым местомъ*). [Словарь карпоукр. 2001: 61]: *болото* ‘жидкая грязь’.

Боронь (*стоиши на борони*). [Гринченко, т. 1: 88]: *борона* ‘защита’; [Пипаш, Галас 2005: 16]: *боронени* — ‘заборона, захіст’.

Брехати (*лисици брешуть на чрьленыя щиты*). [Гринченко, т. 1: 97]: *брехати*. <...> 2) гавкать; [Аркушин 2000, т. 1: 32]: *Брехати*. 2. Подавати голос (про лисицю); [Керча 2007, т. 1: 95]: *брехати* ‘лаять’, пословица: *пес бреше, а вихор несе*; [Словарь карпоукр. 2001: 62]: *брехати* ‘лаять, гавкать’; [Матіїв 2013: 42]: *брехати* 1. Гавкати (про собак). 2. Подавати голос (про лисицю); [Horoszczak 1993: 26]: *брехати* ‘szczekac’; [Лисенко 1974: 35]: *брехат* (только о собаке). Исходное значение, отраженное в тексте «Слова...» — ‘подавать голос (о лисице)’, зафиксировано только в словарях Гринченко и Аркушина,

в других говорах лексема ведет себя как уходящая, как и в русских говорах по материалам ЛАРНГ, относящаяся к голосу собаки или присутствующая в переносных значениях по отношению к речи человека.

Буйство, буесть (*и великое буйство подасть хинови, а в буести закалена*). [Гринченко, т. 1: 108]: *Буй* — буйный, буй тур.

Бълванъ (*и тебѣ, Тьмотораканьскый бълванъ!*). [Гуцульські говірки 1997: 26]: *Бовван, болван* ‘большой камень или скала, которая стоит отдельно’; [Пипаш, Галас 2005: 15; Сабадош 2008: 28]: *болван* — ‘великий камень. Однозначного понимания этого слова более нет, т. к. в псковских говорах слово *болван* имеет значение ‘небольшой залив’, (см.: [Бурыкин 2007; 2014а]), а в тексте «Слова...» соответствующая лексема стоит в ряду приморских топонимов.

Ввергнути (*Ввържеса на бръзь комонь*). [Гринченко, т. 4: 309]: *увергати* ‘вбрасывать’; [Керча 2007, т. 1: 114]: *ввергнути* ‘ввергнуть, вбросить’.

Велми (*велми рано*). [Гринченко, т. 1: 133]: *вельми* ‘очень, весьма’; [Керча 2007, т. 1: 17]: *велми* ‘весьма, крайне, сильно’.

Вьргнутися (*уже врьжеса дивъ на землю*). [Гринченко, т. 1: 134]: *вергати, вергатися* ‘бросать, бросаться’; [Гуцульські говірки 1997: 34]: *веречи* ‘кинути’; [Пипаш, Галас 2005: 21]: *веречи си* ‘кинутися’; [Сабадош 2008: 36]: *веречи* ‘кинути’; [Гуйванюк 2005: 49]: *вергати, вергнути, вержнути* ‘кидати, шпурляти’; [Карпенко 1971, вип. 1: 54]: *вергати, вергнути, вержнути*; [Савчук 2012: 26]: *верг* ‘кинув’; [Керча 2007, т. 1: 118]: *вергнути, веречи, вергнути ся* ‘броситься’ (в цитате); [Словарь карпоукр. 2001: 197]: *веречи* ‘бросить, кинуть’; [Лисенко 1974: 41]: *вергат* ‘блевать’, ‘брыкаться’; [Матіїв 2013: 56]: *веричися* [веричис’а], *вержеса*, док. *Несподівано кинутися на кого-, що-небудь*.

Вѣтрило (*О вѣтрѣ, вѣтрило!*). [Сабадош 2008: 38]: *вітриско* ‘ветер’; [Керча 2007, т. 1: 128]: *вітрило* ‘парус’.

Вихрь (*яко вихрь, выторже*): [Гринченко, т. 1: 198]: *вихор* — ‘вихрь’; [Керча 2007, т. 1: 129]: *віхр* ‘сильный ветер, шторм’. [Керча 2007, т. 1: 95]: пословица: *пес бреше, а вихор несе* (см.: *брехати*).

Вино ‘виноград, ягоды’. [Гуйванюк 2005: 50]: *сине вино* ‘виноградные гроздья, виноградная лоза, виноградник, виноградное вино’; [Негрич 2008: 36]: *вино* ‘виноград’; [Карпенко 1971, вип. 1: 56]: *вино* ‘виноград, лоза, виноградник, вино’; [Керча 2007, т. 1: 124]: *вино* — ‘вино, виноград’. Показателен сдвиг в иерархии значений, где значения ‘виноград — растение, ягоды’ и ‘алкогольный напиток’ меняются местами. Исходя из данных украинских говоров, можно считать, что *синее вино* в «Слове...» — не обязательно напиток, это могут быть и черные виноградные ягоды (изюм), возможно, использовавшиеся в

обряде. Известно, что «Плети винограда были символами спасения в погребальном искусстве» [Трессидер 1999: 43]. То, что вино в «Слове...» может не относиться к напитку, вообще упущено авторами Энциклопедии СПИГ [Федотова 1995]. См. комментарий к тексту «Слова...» далее.

Втроскотати (*А не сорокы втроскоташа*): [Сабадош 2008: 113]: *затроскотати* ‘залопонити’. К словообразованию ср.: [Аркушин 2000, т. 1: 79]: *втонати*, *втихнути*.

Выльяти (*а Донъ шеломы выльяти*). [Гринченко, т. 1: 167]: *виливати*, *вилити*; [Аркушин 2000, т. 1: 56]: *вилляти* ‘вылить’.

Вытьргнути (*яко вихръ, вытьрже*). [Horuszczak 1993: 39]: *виторгати* ‘wytargac’; [Верхратский 1902: 398]: *выторгати*, *выторочити* ‘выдернуть с корнем’; [Турчин 2011: 48]: *вытаргати* ‘висмикати’.

Вежа (*вежи ся половецкѣи подвизашася*). [Гринченко, т. 1: 130]: *вежа* ‘башня, тюрьма’; [Horuszczak 1993: 30]: *вежа* ‘wieża’; [Лисенко 1974: 40]: *вежа* ‘помещение, где отбывали наказания’.

Вьргнути (*вьрге Всеславъ жребій*). [Гуцульські говірки 1997: 34]: *Веречи* ‘кинути’. См. выше: **ввергнути ся**, **вергнути ся**.

Галици (*галици стады бѣжати къ Дону великому*). [Гринченко, т. 1: 268]: *галиця* ‘галка’, *галич* ‘галки, грачи’; [Керча 2007, т. 1: 157]: *галиж* ‘ворон’, *галиця* ‘грач’. Судя по тексту, автор имеет в виду галок, а не грачей: то, что этим словом могут быть названы грачи, в Энциклопедии СПИГ [Творогов 1995а] вообще не рассматривается.

Гнѣздо (*Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо; аки пардуже гнѣздо*). [Гринченко, т. 1: 294]: *гнѣздо* ‘гнездо’; [Аркушин 2000, т. 1: 93—94]: *гнѣздо*; [Онишкевич 1984, ч. 1: 176]: *гнѣздо*; [Керча 2007, т. 1: 167]: *гнѣздо* ‘гнездо’.

Гоголь (*бѣлымъ гоголемъ на воду*). [Гринченко, т. 1: 296]: *гоголь* ‘род дикой утки’. См.: [Белоброва 1995а, т. 2: 32].

Година (*не веселая година вѣстала, помянувшие първую годину*). [Гринченко, т. 1: 297]: *година* ‘час, время’. [Гуцульські говірки 1997: 46]: *година* ‘негода’; [Матіїв 2013: 101—102]: *година* 2. ‘Горе’; [Horuszczak 1993: 49]: *година* ‘godzina’; [Савчук 2012: 33]: *година* ‘затяжные дожди’; [Онишкевич 1984, ч. 1: 178]: *година*; [Керча 2007, т. 1: 169]: *година* ‘погода, время’. Привлекает внимание синкретизм сем «время», имеющий разные проявления в разных славянских языках, и «непогода», характерное для рассматриваемых говоров, а также значение ‘горе’.

Гораздъ (*Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божія не минути*). [Гринченко, т. 1: 272]: *гаразд*, *горазд* ‘добро, счастье, благополучие’; [Сабадош 2008: 50]: *горазд* ‘щастя, благополуччя’; [Онишкевич 1984, ч. 1: 184]: *горазд* ‘благополучие’; [Керча 2007, т. 1: 174]:

горазд 'благосостояние, благоденствие'; [Словарь карпоукр. 2001: 87]: *горазд* 'способен'; [Матіїв 2013: 104]: *горазд* 1 [горазд], -у, ч. Щастя, благополуччя, достаток: *горазд* 2 [горазд], посл.: Добре, як слід, належним чином; стаття «горазд» в Енциклопедії СПИг отсутствует.

Гримати (*гремляши о шеломы мечи харалужными; гримлють сабли о шеломы*). [Horuszczak 1993: 51]: *гримати, гримнути* 'упасть с громким звуком'; [Сабадош 2008: 52]: *гримати, гримнути* 'грюкати'; [Негрич 2008: 53]: *гримати* 'стукати'; [Онишкевич 1984, ч. 1: 193]: *гримати* 'сильно стучать'; [Карпенко 1971, вип. 1: 95]: *гримати* 'стукати'; [Керча 2007, т. 1: 180]: *гримати* 'гremеть, грохать, грохотать'.

Давечя (*давечя рано предъ зорями*). [Гринченко, т. 1: 355]: *даві* 'сегодня утром'; [Гуцульські говірки 1997: 55]: *даві, давіть* 'дуже рано'. Обращает на себя внимание стремление автора к точности обозначения времени описываемого момента.

Дебрь (*на болони бѣша дебрь Кисаню*). [Гринченко, т. 1: 365]: *дебрь* (без перевода), *дебриця* (со знаком вопроса); [Гуцульські говірки 1997: 56]: *дѣбря, -і* 'стрімке, заросле кущами узбіччя понад гірські потоки, звори'; 'непрохідний ліс у горах'; [Horuszczak 1993: 59]: *дебр* 'dziki ostęp, недоступное место, мн. *дебря, дебри*'; [Сабадош 2008: 61]: *дебри* 'непрохідний чагарник, нетрі'; [Шило 2008: 105]: *дебра* 'болото, трясовина'; [Онишкевич 1984, ч. 1: 207, 213]: *дебря, дибирь, дибря* 'балка, взгорье'; [Керча 2007, т. 1: 208]: *дебрина* 'рытвина, промоина', *дебря* 'темный густой дремучий лес, чаша, чащоба', 'ущелье, пропасть, котловина'; [Словарь карпоукр. 2001: 73]: *дебра* 'ущелье'; [Матіїв 2013: 123]: *дибря* [дибр'а], -і, ж. Стрімкий бік гори, горба. В Енциклопедії СПИг рассматривается только в словосочетании *дебрь Кисаню* [Салмина 1995: 93—96]. Из значений «непроходимый лес» и «впадина, котловина, балка, ущелье», обозначающих неблагоприятные для людей реалии, трудно выбрать более предпочтительное: возможно, в тексте реализован синкретизм значений. Ср. еще: [Пипаш, Галас 2005: 11]: *бевз, бевза* 'глибоке темне провалля' — или игра паронимами, или, возможно, редкая южнорусская (украинская) лексема была заменена при переписке похожим по написанию и более понятным словом. Ср. еще: [Матіїв 2013: 28]: *безма* [безма], — 1) непрохідне місце; 2) глибоке провалля.

Диво (*а чи диво ся ... стару помолодити*). [Гринченко, т. 1: 382]: *диво* 'диво, чудо; странное, удивительное или редкое явление'; [Словарь карпоукр. 2001: 76]: *диво* 'чудо'.

Доспѣли (*храбрыи князи, доспѣли на брань*). [Гринченко, т. 1: 430]: *доспілий* 'спелый, созревший'.

Доста (*Ту крѣваваго вина не доста*). [Савчук 2012: 42]: *доста* 'досить'; [Карпенко, вип. 2: 35; Керча 2007, т. 1: 242]: *доста* 'будет, хва-

тит, довольно', хотя текст может предполагать и форму аориста 3-го л. ед. ч. от *достати*.

Дотечи, дотечати (которые дотечаше, та преди пѣснь пояше). [Сабадош 2008: 75]: дотечи 'дотекти'.

Дотктися (и дотчеша стружѣмъ злата стола кїевьскаго). [Гринченко, т. 1: 433]: дотикати, доткнути, дотикатися, доткнутися 'дотрагиваться, дотронуться'; [Пипаш, Галас 2005: 50]: дотикатиси 'доторкаться'; [Турчин 2011: 89]: дотовчы 'дотовкти'; [Керча 2007, т. 1: 245]: доткнути 'обидеть, уязвить', дотыкати 'задевать, затрагивать'; дотык 'прикосновение, соприкосновение'.

Жалоши (ничить трава жалоцями). [Гринченко, т. 1: 473]: жалоши 'скорбь, печаль'; 2) 'соболезнование, сожаление'; [Негрич 2008: 69]: жалоби 'траур'; [Керча 2007, т. 1: 272]: жалость 'жаль'. Пример уходящей из узуса лексической единицы, зафиксированной словарем Б. Гринченко, но не подтверждаемой более поздними словарями, дающими модернизированные формы.

Жажда (жаждею имъ лучи съпряже). В [Гринченко, т. 1: 471] только дериваты жаждивий и жаждувати. Ср.: [Сабадош 2008: 83]: жажда 'спрага', указывающее на историческую близость семантики существительного жажда и глагола съпрягати.

Жирь (иже погрузи жирь во днѣ Каялы). [Гринченко, т. 1: 484]: жир — жир — 'корм, пропитание добыча у диких животных'. Ср., однако: [Гринченко, т. 1: 476]: жбир 'скала, гора, возвышенность'; жбирь 'нанос в реке, мель'; [Пиртей 2004: 89]: жбыр 'склон горы, усыпанный мелкими камнями, крутой берег' и жвір 'гравий, жорства, щебень'. Пример, возможно, представляет игру паронимами, отмеченную в тексте «Слова...» для слов мысль — мысль (см. комментарий к тексту «Слова...»).

Забрало, забороло (Уныша бо градомъ забрала; Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ). [Гринченко, т. 2: 7]: забороло 'забрало', но укр. забрало нет.

Заворочати (Игорь плѣкы заворочаетъ). [Керча 2007, т. 1: 287]: заворотити 'поворотить'.

Закладати (по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ). [Гринченко, т. 2: 48]: закладати 'закладывать, заложить'; [Сабадош 2008: 99]: закладати 'закрывать'; [Карпенко, вип. 3: 21]: закладати 'вставлять'. Переносное значение или синкретизм значений выражения уши закладати (см.: [Слово о полку... 1985]) покрывается многозначностью толкований в словаре Б. Гринченко и конкретным указанием «закрывать» у Сабадоша.

Замышление (по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню). [Гринченко, т. 2: 65]: замишляти 'замышлять'; [Horoszcak 1993: 82]: замышліти ся 'задумати ся, zamyślic się'.

Зарание (*Съ зараніа до вечера; Съ зараніа в пятькъ*). [Гринченко, т. 2: 88]: *зарання* ‘утреннее время’; [Аркушин 2000, т. 1: 175]: *зарання* ‘дуже рано’; [Horoszczak 1993: 84]: *заран* ‘jutro’; [Верхратский 1902: с. 416]: *заран* ‘morgen, утром’; [Пиртей 2004: 104]: *заран* ‘завтра’; [Пиртей 2001: 123]: *заран* ‘завтра’; [Турчин 2011: 110]: *заран* ‘завтра’; [Керча 2007, т. 1: 318]: *зарано* ‘раннее утро’.

Заря, зоря (*Заря свѣтъ запала, Погасоша вечеру зари*). [Гринченко, т. 2: 180]: *зоря* ‘звезда’; [Пиртей 2001: 124]: *заря* ‘первая или последняя звезда на небе’; [Словарь карпоукр. 2001: 212]: *зоря* ‘заря, звезда’; [Horoszczak 1993: 85]: *заря* ‘зоря, zorza’ ‘poranna luna od rożaru’; [Шило 2008: 124]: *зара* ‘світанок’; [Керча 2007, т. 1: 320]: *заря* ‘луч, заря, зарево’; [Словарь карпоукр. 2001: 210]: *заря* ‘отсвет солнца, отблеск огня, зарево’. Рассмотренные материалы проясняют второй контекст, где *погасоша вечеру зари* — определенно «погасла вечерняя заря» — звезды не могли зайти, но не проясняют первого словосочетания, где остается выбор между *заря* «утренняя заря» и *зоря* «звезда». Значение *заря* ‘первая или последняя звезда на небе’ опять заставляет думать о синкретизме семантики в тексте памятника — на сей раз на примере *заря* — *зоря*. Данные украинских говоров не противоречат известным материалам по русской исторической лексикологии и диалектологии [Творогов 1995: 212—213], хотя и ненамного проясняют контексты памятника.

Затькнути (*тугою имъ тули затче*). [Гринченко, т. 2: 106]: *затикати, заткнути* ‘затыкать, заткнуть’; [Horoszczak 1993: 87]: *затыкати* ‘zatykać’; [Москаленко 1958: 36]: *затнути* ‘запхнути’; [Керча 2007, т. 1: 329]: *заткати* ‘закупорить, забить, заткнуть’.

Заступати, заступити (*тьмою путь заступаше, заступивъ королеви путь*). [Гринченко, т. 2: 103]: 1) ‘закрывать, закрыть’; 2) ‘Занимать, занять, преграждать, преградить (дорогу)’; [Horoszczak 1993: 86]: *заступити* ‘zasłoniť, заступить’; [Керча 2007, т. 1: 326]: *заступати, заступити* ‘стоять поперек дороги’.

Затворити (*затворивъ Дунаю ворота, князю Ростиславу затвори днѣ*). [Сабадош 2008: 112]: *затворити* ‘закрывать’; [Керча 2007, т. 1: 326]: *затворити, затворяти* ‘закрывать, закрывать’.

Зегзица (*зегзицею незнаєма, рано кичеть*). [Гринченко, т. 2: 151, 177]: *зизуля, зозуля* «‘кукушка’, ‘употребляется как ласкательное слово для женщин, преимущественно матери’» [Верхратский 1902: 420]: *зозуля* ‘кукушка (у лемков редко)’; [Онишкевич 1984, ч. 1: 318]: *зозуля* ‘кукушка’; [Карпенко, вып. 3: 19]: *зazuля, зузуля, зазулька* — ‘зозуля’; [Керча 2007, т. 1: 296]: *зazuлиця, зазуля* ‘куковка, кукушка’; [Словарь карпоукр. 2001: 210]: *зazuля, зозуля* ‘кукушка’; [Аркушин 2000, т. 1: 193]: *зозуля* ‘корисний перелитний птах’, ‘бедрик’; [Аркушин 2000,

т. 1: 13]: *бедрик* ‘божья коровка’; ср.: [Гринченко, т. 1: 36—37]: *бедрик*, значение непонятно (какая-то птица. — А. Б.); [Шило 2008: 121]: *засулі, зозуля, засуля* ‘бедрик’; [Шило 2008: 130]: *зузулиця, зузулька* ‘бедрик’; [Желехівський 1886, т. 1: 16]: *бедрик* — *бабрун*; [Гринченко, т. 1: 167]: *бабрун* ‘бабриська’, *бабриська* ‘(насекомое) сонячко’; [Гринченко, т. 4: 167]: *сонячко* ‘божья коровка’. Ср. еще: [Пиртей 2001: 272]: *паворотка* ‘зозулька, божа коровка’ — при отсутствии слова *зозулька* в тексте словаря. Для исключения иных версий ср. укр.: *іволга*, обл. *вивільга* ‘иволга’.

Контроверза «кукушка» — «чайка» [Белоброва 1995б: 220—221] по украинским, как и по русским диалектным материалам не находит разрешения. Документация на формы *зигзичка* и сходные с ними в значении ‘чайка’ в изученных нами словарных материалах по украинскому языку отсутствует полностью. Единственный пример — стихотворение С.-М. Зализняк: *У травні Фенікс... висидів пташа: Зигзичка юна принесла яєчко. Одвіку птах своїх потят не мав, На скелі жив, пантруючи гніздечко* ([Электронный ресурс] URL: <http://poezia.org/ru/id/19119> (дата обращения: 25.10.2017)).

Искусити (*искусити Дону великаго*). [Сабадош 2008: 134]: *искусити, искушати* ‘попробовать на вкус’.

Каяти (*кають князя Игоря*). [Гринченко, т. 2: 229]: только *каятися* ‘каяться’; [Horoszczak 1993: 104]: *каянка* ‘żał, skrucha’; [Верхратский 1902: 423]: *каянка* ‘жаль’; [Керча 2007, т. 1: 404]: *каяти, каятися* ‘раскаиваться’, *каая* ‘раскаianie’.

Клекать (*орли клектомъ на кости звѣри зовуть*). [Гринченко, т. 2: 249]: *клекіт* 1) ‘шум, гам’; 2) ‘крик орла’; [Horoszczak 1993: 107]: *клекіт* ‘klekot’; [Керча 2007, т. 1: 411]: *клекот* ‘клёкот’.

Кликати, кликнути (*Дивъ кличетъ; За нимъ кликну Карна*). [Гринченко, т. 2: 250—251]: *кликати* ‘кричать; звать’; [Horoszczak 1993: 108]: *кликати* ‘wołas’; [Сабадош 2008: 144]: *кликати* ‘звать, называть’; [Пиртей 2001: 162]: *кликати* ‘кликати, позивати’; [Матіїв 2013: 219]: *кликати* 1) звертатися до когось; гукати на когось; 2) кличе, звати, іменувати кого-небудь.

Кликъ (*кликомъ плѣкы побѣждають*). [Гринченко, т. 2: 250]: *клик* ‘зов’; [Керча 2007, т. 1: 412]: *клик* ‘лозунг, призыв’.

Клюка (*Тъй клюками подпръ ся о кони*). [Гринченко, т. 2: 254]: *клюка* ‘металлический наконечник копья’, *клюк* ‘род деревянного крюка, колышек или деревянный гвоздь, загибающийся под прямым углом; употребляется при постройках для прикрепления жердей, на него запираются ворота и пр.’; [Гуцульські говірки 1997: 96]: *клюка* ‘гак, гачок’; [Пипаш, Галас 2005: 80]: *клюка* ‘гак, дуга’; [Horoszczak 1993: 108]: *клюка* ‘kiełek v ziemniaku’; [Гуйванюк 2005: 211]: *клюка* ‘крюк

для доставания ведер из колодца’, ‘приспособление для снятия плодов с высокого дерева’; [Пиртей 2004: 139]: *клюка* ‘жердь с крюком на конце’; [Савчук 2012: 54]: *клюка* ‘палица-кривулька’; [Онишкевич 1984, ч. 1: 358—359]: *клюка* ‘3. жердина с гаком... 4. гак’; [Керча 2007, т. 1: 414]: *клюка* ‘жердь с крючком, багор’; ср.: [Аркушин 2000, т. 1: 228]: *клюки* ‘ходули’; [Аркушин 2000, т. 1: 207]: *кандиби* ‘ходули’ — с перекрестными отсылками. Украинские материалы лишь частично поддерживают «строительное» значение лексемы *клюка*, прослеживаемое по фактам русских говоров [Бурыкин 2014а], но не противоречат им. Значение «ходули» подсказывает новую интерпретацию этого контекста «Слова...», но, в отличие от фактов русских говоров, не дает ясности в сочетании с *о кони*.

Кмети (*А мои ти куряни свѣдоми кѣмети*). [Гринченко, т. 2: 257]: *кметь* ‘1) крестьянин; 2) сметливый человек, находчивый, хитрец’; [Пипаш, Галас 2005: 80]: *кметі* ‘друзи, коллеги’; [Сабадош 2008: 145]: *кметь* ‘мужчина, который живет в доме родителей жены, приймак’; [Шило 2008: 144]: *кметь* ‘заможный селянин’; [Онишкевич 1984, ч. 1: 361]: *кмітиця* ‘молодиця, хорошая хозяйка’; [Керча 2007, т. 1: 415]: *кметь* ‘крепостной крестьянин, смерд, холоп, поселенец, селянин’; *кметиця* ‘крепостная крестьянка’ (там же дериваты *кметьський*, *кметьство*); [Матіїв 2013: 223]: *кмет*, *кметиня* до *кмить*, *кमितь* [кмит’], -я, ч., ‘Чоловік, якого не поважають’. Очень интересным выглядит распад полисемии лексемы, не сохраняющейся в русском языке, но прослеживаемой по языку древнейших памятников и по данным украинских говоров, а также дериваты от этого слова. В Энциклопедии СПИГ отмечен интерес исследователей к социальному наполнению слова *кмети*, а также то, что оно сохраняется в украинском (без детализации значений) и других славянских языках [Савельева 1995: 45—46].

Ковылие (*по ковылію развѣя*). [Гринченко, т. 2: 262]: *ковила* ‘тырса’; ср.: [Гринченко, т. 2: 243]: *кйіло* ‘ковыль’.

Кожух (*и коожухы начышиа мосты мостити*). [Гринченко, т. 2: 263]: *кожух* ‘тулуп, шуба’; [Керча 2007, т. 1: 418]: *кожух* ‘полушубок, тулуп’; ср. еще: [Horuszczak 1993: 109]: *кожух*; [Онишкевич 1984, ч. 1: 361]: *кожух* и др. Украинский материал полностью согласуется с фактами русских говоров.

Кыкати (*ратаевъ кикахуть; зегзицею незнаєма рано кычать*). [Гринченко, т. 2: 238]: *кыкати* ‘куковать’ (с цитатой: *Ой кикала зозуленька*); [Гуйванюк 2005: 198]: *кыкати* ‘тихо, нерозбирливо говорити’, ср.: [Гуйванюк 2005: 201]: *кыхкати* ‘стримано сміятися’, что, возможно, документирует более архаичную форму глагола и согласуется по семантике с данными русских говоров, где глагол *кыкать* обозначает

крик совы (ср. у С. Есенина: «По-осеннему *кычет* сова...»). Толкование глагола, данное в словаре Б. Гринченко, в особенности в связи с цитатой, требует дополнительных исследований.

Лелѣяти (*лелѣючи корабли, подѣ шеломи възлелѣяны*). [Гринченко, т. 2: 354]: *лелѣяти* ‘лелеять’; [Керча 2007, т. 1: 470]: *лелѣяти* ‘лелеять’. Многократно встречающиеся совпадения данных словарей Б. Гринченко и И. Керчи требуют особого внимания.

Лжа (*уже лжу убуди(ста)*). Ср.: [Словарь карпоукр. 2001: 115]: *ложь* ‘беда, несчастье’.

Лугъ (*И потече къ лугу Донца*). [Гринченко, т. 2: 379]: *луг* ‘лес на низменности, низменность, поросшая лесом’; [Пипаш, Галас 2005: 95]: *луг* ‘низина, поле’; [Онишкевич 1984, ч. 1: 418]: *луг* ‘пастбище около реки’; [Керча 2007, т. 1: 487]: *луг* ‘луг, пойма’.

Лук (*А поганого Кобяка изъ луку моря*). [Гринченко, т. 2: 380]: *лук* ‘дуга’.

Лютый (зверь) (*Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ*). [Гринченко, т. 2: 390]: *лютий* ‘свирепый, суровый, жестокий’; [Гуцульські говірки 1997: 117]: *лютий* (в разных значениях) [Пипаш, Галас 2005: 97]: *лютий* ‘злий, сердитый’; [Негрнич 2008: 108]: *лютий* (в разных значениях); [Онишкевич 1984, ч. 1: 423]: *лютий* (в разных значениях); [Керча 2007, т. 1: 487]: *лютий* ‘беспощадный, бешеный, жестокий, свирепый’.

Мгла (*мѣгла поля покрыва; обѣсися синѣ мѣглѣ; идутъ сморци мѣглами; одѣвавшиу его теплыми мѣглами*). [Гринченко, т. 2: 414]: *мгла* ‘мгла’, *мгичка* ‘мелкий дождь’; [Пиртей 2004: 171]: *мгла* ‘імла, туман’; [Пиртей 2001: 200]: *мгла* ‘мла, імла, туман’; [Керча 2007, т. 1: 502]: *мгла* ‘мгла, туман’. Существенно, что рассматриваемые данные показывают метеорологическое значение лексемы — ‘туман’. К анализу слова *мгла* в Энциклопедии СПИг материал добавляет только сохранение исконной метеорологической семантики [Творогов 1995ж: 228—229].

Метати (*меча бремены чрезъ облаки*). [Гринченко, т. 2: 420]: *метати* ‘метать, бросать’; [Пипаш, Галас 2005: 10]: *метати* ‘кидати’; [Шило 2008: 173]: *метати* ‘кидати’; [Пиртей 2001: 202]: *метати* ‘кидати’; [Савчук 2012: 64]: *метати* ‘кидати’; [Турчин 2011: 175]: *метати*; [Онишкевич 1984, ч. 1: 438]: *метати*; [Керча 2007, т. 1: 507]: *метати* ‘бросать, кидать’; [Словарь карпоукр. 2001: 120]: *метати* ‘бросать, кидать’; [Матіїв 2013: 275]: *метати* ‘махнувши рукою (руками), примушувати летіти, падати те, що є в руці (в руках); кидати’.

Мыкати (*смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ, Чему мычеши хиновъскыя стрѣлки*). [Гринченко, т. 2: 423]: *микати* 1) ‘дергать, рвать, таскать’; 2) ‘мыкать, чесать пеньку’; [Horoszczak 1993: с. 126]:

мыкнути ‘*мыкнѣс*’; [Онишкевич 1984, ч. 1: 438]: *микати* ‘*сіпати, рвать*’; [Шило 2008: 173]: *микати* ‘*скубати, метать сено*’; [Верхратский 1902: 435]: *мыкати ся* ‘*бросаться*’; [Матіїв 2013: 276]: *микати* 1) ‘*виривати що-небудь звідкись; виривати з корінням (рослини)*’. Иная группа значений: [Гуцульські говірки 1997: 123]: *микати* 1) ‘*виривати; зривати*’; 2) ‘*скубти*’; [Москаленко 1958: 51]: *микати* ‘*вырывать что-то с корнем*’; [Негрич 2008: 113]: *микати* ‘*рвати, скубати*’; [Пиртей 2001: 203]: *мыкати* ‘*вырывать с корнем*’. Материалы данной группы показывают дифференциацию значений лексемы по отдельным говорам и утрату значения «бросать».

Наниче (*на ниче ся години обратиша*). [Аркушин 2000, т. 1: 335]: *нанич* ‘*безрезультатно*’; [Сабадош 2008: 190]: *нанич* ‘*нінашо, напрасно*’; [Негрич 2008: 120]: *нанич* ‘*нанівець*’; [Пиртей 2004: 188]: *нанич* ‘*нанівець*’, ‘*на нет, насмарку*’; [Онишкевич 1984, ч. 1: 471]: *наничъ* ‘*ні до чого*’; [Керча 2007, т. 1: 552]: *нанич* ‘*насмарку*’; [Матіїв 2013: 298]: *нанич* ‘*безрезультатно*’. Приведенные материалы однозначно отводят пониманию *наниче* в тексте «Слова...» как ‘*наизнанку*’, что поддерживается единичными и не вполне понятными примерами (см. комментарии к тексту в издании 1985 г.).

Насильно (*Чему, господине, насильно вѣсиш?*). [Гринченко, т. 2: 519]: *насильно* ‘*насильно*’.

Неже (*неже полонену быти*). [Гринченко, т. 2: 566]: *неже*, [Гринченко, т. 2: 547]: *неж* ‘*Ниж чем*’.

Нелюбие (*а Кончаку нелюбія*). [Гринченко, т. 2: 550]: *нелюбий* ‘*немилый, неприятный*’.

Нетрудный (*на своєю нетрудною крилю*). [Пиртей 2001: 199]: *нетрудни* ‘*неважко, досить легко*’; [Пиртей 2001: 241]: *нетрудни*; [Керча 2007, т. 1: 594]: *нетрудный* ‘*нетрудный*’. Любопытный пример полисемии лексемы, впоследствии разорвавшейся: русск. *нетрудный* значит только «несложный».

Нечестно (*Нъ нечестно одолѣсте*). [Гринченко, т. 2: 562]: *нечесно* ‘*нечестно*’; [Онишкевич 1984, ч. 1: 487]: *нечесний* ‘*поганий, недобрий*’; [Керча 2007, т. 1: 597]: *нечестный* ‘*нечестный, неправедный, зловердный*’. Приведенные данные уточняют перевод: ‘*Не к чести себе (во вред себе) вы одержали эту победу*’.

Никати (*Ничить трава жалощами*). [Гринченко, т. 2: 564]: *никнути* ‘*клониться, наклоняться*’ с цитатой: *Никли травы жалощами, гнулось древо з туги*. Цитата — из произведения Пантелеймона Кулиша (1819—1897) «Кумейки», цитирующего «Слово о полку Игореве».

Ныне (*сего бо ныне стаща стязи*). [Словарь карпоукр. 2001: 133]: *ныни* ‘*сегодня, нынче, теперь*’.

Обида (*Не было онъ обидѣ порождено*). [Гринченко, т. 3: 9]: *обида* ‘обида’; [Сабадош 2008: 211]: *обида* ‘образа, кривда’.

Оксамиты (*и драгыя оксамиты*). [Гринченко, т. 3: 51]: *оксамит* ‘бархат’; [Турчин 2011: 17]: *аксамит* ‘оксамит, бархат’; [Пиртей 2001: 261]: *оксамит* ‘ткань с густым коротким ворсом’; [Негрич 2008: 125]: *оксамит* ‘вельвет’; ср. еще: [Шило 2008: 189]: *оксамитка* ‘чорнобривень’. Примечательно сохранение лексемы с незначительной модификацией значения в поле названий ткани и переход его в название растения. Любопытно, что архаическая лексема, обозначающая малоизвестную реалию, в украинских говорах хорошо сохранена.

Обычай (*красныя Глѣбовны свычая и обычая*). [Гринченко, т. 3: 9]: *обычай* ‘обычай, обыкновение’; ср.: [Пипаш, Галас 2005: 120]: *обычай* ‘свичай’.

Паволокы (*съ ними злато и паволокы*). Ср.: [Пипаш, Галас 2005: 131]: *паволок* ‘разновид вишивки, тканини’. Сходные слова — ср.: [Гринченко, т. 3: 85]: *паволоч* ‘завязка у лаптей’ — сюда не имеют отношения. Слово оказывается довольно редким, но все же не утраченным (см.: [Бобров 1995, т. 4: 6]).

Паполома (*чръною паполомою на кровати тисовѣ*). [Керча 2007, т. 2: 45]: *паплан* ‘стеганое одеяло’. Русинская лексема — пока единственный пример подтверждения нарах *legomenon паполома* из текста «Слова...» на синхронном срезе современных материалов (см.: [Савельева 1995а: 11]).

Папорзи ~ паворози (*Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подѣ шеломы латинскими*). [Гринченко, т. 3: 85]: *павороз* ‘у вьющихся растений: прицепа’; [Пипаш, Галас 2005: 144]: *повороз* ‘линва, канат, грубий шнур’; *поворози* ‘гудиння, гудина’; *поворозок* ‘грубий шнур, линва’; [Онишкевич 1984, ч. 2: 90]: *поворозка* ‘могузка’; [Керча 2007, т. 2: 39]: *павороз*, *повраз* ‘вьющийся, ползучий стебель, бечевка, веревка, завязка’. Приведенные материалы однозначно подтверждают чтение данного места текста, предложенное Ю. М. Лотманом, — *паворози* [Слово о полку... 1985]; (см.: [Бобров 1995, т. 4: 11—13] с исходной формой *папороз*)¹⁸.

Пардусь (*аки пардуже гнѣздо*). [Керча 2007, т. 2: 47]: *пардус* ‘барс, снежный барс’. Пример как будто бы снимает колебания в понимании лексемы *пардусь* между «гепард» и «барс» в пользу послед-

¹⁸ Доктор филол. наук Е. Г. Борисова, выпускница отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ 1977 г. (Москва), ознакомившись с этим пассажем статьи, заметила: «Для меня это место никогда не было загадочным: я выросла в Харькове и завязки моей шапочки всегда назывались *паворозочки*»; за эту консультацию мы выражаем Елене Георгиевне нашу глубокую благодарность.

него, однако, с другой стороны, именно гепарды среди крупных кошачьих охотятся сообществом.

Пасти ся (*и паде ся Кобякъ*). [Гринченко, т. 3: 100]: *пасти* II ‘пасть, упасть’, ‘опуститься на землю’.

Плакатися (*плачется мати Ростислава по уноши*). [Гринченко, т. 3: 191]: *плакатися* ‘оплакивать’; [Керча 2007, т. 2: 85]: *плакатися*.

Побарати (*Здрави князи и дружина, побарая за христьяны*). Ср.: [Гуйванюк 2005: 433]: *побабрати* ‘поколотити, переколотити щось рідке, зробити його непривабленим, забруднити’; [Гринченко, т. 3: 200]: *побабрати* — только ‘помарать, испачкать’. Возможно, южно-русская лексема, не понятая при переписке, была заменена похожим по форме и смыслу словом.

Повѣдати (*крававыя зори свѣтъ повѣдають, веселыми пѣснями свѣтъ повѣдають*). [Гринченко, т. 3: 219]: *повідати* ‘говорить, рассказывать, рассказать’; [Horoszczak 1993: 164]: *повідати*; [Шило 2008: 210]: *повідати* ‘розповідати’; [Пиртей 2001: 299]: *повідати* ‘розказати про щось’; [Турчин 2011: 241]: *повідати*; [Онишкевич 1984, ч. 2: 88]: *повідати*; [Керча 2007, т. 2: 97]: *повідати*.

Полозь (*полозїю ползоша только*). [Гринченко, т. 2: 285]: *полоз* ‘большая змея из семейства удавов’; [Пипаш, Галас 2005: 148]: *полоз* ‘великий вуж’.

Поляяти (*а кровїю поляна*). [Гринченко, т. 3: 285]: *поляяти* ‘полить’; [Сабадош 2008: 251—252]: *поляяти* ‘поливати’.

Поникнути (*уныша голоси, пониче веселіє, уныша бо градомъ хабралы а веселіє пониче*). [Гринченко, т. 3: 311]: *поникнуть* ‘поникнуть’; [Пипаш, Галас 2005: 149]: *поніячитис’и* ‘погіршитися, занепасти’.

Поострити (*и поостри (и) сѣрдца своего мужьствомъ*). [Словарь карпоукр. 2001: 136]: *острити, поострити* ‘точить, заострять’.

Поскъпати (*Поскепаны саблями калеными шеломи оварьскыя*). [Гринченко, т. 3: 361]: *poskîpati* ‘расколоть на лучинки для растопки’; [Horoszczak 1993: 173]: *poskubsti* ‘poskubac’; [Сабадош 2008: 264]: *poskîpiti* ‘пощипать’; [Керча 2007, т. 2: 149]: *poskîpati* ‘наколоть щепок’; [Матіїв 2013: 377]: *poskipati* ‘наколоти (певну кількість дров)’.

Поскочити, поскочяти (*Камо туръ поскочяше, А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростїю*). [Гринченко, т. 3: 361]: *poskочить* ‘прыгнуть’.

Потекти (*и потече къ лузу Донца, Влуръ вълкомъ потече*). [Гринченко, т. 3: 376]: *потекти* ‘потечь’ (в разных значениях. — А. Б.); [Сабадош 2008: 268]: *потечи* ‘потекти’; [Негрич 2008: 141]: *потектисї* ‘піти без видума’; ‘пойти, когда другой не знает’; [Словарь карпоукр. 2001: 184]: *течи* ‘течь, бежать’. Редкое значение, зафиксированное

словарем Негрича, идеально соответствует употреблению рассматриваемого слова в тексте памятника.

Потокъ (*иссушии потоки и болота*). [Гринченко, т. 3: 378]: *potik* ‘поток, ручей’; [Пипаш, Галас 2005: 152]: *potik* ‘потік, поток’; [Horoszczak 1993: 174]: *potik*; [Словарь карпоукр. 2001: 151]: *potik* ‘речка, ручей’; [Матіїв 2013: 376]: *potik* ‘Водотік середньої плинності різної глибини (довжиною коротший, ніж річка)’. Хороший пример сохранения слова в диалектном материале.

Потручати ся (*ту ся саблямъ потручати*). [Horoszczak 1993: 174]: *potručyti* ‘pokruszic’; [Horoszczak 1993: 229]: *tručyti* ‘крушить’; [Турчин 2011: 256]: *potručyti* ‘полушить’; [Верхратский 1902: 745]: *tručyti* ‘луштити’; [Пиртей 2004: 307]: *tručyti* ‘луштити, дробити’; [Пиртей 2001: 392]: *tručyti* ‘луштити, дробити’.

Ср.: [Гринченко, т. 4: 291]: *tručati* ‘толкать, пихать’; [Пипаш, Галас 2005: 152]: *potrutiti* ‘штовахнути’; [Сабадош 2008: 269]: *potručati* ‘поштовахати’; [Пиртей 2004: 248]: *potrutiti* ‘штовахнути’; [Гуцульські говірки 1997: 189]: *tručeti* // *tručkati* ‘штовахати, пхати’; [Пипаш, Галас 2005: 196]: *tručiti* ‘штовахати, запихати, пхати’; [Москаленко 1958: 71]: *trutiti* ‘пхнути’, *tručati* ‘пхати’; [Гуйванюк 2005: 554—555]: *tručati* *тречити* *trutiti* ‘штовахнути’; [Савчук 2012: 28]: *втрутити* ‘зіштовхнути’; [Савчук 2012: 88]: *tručati* ‘штовахати’; [Турчин 318; Онишкевич 1984, ч. 2: 304; Словарь карпоукр. 2001: 190]: *tručati* ‘толкать перед собой’. Гомогенность форм со значением ‘крушить’, ‘лушить’, ‘дробить’ и ‘толкать’ особых сомнений не вызывает. Приведенных примеров достаточно для того, чтобы расширить документацию на глагол *потручати ся*.

Потяти (*Луце жъ бы потяту быти*). [Гринченко, т. 3: 384]: *potjati* ‘изрубить’; [Сабадош 2008: 270]: *potjati* ‘перекусить шею курице (о хоре)’, ‘отнять силу у человека (о ведьме)’; [Пиртей 2004: 248]: *potjati* ‘поризати, пошматувати’; [Керча 2007, т. 2: 160]: *potjati* ‘изрубить, убить’; [Словарь карпоукр. 2001: 184]: *potjati* ‘разрубить’, ‘навести порчу’ (там же *tjati* с префиксами *у-*, *роз-*, *вы-*, *по-*). Ср.: [Пиртей 2004: 296]: *stjati* ‘зітнути, зрізати’; [Пиртей 2004: 107]: *zajtati* ‘зарубить, отрубить голову’; [Пиртей 2001: 56]: *vtjati* ‘ударить’; [Турчин 2011: 306]: *stjati* ‘зарезать’; [Онишкевич 1984, ч. 2: 324]: *utjati* ‘отрывать, отрубать’, ‘ударить, рубануть’.

Сохранение глагола *тяти* с большим числом приставочных образований в украинских говорах при единственном примере фиксации глагола *потять* в русских говорах — показательный пример дифференциации словарного состава говоров восточнославянских языков за более чем 800 лет.

Похоти (*Спала князю умъ похоти*). Ср.: [Гринченко, т. 3: 388]: *pocho* ‘влечение’; [Пиртей 2004: 249]: *pocho* ‘охота’. Еще один при-

мер возможного устранения южнорусских слов с заменой на более понятные лексемы в севернорусском списке памятника.

Похитити (*преднюю славу сами похитимъ*). [Гринченко, т. 3: 378]: *похитити* ‘скрыть, утаить, покрыть, не выдавать’.

Пригвоздити (*не лъзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ кіевскимъ*). [Гринченко, т. 3: 411]: *пригвоздити* ‘приткнуть, поставить’; [Керча 2007, т. 2: 183]: *пригвоздити* ‘пригвоздить’. Перевод Б. Гринченко ‘приткнуть’, т. е. ‘приколоть к чему-л. ударом копыя’, оказывается едва ли не самым точным из практики переводов этой лексемы при переложении «Слова...» на современный русский язык.

Приклонитися (*древо с(я) тугою къ земли приклонило*). [Гринченко, т. 3: 420]: *приклонитися* ‘приклониться, наклоняться’; [Керча 2007, т. 2: 187]: *приклонитися* ‘склониться’; [Словарь карпоукр. 2001: 101]: *приклонити* ‘прислонить’.

Припѣшати (*крыльця припѣшали поганыхъ саблями*). [Гринченко, т. 3: 432]: *припѣшати* ‘сделаться пешим’.

Прихождати (*А поганій съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами*) [Гринченко, т. 3: 450]: *прихождати* ‘приходить’. (В «Словаре-справочнике „Слова...“» ([СлСпрСПИг, вып. 4: 210—211] данная форма включена в статью *приходить*).

Проляяти (*кровь поганую проліясте*). [Керча 2007, т. 2: 215]: *проляяти* ‘пролить’ — ожидалось бы ‘проливать’.

Простретися (*по Руской земли прострошася половци*). [Онишкевич 1984, ч. 2: 155]: *прострити* ‘простерти’; [Словарь карпоукр. 2001: 173]: *простерти* ‘разложить, расстелить’.

Прыскати, Прыснути (*прыщели на вои стрелами; Прысну море полунощи*). [Гринченко, т. 3: 438]: *прыскати* ‘брызгать’.

Пустыни (*уже пустыни силу прикрыла*). [Гринченко, т. 3: 501]: *пустиння* ‘пустырь, пустошь’; [Аркушин 2000, т. 2: 107]: *пустиня* ‘место, где не растет ничего, кроме бурьяна’; [Лисенко 1974: 180]: *пустини* ‘давно или никогда не паханная земля, одично не занимаемый лес’, ‘запущенная полуразрушенная хата’; [Шило 2008: 222]: *пустина* ‘необработана, непригодна для використання земля; пустище’; [Онишкевич 1984, ч. 2: 162]: *пустиня*. Ср.: [Соколова 1995: 189—191], где рассматривается в основном символика и коннотация лексемы.

Путины (*а самую опустоша въ путины желѣзны*). [Керча 2007, т. 2: 248]: *путо* ‘путы’; *путнач* ‘путы’. Ср.: [Пипаш, Галас 2005: 155]: *припутень* ‘прирученный дикий птах’;

Пятюк (*Съ заранія въ пятѣкъ потопташа поганая плѣкы половецкыя*). [Керча 2007, т. 2: 252]: *пятюк* ‘пятница’.

Рад (*страны ради, гради весели*). [Словарь карпоукр. 2001: 157]: *радый* ‘радостный’.

Рано (давеча рано предъ зорями). [Гринченко, т. 4: 6]: *рано* ‘рано, утром’ (в СлСпрСПИГ только «утром»); [Онишкевич 1984, ч. 2: 167]: *рано* ‘рано’; [Керча 2007, т. 2: 256]: *рано* ‘утро, наутро’; [Словарь карпоукр. 2001: 157]: *рано* ‘рано утром’.

Расшибити (разшибе славу Ярославу). [Керча 2007, т. 2: 300]: *расшибити* ‘расшибить, разбить’.

Ратай (Тогда по Руской земли рѣтко ратаєвъ кикахуть). [Гринченко, т. 4: 7]: *ратай* ‘пахарь’; [Аркушин 2000, т. 2: 115]: *ратай* ‘орач’; [Лисенко 1974: 183]: *ратай* ‘аратай’. Переосмысление исконного значения см.: [Керча 2007, т. 2: 257]: *ратай* ‘ратник, ратоборец’.

Розно (нъ розно ся имъ хоботы паишуть). [Онишкевич 1984, ч. 2: 186]: *розно* ‘в розгін’.

Рокотати (они же сами княземъ славу рокотаху). [Гринченко, т. 4: 64]: *рокотати* ‘греметь, рокотать’.

Роспудити (рци лебеди распужени). [Гринченко, т. 3: 77]: *роspуджувати, роspудити* ‘разгонять, разогнать’; [Пипаш, Галас 2005: 167]: *роspудити* ‘розогнати переляком’; [Horoszczak 1993: 197]: *роspудити* ся ‘rospędziti się’; [Сабадош 2008: 317]: *роspнутити роspнуждати* ‘разгоняти лякаючи’; [Гуйванюк 2005: 463]: *роspнутити* — ‘лякаючи розгнати когось’; [Керча 2007, т. 2: 294]: *роspудити* ‘распугать’; [Матіїв 2013: 414]: *роspуджувати, роspудити*. ‘лякаючи, розганяти кого-небудь’. См.: *убуди/упуди (упуди жирня времена)*. Текст «Слова...» не дает основания для неразличения сходных по форме и значению глаголов *роspудити* и *роspугати, роspужати*, поскольку форма страдательного причастия *роspужени* может соотноситься как с одной, так и с другой лексемой.

Рыкати (Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури). [Гринченко, т. 4: 16]: *рыкати* ‘рычать, реветь’; [Аркушин 2000, т. 2: 19]: *рыкати* ‘ревіті’; [Лисенко 1974: 184, 185]: *рыкати, рекати* ‘мычать (о волах)’; [Сабадош 2008: 307]: *рыкати* ‘издавать рык’; [Гуйванюк 2005: 455]: *рыкати* ‘грубо кричать’; [Шило 2008: 226]: *рыкати* ‘ревити (про корову)’; [Негрич 2008: 150]: *рыкати* ‘мукати’; [Онишкевич 1984, ч. 2: 173]: *рыкати* ‘мычать’; [Керча 2007, т. 2: 308]: *рыкати* ‘рыкать, рычать, реветь’.

Рядити (Всеславъ ... княземъ грады рядяше). [Гринченко, т. 4: 92]: *рядити* ‘распоряжаться’; [Турчин 2011: 287]: *рядити* ‘распоряжаться’; [Онишкевич 1984, ч. 2: 199]: *рядити* ‘керувати, бути головою’; [Керча 2007, т. 2: 309]: *рядити* ‘управлять, руководить’.

Синочь (Синочь съ вечера одѣвають...). [Савчук 2012: 84]: *сночі* ‘вчера вечером’. Ср.: [Гринченко, т. 2: 129]: *звечора* ‘накануне вечером’.

Свътъ (съ вечера до свѣта, нѣсньми свѣтъ повѣдають). [Словарь карпоукр. 2001: 177]: *до світа* ‘до рассвета’.

Светитися (*Солнце свѣтитися на небесѣ*). [Гринченко, т. 4: 109]: *світитися* ‘светиться, издавать свет’; [Керча 2007, т. 2: 319]: *світити* ся ‘светиться’.

Сьглядати (*ни очима сьглядати*). [Гринченко, т. 2: 138]: *зглядати* ‘взглядывать, взглянуть’; [Сабадош 2008: 49]: *глядати* ‘искать, szuka-ти’; [Керча 2007, т. 1: 349]: (*и*)*зглядати* ‘изыскать, исследовать’.

Сьдумати (*ни дуюю сьдумати*). [Аркушин 2000, т. 1: 87]: *здума-ти* ‘згадать’; [Сабадош 2008: 125]: *здумати* ‘уявити собі’.

Скочити (*и скочи къ граду Києву, и скочи съ него босымъ влькомъ*). [Гринченко, т. 4: 141—142]: *скочити* ‘вскочить, прыгнуть’; [Пиртей 2001: 357]: *скочити* ‘стрибнути куди-нибудь’; [Horoszczak 1993: 207]: *скочыти* ‘skoczyć’; [Керча 2007, т. 2: 341]: *скочити* ‘прыг-нуть’.

Смага (*смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ*). [Гринченко, т. 4: 153]: *смага* ‘сухость губ, воспалительный налет на губах от жаж-ды и труда’; [Аркушин 2000, т. 2: 157]: *смага* ‘желание съестъ или вы-пить чего-л.’; [Гуцульські говірки 1997: 173]: *смага* ‘біда, нещастя’. Еще один пример игры синкретизмом значений слова в тексте. См. также: [Салмина 1995д: 8—10].

Сморькъ (*идуть сморци мьглами*). [Horoszczak 1993: 209]: *смерек* ‘swierk’; [Онишкевич 1984, ч. 2: 232]: *смирък* ‘сутінки, сумрак’. В Эн-циклопедии СПИГ [Творогов 1995з: 12—14] отмечено, что все иссле-дователи видят тут *смерчи*, и только Н. Ф. Грамматин переводил это слово как *сумерки*, к чему и близки наблюдаемые факты в сочетании с данными русских народных говоров [Бурыкин 2014а].

Смысленый (*и прьвое припѣвку, смысленый, рече*). [Керча 2007, т. 2: 352]: *смысленый* ‘остроумный, смышленный’.

Сьпалати (*спала князю умѣ похоти*). [Гринченко, т. 4: 432]: *спа-лати* ‘сгореть’; [Horoszczak 1993: 214—215]: *спалити, спалати* ‘spalać’; [Словарь карпоукр. 2001: 138]: *палати* ‘гореть, пылать’. Ср. также: [Гуцульські говірки 1997: 175]: *спаленек* // *спаланище*, див. *згарь*; [Пипаш, Галас 2005: 181]: *спаланище* ‘место, где выгорел лес’; [Пиртей 2004: 287]: *спалнишко* ‘згарище, попелище’; [Керча 2007, т. 2: 364]: (*и*)*спалахковати* ‘вспыхивать’. Рассмотренные данные как будто бы решают спор о том, что форма *спала* в приведенной выше цитате из «Слова...» является формой аориста от глагола *сьпалати*, а форма *похоти* — именем существительным.

Стрежати (*стрезжаше его гоголемъ на водѣ*). [Лисенко 1974: 206]: *стрешить* ‘крыть хату’. Непонятная форма *стрезжаше*, для которой С. П. Обнорский предложил исправление на *стерегъшу* (см. далее), что осталось незамеченным критиками текста «Слова...» [Бурыкин 2004], проясняется в свете приведенного примера при исправлении

этой формы на *стрешаше* ‘укрывал’, менять характерную для языка «Слова...» форму имперфекта от глаголов на *-ати* со значением длительности-многократности на причастие нет необходимости.

Струга (*пожърши чюжси ручьи и стругы*). [Гринченко, т. 4: 219]: *струга* ‘струя’; [Лисенко 1974: 206]: *струга* ‘рівчак’ (ср.: [Гринченко, т. 4: 20]: *рівчак* ‘ров, ручей, желобок, углубление’). Данные украинских говоров хорошо пополняют информацию об этом слове, собранную по материалам русских источников (см.: [Творогов 1995и: 74—75]).

Студеный (*труся собою студеную росу*). [Словарь карпоукр. 2001: 175]: *студеный* ‘холодный’.

Стяг (*Чрълень стягъ, бѣла хорюговь, чрълена чолка, сребрено стружѣе*). [Гринченко, т. 4: 224]: *стяг* ‘знамя’.

Съпрягнути (*жаждею имь лучи съпряже*). Ср.: [Гринченко, т. 4: 191]: *спрягти* ‘изжарить’. Помимо антонимии (*лучи напяржени* — *лучи съпряже*), в тексте «Слова...» налицо какая-то не вполне ясная игра с соположением слова *жажда* и слов с корнем *пряг-* (см. выше *жажда*). К семантике ср.: севернорусское *пряжить* ‘жарить пироги на сковороде’.

Сыновъць (*О моя сыновця, Игорю и Всеволоде!*). [Гринченко, т. 4: 121]: *сыновец* ‘сын; племянник, сын брата’.

Съвивати (*свивая славы оба полы сего времени*). [Словарь карпоукр. 2001: 202]: *обвивати* ‘увивать’, других префиксальных форм не отмечено.

Свычай (*красныя Глѣбовны свычая и обычая*). [Гринченко, т. 2: 133]: *звичай* ‘обычай, обыкновение’; *звичний* ‘старинный’; [Horuszczak 1993: 90]: *звычай*; [Керча 2007, т. 1: 348]: *извычай* ‘обычай’.

Творити (*аще кому хотяше пѣснь творити*). [Гринченко, т. 4: 251]: *творити* ‘делать’; [Horuszczak 1993: 224]: *творити* ‘tworzyć’; [Керча 2007, т. 2: 412]: *творити* ‘творить, создавать’.

Трепѣтати (*а въ нихъ трепещуть синїи млнїи*). [Гринченко, т. 4: 281]: *трепетати* ‘дрожать, бояться, трепетать’; [Пипаш, Галас 2005: 195]: *трепетати* ‘тремтіти, трястися’; [Пиртей 2001: 391]: *трепотати* ‘трепетати’; [Керча 2007, т. 2: 431]: *трепетати* ‘дрожать, подрагивать, трепетать’.

Тутнути (*Земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть*). [Турчин 2011: 256]: *потутматати* ‘поховати, позасовувати’; [Словарь карпоукр. 2001: 192]: *тучити* ‘втыкать в землю колышки для растений’. Судя по примерам, словосочетание *земля тутнетъ* имеет значение ‘земля разверзается’.

Треснути (*уже тресну нужда на волю*). [Гринченко, т. 4: 285]: *тріскати*, *триснуть* ‘издавать треск, лопаться’; [Пиртей 2001: 392]: *тріснути*.

Троскотати (*сорокы не троскоташи*). [Пипаш, Галас 2005: 196]: *троскотати* ‘торохтіти’; [Сабадош 2008: 354]: *троскотати* ‘цоркотати, лопотати’; [Шило 2008: 256]: *трискотити* ‘траскотити, кудкудакати’; [Онишкевич 1984, ч. 2: 303]: *троскотати* ‘трискотати, цокати’; [Керча 2007, т. 2: 435]: *троскотати, тросконіти* ‘гремять, трещать’.

Тростіє (*горнастаємь к тростію*). [Шило 2008: 256]: *тростина* ‘вучириток, очерет’; [Шило 2008: 257]: *троща* ‘заросли над річкою, куші, лози’; *трощи* ‘вучириток’; [Керча 2007, т. 2: 435]: *трость* ‘тростник’. Данные словаря Г. Шило показывают, что *тростіє* «Слова...» — не обязательно тростник.

Троян (*рища въ тропу Трояню*). Значения слов с предполагаемой производящей основой несводимы друг к другу и оставляют свободу для этнолингвистической интерпретации текста. Ср.: [Гринченко, т. 4: 285]: *Троян* ‘отец, имеющий трех близнецов’; [Онишкевич 1984, ч. 2: 303]: *троян* ‘Широколиственное растение, похожее до оману’, ‘отрута’. [Гуцульські говірки 1997: 189]: *троянка*, ‘2. будь-який неістівний гриб’. [Аркушин 2000, т. 2: 211]: *троячки* ‘три запасных выхода из лисьей норы’. К словообразовательной модели ср.: *двуян* ‘дерево, которое выше пня разделяется’ [Аркушин 2000, т. 1: 125]. Что именно или кто именно именовался Трояном — остается неясным. Обзор мнений о Трояне «Слова...» см.: [Соколова 1995а: 131—137]. Собранные нами материалы переводят поиски представлений о Трояне в нижележащую в мифологии сферу народных верований, представлений и исторических знаний.

Трусити (*труся собою студеную росу*). [Гринченко, т. 4: 291]: *трусити* ‘отрясать, трясти’; [Аркушин 2000, т. 2: 211]: *трусити* 2) ‘трясти чим-небудь’.

Туга (*туга умь полонила, тугою взыдоша по Руской земли, туга и тоска сыну Глѣбову, а древо с тугою къ земли преклонилось и др.*). [Гринченко, т. 4: 291]: *туга* ‘горесть, печаль’; [Horoszczak 1993: 229]: *туга* ‘tęskota’; [Савчук 2012: 88]: *тогота* ‘криза’; [Керча 2007, т. 2: 436]: *туга* ‘мечта, томление, жажда, сильное желание, печаль, тоска, грусть’; [Словарь карпоукр. 2001: 191]: *туга* ‘печаль’.

Тулъ (*тугою имь тули затче*). Ср.: [Пипаш, Галас 2005: 197]: *тулити* ‘ховати’.

Туча (*чърныя тучя съ моря идуть*). [Гринченко, т. 4: 298]: *туча* ‘гроза’; [Москаленко 1958: 72]: *туча* ‘дуже великий дош’; [Верхратский 1902: 575]: *туча* ‘дождь с громом’; [Гуйванюк 2005: 556]: *туча* ‘град’; [Онишкевич 1984, ч. 2: 307]: *туча* ‘буря с громом или с градом’; [Керча 2007, т. 2: 439]: *туча* ‘гроза’; [Словарь карпоукр. 2001: 191]: *туча* ‘грозовая туча’.

Убудити (ся) (*говоръ галичь убуди (ся)*). [Гринченко, т. 4: 308]: *убудити* ‘разбудить’.

Упудити (нощъ стонуци єму грозою птичь упуди, упуди жирня времена). [Гуцульські говірки 1997: 192]: *упудитиси* ‘перелякатися’; [Сабадош 2008: 134]: *испудити* ‘испужовати, напугать’; [Гуйванюк 2005: 140]: *запудити* ‘запулювати, запугать’; [Гуйванюк 2005: 446]: *пудно* ‘страшно’; [Гуцульські говірки 1997: 140]: *опуд* (див. *ополох*) ‘пугало’; [Пипаш, Галас 2005: 127]: *опуд* ‘опудало, полохало’, ‘пугало’; [Сабадош 2008: 214]: *опуд* ‘пугало’; [Гуйванюк 2005: 360]: *опуд* ‘опудало’; [Негрич 2008: 126]: *опуд* ‘опудало’; [Карпенко 1979, вип. 6: 98]: *опуд* ‘опудало, пугало’; [Савчук 2012: 77]: *пуд* ‘страх’. Украинские говоры сохранили корень *пуд* ‘страх’ в неосложненной форме и вместе с ним разнообразные дериваты. В собранном материале пример с префиксом *у-* единичен, однако данный префикс характерен для глагольной лексики «Слова...».

Усобица (Помняшетъ бо, речъ, първыхъ временъ усобицѣ). [Гринченко, т. 4: 357]: *усобиця* ‘усобица’.

Утьргнути (утръ же возни стрикусы = утьрге вазни с три ку-сы). [Пиртей 2001: 307]: *потаргати* ‘порвати’.

Утрѣпти (утрѣпѣ солнцю свѣтъ). [Гуцульські говірки 1997: 194]: *уторопати* ‘переконати’; [Horoszczak 1993: 43]: *втрѣпати* ‘wprawkować, wladować, wrąbac’; [Керча 2007, т. 2: 515]: *утерпѣти* ‘вытерпеть, выдержать’.

Хитрь (Ни хытру, ни горазду). [Гринченко, т. 4: 399]: *хитрий* 1) ‘хитрый’; 2) ‘замысловатый’; 3) ‘скорый, быстрый’; [Аркушин 2000, т. 2: 227]: *хитрий* ‘розумний, здоровий, сильний’; [Horoszczak 1993: 234]: *хытрий* ‘chytry’; [Лисенко 1974: 224]: *хитрий* ‘розумний’; [Сабадош 2008: 403]: *хытрый* ‘хитрий’; [Верхратский 1902: 478]: *хытрый*; [Словарь карпоукр. 2001: 209]: *хытрый* ‘хитрый, умный’.

Хоботь (нѣ розно ся имѣ хоботы пашють). [Гринченко, т. 4: 406]: *хобот* ‘рыболовный снаряд’, ‘хохол, хохолок’. Ср.: [Гуйванюк 2005: 613]: *хобта, хопта* ‘бурьян’; [Шило 2008: 267]: *хопта* ‘бурен’; [Керча 2007, т. 2: 545]: *хобот* ‘часть сети рыболовной’. Выражение «розно ся имѣ хоботы пашють» стало понятным только после проведенного автором настоящей работы анализа миниатюр Радзивилловской летописи, где значки на копьях, обвеваемые ветром, направлены в разные стороны только на тех рисунках, которые относятся к княжеским междоусобицам (см. далее).

Холмъ (притопта хлѣми и яругы). Ср.: [Пиртей 2001: 419]: *холм* ‘шелом, шлем’.

Хорюговъ (бѣла хорюговъ, чърлена чолка). [Гринченко, т. 4: 411]: *корогва, хоругва* — *хорутвъ, хоругов* — известный отряд войска, *хорунговий* — относящийся к знамени; [Аркушин 2000, т. 2: 232; Гуцульські говірки 1997: 202]: *хорундяки* — *хоругви* — *хоругва* // *хоругов, корогва* (церковна).

Хытити (*Преднюю славу сами похытьтимъ*). [Пиртей 2001: 417]: хытити ‘ловити, хватати’.

Цвѣлити (*Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити*). [Гринченко, т. 4: 424]: цвѣлити ‘стегать’, ‘хлестать’; [Гуцульські говірки 1997: 205]: цвѣйкати (*цвѣркати, цвѣкати*) ‘дорікати’; [Керча 2007, т. 2: 552]: цвенкати ‘шелкать, лязгать’.

Чернядь (*чайцами на струяхъ, чърнядьми на ветрѣхъ*). [Гринченко, т. 4: 443]: птица пигалица, чибис; [Аркушин 2000, т. 2: 250]: черня ‘самка из породы самых мелких диких уток’; [Керча 2007, т. 2: 568]: чернеть ‘чернеть, нырок, гоголь’.

Чърлени (*чърленъ стягъ, бѣла хорюговъ*). Ср.: [Пипаш, Галас 2005: 219]: черлений ‘червоний’; [Савчук 2012: 97]: черлений ‘червоний’; [Керча 2007, т. 2: 568]: черлений ‘красный’; [Словарь карпоукр. 2001: 68]: черленой ‘красный’.

Ширяти ся (*яко соколь на вѣтрехъ ширяся*). [Гринченко, т. 4: 497]: ширяти ‘парить, реять’; [Керча 2007, т. 2: 586]: ширяти ‘парить’.

Шереширъ (*живыми шерешеры стрѣляти*). Ср.: [Аркушин 2000: т. 2: 265]: ширіш ‘мелкий град’. Еще одно направление поисков этимологии лексемы *шерешир* см.: [Водолазкин 1995, т. 5: 232—234].

Щекоть (*Щекоть славий успе*). [Лисенко 1974: с. 237]: щекетать ‘тихо голготати (про гусей)’.

Япончица (*орѣтмами и япончицами*). [Онишкевич 1984, ч. 2: 22]: *опонча* ‘верхняя мужская одежда, которую носила шляхта’. Слово тюркского происхождения, хорошо известно по русским письменным источникам [Бобров 1995б, т. 5: 286—287], но пока трудно собрать его фиксации в современных говорах.

Яруги (*яругы имъ знаѣми, вѣлци грозу въсрожать по яругамъ, притѣпта хѣлмы и яругы*). [Гринченко, т. 4: 543]: яруга ‘большой овраг’ [Пипаш, Галас 234]: яруга ‘глубока яма’; [Horuszczak 1993: 254]: яруга [Гуйванюк 2005: 687]: яруга ‘старе русло річки’; [Керча 2007, т. 2: с. 607]: яруга ‘овраг, буерак распадок, русло, рвина’; [Онишкевич 1984, ч. 2: 404]: яруга ‘клива’. Слово имеет обширные ареалы распространения в современных русских говорах и в украинских говорах [Бобров 1995в, т. 5: 297—299], поэтому оптимизм исследователей в возможности локализовать написание «Слова...» благодаря подобным данным представляется излишним.

Рассмотрение словарных параллелей к лексическим единицам «Слова о полку Игореве», содержащихся в современных украинских говорах и материалах по говорам украинского языка рубежа XIX и XX вв., представленных в словаре Б. Гринченко, показывает, что многие лексемы, встречающиеся в тексте «Слова...», сохраняются не

только в современном русском и современном украинском языках, но и в русских народных говорах, и в украинских говорах. Ситуация, при которой лексические материалы диалектов близкородственных восточнославянских языков, отраженные в тексте литературного памятника конца XII в., представлены в русском и украинском языках разными примерами и в разном объеме, является ожидаемой и прогнозируемой, поскольку речь идет о результатах языковой дивергенции и самостоятельном сложении лексического состава отдельных великорусских говоров, в том числе переселенческих говоров юга России и Зауралья и Сибири, а также и украинских говоров. Особый интерес вызывают лексические диалектизмы украинских говоров, дающие соответствия для редких слов «Слова о полку Игореве», таких, как *наполома*, *наворози* и т. д. Примечательны совпадения префиксальных глаголов и глаголов, осложненных видовыми суффиксами, в основном суффиксами несовершенного вида, отметим, что такие глаголы характерны для языка «Слова...». Показательно, что отдельные слова, встречающиеся в «Слове...» и сохраняющиеся в украинских говорах, демонстрируют и семантические различия разных типов — расширение значения, смещение значения и т. д.

Мы не пытаемся рассматривать ареальные характеристики лексем украинских говоров, представляющих аналогии лексике «Слова о полку Игореве» — очевидно, что исходные ареалы украинских лексем столь же трансформированы и смещены, как и ареалы аналогов лексики «Слова...» в русских говорах.

Изучение лексики «Слова...» в сравнении с материалами украинских говоров дает исследователям этого памятника древнерусской и древнеукраинской литературы возможность для дальнейших толкований текста, новых переводов, а также для этимологических решений ряда лексических единиц (*кыкати* ~ *кыхкати*, *шереширы*). Материалы наших наблюдений увеличивают число примеров семантического синкретизма среди лексических единиц в «Слове...», а также привлекают внимание в связи с игрой паронимами типа *мысь-мысль*, примеры которой могли пострадать при непонимании южнорусских лексических единиц позднейшим переписчиком или переписчиками «Слова...» (ср.: *бевзь*, *жбир*, *побабрати*). Как минимум в одном случае факты украинских говоров дали основание для исправления текста (*стрешаше* 'укрывал, накрывал' вместо *стрешаше*).

Особая тема — этнолингвистические комментарии к тексту «Слова...» на основе данных украинских говоров. Здесь остается определенная свобода в понимании имени *Троян* и словосочетания *тропа Трояня*, в толковании словосочетания *синее вино*, в интерпретации терминов *клюки* и *кони* в тексте легенды о Всеславе, где данные рус-

ских и украинских говоров подсказывают разные версии для объяснения и перевода текста.

Украинские говоры, как и русские говоры, подтверждают аутентичность «Слова о полку Игореве» как литературного памятника Киевской Руси и той ее части, которая еще в XII в. называлась Украиной, и полностью исключают трактовку языка «Слова...» как лексический монтаж из русских, украинских и польских слов XVIII в., на чем настаивали противники подлинности «Слова о полку Игореве».

К изучению лексического состава, стилистических функций и морфологической парадигматики имен прилагательных в русском языке конца XVIII—начала XIX века по материалам первого перевода «Слова о полку Игореве»

Первый перевод «Слова о полку Игореве» представляет собой необычайно интересный, но вместе с тем довольно сложный для изучения памятник русского литературного языка рубежа XVIII и XIX вв. Это редкий для названного периода образец перевода художественного («поэтического») по оценкам современников первого издания) текста с древнерусского языка на русский язык, являвшийся современным для первых издателей памятника. Вследствие этого на языковой материал перевода «Слова...» оказались наложенными черты вторичности, той или иной зависимости от переводимого оригинала.

Как нам уже доводилось отмечать [Бурыкин 2007], основным принципом передачи текста для первого переводчика «Слова...» (а им, как мы знаем, был А. Ф. Малиновский) было оппозитивное отталкивание от оригинала. Вследствие этого перевод оказался насыщен зеркальными отражениями подлинника: в нем изобилуют неоправданные синтаксические инверсии, неполногласные формы оригинала меняются в переводе на полногласные и наоборот — полногласные формы подлинника превращаются в неполногласные и т. п.

Переводы «Слова...», выполненные в XIX—начале XX в., как поэтические, так и прозаические, пока еще не привлекли внимания лингвистов в той мере, в какой они этого заслуживают. Несомненно, что эти тексты могут служить иллюстрациями для поэтической лексики русского языка указанного периода, демонстрировать системные связи лексики русского языка на разных синхронных срезах в семантике и стилистических характеристиках, этот материал явно окажется полезным при изучении лексической синонимии в языке XIX в.

В настоящее время задача изучения «Слова о полку Игореве», в особенности в плане исследования языка «Слова...» в рецепциях и прежде всего в переводах значительно упрощена: в ресурсах Интернета появился Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве», в котором выставлены также основные научные издания текста этого памятника ([Электронный ресурс] / URL: <http://nevmenandr.net/slovo/trans.php?it=b1> (дата обращения: 27.10.2017)).

Надо сказать, что по своей поэтике — это лишний раз показывает исследование лексики перевода — употребление прилагательных в «Слове...» в функции эпитета представлено довольно скромно, и даже постоянные эпитеты в нем не так часты. Это обстоятельство выразительно оттеняет литературный (не фольклорный) характер памятника, а в контексте поэтических канонов XVIII в. может служить основанием для признания подлинности «Слова...».

Эквивалентность лексики первого перевода «Слова...» по отношению к оригиналу, в том числе к лексическим единицам, материально совпадающим со словами русского языка XVIII—XIX вв., точнее, замена опознаваемых лексических единиц отмечается в значительном числе случаев: **чърлєный** — *багряный*, **поганый** — *нечестивый* или *неверный*, **грязивымъ** — *грязным*, **печаль жирна** — *тяжкая* (20), **поганого** — *нечестивого* (21), **неверного** (21), **мутєнь сонъ видѣ** — *худой сон привиделся* (23), **сребєными струями** — *серебристыми струями* (33), **въща душа** — *мудрая* (35), **горячую** — *знойные* (39), **студєную росу** — *росу холодную* (41), **худу струю** — *пагубными струями* (42), **въ жестоцѣмъ харалузѣ** — *из крепкого булата* (26). Показательно, что оставлены без перевода прилагательные в сочетаниях **живыми шереширы** — *живыми шереширами* (29), **великое буиство** — *великое буиство* (25), **босымъ вълкомъ** — *босым волком* (41), словосочетание **синєє вино** (23) оставлено без изменений, но то же прилагательное в словосочетании **синии мльнии** (12) оказалось элиминированным. Слова **смагу мычючи в пламянѣ розѣ** переданы как *стали томить людей огнем и мечем* (20).

Соотношение церковнославянских и русских форм прилагательных в переводе «Слова...» таково, что разнообразные формы оригинала подравниваются под наиболее употребительные нейтральные формы русского языка XVIII—XIX вв.: **Храброму Мстиславу** — *храброму* (3), **на храбрѣя плѣкы** — *храбрые полки* (12), **отня злата стола** — *отеческий золотой престол* (14), **кое ваши златыи шеломы** — *К чему же вам золотые шлемы, копыя и щиты польские!* (33), **хороброе гнѣздо** = *храброе* (11), **сѣ отня злата стола** — *с отеческого золотого престола* (30).

Исключения из этих негласных правил перевода памятника немногочисленны: **злачєными шеломы** — *позлащенные шлемы* (29), **въ**

злата стремень — в свои златыя стремена (29). Здесь налицо снятие вариантности и приведение форм прилагательных и существительных к формам, принятым в языке XVIII в.

Соотношение полных и кратких форм прилагательных в переводе «Слова...» показывает, что разнообразные формы оригинала приводятся к формам полных прилагательных: **отня злата стола** — *отеческий золотой престол* (14), **въ златъ стремень** — *в золотое стремя* (15), **на канину зелену паполому** — *на конскую* (явная ошибка перевода! — А. Б.) *попону зеленую* (16), **храбра и млада князя** — *молодого храброго князя Олега* (16), **стару** — *старому* (27), **жемчужну душу изъ храбра тѣла чресь злато ожереліе** — *жемчужную душу через золотое ожерелье из храброго тела* (34), **обѣсися синѣ мьглѣ** — *накрывшись мглою синею* (35), **жемчужну душу изъ храбра тѣла чресь злато ожереліе** — *жемчужную душу через золотое ожерелье из храброго тела* (34), **на синѣ морѣ** — *на синемъ морѣ* (38), **зелену траву на своихъ сребренныхъ брезехъ** — *зеленую траву на своих серебряных берегах* (42), **въ путины желѣзны** — *в опутины железныя* (24). В примере **Страны ради, гради весели** — *радость в народѣ, веселье в городахъ* (46) — наблюдается неожиданная замена прилагательных на существительные.

Наибольший интерес для разных аспектов изучения «Слова о полку Игореве» представляют морфологические особенности имен прилагательных в первом переводе памятника, в частности — особенности склонения прилагательных, проявляющиеся в согласовании прилагательных с существительными в роде и падеже.

Имена прилагательные мужского рода в форме винительного падежа множественного числа в первом переводе «Слова...», как и в современном языке, оформляются так же, как именительный падеж этих прилагательных: **на чрыленя щиты** — *а лисицы лают на багряные щиты* (10), **об шеломы половецкия** — *Тут-то копьям поломаться, тут-то саблям притупиться об шлемы половецкие* (12), **стрелами на храбрые полки Игоревы** (12), *Литва, ятвяги, деремела и половцы, повергнув свои копыя, подклонили свои головы под те мечи булатные* (32), *но к чему ты так уперло знойные лучи свои на милых мне воинов?* (39).

Имена прилагательные женского рода в именительном и винительном падежах множественного числа с абсолютной регулярностью имеют оформление показателями -ья: имена прилагательные среднего рода также оформляются флексией -ья, ср.: *с вечера до света летали стрелы каленя, гремели сабли об шлемы, трещали копыя булатныя* (17) (в оригинале харалужная), *Ваши храбрыя сердца из крепкого булата скованы и в буйстве закалены* (26), *Вступите, государи, в свои*

златая стремена за обиду сего времени, за землю Русскую (29), О! стонать тебе, земля Русская, вспоминая прежния времена и прежних князей своих (37), ты носил на себе Святославовы военные суда до стану Кобякова (39). Такое же оформление характерно и для существительных *pluralia tantum*: отворил он ворота новгородския (35), у вас латы железныя под шлемами латинскими.

На фоне наблюдаемой картины привлекает внимание словосочетание *железныи напорзи* (31—32), показывающее оформление по мужскому роду, что, безусловно, важно для установления значения существительного *напорзи*, в течение долгого времени остававшегося неясным, несмотря на множество высказанных догадок и соображений.

В выстраиваемой таким образом системе склонения прилагательных в языке первого перевода «Слова...» отмечаются некоторые странности, не находящие объяснения в рамках представлений о грамматическом строе русского языка рубежа XVIII и XIX вв.

В примере ...и паволокы и драгыя оксамиты — в переводе: богатая ткани и дорогая бархаты — (10—11) прилагательное *дорогие* имеет несвойственное ему оформление показателем *-ия*. Спрашивается, откуда могла взяться в конце XVIII в. такая форма винительного падежа мужского рода? Ведь таких форм нет уже в «Российской Грамматике» М. В. Ломоносова.

Ответ напрашивается один — эта форма должна была быть взята из древнерусского оригинала «Слова...», несмотря на замену рядом стоящего существительного. В аналогичном примере... о шеломы литовския, где в оригинале сохранена форма винительного падежа, в переводе наблюдается замена: по шлемам литовским (33—34). Однако при этом остается не вполне ясным присутствие сразу двух форм прилагательных мужского рода множественного числа с показателем *-ия* там, где они не ожидались, ср.: пожрьши чужи ручьи — пожсирает чужия ручьи (42), где краткое прилагательное заменено на полное, и контекст с неясным соотношением форм: днепръ темнѣ березѣ — Юному князю Ростиславу затворил Днепръ берега темныя (42). Здесь ясно, что словосочетание *берега темныя* является формой винительного падежа и не является аналогом для форм именительного падежа. Если для первого случая — *чужия ручьи* — мы можем допустить наличие опечатки в древнерусском тексте — такая форма для древнерусского оригинала явилась ожидаемой и порядок следования компонентов словосочетания в оригинале тождествен таковому в переводе (впрочем, краткая форма *чужси* читается и в Екатерининской копии «Слова...»), то последний случай пока представляет собой загадку текстологии и грамматики первого издания «Слова...».

АВТОР

Мог ли переводчик «Повести об Акире Премудром», «Девгениева деяния» и «Сказания об Индийском царстве» написать «Слово о полку Игореве» (к сравнительному изучению лексики древнерусских памятников конца XII века)

Проблема авторства «Слова о полку Игореве» — одна из сложнейших проблем в истории изучения древнерусской литературы. Не случайно библиография к статье Л. А. Дмитриева «Автор „Слова о полку Игореве“» в биобиблиографическом справочнике [Дмитриев 1987: 16—32; 1995: 24—36] занимает почти две страницы, а одна из серий книг Б. А. Рыбакова, связанных со «Словом...», посвящена обоснованию точки зрения автора, согласно которой создателем «Слова...» был киевский тысяцкий Петр Бориславич [Рыбаков 1991]. В рецензии на этот труд было отмечено, что несмотря на все усилия, предпринимаемые для решения данной проблемы, точку в дискуссиях ставить рано ([Буганов 1994: 220], см. также: [Данилевский 1994: 220—225; Милов, Полянская, Романкова 1994]). В наши дни появляются новые исследования по этой проблеме, часть их основана на традиционной датировке создания «Слова...» если не конкретно в 1185 г., то в конце XII в. [Войтович 2009; 2011], авторы некоторых работ начинают относить создание «Слова...» к XV в. [Бобров 2005]; сходной позиции придерживается и А. М. Ломов, атрибутирующий «Слово о полку Игореве» и «Задонщину» одному и тому же автору — Софонию Рязанцу ([Ломов 2000; 2010]; см.: [Смирнов 2011]). Последняя гипотеза, как ни странно, оказывается в наибольшей степени связанной с лингвистическими обоснованиями авторства древнерусского текста.

Все гипотезы и предположения в этой области, от наиболее надежно обоснованных до самых легкомысленных, основанных на про-

извольной связи того или иного имени, мелькнувшего в летописи, со «Словом о полку Игореве», основываются на тексте памятника и прежде всего на его событийной составляющей. Разумеется, сопоставление сведений о подробностях похода Игоря и Всеволода на половцев, перипетии сражений, обстоятельства бегства Игоря и Овлура из плена, соотносительная топография — взаимное местоположение героев «Слова...» на момент тех или иных событий, даты жизни персонажей «Слова...» с принципом *terminus ante quem* дают некоторые основания для реконструкции авторского портрета создателя «Слова...» и датировки памятника. Альтернативой данному подходу являются предположения, основанные на языке «Слова...» в сравнении его с другими известными нам памятниками древнерусской литературы второй половины XII—начала XIII в. (если принимать самые расширенные датировки написания «Слова...»), примером чего являются работы О. В. Творогова [Творогов 1975а] и В. Ю. Франчук [Франчук 1976; 1977; 1985]. Однако лингвистическая проблематика в вопросе индивидуального авторства «Слова...», как показывают работы Л. А. Дмитриева, почти не затрагивалась, хотя она занимала значительное место при обсуждении вопросов подлинности «Слова...» и его роли в изучении истории русского литературного языка старшего периода.

Настоящая работа основывается на такой гипотезе об авторе «Слова...», появление которой было бы ожидаемым явлением для истории древнерусской литературы по крайней мере с конца XIX в. до начала XXI в., хотя в обзорных статьях по проблематике авторства «Слова...» [Дмитриев 1987] нет и намек на что-либо подобное. Сущность нашей гипотезы состоит в том, что автором «Слова о полку Игореве» является тот самый книжник, которому принадлежат переводы на русский язык «Повести об Акире», «Девгениева деяния» и «Сказания об Индийском царстве» — тех самых повестей, что находились в мусин-пушкинском сборнике, в котором было найдено «Слово...».

Автор данной работы высказал в осторожной форме эту гипотезу еще во второй половине 1980-х гг. [Бурыкин 1988: 80—81], заметив, что словосочетания *лютый зверь* или *зверь лютъ* встречаются в «Слове...» и во всех трех названных выше переводных произведениях.

Данное предположение имеет довольно длительную традицию в изучении «Слова о полку Игореве» как литературного произведения: литература, посвященная параллелям в образной системе «Слова...» и по крайней мере двух рассматриваемых нами произведений — «Повести об Акире» и «Девгениева деяния», по сути, необозрима — например, отмечены следы влияния на «Слово...» «Девгениева деяния» [Орлов 1934: 47], а в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» регулярно указываются параллели к «Слову...» из этих памятников.

Влияние этих произведений на поэтику, топику и язык «Слова...» отмечалось многократно, но эти вопросы никак не связывались с проблемой авторства «Слова...», которая изначально имела иную область поисков, или же отдельные авторы допускали, что эти произведения использовались при составлении «Слова...» в XVIII в.¹

В изучении языка памятников древнерусской литературы уже обращалось внимание на особую роль полных словоуказателей к текстам для изучения их языка и — конкретно — лексики [Творогов 1984]. Нами с аналогичной целью осуществляется сравнение алфавитных словников «Слова...» и трех повестей, находившихся в одном с ним сборнике. В настоящее время есть возможности сверить словники интересующих нас текстов при помощи компьютерных программ, анализирующих частотность лексики текстов, и тем самым избежать той «выборности» примеров, какая характерна для словарей и даже для картотек².

Для нашей темы существенно, что две из этих трех повестей («Повесть об Акире» и «Сказание об Индийском царстве») встречаются в конвое «Задонщины» (в сборнике со списком «У» [Дмитриева 1966: 203, примеч. 20]). Это обстоятельство однозначно свидетельствует о следующем: автор «Задонщины» имел перед собой не рукопись «Слова...», а сборник того же самого состава, что и мусин-пушкинский сборник. Данный вопрос является принципиальным в ряде отношений: прежде всего это археография и история текста «Слова...» в рукописной традиции, о которой мы таким образом можем судить по судьбе текстов произведений — ближайших «соседей» «Слова...», как и о со-

¹ Такое предположение невероятно: тексты, находившиеся в мусин-пушкинской тетради со «Словом...», достаточно редки, только «Сказание об Индийском царстве» известно в нескольких десятках списков, «Повесть об Акире Премудром» и «Девгениево деяние» — в трех списках. Лишь в одном сборнике, ныне утраченном, из библиотеки Соловецкого монастыря находились одновременно два текста из окружения «Слова...» — «Повесть об Акире Премудром» и «Сказание об Индийском царстве» (описание его см.: [Викторов 1890: 132]). Как это ни досадно, но в обозримой литературе не отмечено то обстоятельство, что тексты конвоя «Слова...» из мусин-пушкинской тетради были открыты одновременно со «Словом...», а их списки были обнаружены в разных местах позже открытия мусин-пушкинской тетради.

² Весной 2015 г. автор поделился предварительными результатами и направлениями своих разысканий, в частности сравнением лексикона «Слова...» и других текстов, с участниками конференции «Индоевропейское языкознание и классическая филология» в ИЛИ РАН. Ответом был изумленный вопрос: «А что, это сравнение до сих пор не было сделано?» Как ни удивительно — за более чем 200 лет изучения «Слова...» такое исследование не было проведено.

ставе сборников, предшествующих дошедшим до нас или известным нам рукописным сборникам. Интересно, что и этот факт — совместная встречаемость интересующих нас повестей в одних и тех же сборниках — не привлек к себе внимания: отмечен лишь один подобный случай (см. выше), в то время как наличие этих произведений в составе сборника со «Словом...» и в конвое «Задонщины» значительно важнее совместной представленности переводных повестей в разного рода дискуссиях и в выстраивании оригинальных концепций и гипотез.

Рассуждения тех, кто оспаривает подлинность «Слова...» или сомневается в ней, кто считает, что сходства в составе «Слова...» и трех указанных повестей объясняются тем, что составитель «Слова...» XVIII в. пользовался указанными текстами для написания «Слова...», на деле лишены смысла. Среди замечаний палеографов нет свидетельств того, что листы со «Словом...» как-то отличались от всего остального мусин-пушкинского сборника или второй его части, за вычетом Хронографа, датируемого началом XVII в. Налицо присутствие двух из трех интересующих нас повестей в конвое «Задонщины», не известной издателем «Слова...» на 1800 г. — иначе их можно было бы заподозрить в намеренном конструировании конвоя к «Слову...». Невозможность подобрать сами переводные повести — «Повесть об Акире», «Сказание об Индийском царстве» и «Девгениево деяние» — в их комплекте и в их старейших редакциях для намеренного собирания мусин-пушкинской тетради — вещь очевидная, парадоксально и умолчание об открытии этих переводных повестей, что само по себе должно было стать событием в изучении древнерусской книжности. Наконец, абсурдность и научная бездоказательность самой идеи о поддельности «Слова...», трещащей по всем швам и, по сути, рухнувшей после выхода книги А. А. Зимина [Зимин 2006] — здесь против А. А. Зимина выступает все, начиная с нереальной для него вторичности Краткой редакции «Задонщины» и кончая тем, что Иоиль Быковский вообще не имеет отношения к мусин-пушкинскому сборнику со «Словом...». Кстати, стоит обратить внимание на то, что «Слово о полку Игореве» уникально среди древнерусских воинских повестей и летописных повестей отсутствием мотивов смерти, столь типичных для русской воинской ментальности и присущих иным воинским повестям.

Поставленная в названии статьи проблема заставляет выявлять не только сходства в лексике «Слова...» и трех переводных повестей из его конвоя, но и лексические отличия данного корпуса текстов, по нашему мнению, написанных, предположительно, одним автором, от других текстов, близких по времени к созданию «Слова...» и времени перевода трех повестей, которые датируются по косвенным признакам

и по характеру языка второй половиной XII—началом XIII в. Как думается, для решения этой задачи было бы необходимо сопоставить лексику «Слова...» и трех повестей мусин-пушкинского сборника с другими произведениями, по времени создания и по жанру близкими с интересующими нас текстами. Исследованию данной проблемы сопутствует проблема выявления общего лексического фонда произведений, близких друг другу по жанру, т. е. такой лексики, обнаружение которой в нескольких близких по хронологии и жанру текстах не будет иметь доказательной силы в отношении авторства текстов. С целью решения этих задач нами для сопоставления были выбраны три текста второй половины или последней трети XII в. — «Слово о князьях», «Сказание о князьях Владимирских» и «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» как произведения, соответствующие хотя бы в общих чертах «Слову...» по тематике и жанру. Сравнение лексики этих текстов позволит увидеть в сравниваемых текстах одновременно и ожидаемо общие элементы, обусловленные жанром и темой сочинения, и дифференцирующие элементы, которые можно относить к специфическим элементам языка их авторов. В частности, здесь появятся отдельные слова и целые тематические группы, по тем или иным причинам отсутствующие в «Слове...» или в интересующей нас группе памятников. Яркий пример — в «Девгениевом деянии» есть слово *гусли*, а в «Повести об Акире» — слово *гудец*, то самое слово, которым автор «Задонщины» назвал Бояна, но ни того, ни другого нет в «Слове...» даже при метафоризованном описании игры на гуслях: таков был авторский замысел оригинального текста.

Лексический материал, показывающий взаимное сходство отдельных памятников, входивших в состав мусин-пушкинского сборника и близких к ним по времени, классифицируется следующим образом:

1. Совпадения лексики «Слова...» и трех или двух повестей из мусин-пушкинского сборника при отсутствии их в других текстах. Таковы слова *вѣдати*, *гнѣздо*, *гора*, *дѣвица*, *мыслити*, *повѣдати*, *птици*, *рѣка*, *слѣдъ*, *сребреный*, *старъ*, *творити*, *травя*, *чрълени*, *ѣздити*.

2. Нераритетные совпадения лексики «Слова...» и «Повести об Акире». Это следующие слова: *бѣда*, *велми*, *веселие*, *вино*, *вода*, *вълкъ*, *вступати*, *вѣжа*, *година*, *голова*, *дань*, *день*, *жесток*, *забыти*, *здравъ*, *знаемъ*, *искусити*, *летети*, *лжа*, *метати*, *минути*, *мыслити*, *обѣдъ*, *одѣти*, *орель*, *печаль*, *плавати*, *побѣгоша*, *ползти*, *помянути*, *полетети*, *порох* (с реинтерпретацией в СПИ, где в сочетании *пороси поля прикрываютъ* присутствует не *порохъ*, а *порось* — «мелкие капли росы на траве, растениях» [СРНГ, вып. 30: 80]), *послушати*, *потечи*, *похоть*, *привести*, *проливати*, *ратаи*, *ратный*, *ржати*, *рогъ*, *рядити*, *свѣдати*, *стрѣла*, *утро*, *хула*, *черный*, *чюжь*.

3. Нераритетные совпадения лексики «Слова...» и «Девгениева деяния». К ним относятся такие слова: *бѣжати*, *битися*, *величье*, *вѣргнути*, *враны*, *вскочити*, *заднии*, *зверинъ*, *знаменье*, *издалече*, *красный*, *крыло*, *летати*, *лисицы*, *милый*, *мълния*, *обычай*, *поѣхати*, *пожрети*, *плакати*, *покрыти*, *похитити*, *приклонити*, *пудити*, *песнь*, *рыкати*, *сѣдло*, *сѣдлати*, *сидети*, *скочити*, *сабля*, *сапогъ*, *сватъ*, *соколь*, *сонъ*, *струна*, *темно*, *тьма*, *успети*, *хитръ*, *хотети*, *христиане*. *худъ*, *часто*, *человеческий*.

4. Нераритетные совпадения лексики «Слова...» и «Сказания об Индийском царстве» — таких слов не так много вследствие небольшого объема самого «Сказания...»: *воскочити*, *гора*, *дубъ*, *дети*, *емлють*, *искати*, *каменный*, *море*, *погаснути*, *столп*, *сворити*, *устье*.

5. Лексические раритеты «Слова...» и «Повести об Акире»: *беберъ*, *въврже*, *въсплакати*, *въстонати*, *глядати*, *изронити*, *подкнутися*, *рядить*. Здесь присутствуют и редкие лексемы (*бебер* ~ *бебранъ*), и редкие префиксальные или суффиксальные образования.

6. Лексические раритеты «Слова...» и «Девгениева деяния»: *въскормити*, *златоканнъ*, *къмети*, *кожухъ*, *паволока*, *похытити*, *сабля*, *стрезжати*. Тут вместе с редкими лексемами и производными словами присутствуют и ранние фиксации слов, ставших распространенными значительно позже, как, например, *сабля* (см.: [Пичхадзе 2016: 612—616]).

7. Лексические раритеты «Слова...» и «Сказания об Индийском царстве»: *емлють*, *король*, *погаснути*, *свивати*. При немногочисленности этой группы слов она все-таки весьма показательна: слово *король* встречается в одинаковом написании, обращает на себя внимание и употребление производных глаголов в одинаковом оформлении и в одних и тех же видовых значениях.

8. Совпадения в лексике всех сравниваемых памятников «Слова...», трех переводных произведений и трех оригинальных повестей, созданных примерно в одно время со «Словом...», не имеющие доказательности. В данную группу, как мы полагаем, входят слова *братъ*, *братія*, *великий*, *видѣти*, *власть*, *вои*, *врѣмя*, *глаголати*, *гласъ*, *господинъ*, *единъ*, *животъ*, *земля*, *златъ*, *злато*, *князь*, *многъ*, *нѣбо*, *нести*, *ночь*, *отецъ*, *очи*, *речи*, *святой*, *слава*, *слово*, *солнце*, *сынъ*, *человѣкъ*, *честь*. Как кажется, эти лексические единицы, несмотря на разнородность включающих их тематических и лексико-семантических групп, составляют топиический реквизит и средства оформления хронотопа древнерусской светской «княжеской» повести периода XII—начала XIII в. и не являются доказательными для идентификации автора.

Итак, произведения, входившие в мусин-пушкинский сборник, т. е. и «Слово о полку Игореве» и три переводные повести, имеют ряд

общих черт не только среди редких слов и, возможно, индивидуальных авторских новообразований (к ним вполне можно отнести слово *златокованный*), сходство которых замечено давно и отмечено в «Словаре-справочнике „Слова...“», но и в фоновом лексическом массиве, характеризующем описания природы и артефактов окружающего мира. Наряду с лексикой, общей для воинских повестей второй половины XII в., в них имеется довольно много специфических лексем, как мы полагаем, характеризующих ментальный лексикон и художественную картину мира их автора и переводчика. Морфологические и синтаксические черты языка этих четырех произведений в целом не противостоят тому сходству, которое мы наблюдаем на материале лексики (достаточно упомянуть несоотнесенность имперфекта и аориста с формами несовершенного и совершенного вида, т. е. наличие форм обоих видов в ряду этих временных форм), а сходство на уровне производных слов оттеняет близость языковых черт всех этих памятников весьма выразительно ([Пичхадзе 2016: 608]; разбор претеритов см.: [Сацута 2008: 243—249]).

В свете всех наблюдаемых соответствий гипотеза о том, что «Слово...» может принадлежать переводчику «Повести об Акире», «Девгениева деяния» и «Сказания об Индийском царстве», т. е. что «Слово...» принадлежит автору, выполнившему переводы трех названных повестей, выглядит вполне убедительной. Одновременно появляется уверенность в том, что «Слово...» не может принадлежать авторам других оригинальных княжеских повестей второй половины XII в. — различия между лексикой «Слова...» и словарным составом этих повестей оказываются слишком велики.

С другой стороны, эти неожиданные сходства побуждают обратиться к истории единственного произведения последней трети XII в., язык которого обнаруживает яркие черты сходства с языком текстов из мусин-пушкинской тетради, — это «Повесть об убиении Андрея Боголюбского», написанная во второй половине 1174 г. или немного позднее, и к проблеме ее авторства, а также, вслед за многими другими исследователями «Слова...», попытаться связать авторство «Слова...» с конкретными персонами. И здесь нам оказывает помощь то утверждение об авторстве «Повести об убиении Андрея Боголюбского», которое казалось наиболее убедительным, а ныне выглядит бесспорным, а именно то, что автором этой повести является зодчий — архитектор и, вероятно, также золотых дел мастер-дизайнер Кузьмище Киянин, по общему мнению, во время описанных в ней событий находившийся в Боголюбове и принимавший участие в погребении убитого князя.

Сказанное здесь — это, разумеется, пока еще одна гипотеза, связанная с персонификацией авторства «Слова о полку Игореве», не имеющая других оснований, кроме сходства лексики «Слова...» и одной из повестей второй половины XII в. Автор книги до какого-то времени видел задачу своей работы только в обосновании своей гипотезы о единстве личности автора «Слова...» и переводчика трех повестей, ставших известными в последней трети XII—начале XIII в. Впрочем, мы полагаем, что, подобно другим исследователям «Слова...», нам также дозволено иметь право на эффектные, но при этом доказуемые предположения о личности автора «Слова о полку Игореве».

**Киевский зодчий Кузьмище Киянин —
автор «Слова о полку Игореве»? К сравнительному
изучению лексики «Слова о полку Игореве»,
«Повести об Акире Премудром», «Девгениева
деяния», «Сказания об Индийском царстве»
и «Повести об убиении Андрея Боголюбского»**

В подавляющем большинстве все гипотезы и предположения об авторстве «Слова...», от наиболее надежно обоснованных до самых легкомысленных, основанных на произвольной связи того или иного имени, мелькнувшего в летописи, со «Словом о полку Игореве», основываются на тексте памятника и прежде всего на его событийной составляющей. Разумеется, сопоставление сведений о подробностях похода Игоря и Всеволода на половцев, перипетии сражений, обстоятельства бегства Игоря и Овлура из плена, соотносительная топография — взаимное местоположение героев «Слова...» на момент тех или иных событий, даты жизни персонажей «Слова...» с принципом *terminus ante quem* дают некоторые основания для реконструкции авторского портрета создателя «Слова...» и датировки памятника. Альтернативой данному подходу являются предположения, основанные на языке «Слова...» в сравнении его с другими известными нам памятниками древнерусской литературы второй половины XII—начала XIII в. (если принимать самые расширенные датировки написания «Слова...»), примером чего являются работы О. В. Творогова [Творогов 1975а] и В. Ю. Франчук [Франчук 1976; 1977; 1985]. Однако, как это ни странно, лингвистическая проблематика в проблеме индивидуального авторства «Слова...», как показывают работы Л. А. Дмитриева ([Дмитриев 1987] и другие), почти не затрагивалась, хотя занимала

значительное место при обсуждении вопросов подлинности «Слова...» и его роли для изучения истории русского языка старшего периода. По существу, во всех таких гипотезах остается непонятным и не поддается обоснованию отношение предполагаемого автора к литературному творчеству, возможность атрибуции тому или иному автору еще каких-либо текстов, с другой стороны, лингвисты, изучавшие язык «Слова...» от С. П. Обнорского [Обнорский 1946] до А. А. Зализняка [Зализняк 2008], при всей тщательности анализа фактов не предпринимали попыток соотнести особенности языка «Слова...» с языком каких-либо других памятников, соотносимых с ним по времени создания.

Настоящая работа основывается на гипотезе о том, кто мог быть автором «Слова...», появление которой было бы ожидаемым явлением для истории древнерусской литературы, по крайней мере, с конца XIX в. до начала XXI в., тем не менее в обзорных статьях по проблематике авторства «Слова...» нет и намек на что-либо подобное. Сущность этой гипотезы состоит в том, что автором «Слова о полку Игореве» является тот самый книжник, которому принадлежат переводы на русский язык «Повести об Акире», «Девгениева деяния» и «Сказания об Индийском царстве» — тех самых повестей, тексты которых находились в мусин-пушкинском сборнике вместе со «Словом...». В дальнейшем сходство лексики этих произведений с «Повестью об убиении Андрея Боголюбского», вскрывшееся при попытке определить степень контраста языка произведений мусин-пушкинского сборника и других повестей XII в., позволило продолжить рассуждения Б. А. Рыбакова о том, мог ли Кузьмище Киянин, которого этот ученый считает создателем «Повести об убиении...», написать «Слово о полку Игореве» и найти уже не отрицательный, как у Б. А. Рыбакова, а положительный ответ на этот вопрос.

Как уже говорилось, автор данной работы высказал в осторожной форме предположение о том, что «Слово...» и другие повести мусин-пушкинского сборника являются делом одних и тех же рук, еще во второй половине 1980-х гг. [Бурыкин 1988: 80—81], заметив, что словосочетания *лютый зверь* или *зверь лютъ* встречаются в «Слове...» и во всех трех названных выше переводных произведениях. Исследовательский аппарат, включающий основные положения о датировке создания «Слова...» и его авторстве, был выработан еще в 1980-е гг. при обсуждении соответствующих проблем [Mescersky, Burykin 1987] и представлен в одной из недавних работ [Олядыкова, Бурыкин 2012: 179—180]. Все названные авторы предполагают, что «Слово...» было создано в конце лета или осенью 1185 г. (после нападения половцев на Переяславль, но до смерти Владимира Глебовича Переяславского, по-

лучившего тяжкие ранения при обороне города, в феврале 1187 г.). Автор «Слова...», по нашему мнению, не был участником похода, возможно, он жил в Киеве и был каким-то образом связан с Переяславлем, о чем говорят его симпатии к князю Владимиру Глебовичу Переяславскому и к Всеволоду, который женат на «красной Глебовне», возможно, сестре Владимира. Высокий профессионализм литературного творчества, отмеченный Л. А. Дмитриевым для автора «Слова...» [Дмитриев 1987], побуждает искать создателя этого выдающегося произведения в среде книжников — однако при этом не обязательно автор «Слова...» должен быть связан с цехом летописцев, что предполагали Б. А. Рыбаков и другие авторы, он мог быть и переводчиком.

Утверждение о том, что Кузьмище Киянин мог быть автором «Слова...», объединяет как минимум три разные гипотезы, каждая из которых выглядит довольно неожиданной³. Первая гипотеза заставляет думать, что «Слово...» создано переводчиком «Повести об Акире», «Девгениева деяния» и «Сказания об Индийском царстве». Вторая гипотеза требует допущения, что русские версии всех трех названных здесь текстов созданы одним и тем же переводчиком. Третья гипотеза позволяет считать, что «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» написана тем же автором, который переводил три названные выше повести и написал «Слово о полку Игореве». Есть в этом круге проблем и четвертая гипотеза, согласно которой «Повесть об убиении...» написана именно Кузьмищем Киянином, а не кем-либо другим, например, не попом Микулой (Н. Н. Воронин, В. В. Колесов).

Изучение поставленной проблемы накладывает обязательство подтвердить или взять под сомнение то предположение, что переводы трех названных выше памятников принадлежат одному и тому же переводчику. Этот вопрос весьма сложен и мы пока не можем обратиться к оригиналам повестей (тем более что для «Повести об Акире» он не установлен, а в отношении «Сказания об Индийском царстве» этот вопрос остался дискуссионным). Считается, что «Повесть об Акире» была переведена с сирийского или с армянского языка [Салмина 1995а: 124], любопытно, что этот дискуссионный вопрос о языке, с которого была переведена «Повесть об Акире», обсуждался не все-

³ Напоминаем, что одним из первых, кто рассматривал Кузьмища Киянина в качестве возможного автора «Слова...» (на основании сходства стиля «Слова...» и фрагментов Ипатьевской летописи, не связанных с «Повестью об убиении Андрея Боголюбского»), был Б. А. Рыбаков [Рыбаков 1972]. Позже на сходство «Повести об убиении...» и «Слова...» (но вне переводных повестей мусин-пушкинской тетради), вспомнив о Кузьмище, обратил внимание Б. М. Сударушкин [Сударушкин 1988].

гда [Орлов 1934: 61]. То, что перевод «Девгениева деяния» был сделан с греческого языка, сомнений не вызывает [Творогов 1995а: 98—99]; вопрос о языке оригинала «Сказания об Индийском царстве» в справочных работах последних лет не ставился [Салмина 1995б: 299], но, как указал А. С. Орлов, «Сказание об Индийском царстве» могло быть переведено с латинского языка [Орлов 1934: 27]. Можно, конечно, задаваться вопросом: мог ли один переводчик перевести «Повесть об Акире» с армянского или сирийского языка, «Девгениево деяние — с греческого, а «Сказание об Индийском царстве» — с латинского? Впрочем, как писал Владимир Мономах задолго до создания «Слова...», «отец мой (Князь Всеволод Ярославич, 1030—1093 — А. Б.), дома сѣдя, изучаеши 5 языкъ». Этот вопрос — мог ли знать три языка древнерусский книжник — не играет для нас существенной роли, мы ставим вопрос иначе: могли ли переводы трех рассматриваемых нами повестей принадлежать одному автору — на основании сходств языка древнерусских переводов этих повестей.

В изучении языка памятников древнерусской литературы и книжности уже обращалось внимание на особую роль полных словоуказателей к текстам для изучения их языка и конкретно — лексики [Творогов 1984]. Нами с той же целью осуществляется сравнение алфавитных словников «Слова...» и трех повестей, находившихся в одном с ним сборнике. В настоящее время есть возможности сверить словники интересующих нас текстов при помощи компьютерных программ, анализирующих частотность лексики текстов, и тем самым избежать той «выборности» примеров, какая характерна для картотек и словарей.

Для нашей темы весьма существенно, что две из трех этих повестей («Повесть об Акире» и «Сказание об Индийском царстве») встречаются в конвое «Задонщины» (в сборнике со списком «У» [Дмитриева 1966: 203, примеч. 20], см. выше), что однозначно свидетельствует о следующем: автор «Задонщины» имел перед собой не рукопись «Слова...», а сборник того же самого состава, что и мусин-пушкинский сборник. Данный вопрос является принципиальным в ряде отношений: прежде всего это археография и история текста «Слова...» в рукописной традиции, таким образом, по судьбе текстов произведений — ближайших «соседей» «Слова...» мы можем судить о самой этой рукописной традиции и о составе сборников, предшествующих дошедшим до нас или известным нам рукописным сборникам. Интересно, что и этот факт — совместная встречаемость интересующих нас повестей в одних и тех же сборниках — не привлек к себе внимания: отмечен лишь один подобный случай [Творогов 1995б: 290], в то время как наличие этих произведений в составе сборника со «Словом...» и в

конвое «Задонщины» значительно важнее совместной представленности переводных повестей в разного рода дискуссиях и выстраивании оригинальных концепций и гипотез. Напомним, что списки «Повести об Акире» и «Девгениева деяния» и сами по себе являются довольно редкими: «Девгениево деяние» известно в четырех списках, «Повесть об Акире» в древнейшей редакции — в пяти списках.

Рассуждения тех, кто оспаривает подлинность «Слова о полку Игореве» или сомневается в ней (из них значимой фигурой является только А. А. Зимин), объясняя сходства в составе «Слова...» и трех других повестей тем, что составитель «Слова...» XVIII в. пользовался при его написании указанными текстами, как уже сказано, лишены смысла и всерьез приниматься не могут.

Проанализировав лексический состав «Слова...» и трех переводных повестей, входивших в мусин-пушкинскую тетрадь, мы пришли к выводу, что все данные произведения могут считаться принадлежащими одному и тому же автору.

Приведем лексические совпадения «Слова о полку Игореве» и обеих редакций «Повести об убиении Андрея Боголюбского».

Лексика, общая для «Слова...» и Краткой редакции «Повести»:

Аминь, Богородица, братъ, великий, Великий князь, видѣти, внукъ, всякий, вѣкъ, глаголати, гласъ, день, драгыи, духъ, душа, женчюгъ (sic!), звѣри, земля (русская), злато, златоверхьи, зло, князь, кровь, лѣто, мечъ, младъ, многъ, мужество, напереди, ночь, обида, отъяти, око, паволоки, побѣда, приищюще, прольяти, путь, пѣти, сабля, свѣтъ, святыи, сердце, слышати, серебро, створити, сынъ, тѣргати, тѣло, узорочье, умъ, христьяне, человекъ.

Всего 54 слова, из них только 5 слов — *аминь, вѣкъ, лѣто, напереди, рыскати* (приищюще) отсутствуют в Пространной редакции. При этом наше особое внимание привлекают только слова *напереди* (буквальное совпадение), *рыскати* (за счет повторений префиксальных форм в «Слове...») и *Аминь* как авторская формула завершения текста.

Раритетными, показательными совпадениями лексики «Слова...» и обеих редакций или архетипа редакции «Повести об убиении Андрея Боголюбского» можно считать слова *драгыи*, форму *женчюгъ* (она совпадает по написанию со «Словом...»), *златоверхьи*, *мужество*, *напереди*, *отъяти*, *паволоки*, *приищюще*, *прольяти*, *сабля*, *створити*, *тѣргати*, *узорочье*.

Лексика, общая для «Слова...» и Пространной редакции «Повести»:

Богородица, братия, братъ, великий, великий князь, велми, вѣтрило, видѣти, внукъ, въскладати, вскочити, всякий, выверечи, выскочити, глаголати, гласъ, глядати, городъ, градъ, день, дивии, доспѣти,

драгыи, дружина, духъ, душы, жемчюгъ (sic!)? звѣрье, земля, злато, златоверхыи, зло, знати, золото, зрѣти, князь, кровь, Киевъ, мечь, младъ, много, молвити, мужьство, ночь, обида, обычаи, оксамить, отецъ, отпѣти, отъяти, очи, паволокы, побѣжая, повѣрже, поганыи, полкъ, постлати, поткнися, почяти, пригвоздити, прискочити, прольяти, путь, отпѣти, речи, Русская земля, сабля, сверзити, сверзити, свѣтъ, святыи, сердце, серебро, слезы, слово, слышати, солнце, сребро, створити, столтъ, стояти, страна, сынъ, тѣргати, узорочье, умъ, христьяне, человекъ.

Всего 89 слов, из них 38 слов отсутствуют в Краткой редакции «Повести»:

братия, велми, въскладати, вѣтрило, выверечи, выскочити, глядати, городъ, градъ, дивии, доспѣти, дружина, знати, золото, зрѣти, Киевъ, молвити, обычаи, оксамить, отецъ, отпѣти, повѣргнути, поганыи, полкъ, постлати, поткнутися, почяти, пригвоздити, прискочити, речи, Русская земля, серебро, слезы, слово, солнце, столтъ, стояти, страна.

Репрезентативными или раритетными из этого перечня можно признать слова *вѣтрило* (но здесь иное значение, чем в «Слове...»), *дивии* (производное), *доспѣти*, *молвити*, *обычаи*, *оксамить*, *постлати*, *пригвоздити*, *столтъ* (в другом значении) — от 7 до 9 слов.

Здесь привлекают внимание формы слов *золото* и *серебро*, непохожие на словоупотребление Кузьмища. Из слов-примет его стиля примечательны только слова *оксамить* и *столтъ* — архитектурный термин.

Репрезентативные совпадения лексики «Слова...» и произведений, не входивших в мусин-пушкинский сборник, буквально единичны. Так, в «Сказании о князьях Владимирских» встречаются слова *ввергнути*, *жребии*, *заити*, *наполнитися*, *хорюговъ*, в «Слове о князьях» — *жребии* и *наполнитися*. Такие совпадения, как мы полагаем, не могли бы быть сочтены показательными для любых текстов.

Б. А. Рыбаков в своем исследовании сочинений летописцев-претендентов на авторство «Слова...» внимательно рассматривает «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» и атрибутирует эту повесть Кузьмищу Киянину [Рыбаков 1972: 78, 104], обсуждая и иные мнения, известные в литературе [Рыбаков 1972: 100]. По определению Б. А. Рыбакова, Кузьмище Киянин был «хитрецом», т. е. специалистом по внутренней декоративной отделке зданий [Рыбаков 1972: 109], знал и любил архитектуру, и соответствующие пассажи служат указанием на его стиль в изложении событий на письме. Он был приглашен во Владимир из Киева или Чернигова [Рыбаков 1972: 110] — у северского князя Святослава Всеволодича служил некто с прозвищем Киянин

[Рыбаков 1972: 125], хотя прозвище выдает в нем скорее киевлянина. По Б. А. Рыбакову, в последний раз в летописях манера Кузьмища Киянина усматривается в 1184 г. [Рыбаков 1972: 122].

Интересно наблюдение Б. А. Рыбакова относительно связи повествования Кузьмища с наличием миниатюр в летописи [Рыбаков 1972: 126], которые иногда точнее передают содержание, чем рассказ. Странно только то, что Б. А. Рыбаков не решился атрибутировать Кузьмищу протографы миниатюр Радзивилловской летописи: декоратор или дизайнер должен был уметь рисовать, и рисование миниатюр — это то занятие, к которому «мастер золотого узорочья» (а вообще-то, очевидно, зодчий, лишь руководивший дизайнерами) был готов в большей мере, нежели к сочинению текстов, непременно хоть в каком-то качестве восхваляющих какого-либо князя. Возможно, тут свою роль сыграли спорные вопросы аутентичности передачи сведений о событиях, связанные с той же «Повестью об убиении Андрея Боголюбского» в текстах летописных сводов и в миниатюрах Радзивилловской летописи.

Б. А. Рыбаков отводит кандидатуру Кузьмища Киянина на авторство «Слова...» так: «Как летописец одного из Ольговичей, как автор, любящий шеголять цитатами из церковной литературы, Кузьмище Киянин не сближается с автором великой поэмы. Кроме того, по своему образу мыслей Кузьма (мастер золотого узорочья?) нигде не поднимался на высоту такого судьи князей, каким был автор „Слова...“» [Рыбаков 1972: 500].

Мы можем понять выдающегося историка — для него автором «Слова о полку Игореве» должен был быть если уж не неизвестный певец или дружинник, человек из народа, то фигура никак не ниже боярина, да еще непременно с политкорректными суждениями в адрес действующего князя Киевского. Но мастер своего дела, находящегося у всех на виду и восемь веков спустя, по современным меркам — главный архитектор Великого княжества Киевского, выполняющий заказы князей и в других землях, как нам кажется, вполне мог подняться «на высоту такого судьи князей», каким он выступил в своем сочинении. Мог же он «по своему образу мыслей» вызывающе дерзко разговаривать с ключником Анбалом и его присными, у которых еще руки не были отмыты от крови убиенного князя Андрея Юрьевича («Анбале, вороже!»), а это было опаснее каких-то единичных нелестных фраз, уравновешенных сплошь позитивными суждениями в адрес отдельных князей, чья репутация ничем не была запятнана ⁴.

⁴ Даже если эти диалоги — слухи или домысел составителя Пространной редакции (Подмастерья), это должно было иметь под собой определенные основания.

Теперь у нас возникает ряд вопросов: каково было настоящее имя архитектора — Кузьмище, т. е. Кузьма, или же Косма? Был ли он уроженцем Киева, за что в других землях именовался Киянином, или прибыл в Киев из Константинополя? В последнем случае (даже если он не был византийцем, а только изучал в Византии архитектуру), он должен был знать в совершенстве греческий язык и мог знать еще несколько языков, распространенных в Византии, — например, латинский и армянский. Нет ничего противоречивого в том, что в 1184 г., отойдя от строительных дел и будучи отлученным от летописания (если его участие в летописании не преувеличено), знаток языков и письменности вполне мог найти себе занятие в переводе литературных произведений, а в 1185 г. вспомнил, как за 11 лет до того написал «Повесть об убиении Андрея Боголюбского», и составил между переводами небольшое произведение о драматических событиях похода Новгород-Северского князя на половцев, включив в него вместо авторской подписи слова, по которым его манеру могли бы узнать читатели: *«Уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ», «высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ...»*

Мы отметили, что по языковым характеристикам «Слова...» может принадлежать переводчику «Повести об Акире», «Девгениева деяния» и «Сказания об Индийском царстве», и вместе с тем оно явно не может принадлежать авторам других внелетописных и летописных сочинений второй половины XII в. После полученных результатов ни одна гипотеза, связывающая автора «Слова...» с церковной книжностью (например, попытки атрибуции «Слова...» Кириллу Туровскому), не может не только быть принята, но даже обсуждаться всерьез.

Вернемся к наблюдениям Б. А. Рыбакова относительно связи присутствия в летописи повествования Кузьмища с наличием в ней миниатюр, которые иногда точнее передают содержание, чем рассказ [Рыбаков 1972: 126—128]. Как писал Б. А. Рыбаков о Кузьмище, «Возможно, что иллюстрирование летописи велось под его наблюдением. Там, где кончается текст Кузьмища, прекращается и иллюстрирование событий. Когда же вновь возобновляется текст Кузьмища, то вновь появляются миниатюры» [Рыбаков 1972: 126]. Повторяем — странно, что Б. А. Рыбаков не решился атрибутировать Кузьмищу протографы этих миниатюр, ведь архитектор или декоратор был обязан уметь рисовать⁵. Собственно говоря, возможно, что и участие

⁵ К этому сюжету мы еще вернемся в связи с давним вопросом о том, почему в киевском летописном своде с такой точностью, изумляющей исследователей древнерусской архитектуры начала XX в., оказались изображенными владимирские храмы.

Кузьмища в повествовательном летописании связано с изобразительными компонентами летописания, иначе трудно понять совмещение занятий золотых дел мастера с изложением событий в летописных статьях.

Б. А. Рыбаков писал о литературной манере Кузьмища: «Бросая последний взгляд на центральную часть дворцового комплекса, где должен был завершиться трагический акт, автор задерживает внимание читателя на таких, в сущности, второстепенных деталях, как позолоченные флюгера и какие-то птицы на крышах» [Рыбаков 1972: 98]. Отметим, что Б. А. Рыбаков атрибутировал Кузьмищу весь текст Пространной редакции «Повести...», цитата из которого нами и приведена, однако в дальнейшем мы попробуем показать, что фрагменты Пространной редакции, не имеющие соответствий в Краткой редакции, в том числе рассказы, где Кузьмище назван по имени и где описываются его действия, могут принадлежать иному автору, «Подмастерью» Кузьмища, который как раз и занимался «золотым узорочьем» внутренней отделки храмов. Любопытно, что слова *камень* и форма *каменеіе*, представленные в «Слове...» лишь сочетанием *каменныя горы*, широко употребительны в переводных текстах мусин-пушкинского сборника и в «Повести об убиении...».

Не выглядит случайным и то, что автор «Слова...» так внимателен к городским храмам — Софии Киевской (заложена в 1037 г., освящена в 1049 г.), Софии Полоцкой (1030—1060-е гг.), Церкви Богородицы Пирогощей (заложена в 1132 г.), которые служат для него ориентирами.

Парадоксальность сообщения «Слова...» о погребении Изяслава Ярославича в Софии Киевской «*Съ тоя же Каялы Святѣмъ полѣмъ ѡтца своего... ко Святѣй Софіи къ Києву*» находит разрешение: Кузьмище мог знать о месте упокоения князя не как летописец и знаток хроник, а как архитектор, наблюдавший за состоянием храма.

К постройкам, где принимал участие Кузьмище Киянин, надо отнести Успенский собор во Владимире (1158—1180 гг., перестроен с 1185—1189 гг.), сооружения в Боголюбове (основано в 1158 г.), Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском (1152—1157)⁶.

По-новому в свете нашего предположения выглядит известный пассаж «Слова...»: «*помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты, орьтьмами, и япончицами, и кожюхы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстамъ, и всякими узорочьи половѣцкыми*» — здесь противопоставлены

⁶ Летом 2015 г. в этом соборе при реставрационных работах посередине южной апсиды алтарной стены была найдена надпись с полным списком имен убийц Андрея Боголюбского.

два вида «узорожья»: ткани, очевидно, византийского или восточного производства и предметы одежды половцев, отношение к которым оказывается подчеркнуто разным.

Все знают, что в «Слове...» представлено большое количество названий народов — соседей Киевской Руси, с которыми русичи поддерживали отношения, с кем когда-то воевали, о ком вообще что-либо знали. Нет в этом перечне только *ясов*, осетин, хотя есть даже *касоги* (осетинское название кабардинцев). Не в том ли дело, что один из участников убийства Андрея Боголюбского был «ясин»? (*ты ныне в оксамите стоиши, а князь нагъ лежитъ*), нет в «Слове...» и волжских болгар, названных в «Повести об убиении...» «погаными» — причем болгары упоминаются всего дважды и только в Пространной редакции «Повести об убиении...», текст которой едва ли принадлежал Кузьмищу.

Становится понятным и внимание литератора — писателя и переводчика к такому произведению, как «Сказание об Индийском царстве», где описывается богатое убранство царского двора и большое внимание уделено описанию драгоценных камней. Само собой разумеется, что текст, в котором речь идет о палатах, отделанных золотом, серебром и драгоценными камнями, мог привлечь внимание такого человека, как Кузьмище. Это же пристрастие Кузьмища отмечено и Б. А. Рыбаковым [Рыбаков 1972: 199—200].

По-видимому, неслучайно мусин-пушкинская тетрадь открывается переводом именно этого текста, столь явно отвечающего профессиональным интересам переводчика. Похоже, что этот документ исключительной ценности, содержащий уникальные произведения книжности — «Слово...» и редкие редакции переводных повестей, сохранил для нас и порядок работы автора над ними.

Автор начал свою работу переводом «Сказания об Индийском царстве», которое по содержанию связано с его интересами. Далее последовало изложение или перевод «Повести об Акире», а после него было написано «Слово о полку Игореве». Исходя из источников, в качестве которых в данном случае выступает состав повестей в конвое списка «У» «Задонщины» (заметим, того, который мог бы считаться одним из наиболее авторитетных и надежных для ее текста) и состав исчезнувшего сборника, описанного А. Е. Викторовым и, по счастью, изданного Н. Н. Дурново, — в этом составе мусин-пушкинскую тетрадь могли начать переписывать, хотя в ней еще не было перевода «Девгениева деяния». Несомненно, что к моменту начала работы автора над написанием «Слова...» им уже были выполнены переводы

«Сказания об Индийском царстве» и «Повести об Акире», а «Девгениево деяние» было прочитано в оригинале⁷.

Помимо словосочетаний *златоверхий теремъ* и *златокованный столъ*, в тексте «Слова...» при анализе лексики были вскрыты и другие лексемы, связанные со строительной и архитектурной терминологией. Они выявляются в не до конца понятной фразе: «*Тъй клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Киеву, и дотчеся стружіємъ злата стола кіевскаго*». Интерпретировать ее не помог бы даже историко-грамматический комментарий к тексту «Слова...», который, конечно, обобщил бы варианты чтения *о кони* — *окони* — *окони(ся)*, но ничего не дал бы для понимания слова *клюка*, которое, кажется, не привлекало особого внимания лексикологов, — в тексте обычно видели употребление его в переносном значении, которое и указано первым в «Словаре-справочнике» [СлСпрСПИг, вып. 2: 189—190] с очень яркими примерами. Параллели из современных русских народных говоров для слова *клюка* таковы:

«**Клюка и клюха** 1. Дорожная палка, посох ... 4. Крюк. 5. Брус с загибом, на который настиляется крыша. 6. Железный крюк, на который вешается желоб для стока воды под крышей. 7. Деревянный шест с загнутым в виде крюка концом для поддерживания водосточного желоба у крыши» [СРНГ, вып. 13: 319—320].

Показательны «строительные» значения этого слова, неожиданно выявляющиеся в диалектных данных среди переносных значений и вписывающие это слово в неожиданно открывающийся ряд строительных терминов в «Слове...», входящих в состав скрытых метафор. Эти наблюдения получают логическое завершение при анализе значений лексемы *конь*:

«**Конь**, я, м. 1. Стык двускатной крыши, верхняя слега или балка на нем; конек. || Крыша избы. || Верхняя слега на крыше под коньком. || Выступающие с двух краев крыши концы стропил, иногда имеющих вид конской головы» [СРНГ, вып. 14: 275].

Получается, что речь идет не о конях, на которых могли ездить Всеслав и его сторонники, и не о хитростях князя-оборотня, а об элементах конструкции княжеского терема, которые, образно выражаясь, должен был преодолеть Всеслав, чтобы хоть на какое-то время занять киевский «златъ столъ».

⁷ А. Г. Бобров подробно рассматривает состав мусин-пушкинского сборника в сравнении с утраченным сборником, описанным А. Е. Викторovým, [Бобров 2007: 41], указывая на другой порядок следования повестей [Бобров 2007: 43]. Наличие тех же повестей в сборнике со списком «У» Задонщины, указанное Р. П. Дмитриевой [Дмитриева 1966: 203, примеч. 20] им не отмечено.

Предположение о том, что автором «Слова о полку Игореве» мог быть Кузьмище Киянин, архитектор и золотых дел мастер-дизайнер по профессии, вполне согласуется с многими представлениями об авторе «Слова...», которые могли бы быть извлечены из текста этого произведения.

Попробуем суммировать их:

1) это человек, связанный с книжностью, но не принадлежащий к церковной среде;

2) это человек, хорошо знающий светскую литературу разных жанров, в том числе переводную, а также фольклор, в том числе восточный эпос⁸;

3) это человек, знакомый с «Повестью временных лет» и, возможно, с летописями XII в., но не имеющий отношения к оформлению летописных повестей 1185 г., рассказывающих о неудачном походе Игоря на половцев;

4) автор «Слова...» не был участником похода 1185 г., какая-либо эксклюзивная информация о быте дружинников и военных знаниях автора в «Слове...» отсутствует; кроме того, едва ли он тогда смог бы узнать о событиях, связанных с нападением половцев на Переяславль и его обороной: «а Владимир подъ ранами»;

5) описание природы в «Слове...» подчинено художественному канону, который предполагает представление ее в составе модели мира, близкой к полноте, тому канону, который дожил в изобразительном искусстве до Высокого Возрождения [Бурыкин 2003], что связывает профессию автора с изобразительным искусством;

6) городскими ориентирами для автора «Слова...» являются православные храмы, что является косвенным проявлением его профессиональных интересов, связанных со строительством и архитектурой;

7) особенности художественного языка автора, а именно — словосочетания *златоверхий теремъ* и *златокованный столъ*, соотносительные со строительной и дизайнерской технологией, на фоне открывающихся нам сведений о занятиях Кузьмища Киянина позволяют нам отождествлять автора «Слова...» и переводчика трех повестей из мусин-пушкинской тетради с киевским зодчим Кузьмищем Киянином, автором «Повести об убиении Андрея Боголюбского».

То, что автором «Слова...» оказывается человек, с громадной вероятностью учившийся в Византии и связанный с искусством, многое

⁸ Как тут одно сочетается с другим — загадка, но факты остаются фактами. Сравнение игры на струнном инструменте — хуре с лебединым пением встречается в калмыцком эпосе «Джангар», а быстродвигающийся герой сопоставляется со способным быстро бегать животным — и в «Джангаре», и даже в якутском олонхо.

объясняет и в вопросе о связях текста интересующего нас произведения с произведениями, образами, мотивами литературных произведений, с универсальной для своего времени эстетикой, наконец, с особым вниманием автора к образцам архитектуры и их декоративному убранству. Однако главным основанием для отождествления автора «Слова...» с переводчиком трех повестей из мусин-пушкинского сборника и одновременно с автором «Повести об убиении Андрея Боголюбского» остается значительное сходство языка этих произведений, в первую очередь лексики и единообразного пропорционального соотношения полногласных и неполногласных форм с приоритетом последних⁹, и в том числе — совпадения редких слов, почти не встречающихся в других памятниках XII—начала XIII в.

Сказанное здесь — продолжение обоснования нашей гипотезы, связанной с персонификацией авторства «Слова о полку Игореве» и ранее не имевшей других оснований, кроме сходства лексики «Слова...» и одной из повестей второй половины XII в. Первоначально автор видел задачу своей работы только в обосновании своей гипотезы о единстве личности автора «Слова...» и переводчика трех повестей, ставших известными в последней трети XII—начале XIII в. Языковой материал текстов мусин-пушкинского сборника неожиданно позволил связать с ними «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» и далее выявить дополнительные черты сходства сравниваемых текстов и получить информацию об их предполагаемом авторе — Кузьмище Киянине.

В перспективе мы имеем возможность проверить нашу гипотезу по материалам связи топики, сюжетов и стиливых норм «Слова...» и миниатюр Радзивилловской летописи, также — и не нами! — связываемых с именем Кузьмища Киянина. Однако уже сейчас можно видеть, что поиск автора гениального произведения — такого как «Слово о полку Игореве» — среди безвестных певцов, воинов или даже книжников вел в тупик. Вместо народного певца, представителя устной словесности, вместо дружинника — знатока воинской поэзии и мастера военной прозы, вместо книжника — составителя летописных хроник и светских житий нам открылась фигура человека универсального дарования, которого можно назвать Киевским Микеланджело, —

⁹ Может быть, формирование противопоставления «церковнославянских» и «древнерусских» (неполногласных и полногласных) форм связано не с языком церковных текстов, а с языком ремесел, науки, искусств и литературных переводов, имевшим южнославянскую основу и использовавшимся в Константинополе как средство общения внутри профессиональных корпораций и в обучении наукам, искусствам и ремеслам.

зодчего, занимавшегося строительством и отделкой зданий, переводчика, писателя и художника, о чем мы будем вести речь далее. Если характеризовать вырисовывающийся портрет автора «Слова...» в сравнении с нашими современниками, то можно сказать — автором «Слова...» был поэт и архитектор, своего рода Андрей Вознесенский XII в.

Миниатюры Радзивилловской летописи как видеоряд к тексту «Слова о полку Игореве». Итог поиска подходов к творческой мастерской Кузьмища Киянина — зодчего, художника, переводчика и писателя

Как известно и как мы уже говорили, проблема установления автора «Слова о полку Игореве» до недавнего времени выглядела неразрешимой. Многие десятки предположений представляют себе чисто гипотетическую связь того или иного имени, известного из «Слова...» или какого-либо из современных ему памятников последней трети XII в., с текстом этого произведения.

О. В. Творогов писал в статье к юбилею «Трудов отдела древнерусской литературы»: «В ТОДРЛ не печатались статьи о личности автора „Слова...“. Это не случайно. Большинство догадок, выдвигавшихся по этому вопросу в последние десятилетия, не выдерживают научной критики. Единственная гипотеза, заслуживающая обсуждения, это осторожное предположение В. А. Рыбакова о возможном авторстве Петра Бориславича. Лингвистический комментарий к этой гипотезе содержит статья В. Ю. Франчук, опубликованная в т. 31 ТОДРЛ [Франчук 1976]» [Творогов 1984: 16—17]¹⁰. Подробно вопрос о научных критериях атрибуции памятника рассмотрен в статье Л. А. Дмитриева «Автор „Слова о полку Игореве“», опубликованной в т. 40 в составе материалов для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» и «Энциклопедии „Слова...“» [Дмитриев 1985; 1986; 1987; 1995]¹¹.

¹⁰ Для других кандидатов в авторы «Слова...», выдвигаемых в инициативном порядке, аналогичные исследования еще либо предполагаются, либо обещаются ([Зотов 1996]; см. также: [Воробьев Б. 1996; Проневич 2011]), при этом Кирилл Туровский едва ли не единственный автор текстов, которые можно сопоставлять со «Словом...». Гипотезу названных авторов нельзя считать удачной: против нее свидетельствует не только лексика, но и авторский синтаксис Кирилла Туровского.

¹¹ Новая проблема в изучении «Слова...» — это как раз осуществляемый десятками пишущих о «Слове...» подбор претендентов на роль авторов «Сло-

Альтернативой данному подходу, как отметил О. В. Творогов, являются предположения, основанные на языке «Слова...» в сравнении его с другими известными нам памятниками древнерусской литературы второй половины XII—начала XIII в. (если принимать самые расширенные датировки написания «Слова...»), примером чего являются работы О. В. Творогова [Творогов 1975; 1975a] и В. Ю. Франчук [Франчук 1976; 1977; 1985]. Однако, как это ни странно, лингвистическая проблематика в проблеме индивидуального авторства «Слова...», как показывают указанные выше работы Л. А. Дмитриева, почти не затрагивалась, хотя занимала значительное место при обсуждении вопросов подлинности «Слова...» и его роли для изучения истории русского литературного языка старшего периода.

В гипотезе Б. А. Рыбакова и В. Ю. Франчук есть два слабых места. Первое, на чем и строится гипотеза Б. А. Рыбакова, — представление о киевском летописном цехе последней трети XII в. как о некоем киевском Главлите, где идейная выраженность, вечные идеологические ценности и политкорректность ставились выше фактов, и здесь фигура киевского тысяцкого, чьи слова неприкосновенны для рядовых книжников, идеально подходит для освещения любых событий. Второе — неравенство объема текстов, сопоставляемых В. Ю. Франчук: при небольшом объеме «Слова...» и громадной величине летописи совпадения какой-то части лексики будут ожидаемыми (фрагменты, достоверно принадлежащие Петру Бориславичу, ищутся в процессе исследования и не выделены по другим критериям). Учитывая это обстоятельство, мы в нашей работе оперировали текстами, соизмеримыми по величине, отдельно оговаривая эквивалентность фоновой лексики и совпадения весьма редких слов, с помощью которых можно с какой-то надежностью идентифицировать стиль автора.

Продолжение поиска текстов второй половины XII в. со сходным лексиконом, направленного, с одной стороны, на верификацию гипотезы (в случае, если сходства не будут обнаружены), с другой стороны — на возможное увеличение корпуса текстов, атрибутируемых неизвестному на тот момент переводчику и автору «Слова...» (если тексты со сходным словарным составом все же будут выявлены), дало неожиданный результат: единственным литературным памятником, язык которого обнаружил черты сходства со «Словом...» и перевод-

ва...» по критериям Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева, сформулированным в 1980-е гг., однако все, кто ими явно или неявно пользуется, не могут устраниваться от неправдоподобной ситуации, где автор «Слова...» оказывается автором одного произведения.

ными повестями мусин-пушкинского сборника, оказалась летописная «Повесть об убиении Андрея Боголюбского»¹².

Автор «Повести об убиении Андрея Боголюбского» известен, и его имя может быть озвучено с достаточной надежностью — это Кузьмище Киянин, зодчий, приглашенный князем Андреем Юрьевичем во Владимир и в Боголюбово [Рыбаков 1972: 83, 87, 88, 89, 113, 124 и след.]. Определена и его профессия — это архитектор, специалист по строительству и, как полагал Б. А. Рыбаков, золотых дел мастер-специалист по внутренней отделке храмов [Рыбаков 1972: 90, 91—95, 98—100]. Оказавшись свидетелем убийства князя 29 июня 1174 г., он описал эти драматические события в своей «Повести об убиении...», включенной в летописный свод. Это заставило признать киевского зодчего Кузьмища Киянина также и создателем «Слова о полку Игореве» и переводчиком трех повестей, оказавших влияние на развитие древнерусской литературы XII—XIII вв. Словосочетания *златоверхий терем* и *златокованный стол*, как мы видим сейчас, вполне могли бы заменить подпись автора в «Слове...». Слово *сабля*, во-первых, выдает в авторе «Повести об убиении...» очевидца событий, во-вторых, указывает на его тождество с переводчиком «Девгениева деяния» при большой редкости данной лексики для текстов XII в.

В альтернативе авторства «Повести об убиении Андрея Боголюбского» — зодчий Кузьмище Киянин или поп Микула, как полагали некоторые исследователи [Колесов 1987; 1997; Воронин 2007], просматриваются новые и весьма значимые аргументы в пользу первого предположения и одновременно в пользу единства автора «Повести об убиении Андрея Боголюбского» и «Слова о полку Игореве». Вспомним текст «Слова...»: *«а съ ними злато, и паволоки, и драгыя оксамиты. Орьтьмами, и япончицами, и кожныху начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ местомъ, и всякими узорочьи половецкыи»*. Слова *злато*, *паволока*, *оксамитъ*, *узорожье*, а также *женчюгъ* многократно встречаются в «Повести об убиении Андрея Боголюбского». Вот примеры:

¹² На основании анализа лексики с должной надежностью определено, что никакой другой из известных памятников второй половины XII в. — ни «Слово о князях», ни «Сказание о князьях Владимирских», ни обе летописные повести о походе Игоря на половцев 1185 г. (по Ипатьевской и по Лаврентьевской летописям) — не имеет отношения к выявленному нами кругу текстов. Это существенно для того, чтобы понять следующее: автор миниатюр иллюстрировал текст летописи, однако объем его знаний о событиях оказался несколько больше информации, содержащейся в летописной повести, а в образах и эмоциональной оценке миниатюр РЛ отразилось и его собственное сочинение на ту же тему — «Слово о полку Игореве».

...ако полату красну сию създа въ Володимери и в Бѣлюбѣмъ, златом же и каменѣмъ драгымъ и женчюгомъ оукраси ю, иконами безцѣнными и всакыми оузорочьями оудиви, в неуже чюдотворнаѣ мѣи Бжїаѣ, к неуже вси хсѣане съ страхомъ пририцюще и с вѣроу ицѣленѣѣ приимають [Лавр. лет.: 253].

Горожане же Бѣлюбѣскѣи и дворане разграбиша домъ княжѣ и дѣлатели иже баху пришли к дѣлу, злато и сребро портѣ и паволокѣ, и имѣнѣѣ юмуже не бѣ числа и много зла створиса в волости юго [Лавр. лет.: 255].

Эти описания, явно принадлежащие перу Кузьмища (напомним: мусин-пушкинский сборник в его второй части открывается переводом «Сказания об Индийском царстве», где речь идет о золоте и драгоценных камнях, что составляет предмет профессионального интереса Кузьмища), весьма созвучны с перечислением первых трофеев дружины Игоря в «Слове...».

Все это не идет ни в какое сравнение с единственной фразой «Сказания о чудесах Владимирской иконы Богородицы», которое — определенно не без оснований — приписывается попу Микуле, поскольку блестящий стилист Кузьмище явно не имеет к нему отношения: «Приѣхав Володимеръ благородный князь Андрѣй и созда церковь во имя Пресвятыя Богородица, украсивъ ю всякимъ благочестиемъ» [Библиотека 1997: 220]. Разница в литературном мастерстве и в стилях художника во всех смыслах этого слова Кузьмища и попа Микулы, ограничившаяся двумя словами в том же контексте, становится очевидной. *Благочестие* — это не слово художника, это слово священника: далее можно не продолжать.

Сюрпризы сравнения текстов мусин-пушкинской тетради и редакций «Повести об убиении Андрея Боголюбского» заключены уже в заголовках текстов. Содержание «Повести об убиении...» по Лаврентьевской летописи не находится в начале соответствующей погодной записи за 6683 (1174—1175) г. — оно начинается словами «О убьеньи Андреевѣ», что явно сходно по конструкции с построением «...о тѣлку Игоревѣ, Игоря Святъславличя», перед которым обнаруживается пропуск после слов «начати старыми словесы трудныхъ повѣстѣи ... о тѣлку Игоревѣ...». Похоже, что слова «О тѣлку Игоревѣ, Игоря Святъславличя» первоначально были авторским названием известного нам текста, сходным по конструкции с заголовком «Повести об убиении...», а потом оказались инкорпорированы в текст «Слова...» как его название.

Б. А. Рыбаков отметил, что летописные фрагменты, которые, предположительно, написаны Кузьмищем, имеют иллюстрации в Радзивилловской летописи [Рыбаков 1972: 125—126]. Странно, что цити-

руемый автор не сформулировал столь важного тезиса — судя по всему, именно Кузьмище является и автором миниатюр, повествующих об убийстве Андрея Боголюбского заговорщиками. Как принято считать, эти миниатюры даже точнее передают отдельные обстоятельства гибели князя: обследование его останков подтвердило, что у князя была поранена, но не отрублена *левая* рука, в то время как в тексте речь идет о «деснице» — правой руке (см.: [Рыбаков 1972: 85, 127, ил. на с. 101; Кузнецов 2012: 28—29]).

События в Боголюбове и Владимире, связанные с гибелью Андрея Боголюбского, стали темой шести миниатюр в Радзивилловской летописи (541—546) — на такое количество иллюстраций, составляющих самостоятельный источник, стоило обратить внимание, хотя Б. А. Рыбаков почему-то именно эти миниатюры склонен атрибутировать какому-то иному автору [Рыбаков 1972: 127]. Впрочем, единство исполнения миниатюр протографа РЛ в XII в. могло пострадать при его копировании и создании собственно Радзивилловской летописи в XV в., однако вряд ли при этом пострадали сюжетика и порядок миниатюр в Летописи.

Б. А. Рыбаков, давший фундаментальный портрет Кузьмища Киянина как архитектора и летописца, но отвергнувший его кандидатуру на авторство «Слова...» по политическим мотивам — зодчий-де не мог на равных разговаривать с князьями [Рыбаков 1972: 500], полагал, что Кузьмище был приглашен для составления отдельных статей Киевского летописного свода, вошедшего в Ипатьевскую летопись. Принимая во внимание отдельные детали миниатюр Радзивилловской летописи, мы склонны думать, что главная задача Кузьмища-зодчего заключалась не в работе над текстом летописи, а в иллюстрировании летописного свода конца XII—начала XIII в. — протографа Радзивилловской летописи. Мы пока не видим возможности продолжить наблюдения Б. А. Рыбакова и атрибутировать Кузьмищу с большей или меньшей надежностью какие-либо фрагменты Киевского летописания второй половины, точнее — последней трети или последней четверти XII в. Предметом нашего внимания является не Кузьмище-летописец — пусть он останется сюжетом для разысканий единомышленников и продолжателей Б. А. Рыбакова — нас интересует Кузьмище как писатель и как художник-иллюстратор.

Наша задача здесь — изучить, насколько словесные картины повествования о походе Игоря Святославича на половцев летом 1185 г. соотносятся с художественным и предметным миром миниатюр Радзивилловской летописи, что было только недавно начато Б. В. Сапуновым (см.: [Сапунов 1990]).

Исследователи считают, что Радзивилловская летопись, переписанная в XV в. с более раннего оригинала, воспроизводит ее протограф начала XIII в. или даже конца XII в. [Радз. лет. 1902: 116], иллюстрации которого происходили «от одной руки» [Радз. лет. 1902: 115]. Мы полностью разделяем это утверждение и полагаем, что зодчий Кузьмище Киянин был автором всех миниатюр протографа Радзивилловской летописи.

Начнем наше изложение с того, что эпизоды событий 1185 г., отраженных в «Слове...», представлены в *восьми* миниатюрах (с. 474—478, ил. 583—590) — это наибольшее число миниатюр на одно событие, по крайней мере в пределах последней трети XII в. — в период жизни создателя или создателей протографа Радзивилловской летописи. Как и *шесть* миниатюр, показывающих эпизоды гибели Андрея Боголюбского, данное число иллюстраций свидетельствует об особом, видимо, личном внимании иллюстратора к изображаемым событиям.

Миниатюры к летописной статье о походе Игоря Святославича 1185 года показывают нам только то, о чем повествует данная летописная статья (очень близкая к статье о походе Игоря, известной по Лаврентьевской летописи), и даже менее того — в них отражены эпизоды сражений с половцами (4 рисунка, ил. 583—586), съезд князей у Святослава (ил. 587), нападение половцев на Переяславль (ил. 588—589), бегство Игоря из плена (ил. 590). Это понятно, автор миниатюр иллюстрировал летописный текст и не уклонялся от него, даже если имел какие-то дополнительные сведения.

Далее мы попытаемся проследить, в какой мере художественный мир «Слова...» соответствует миру, представленному в миниатюрах Радзивилловской летописи.

«Злат стол» — одно из ключевых понятий «Слова...», визуальный образ княжеского престола встречается в миниатюрах РЛ настолько часто, что считать такие миниатюры не имеет смысла: если князь не в походе, он изображается возле своего престола, к слову, очень напоминающего престол византийских правителей.

«Злат стремя», не менее важный образ, на миниатюре РЛ встретился всего однажды — но именно там, где его более всего можно было ожидать, и там, где нет сомнений, что эти стремяна принадлежат князьям. Мы видим его именно на миниатюре, показывающей съезд князей у Святослава Киевского (ил. 587). На этой иллюстрации на переднем плане стремени держит княжеское стремя, и это уже никак не соотносится с летописным текстом, но полностью отвечает содержанию «Злата слова» Святослава.

Характеристика вооружения князей, княжеских дружин и оружия их противников уже была предметом внимания исследователей текста

«Слова...» и историков-оружиеведов. Предметный набор оружия, представленный в миниатюрах РЛ, хорошо соотносится с текстом «Слова...» — иллюстратор РЛ изображает копья, луки и стрелы, щиты, мечи, сабли, шлемы; что касается доспехов, то ни сами кольчуги, ни другие части комплекта защитного вооружения в миниатюрах РЛ не детализированы и не упоминаются в тексте «Слова...» — если не считать с трудом определенные *«папорзи»* — *паворозы*. На миниатюрах РЛ крайне трудно, если не сказать — невозможно отличить отряды воюющих по их вооружению, по шлемам или по доспехам, во всяком случае, такая задача представляет собой дело весьма отдаленного будущего. В изображениях РЛ также невозможно отделить копья от сулиц — коротких метательных копий, упомянутых однажды в «Слове...». Изображения самострелов, не упоминаемых «Словом...», могли быть добавлены к первоначальным иллюстрациям РЛ: как можно судить по отсутствию его упоминания в воинских текстах до начала XIII в., рассказывающих о походах, самострел был в XII в. не походным оружием, а использовался при обороне городских стен от внешнего неприятеля или при осаде городов [Медведев 1966: 90, 92]. Анализ изображений оружия в миниатюрах РЛ в сравнении с упоминаниями оружия в «Слове...» показывает предельную близость предметов, знакомых автору «Слова...» и иллюстратору РЛ, не исключая и таинственных *шереширов*, в которых обоснованно видится «греческий огонь» — морское оружие византийцев, изображенное в РЛ (ил. 52, 53). Сказанное окончательно дезавуирует аргумент знания вооружения как сословный признак автора «Слова...», заставляет отказаться от идеи об авторе-дружиннике: познания в области вооружения, показанные в тексте «Слова...», вполне соответствуют знаниям автора-художника, иллюстрировавшего летописный текст.

Противопоставление *меч* — *сабля*, на которое много раз обращалось внимание в применении к «Слову о полку Игореве», оказывается необыкновенно интересным не только в связи с тем, что сабля как вид оружия явно присутствует в миниатюрах РЛ, изображающих события XI—XII вв. (А. А. Зимин [Зимин 2006] еще раз неправ), и опознается по характерной кривизне клинка. У меча на миниатюрах клинок всегда прямой, особенно при изображениях мечей в ножнах в их церемониальной функции, хотя рукояти мечей и сабель в сценах битв изображаются одинаково. Изображения сабель в их фактическом присутствии и событийной привязанности важны для нас тем, что сабли в «Слове...» выступают как оружие, враждебное для русских дружинников. В миниатюрах РЛ сабли к тому же оказываются орудием вероломного убийства — точно так, как в сценах убийства Андрея Боголюбского. Кривыми мечами вооружены уже убийцы Игоря Ольговича

(ил. 60), такие же мечи у убийц Святослава Владимировича, подосланных Святополком (ил. 169), укажем также на эпизод гибели князя Ярополка Изяславича Волынского, пронзенного на возу саблей всадником Нерадцем (ил. 269).

Описание поля битвы в «Слове...» — *Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани гряхуть, трупѣ себѣ дѣлаче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе* — относится не к походу Игоря 1185 г., а к битве на Нежатиной Ниве (3 октября 1078 г.), которой миниатюрист РЛ посвятил три иллюстрации (ил. 264—266). Позже, после описания битвы при Руте между войсками Изяслава Мстиславича и Юрия Долгорукого (май-июнь 1151 г.) он нарисовал поле после битвы (ил. 473). Однако это изображение соответствует картине «Слова...» и известному васнецовскому полотну на тот же сюжет только фактом своего появления, но не содержанием: птица с кривым носом в центре — скорее орел (ср.: *орли клектомъ на кости звери зовуть*), чем ворон, поверженное знамя — кстати, красное, т. е. «чърлень стягъ», считается дорисованным позднее, хохлатая крупная птица — возможно, Див (ср.: *уже вѣрже ся Дивъ на землю*), других птиц и зверей, называемых в «Слове...», на этом рисунке нет.

Кстати, на первой иллюстрации к битве на Нежатиной Ниве (ил. 264), показывающей битву как княжескую междоусобицу, можно видеть, как *розно ся имѣ хоботы пашють* — значки на копьях противоборствующих дружин направлены в разные стороны. Похоже, что именно так иллюстратор изображал столкновения между владельцами отдельных русских княжеств (см. ил.: 105, 428, 447, 459, 494, 575, 594)¹³. Мы не видим такого расположения значков на рисунках в изображениях столкновений русских дружин с половцами. Впрочем, эта

¹³ Приверженцы «Новой хронологии» не преминули объявить такое изображение значков на миниатюрах РЛ недоразумением [Келлин, Пружановская, Соловьев 2005], не обратив внимания, к чему относятся такие миниатюры. На миниатюре 583 на половецком штандарте им видится полумесяц [Там же], хотя штандарт в «Слове...» назван «хорюговъ», потому что им как раз были рога антилопы *оронго* [Олядыкова, Бурыкин 2012: 34]. Трудно сказать, сколько произвольных натяжек в этой публикации найдут специалисты по русской истории, но можно быть уверенным — исследователи исламской символики найдут их в еще большем количестве. Полумесяц у мусульман даже в XV в. — вовсе не то, что пятиконечная звезда в некоторых знакомых нам культурах XX в., и наивно видеть его на щите у каждого воина (см.: [Электронный ресурс] // URL: <http://islam.com.ua/smisl-islama/706-chto-znachit-polumesyac-v-islame> (дата обращения: 10.11.2017)). Странно, что авторы этого опуса не сообщили, сколько могоновидов и на чьей стороне они нашли в изображениях XII в.

закономерность не является строгой: иногда «хоботы» в изображениях междоусобных столкновений направлены в одну сторону (ср. ил. 147, 470, 474), а иногда не изображаются вовсе (ил. 497). Тем не менее семь иллюстраций, где хоботы вопреки логике изображены при показе междоусобиц «розно», не могут не привлечь нашего внимания как элементы художественной символики воинской повести.

Фраза «Слова...» *«тамо лежать поганья головы половецкыя»*, при том что изображения отрубленных голов на поле битвы встречаются на миниатюрах РЛ в изобилии, не только побуждает видеть тут сходство образов в тексте и в летописных иллюстрациях, но и заставляет проанализировать содержание миниатюр с такими деталями с целью лучше понять топику иллюстраций и получить возможность сопоставить словесный текст с текстом художественным.

Изображения убитых воинов появляются в миниатюрах РЛ достаточно рано (ил. 46, 51), но головы убитых на поле битвы начинают встречаться позже (ил. 67, 69, 78 и далее). При этом такие детали не являются общим элементом батальной картины — так, их нет в изображении битвы русских с греками (ил. 88), обычно их нет на рисунках, изображающих княжеские междоусобицы (ил. 322, 323). На весьма многочисленных в РЛ рисунках, содержащих изображение поля битвы, часто встречаются лежащие на поле головы (ил. 101, 178, 186, 195, 612), но в иллюстрациях, относящихся к междоусобным столкновениям, они редки (ср. ил. 406, 343, в последнем случае, по определению издателей РЛ, отрубленная голова дорисована). Можно думать, что и на других изображениях эти детали были добавлены позднее как дань утверждающемуся изобразительному канону, но без учета норм более раннего синкретического (общего для словесности и живописи) художественного этикета.

В этой связи показательны особенности следующих иллюстраций: на рисунке, изображающем разграбление черниговской земли половцами (ил. 511), отрубленных голов нет. На рисунке, где изображен угон киевского полона (ил. 530), показана всего одна голова, но на следующей миниатюре на том же листе, представляющей разгром половцев (ил. 531), отрубленные головы присутствуют. Еще одна миниатюра изображает казненных половецких пленников (ил. 567), но их головы, отделенные от туловищ, не валяются в беспорядке, а лежат рядом с телами. На миниатюре, сюжетом которой является избиение киевлян Рюриком Ростиславичем (ил. 600), отрубленных голов нет, но одна голова есть на другой миниатюре с тем же сюжетом (ил. 601). Здесь просматривается неожиданно прослеживаемый этический канон, служащий императивом для художника: головы убитых, разбросанные по полю, — это только «поганья головы половецкыя», по-

сколько жертвы междоусобиц и избиений мирных жителей так не изображаются. Этот канон нарушался только при поновлении миниатюр за счет позднейших добавлений и, видимо, уже не был строго выдержан в иллюстрациях на заключительных страницах летописи.

Как известно, «Слово о полку Игореве» выделяется среди других современных ему произведений замечательными пейзажными картинами, описанием деталей рельефа местности, присутствием образов животных, описанием растительного мира (деревья, трава). На миниатюрах РЛ растительный мир изображается столь же условно, как и на византийских миниатюрах [Радз. лет. 1902: 117—118], животные на них, кроме боевых коней, большей частью пририсованы позднее. Однако очень важно то, что более или менее детализированные изображения пейзажа, с более тщательной проработкой рельефа местности, присутствуют в изображении походов или, точнее, переходов войск, не занятых в сражении (ил. 141, 371, 381, 387, 389, 422, 442, 592). Пейзажи в «Слове...» и в миниатюрах РЛ, при всей разнице в характере их изображения, имеют одну крайне важную общую черту — описание пейзажа там и там приходится на своего рода паузы в описаниях военных действий; в словесном тексте описание пейзажа заполняет перерывы, приходящиеся на переходы войск, а на миниатюрах пейзаж появляется там, где изображены дружины на передислокации — перемещении с одного места на другое.

Принципиальный вопрос при изучении проблемы авторства и личности автора «Слова...» — его исторический и политический кругозор. Д. С. Лихачев, детально изучивший фрагменты «Слова о полку Игореве», пришел к выводу, что основным источником сведений по истории Руси X—начала XII в. была «Повесть временных лет». Мы попытаемся рассмотреть, как именно события ранней истории Киевской Руси, отраженные в «Слове...», были зафиксированы в миниатюрах РЛ.

«Старый Ярослав», «давный великий Ярослав», о ком сказано, что Всеслав «расшибе славу Ярославу», — Ярослав Мудрый (ок. 978—1054) и его деяния, чаще всего походы и победы, представлены в РЛ не менее чем в 27 миниатюрах (ил. 156, 164, 165, 170—178, 180, 181, 185—191, 194—197, 203—204), в то время как в «Слове...» он упомянут всего трижды и в таких контекстах, что не всегда понятно, о ком из князей с таким именем идет речь. Видимо, для автора «Слова...» времена Ярослава были глубокой стариной.

Победа князя Мстислава Владимировича в единоборстве с касожским князем Редедей (1022) отражена в *трех* миниатюрах РЛ (ил. 182—184), последняя миниатюра связана с построением церкви Богородицы, а строительные сюжеты вне всего остального обоснованно вызывают ассоциации с зодчим Кузьмищем Киянином.

Три миниатюры РЛ (ил. 264—266) показывают события битвы на Нежатиной Ниве 3 октября 1078 г. («Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на Канину зелену наполому (ему) постла», «Съ тоя же Каялы Святополкъ полелѣя отца своего межю угорьскими иноходьцы»). При этом на одной из них (ил. 265) явно изображена гибель Изяслава, на другой (ил. 264) пораженный воин, изображенный в дружине в правой стороне рисунка, может быть, как считают современные издатели РЛ, Борисом Вячеславичем. На третьем рисунке (ил. 266) представлен эпизод доставления гроба с погибшим Изяславом Ярославичем в ладье к Городцу и встреча его киевлянами. Этот эпизод в «Слове...» подан иначе — убитого в бою князя везут *межю угорьскими иноходьцы*; по-видимому, разные источники отражают разные этапы транспортировки тела погибшего князя к месту упокоения.

Четыре миниатюры (ил. 264, 265, 284—285) связаны с походами Олега Святославича (Гориславича: ок. 1053—1 августа 1115): «Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше», две из них — уже отмеченные иллюстрации к битве на Нежатиной Ниве, две другие показывают поход 1094 г. на Чернигов, где княжил Владимир Всеволодович (Мономах): «А сынъ Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Чърниговѣ»; с 1097 по 1115 г. Олег княжил в Новгороде-Северском.

Одна миниатюра (ил. 352) изображает поход Ярослава Волынского на ятвягов, упомянутых в «Слове...» среди побежденных народов.

Из событий конца XI в. привлекает к себе внимание стычка отрядов Владимира Володаревича Галицкого и Изяслава Мстиславича Киевского при реке Стугне 26 мая 1093 г. (ил. 459) — это то сражение, в котором погиб (утонул) юный Ростислав Всеволодович (1070—1093), князь Переяславский, родной брат Владимира Мономаха: «рѣка Стугна, худу струю имѣя, ... уношу князю Ростиславу затвори днѣ при темнѣ березѣ». На этой миниатюре, как и на всех батальных сценах РЛ, отсутствует пейзаж, но она среди других рисунков является примером, где «розно ся имѣ хоботы паиють», показывая конфликт между князьями.

Нельзя оставить без внимания миниатюру РЛ с закладкой церкви Богородицы Пирогощей (ил. 382), построенной в 1132—1136 гг., той самой церкви, которая служит пространственным и событийным ориентиром в «Слове...» — «Игорь ѣдет по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощей».

Общая для рисунков РЛ и «Слова...» тема — история Всеслава Брючиславича Полоцкого (ум. 1101). Она, конечно, должна быть отмечена как предмет особого внимания автора «Слова...» и как объект иллюстраций летописи, несмотря на то что между рассказом «Сло-

ва...» и текстом и миниатюрами РЛ есть существенные фактологические и хронологические расхождения.

Как нам известно, Всеслав Брючиславич стал полоцким князем в 1044 г. (ил. 202). В 1067 г. он разбил войско новгородского князя Мстислава Изяславича и сжег часть Новгорода (ил. 215). В том же году Всеслав встретился с войсками коалиции Ярославичей (Изяслав Киевский, Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский) на Немиге (ил. 221), этой коалицией был взят Минск (ил. 220). Летом 1067 г. Всеслав с сыновьями был вероломно захвачен в плен (ил. 222), привезен в Киев и посажен в поруб, где провел 14 месяцев, пока не был освобожден восставшими киевлянами (ил. 224, 225), и в 1068 г. стал князем киевским (ил. 226, 227). После совместного похода Изяслава Ярославича Киевского с королем Болеславом II Польским на Всеслава он бросил свое ополчение — «*скочи от нихъ лютымъ звѣремъ изъ Бѣлаграда*» — и бежал в Полоцк (ил. 228), Мстислав Изяславич жестоко расправился с восставшими киевлянами, освободившими Всеслава (ил. 231). Последняя миниатюра, связанная с Всеславом — поражение его от войска Ярополка Изяславича Волынского у Голотичска (ил. 234).

Двенадцать иллюстраций РЛ отражают драматическую биографию Всеслава Брючиславича в линейной последовательности с достаточной полнотой, без нарушений хронологии, хотя и с перерывами, когда миниатюры отражают какие-то другие события. Рассказ о Всеславе в «Слове...» имеет иную структуру: «*На седьмомъ вѣцѣ Трояни върже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу. Тѣй клюками подтѣрся о кони, и скочи къ граду Киеву, и дотчеса стружіемъ злата стола кыевского. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ тѣло изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мѣлѣ, утрѣже вазни съ три кусы, отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи вѣлкомъ до Немиги съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелють головами, молотять чети харалужными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душою отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣне бологомъ бяхуть постѣяни, постѣяни костьми рускихъ сыновъ». «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вѣлкомъ рыскаше: изъ Киева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрѣсови вѣлкомъ путь прерыскаше».*

Этот рассказ начинается с вокняжения Всеслава в Киеве, за которым следует бегство в Полоцк, и только после этого приводятся сообщения о гораздо более ранних событиях — взятии Новгорода, нарушении в нем порядка управления, дарованного Ярославом Мудрым, приходе на Немигу. Вопреки весьма драматичному описанию «Слова...», в иллюстрации РЛ (ил. 221) среди жертв битвы представлена одна конская голова, и это понятно — битва была междоусобной, свои

били своих же. Фраза «Слова...» *«изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя»* не имеет соответствий в исторических источниках.

Загадка содержательных и хронологических несоответствий в повествовании о Всеславе в летописи, в том числе в миниатюрах РЛ и в «Слове...» кажется неразрешимой. Попытаемся разрешить ее, начиная с главного — в «Слове...» нет упоминаний о 14-месячном пребывании Всеслава в заточении в «порубе» и даже намек на эти события. В нем рассказ о Всеславе начинается с его вокняжения в Киеве, вернее, с подготовки к нему: *«Върже Всеславъ жребии...»* — метание жребия с помощью кубиков-игральных костей, правда, по другому поводу, изображено в РЛ (ил. 114). *«Тъи клюками подтырся о кони»* — непонятный текст «Слова...», по нашему мнению, содержит строительную метафору: по данным «Словаря русских народных говоров», *клюка* — опора водовода терема, *конь* — декоративное навершие водовода, смысл сказанного — Всеслав занял княжескую резиденцию несправедливым образом, захватив ее в ходе внутригородского конфликта. Слова *«Обѣсися синѣ мъглѣ»* становятся понятными только из сообщения летописи об искушении Всеслава бесами (ил. 227)¹⁴. *«Крестомъ бо побежають силы бесовския... огражаеми крестомъ побежають супостати противныя, крестъ бо въскоре избавляетъ от напасти призывающимъ его сѣрою. Ничего бо ся боять бѣси токмо креста. Аще бо быають от бесовъ мечтания, знаменавшие лице крестомъ, прогоними бывають»* [Радз. лет. 1989: 73]. На том тема киевского княжения Всеслава в «Слове...» завершается. Со слов *«утрѣже вазни съ три кусы»* автор «Слова...» начинает излагать какую-то неизвестную нам биографию Всеслава, которая неожиданно оказывается весьма похожей по стилю на тот источник сведений о событиях на Нежатиной Ниве 1078 г., которым он воспользовался ранее, — мы имеем в виду описание самой битвы и пространства битвы, там и там насыщенного сельскохозяйственными образами, ср.: *«Тѣгда при Олзѣ Гориславличи сеяшется и растяшетъ усобицами, погыбашеть жизнь Даждѣбожя внука, въ княжихъ крамолахъ веци человекомъ скратишися. Тѣгда по Русьскои земли редко ратаеве кыхахуть»* и *«На Немизѣ снопы стелють головами, молотять чепи харалужными, на тоцѣ животь кладуть, вѣють душу отъ тела. Немизе крѣвави брезѣ не бологомъ бяхуть посеяни, посеяни костыми русьскихъ сыновъ»*. (Новые исследования в этой области см.: [Соколова 2016].)

¹⁴ Сама миниатюра 227, изображающая Всеслава с бесом, оказывается весьма странной: обычно в РЛ в сценах искушения изображаются скопища бесов (ср. ил. 250, 252, 253, 256, 257, 278, 279), которые обычно помещаются в правой части рисунка, здесь же всего один бес, причем весьма необычного облика, и находится он в левой части рисунка.

Данная проблема, выливающаяся в проблему альтернативных источников «Слова...» (нелетописных источников или не дошедших до нас летописных текстов), с одной стороны, уменьшает их количество — теперь мы можем считать, что в «Слове...» отражены не два, а один источник, с другой стороны, позволяет датировать этот неизвестный источник, поскольку такие события, как вокняжение Всеслава в Киеве (1068) и битва на Нежатиной Ниве (1078) отстоят друг от друга всего на десять лет. Вероятно, таким источником были летописные записи, которые могли завершиться после мирного вокняжения Олега Святославича (Гориславича) в Новгороде-Северском в 1097 г., где он княжил до своей кончины в 1115 г., пережив другого возмутителя спокойствия — Всеслава Брючиславича на 14 лет. В это время исчезают темы для мрачных картин кровавых побоищ, соответственно, завершаются и подобные повествования, как замечал М. И. Стеблин-Каменский об исландских сагах, если нет войны, то не о чем и писать... Началом этих записей должно быть время после смерти Ярослава Мудрого (1054), что, как можно думать, дало в «Слове...» две минорные аллюзии, связанные с этим князем, — *«минула лѣта Ярославля»* и, позже, *«фасише славу Ярославу»*. Таким образом, отпадает необходимость считать, как полагал Д. С. Лихачев, что в рассказе о Всеславе отражены фольклорные источники [Лихачев 1985: 109]: вероятно, этот источник был всего один, и он был письменным.

Исключение из повествования о Всеславе рассказа о его вероломном пленении и заточении в поруб в контексте «Слова...» в конце концов оказывается понятной — автор, рассказывая о князе, попавшем в руки врагов, явно не желал вольно или невольно показывать читателям драматическую судьбу одного из своих героев и наводить их на ассоциации в судьбе двух князей. Еще один довод в обоснование намеренного редактирования летописного рассказа для «Слова...» — это устранение лишних персонажей, не характерных для древнерусской воинской повести домонгольского времени, которая в первую очередь была *княжеской* повестью, где действовали князья и их дружины, обозначаемые коллективно как «вои»¹⁵. Увеличение числа действующих

¹⁵ В «Слове...» эта норма ослабевает, появляются упоминания о «Красной Глебовне». «Жены русские», Ярославна, мать утонувшего Ростислава. Заметим, что в миниатюрах РЛ, в частности, при изображении нападения половцев на Переяславль и ранения Владимира Глебовича (ил. 588) свидетельницей этой сцены, стоящей на «забрале» — на городской стене, откуда открывается вид вне города, становится женщина (в центре стоящих на стене), возможно, жена Владимира. Если допустить, что в копии XV в. на этом рисунке могли быть объединены две миниатюры, изображающие близкие по времени и со-

лиц такой повести начинается лишь в XIII в., примером чего становится Житие Александра Невского, рассказывающее об индивидуальном героизме нескольких сподвижников князя.

В «Слове о полку Игореве» ориентиром для повествователя служат православные храмы — София Киевская, церковь Богородицы Пирогошей, София Полоцкая. На миниатюрах РЛ мы находим более 20 изображений храмов, в том числе основание Церкви Богородицы Пирогошей (ил. 382). Более того, как писал Н. П. Кондаков, «Радзивилловский список обнаруживает замечательную близость изображенных церквей к суздальской архитектуре» [Радз. лет. 1902: 122]. Как раз это обстоятельство легко объяснимо в свете наших предположений — кто строил эти храмы, тот их и рисовал для летописи.

Наше внимание привлекают три миниатюры со строительными сюжетами — это строительство Печерской церкви (ил. 247), строительство каменного храма Спаса в Переславле-Залесском по повелению Андрея Боголюбского (ил. 508)¹⁶ и строительство Успенского собора во Владимире, сооружаемого по повелению Андрея Боголюбского (ил. 516), — событие, относящееся к 1158—1160 гг.

Обратим внимание, что на ил. 508 вместе с двумя каменотесами художник изобразил еще три фигуры, вероятно, это сам князь, архитектор и кто-то из надзиравших за постройкой.

На ил. 516 изображены три каменотеса с топориками около выстраиваемой стены, и человек, сидящий слева и дающий указания строителям (характерный жест рукой), — очевидно, архитектор. В таком случае, сколь бы неожиданным это ни было, в данном изображении мы можем видеть автопортрет Кузьмища Киянина — зодчего, внесшего огромный вклад в строительство храмов при Андрее Боголюбском, ставшего свидетелем убийства Андрея Боголюбского и позднее описавшего в повести гибель князя от рук заговорщиков.

В связи со сказанным хочется обратить внимание также на ил. 544 Радзивилловской летописи, изображающую отпевание Андрея Бого-

держанию события, тогда мы можем найти здесь изображение Ярославны. Одна из ближайших миниатюр (ил. 590) изображает бегство Игоря из плена.

¹⁶ В 2015 г. в этом храме найдена надпись с полным списком убийц князя. А. А. Гиппиус полагает: «Похоже, что это официальный текст, который был разослан по всем городам епархии и высечен в назидание потомкам на стенах их главных храмов. Конечно, не случайно расположение его на таком стратегически важном месте, как алтарная апсида» (см.: Археологи РАН нашли полный список убийц князя Андрея Боголюбского [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/science/20151229/1351022597.html> (дата обращения: 26.10.2017)). Мы думаем, строитель храма Кузьмище Киянин, имевший доступ всюду, мог начертать этот список и своей властью, и собственноручно.

любского, которое было совершено игуменом церкви «святую Кузмы и Демьяна»¹⁷ Арсением.

На этом рисунке в головах убитого князя стоит игумен Арсений, рядом поп с кадилом (видимо, из того же храма), а в некотором отдалении рядом с ними — человек с книгой. Напрашивается мысль, что это еще один автопортрет Кузьмища, содержащий его указание на самого себя уже как на автора книжного повествования об изображаемых событиях. Любопытно тут и совпадение имени повествователя — Кузьмище — с именем одного из тех святых, в почитание которых был построен храм, служители его пришли отпевать убитого князя — это логично, поскольку Кузьмище определенно был прихожанином этого храма и неслучайно отправился в храм своего небесного покровителя с просьбой об отпевании своего земного покровителя, павшего жертвой заговора. Та же самая фигура — человек в той же одежде с книгой и даже при портретном сходстве с названным изображением — появляется и на миниатюре 546, представляющей перевоз гроба с телом Андрея Боголюбского во Владимир. Вполне логично — если Кузьмище присутствовал при отпевании, то он непременно должен был отправиться и во Владимир к месту упокоения князя.

Начнем подводить итоги. Из 613 миниатюр Радзивилловской летописи 8 миниатюр относятся к рассказу о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г., и еще по крайней мере 22 миниатюры связаны с историческими событиями, о которых ведется рассказ в «Слове...». Д. С. Лихачев писал: «Целый ряд признаков указывает на то, что автор „Слова...“ был знаком с „Повестью временных лет“». Прежде всего отметим, что его исторические воспоминания все связаны с событиями, отмеченными в „Повести“, и не выходят за ее пределы. Автор „Слова...“ упоминает события от Владимира „старого“ до Владимира Мономаха. Мономах — последний из упоминаемых им князей прошлого. За ним, минуя всех русских князей первой половины XII в., автор „Слова...“ упоминает только князей — своих современников. Автор „Слова...“ как будто бы не знает киевской летописи XII в., он не упоминает ни одного события русской истории первой половины XII в., но зато хорошо осведомлен о событиях XI в., получивших свое отражение в „Повести“» ([Лихачев 1985: 83]; см. также: [Кучкин 2000]). Далее Д. С. Лихачев замечает: «Нельзя не видеть, какие жемчужины поэзии отобраны автором „Слова...“ в „Повести временных лет“»: поединок Мстислава Владимировича с касожским князем Редедеем, тра-

¹⁷ Некоторые исследователи, в силу того что Арсений, отпевавший убитого князя, назван в «Повести» игуменом, полагают, что он был приглашен из монастыря Кузмы и Демьяна. Существование такого монастыря в окрестностях Владимира неизвестно по доступным нам источникам.

гическая смерть Бориса Вячеславича, трагическая безвременная смерть „уноши“ Ростислава и оплакивание его матерью» [Лихачев 1985: 89].

Укажем в дополнение к сказанному, что два события из названных здесь Д. С. Лихачевым (а они названы не все), отражены в рисунках РЛ (при этом каждое из них в трех миниатюрах), третье — битва на реке Стугне — не обойдено вниманием иллюстратора, но включено в общий контекст топики и эстетики батальных сцен РЛ, где плачущим матерям не находится места. По существу, мы можем внести уточнение в рассуждения Д. С. Лихачева: «исторические воспоминания» автора «Слова...» не выходят не только за пределы текста «Повести временных лет», но они прекрасно укладываются в подборку миниатюр Радзивилловской летописи, относящихся к «Повести временных лет». Собственно говоря, в «Слове...» нет ничего из «Повести временных лет», что не было бы изображено в миниатюрах Радзивилловской летописи, хотя, без сомнения, автор «Слова...» тщательно отбирал исторические события, рассказы о которых он включал в свое повествование. Вопрос о том, почему в поле зрения автора «Слова...» не попали события XII в., находит свой ответ — Кузьмище в первой половине XII в. в течение какого-то времени учился своему ремеслу, а большую часть второй половины XII в. он занимался строительством вдалеке от Киева — в это время ему было еще не до истории...

Мы начинали свое исследование с системы гипотез:

1) «Слово о полку Игореве» и три перевода повестей, вошедшие в мусин-пушкинский сборник, могут принадлежать одному и тому же автору;

2) единственным аналогом языка текстов мусин-пушкинского сборника является «Повесть об убиении Андрея Боголюбского», написанная примерно в 1174 г., что позволяет предполагать единство автора названных текстов;

3) автором «Повести об убиении Андрея Боголюбского» является киевский зодчий Кузьмище Киянин, очевидец событий и участник той их части, которая связана с упокоением погибшего князя;

4) Кузьмище Киянин при его роде занятий (архитектор и, возможно, дизайнер, специалист по отделке интерьера зданий) должен был привлекаться к работе над летописными сводами в первую очередь как иллюстратор-миниатюрист, а не только как автор текстов — архитектор должен был уметь рисовать, тем более что в отдельных миниатюрах Радзивилловской летописи просматривается стиль, характерный для фресковой живописи;

5) исторический кругозор автора «Слова о полку Игореве» по его тексту соответствует не только повествованию «Повести временных

лет», но именно тем ее сюжетам, которые отражены в миниатюрах Радзивилловской летописи;

б) исследование художественной картины мира в миниатюрах Радзивилловской летописи и в «Слове о полку Игореве» вскрывает ее единство, а отмечаемые различия всецело относятся к разнице видов искусства и тем собственным канонам, какие имели в XII в. искусство миниатюры и светская литература, прежде всего жанр воинской повести. Характер рисунков миниатюр Радзивилловской летописи, повторяющихся на ряде изображений, заложенная в них символика, почти скрытая для нас, своеобразная воинская и художественная этика (*тамо лежать поганья головы...*) в целом ряде случаев (*рознь ся имъ хоботы пашють; обѣсися синѣ мьглѣ*) позволяют более или менее однозначно понять не вполне ясные места «Слова о полку Игореве», допуская произвольные и разноречивые толкования.

Исходя из этого, мы можем полагать, что миниатюры Радзивилловской летописи, связанные с событиями, описанными в «Слове о полку Игореве» и в летописных повестях 1185 г. о походе Игоря Святославича на половцев, являются иллюстрациями, выполненными автором «Слова о полку Игореве», — равным образом миниатюры, относящиеся к «Повести об убиении Андрея Боголюбского», выполнены очевидцем событий и автором данной повести.

Если зодчий Кузьмище Киянин, иллюстратор протографа Радзивилловской летописи и автор «Слова...» — одно и то же лицо, то можно предполагать, что среди художественного наследия этого великого мастера, сочетавшего в себе самые разные дарования, мы можем на нескольких миниатюрах Радзивилловской летописи увидеть автопортретный образ этого человека¹⁸, — это миниатюра 516 с изображением архитектора Успенского собора во Владимире и миниатюра 544, где рядом со священниками, отпевающими убиенного князя Андрея Боголюбского, изображен человек с книгой, видимо, писатель и, как мы знаем по мусин-пушкинскому сборнику, переводчик, и та же фигура с той же книгой присутствует на ил. 545¹⁹.

¹⁸ О портретных чертах в миниатюрах Византии примерно того же времени и символике в портретных изображениях конкретных лиц см.: [Лихачева 1979].

¹⁹ Неоднократно отмечалось, что для «Повести об убиении Андрея Боголюбского» и для фрагментов летописи, атрибутируемых Кузьмищу Киянину, характерно частое использование цитат из Священного Писания. Эти цитаты в передаче Кузьмища требуют сверки с греческими текстами Ветхого и Нового Заветов и с теми древнеславянскими переводами, которые были в обиходе древнерусских книжников до конца XII в. Не исключено, что Кузьмище, будучи человеком исключительной образованности, знал греческие тексты

Детальное исследование художественного мира миниатюр Радзивилловской летописи в сравнении с художественной картиной мира «Слова о полку Игореве», как можно сказать, опережая изложение результатов работы в этой области, вскрывает удивительное единство художественных канонов для летописных иллюстраций и словесного текста воинской повести — «Слова о полку Игореве». Как нам представляется, содержательное и стиливое сходство произведений разных жанровых форм указывает на то, что тексты мусин-пушкинского сборника, «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» и весь комплекс миниатюр Радзивилловской летописи принадлежат одному и тому же автору — Кузьмищу Киянину. Проблемы, затронутые здесь, должны составить новые темы исследований «Слова о полку Игореве» и такого уникального художественного памятника, как Радзивилловская летопись.

О количестве и составе редакций «Повести об убиении Андрея Боголюбского» в связи с проблемой идентификации авторского стиля

Проблемы состава текста такого произведения древнерусской литературы второй половины XII в., как «Повесть об убиении Андрея Боголюбского», сами по себе достаточно хорошо известны. Соотношение и хронология появления двух редакций «Повести об убиении...» — Краткой, наилучшим образом известной по Лаврентьевской летописи, и Пространной, вошедшей в состав Ипатьевской летописи, до сих пор представляет собой нерешенную проблему, каждый из вариантов решения которой имел и имеет своих сторонников [Колесов 1987: 365—366; Кучкин 2003: 61—65].

Вопрос об относительной хронологии двух редакций «Повести об убиении Андрея Боголюбского» привлекает сейчас наше внимание в сложной перспективе — становится актуальным соотношение текста двух редакций и лексический состав обеих редакций в связи с возможностями и задачами выявления такого языкового материала, в первую очередь лексического материала, который можно считать наиболее значимой особенностью авторского стиля киевского зодчего и золотых дел мастера Кузьмища Киянина, который считается автором

Священного Писания и воспроизводил необходимые ему цитаты по памяти в собственном переложении.

этой повести. Данная точка зрения на авторство повести имела сторонников и до 1972 г. — до выхода в свет исследования Б. А. Рыбакова [Рыбаков 1972], и мы не видим оснований ставить авторство Кузьмища под сомнение — более того, этому обнаруживаются дополнительные доказательства.

Б. А. Рыбаков полагает, что первичной редакцией «Повести об убиении...» является наиболее полная так называемая Пространная редакция Ипатьевской летописи, в то время как более краткая редакция Лаврентьевской летописи представляет собой сокращение Пространной редакции, сделанное владимирским летописцем «Владимирцем». Он пишет: «Одно сопоставление объемов „Повести“ в разных летописях уже говорит о том, что перед нами два разных произведения: ипатьевский вариант относится к лаврентьевскому как 3 : 1. <...> Учитывая большое количество общих текстов, почти дословно совпадающих в обоих вариантах, нам надлежит решить вопрос о характере их взаимосвязи: сокращал ли кто-то „Повесть“ Кузьмища Киянина, или же, наоборот, Кузьмище расширял и дополнял чью-то краткую повесть. В нашей научной литературе существуют сторонники обоих взглядов...» [Рыбаков 1972: 79]. Того же мнения придерживается и В. А. Кучкин [Кучкин 2003: 64—65].

Из наблюдений Б. А. Рыбакова над синтаксисом «Повести об убиении...», которые, по его мысли, должны показывать сокращение Пространной редакции при составлении Краткой редакции, многие примеры могут быть взяты под сомнение при реинтерпретации синтаксиса этих фраз.

Гораздо более важно следующее наблюдение Б. А. Рыбакова над текстом «Повести об убиении...» по Ипатьевской летописи — *«Князь же Андрей бѣ городъ Володимѣрь силно устроилъ, к нему же ворота золотая доспѣ, а другая серебромъ учини, и доспѣ церковь камену сборную святыя Богородица, пречюдну велми, и всеми различными виды украси ю от золота и сребра, и 5 вѣрховъ ея позолоти»* [Ипат. лет. 1908: стб. 582] и комментарий к нему: «первоначальный Успенский собор, построенный Андреем в 1158—1160 гг., имел только одну главу, один „верх“. Пятиглавие появилось только после перестройки собора Всеволодом Большое Гнездо в 1189 г.: „...брат его Андрей постави об едином верее... Всеволод же четыре верхи назда и позлати“». Следовательно, описание Успенского собора как пятиглавого могло быть сделано не ранее 1189 г., т. е. спустя 13—15 лет после написания „Повести об убиении...“, и его, вероятно, надо связывать с летописным сводом 1183 г. или каким-либо близким по времени сводом эпохи Всеволода» [Рыбаков 1972: 93, 98, 106]. По логике Б. А. Рыбакова, это добавление сделано в Пространную редакцию, в то время как текст

Краткой редакции остался без изменений. Однако можно думать, что вся Пространная редакция «Повести об убиении...» составлялась и дорабатывалась в конце 1180-х гг. и объемные добавления к ней делались тогда же.

Текстология «Повести об убиении Андрея Боголюбского» имеет четыре предмета — во-первых, это соотношение Краткой и Пространной редакций и, соответственно, хронология редакций, а также авторство различающихся текстов редакций. Во-вторых, это варианты текста Краткой редакции, коих обычно указывается три: 1) по Лаврентьевской летописи [Лавр. лет. 1856: 180 и след.], 2) по Радзивилловской летописи [Радз. лет. 1989: 137—139]; 3) по Московско-Академическому списку Суздальской летописи, совпадающему с текстом Радзивилловской летописи [Лавр. лет. 1856, вып. 2: стб. 367—371]. Мы добавим к этому текст Краткой редакции «Повести об убиении...» по «Летописцу Переславля Суздальского» [Лет. Пер. Сузд. 1995: 99—101]. В-третьих, это соотношение Краткой редакции «Повести об убиении...» с повествованиями о гибели Андрея Боголюбского по другим летописным сводам, аналогичные тексты которых традиционно не причисляются к редакциям «Повести об убиении...» и, насколько известно, вообще не рассматриваются в связи с литературной судьбой «Повести об убиении...». В четвертых, это определение авторского компонента в разных редакциях повести в связи с поддерживаемой нами гипотезой о том, что автор «Повести об убиении...» Кузьмище Киянин является также переводчиком трех повестей из мусин-пушкинской тетради, автором «Слова о полку Игореве» и автором миниатюр Радзивилловской летописи.

Варианты Краткой редакции «Повести об убиении...» сами по себе различаются не слишком значительно: различия касаются наличия или отсутствия предлогов и союзов, вариантов отдельных слов или порядка слов в сегментах объемом в 4—5 слов. При этом чтения Радзивилловской летописи, Суздальской летописи и «Летописца Переславля Суздальского» нередко оказываются лучше чтений Лаврентьевской летописи, что, видимо, и заставило Б. А. Рыбакова думать об испорченности Краткой редакции «Повести об убиении...». Привлекает внимание заголовок «Повести...», отмечающий ее начало внутри погодной записи, которая в целом более объемна, нежели повесть, — «*О убиении Андреевъ*», встречающийся только в Лаврентьевской летописи [Лавр. лет. 1856: 180] и в Суздальской летописи [Сузд. лет. 1927: стб. 367]. Этот заголовок сходен с построением «...*о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича*», перед которым обнаруживается пропуск после слов «*начяти старыми словесы трудныхъ повѣсти* ... *о пълку Игоревѣ*...» и с заголовком одной из частей «Девгениева дея-

ния» — «Аще думно есь слышати о свадебе Девгееве, и о всъхыщении Стратиговне»» — произведения, находившегося в мусин-пушкинском сборнике сразу после «Слова о полку Игореве». Для нас это принципиально важно, поскольку мы предполагаем, что переводы всех трех повестей мусин-пушкинской тетради, «Слово...» и «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» принадлежат одному и тому же автору — киевскому зодчему Кузьмишу Киянину.

Главная неожиданность, позволяющая снять сразу несколько проблем в изучении текста «Повести...», — в тексте Краткой «Лаврентьевской» редакции «Повести...» по Лаврентьевской, Радзивилловской и Суздальской летописям в финале читается «молися помиловати князя нашего и господина *Всеволода, своего же приснаго брата*», в то время как в «Летописце Переслава Суздальского»²⁰ — «...князя нашего и г(о)с(поди)на *Ярослава, своего же приснаго и бл(а)городнаго с(ы)новца*» [Лет. Пер. Сузд. 1995: 101]. Судя по всему, тут речь идет о «сыновце» — двоюродном племяннике Андрея Юрьевича, князе Ярославe Изяславиче Луцком (ок. 1132—после 1174, до 1180), дважды завладевавшем Киевом (см. хронологию киевских княжений: [Рыбаков 1972: 25—26, упоминания: 28, 32, 76, 77, 256, 305, 363, 375]), но после 1174 г. исчезающем из летописей. Это означает, что Краткая редакция «Повести об убиении Андрея Боголюбского» может быть датирована временем не позже конца 1174—начала 1175 г.

Лексические соответствия «Слова...» и такого памятника, как «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» по Ипатьевской летописи, весьма репрезентативны. Рассмотрим лексические совпадения «Слова о полку Игореве» и обеих редакций «Повести об убиении Андрея Боголюбского».

Лексика, общая для «Слова...» и Краткой редакции «Повести»:

Аминь, Богородица, братъ, великий, Великий князь, видѣти, внукъ, всякий, вѣкъ, глаголати, гласъ, день, драгыи, духъ, душа, женчогъ (sic!), звѣри, земля (русская), злато, златоверхыи, зло, князь, кровь, лѣто, мечь, младъ, много, мужество, напереди, ночь, обида, отъяти, око, паволоки, побѣда, приищюще, прольяти, путь, пѣти, сабля, свѣтъ, святыи, сердце, слышати, серебро, створити, сынъ, търгати, тѣло, узорочье, умъ, христане, человекъ.

Всего 54 слова, из них только 5 слов — *аминь, вѣкъ, лѣто, напереди, рыскати (приищюще)* — отсутствуют в Пространной редакции. При этом наше особое внимание привлекают только слова *напереди*

²⁰ На присутствие этого рассказа в «Летописце Переслава Суздальского» обратил внимание В. А. Кучкин [Кучкин 2003: 64], не отметив приведенных нами в тексте расхождений в именах князей.

(буквальное совпадение), *рыскати* (за счет повторений префиксальных форм в «Слове...») и *Аминь* как авторская формула завершения текста.

Раритетными, показательными совпадениями лексики «Слова...» и обеих редакций или архетипа редакции «Повести об убиении Андрея Боголюбского» можно считать слова *драгыи*, форму *женчюгъ* (она совпадает по написанию со «Словом...»), *златоверхыи*, *мужьство*, *напереди*, *отъяти*, *паволокы*, *пририцующе*, *прольяти*, *сабля*, *створити*, *търгати*, *узорочье*.

Лексика, общая для «Слова...» и Пространной редакции «Повести»:

Богородица, *братия*, *братъ*, *великыи*, *великыи князь*, *велми*, *вѣтрило*, *видѣти*, *внукъ*, *въскладати*, *вскочити*, *всякий*, *выверечи*, *выскочити*, *глаголати*, *гласъ*, *глядати*, *городъ*, *градъ*, *день*, *дивии*, *доспѣти*, *драгыи*, *дружина*, *духъ*, *душа*, *жемчюгъ* (sic!)? *звѣрье*, *земля*, *злато*, *златоверхыи*, *зло*, *знати*, *золото*, *зрѣти*, *князь*, *кровь*, *Киевъ*, *мечъ*, *младъ*, *многъ*, *молвити*, *мужьство*, *ночь*, *обида*, *обычаи*, *оксамить*, *отець*, *отпѣти*, *отъяти*, *очи*, *паволокы*, *побѣжая*, *повѣрже*, *поганыи*, *полкъ*, *постлати*, *поткнися*, *почяти*, *пригвоздити*, *прискочити*, *прольяти*, *путь*, *отпѣти*, *речи*, *Русская земля*, *сабля*, *сверзити*, *свѣтъ*, *святыи*, *сердце*, *серебро*, *слезы*, *слово*, *слышати*, *солнце*, *сребро*, *створити*, *столпъ*, *стояти*, *страна*, *сынъ*, *търгати*, *узорочье*, *умъ*, *христьяне*, *человѣкъ*.

Всего 89 слов, из них 39 слов отсутствуют в Краткой редакции «Повести», вот они:

братия, *велми*, *въскладати*, *вѣтрило* (в другом значении), *выверечи*, *выскочити*, *глядати*, *городъ*, *градъ*, *дивии*, *доспѣти*, *дружина*, *знати*, *золото*, *зрѣти*, *Киевъ*, *молвити*, *обычаи*, *оксамить*, *отець*, *отпѣти*, *повѣргнути*, *поганыи*, *полкъ*, *постлати*, *поткнутися*, *почяти*, *пригвоздити*, *прискочити*, *речи*, *Русская земля*, *серебро*, *слезы*, *слово*, *солнце*, *столпъ*, *стояти*, *страна*. Сюда можно добавить вариант написания *жемчюгъ*.

Репрезентативными, или раритетными, из этого перечня можно признать слова *вѣтрило* (но здесь иное значение, чем в «Слове...»), *дивии* (производное), *доспѣти*, *молвити*, *обычаи*, *оксамить*, *постлати*, *пригвоздити*, *столпъ* (в другом значении), всего от 7 до 9 слов.

Здесь привлекают внимание формы слов *золото* и *серебро*, непохожие на словоупотребление Кузьмища — у него *злато* и *сребро*. Из слов-примет его стиля примечательны только слова *оксамить* и *столпъ* — архитектурный термин.

Существенно, что общими для «Слова...» и «Повести...» оказываются такие слова, как *въскладати*, *вѣтрило*, *глядати*, *дружина*,

златоверхий, мужьство, оксамить, паволока, плакаться, пригвоздити, (по)ткнутися, сабля, узорочье. Другие слова, не приводимые здесь, являются малодоказательными и могут учитываться только в совокупности со значимыми фактами.

Из этих лексем интересующая нас профессиональная терминология ремесла Кузьмища Киянина встречается в обеих редакциях «Повести...» — это еще одно свидетельство того, что эти слова, так же как и менее показательные для нашей темы, были в Краткой «Лаврентьевской» редакции «Повести...» и из нее вошли в Пространную: обратное — то, что Пространная редакция, сокращаемая почти в четыре раза, почти ничего не потеряла из слов этой группы.

Если мы принимаем тезис о первичности Краткой «Лаврентьевской» редакции «Повести...» — а нам придется это сделать в связи с датировкой этой редакции по упоминанию Ярослава Изяславича (вместо Всеволода Юрьевича) в тексте по «Летописцу Переславля Суздальского», то нам придется признать, что лексика Кузьмища, а именно: и строительные термины, и терминология «мастера золотого узорочья», как отзывался Б. А. Рыбаков о занятиях Кузьмища [Рыбаков 1972: 94—109, 501], и иные слова, характерные для его узуса, — присутствует в Краткой редакции и сохраняется в Пространной редакции «Повести...», в то время как новые лексемы из той же группы в Пространной редакции единичны.

Показательно, что префиксальная форма *пририцующе*, соотносительная с формами *рыскаше*, *дорискаше*, *рища* из «Слова...», отсутствует в Пространной редакции, но встречается во всех четырех списках Краткой «Лаврентьевской» редакции. В обеих редакциях встречаются формы глагола *скачители*, общего для «Повести...» и «Слова...», в обеих редакциях Успенский собор обозначен как «У богородици *Златоверхое*».

Б. А. Рыбаков обратил внимание, что в Краткой редакции «Повести об убиении...» по Лаврентьевской летописи имеется дефект после слов *яко полату красну* [Рыбаков 1972: 80]. Однако в «Летописце Переславля Суздальского» читаем: «Смысль бо очисти въ и умъ, и яко полату красну, **ц(е)рк(о)вь** създа въ Володимири и въ Б(о)голюбѣмъ...» Слово *церковь*, хоть и отделенное от других слов, присутствует и в Ипатьевской летописи, и похоже, что составитель Пространной редакции имел перед собой более исправный текст, чем тот, который попал в Лаврентьевскую, Радзивилловскую и Суздальскую летописи с Краткой «Лаврентьевской» редакцией, дополнив его сравнением с Соломоном, повторенным четыре раза (в Краткой «Лаврентьевской» редакции Соломон упомянут всего однажды).

Между общими фрагментами Краткой «Лаврентьевской» и Пространной «Ипатьевской» редакциями «Повести об убиении...» есть парадоксальные различия в лексике. Интересующая нас лексика, имеющая параллели со «Словом...», присутствует в совпадающих текстах обеих редакций — значит, она принадлежит архетипу «Повести об убиении...» и, несомненно, тексту Кузьмища. Однако в тексте Пространной редакции хорошо виден переход от общего описания воздвигнутого храма с перечислением средств отделки (общего для обеих редакций) к деталям внутренней конструкции и отделки храма, представленным с большим числом подробностей. Б. А. Рыбаков, считавший, что владимирский летописец²¹ сокращал Пространную редакцию повести, не обратил внимания на то, что предполагаемые им сокращения приходятся точно на описание деталей внутренней отделки храма, но не касаются общих описаний.

Мы, принимая первичность и авторскую отнесенность Краткой «Лаврентьевской» редакции (рука Кузьмища), выскажем еще одно предположение: похвала церковному строителю Андрею, читаемая в обеих редакциях «Повести об убиении...», и описание внутреннего убранства храма принадлежат *разным авторам*, хотя бы и близким по роду занятий.

Кузьмище — определенно архитектор, зодчий, строитель, а его ассистент, делавший вставки в Пространную «Ипатьевскую» редакцию, похоже, его помощник, подмастерье, специалист по внутренней отделке храмов. Этот безвестный Подмастерье, думается, не только проявил себя как описатель «узорочья» внутреннего убранства храма, но и вмонтировал в Пространную «Ипатьевскую» редакцию рассказ о Кузьмище Киянине и его диалоги с убийцами князя Андрея и их соучастниками — если он принадлежал к той же строительной мастерской, что и Кузьмище (так сказать, был членом одной корпорации с Кузьмищем), то он и должен был знать те подробности, о которых умолчал автор Краткой «Лаврентьевской» редакции, и дополнил ими текст «Повести об убиении...», читаемый в Ипатьевской летописи и нигде более.

В проблеме текстологии «Повести об убиении...», в частности, в истории ее Краткой редакции есть еще материалы, не привлекавшие к себе внимания. Это известия об убийстве Андрея Боголюбского, которые, с одной стороны, не являются списками Краткой «Лаврентьев-

²¹ Странно, что этот «владимирский летописец» ни разу не обмолвился о походах Андрея Юрьевича на волжских болгар и даже не упомянул об этом народе, сократив текст, относящийся к болгарам, в своей редакции (по логике Б. А. Рыбакова) или, по нашим рассуждениям, оставив освещение этих событий киевлянину — составителю Пространной редакции.

ской» редакции, как тексты Краткой редакции четырех называвшихся выше летописей, а с другой стороны, не являются и лапидарными сообщениями о трагическом уходе князя из жизни (например: [Новг. перв. лет. 1950: 223]). Мы здесь имеем в виду рассказы о гибели Андрея Боголюбского в Воскресенской, Никоновской и Тверской летописях²².

Тексты рассказа о гибели Андрея Боголюбского по Воскресенской [Воскр. лет. 1856: 89—90] и Никоновской летописям (более полный текст из двух ее вариантов: [Никон. лет., 1862: 249—251]) очень близки друг другу. Удивительная их особенность заключается в том, что они при своей краткости близки не к Лаврентьевской, а к Ипатьевской летописи — это как бы своего рода отдельная Краткая «Ипатьевская» редакция. Этот же рассказ по Тверской летописи, примыкающий к двум вышеназванным по композиции [Твер. лет. 1863: стб. 250—252], имеет странные отличия от двух вышеназванных летописей — после краткого рассказа «ипатьевского» типа мы находим в тексте после указания «*О нем же повѣсть*» похвалу князю Андрею по Краткой редакции из Лаврентьевской летописи [Твер. лет. 1863: стб. 253—254].

Любопытнейшее явление составляет одно разночтение в текстах, прослеживаемое по всем редакциям «Повести об убиении...». Вот что мы видим в сцене гибели князя:

Лаврентьевская летопись: *Онъ же во торопѣ" вскочь по нихъ, начать рыгати и глаголати въ болезни сердца* [Лавр. лет. 1856: 157];

Радзивилловская летопись: *(О)нъ ж(е) въ оторопе въскочь по нихъ, нач(а)тъ рыгати и гл(агола)ти въ болѣзни с(е)рдца* [Радз. лет., 1989: 138];

Суздальская летопись: *вскочь по нихъ начать рыгати и гл(агола)ти в болезни сердца* [Сузд. лет., 1927: стб. 369];

Ипатьевская летопись: *Онъ же в оторопѣ" выскочивъ по нихъ, и начать рыгати и глаголати, и въ болѣзни сердца иде подъ сѣни*. [Ипат. лет., 1908: стб. 587];

Перевод В. В. Колесова (Ипатьевская летопись): *Князь же, внезапно выйдя за ними, начал рыгать и стонать от внутренней боли, пробираясь к крыльцу* [Колесов 1997: 213]; то же минимум в двух более ранних изданиях.

Летописец Переяславля Суздальского: *Онъ же въ оторопе въскочивъ, поиде по нихъ, начя тръгати и г(лаго)лати въ болезни с(е)рдца* [Лет. Пер. Сузд. 1995: 100];

²² В археографическом обзоре В. А. Кучкина [Кучкин 2003: 61—65] эта группа летописей не упоминается.

Воскресенская летопись: *князь же во оторопѣ воскочивъ по нихъ, и нача стенати и глаголати въ болѣзни сердца* [Воскр. лет. 1856: 89];

Никоновская летопись: *Князь же во оторопѣ въскочивъ по нихъ, и нача стенати и глаголати въ болѣзни сердца* [Никон. лет. 1862: 250];

Тверская летопись: *онъ же начать отъ сердца рыкати въ болѣзни* [Твер. лет. 1863: стб. 252].

Единственно корректное чтение — в «Летописце Переславля Суздальского»: *нача трѣгати и глаголати* ('смертельно раненный князь начал биться в конвульсиях'), причем оно дано уже в первом издании «Летописца...» [Оболенский 1851: 83] и оно же дает нам еще один лексический пример сходства «Повести об убиении...» и «Слова...» — глагол *трѣгати*, *трѣгнути* встречается в «Слове...» в формах *вытрѣже*, *утрѣже*, *претрѣгоста*.

Чтение, основанное на неточном словоделении с минимальным искажением графики текста: *начать рыгати* — в Радзивилловской летописи, *начать ригати* — в Лаврентьевской, Суздальской и Ипатьевской летописях.

Чтение, показывающее измененное расположение слов во фразе: *начать* отъ сердца *рыкати* — появляется в Тверской летописи. Форма *начать* (никого из лингвистов не смущавшее пассивное причастие на -тъ!) здесь присутствует и указывает, что в этом источнике отразился текст, близкий к Лаврентьевской летописи и ее группе и к Ипатьевской летописи, но он подвергся изменениям в порядке слов под пером компилятора Тверской летописи.

Чтения с лексической заменой: *нача стенати* — присутствуют в Воскресенской и Никоновской летописях. Эти чтения в равной мере выводимы из чтения как «Летописца Переславля Суздальского», так и большинства текстов, не исключая и Тверскую летопись.

Выявление особого текста Краткой редакции «Повести об убиении Андрея Боголюбского» по «Летописцу Переславля Суздальского» позволило нам датировать Краткую редакцию «Повести об убиении...» временем осени 1174—зимы 1174—1175 гг., ибо позже благопожелания в адрес Ярослава Изяславича, сыновца (двоюродного племянника) убиенного князя на киевском столе, были уже неуместны и уступили место похвале Всеволоду Юрьевичу (1154—1212), брату Андрея Юрьевича.

Установленная датировка Краткой «Лаврентьевской» редакции «Повести об убиении...» однозначно утверждает ее приоритет над Пространной «Ипатьевской» редакцией, дополнения в которую вносились, как отметил Б. А. Рыбаков, до 1189 г.

Краткая «Ипатьевская» редакция «Повести об убиении...», которая читается в Воскресенской и Никоновской летописях, возможно, является сокращением Пространной редакции, присутствующей только в Ипатьевской летописи. Яркий признак этой редакции — рассказ о приближенном князя по имени Прокопий, именем которого пытались воспользоваться заговорщики. Этого эпизода нет ни в одном из четырех источников Краткой «Лаврентьевской» редакции повести. Единственным источником таких сведений мог быть тот «детескъ» или «кощей малъ», который, согласно некоторым источникам, находился в ложнице князя и о котором сообщают Никоновская («Князь же рече *дѣтску своему*: — Се не Прокопѣи») и Воскресенская летопись с похожим текстом; в Тверской летописи адресат реплики князя не указывается, но отмечено: «*Бѣ бо съ нимъ единъ кощей малъ*». Судьба этого «кощей» неизвестна, но Прокопий погиб: только в Пространной «Ипатьевской» редакции мы находим слова: «*Оканѣнии же оттуда шедше, убиша Прокопѣя, милостѣника его*». Почему названные здесь тексты оказываются в дополнительном распределении — где есть «детескъ» или «кощей», там не говорится об убийстве Прокопия, лишнего свидетеля, а в Краткой «Лаврентьевской» редакции нет ни того, ни другого — это непонятно.

Общие элементы языка «Повести об убиении...» и языка «Слова о полку Игореве», большая часть которых связывается с профессией Кузьмища Киянина — архитектор, присутствуют и концентрируются в Краткой «Лаврентьевской» редакции «Повести об убиении...». Это в какой-то мере парадоксально, но однозначно снимается тезисом о единстве автора текстов и вторичности Пространной редакции «Повести об убиении...». Показательно, что упоминания о болгарях, отсутствующие в «Слове...», отсутствуют и в Краткой редакции повести и появляются только в Пространной редакции. Только в Пространной редакции появляется описание внутреннего убранства храма, которое, как мы предполагаем, принадлежит другому автору, а именно — Подмастерью Кузьмища, золотых дел мастеру-дизайнеру. Совпадений использованной им лексики со «Словом...» даже меньше, чем совпадений в лексике, общей для двух редакций «Повести об убиении...», и они не столь выразительны, как совпадения Краткой «Лаврентьевской» редакции. Устранить фигуру Подмастерья из истории текста, вернувшись к предположению Б. А. Рыбакова о первичности Пространной редакции, не удастся — становятся непонятными причины появления двух Кратких редакций «Повести об убиении...» в Лаврентьевской летописи, в Воскресенской и Никоновской летописях и особенно в Тверской летописи, где вообще мы видим контаминацию двух «кратких» редакций «Повести об убиении...».

Соотношение Краткой и Пространной редакций «Повести об убиении Андрея Боголюбского» в свете сказанного выглядит так:

Краткая «Лаврентьевская» редакция «Повести об убиении...» принадлежит самому Кузьмищу Киянину. Добавления Пространной «Ипатьевской» редакции «Повести об убиении...» по Ипатьевской летописи, вероятно, были сделаны позднее, возможно, Подмастерьем Кузьмища. Пока не вполне ясна хронология появления известий о Прокопии и диалога князя с мнимым Прокопием через дверь, у которой стояли заговорщики, в Ипатьевской, Воскресенской, Никоновской и Тверской летописях, и сообщения о «кощее», с которым разговаривал князь, в трех последних летописях. Однако надо откровенно признать, что разбор двух редакций «Повести об убиении...» дал нам наиболее раннюю датировку «Повести об убиении...» — 1174 г., хронологический приоритет Краткой редакции «Повести об убиении...» и разный объем строительной и художественной терминологии в двух редакциях, что служит косвенным указанием на различие авторов двух редакций.

Кузьмище Киянин — Киевский Микеланджело: архитектор, художник, переводчик, писатель. Опыт воссоздания биографии

Итак, в ходе наших разысканий, которые ни по источникам, ни по методам, ни по результатам не выпадают из континуума исследований по «Слову о полку Игореве», по истории древнерусской литературы и по истории древнерусской культуры и искусства, мы получили неожиданный итог.

Мало того что по лингвистическим данным «Слово о полку Игореве» и переводы трех повестей, находившихся вместе с ним в мусин-пушкинской тетради, выглядят как литературная работа одного и того же автора, так эти тексты еще и по языку оказываются аналогичными с «Повестью об убиении Андрея Боголюбского», позволяющей нам назвать имя автора этих текстов, — это киевский зодчий Кузьмище Киянин.

Идея о том, что Кузьмище Киянин мог написать «Слово...», не нова и в исходе даже принадлежит не автору данной книги. Кандидатура Кузьмища на написание «Слова...» обсуждалась Б. А. Рыбаковым в ряду летописцев второй половины XII в., среди которых этот ученый искал автора «Слова о полку Игореве», остановившись в итоге на фигуре киевского тысяцкого Петра Бориславича. Возможно, что даже

имя Кузьмища среди претендентов на авторство «Слова...» было озвучено этим ученым случайно — исходя из того, что ему могла принадлежать «Повесть об убиении Андрея Боголюбского», существующая только в составе летописей. Мы подошли к этой же фигуре с совершенно другой стороны — в поисках текстов, имеющих аналогии с языком произведений мусин-пушкинской тетради.

Поднимается обсуждавшийся ранее вопрос о том, что у текста «Повести об убиении...» и миниатюр Радзивилловской летописи, связанных с ее сюжетом, может быть один и тот же автор. Причем ныне к этому прибавляется опять же не новое, но остававшееся без внимания наблюдение — высокая достоверность изображения памятников суздальской архитектуры в Радзивилловской летописи, находящая только одно объяснение: кто строил эти сооружения, тот и рисовал их на миниатюрах. Это позволяет думать, что Кузьмище, архитектор по профессии и строитель многих зданий во Владимиро-Суздальском княжестве, был автором всех миниатюр протографа Радзивилловской летописи, среди которых мы нашли три его автопортрета — на строительстве Успенского собора во Владимире, на панихиде по убиенному князю Андрею Боголюбскому и среди провожающих гроб князя из Боголюбова во Владимир.

В итоге творческое наследие Кузьмища Киянина — Киевского Микеланджело включает следующие объекты:

- Успенский собор во Владимире;
- Архитектурный ансамбль в Боголюбове;
- Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском;
- Церковь Василия Великого (Трёхсвятительская) в Киеве, 1182—1183 — предположительно (не сохранилась);
- Миниатюры Радзивилловской летописи;
- «Повесть об убиении Андрея Боголюбского»;
- «Слово о полку Игореве»;
- Переводы «Сказания об Индийском царстве», «Повести об Акире Премудром» и «Девгениева деяния».

Этот список архитектурных, художественных и литературных шедевров древнерусской литературы и культуры, которые могут принадлежать одному автору и которые, мы полагаем, действительно принадлежали Кузьмищу Киянину, не может не инициировать разысканий в области биографии этого человека, в особенности в той ситуации, когда до недавнего времени мы знали его только как архитектора и, предположительно (вспомним, что его сочинение об убийстве Андрея Боголюбского едва не было приписано попу Микуле или другим служителям церкви), — как автора одной из летописных повестей.

Как это ни странно для исследования биографии, нам придется начать наши разыскания с середины жизненного пути Кузьмища, кото-

рая наилучшим образом насыщена известными событиями и их датами. постепенно раздвигая темноту времени и продвигаясь к началу жизни киевского гения и к ее концу в поисках следов.

Итак, самые ранние события, в которых Кузьмище мог принимать участие, исходя из рода своих занятий, или свидетелем которых он мог быть, относятся к 1150-м гг. Все они связаны со строительством храмов во Владимире и окрестностях. Полагаем, что к началу карьеры зодчего, к началу строительства Успенского собора — ряд событий относится к 1158 г. — Кузьмищу могло быть примерно 30 лет, и тогда годом его рождения может считаться 1128 г.

Конечно, 1128 г. — это чистая условность. Но эта условность позволяет увязать с биографией Кузьмища еще две даты. Одна из них — 1132 г., это год основания церкви Успения Богородицы, более известной как Богородицы Пирогошей. Трудно устоять от соблазна предположить, что юный Кузьмище помнил об этом событии, происходившем у него на глазах, и потом назвал именно этот храм в своем сочинении о походе Игоря на половцев 53 года спустя. Это же событие стало одним из сюжетов миниатюры Радзивилловской летописи (ил. 382); открытость пространства и сосредоточенность взгляда автора на бревенчатых стенах и двух фигурах людей с топорами заставляют связать ее композицию с детскими рисунками — возможно, так, в немного наивной форме, данное событие запечатлелось в памяти будущего зодчего и художника. В защиту такого предположения можно высказать только то, что оно, в отличие от многих фантазий на темы автора «Слова...»²³, далеко от абсолютной нереальности — но и этого

²³ Первая и главная из таких фантазий в науке и вокруг «Слова о полку Игореве», незаметная ее адептам: автор создал только «Слово...» и ничего более. На этом фоне опыт изучения политически активной и творческой личности Петра Бориславича, представленный в трудах Б. А. Рыбакова и увязанный с литературной практикой, является большим прогрессом. Увы, этим (т. е. допущением, что у автора — ничего, кроме «Слова...») отличаются и новые предположения об авторе «Слова...» с новыми именами: А. А. Горский считает, что «Слово...» могло быть написано воеводой Святослава Всеволодича Романом Нездиловичем — с анаграммами в тексте [Горский 2004: 635—638], О. Прицак приписывает «Слово...» боярину Владиславу Кормильчичу ([Прицак 2008], см. также: [Німчук 2009: 99 и след.]), а А. Ю. Чернов — князю Владимиру Святославичу Черниговскому, он же, по мысли А. Ю. Чернова, — Ходына «Слова...» [Чернов 2006а: 251], В. Г. Руделев (как и Фр. Антонов) считает автором «Слова...» Овлура, спутника Игоря по бегству [Руделев 2016: 33—42], Е. А. Павленко — погибшего Изяслава Васильковича (см.: [Малашенко 2003]), А. Н. Ужанков — игумена Выдубицкого монастыря Моисея [Ужанков 2015: 345, 422]. По разным причинам из претендентов исключаются имена Кирилла Туровского и Климента Смоляти-

пока достаточно. Кстати, от этой даты можно вести отсчет того времени, когда Кузьмище выступает в миниатюрах РЛ как очевидец изображаемого. Разумеется, не все из 231 миниатюры — от этой иллюстрации до конца летописи — выполнены с натуры, но нам кажется, в рисунки этой части летописи можно всматриваться внимательнее на предмет поиска реальных деталей.

Следующие события, очевидцем и участником которых должен был быть и был Кузьмище, — это строительство каменного Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском по повелению Андрея Боголюбского (1152—1158) (ил. 508 — три фигуры), поставление Андреем Боголюбским иконы Богоматери, вывезенной из Киева, во Владимирской Богородицкой церкви в 1158 г. (ил. 503)²⁴, строительство Успенского собора во Владимире по повелению Андрея Боголюбского (1158—1180). Оба события отражены в миниатюрах РЛ (ил. 508 и 516). Как можно думать, едва ли Кузьмище сам присутствовал при закладке Спасо-Преображенского собора²⁵, но он вполне мог

ча. В новом обзоре литературы [Горлова, Чумаченко 2016] указываются женщины, коим приписывается создание «Слова...», — Полоцкая княжна Мария Васильковна, жена Святослава Киевского [Сумаруков 1988; Сумаруков, Серегина 2008] — княгиня Агафья Ростиславна [Державец 1979], Болеслава, дочь Святослава Всеволодовича, сестра Игоря [Сбитнев 2010: 14] (см.: [Горлова, Чумаченко 2016: 62], см. также: [Топчий 2015]), наследие их в древнерусской литературе также неизвестно. Сюда придется добавить и Ярославну [Попков 1993, с. 208—221; 2001], и еще одну Ярославу — дочь Ярослава Черниговского, жену Владимира Глебовича Переяславского ([Электронный ресурс] / URL: <http://www.gerodot.ru/viewtopic.php?f=65&t=20074&start=120> (дата обращения: 10.11.2017)). С тем же успехом можно говорить о том, что «Слово...» сочинила «Красная Глебовна», жена Всеволода, сестра Владимира Глебовича Переяславского, невестка (жена брата) Игоря и жена брата мужа Ярославны.

Свой кандидат на авторство «Слова...» был и у Н. А. Мещерского, в ответ на вопрос о чем он рассказал слушателям своего семинара в 1977 г. — это Беловолод Просович (иногда его называют черниговским вельможей), который сумел избежать плена и рассказал Святославу о поражении войска Игоря и Всеволода (см.: [ЭнциСПИг, т. 1: 99—100]), о нем подробно будет говориться далее.

²⁴ Надо присмотреться к тому, как изображено внутреннее убранство этого храма, и тогда можно понять различия между описаниями самого Кузьмища и его Подмастерья, создававшего Пространную редакцию «Повести об убиении...».

²⁵ Миниатюра, изображающая Спасо-Преображенский собор (ил. 508), находится в тексте РЛ далее, чем миниатюра, показывающая размещение иконы Богоматери (ил. 503), и уже за ними следует миниатюра, изображающая начатое строительство Успенского собора (ил. 516). Здесь порядок ми-

быть на его освящении. Миниатюра, показывающая строительство Успенского собора, показывает нам автопортрет архитектора, относящийся к времени начала строительства собора.

В 1160-е гг. некто с прозвищем Киянин служил у северского князя Святослава Всеволодича [Рыбаков 1972: 125]²⁶. Прозвище выдает в нем киевлянина. Доказательств, что это именно Кузьмище, у нас нет, однако связи этого «Киянина» с северским княжеством, которые могли реализоваться четверть века спустя в связи с неудачным походом «Игоря, сына Святъславля», не могут не быть замечены.

Мы почти не имеем источников для того, чтобы отследить все, вероятно многочисленные, перемещения Кузьмища между Владимиром, Киевом и другими городами в 1160-е—начале 1170-х гг. Тем не менее такие возможности нельзя упускать из виду, так как Б. А. Рыбаков неоднократно задается вопросом, что и где мог видеть Кузьмище в разные периоды времени, в том числе и при жизни Андрея Боголюбского.

Самый яркий факт в биографии Кузьмища связан с событиями 29 июня и последующих дней 1174 г., когда князь Андрей Боголюбский пал жертвой заговорщиков. Похоже, в роковую ночь Кузьмище отсутствовал в княжеской резиденции или находился достаточно далеко от покоев князя — иначе вполне мог бы разделить его судьбу, как это случилось, по рассказу Пространной редакции «Повести об убийении...» и ряда других источников, с «милостником» князя Прокопием. Представляется, что обстоятельства убийства князя, начиная со сговора, взлома двери в «ложницу», нанесения князю тяжких ран и заканчивая тем, как тяжело раненный князь был добит при попытке скрыться от заговорщиков, были выяснены им от «послухов», которые сами не были свидетелями убийства князя, но что-то слышали и знали о его подробностях. Не случайно первый вопрос, с которым Кузьмище, согласно Пространной редакции «Повести об убийении...», обращается к убийцам, — где же находится тело убиенного князя²⁷.

Далее, как пишет составитель Пространной редакции «Повести об убийении...», после переговоров с ключником князя Анбалом, Кузь-

ниатюр, как можно думать, — косвенное отражение хронологии событий глазами иллюстратора.

²⁶ Примерно в это время в Чернигове шло строительство Ильинской церкви, датируемой временем между началом XII в. и 1169 г.

²⁷ Исходя из некоторых наблюдений, нам не следует полностью доверять тексту Пространной редакции «Повести об убийении...» по следующим причинам: Кузьмище однозначно не был свидетелем убийства князя, а если именно он является автором Краткой редакции, вызывающей полное доверие, — то содержание вставок Пространной редакции, сделанное, как мы думаем, Подмастерьем, вызывает некоторые сомнения в правдоподобии. См. об этом же: [Данилевский 2003].

мише отнес тело убитого князя в церковь, после чего начал искать священника, который отслужил бы над убиенным заупокойную службу. Им, как мы знаем, и тут у нас нет других источников, оказался игумен Арсений из храма «святую Кузмы и Демьяна». Трудно сообразить, сразу ли Кузьмище направился в храм своего небесного покровителя, с «игуменом» которого он был знаком, или же выслушал отказы других священнослужителей из Боголюбова и его окрестностей. Мы с достоверностью можем утверждать одно — сам Кузьмище был на панихиде по убиенному князю Андрею. Это событие изображено на миниатюре 544 Радзивилловской летописи, где у гроба князя справа от священников стоит человек с книгой, и ни этот персонаж, ни книга (она закрыта) не задействованы в богослужении. Судя по всему, перед нами второй автопортрет Кузьмища, таким образом оставившего память о себе в связи с трагической судьбой Андрея Боголюбского.

Третий автопортрет Кузьмища, показывающий даже внешнее сходство с названным выше, появляется на миниатюре 546, где изображены проводы повозки с гробом князя Андрея из Боголюбова во Владимир. Здесь среди провожающих катафалк мы видим того же человека, в той же одежде (явно идентичен ее воротник) и с той же книгой в руках. Значит, Кузьмище не только был на отпевании Андрея Боголюбского, но и провожал — или, по крайней мере, пришел проводить — убиенного князя к месту его упокоения в том храме, который он сам строил по воле князя.

Вопрос о том, как соотносится с рассказом об убийстве Андрея Боголюбского (или рассказами, если считать Краткую и Пространную редакции «Повести об убиении...» разными текстами) миниатюры РЛ, хорошо известные историкам, — вопрос самостоятельный и достаточно сложный. Похоже, что поиски его решения придется начинать сначала, поскольку нам известно, что, вопреки трактовке рисунка 543, левая рука князя все же не была отделена от тела (сам рисунок такого не предполагает). Таким образом, придется признать, что на этой хорошо известной миниатюре не только рука, отделенная по локоть, но и женская фигура, представляющая, по общему мнению, жену князя Улиту Кучковну, дорисованы позднее на основании позднейших рассказов, не находящих соответствий в текстах «Повести об убиении...»²⁸.

Шесть миниатюр РЛ, связанных с убийством Андрея Боголюбского, согласно мнению издателей РЛ, представляют следующие сюжеты:

²⁸ Самая фигура Улиты Кучковны (некоторые видят в ней вторую жену князя, болгарку) размещена на рисунке так, что ее контур не перекрывает ни одной детали основного изображения, — это и побуждает считать ее дорисованной. О том, что в дошедших до нас миниатюрах РЛ отразились поздние малодостоверные источники, см.: [Кузнецов 2012: 28—29].

Ил. 541. Нападение на Андрея Юрьевича Боголюбского заговорщиков Кучковичей.

Ил. 542. Приход вооруженных заговорщиков к дворцу Андрея Боголюбского и взлом дверей в спальню.

Ил. 543. Иссечение левой руки и убийство Андрея Боголюбского заговорщиками — по рисунку, при участии жены князя.

Ил. 544. Отпевание и погребение убитого Андрея Боголюбского.

Ил. 545. Избиение горожанами в Боголюбове посадников, тиунов и мечников Андрея Юрьевича.

Ил. 546. Перевоз тела князя Андрея Юрьевича из Боголюбова во Владимир духовенством и жителями города.

Здесь несколько непонятным является нарушение хронологии — если на ил. 541 изображено нападение на князя в «ложнице», то почему рисунок, на котором заговорщики взламывают дверь в «ложницу», не предшествует этой иллюстрации, а следует за ней. Н. Л. Панина предполагает здесь нарушение порядка следования миниатюр [Панина 2002]. Мы считаем, что на ил. 541 иллюстратор изобразил сцену грядущего убийства князя, который *«и враждебное убийство слышавъ наперед до себе»* [Радз. лет. 1989: 138], *«вражное убийство слышавъ напередъ до себе»* [Ипат. лет. 1908: стб. 584]. Этим устраняется несоответствие реального и иллюстрируемого времени.

Расправа заговорщиков с князем, оставшимся без своего меча, — сюжет миниатюры 543. На ней видно, что заговорщики наносят князю удары мечами и саблями. В Краткой редакции «Повести об убийнии...» читаем: *«иссѣ~~х~~ше и саблями и мечи и идоша прочъ»* [Радз. лет. 1989: 138], что соответствует изображению 541. В Пространной редакции сказано: *«и секоша и мечи и саблями и котийныя язвы даша ему»* [Ипат. лет. 1908: стб. 587], и на ил. 543 действительно появляется копье в руках одного из заговорщиков. Однако локус действия на ил. 543 — уже не «ложница» князя, а то место, где заговорщики нашли раненого князя и добились его.

Что же было дальше? По Пространной редакции «Повести об убийнии...», Кузьмище — после весьма колоритных диалогов — выпросил у ясына Анбала ковер и корзно и лично отнес тело князя в храм. По Краткой редакции, тело князя «налезоса подь сеньми лежаща», т. е. нашли там, где его добились, и, похоже, как раз там, где лежит умирающий князь на миниатюре 543. Это значит, что никто его в «сад», т. е. в огород, не выволакивал, и неясно, кто же именно из боголюбских клирошан перенес тело в храм. По-видимому, активность Кузьмища во время описываемых событий не только добавлена в изложение событий кем-то из посторонних, дорабатывавших Пространную редакцию, но, как можно предполагать, несколько приукрашена.

Бесспорно, обе похожие по композиции миниатюры РЛ — сцена убийства князя (ил. 543) и сцена панихиды (ил. 544) — выполнены одним автором по одному и тому же канону, который десятки раз встречается на других миниатюрах. Суть этого канона в том, что убитый или умирающий (неважно, князь или лицо духовное) лежит головой влево, а ногами вправо, то есть, в существующей системе пространственной организации, покойного несут или везут (или вот-вот понесут) слева направо, следовательно, ногами вперед.

Только на одной миниатюре РЛ из связанных с убийством князя Андрея Боголюбского (ил. 545) мы видим изображение погрома и беспорядков в Боголюбове и Владимире²⁹. Это сближает имеющийся видеоряд с Краткой редакцией «Повести об убиении...», по крайней мере по его лаконичности. При этом получается, что беспорядки начались как бы уже после отпевания князя — или же иллюстратор обратил внимание на такие события уже после состоявшейся панихиды, на которой он присутствовал.

Если события, описываемые нами выше как факты биографии Кузьмища, имеют элементы допущения или домысливания, то следующий абсолютно достоверный факт — в конце 1174 г. или, самое позднее, в начале 1175 г. — многое зависит от того, где находился в это время Кузьмище, который явно уже не был нужен в Боголюбове лично, пусть там и оставались «делатели» — строители, ограбленные во время беспорядков после гибели князя Андрея. Этот факт — написание повести с заглавием «О убиении Андрееве», соответствующей Краткой редакции «Повести об убиении Андрея Боголюбского», которая вошла потом в Лаврентьевскую, Радзивилловскую, в Московско-Академический список Суздальской летописи и в «Летописец Переслава Суздальского». Самая ранняя дата возможного написания этой повести — конец 1174 или начало 1175 г. — определяется по финальной похвале в списке повести по «Летописцу Переслава Суздальского». Если в «Повести об убиении...» по Лаврентьевской, Радзивилловской и Суздальской летописям мы в финале читаем слова «молися помиловати князя нашего и господина *Всеволода, своего же приснаго брата*», то в «Летописце Переслава Суздальского» читается «...князя нашего и г(о)с(поди)на *Ярослава, своего же приснаго и бл(а)городнаго с(ы)новца*» [Летоп. Пер. Сузд., 1995: 101]. Мы полагаем, что этот «сыновец» убитого князя — двоюродный племянник (как раз «сыновец») Андрея Юрьевича князь Ярослав Изяславич Луцкий (ок. 1132—после 1174, но до 1180), который в этот период времени

²⁹ Весьма колоритна фигура без штанов на переднем плане этого рисунка — к авангардности миниатюр РЛ для отечественной живописи мы еще вернемся специально.

дважды и оба раза на короткое время завладевал Киевом, а после 1174 г. загадочно исчез со страниц летописей³⁰. Это означает, что Краткая редакция «Повести об убиении Андрея Боголюбского» может быть датирована временем не позже конца 1174—начала 1175 г. Данная дата составления Краткой редакции повести однозначно устанавливает то, что Пространная редакция «Повести об убиении...» появилась позже Краткой редакции и явилась распространением Краткой редакции — а не наоборот, как полагал Б. А. Рыбаков.

Время появления Пространной редакции «Повести об убиении Андрея Боголюбского» может быть датировано по упоминанию Успенского собора во Владимире как пятиглавого собора — собор был перестроен в 1185—1189 гг. (пятиглавый храм изображен на ил. 568 РЛ; об этом же см.: [Тимофеева 2005; Кузнецов 2010]), хотя историки архитектуры полагают, что этот собор мог быть пятиглавым изначально (см., однако, иллюстрации Радзивилловской летописи).

Чем был занят Кузьмище в следующие годы после гибели князя Андрея Боголюбского — мы, к сожалению, не знаем и вряд ли узнаем. По предположениям Б. А. Рыбакова, Кузьмище трудился над составлением летописей, мы согласимся с этим, хотя и не имеем дополнительных доказательств.

По Б. А. Рыбакову, в последний раз в летописях манера Кузьмища Киянина усматривается в 1184 г. [Рыбаков 1972: 122]. У нас есть основания думать, что именно в это время он занялся переводами литературных произведений с греческого языка. Первый текст, переведенный им, — «Сказание об Индийском царстве» (первый номер в мусин-пушкинской тетради) — явно связан с его профессиональными интересами, архитектурой и декоративной отделкой зданий. К весне 1185 г., видимо, было закончено и переложение «Повести об Акире» (второй номер в мусин-пушкинской тетради). Где-то в это время, весной или летом 1185 г., Кузьмище узнает о походе Игоря Святославича и Всеволода на половцев и о поражении их войска — и вот тут мы опять вступаем в область догадок. Когда у него возник замысел повести о походе Игоря, оформленный от экспозиции с выбором формы (дохристианская поэзия Бояна, гимны по образцу Царя Давида — «новые песни», и наконец проза) до финальной славы князьям и дружине? При известии о разгроме дружины Игоря и Всеволода или после возвращения Игоря из плена? Вероятнее всего, план известного нам произведения появился все же после возвращения Игоря из плена, когда Кузьмище увидел в Киеве Игоря, который уже «едет по Боричеву

³⁰ Густынская летопись сообщает под 1175 г.: «В то же лѣто сяде паки на княжении киевском Роман Ростиславич, а Ярослав Изяславич, не хотя болѣ крове проливати, уступи ему съ Киева въ свой Луцк» [Густ. лет. 2003: 98].

к святей Богородици Пирогошей», т. е., как показал Б. А. Рыбаков, покидает Киев, очевидно, направляясь в свой Новгород-Северский. Игра случая — возможно, автор поэмы, а точнее, романа о походе Игоря на половцев в тот момент, когда Игорь Святославич покидал Киев, мог стоять на том месте Боричева взвоза — Андреевского спуска, где располагается дом, в котором жил будущий автор романа о Мастере и Маргарите — М. А. Булгаков.

Замысел «Слова...» оказался необычным. Здесь и иллюстрации каких-то старых и почти старомодных повествований, и традиционная речь полководца перед войском, мастерская драматургия в изображении первой легкой победы и последовавшего за ней поражения, в описание которого вмонтирован романский экскурс к событиям конца XI в. — гибели Изяслава Ярославича и Бориса Вячеславича 3 октября 1078 г. в битве на Нежатиной Ниве, к которому, как считал А. А. Потебня и мы разделяем эту точку зрения, добавлена цитата из какого-то не дошедшего до нас сочинения: «...с^ѣѣшается и растяшетъ усобицами, погыбашеть жизнь Дажьдѣбожя внука, въ княжсѣхъ крамолахъ вѣщи челоуѣкомъ скратѣишася. Тѣгда по Русьскои земли рѣдко ратаеве кыкахуть, нѣ чѣсто врани граяхуть, трупѣя себѣ дѣлаче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотѣть полетѣти на уедіе». Интересно, что в «Слове...» выдерживается та же хронология событий, которая прослеживается в миниатюрах Радзивилловской летописи, где она следует летописному тексту: на ил. 264 изображено начало битвы и, как предполагают, гибель Бориса Вячеславича, на ил. 265 — гибель Изяслава Ярославича. Судя по всему, место погребения Бориса Вячеславича осталось неизвестным или было забыто, а о том, где именно упокоен Изяслав Ярославич, Кузьмище мог знать как киевский архитектор.

После словесных символов траура, плача жен в «Слове...» читается сон Святослава, характерный литературный мотив, в ответ на рассказ о котором бояре в аллегорической форме сообщают Святославу о поражении дружины Игоря и Всеволода. Далее следует «Злато слово» Святослава, начинающееся с обращения к его «сыновцам» (вообще-то к двоюродным братьям) Игорю и Всеволоду, и перед обращением к другим князьям — слова «Владимир под ранами», относящиеся к раненному при обороне Переславля Владимиру Глебовичу. После «Злата слова» мы видим еще один исторический экскурс — повествование о Всеславе Полоцком и его времени. Здесь и мастерская смена локусов, и отточенные монологи, составляющие прямую речь героев, отличающие «Слово...» от других повестей и роднящие его с «Повестью об убиении Андрея Боголюбского», но в Пространной редакции.

Непосредственно за этим рассказом, опять, как в романной форме, сдвигающим хронологию событий, следует монолог Ярославны, кото-

рый принято в традиции называть плачем³¹. После этого в «Слове...» следует описание бегства Игоря и Овлура из плена, сопровождаемое представлениями картин природы, поэтичный разговор Игоря с Донцом, где присутствует третий экскурс в историю — упоминание о битве на реке Стугне, сообщение о погоне и судьбоносный диалог ханов Гзы и Кончака. Повествование завершается сообщениями «Игорь князь в русской земли», «Игорь ѣдет по Боричеву къ Святѣи Богородици Пирогощей» и провозглашением всеобщей славы «Княземъ слава а дружинѣ. Аминь».

Между отдельными частями мастерски вставлены поэтические (по содержанию) элементы-связки — показ исполнительской манеры Бояна, упоминание о ветрах-Стрибожьих внуках, две припевки Бояна, поэтическое отступление «О стонати Русьской земли...», обращенное в историю. По структурному составу и его сложности и насыщенности «Слово...» — это даже не повесть, это настоящий роман, хотя бы и роман в миниатюре. В нем несколько (не меньше трех) сюжетных линий, хотя свое завершение находит только основное повествование, и в нем налицо несовпадение хронологии событий и художественного времени. К некоторой досаде, даже современные исследования композиции «Слова...» [Соколова 2004] имеют своим предметом линейную структуру и возможный состав сегментов, а количество сюжетных линий пока остается без внимания. Кажется, у нас есть ответ на вопрос и о том, для чего автору понадобился сюжет о неудачном походе — это первая в древнерусской литературе, но знакомая греческой литературе реализация мотива возвращения героя в родные места, впервые реализованная в «Одиссее» Гомера.

Может быть, кто-то скажет, что авторские обращения «братия», «братья» в «Слове...» — это признак ораторской формы, с которым очень трудно спорить. Пожалуй, это так. Но вспомним: «За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык! За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита. Гл. 19). Так что тут аргумент, казавшийся очевидным, не является таким уж бесспорным.

Судя по всему, «Слово...» было завершено летом или в начале осени 1185 г.³² Оснований для такой датировки достаточно. Князь

³¹ Объяснение этого соседства фрагментов текстов можно найти в работах Н. С. Серегиной, которая считает, что особую роль в создании «Слова...» сыграла полоцкая княжна Мария Васильковна, жена Святослава Киевского. См.: [Сумаруков, Серегина 2008].

³² Мы не видим оснований отказываться от нашей с Н. А. Мещерским датировки, предложенной в 1987 г., поскольку все защищающие ее аргументы

Владимир Глебович Переяславский хотя и «под ранами», но еще жив. Летопись сообщает «по малыхъ днехъ ускочи Игорь князь из половець...», что согласуется с некоторыми деталями в описании природы — еще поют соловьи (если это, конечно, не метафора), гуси и лебеди еще не улетают на юг и, если верить тексту, обеспечивают продовольствием беглецов, и степная трава еще не выгорела под солнцем, но утренняя роса уже «студеная», и после полуночи по долинам ползут туманы — «идуть сморци мъглами».

Такова работа Кузьмища-писателя. Но есть еще работа Кузьмища-иллюстратора, которая может рассказать о времени и деятельности автора несколько больше, чем заверченный литературный текст. Рисунок 587, где на переднем плане стремленной держит княжеское стремя, мог быть создан только после завершения работы над текстом собственного сочинения Кузьмища — «Слова...». За ним следуют три оставшиеся миниатюры на сюжеты «Слова...» — ил. 588 и 589 посвящены осаде Переяславля, на ил. 590 мы видим бегство Игоря из плена.

Возникает вопрос, что было составлено раньше (независимо от авторов) — «Слово...» или повесть о походе Игоря 1185 г. по Лаврентьевской и Радзивилловской летописям, иллюстрируемая, как думается, Кузьмищем. Если «Слово...» написано осенью 1185 г., когда же была подготовлена летописная повесть? Начальной части «Слова...», довольно скромно представленной в летописной повести, тем более по Лаврентьевской летописи, соответствуют четыре миниатюры РЛ, а времени после съезда князей у Святослава — только три, из которых две (с переяславскими мотивами) выпадают из сюжета «Слова...», к оставшейся одной (ил. 590) можно добавить предположительно исчезнувший рисунок с Ярославной (часть ил. 588). Похоже, что летописная повесть из РЛ и Лаврентьевской летописи была составлена позже «Слова...», и также позже его написания были изготовлены три заключительные миниатюры на сюжеты «Слова...», из которых главная — бегство Игоря, а две оставшиеся — свидетельство особого внимания иллюстратора РЛ к Владимиру Глебовичу Переяславскому, о котором мы раньше говорили только исходя из текста «Слова...», ныне надо помнить, что этот князь — племянник Андрея Боголюбского и, видимо, поэтому он для автора «Владимир» и «сын Глебов». Этому же князю и его походам посвящены миниатюры 571 и 581 —

сохраняют свою силу. Эту же дату создания «Слова...» ныне поддерживает А. Ю. Чернов. П. П. Охрименко находит основания для датировки «Слова...» даже началом лета 1185 г. [Охрименко 1984: 95]. А. А. Горский [Горский 1986] в специальной статье не упоминает важнейшего датирующего эпизода «Слова...» — получения Владимиром Глебовичем тяжелых ран при обороне Переяславля.

582. Видимо, такая степень пристрастия к одному и тому же князю в разных источниках может быть объяснена тем, что у этих источников — «Слова...» и иллюстраций РЛ — был один и тот же автор. Стоит задуматься над тем, что и смерть Владимира Глебовича не нашла отражения в иллюстрациях.

Мы датируем уход из жизни Кузьмища Киянина 1203—1205 гг. Основанием для этого служит нам неожиданное завершение Радзивилловской летописи на 1206 г. — похоже, стало некому продолжать ее иллюстрирование. Соответственно, возраст его в это время составлял 75—77 лет, цифра отнюдь не нереальная.

Что же привлекало внимание Кузьмища-иллюстратора Радзивилловской летописи после событий 1185 г.?

Поход владимирского и городецкого войска на Волжскую Болгарию (ил. 591), пронские события (ил. 592—595), действия Романа Мстиславича, князя Галицко-Волынского (ил. 596—598), взятие Киева дружиной Рюрика Ростиславича в союзе с Ольговичами и половцами (ил. 599—600), небесное знамение (ил. 601), мирные переговоры жителей Полоцка с князьями (ил. 602), поход Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо) на Рязань (ил. 603), пожар во Владимире (ил. 604), битва дружин Мстислава Романовича и Василька Володаревича (ил. 605), принесение во Владимир доски от гроба Дмитрия Солунского (ил. 606), поход Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо) на половцев (ил. 607—608), отъезд Святослава Всеволодовича на новгородское княжение (ил. 609), отпевание и погребение Владимира Святославича Черниговского (ил. 610) и три миниатюры, связанные с судьбой Рюрика Ростиславича — до пострижения его в монахи Романом Мстиславичем (дата события — 1203 г.). Эта миниатюра является последней в летописи.

Из этого количества пять миниатюр связаны с Рюриком Ростиславичем (ум. 1212, сняв с себя сан в 1205 г.) и одна (ил. 602) с Давыдом Ростиславичем (1140—1197) — («Ты, буи Рюриче, и Давыде»), еще пять — с Романом Мстиславичем (1150—1205) (ил. 596—598 и 612—613) («А ты буи Романе и Мстиславе»), четыре миниатюры — с именем Всеволода Большое Гнездо (1154—1212) (ил. 591, 603, 607—608) («Великий княже Всеволоде»). Походы на половцев и болгар, изображенные на миниатюрах РЛ, оказываются исключительно победоносными. Освещаемые позитивные события омрачаются только захватом Киева Рюриком Ростиславичем.

Заметим, что в РЛ под 1202 г. есть сообщение о смерти Игоря Святославича на черниговском престоле в 1201 г. Однако в иллюстративном ряду это событие оставлено без внимания. Можно думать, что в миниатюрах, отражающих события второй и последней трети XII в.,

изображались только те панихиды и погребения, на которых иллюстратор присутствовал лично, что мы видим, например, на панихиде по Андрею Боголюбскому и проводах его тела во Владимир.

Наблюдения над составом миниатюр РЛ после событий, отраженных в «Слове о полку Игореве», дают результат, резко расходящийся с характером летописных статей той же РЛ за интересующие нас годы. Тематика, связанная со строительством новых храмов, — вот, казалось бы, что должно интересовать архитектора на покое, — представленная в целом ряде статей Лаврентьевской летописи и РЛ в 1190—1200-х гг., не имеет соответствий в изобразительном ряду.

Литературное новаторство Кузьмища хорошо заметно в «Слове...». Кажется, ни один из его предшественников и современников, во-первых, не обращался так свободно с художественным временем, действительно «свивая славы обаполы сего времени», если мы это, конечно, правильно понимаем, — соединяя древние и новые повествования, и, во-вторых, удачно приспособив форму византийского романа к отечественным сюжетам — как современным ему, так и историческим. За «Словом...» в его тетради следует, как известно, перевод «Девгениева деяния», разделенный на три части, и, вероятно, «Девгениево деяние» на момент работы над «Словом...» было им уже прочитано.

Гораздо менее известно живописное новаторство Кузьмища-иллюстратора Радзивилловской летописи в контексте истории русского изобразительного искусства в целом. Мы приучены судить об изобразительном искусстве Киевской Руси по иконописи и по фресковой живописи. Миниатюры Радзивилловской летописи — подчеркиваем, авторские, индивидуально авторские миниатюры — показывают нам диаметрально противоположную картину.

На трех миниатюрах РЛ (ил. 41, 57, 111) мы видим изображения Перуна — славянский бог представляется в виде античного героя, что уже пытаются использовать как источник специалисты по славянскому язычеству (см.: [Лушников 2011]). На ил. 81 в сцене попытки захватить гонца мы встречаем едва ли не первый опыт изображения обнаженного тела в отечественной миниатюре. На ил. 564, изображающей русский полон, мы видим уже и женскую обнаженную натуру. Похоже, Кузьмище был для своего времени новатором и в литературе, и в живописи в жанре книжной миниатюры.

Попытаемся проследить, что же все-таки наиболее надежно связывает текст «Повести об убийении...» с миниатюрами РЛ, а затем указать на наиболее правдоподобные аналогии между миниатюрами РЛ и текстом «Слова...» — то, на чем строится предлагаемая нами реконструкция комплекса, составляющего художественное наследие Кузьмища Киянина.

Наиболее надежная параллель «Повести об убиении...», причем в Краткой редакции, с миниатюрами РЛ — это не израненная левая рука князя, как казалось многим еще недавно. Это место убийства князя вне его «ложницы» на ил. 543.

Далее, это миниатюра 541, содержание которой соответствует по изображенному оружию заговорщиков тексту Краткой редакции (на ней нет копий), хотя мы и интерпретируем ее как предвидение Андреем своей гибели.

Наконец, это две миниатюры, важные для нас, — панихида по убиенному князю (ил. 544) и проводы гроба с его телом во Владимир (ил. 546), где изображен один и тот же человек с книгой, вероятнее всего, сам Кузьмище.

К этим автопортретам добавляется изображение архитектора, дающего указания строителям, на строительстве Успенского собора во Владимире (ил. 516) — единственная фигура архитектора в ряду миниатюр РЛ со строительными сюжетами. Последние три из рассмотренных миниатюр, как мы полагаем, свидетельствуют о единстве автора иллюстраций, показывающих события, связанные с гибелью Андрея Боголюбского, и автора словесного текста — прежде всего Краткой редакции «Повести об убиении...». Уместен вопрос: почему ни одна миниатюра РЛ не соответствует фрагментам текста Пространной редакции «Повести об убиении...»? Ответ, согласно которому иллюстрации относятся только к Краткой редакции, вошедшей в РЛ, будет неполным — этот иллюстратор явно знал больше об изображаемых им событиях, чем составитель Пространной редакции «Повести об убиении...», и такие знания проявлялись в других случаях.

Что именно роднит сюжеты и детали миниатюр РЛ со «Словом...»?

1. Восемь (!) рисунков непосредственно на сюжет «Слова...».

2. 22 миниатюры, демонстрирующие исторические экскурсы в «Слове...» и точно соответствующие историческому кругозору автора «Слова...» по «Повести временных лет», что отметил Д. С. Лихачев (см. выше).

3. Ил. 587 с фигурой стремennого (*Вступита, Господина, въ злата стремени...*), отвечающая тексту «Слова...», но не связанная с летописным повествованием.

4. Выражение симпатий или иной род внимания к Переяславлю, событиям вокруг него и к князю Владимиру Глебовичу, племяннику Андрея Боголюбского.

5. Особое внимание иллюстратора РЛ к князьям-героям «Слова...», прославившим себя успешными походами на половцев в следующие два десятилетия после 1185 г. — Рюриком и Давыдом Ростиславичами, Романом Мстиславичем, Всеволодом Большое Гнездо.

6. Традиционное для исторических повествований нежелание упоминать какие-то этносы — в данном случае ни в «Слове...», ни в Краткой редакции «Повести об убиении...» не называются волжские болгары, и по прецеденту «Повести об убиении...» в «Слове...», возможно, отсутствуют и «ясы».

Заметим — в рамках выстраиваемой концепции автор «Слова...» по возрасту старше тех, к кому он обращается, и занимает достаточно высокое положение в обществе, хотя и не принадлежит к княжеским семействам.

Разумеется, автор воссоздаваемой биографии Кузьмища Киянина — зодчего, золотых дел мастера, иллюстратора летописного свода, писателя, переводчика, пользующегося образами переводимых произведений в своих сочинениях, — лучше других понимает всю гипотетичность предлагаемых построений. И тем не менее тонкие пунктирные связи между событиями последней трети XII в. и характером их изображений в литературных текстах и в миниатюрах могут свидетельствовать если не о самом значимом, то о наиболее интригующем — о единстве автора «Повести об убиении Андрея Боголюбского», миниатюр Радзивилловской летописи и текста «Слова о полку Игореве». Мы здесь не обсуждаем вопрос о единстве автора всех текстов мусин-пушкинской тетради и «Повести об убиении...» — этому достаточное место уделено в других статьях данного раздела книги.

Беловолод Просович: опыт изучения языковой практики кандидатов в авторы «Слова о Полку Игореве»

Среди возможных претендентов на авторство «Слова о полку Игореве» имя Беловолода Просовича, фигура которого даже не идентифицирована в социальном плане, называется крайне редко. Л. А. Дмитриев сообщает: «Беловод (Беловолод) Просович. В Ипат. лет. сообщается, что весть вел. князю киевскому Святославу Всеволодовичу о поражении Игоря Святославича принес Б.<еловолод> П.<росович>: *«Святослав же идяше в лодях, и яко приде к Чернигову, и во ть год прибеже Беловолод Просовичь и повед Святославу бывшее о половцех»* (с. 545). Сходное известие содержится в Густынской летописи: *«В то же время Святослав Киевски хоте поити на половцов, и се прибеже к нему тоя брани Беловод Просович, поведая ему погибель христиан в земле Половецкой»* [Франчук 1988: 112]. В. Н. Татищев в первой редакции своей «Истории» говорит, что Б. П. пришел *«с полку и повед Святославу бывшее в полцех»* [Татищев 1964, т. 4: 304], а во

второй редакции, что «прибежав Беловод, возвестил ему несчастье Игореву и всех полков русских» [Татищев, т. 3: 136]. Этим ограничиваются все сведения о Б. П. В то же время в 1968 в ФРГ (?) была выпущена ротاپринтом брошюра: «Бѣловолодъ (так. — Л. Д.) Просовичъ. Слово о полку Игоревѣ. Новгородъ Сѣвѣрскій. Лѣто 6693», содержащая неподписанную статью на украинском языке, в которой Б. П. назван автором «Слова...» (именно ему будто бы поведал Святослав Всеволодович свой сон) [ЭнциСПИг, т. 1: 99—100] (курсив наш. — А. Б.).

Предположим, что атрибуция, указанная в вышеприведенной статье Л. А. Дмитриева, основана на том же, на чем базируются все ранние попытки связать автора «Слова...» с участниками событий, упомянутыми в «Слове...» или в соответствующих статьях летописей³³. В наши дни такие попытки имеют лишь исторический интерес. Мы, однако, попробуем выяснить, что же все-таки нам может быть известно о Беловолоде Просовиче.

Начнем с сообщений источников, Во всех четырех цитатах, приводимых Л. А. Дмитриевым и передающих рассказ Беловолода Просовича, употреблена одна и та же конструкция, являющаяся аналогом изъяснительного придаточного предложения: при глаголах речи стоит причастие или имя существительное в винительном падеже. Такие конструкции встречаются в переводах с греческого языка, их довольно много в тексте «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, они есть в переводе «Девгениева деяния». Для более позднего времени — начиная со второй половины или последней четверти XII в. — подобные конструкции с глаголами речи или с глаголами восприятия и знания встречаются в текстах, содержание которых связано с половцами, а позднее — с татарами, что и побуждает нас считать такие синтаксические построения тюркскими кальками, которые встречались в переводческой практике и из речи толмачей-переводчиков проникали в письменные, прежде всего деловые и хроникальные тексты, а позднее получали и более широкое распространение.

Здесь обращают на себя внимание контрасты между повестями о походе Игоря на половцев по Ипатьевской летописи и по Лавренть-

³³ Н. А. Мещерский в ответах на вопросы участников своего семинара по «Слову о полку Игореве» в 1977 г. также называл имя Беловолода Просовича как возможного автора «Слова...», приводя следующие аргументы: автор — возможно, не христианин (нехристианское имя), но человек, занимающий видное положение (всюду именуется с отчеством), имеющий широкую известность (не называется ни статус, ни профессия). Однако Н. А. Мещерский не опубликовал своего мнения ни в специальных статьях, ни в комментариях к «Слову...» в издании 1985 г.

евской летописи. В Ипатьевской летописи Беловолод Просович назван по имени. В Лаврентьевской летописи в статье 1186 г., куда помещена повесть о походе Игоря Святославича, мы читаем следующее:

<После первой битвы> А остатокъ бѣныхъ тѣхъ [половцев] бѣжаша дружинѣ своей, гдѣ бяху переже вѣсть послали, и *сказаша имъ свою погыбель*.

<После поражения Игоря>: И поиде путемъ гость, они же казаша, рекуще: «Поидѣте по свою братью, али мы идемъ по свою братью к вамъ». *Княземъ же всѣмъ слышавше такую погыбель о братьѣ своей* и до бояръ, возпиша вси, и бысть плачь и стенанье: овѣмъ бо братья избита и изымана, а другимъ отци и ближикы. А князь Святославъ посла по сыны своѣ и по всѣмъ князи. И собращася к нему г. Киеву и выступиша г. Каневу. Половцы же, *услышавше всю землю Русскую идуще*, бѣжаша за Донъ. Святославъ же, *слышавъ ихъ бѣжавшихъ*, възвратися г. Киеву со всею князьею, и разидошася в страны своя.

Половцы же, *услышавше ихъ отшедшихъ*, гнаша отай к Переяславлю, и взяша всѣ города по Сулѣ, и у Переяславля бишася весь день. Володимеръ же Глѣбовичъ, *видѣ острогъ взимаемъ*, выѣха из города к ним в малѣ дружинѣ, и потче к ним, и бишася с ними крѣпко, и обиступиша князя злѣ. И видѣвше *горожане изнемогающа своихъ* и выринушася из города и бишася, одва изотяша князя, боденаго тремя копьи [Лавр. лет.: 274, 275].

В этих фрагментах мы встречаем семь таких конструкций, из них одно употребление приходится на фразу, ставшую в летописях штампом: «*И тамо сказаша свою погыбель*», — понятно, что разбитые половцы или татары рассказывают о своем поражении по-тюркски. Примечательна тут и бивербальная конструкция с глаголами речи (*казаша рекуще*), характерная для языков алтайского типа.

В повести о походе Игоря на половцев по Ипатьевской летописи под 1185 г. таких конструкций заметно меньше, хотя текст этой повести намного больше по объему, чем в Лаврентьевской летописи: Держим же Игорьъ *видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася* ... [Ипат. лет. 1843: стб. 131]; Святославъ же идяше в лодяхъ, и яко приде к Чернигову, и во тѣ годѣ *прибѣже Бѣловолодъ Просовичъ, и повѣда Святославу бывшее о половцѣхъ*. [Ипат. лет. 1843: стб. 132] И се нынѣ *вижду отлѣстѣе* от Господа Бога моего Тогда прочии, *видивше князя своего крѣпко быющася*, выринушася из города и тако отяша князя своего [Ипат. лет. 1843: стб. 132], *а князя творяхуть сляща* [Ипат. лет. 1843: стб. 134]. При этом в повести по Ипатьевской летописи налицо конкуренция таких конструкций с союзными придаточными: *Яко возвратися Святославъ и бысть у Новгорода Сѣверского, и слыша о братьи своей, оже или суть на половцѣхъ, утаившася его, и не любо бысть ему* [Ипат. лет. 1843: стб. 132]. Конюший

повѣда князю своему Игореву, яко ждетъ его Лаворъ [Ипат. лет. 1843: стб. 133].

Получается, что безымянный «гость» Лаврентьевской летописи и Беловолод Просович Ипатьевской летописи — одно и то же лицо. Если это «гость», т. е. купец, негоциант, как сообщает Лаврентьевская летопись, то, поскольку он не имел отношения к военным действиям, половцы могли беспрепятственно пропустить его через свою территорию. Похоже, что он знал половецкий язык, — возможно, это был обрусевший тюрк, занимавшийся торговлей.

По всем источникам рассказы Беловолода Просовича о поражении и пленении Игоря имеют хотя бы единичные проявления влияния тюркского языка. В Лаврентьевской летописи их довольно много, возможно, составитель повести о походе 1185 г. по этой летописи слышал или записывал рассказы Беловолода Просовича как очевидца событий. В Ипатьевской летописи предположительных тюркских калек меньше, ее текст, видимо, дальше отстоит от устного первоисточника. Из рассмотренных семи примеров таких конструкций в Лаврентьевской летописи пять (за исключением двух последних) передают речь половцев (пример 1), то, что князья слышали от половцев в передаче Беловолода Просовича (пример 2), то, что половцы узнали от своих разведчиков (примеры 3 и 5), и то, что Святослав слышал от «языков» или своих разведчиков-толмачей или билингвов. В Ипатьевской летописи из четырех примеров один — компрессия рассказа Беловолода Просовича (пример 2), второй — то, что половцы думали о князе накануне побега.

В XIII в. наиболее ранние примеры таких конструкций встречаются в цикле повестей о Николе Зараском, причем как в открывающей этот цикл повести об обретении чудотворного образа Св. Николая, так и в «Повести о разорении Рязани Батыем». Примеры: *Великий чудотворец Николае явися благоверному князю Федору Юрьевичю Резанскому и поведает ему прихоть чудотворнаго образа корсунскаго...* [Лихачев 1949: 285]; *И вскоре посла вестъ ко отцу своему великому князю Юрию Ингоровичу Резанскому и веля ему поведати приход чудотворнаго образа Николина из Корсуна града; Великий князь Георгий Ингорович услыша приход чудотворнаго Николина образа...* [Там же: 286]; *И услыша благоверная княгине Еупраксеа царевна убиение господина своего блаженнаго князя Федора Юрьевича...* [Там же: 287].

Примеры из «Повести о разорении Рязани Батыем»: *И услыша великий князь Юрьи Ингорович Резанский приход безбожнаго царя Батыа* [Воинские повести 1988: 96]; *И услыша великий князь Юрьи Ингорович убиение возлюбленнаго сына своего блаженнаго князя Федора.* [Там же: 97]; *Видя князь великий убиение брата своего князя*

Давида Ингоревича и воскричаша [Воинские повести 1988: 98]; *Безбожный царь Батый и видя велие пролитие крови христианския и возярися зело* [Там же: 99]; *И нѣкий от велмож резанских имянем Еупатий Коловрат... и услыша приход зловѣрнаго царя Батыа* [Там же: 100]; *Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грѣх ради наших* [Там же: 101]. Исходя из этих примеров, демонстрирующих большую устойчивость и представленных почти во всех списках и редакциях этих повестей, можно с уверенностью говорить о том, что такие конструкции принадлежали оригиналам этих повестей, а их автор, очевидно, владел татарским языком.

Аналогичные примеры встречаются и в других текстах, причем тех из них, которые так или иначе связаны с татарами. Показательно, что построения, похожие на «двойной винительный» в это время уже не встречаются в ряду похожих примеров. Рассмотрим образцы таких конструкций из других памятников:

«Повесть о побоище на реке Пьяне»: *И бысть рать велика зѣло, и поидоша за рѣку за Пиану, и прииде к ним вѣсть, повѣда имъ царевича Арапию на Волчьи Водѣ* [Воинские повести 1988: 150]. В данном примере, как и в некоторых других, отсутствует ожидаемое отглагольное существительное от бытийного глагола.

«Повесть о битве на реке Воже»: *Видевъ же Мамай изнеможение дружины своя, прибѣгшее к нему, а иныя избиты князи и велможи и алпауты и многыя воя своя изгибша* [Там же: 156].

«Повесть о Шевкале»: *Он же [тверской князь] видя озлобление людей своихъ и не могы их оборонити, трѣпети им веляше* [Библиотека литературы 1999, т. 6: 92]; *Тии [татары] похваташе лучшии жеребцы и скоро бѣжаша на Москву и оттолѣ въ Орду и тамо возвѣстиса кончину Шевкалову* [Там же: 94].

«Пространная летописная повесть о Куликовской битве»: *Мамай же, слышавъ приход княжъ къ Дону и сеченыя свои видѣвъ, и възъярився зраком и смутися умомъ и распалися лютою яростию, аки аспида нѣкаа, гневом дышуще* [Воинские повести 1988: 183]; *И туто [Тохтамыш] послы своа отпусти къ князю Дмитрию и къ всѣм княземъ руским, повѣдаа имъ свой приход, и како въцарися, како супротивника своего и их врага Мамайа победи, а самъ, шед, съдѣ на царствии Волжескомъ* [Там же: 190]. В данном примере можно проследить конкуренцию рассматриваемого оборота с союзным придаточным предложением в составе сложных синтаксических построений.

Любопытные образцы интересующих нас конструкций дает «Сказание о Мамаевом побоище». Рассмотрим контекст: *Великому же князю бывшу на мѣстѣ, нарицаемом Березуе, яко за двадесать и три поприща до Дону, приспѣ же въ 5 день месяца септевриа, на память святого пророка Захарии, в той же день убиение сродника его князя*

Глѣба Владимировича, приѣхаша два от стражъ его, Петръ Горьскый да Картъ Олексинъ и приведоша языкъ нарочитъ от сановитыхъ царева двора. Тѣй языкъ повѣдаетъ: **«Уже царь на Кузминъ гати стоитъ, нѣ не спешитъ, ожыдаетъ Олгорда Литовскаго и Олга Резаньскаго, а твоего царь събраниа не вѣсть, ни стрѣтениа твоего не чаеть, по предписаннымъ ему книгамъ Олговымъ, и по трехъ днехъ имать быти на Дону»** [Воинские повести 1988: 221]. В этом фрагменте мы находим данные конструкции в переводе речи пленного татарина — «языка», который, очевидно, был записан с протокольной точностью, дополнительным свидетельством чего являются и фразы с глаголом в конечной позиции, что также характерно для тюркского синтаксиса. Правда, в «Сказании о Мамаевом побоище» есть и конструкции с чужой речью иного типа, ср.: Семень же Меликъ (носитель двух имен — христианского и мусульманского. Тело его было найдено среди погибших в битве. — А. Б.) **повѣдаа великому князю, яко: «Уже Мамай царь на Гусинъ бродъ прииде, и едину ночь имѣемъ межу собою, на утрѣ бо имать прийти на Непрядву. Тебѣ же, государю великому князю, подобаетъ днесь испльчитися, да не предварять погании»** [Там же: 221]. Здесь глагол также стоит в конце, но прямая речь имеет союзное оформление. Ср. также: **И ти же сторожы замедлиша в поле, князь же великий вторую сторожу посла: Климента Полянина, Ивана Святослава Свесланина, Григория Судокова и иныхъ с ними, — заповеда имъ въскоре възвратитися. Они же стретоша Василия Туника: ведеть языкъ к великому князю, языкъ же царева двора, сановитыхъ мужъ. А поведаетъ великому князю, что неуклонно Мамай грядетъ на Русь и како обослалися и съвокупилися с нимъ Олѣгъ Резанскый и Олгордъ Литовьскый. Не спешитъ бо царь того ради итти — осени ожыдаетъ... Слышавъ же князь великий от языка такоу изложеную мысль и такоу вѣстание безбожнаго царя, нача утѣшатися о бозе и укрепляше брата своего князя Владимира и вси князи русские и рече: «Братие князи русские, гнездо есмя князя Владимира Святославича Киевьскаго, ему же открь господь познати православную веру»** [Там же: 210].

Нередки такие обороты и в других местах «Сказания о Мамаевом побоище»: **Прочетъ же князь Дмитрей Ольгордовичъ писание брата своего старийшаго, нача радоватися и плаката от радости... И нынѣ рци брату моему: слышахъ убо, яко приидоша ко мне медокормци ис Северы, а кажутъ уже великого князя Дмитрия на Дону, ту бо ждати хочеть злыхъ сыродяцевъ** [Там же: 219]; **Безбожнѣй же царь Мамай, выѣхавъ на высоко мѣсто с тремя князми, зряи челоуечьскаго кровопролитиа** [Там же: 228]; **Погании же половци увидѣша свою погыбель, кликнуша еллинскимъ гласомъ, глаголюще: «Увы намъ, Русь пакы умудрися: униши с нами брашася, а доблиши вси съблюдошася»**

[Воинские повести 1988: 230]; *Безбожный же царь Мамай, видѣвъ свою погыбель, нача призывать боги своа: Перуна и Салавата, Ираклия и Гурса, и великого своего пособника Махмета. И не бысть ему помощи от них, сила бо святого духа, аки огонь, пожигаетъ их* [Воинские повести 1988: 230].

Те же самые конструкции встречаются и в памятниках конца XIV—XV в. Примеры:

«Повесть о нашествии Тохтамыша»: *Бысть нѣкое проявление по многы нощи: являшеся таково знамение на небеси на вѣстоцѣхъ пред раннюю зарю — звезда нѣкаа, аки хвостата и аки копейнымъ образомъ, овогда в вечерней зари, овогда же въ утреней; то же многажды бываше. Се же знамение проявляше злое пришествие Тахтamyшево на Рускую землю и горкое поганых татаръ нахождение на Христианы, яко же и бысть гнѣвомъ божиимъ за умножение грехов наших* [Там же: 270].

«Повесть о стоянии на Угре»: *Егда же ста река, тогда князь великий повелѣ сыну своему, великому князю, и брату своему князю Андрею, и вѣмъ воеводам со всеми силами перейти к себѣ на Кременецъ, боящися татарскаго прихождения, яко да совокупляшася брань и сотворятъ с противными* [Там же: 291]; *О храбри мужествеи сынове рустии! Подищите свое отечество, Рускую землю, от поганых сохранити, не пощадите своих глав, да не узрят очи ваши разпленения и разграбления домов ваших, и убьяния чад ваших, и поругания над женами и дѣтми вашими, яко же пострадаша инии велиции славнии земли от турков* [Там же: 293].

«Повесть о Темир Аксаке»: *Слышавъ же благовѣрный великий князь Василей Дмитриевичъ отшествие океаннаго и зловѣрнаго царя Темир Аксак... [ПЛДР 1981: 240]; Слышавше великий князь Василий Дмитриевичъ помышление одного беззаконного Аксак Темира цесаря, како помышляше на православную веру... [ПЛДР 1981: 234].* В последнем примере также видна конкуренция оформления содержания той части высказывания, которая оформляется оборотом с отглагольным существительным или придаточным предложением.

Судьба подобных оборотов выразительно прослеживается в «Повести о Дракуле», написанной в последней четверти XV в. Ранние списки и редакции этой повести содержат несколько употреблений таких оборотов. Примеры: Кирилловская редакция. Древнейший вид: *Купец же иде к Дракуле, поведѣ ему изгубление злата* [Повесть о Дракуле 1964: 119]; Забелинский вид: *Купец же иде ко Дракуле и поведѣ ему изгубление злата* [Там же: 131]; Румянцевская редакция. Древнейший вид: *Купецъ же иде ко Дракуле и поведѣ ему погубление злата* [Там же: 143]. Однако в других редакциях данная конструкция заменяется, хотя в них тот же оборот представлен другими примерами.

Ср.: Библиотечный вид: *Купец же прииде ко Дракуле, поведа ему о погублении злата* [Повесть о Дракуле 1964: 148]; Уваровский вид: *Купец же иде ко Дракуле, поведа ему о погублении своего злата* [Там же: 169]; Хохловский вид: *Купец же вста, иде ко царю Дракулу и поведа ему о погибшем своем злате* [Там же: 176]; Распространенный вид: *Той же купец прииде к Дракулы, поведа ему о погублении своего злата* [Там же: 155]; *Дракула ж, видеv пленение от турскаго войска себе многа, собрал мутьянское свое войско все...* [Там же: 158]; *И видевше бежание турского войска полков, мутьянское ж все войско шедше ж турок множество посекоша* [Там же]. Очевидно, что по крайней мере один или два таких оборота были в оригинале «Повести о Дракуле», однако разные списки и редакции позволяют видеть, как оборот с отглагольным существительным в винительном падеже заменяется предложным сочетанием, причем лексическое варьирование текста никак не отражается на его синтаксисе. Для судьбы подобных конструкций показательно, что в тексте «Казанской истории» («История о Казанском царстве») нет ни одного случая использования таких конструкций, хотя автор пишет о себе *«Грѣх же моихъ ради случи ми ся пленену быти варвары и сведену в Казань. И дань бысть в дарѣхъ царю казанскому Сат-Серею. И взять мя к себѣ царь с любовию служити во дворъ свой, и сотвори мя предъ лицомъ своимъ стояти. И удержану ми бывшу тамо у него двадесать лѣтъ в пленении»* [Казанский летописец 1903: 8] — странно, что автор либо так и не овладел татарским языком, либо почему-то скрывает знание его.

История подобных оборотов при глаголах речи и восприятия в русском языке в его исторической перспективе освещена недостаточно, а конструкции типа *Они услышали бляение барашка* в специальных работах рассматриваются исключительно на фоне русской синтаксической парадигматики. Думается, приведенного материала достаточно для того, чтобы продемонстрировать появление синтаксических оборотов с отглагольным существительным вместо придаточного предложения примерно в середине XIII в. и постепенное устранение их из употребления в конце XV в. Бытование этих оборотов в древнерусском языке приходится на время интенсификации контактов с кочевниками — половцами и на время монголо-татарского нашествия. Большинство контекстов, в которых встречаются такие обороты, либо связаны с татарами по содержанию, т. е. имеют «татарскую тему», либо, что еще более значимо, передают татарскую речь. Вполне вероятно, что авторы повестей, перечисленных выше, в определенной мере владели татарским языком и могли с большой точностью передавать речь «языков» или же, по крайней мере, использовать иноязычные обороты в качестве стилистического средства передачи чужой речи.

Таким образом, при отсутствии новых документальных свидетельств о Беловолоде Просовиче (даже имя Беловолод и отчество Просович или соответствующее ему личное имя в других источниках не встречаются) и располагая даже не материальными языковыми фактами, а только способами, при помощи которых его рассказ включался в текст летописного повествования, мы смогли выяснить некоторые характеристики его языковой личности. Однако для подтверждения наших предположений мы должны были иметь перед собой достаточно полную картину языковой ситуации и представления о русско-тюркском двуязычии со второй половины XII в., по крайней мере, до середины XVI в., без которой фразы, передающие рассказы Беловолода Просовича, оставались бы непонятными. Что же касается обсуждаемого авторства «Слова...» — тут в отношении Беловолода Просовича нами дается обоснованно отрицательный ответ.

Г. Ю. Филипповский называет автором «Слова...» великого князя Владимирского Константина Всеволодовича (*Филипповский Г. Ю. Современные проблемы изучения «Слова о полку Игореве»* // Верхневолжский филологический вестник . 2015. № 2. С. 163).

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»: PRO ET CONTRA

Академик С. П. Обнорский — комментатор и издатель текста «Слова о полку Игоре»

Сергей Петрович Обнорский (1888—1962) занимает видное место среди исследователей «Слова о полку Игоре». Его работы вошли в золотой фонд отечественных филологических трудов, посвященных этому памятнику древнерусской литературы конца XII в. Вклад С. П. Обнорского в изучение языка «Слова о полку Игоре» получил заслуженную высокую оценку в двух энциклопедических изданиях, отражающих персоналии ученых — исследователей и издателей «Слова о полку Игоре» [Савельева 1995а: 335—338; Булахов 1989: 164]. Среди работ С. П. Обнорского, посвященных «Слову...», наиболее известными являются его статья «„Слово о полку Игоре“ как памятник русского литературного языка» и глава из знаменитой книги «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода», впоследствии включенная в сборник избранных трудов ученого [Обнорский 1939; 1946; 1960, 2010]. Однако в библиографических заметках не нашло отражения то, что материал «Слова о полку Игоре» рассматривался С. П. Обнорским еще в конце 1920-х гг. в его не менее знаменитой монографии «Именное склонение в современном русском языке», первый выпуск которой вышел в свет в 1927 г. Наконец, и это довольно странно, почти никто из исследователей «Слова...» не обращает внимания на то, что С. П. Обнорский не только изучал язык «Слова...», но и подготовил к печати текст этого памятника, снабженный краткими историко-лингвистическими, археографическими, филологическими и историческими комментариями. Этот текст, который был опубликован в «Хрестоматии по истории русского языка», составленной С. П. Обнорским совместно с С. П. Бархударовым [Обнорский, Бархударов 1952; 1999], должен быть знаком каждому филологу-русисту, тем не менее он так и не вошел в научный обо-

рот и не занял подходящего ему места среди изданий «Слова...», подготовленных исследователями этого произведения.

Полный текст «Слова о полку Игореве» появился только во втором издании «Хрестоматии» С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова. В первом издании одноименной «Хрестоматии» текст «Слова...» представлен в виде двух небольших отрывков: там помещено начало «Слова...» (до слов «...а князю славы») и плач Ярославны [Обнорский, Бархударов 1938: 155—158]. Эти фрагменты «Слова...», снабженные примечаниями, к которым отсылают цифровые индексы в тексте (все-го в этом издании 49 примечаний к названным выше отрывкам «Слова...»), представляют нам опыт комментированного издания памятника, подготовленного С. П. Обнорским. Во втором издании «Хрестоматии», где помещен полный текст «Слова...», использован иной способ размещения комментариев — сам текст памятника разбит на блоки примерно по 30 строк, а приведенные вслед за текстом примечания имеют отсылки к пронумерованным строкам текста. Ссылка на известный труд С. П. Обнорского «Очерки по истории русского литературного языка», присутствующая во втором издании «Хрестоматии» [Обнорский, Бархударов 1952: 209—210], служит свидетельством того, что в коллективном труде двух авторов, каким является «Хрестоматия», подготовка текста и комментарии к «Слову...» принадлежат С. П. Обнорскому.

Как известно, С. П. Обнорский весьма строго придерживался охранительного подхода к тому тексту «Слова...», который приведен в мусин-пушкинском издании 1800 г. В его лингвистических трудах мы не находим авторских конъектур или оригинальных чтений «темных мест» памятника, а цитаты из «Слова...» почти всегда приводятся им по тексту издания 1800 г. Этот же принцип реализован в издаваемом им тексте «Слова...», который с большой точностью воспроизводит мусин-пушкинское издание. Этот подход нам представляется абсолютно оправданным применительно к изданию текста «Слова...» в составе хрестоматии, где текст первого издания «Слова...» выполняет роль единственного рукописного списка памятника и должен изучаться так же, как должен был бы изучаться текст мусин-пушкинской рукописи, если бы эта рукопись дошла до нас. Отметим, что, несмотря на разные мнения по поводу достоверности орфографии первого издания «Слова...», Л. П. Жуковская в своей работе, посвященной сравнению орфографии издания «Слова...» 1800 г. с орфографией дошедших до нас рукописей, отметила, что орфография мусин-пушкинского издания «Слова...» соответствует орфографии одной из новгородских рукописей, а именно — орфографии Хутынского Пролога 1479 г. По мнению исследовательницы, это означает, что издатели «Слова...»

воспроизвели орфографию имеющегося у них рукописного списка с чрезвычайной точностью и ни в коей мере ее не искажали и не модифицировали [Жуковская 1985].

Современные исследователи текста «Слова...» обычно не стремятся вносить в издаваемый ими текст графические реконструкции отдельных фрагментов памятника, в частности, возможные написания с выносными буквами или реконструируемые написания под титлами. С. П. Обнорский в подготовленном им тексте «Слова...» также не дает подобных написаний, однако же показывает написания с выносными буквами в примечаниях к тексту.

Примечания к тексту «Слова...», которыми С. П. Обнорский снабдил издаваемый им текст, лаконичны по форме и довольно разнообразны по содержанию. Их в рассматриваемом издании текста «Слова...» насчитывается более двухсот. Наше внимание привлекают прежде всего те примечания, которые относятся к критике текста «Слова...» или к лингвистическому пониманию отдельных форм памятника.

В основном эти примечания содержат предполагаемую комментатором форму, которая приводится рядом с встречающейся в тексте с какими-либо ремарками, указывающими на замену: *мыслию* вместо *мысию*, *речь* вместо *рече*, *славы* — описка вместо *славю*, *Гзакъ* вместо *Гза*, *къ мети* — т. е. *къмети*, *стугою* — т. е. *съ тугою* и т. п. В случае допущенных первыми издателями очевидных ошибок в словоделении С. П. Обнорский приводит общепринятый вариант чтения с пометой «надо читать»: *по морію* — «надо читать Поморію» и т. п. При освещении «темных мест» С. П. Обнорский приводит более или менее общепринятое чтение таких пассажей, снабжая такое чтение пометой «читают»: *подобію* — «читают по дубію», *убуди* — «читают убуди^с»; *въступиъ* — «читают въступила», *не сошлю* — «читают несоша^с».

В других случаях, очевидно, требующих большей степени определенности в интерпретации, С. П. Обнорский при комментируемой форме мусин-пушкинского текста ставит помету «надо читать» и приводит рекомендуемое им чтение данного места «Слова...». Приведем некоторые примеры: *небылонъ* — «надо читать не было оно», *не шеломянемъ* — «надо читать за шеломянемъ», *сице и* — «надо читать сицей», *убуди* — «надо читать убудиста», *самаю опустоша* — «надо читать самую опуташа», *времены* — «надо читать бремены», *вась* — «надо читать ваю» (вась умъ на дѣло), *не бысь* — «надо читать не бы^с», т. е. не бысть, *понизить*, *вонзить* — «надо читать понизите, вонзите», *о кони* — «надо читать окони» (т. е. оконися, ся обслуживает и подперъ, и окони), *друзѣ* — «надо читать дръзѣ», *стрешаше* — «надо читать стерегшу», *по лозію* — «надо читать полозію», (веселыми) *песьми* — «надо читать пе^сми» и т. п.

Особый интерес представляет интерпретация «темных мест» комментируемого памятника, в поисках которой можно обратиться к комментариям С. П. Обнорского. Так, сочетание слов *дебрьски сани* имеет помету «т. е. лесные змеи (?)», отражающую понимание этого места, современное изданию «Хрестоматии» и ныне оставленное. Некоторые фрагменты «Слова...» в примечаниях С. П. Обнорского остаются без интерпретации и снабжаются соответствующей пометой, ср.: *и схотию на кровать* — «темное место в памятнике», *воззни стрикусы* — «темное место в памятнике», *нъ рози нося* — «темное место в памятнике», *Рекъ Боянь и ходы на* — «темное место в памятнике», *Ярославля, Ольгова коганя хоти* — «темное место в памятнике». Таких случаев относительно немного.

В словарь, приложенный к «Хрестоматии...» [Обнорский, Бархударов 1952: 354—397], вошло около 70 слов, встречающихся в тексте «Слова о полку Игореве». Надо сказать, что толкования лексических единиц «Слова...», приведенные в этом словаре, отражают тот уровень понимания текста и значений отдельных слов, который был достигнут в 1950-е гг. В нем мы находим объяснения слов *бебрыный* ‘бобровый’ (с. 355), *зегзица* ‘кукушка’ (с. 365), *сань* ‘змея’ (со знаком ‘?’) (с. 386), которые ныне либо оставлены, либо являются спорными и имеют альтернативы в интерпретации. Остаются неясными источники толкований таких слов, как *буестъ* ‘тщеславие’ (с. 356), *напорзи* ‘наплечник’ (с. 377), *шереширь* ‘копье’ (с. 396), поскольку не все эти толкования могут быть приняты. Из тех объяснений слов, которые привлекают наше внимание, можно указать на слова *боронь* ‘сражение, борьба’ (с. 355), *дружина* ‘община’ (с. 362), *къметь* ‘витязь’ (с. 369), *мышь* ‘мышь’ (с. 371), определение слова *пардусъ* как ‘барс, пантера’ (с. 377) вопреки привычному пониманию его как ‘гепард’. Стоит обратить внимание, что в качестве исходной формы слова *сморци* в этом словаре приведена форма *сморкъ* с толкованием ‘смерч, туча’ (с. 388).

Хотя подготовленный и прокомментированный С. П. Обнорским текст «Слова о полку Игореве» опубликован только в учебной хрестоматии, которая, кстати, используется в практике преподавания истории русского языка более 60 лет, этот текст и в особенности примечания к нему должны учитываться при обсуждении неясных мест «Слова...», а имя С. П. Обнорского обязательно должно присутствовать среди сторонников известных чтений. В равной мере стоит отмечать в критических изданиях и то, что в некоторых указанных выше случаях С. П. Обнорский воздерживался от принятия решения по поводу прочтения «темных мест» памятника. Несомненно, представляют интерес соображения С. П. Обнорского относительно чтений «мысию»,

«рече» и ряда других, кажущихся осмысленными во всех вариантах, но укладываемых в определенные образные системы или представления о лексическом составе текста. Ремарка СТРЕЖАШЕ — надо читать СТЕРЕГШУ, как кажется, является единственной оригинальной конъектурой к тексту «Слова...», предложенной С. П. Обнорским. В «Словаре-справочнике» в статье Стрѣжи «беречь, оберегать, охранять кого-л., что-л. от кого-л.» [СлСпрСПИг, вып. 5: 241—242] такое чтение не отмечено, не встречалось оно нам и в других изданиях «Слова...». Можно отметить, что это чтение не является обязательным, форма *стрежаше* дает осмысленное чтение, хотя и предполагает необычное синтаксическое оформление той фразы, где она встречается.

Как текст «Слова о полку Игореве», изданный С. П. Обнорским в «Хрестоматии», так и комментарии к нему позволяют нам в более объемной перспективе представить себе взгляды этого выдающегося ученого на язык этого памятника, а также на характер единственной рукописи «Слова...», лежащей в основе издания 1800 г. Такой труд, как «Хрестоматия по истории русского языка» С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, где присутствует филологически обработанный и комментированный текст «Слова о полку Игореве», должен занять свое место среди критических и комментированных изданий «Слова...», подготовленных отечественными и зарубежными учеными, и, без сомнения, должен учитываться при обсуждении «темных мест» и частных вопросов языка «Слова...».

«Слово о полку Игореве» в трудах Никиты Александровича Мещерского (1906—1987)

Имя выдающегося отечественного лингвиста и филолога, доктора филологических наук, профессора Никиты Александровича Мещерского хорошо знакомо всем, кто связан с изучением и преподаванием истории русского языка, истории и теории русского литературного языка, работой по изучению памятников древнерусской литературы.

Н. А. Мещерский родился в 1906 г. в селе Герчиково Смоленской губернии. Он получил среднее образование в Петрограде, в реформатском училище (впоследствии трудовая школа № 45). Как он сам в 1970-е гг. рассказывал своим студентам, преподавание большинства предметов в этом учебном заведении велось на немецком языке, а преподавание греческого и латинского языков не было отменено, как это было сделано в большинстве гимназий. Так биография ученого становится интересным и поучительным фактом истории российского

образования, ибо основы для будущей научной деятельности закладываются не только в университете, но и в среднем учебном заведении.

Без преувеличения можно сказать, что многогранность научных интересов Никиты Александровича, его поистине энциклопедические знания в области филологической науки, а также в области истории России, Европы и Востока — это следствие всестороннего образования, полученного им в годы юности. Придя в Петроградский (Ленинградский) университет с блестящим знанием классических языков, Н. А. Мещерский начал заниматься восточными языками — древнеегипетским, древнееврейским и другими семитскими языками, продолжает изучать древнегреческий язык. Он учился у таких ученых, как П. К. Коковцов, В. В. Струве, М. Н. Соколов, Н. Д. Флиттнер.

Успешно начавшаяся научная деятельность Н. А. Мещерского в области востоковедения была в 1932 г. прервана арестом и пятилетним сроком заключения в лагерях, который он отбывал на Свирьстрое. В 1937 г. Н. А. Мещерский был выслан в Оренбургскую область, в г. Бугуруслан, где и началась его педагогическая деятельность в качестве преподавателя дисциплин, связанных с русским языком и литературой. В 1946 г. он, продолжая свои научные занятия в области древних письменных памятников, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Древнерусский перевод книги Есфирь». Для истории науки важна и интересна такая подробность — защита этой диссертации состоялась в Ленинграде, в Институте востоковедения¹.

С 1954 по 1963 г. Н. А. Мещерский жил в Петрозаводске, где работал в Карельском педагогическом институте, будучи заведующим кафедрой русского языка и одновременно исполняя обязанности декана историко-филологического факультета. Этот период в его жизни был очень плодотворным. В 1958 г. он защитил по монографии докторскую диссертацию «„История Иудейской войны“ Иосифа Флавия в древнерусском переводе», завершив тем самым свой многолетний труд, который был начат им еще в конце 1920-х гг. под руководством акад. В. М. Истрина. Н. А. Мещерский во время своей работы в Петрозаводске внес также большой вклад в становление и развитие русистики в Карелии, за что он справедливо считается одним из создателей той научной школы, которая сложилась и продолжает активно действовать в Карельском педагогическом институте.

В 1963 году Н. А. Мещерский по инициативе Б. А. Ларина был избран на должность заведующего кафедрой русского языка филологи-

¹ Как говорил сам Н. А., это произошло, когда ИВАН (Институт востоковедения Академии наук) был в БАНе (размещался в здании Библиотеки Академии наук).

ческого факультета Ленинградского государственного университета и работал в этой должности полтора десятилетия — до 1978 г. Оставив руководство кафедрой в 1978 г., Никита Александрович продолжал заниматься со своими аспирантами, соискателями, стажерами, вел научную работу до последних недель своей жизни. Скончался Н. А. Мещерский 3 марта 1987 г. в Ленинграде, похоронен в пос. Толмачево Лужского района Ленинградской области на кладбище, где обрели упокоение многие из его родных.

Диапазон научных интересов и занятий Н. А. Мещерского был необыкновенно широким. Становление русского литературного языка, памятники литературы Древней Руси, литературные связи народов восточнохристианского культурного круга, строй русского языка на разных этапах его существования, русская лексика и фразеология, взаимодействие русского языка с языками Европы и Востока, теория перевода, история языкознания в России, поэтика Маяковского, язык и стиль произведений В. И. Ленина — вот далеко не полный перечень тех областей филологической науки, которым посвящено более 300 научных трудов Н. А. Мещерского.

Основная черта научного творчества Никиты Александровича — направленность на решение крупных научных проблем. В его трудах рассматриваются «Слово о законе и благодати митрополита Илариона» — старейший памятник литературы Киевской Руси, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия — сочинение, оказавшее большое влияние на развитие древнерусской литературы, «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели русской земли» — жемчужины древнерусской литературы. В его работах, по сути, впервые были поставлены вопросы о взаимодействии русского и прибалтийско-финских языков и лексики финно-угорского происхождения в севернорусских диалектах, об особенностях русского языка Т. Шевченко, о функционировании русского языка как языка художественной литературы народов СССР, о различиях в региональных вариантах русского литературного языка.

Пожалуй, главный труд Н. А. Мещерского — это фундаментальное исследование и издание древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (1958), этот труд без ложной скромности можно назвать научным подвигом. Объемный текст, состоящий из семи частей-книг, переведенный с древнегреческого языка во второй половине XII в. на Руси или в Константинополе (это точно не установлено до сих пор), сыграл исключительно важную роль в развитии древней русской литературы в таких ее жанрах, как воинская повесть, летописная историческая повесть, влияние этого памятника прослеживается во всех сценах осады городов, которые часто встречаются в

русских летописях XII—XIV вв. и в памятниках более позднего периода. В середине 1980-х гг. выяснилось, что «История Иудейской войны» Иосифа Флавия была столь популярна на Руси, что знакомство с ее содержанием обнаруживается даже в вариантах былин, записанных в Русском Устье в низовьях Индигирки [Бурыкин 1987]. Исследование древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и подготовка этого текста к изданию по рукописи Виленского хронографа с разночтениями по нескольким рукописям осуществлялись Н. А. Мещерским в отрыве от фундаментальных библиотек и хранилищ рукописей, в условиях большой загруженности преподавательской и административной работой, и тем не менее эта монография и ныне является украшением серии изданий памятников древнерусской литературы, выпускаемой Институтом русской литературы (Пушкинский Дом), и досадно, что эта книга, ставшая библиографической редкостью, до сих пор не выпущена вторым изданием.

Много лет Н. А. Мещерский читал на филологическом факультете ЛГУ спецкурс «Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности». Небольшая по объему монография с таким же названием, вышедшая в издательстве Ленинградского университета в 1978 г., является прекрасным введением в изучение славянской переводной литературы. Она служит хорошим пособием как для знакомства с историей русских переводов Ветхого и Нового Завета, так и для начального этапа изучения переводной светской литературы, исторических хроник и повестей.

Много лет Н. А. Мещерский читал филологам-русистам курс лекций по истории русского литературного языка. Материалы этого курса представлены в его книге «История русского литературного языка» (1981). Несмотря на то что со времени выхода в свет этого учебного пособия прошло почти четверть века, это учебное пособие, изданное сравнительно небольшим тиражом, не затерялось среди учебников, учебных пособий и монографий на темы становления, истории и развития русского литературного языка от домонгольского периода до современности. В нем представлены разные точки зрения на происхождение русского литературного языка, высказывавшиеся в разные периоды истории науки А. А. Шахматовым, С. П. Обнорским и другими исследователями, изложена собственная позиция автора в отношении излагаемого предмета и дано освещение истории литературного языка Киевской Руси, Московского государства, литературного языка XVII—XX вв. В этой книге, как и в специальных статьях, отразилось пристальное внимание Н. А. Мещерского к языку русской литературы XIX—XX вв. и к творчеству таких поэтов, как Пушкин и Маяковский.

С середины 1950-х гг. и до конца жизни Н. А. Мещерский занимался проблемами филологического изучения «Слова о полку Игореве», активно привлекая своих учеников к работе по дальнейшему исследованию этого памятника древнерусской литературы, испытавшего влияние традиции воинских повестей и во многом повлиявшего на дальнейшее развитие художественного канона древнерусской воинской повести. Более подробно работы Н. А. Мещерского по «Слову о полку Игореве» будут рассмотрены несколько далее.

Н. А. Мещерский был автором ряда глав в коллективной монографии «Русское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете» (1971), которая была одной из первых книг по истории петербургской лингвистической школы. Ему принадлежат некоторые разделы в учебнике «Русская диалектология», вышедшем в издательстве Ленинградского университета в 1972 г., а также разделы коллективного труда «Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции» (1967) и ряд пособий учебно-методического характера.

В 1995 г. в Санкт-Петербургском университете вышел в свет сборник избранных работ Н. А. Мещерского.

Статьи ученого на протяжении его долгой научной жизни публиковались в таких авторитетных научных изданиях, как «Труды отдела древнерусской литературы», «Византийский временник», журналы «Русский язык в школе», «Русская речь», «Русская литература», в Вестнике Ленинградского университета, в Ученых записках Карельского пединститута, ЛГПИ им. А. И. Герцена, межвузовских сборниках. Много лет Н. А. Мещерский был членом редколлегии журнала «Филологические науки».

Н. А. Мещерский был не только признанным ученым, но и талантливым педагогом. Под его руководством были подготовлены более 40 кандидатских и докторских диссертаций, он консультировал стажеров из Англии, Бельгии, Германии, Голландии, Дании, Италии, США. Он не только передавал ученикам свои обширные знания, не только учил их научной работе, но и воспитывал в них те личностные качества, которыми обладал сам, — независимость в научных суждениях, способность отстаивать свое мнение, убежденность, добропорядочность и благожелательное отношение к коллегам и ученикам, студентам или аспирантам.

За многолетнюю научно-педагогическую работу Н. А. Мещерский был награжден Орденом Трудового Красного Знамени, медалями. Его книга «История русского литературного языка» (Л., 1981) отмечена Университетской премией первой степени ЛГУ и Почетной грамотой Минвуза СССР.

Нет особых сомнений в том, что глубокий интерес Н. А. Мещерского к «Слову о полку Игореве» был связан с изучением оригинальных и переводных древнерусских воинских повестей — от перевода «Истории Иудейской войны Иосифа Флавия» до «Повести о взятии Царьграда фрягами» [Мещерский 1954] и «Сказания о Мамаевом побоище» [Мещерский 1983], которому посвящена небольшая замечательная статья ученого, уместившаяся на одной странице «Трудов отдела древнерусской литературы». Первые публикации Н. А. Мещерского, посвященные непосредственно «Слову о полку Игореве», были связаны с изучением лексики этого памятника в двух направлениях, до сих пор приносящих новые и неожиданные результаты, — диалектологии и исторической лексикологии [Мещерский 1956; 1956а; 1956б; 1958а; 1976]. Ему принадлежит один из первых опытов территориального приурочения авторского текста «Слова...» с использованием данных лексики современных южнорусских говоров и говоров русско-украинского пограничья [Мещерский 1956; 1956а]. Эта работа вполне отвечала уровню изученности и ожиданиям от дальнейшего изучения лексики русских народных говоров, характерным для науки своего времени — 1950-х гг. На протяжении длительного времени Н. А. Мещерский занимался и проблемами лексики «Слова о полку Игореве» в связи с филологической критикой текста памятника [Мещерский 1971].

Много лет ученый обосновывал необходимость разработки полного историко-грамматического комментария к «Слову...», который, по его мнению, был бы необходим прежде всего при изучении «Слова о полку Игореве» филологами-русистами [Мещерский 1970]. Эта работа велась им в рамках семинара по «Слову о полку Игореве» на кафедре русского языка филологического факультета ЛГУ в 1976—1979 гг. при участии слушателей семинара и была закончена в конспективном виде. Препятствием для выхода в свет данной работы послужили два обстоятельства: сложности, возникшие во второй половине 1980-х гг., и то, что в книге югославского ученого Р. Нахтигала, содержащей издание текста «Слова о полку Игореве» в авторской реконструкции и вышедшей еще в 1954 г. [Nahtigal 1954], был опубликован указатель грамматических форм к «Слову...», довольно близкий к замыслу Никиты Александровича. Доработка замысла с учетом этой публикации и ряда других исследований по «Слову...» (в частности, работ Р. О. Якобсона), отсутствовавших в домашней библиотеке Н. А. Мещерского, потребовала бы слишком больших затрат времени...

Органичной частью деятельности семинара Н. А. Мещерского по «Слову о полку Игореве» стала работа Л. Б. Олядыковой над темой кандидатской диссертации, посвященной восточной лексике «Слова...». Пожалуй, только сейчас, спустя более 30 лет, становится по-

нятым, насколько был увлечен этой темой сам Н. А. Мещерский, востоковед по образованию, знавший лично многих из тех, кто изучал и издавал средневековые источники, так важные для понимания ориентализмов «Слова...». В те же годы готовилась к изданию и книга Н. А. Мещерского «История русского литературного языка» (Л., 1981), в которой много внимания уделено «Слову о полку Игореве».

Когда в начале 1980-х гг. Н. А. Мещерский получил предложение подготовить текст, перевод и комментарии к «Слову...» для первой книги нового, третьего издания «Библиотеки поэта», он с увлечением взялся за эту работу и даже собрал небольшую коллекцию научных изданий и редких монографий по «Слову о полку Игореве». Результатом этой работы, в которой принимал участие и автор этой книги, тогда — аспирант и молодой кандидат наук, явилась реконструкция древнерусского текста «Слова о полку Игореве» в том виде, какой этот памятник мог иметь в авторской рукописи или наиболее ранних списках. К этой реконструкции были подведены разночтения по источникам текста «Слова...» — мусин-пушкинскому изданию 1800 г. и Ека-терининской копии, выпискам А. Ф. Малиновского и Н. М. Карамзина.

Н. А. Мещерский с симпатией относился к переводу «Слова...», сделанному Р. О. Якобсоном, и при решении задачи перевода «Слова...» на современный русский язык исходил из того, что новый прозаический научный перевод «Слова...» должен быть именно переводом этого памятника с древнерусского языка на современный русский язык, полностью понятным современному читателю, а не преобразованием древнерусского текста с целью сделать его лишь несколько более понятным с грамматической точки зрения. Перевод «Слова о полку Игореве», подготовленный Н. А. Мещерским, как бы вернул памятнику облик торжественной ораторской прозы, о котором многие стали забывать, читая его поэтические переложения XIX—XX вв., и сделал древнерусский текст «Слова...» полностью доступным для современных носителей русского языка. Он помещен в издании «Слова о полку Игореве», вышедшем в Ленинграде в 1985 г.

Н. А. Мещерский, никогда не выражавший сомнений в подлинности «Слова о полку Игореве», опубликовал ряд статей, посвященных актуальным проблемам изучения «Слова о полку Игореве» — таким, как лексика восточного происхождения в «Слове...» [Мещерский, Бурыкин 1984; 1985], проблемы критического издания текста «Слова...» [Мещерский, Бурыкин 1986], традиционные книжные выражения в «Слове...» [Мещерский, Мещерская 1987], опубликовал рецензию на завершенный изданием «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“» [Мещерский, Бурыкин 1986а]. Выявление маргиналий и глосс в тексте «Слова...» получило продолжение в статье Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина, вышедшей в 1988 г. [Мещерский, Бурыкин 1988].

Весьма досадно, что многим исследователям и большинству читателей остается недоступной написанная также в соавторстве с А. А. Буркиным объемная статья Н. А. Мещерского, посвященная проблемам авторства и датировки «Слова о полку Игореве» — тем проблемам, которые активно обсуждались накануне 800-летия создания «Слова о полку Игореве», отмечавшегося в год 800-летнего юбилея исторического события, вызвавшего к жизни появление этого памятника литературы, — похода Игоря Святославича на половцев, состоявшегося в мае 1185 г. Понятно, что авторы комментариев к новому изданию «Слова...» не могли оставить эти проблемы без внимания и не могли не выразить своего мнения по обсуждаемым вопросам. Эта статья была опубликована в переводе на итальянский язык [Mescherski, Burykin 1987]. Приведем здесь ее краткое изложение.

Из всех возможных датировок создания «Слова о полку Игореве» — осень 1185 г., лето или осень 1186 г. (Б. А. Рыбаков), лето или осень 1187 г. (Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов), 1190-е гг. (Н. С. Демкова), 1220-е гг. (Л. Н. Гумилев) Н. А. Мещерский и его соавтор останавливаются на самой ранней из возможных датировок: «Слово о полку Игореве», как они считают, написано летом или осенью 1185 г., сразу после возвращения князя Игоря Святославича из половецкого плена (из источников известно, что Игорь бежал из плена «по малых днех»; рана, полученная им, должна была зажить за 2—3 месяца). В интерпретации текста, предлагаемой авторами статьи в издании 1985 г., переяславский князь Владимир Глебович уже ранен, но еще жив — как известно из летописных источников, он получил три «смертных раны» при обороне своего города летом 1185 г. и скончался весной 1187 г. По прочтению комментаторов, заключительная «Слава» в тексте адресована именно ему, а не Владимиру Игоревичу, женившемуся в плену на дочери Кончака.

Особые симпатии к городу Переяславлю и его князю Владимиру Глебовичу стали отправной точкой для осмысления того, кто мог быть автором «Слова...». Основные тезисы, легшие в основу концепции комментаторов, таковы:

Автор «Слова...» не был участником похода, хотя и был хорошо знаком с военным искусством княжеских дружин и подчиненного им ополчения (как говорил Н. А., если «Слово...» обязательно написано очевидцем, то тогда Данте был в аду). Вряд ли есть основания считать, что он жил в Новгороде-Северском, уделе Игоря, или в Киеве: он точно не знал, что Святослав отсутствовал в Киеве в момент получения известий о поражении Игоря и не имел представления о том, что Ярославна не могла находиться в Путивле. С определенностью можно считать, что он застал отъезд Игоря из Киева, но не присутствовал при

его въезде в Киев после бегства из плена. Вполне логично предполагать, что автор «Слова...» как-то был связан с Переяславлем или жил в этом городе, находившемся недалеко от Киева. Его симпатии к Всеволоду, брату Игоря, становятся понятными, если принять хотя бы как гипотезу то, что «красная Глебовна», жена Всеволода, приходилась родной сестрой Владимиру Глебовичу Переяславскому.

Основательное знакомство с древнерусской книжностью, с оригинальными и с переводными произведениями более ранней и современной событиям «Слова о полку Игореве» литературы побудили авторов реферируемой здесь статьи признать, что автор «Слова...» принадлежал к среде древнерусских книжников. Сходство лексики и фразеологии «Слова...» с теми произведениями, которые находились в одном сборнике со «Словом...» («Повесть об Акире», «Девгениево деяние», «Сказание об Индийском царстве») позволяют думать, что «Слово...» было создано именно тем из книжников, кто переводил на русский язык названные повести [Бурыкин 1988]. Показательно, что две из этих повестей встречаются и в конвое «Задонщины» (в составе сборников, куда входит «Задонщина»), а это означает, что автор «Задонщины» имел в руках не отдельную рукопись «Слова о полку Игореве», которой широко пользовался, а сборник произведений, близкий или тождественный второй части мусин-пушкинского сборника, в которой находилось «Слово о полку Игореве». Таким образом, получается, что названные переводные повести и «Слово о полку Игореве» находились в составе одного и того же сборника уже со времени создания «Слова или со времени формирования этого сборника в конце XII—начале XIII в. (именно началом XIII в. датируется обычно перевод «Сказания об Индийском царстве»).

Может быть, кому-то покажется странным следующий вывод, к которому можно прийти, развивая идеи комментаторов «Слова...» и изучая судьбу сборника с переводными повестями и «Словом...» в последующей рукописной традиции, но факты остаются фактами — мы имеем довольно убедительные свидетельства того, что сборник со «Словом о полку Игореве» (и, соответственно, само «Слово...») переписывался максимум два раза. Один его список должен был быть в руках у автора «Задонщины» Софония. Второй список этого сборника был в руках у Ефросина, того самого, руке которого принадлежит Кирилло-Белозерский список «Задонщины», единственный список, представляющий Краткую редакцию «Задонщины». Впрочем, если принять построения А. Г. Боброва, согласно которым Ефросин — это князь Иван Дмитриевич Шемякин, княживший в Новгороде-Северском до принятия монашеского сана и уединения в Кирилло-Белозерском монастыре [Бобров 2003; 2008; 2008а; 2009], то вполне возмож-

но, что в руках Ефросина был обретенный еще в миру в том же Новгороде-Северском оригинал этого сборника со «Словом...», а мусин-пушкинский сборник — по последним разысканиям того же А. Г. Боброва, полученный из Кирилло-Белозерского монастыря, — копия с оригинала «Слова...», сделанная рукой Ефросина. Так называемая Щукинская рукопись «Слова...», ныне введенная в научный оборот, все же с огромной вероятностью представляет собой список с первого издания «Слова...» 1800 г. или, что нельзя исключать, с какого-то из изданий первой трети или первой половины XIX в.

Труды Н. А. Мещерского, посвященные «Слову о полку Игореве», во-первых, имеют непосредственную связь с более чем 200-летней традицией изучения этого выдающегося памятника древнерусской литературы, во-вторых, они сами уже принадлежат этой традиции. Продолжение исследований, посвященных «Слову...», — это выражение органической преемственности поколений в рамках уникальной научной школы, синтезировавшей славянскую филологию, византиноведение, историю Востока и восточные языки — школы Н. А. Мещерского.

«Слово о полку Игореве» в издании П. М. Бицилли

Имя Петра Михайловича Бицилли (13(25).IX.1879, Одесса — 25.VIII.1953, София) как историка русской средневековой культуры никогда не забывалось в отечественной науке. В библиографии «Слова о полку Игореве» присутствует статья П. М. Бицилли [Бицилли 1941: 1—20], его имя внесено в Энциклопедию „Слова о полку Игореве“» [ЭнциСПИг, т. 1:122] в ряду исследователей этого памятника. Как ни досадно, но текст «Слова...», подготовленный и изданный П. М. Бицилли в «Хрестоматии по истории русской литературы» (ч. 1: «Народная словесность и литература допетровского времени». Издание Российского земско-городского комитета. София, 1931), до сих пор не учтен в исследованиях «Слова...». Вполне понятно, что это издание, представляющее большую библиографическую редкость, не было доступно нескольким поколениям исследователей «Слова...», да и учебные издания «Слова...» стали привлекать к себе внимание относительно недавно.

«Хрестоматия...» составленная П. М. Бицилли, была предназначена «для русских зарубежных школ», для школ, где обучались дети русских эмигрантов. Вследствие этого текст и перевод «Слова о полку Игореве» должны рассматриваться как издание антологического и хрестоматийного характера, автор которого не ставил перед собой

сложных научных задач, хотя эти обстоятельства не снижают ценности филологической работы П. М. Бицилли над текстом и переводом «Слова...» и не умаляют интереса современных исследователей памятника в контексте истории его изучения и издания.

Текст «Слова...» [Бицилли 1931: 49—56] набран в две колонки с целью показать ритмичность «Слова...» как литературного сочинения. Издание текста дает нам представление о предпочтениях в синтаксическом членении текста «Слова...» на фразы и более крупные текстовые единства, хотя эта работа была явно не завершена автором. Так, под римской цифрой III помещен почти весь текст произведения, в то время как все другие цифры, маркирующие членение текста, относятся к небольшим фрагментам.

Так называемые «темные места» текста «Слова...», с учетом учебного характера издания, были частично выпущены, частично истолкованы издателем. Такой подход к тексту памятника дожил в традиции его издания до «Хрестоматии по истории русского языка» С. П. Обнорского. Это обстоятельство не позволяет нам приблизиться к тому, как П. М. Бицилли понимал те или иные пассажи «Слова...», но многие фрагменты текста присутствуют в рассматриваемом нами издании в оригинальном прочтении издателя. Кроме этого, представляет большой интерес и перевод «Слова...», выполненный П. М. Бицилли, насколько нам известно, более не переиздававшийся и отсутствующий в Параллельном корпусе переводов «Слова о полку Игореве».

В настоящей публикации мы не ставим себе задачи детального исследования текста «Слова...» в издании П. М. Бицилли и его перевода этого памятника — эта задача станет актуальной при подготовке фундаментального критического издания «Слова о полку Игореве», которое учитывало бы исследовательскую и эдичионную традицию представления памятника в полном объеме. Тем не менее, желая ввести неизвестную версию издания «Слова...» в научный оборот, мы попытаемся воспроизвести текст и перевод «Слова...» в издании П. М. Бицилли с минимальным объемом примечаний.

Слово о полку Игоревѣ

І. Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстїи о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича?

Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлешю Бояню. Боянъ бо вѣщїй, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣкрымъ вълкомъ по земли, ши-

зымъ орломъ подь облакы. Помняшь бо, рече, **първыхъ**² временъ усобице. Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедей: который дотечаше, та преди **пѣснь** пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожскими, красному Романови Святъславличю. Боянь же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пушаше, нъ своя вѣщиа прѣсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повесть сию отъ старого Владимирера до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ, напѣлнився ратного духа, наведе своя храбрыя плькы на землю Половѣцкую за землю Руськую.

II: Тогда Игорь възрѣ на светлое солнце и видѣ отъ него тъмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорьъ къ дружинѣ своей:

«Братіе и дружино! Луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти.

А всядемъ, братіе, на свои бръзые комони да позримъ синего Дону». Спала князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. «Хощу бо, рече, Копіе приломити конецъ поля половецкого; съ вами, русици, хошу главу свою приложить, а любо испити шеломомъ Дону».

О Бояне, соловию старого времени! Абы ты сіа плькы ушекоталь, скача, славто, по мыслену древу, летая умомъ подь облакы, свивая, славію, оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню, чресь поля на горы. **Пѣти** было **пѣснь** Игореву того внуку:

«Не буря соколы занесе чресь поля широкая, галици стады бежать къ Дону великому». Чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ вну-че: «Комони ржуть за сулою, звенить слава въ Киевѣ»...

III. Трубы трубять въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ, Игорь ждеть мила брата Всеволода. И рече ему буй-туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ светлый ты, Игорю! Оба есвѣ Святъславличя. Седлай, брате, свои бръзые комони, а мои ти готови, ослѣдлани у Курска напереди,

Я мои ти куряни свѣдоми кѣмети: подь трубами повити, подь шеломы възлелѣяны, конецъ копія въскрѣмлени; пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми; луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени; сами скачють, аky сѣрыи вльци въ полѣ, ишучи себѣ чти, а князю славы».

Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремянь и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше; ноцъ стонуци ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ вѣста; **збися Дивъ**³, кличетъ врѣху древа: велить послушати земли незнаемѣ — Вльзѣ и Поморію, и Посу-

² Так в издании.

³ Так в издании.

лію, и Сурэжу, и Корсуню, и тебѣ, тьмотораканьскый блъванъ! А половцы неготовами дорогами побегоша къ Дону великому: крычать тѣлѣгы полунощы, рци — лебеди **роспужени**⁴. Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасетъ птицъ по дубію, вльци грозу въсрожать по яругамъ, орли клеткомъ на кости звѣри зовуть; лисици бредуть на чръленыя щиты. О Руская земле, уже за шеломянемъ еси! Длго ночь мркнетъ. Заря светъ запала. Мъгла поля покрыла.

Щекотъ славіи успе; говоръ галичъ **убуди**⁵. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ишучи себѣ чти, а князю славы.

Съ заранія въ пятькъ потопташа поганая плѣкы половецкыя и, рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтьмами и япончицами и кожухы **начашия**⁶ мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорочьи половѣцкыми. Чрълень стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружие храброму Святъславличю! Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнездо. Далече залетало! Не было оно обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ поганый половецине! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому,

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ. Чръныя тучи съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синіи мльніи. Быти грому великому! Итти дождю стрелами съ Дону великаго!

Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шелома половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О, Руская землѣ, уже за шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ; пороси поля прикрываютъ. Стязи глаголютъ: половцы идутъ отъ Дона и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ рускыя плѣкы оступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи русици преградиша чрълеными щиты.

Яръ-туре Всеволоде! Стоиши на борони, прыщеси на вои стрелами, гремлеши о шелома мечи харалужными.

Камо, туръ, поскачяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганая головы половецкыя.

Поскепаны саблями калеными шелома оварьскыя отъ тебе, яръ-туре Всеволоде! Кая раны, дорога братіе, забывъ чти и живота и града Чрънигова, отня злата стола и своя милыя хоти, красныя Глебовны, свычая и обычая.

⁴ Так в издании.

⁵ Так в издании.

⁶ Так в издании.

Были вѣщи ⁷ Трояни, минула лѣта Ярославля: были плъци Ольговы, Ольга Святъславлича. Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремянь въ граде Тьмотороканѣ; той же звонъ слыша давный великий Ярославъ сынъ Всеволожъ ⁸, а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ...⁹ Тогда при Олзѣ Гориславлича сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука; 'въ княжихъ-крамолахъ вѣщи чело-вѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граххуть, трупя себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, ХОТЯЧИ ¹⁰ полетѣти на уедіе.

То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицеи рати не слышано. Съ зараніа до вечера съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи. Чръна земля подь копыты костьми была постѣяна, а кровію поляна: тугою взыдоша по Руской земли. Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями? Игорь плъкы заворачаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода.

Бишася день, бишася другый; третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонилося.

Уже бо, братіе, не веселая година вѣстала; уже пустыни силу прикрыла! Вѣстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону; плещучи, упуди жирня времена, Усобица княземъ на поганья погыбе; рекоста бо брать брату: «се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» мльвити, а сами на себе крамолу ковати; а поганіи со всѣхъ странъ приходяху съ победами на землю Рускую. О, далече зайде соколъ, птицъ бѣя къ морю!

А Игорева храбраго пълку не рѣсита...¹¹

Жены рускія въсплакашась, аркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладь ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати».

А вѣстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастыи. Тоска разліяся по руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускыи. А

⁷ Так в издании.

⁸ Так в издании. П. М. Бицилли присоединяется к большинству комментаторов данного фрагмента.

⁹ В тексте пропуск.

¹⁰ Так в тексте.

¹¹ В тексте пропуск.

князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нари-
щуе на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тѣи бо два храбрая Святъславлича, Игорьъ и Всеволодъ уже лжу
убудиста которою. Ту бѣше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный, ве-
ликий Кіевскій: грозою бѣшетъ притрепаль своими сильными плѣкы
и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притѣпта хлѣми
и яругы, възмути рѣкы и озеры, иссуши потоки и болота. А поганого
Кобяка изъ луку моря, отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половец-
кихъ, яко **вихрь**¹², выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ
гридниці Святъславли. Ту нѣмци и венедици, ту греци и моравы по-
ють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ
Каялы, рѣкы половецкыя: рускаго злата насыпаша ту. Игорьъ князь
высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кошіево. Уныша бо градомъ **за-
брала**, а веселіе пониче.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Кіевѣ на горахъ. «Си ночь съ
вечера одѣвахуть мя, рече, чрною паполомою на кровати тисовѣ;
чрпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщими
тулы поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ на лоно и нѣговахуть мя.

Уже дѣски безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златоврьсѣмъ. Всю ночь
съ вечера бусови врани възгряху у Плѣсньска; на **болони бѣша
дебрьски сани** и несошася къ синему морю».

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, тута умъ полонила: се бо два
сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмуторокана, а
любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крыльца припѣшали по-
ганыхъ саблями, а самую опуташа въ путины железны.

Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣроста; оба багряная стѣ-
ла погасоста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тѣмою
ся поволокоста и въ морѣ погрузиста и великое буйство подаста хино-
ви. На рѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыла; по Руской земли протра-
шася половци, аки пардуже гнездо. Уже снесся хула на хвалу. Уже
тресну нужда на волю, уже **врѣжеся**¹³ Дивъ на землю. Се бо готскія
красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю» звоня рускымъ зла-
томъ: поють время Бусово, лелѣють мѣсть Шароканю. А мы уже,
дружина, жадни веселія!

Тогда великій Святославъ изрони злато слово, съ слезами смеше-
но, и рече: «О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала По-
ловецкую земли мечи цвѣлити», а себѣ славы искати; нѣ нечестно
одолѣсте, нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца

¹² Так в тексте: в источниках и сообразно современному пониманию,
форма *вихрь* не требует поправок.

¹³ Так в тексте.

въ жестоємъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ?

А уже не вижу власти сильного и богатого и многовоѣ брата моего Ярослава съ черниговскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчаки, и съ ревугы, и съ ольберы. Ти бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плѣкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣдную славу. Нѣ рекосте: «Мужаймъ ся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами одѣлимъ!» А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ: не дасть гнезда **своего въ обиду**...

Великій княже Всеволоде! Не мыслию ль ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по **нагатѣ**, а кошей по резанѣ.

— «Ты, буй Рюриче и Давыде! Не ваю ли **вои** злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными на полѣ **незнаемѣ**? Вступита, господина, въ злата **стремѣна** ¹⁴ за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!»

«Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокланнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыя своими железными плѣки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча **бремена** ¹⁵ чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеша Киеву врата; стрѣляеша съ отня злата стола салтани за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кошей, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!»

«А ты, буй Романе и Мстиславе! Храбрая мысль носить васъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю железный папорзи подъ шеломы латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны: Хинова, Литва, ятвязи, Деремела и половци **сулицы свои подклониша** ¹⁶ подъ тьи мечи харалужныи». «Нѣ уже, княже Игорю, утрпѣ солнцю, свѣтъ а древо не бологомъ листе срони! По Рси и по Сули гради подѣлиши а Игорева храбраго плѣку не крѣсити. Донѣ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на победу. Олговичи, храбрыи князи, dospѣли на брань».

«Иньгваръ и Всеволодъ и вси три Мстиславичи! не худа гнезда шестокрилци. Не побѣдными ль жребіи собѣ власти расхытисте? Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкіи и шиты? Загородите полю во-

¹⁴ Так в тексте.

¹⁵ Так в тексте.

¹⁶ Так в тексте — с пропуском 4 слов.

рота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ полочаномъ подь кликомъ поганныхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подь чрълеными щиты на кроватѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи и съ хотию на кровати¹⁷ рекъ: „Дружину твою, княже, птиць крылы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша“. Не бысть ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода: единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе. Уныли голоси, пониче веселіе, трубы трубять городеньскіи.

Ярославе и вси внуце Всеслави! Уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени: уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ.

Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславлю; которою бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи!»

«На седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеславъ жребіи о дѣвицу себѣ любу. Тѣй клюками подпрься, **оконися**¹⁸ и скочи къ граду Киеву и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевского; скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мыглѣ; утре же вознзи стрікусы, отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелють головами, молотять щѣпи харалужными, на тоцѣ животь кладуть, вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кравави брезѣ не бологомъ бяхуть постѣяни, постѣяни костями русскихъ сыновъ. Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кіева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позво ниша заутреннюю рано у святія Софеи въ колоколы, а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ дрѣзѣ тѣлѣ», нѣ часто, бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и пръвое припевку, смысленый, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду — суда божіа не минути».

«О, стонати Руской земли» помянувшѣ пръвую годину и пръвыхъ князей! Того стараго Владиміра **нельзя** бѣ пригвоздити къ горамъ, кіевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы, нѣ **розно ся имъ**¹⁹ хоботы: пашуть...²⁰ Ярославнынъ гласъ ся слышитъ; зегзицею незняемъ рено кычетъ: «Полечю, рече, зегзицею по

¹⁷ Так в тексте.

¹⁸ Так в тексте.

¹⁹ Так в тексте.

²⁰ Пропуск в тексте.

Дунаеви, омочю бeбрянѣ, рукавъ въ Каялѣ, рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ». Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ аркучи: «О, вѣтрѣ, вѣтрило! Чему мычеше хиновскыя стрѣлки на своею нетрудною²¹ крильцу на моя лады вои? Мало ли, ти бѣшетъ горѣ²² подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылию развѣя?» Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: «О, Днепре словутицю! Ты пробиль еси каменные горы, сквозѣ землю Половецкую: ты лелѣяль еси на себѣ Святослави насади до плѣку Кобыкова; възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано». Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «Светлое и тресвѣтлое слѣнце! Всѣмъ тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячую свою лучю на лады вои, въ полѣ безводнѣ жаждоу имъ лучи съпряже, тугоу имъ тули затче?»

Прысну море полунощи; идуть сморци мѣглами. Игореву князю богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю рускую къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ. Игорь бдитъ. Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою: велитъ князю разумѣти. Князю Игорю не быть! Кликну; стукну земля, въсшумѣ²³ трава, вежи²⁴ ся половецкіи подвизашася. А Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду. Въврѣжеся²⁵ на брѣзь комонь и скочи съ него бусымъ²⁶ влькомъ, и потече къ луку Донца, и полетѣ соколомъ подъ мѣглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влькомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя брѣзая комоня.

Донецъ рече: «Княже Игорю! Не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа!» Игорь рече: «О, Донче! Не мало ти величія, лелѣявшу князя на вльнахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подъ сѣнію зелену древу; стрежаше его²⁷ гоголемъ на водѣ, чрънядьми на струяхъ, чайцами на ветрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожрыши чужи ручьи и стругы, простре²⁸ на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ. Темнѣ березѣ плачется ма-

²¹ Так в тексте.

²² Так в тексте.

²³ Так в тексте.

²⁴ Так в тексте.

²⁵ Так в тексте.

²⁶ Так в тексте.

²⁷ Так в тексте.

²⁸ Так в тексте.

ти Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ: Уныша цвѣты жалобою, и древо съ тугою къ земли преклонилось».

А не сорокы **встрокоташа**²⁹: на слѣду Игоревѣ ѣздить Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлькоша, сорокы не трокоташа, **по лозію ползоша только**³⁰; дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣснями свѣтъ повѣдаютъ. Млввить Гзакъ Кончакови: «Аже соколь къ гнезду летить, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрелами!» Рече Кончакъ ко Гзѣ: «Аже соколь къ гнезду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною девицею!» И рече Гзакъ къ Кончакови: «Аше его опутаевѣ красною девицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнуть наю птици бити въ полѣ половецкомъ».

IV. Рекъ Боянъ³¹ «Когане! **Хоти**³² тяжело ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы!» — Руской земли безъ Игоря.

Солнце светится на небесѣ, Игорь князь въ Руской земли. Дѣвици поють на Дунаи, выются голоси чрезу море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святой Богородици Пирогошей. Страны ради, гради весели,

V. пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти слава: Игорю Святъславличю, буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу³³. Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганяя плъки!

Княземъ слава и³⁴ дружинѣ.

VI. Аминь!

Слово о походѣ Игоревомъ

Переводъ на современный русский языкъ

I. Не хорошо ли намъ было бы, братья, начать на прежній ладъ печальную повесть о походѣ Игоря, Игоря Святославича! А начаться той пѣсни — по былямъ сего времени, не по вымысламъ Бояновымъ. **Вѣщій**³⁵ Боянъ³⁶, если хотѣлъ кому пѣснь сложить, то растекался мыслію по древу, сѣкрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подь об-

²⁹ Так в тексте.

³⁰ Так в тексте: в переводе этот фрагмент опущен.

³¹ Пропуск в тексте.

³² Так в тексте.

³³ Так в тексте: восстановлено согласование.

³⁴ Так в тексте.

³⁵ Вѣщій — искусный, талантливый (здесь под продолжающейся нумерацией примечания П. М. Бицилли).

³⁶ Боянъ — собственное имя песенника (его пѣсни не сохранились).

лаками. Помнилъ онъ междоусобія прежнихъ временъ и пускалъ тогда десять соколовъ на стадо лебедей: который соколъ на лебедь налеталъ, та лебедь первая и пѣснь зачинала — старому Ярославу, или храброму Мстиславу, что зарѣзалъ Редедю передъ полками касожскими, или прекрасному Роману Святославичу. Боянъ же, братья, не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ: онъ свои вещіе персты на живыя струны возлагалъ, и онѣ сами славу князьямъ рокотали.

Почнемъ же, братья, нашу повесть отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, который закалилъ умъ своею крепостью, **поостриль его**³⁷ мужествомъ сердца и, наполняя ратнаго духа, навелъ свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

II. Тогда Игорь взглянулъ на светлое солнце и увидѣлъ, что отъ солнца тьмою покрыты всѣ его воины. И сказалъ Игорь дружинѣ своей: «Братья и дружина! Лучше изрублену быть, чѣмъ быть полонену. Сядемъ же, братья, на своихъ борзыхъ коней, да посмотримъ синяго Дону!» «Хочу — говорить — копье изломить, въ предѣлахъ поля Половецкаго! Съ вами, русскіе, хочу голову свою положить, или шлемомъ напиться изъ Дона!» О Боянъ, соловей стараго времени! Если бы ты воспѣлъ сіи полки, скача, соловей, по мысленному древу, взлетая умомъ подъ облака и соединяя, соловей, обѣ стороны сего времени (т. е. воспевая и старое и новое), носясь по Трояновой тропѣ³⁸ 3) черезъ поля на горы... вотъ какъ следовало бы тебѣ пѣть пѣснь Игорю, Олега внуку: «Не буря занесла соколовъ черезъ поля широкія: галки стаями летять къ Дону Великому!» Или такъ было воспѣть тебѣ, о вѣщій Боянъ, внукъ Велесовъ: «Кони ржутъ за Сулою; звенить слава въ Кіевѣ,

Трубятъ трубы въ Новѣгородѣ (Сѣверскомъ). Стоять знамена въ Путивлѣ!»

Игорь ждетъ милаго брата Всеволода. И сказалъ ему буй-туръ Всеволодъ: «Одинъ ты у меня братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Сѣдлай же, братъ мой, своихъ борзыхъ коней, а мои тебѣ готовы, оседланы еще у Курска! Мои курыне известные тебѣ витязи: подъ трубами повиты, подъ шлемами взлелеяны, съ конца копья вскормлены; дороги имъ вѣдомы, овраги имъ знакомы; луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли наточены; сами они скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы!»

Тогда вступилъ Игорь князь въ золотое стремя и поѣхалъ по чисту полю. Солнце ему тьмою путь заступило; а ночь ему, заставъ гро-

³⁷ В этом месте перевод П. М. Бицилли совпадает с переводом Н. А. Мещерского 1985 г. и нашим переводом.

³⁸ Придунайские области. Въ населении жила память о походахъ Римскаго Имп. Траяна.

зой, птицъ разбудила, свистъ звѣрей поднялся. Взыблся Дивъ, кричить съ верху дерева, велить слушать чужой землѣ — Волгѣ, и Поморью, и Посулью, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, истуканъ Тматороканскій... И половцы прямо по степи побежали къ Дону великому. Кричать телѣги ихъ въ полночь, словно лебеди вспугнутые. Игорь къ Дону войско вѣдетъ. Волки грозно воютъ по оврагамъ; — орлы своимъ клектомъ зовутъ звѣрей на кости; лисицы лаютъ на багряные щиты. О Русская земля! ты уже за холмомъ.

Долго меркнетъ ночь. **Заря-свѣтъ задержалась** ³⁹. Мгла поля покрыла. Соловьиный рокоть стихъ; галочій говоръ проснулся. Храбрые русичи загородили широкия поля багряными щитами, ища себѣ чести, а князю славы.

III. Съ утра въ пятницу они потоптали поганья полчища половецкая и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красныхъ дѣвицъ половецкихъ, а съ ними золото и парчи, и дорогіе оксамиты; плащами, епанчами, тулупами, всякими **расписными тканями** ⁴⁰ половецкими стали мосты мостить по болотамъ и грязнымъ местамъ. А багряное знамя, бѣлая хоругвь, багряный султанъ, серебряное копье — храброму Святославичу. Дремлетъ въ полѣ Олегово храброе гнездо. Далеко залетало... Не на обиду было рождено оно — ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый половчанинъ! **Бѣжить сѣрымъ волкомъ** Гза; а Кончакъ ⁴¹ **ему во слѣдъ направляется** ⁴² къ Великому Дону.

На другой день, ранымъ рано, кровавая заря свѣтъ возвѣщаетъ. Черныя тучи съ моря идутъ; хотятъ онѣ покрыть четыре солнца; а въ тучахъ дрожать синія молніи: быть грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Здѣсь то копьямъ изломаться, здѣсь то саблямъ изрубиться о шлемы половецкіе, на рѣкѣ Каялѣ, у великаго Дону! О Русская земля! ты уже за холмомъ!

Вотъ вѣтры, внуки Стрибога, вѣютъ уже стрелами съ моря на храбрые Игоревы полки. Гудетъ земля; мутно текутъ рѣки; **стелется пылъ** надъ полями; лепечутъ знамена... Половцы идутъ отъ Дона и отъ моря, и со всѣхъ сторонъ они обступили русскіе полки. Бѣсовы дѣти крикомъ загородили поля; а храбрые русичи загородили багряными щитами. Ярѣ-туръ ⁴³ Всеволодъ! стоишь ты въ бою, прыщешь стрелами на войско враговъ; гремишь объ шелома мечами булатными. Куда проскакалъ, туръ, блистая «своимъ золотымъ шлемомъ», тамъ лежать

³⁹ Так в переводе.

⁴⁰ Так в переводе.

⁴¹ Гза и Кончакъ — ханы половецкіе.

⁴² Так в переводе: такое понимание этого места не общепринято.

⁴³ Туръ — быкъ (поэтический эпитетъ князя).

поганяя головы половецкія, тамъ исщепаны калеными саблями шлемы оварскіе — отъ тебя, яръ-туръ Всеволодъ. Какая рана дорога ⁴⁴, братія, позабывшему почести и жизнь, и городъ Черниговъ, и золотой престоль, и своей милой желанной, красной Глебовны привѣтъ и любовь!

IV. Были вѣка Трояновы, миновали годы Ярославовы; были походы Олеговы, Олега Святославича: тотъ Олегъ мечемъ крамолу коваль и стрѣлы по землѣ сѣялъ. Когда вступилъ онъ въ золотое стремя (т. е. готовился къ походу) въ городѣ Тмуторокани, — а тому звону **внималъ великій Ярославъ сынъ, старый Всеволодъ; Владимиръ (Мономахъ)** же повседневно затыкалъ уши въ Черниговѣ (такъ какъ не желалъ слышать о походѣ) ⁴⁵. Бориса же Вячеславича жажда славы привела на смертный судъ, храброго и молодого князя, за обиду Олегову. Тогда, при Олегѣ Гориславовичѣ, и заседалась и порастала усобицами, погибала жизнь Дажьбожа ⁴⁶ внука; въ княжихъ крамолахъ вѣкъ людей коротался. Тогда по Русской землѣ рѣдко зывали пахари; зато часто кричали вороны, дѣля между собою трупы, и поднимали свой говоръ галки, собираясь летать на кормленіе.

V. Такъ было въ те битвы и въ те войны, а такой битвы (какъ теперь), еще неслыхано... Съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шлемы, трещать копыя стальные, въ чужой степи, среди земли Половецкой. Черна земля подъ копытами костью была засѣяна, а полита кровью, — печалью взошелъ постѣвъ этотъ по Русской землѣ.

Что тамъ шумить, что тамъ звенить такъ рано передъ зарею? — То Игорь полки ворочаетъ: жаль вѣдь ему милаго брата Всеволода. Бились день; бились другой: на третій день къ полудню пали знамена Игоревы. Тамъ, на берегу быстрой Каялы, разлучились два брата; тамъ вина кроваваго не достало. Тамъ покончили пиръ храбрые русичи: сватовъ напоили, а сами легли за землю Русскую. Никнетъ трава отъ жалости, и дерево съ печалью къ землѣ приклонилось.

VI. И вотъ, братья, уже невеселая пора настала; уже нашу силу степь покрыла. Возстала бѣда въ силахъ Дажьбожа внука (т. е. въ землѣ русской); вступила дѣвою на землю Троянову; всплеснула лебедиными крылами на синемъ морѣ и, плещучи у Дону ⁴⁷, прогнала, счастливыя времена. Начались усобицы у князей. Говорили они братъ брату: «это мое, и то мое же!» Начали князья про малое говорить: «это великое», и сами на себя стали крамолу ковать. А поганые со всѣхъ

⁴⁴ Т. е. какое дѣло до ранъ.

⁴⁵ Так в переводе.

⁴⁶ Д а ж д ь - б о г ь — богъ солнца. Русский народъ — его внукъ.

⁴⁷ Так в переводе.

сторонъ приходили съ победами на землю Русскую. О, далеко къ морю залетѣлъ нашъ соколъ, избивая птицъ!

А Игоревъ храбраго войска уже не воскресить! И всплакались русскія жены причитаючи: «Уже намъ своихъ милыхъ мужей ни мыслию взмыслить, ни думою вздумать, ни очами увидать; а того золота и сребра и подавно не носить намъ!»

Застоналъ, братья, Кіевъ съ печали, Черниговъ съ напасти; разлилась тоска по Русской землѣ; **печаль глубокая**⁴⁸ потекла среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали; и поганые половцы, набѣгая съ победами на Русскую землю, брали дань по бѣлкѣ со двора. Вѣдь те два храбрые Святославича, Игорь и Всеволодъ пробудили распрями вражду (половцевъ). Ее усыпилъ было отецъ ихъ Святославъ, грозный, великій князь Киевскій⁴⁹; наступилъ на землю Половецкую, притопталъ холмы и овраги; возмутилъ рѣки и озера; иссушилъ потоки и болота, а поганого Кобыяка, изъ залива морского, отъ желѣзныхъ великихъ полковъ половецкихъ, какъ вихрь, онъ выхватилъ... И палъ Кобыякъ въ городѣ Кіевѣ, во дворцѣ Святославовомъ.

Тутъ нѣмцы и венеціанцы, тутъ греки и моравы поютъ славу Святославу, — корятъ князя Игоря, что потопилъ онъ счастье на днѣ Каялы, половецкой рѣки, насыпавъ туда русскаго золота. Тамъ, Игорь князь пересѣлъ изъ золотого сѣдла въ сѣдло раба. Стѣны крѣпостныя приуныли, исчезло веселье.

VII. А Святославъ видѣлъ **смутный**⁵⁰ сонъ: «въ Кіевѣ, на горахъ въ эту ночь, съ вечера, говорить онъ боярамъ, — одѣвали меня чернымъ покровомъ на тисовой кровати; черпали мнѣ синее вино, съ **отравой**⁵¹ смешанное; сыпали мнѣ на грудь **крупный жемчугъ изъ порожнихъ колчановъ и ласкали**⁵² меня. А доски уже безъ князька на на моемъ теремѣ златоверхомъ. Всю ночь съ вечера каркали **сѣрые**⁵³ вороны; на лугу были змеи и ползли къ синему морю» И говорятъ бояре князю: «Уже, князь, печаль нашъ умъ полонила... Ибо два сокола слетѣли съ отцовскаго золотого престола поискать города Тмутороканя, или шлемомъ напиться изъ Дону. И уже саблями поганныхъ подрублены крылья соколамъ; а ихъ самихъ уже спутали⁵⁴ пути желѣзные. Темно было въ третій день: померкли два солнца, погасли оба багряные столба; а съ ними и два молодыхъ месяца — Олегъ и

⁴⁸ Так в переводе.

⁴⁹ Слово *грозою* в переводе выпущено.

⁵⁰ Так в переводе.

⁵¹ Так в переводе.

⁵² Так в переводе. Выпущены слова *поганныхъ тѣлковинъ*.

⁵³ Так в переводе.

⁵⁴ Так в переводе: пропущен предлог *въ*.

Святославъ — заволоклись тьмою⁵⁵. На рѣкѣ Каялѣ уже тьма свѣтъ. покрыла и по Русской землѣ разстѣялись половцы, какъ барсы одного вывода⁵⁶. Вотъ запѣли готскія⁵⁷ красныя дѣвы, на берегу синяго моря, звеня русскимъ золотомъ, поютъ онѣ время Бусово, славятъ месть Шароканову⁵⁸... А мы, твоя дружина, жаждемъ веселья».

Тогда великий Святославъ изронилъ золотое слово, со слезами, и сказалъ онъ: «О сыны⁵⁹ мои, Игорь и Всеволодъ! Рано вы стали Половецкую землю мечами дразнить, а себѣ славы искать... Не удалось вамъ съ честью одолеть и пролить кровь поганныхъ! Ваши храбрыя сердца изъ **крепкой стали**⁶⁰ скованы и закалены въ смѣлости; но что же вы содѣяли моею серебряною сѣдинѣ!

И ужъ не вижу я мощи сильнаго и богатаго и воинственного, брата моего Ярослава съ черниговскими боярами могучими, и съ татранами и съ шельбирами, и съ топчаками и съ ревугами и съ ольберами⁶¹; они безъ щитовъ, съ засапожными ножами, съ боевымъ кличемъ, полки побѣждаютъ, звеня славою предковъ. Но вы сказали:

мы сами проявимъ мужество, **будущая слава намъ самимъ достанется, и минувшей сами поделимся**⁶²».

О, диво ли, братья, и старому помолодеть! Когда соколъ перелинялъ, высоко онъ взбиваетъ птицъ; не дать своего гнезда въ обиду!

VIII. Великий князь Всеволодъ! отчего тебѣ не прилетать мыслию издалека, чтобъ отцовский золотой престолъ поблюсти. Ты можешь Волгу веслами разбрызгать, а Донъ вычерпать шлемами! Если бы ты былъ здѣсь — была бы пленница по ногатѣ и плѣнникъ по резани (т. е. плѣнныхъ было бы такъ много, что стоимость ихъ бы очень упала: «ногата» и «резана» — названия монетъ).

Ты, смѣлый Рюрикъ и Давидъ! **Не ваши ли золоченые шлемы**⁶³ въ крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкаетъ, какъ туры, раненные калеными саблями въ полѣ незнаемомъ? Вступите же, государи, въ золотыя стремяна, за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, смѣлаго Святославича!

⁵⁵ В тексте пропуск: нет перевода слов *и великое буиство подасть Хинови*.

⁵⁶ Так в переводе.

⁵⁷ Готы — германский народъ, жили на берегахъ Чернаго моря.

⁵⁸ Бусъ и Шароканъ, половецкае князья. Последний отомстил русскимъ въ 1111 году за нападения.

⁵⁹ Так в переводе: *сынъ о в ч я* — «два племянника».

⁶⁰ Так в переводе.

⁶¹ Инородческие племена въ Черниговскомъ княжестве. Боевой кличъ состоялъ въ провозглашении именъ побѣдоносныхъ предковъ.

⁶² Так в переводе.

⁶³ Так в переводе: изменения и против вставки «вои», и против падежныхъ форм.

Галицкій князь Осмомысль Ярослав! Высоко ты сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ; ты подперъ горы Угорскія своими железными полками — заступивъ путь королю, затворивъ ворота Дунаю, метая **гроздами**⁶⁴ чрезъ облака, суды ряда до Дуная... Грозы твои текутъ по землямъ; отворяешь ты ворота Киеву; съ отцовскаго золотого престола стреляешь султановъ за землями... Стрѣлай же, государь, Кончака, поганого раба (мстя) за землю Русскую, за раны Игоря, храбраго Святославича!

А ты, отважный Романъ и Мстиславъ! Храбрая мысль носить умъ вашъ на дѣло. Высоко плаваешь на дѣло въ отвагѣ, какъ соколъ, ширясь на вѣтрахъ и стремясь въ ярости одолѣть птицу... У васъ **железные нагрудники подъ шлемами латинскими**⁶⁵. Отъ нихъ уже дрогнула земля и многія страны: ханскія, Литва, ятвяги, деремела и **половцы побросали свои копья и склонили головы подъ те мечи булатные**⁶⁶.

Но вотъ уже, князь Игорьъ, слабѣетъ свѣтъ солнца, и деревья не къ добру листья сронили. По Руси, по Сулѣ — враги города подѣлили. А Игорева храбраго войска уже не воскресить!.. Донъ кличетъ тебя, князь, и зоветъ всѣхъ князей на победу.

Храбрые князья Ольговичи готовы на брань!.. О Ингваръ и Всеволодь, и всѣ три Мстиславича! Не худого гнѣзда соколы-шестокрыльцы! Не жребіемъ побѣдъ себѣ власть вы стяжали! Гдѣ же ваши золотые шлемы, и ляшскія копья, и багряные щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрелами — за землю Русскую, за раны Игоря, храбраго Святославича!

Уже Сула не бѣжитъ серебряными струями къ городу Переяславлю; уже Двина болотомъ течетъ къ тѣмъ грознымъ полочанамъ, подъ крикомъ поганныхъ. Одинъ только Изяславъ, сынъ Васильковъ, позволилъ своими острыми мечами объ шлемы литовскіе; перебилъ онъ славу у дѣда своего Всеслава, а самъ подъ багряными щитами, на кровавой травѣ, пораженный литовскими мечами, молвилъ: «Дружину твою, князь, птицы крылами покрыли, а звѣри кровь полизали!» Не было тамъ (съ Изяславомъ) ни брата Брячислава, ни другого Всеволода: одинъ онъ выронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла, сквозь золотое ожерелье. Приуныли пѣсни; поникло веселье; трубятъ трубы городенскіи.

О Ярославъ и всѣ внуки Всеслава! Опустите же свои знамена; Вложите свои мечи поврежденные! Уже вы лишены дѣдовской сла-

⁶⁴ Так в переводе.

⁶⁵ Так в переводе; ср. дискуссии вокруг слова *naporzi*.

⁶⁶ Так в переводе.

вы!; Вы-то своими крамолами стали наводить поганыхъ на землю Русскую на область Всеслава.

На седьмомъ Трояновѣ вѣкѣ бросилъ Всеславъ жребій о милой ему дѣвицѣ. Подпершись хитростями ⁶⁷, сѣлъ онъ на коня, подскочилъ къ городу Кіеву и прикоснулся остріемъ копья ⁶⁸ къ золотому кіевскому престолу. Въ полночь, изъ Бѣлагограда, какъ лютый звѣрь отскочилъ отъ нихъ (враговъ своихъ, сыновей Ярослава М.), окутался синей мглой. Поутру же ударилъ съ Дудутокъ ⁶⁹.

На Немигѣ рѣкѣ снопы стелютъ — головы; молотятъ цѣпами булатными: на току кладутъ жизнь, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега Немиги не зерномъ были застѣяны, застѣяны были костями Русскихъ сыновъ.

Всеславъ князь людямъ суды судилъ; князьямъ города рядилъ; а самъ волкомъ рыскалъ въ ночи; изъ Кіева онъ еще до пѣтуховъ дорыскивалъ къ Тмутороканю; великому Хорсу ⁷⁰ волкомъ путь перерыскивалъ. Ему звонили рано въ колокола къ заутренѣ въ Полоцкѣ у святой Софіи, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ! Хоть и вѣщая душа въ храбромъ тѣлѣ, но часто терпѣлъ бѣды. Ему-то вѣщій Боянъ и прежде разумную припѣвку сказалъ: «Ни хитрому, ни быстрому, будь онъ птицы быстрой, не миновать суда Божія! ⁷¹».

О, стонать Русской землѣ, вспоминая прежнее время и прежнихъ князей! Того стараго Владимира нельзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ! Его знамена уже стали — одни Рюриковы, другіе Давыдовы ⁷².

Х. Слышенъ голосъ Ярославнинъ. Кукушкой ⁷³ тайкомъ отъ всѣхъ зываетъ онъ рано утромъ: «Полечу, говорить, кукушкою по Дунаю! омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, утру князю кровавыя его раны на страдающемъ тѣлѣ». Ярославна плачетъ съ утра въ Путивлѣ на стѣнѣ, приговаривая: «О вѣтеръ, вѣтеръ! Зачѣмъ, господинъ мой, такъ сильно вѣешь? Зачѣмъ ты, на своихъ легкихъ крыльяхъ, мчишь ханская стрѣлы на воиновъ моего милаго? Мало-ль тебѣ было (простору) въ вышинѣ подъ облаками вѣять, качая корабли на синемъ морѣ. Зачѣмъ же, господинъ мой, мое веселье па ковылю развѣять?» Ярославна плачетъ съ утра въ Путивлѣ-городѣ на стѣнѣ, приговари-

⁶⁷ Так в переводе.

⁶⁸ Так в переводе.

⁶⁹ Так в переводе.

⁷⁰ Хорсъ — богъ солнца (какъ и Дажьбогъ).

⁷¹ Так в переводе.

⁷² Пропуск в переводе: в оригинале текст имеет меньший объем сокращения (см. выше).

⁷³ Так в переводе.

вая: «О славный Днѣпръ! Ты пробилъ себѣ⁷⁴ каменные горы черезъ землю Половецкую; ты несъ на волнахъ своихъ Святославовы ладьи до войска Кобякова; понеси, господинъ мой, моего мужа ко мнѣ, чтобы не посылать мнѣ къ нему слезъ на море съ утра!» Ярославна плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ, приговаривая: «Светлое и пресвѣтлое солнце! Для всѣхъ ты тепло и красно. Зачѣмъ же, господинъ мой, простерло ты свой горячій лучъ на милыхъ воиновъ моего мужа?.. въ полѣ безводномъ имъ луки свело, печалью имъ тулы замкнуло!..»

XI. Зашумело море на полночь; идутъ смерчи туманные. Игорю князю Богъ кажетъ путь изъ земли Половецкой въ землю Русскую, къ отцовскому золотому престолу. Погасла заря. Игорь спитъ... Игорь бодрствуетъ; Игорь мыслью поля мѣритъ отъ великаго Дона до Малаго Донца. Коня въ полночь свистнулъ Овлуръ за рѣкою; велитъ разуметь князю... Загудела земля; прошумела трава; вздрогнули шатры половецкіе... А Игорь князь поскакалъ горностаемъ къ тростнику и поплылъ бѣлымъ гоголемъ по водѣ. Метнулся на борзаго коня, соскочилъ съ него сѣрымъ волкомъ, помчался къ лугу Донца и полетѣлъ соколомъ въ туманѣ, бьючи гусей и лебедей на обѣдъ, на завтракъ и на ужинъ⁷⁵. Когда Игорь соколомъ летѣлъ, тогда Овлуръ мчался волкомъ, отряхая собою студеную росу: надорвали они своихъ борзыхъ коней.

И говорить рѣка Донецъ: «О князь Игорь! Немало тебѣ величія, а Кончаку досады, а Русской землѣ веселія!» Игорь говоритъ: «О Донецъ! немало славы тебѣ, что качалъ ты князя на волнахъ своихъ; что ты сталъ ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ; одѣвалъ его теплыми туманами подъ сѣнью зеленого дерева; стерегъ его какъ гоголя⁷⁶ на водѣ, какъ чаекъ⁷⁷ на струяхъ.

То не сороки застрекотали: то Гза съ Кончакомъ ѣдутъ по слѣду Игореву. Тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не стрекотали⁷⁸. Дятлы своимъ стукомъ указываютъ путь къ рѣкѣ; соловьи веселыми пѣснями близость свѣта возвѣщаютъ. И говорить Гза Кончаку: «Когда соколъ летитъ къ гнезду, то соколенка мы разстрѣляемъ своими золочеными стрѣлами!» Отвѣчаетъ Гзѣ Кончакъ: «Когда соколъ летитъ къ гнезду, то соколенка мы опутаемъ красною девицею!» И говоритъ Гза Кончаку: «Когда мы опутаемъ его красною дѣвицею, — не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы, и почнутъ насъ тогда бить птицы въ полѣ Половецкомъ».

⁷⁴ Так в переводе.

⁷⁵ Так в переводе.

⁷⁶ Так в переводе: меняется характер сравнения.

⁷⁷ То же.

⁷⁸ Пропущен перевод слов *полозію ползоша только*.

ХІІ. Сказа ль Боянь: «Когань!» ⁷⁹ тяжко тебѣ, головѣ, безъ плечъ, но плохо и тѣлу безъ головы!» Такъ и русской землѣ — безъ Игоря. Свѣтитъ солнце на небѣ; Игорь князь — въ Русской землѣ. Поютъ дѣвы на Дунаѣ; несутся пѣсни черезъ море до Кіева. ѣдетъ Игорь по Боричеву-ввозу, къ святой Богородицѣ Пирогошей. Рады всѣ страны, веселы города.

Пѣли пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ пѣть станемъ: «Слава Игорю Святославичу, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Да здравствуютъ князья и дружина, поборающе за христіанъ на полчища невѣрныхъ! Слава князьямъ и дружинѣ!» Аминь.

Одна из задач дальнейшего изучения текста и перевода «Слова...», опубликованного выдающимся российским историком-медиевистом, — попытаться определить то издание древнерусского текста «Слова...», на котором основывался П. М. Бицилли — публикатор учебного издания «Слова...» в названной выше хрестоматии. Однако это может быть сделано достаточно просто только при подготовке обобщения различных конъектур к «Слову...» при критическом издании памятника. Самостоятельная задача — сравнить перевод «Слова о полку Игореве», изданный П. М. Бицилли, с другими прозаическими переводами «Слова...» с целью показать сходства и различия в понимании отдельных фрагментов памятника. Эта задача выполнима уже сейчас при интеграции перевода П. М. Бицилли в Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве».

Н. А. Баскаков-филолог в работе над «Словом о полку Игореве»

Многие известные ученые-востоковеды и в особенности тюркологи занимались проблемой тюркских заимствований в русском языке в различные периоды его истории, особое внимание уделялось тюркизмам «Слова о полку Игореве». Это понятно: ранние тюркизмы в русском языке (как в древнерусских памятниках, так и в современных русских говорах) могут представлять интерес как для истории восточно-славянско-тюркских контактов, так и для истории тюркских языков X—XIII вв. и отчасти более позднего времени. Обращение Н. А. Баскакова к изучению «Слова...», выразившееся в статьях и книге «Тюркская лексика в „Слове о полку Игореве“» [Баскаков 1985], было данью традиции и отвечало интересам автора.

⁷⁹ Пропуск в переводе.

Книга Н. А. Баскакова о тюркизмах «Слова...» имеет не самую счастливую судьбу. Несколько ранее ее появления вышло в свет русское издание книги К. Г. Менгеса «Восточные элементы в „Слове о полку Игореве“» [Менгес 1979], которое, как считается, разрешило большинство проблем ориентализмов «Слова...», а через несколько лет было опубликовано новое научное издание текста «Слова...» с комментариями ([Слово о полку... 1985]; текст и комментарии воспроизведены в: [Олядыкова, Бурыкин 2012]), содержащими в числе прочего ряд нетривиальных этимологий для слов предположительно восточного происхождения. Н. А. Баскаков не смог учесть это издание в своем труде, что не умаляет его собственных заслуг в освещении проблемы, тем более что и комментаторы «Слова...» в данном издании не смогли принять во внимание некоторые важные соображения видного ученого-тюрколога об этом древнерусском памятнике. Как мы можем убедиться, основу будущей книги составили материалы по тюркской лексике «Слова...», подготовленные Н. А. Баскаковым для дискуссии о подлинности «Слова о полку Игореве», состоявшейся в 1964 г. Опубликованы эти материалы были лишь недавно [Баскаков 2010].

Книга Н. А. Баскакова по своей проблематике оказывается много шире проблем тюркизмов «Слова...». Надо признать, что сам автор в этой книге раскрылся как ученый-филолог широкого профиля, который проявил внимание и к восточным фольклорным мотивам «Слова...», и к языковой ситуации на юге Руси во второй половине XII в., и к характеристике тюркских языков южных соседей русских княжеств. Собственно говоря, первые два раздела книги [Баскаков 1985: 12—91], посвященные тюркской антропонимии и этнонимии I-го тысячелетия н. э. в целом, выходят за рамки заглавия книги и представляют самостоятельное обобщение исследований автора по ономастике Восточной Европы и европейско-азиатского языкового континуума.

Н. А. Баскаков начинает освещение древнерусско-половецких связей с характеристики реального или гипотетического разноязычия тюркоговорящих южных соседей Руси — узов, торков, ковуев и т. д., часть из которых говорила на огузских языках [Баскаков 1985: 92, 102]. Это положение весьма принципиально для характеристики ориентализмов «Слова...»: оно отличается и от традиционного для ориенталистики «Слова...» взгляда на то, что в нем могут присутствовать ранние, дополовецкие тюркизмы, и от сведения тюркизмов и ориентализмов «Слова...» к половецкому языку — последнюю позицию отстаивал А. А. Зимин, который прямо писал: «Особенно они [исследователи] обращают внимание на слова восточного происхождения, ибо некоторые из них, по их мнению, сохранили черты половецкого язы-

ка» [Зимин 2006: 11, 423]. Однако в другом месте своей книги Н. А. Баскаков все же отмечает разновременный характер древнерусско-тюркских контактов [Баскаков 1985: 107].

Особая заслуга Н. А. Баскакова в изучении ориентализмов «Слова...» состоит в том, что он обратил внимание на отдельные образы, эпитеты, сравнения и метафоры «Слова...», характерные для тюркского фольклора [Баскаков 1985: 92, 100—101], что обещает новые горизонты в изучении восточных элементов «Слова...» и уже дало свои результаты [Олядыкова, Бурыкин 2012: 161 и след.], однако требует внимания соотношение калмыцкого эпоса «Джангар», в котором есть созвучные «Слову...» образы и мотивы, и тюркского, в частности ногайского воинского эпоса. Интересен взгляд Н. А. Баскакова на проблему автора «Слова...»: «Значительное влияние половецкое сказочное и эпическое творчество оказало и на формирование творчества автора „Слова...“ — через половецкие сказания и эпические героические былины, передаваемые половецким окружением княжеского двора или семьи дружинника-аристократа, т. е. среды, из которой, безусловно, вышел автор „Слова...“» [Баскаков 1985: 96]; в выступлении в дискуссии Н. А. Баскаков даже видел в авторе «лицо смешанной крови» [Баскаков 2010: 299]. Интересен до сих пор и обзор характеристик автора «Слова...» [Баскаков 1985: 96 и след.].

Из конкретных разработок Н. А. Баскакова по тюркской лексике «Слова...» привлекают внимание рассмотрение словосочетания со словом *синий* [Баскаков 1985: 99], анализ слова *яруг* [Баскаков 1985: 108], привлекающего внимание в связи с материалами русских говоров, важные дополнения к словосочетанию *босый волк* [Баскаков 1985: 117—118], анализ восточных теонимов [Баскаков 1985: 137 и след.], признание однозначной этимологии слова *хоругвь* как раннего монголизма ([Баскаков 1985: 167]; см.: [Олядыкова, Бурыкин 2012: 30—35]). Важно и ценно следующее замечание ученого: «Не исключена возможность того, что имена *Гза ~ Гзак Билюкович* и *Коza Буrнович* не идентичны и принадлежат разным лицам» [Баскаков 1985: 152]. Любопытны попытки Н. А. Баскакова подвести слова *харалуг*, *харалужный* под тюркские корни *saġ- ~ ſaġ-* [Баскаков 1985: 163—167]; ср., однако, предполагаемое санскритское *khara-langh-ya-na* ‘поражающий остротой’, ‘сверкающий остротой’ или *khara-loga* ‘острое железо, острое оружие’ [Олядыкова, Бурыкин 2012: 222—223]. В обсуждении этимологии слова *боярин* [Баскаков 1985: 155—156] придется принимать во внимание предположение о скандинавском этимоне этого социального термина, эффектно уподобляющем его собственно русскому *дворянин* [Клейнер 2007: 103—107]. При обсуждении топонима *Тьмуторокань* Н. А. Баскаков упоминает именование Хаджи-Тархан, и

отмечает, что к нему возводят топоним *Астрахань* [Баскаков 1985: 115]. Мы рискуем не согласиться с последним: название *Астрахань* хорошо расшифровывается из тюркской географической апеллятивной лексики, ср.: *ast* 'низ, низовья реки' + *arqan* (тюрк. *aryq* 'ручей, арык' с суффиксом множественности *-n*). Вероятно, именование Хаджи-Тархан было в свое время названием поселения, а современное название Астрахань восходит к тюркскому общему обозначению волжской дельты.

Важными, интересными и актуальными оказываются соображения Н. А. Баскакова о слове *сабля* [Баскаков 1985: 163]. То, что автор не учел ряд критических замечаний К. Г. Менгеса о возможных этимологиях этого слова [Менгес 1979: 202—205], несущественно.

Работы Н. А. Баскакова о тюркизмах «Слова о полку Игореве» и роли восточных элементов в его тексте для изучения истории этого памятника древнерусской литературы были откликом на вызовы времени и знаменовали собой новую парадигму в ориенталистических штудиях вокруг «Слова...». Этим они ценны и ныне как для историографии вопроса, так и для актуальных научных идей.

Задачи исследования истории издания «Слова о полку Игореве» в контексте проблемы его принадлежности к образцам древней русской литературы XII века

...Но пусть они мне сначала докажут!

М. Жванецкий. Одесский пароход

Казалось бы, издание книги А. А. Зимина «Слово о полку Игореве» [Зимин 2006], издание материалов обсуждения этой книги [История спора 2010], ряд других публикаций [Соколова 1994; 2004а; 2004б; 2007] и выход в свет работы А. А. Зализняка «Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста» [Зализняк 2008] должны были исчерпать вопрос о том, что «Слово о полку Игореве» может быть продуктом патристически настроенных историков и филологов XVIII в., как бы его ни именовали — подделкой для читательского рынка, фальсификацией для воздействия на корпус документов по истории, имитацией в целях удревления корпуса литературных памятников, подражанием с задачами приведения литературного контекста России в соответствие с историей литератур европейских стран конца XVIII в. и т. п. Обстоятельный разбор сочинений «скептиков», «словофобов» — разумеется, более сложная и объемная задача, которая не влезает в рамки одной

дискуссионной статьи, однако же тут следует обозначить основные разногласия всех критиков «Слова...», а вместе с ним истории древнерусской литературы и древнерусского языка старшего периода.

Вопрос первый: *когда* могло быть создано «Слово...» в XVIII в.? В. М. Богданов и Н. В. Носов считают, что оно написано в 1766 г. В. К. Тредиаковским [Богданов, Носов 2005], А. Костин — что тем же Тредиаковским [Костин 2014], А. А. Зимин считает, что оно написано в 1770—1790-е гг. Иоилем Быковским [Зимин 2006: 326], основная масса сторонников позднего происхождения относят написание «Слова...» к периоду между 1786—1790 гг. и 1800 г., т. е. выходом в свет печатного издания. С чем именно следует увязывать затянувшийся в исполнении почти на 15 лет замысел возможной мистификации, на который не повлияли ни уход из жизни Екатерины II, ни иные политические, культурные и научные события, — непонятно.

Вопрос второй: *кем* могло быть написано «Слово...» в конце XVIII в.? А. А. Зимин называл в качестве его автора Иоила Быковского [Зимин 2006: 328, 338]. А. А. Зализняк убедительно отводит мысль о том, что в создании «Слова...» мог участвовать И. Добровский [Зализняк 2008: 344—405]. Поиски авторов внутри мусин-пушкинского кружка остаются единственным полем проявления скепсиса.

Вопрос третий, звучавший не раз: *зачем* в конце XVIII в. могло быть написано «Слово...», восхваляющее поход малоизвестного князя, закончившийся поражением, когда в распоряжении историков и литераторов были куда более достойные сюжеты, подтвержденные «Повестью временных лет», другими известными на то время летописями и томами «Истории Российской» В. Н. Татищева? На пересмотр оценок исторических событий этот памятник не влиял и не влияет, количество важных персонажей в истории домонгольской Руси он не увеличивает, его поэтика внешне мало отличается от поэтики известных древнерусских воинских повестей. Ведь не случайно скептики считают, что при написании «Слова...» в конце XVIII в. могли и обязательно должны были быть использованы известные нам литературные памятники, прежде всего воинские летописные рассказы и «Задонщина», хотя сведения о том, что она была кому-либо известна в это время, отсутствуют. Проявлением интереса к славянскому язычеству «Слово...» служить не может: все языческие теонимы служат в основном украшением его стиля — эпитетами и их компонентами, в то время как городскими ориентирами для его автора служат православные храмы. Влияние тех образцов фольклора, которые были известны во второй половине XVIII в., в «Слове...» не прослеживается.

Новые этапы изучения «Слова о полку Игореве» ставят перед исследователями и новые задачи в изучении памятника и его литератур-

ной и филологической истории. В частности, при рассмотрении и оценке сочинений скептического направления значимым оказывается не только бесконечное увеличение свидетельств подлинности «Слова...», его аутентичности для русской литературы конца XII в., но и оценка внутренней логики и достоверности и правдоподобности аргументов и тех источников, которые могут так или иначе обосновывать неаутентичность «Слова о полку Игореве» и связывать его появление с персонажами и документами XVIII в. Похоже, в рядах скептиков появляются такие участники дискуссии, которые не считаются с аргументами иного плана и требуют исключительно оценок или опровержений их собственных построений — и это при том, что общее направление исследований «Слова...» приносит результаты в пользу его аутентичности для XII в. [Горский 2004: 622—626] — с неубедительностью позиции А. А. Зимина [Горский 2004: 623—625]; см. также [Горский 1987; 1989; 1992; 1993; 2004а: 160—175; 2009; 2010; 2010а: 109—115], причем с использованием оригинальной новой методики сравнения текстов [Горский 1989; 1992; 1993 и др.].

С. В. Власов и Д. Г. Демидов в своих разысканиях обращаются к документам, связанным с историей издания «Слова...» и сохранившимся среди бумаг Екатерины II. Они полагают, что данный документ — Е2 в их обозначении — представляет собой как бы более ранний фальсификаторский текст «Слова...», отражающий этап работы над текстом, предшествующий появлению Екатерининской копии (Е3) и мусин-пушкинского издания «Слова...» [Власов, Демидов 2015]. В свою очередь, тексту Е2 предшествовал текст Е1, представляющий в обобщенном виде содержание «Слова...» [Власов, Демидов 2015: 670, 674]⁸⁰.

Что принципиально важно для авторов и не менее важно для их критики — С. В. Власов и Д. Г. Демидов допускают, что в Е2 уже были учтены и исторические источники текста в полном объеме — т. е. тексты повестей о походе 1185 г. по Лаврентьевской и Ипатьевской летописям вместе с материалом «Истории Российской» В. Н. Татищева (тогда еще не написанной) и филологические источники — прежде всего списки «Задонщины» и каких-то иных текстов XII—XV вв. Сразу же вопрос: зачем издателям мнимо древнего текста нужен был весь комплект исторических источников, если даже в издательских исторических комментариях к «Слову...» отражено далеко не все из того, что могло быть им известно. Что касается филологических ис-

⁸⁰ Здесь авторы — намеренно или скрыто — воспроизводят логику Э. Кинана, считающего, что составление «Слова...» А. И. Мусин-Пушкиным и его помощниками началось с записок А. Ф. Малиновского [Гальперин 2007: 8].

точников, то удивительно, что Е2 отражает, по мысли авторов, и процесс проработки «Задонщины» в обеих ее редакциях, и использование иных текстов, сопоставимых со «Словом...» по содержанию и поэтике. Скажем сразу: здесь есть одна сложность в связи с параллелями лексики «Слова...» с такими памятниками, как «Повесть об Акире», «Девгениево деяние» и «Сказание об Индийском царстве». Как известно, эти повести находились в одном сборнике со «Словом о полку Игореве». Сходства языка «Слова...» с языком этих памятников, по мысли скептиков, могут указывать на использование этих текстов при составлении «Слова...» [Зимин 2006: 227]. По нашему мнению, эти сходства, как и состав второй части мусин-пушкинского сборника, объясняются тем, что автором «Слова...» является тот самый книжник, который переводил названные выше повести с греческого языка на русский язык в последней четверти XII в.

Если бы интерпретаторы Е2 как протографической версии поддельного «Слова...» имели какой-нибудь текст ЕХ (икс), который показывал бы незнакомство его составителя с какой-то группой потенциальных исторических источников или с чем-либо из филологических источников, их позиция была бы более доказательной. Однако приходится полагать, что мифический составитель «Слова...» из клуба Мусина-Пушкина получил все сразу — и летописи, и все списки «Задонщины», в том числе уникальный Кирилло-Белозерский список — автограф составителя Краткой редакции Задонщины Ефросина. Здесь авторы повторяют допущения А. А. Зимина о том, что уникальное по качеству и полноте собрание древнерусских исторических и литературных памятников, в том числе то, чего не было в коллекции А. И. Мусина-Пушкина, могло оказаться в распоряжении скромного ярославского архимандрита Иоиля, хотя они открестились и от А. А. Зимина, и от Иоиля [Власов, Демидов 2015: 668, примеч. 1].

Альтернативой мнению С. В. Власова и Д. Г. Демидова является та позиция, согласно которой рукопись Е2 составляет какой-то вариант перевода «Слова...», издание которого планировалось также как параллельное, в две колонки с изданием аутентичного древнерусского текста «Слова...», — то есть позиция, которую занимает большинство исследователей «Слова...». Заметим — в конце XVIII в. публикация литературной «древней» фальшивки с переводом на современный язык, точным, ясным и понятным по языку и содержанию, была бы вопиющей нелепостью: ведь текст «Слова...», как показывают некоторые массовые издания XIX в. и Щукинская рукопись «Слова...», в целом был понятен грамотным читателям начала XIX в. за вычетом «темных мест», не мешающих чтению «Слова...», однако же не всегда понятных и современным филологам. Сосредоточившись на сходствах и

различиях рукописей Е2 (перевода) и Е3 (одной из копий оригинала «Слова...»), С. В. Власов и Д. Г. Демидов мало утруждают себя вопросом о принципах работы над переводом и изданием древнерусских текстов в конце XVIII в., о том, что практиковали филологи круга А. И. Мусина-Пушкина в своей работе, а равно и о том, как мыслилась практика перевода с древнерусского или церковнославянского языков на русский язык на рубеже XVIII и XIX вв. и в начале XIX в., хотя эти проблемы обсуждались в литературе, в том числе на материале перевода Священного Писания в 1810-е гг. [Рижский 1978; 2007: 168 и след.]. Нам же ничто не мешает полагать, что текст Е2 был подготовлен самим А. И. Мусиным-Пушкиным (т. е. это его перевод «Слова...», о котором он говорил), а перевод издания 1800 г., как мы знаем, принадлежит А. Ф. Малиновскому. Но тогда реконструкция единого архетипа перевода «Слова...» по переводам двух разных авторов — либо абсурд, либо прямой обман читателей.

Автор данной статьи несколько лет назад предпринял беспристрастное исследование того текста «Слова о полку Игореве», который был представлен как перевод древнерусского текста «Слова...» в мусин-пушкинском издании [Бурыкин 2007, см. в наст. книге], доказывать аутентичность которого для конца XVIII в., по счастью, нет необходимости. Принципы перевода «Слова...», которыми руководствовался А. Ф. Малиновский (именно ему принадлежит перевод «Слова...» в издании 1800 г.), включают разнообразные контекстные замены, изменения порядка слов, подставление церковнославянских форм вместо русских и одновременные обратные замены, как бы уводящие современный текст от оригинала. То же самое характерно и для Е2 по отношению к древнерусскому тексту «Слова...». В ходе этой работы нам удалось заметить, что некоторые формы «Слова...» в переводе А. Ф. Малиновского восходят к такому тексту, который мог быть только древнерусским оригиналом. Так, форма винительного падежа «*дорогія бархаты*», с согласованием прилагательного в падеже, маловероятная для конца XVIII в., точно соответствует форме оригинала «*драгыя оксамиты*» [Слово 1800: 11], в то время как другие словосочетания демонстрируют привычное нам оформление — *нечестивые полки* [Слово 1800: 10], *на храбрые полки* [Слово 1800: 12], *об илеме половецкие* [Слово 1800: 12], есть еще *чужія ручьи* (*чужи* в оригинале [Слово 1800: 42]) и *чужія* в издании Л. К. Ильинского [Ильинский 1920: 80], хотя это написание также может передавать оригинал текста.

Разумеется, гипотеза С. В. Власова и Д. Г. Демидова должна бы была получить и иное обоснование — в частности, ее доказывало бы заметное отличие бумаги и почерка Е2 от бумаги и почерка Е1 и Е3, а равно других документов из архива Екатерины II, относящихся

к «Слову...», а также идентификация почерка писца Е2 (что было сделано по отношению к Е3). Как установил недавно С. Л. Николаев, исполнителем Екатерининской копии был А. Ф. Малиновский ([Электронный ресурс] / URL: <https://nestoriana.wordpress.com/2014/11/07/kopiyamalinovskogo/> (дата обращения: 10.11.2017)). Мы не беремся предсказывать результаты этих разысканий.

Пожалуй, самое интересное для нас и неожиданное для С. В. Власова и Д. Г. Демидова — то, что тексты «Слова...», аналогичные Е2, не представляют собой чего-то уникального и не принадлежат к монолитной цепи эксклюзивных продуктов мнимых авторов «Слова...» за последние 15 лет XVIII в., как неизбежно было бы в реальности, если бы «Слова...» на самом деле было сочинено сподвижниками А. И. Мусина-Пушкина. Рукописные переводы «Слова...» — а для конца XVIII в. это были именно *переводы* древнерусского текста — расходились в списках, были даваемы членами кружка Мусина-Пушкина для прочтения, списывались читателями и не всегда потом возвращались к своим владельцам. Точное число их едва ли можно установить, но один из таких рукописных переводов находился у Н. М. Карамзина, другой был издан Л. К. Ильинским в 1920 г. в качестве одного из документов по допечатной истории «Слова о полку Игореве» [Ильинский 1920], причем в этом издании имеются указания еще на два подобных списка переводов «Слова...» [Ильинский 1920: 35, 53]. То, что издатели, готовившие фальсификат, могли представить один его список Екатерине II, будет еще как-то понятно, но то, что они при этом раздавали свои находящиеся в работе материалы в копиях направо и налево — невероятно, ибо ничего более безрассудного невозможно себе представить.

Сравнение фрагментов рукописи Е2, анализируемых в статье Д. Г. Демидова и В. Г. Власова, с текстом, изданным Л. К. Ильинским, и с проанализированными им же рукописями перевода «Слова...» по другим указанным им спискам из РНБ (F.15.50 [Ильинский 1920: 35]) и рукописного отдела БАН (архив кн. Воронцова, шифр не указан [Ильинский 1920: 53]) показывает следующее:

1. Все рукописные переводы «Слова...», попавшие в поле зрения Л. К. Ильинского и сверенные им, восходят к одной рукописи, имеющей один и тот же состав: историческое содержание «Слова...» (его нет только в рукописи из воронцовского архива) и его текст в приближительном переводе.

2. Рукопись, к которой восходят переводы, изученные Л. К. Ильинским, имеет множество чтений, совпадающих с Е2, но отличается от них большей близостью к древнерусскому тексту «Слова...». При

этом переводимые фрагменты «Слова...» в Е2 и в переводе, изданном Л. К. Ильинским, часто оказываются варьирующимися, что как раз и можно ожидать от разных переводов, а объем и характер идентичных древнерусскому тексту фрагментов в этих документах оказывается неэквивалентным и различающимся. То есть в заданной С. В. Власовым и Д. Г. Демидовым номенклатуре группа из трех копий перевода «Слова...», опубликованного Л. К. Ильинским, не отвечает ни «Е-полтора», ни «Е2,5», хотя сам публикатор отмечает, что издаваемый им текст появился «до Екатерининского перевода» [Ильинский 1920: 34]. Существенно следующее: текст Е2 оказывается не уникальным в своем роде, и он определенно не имел «служебного» предназначения в том процессе создания «Слова...» как фальсификата, который предполагается авторами статьи о Е2. Мы не приводим сходств и различий Е2 и перевода по публикации Л. К. Ильинского, поскольку эта работа была проделана издателем данного перевода [Ильинский 1920: 2, 7—9, 12—13, 20—23, 25—26, 28—32], а ее продолжение выходит по своим задачам за рамки данной работы. С. В. Власов и Д. Г. Демидов, кажется, решили воспользоваться «принципом текстологического историзма», который применил к «Слову...» и связанным с ними текстам А. А. Зимин [Зимин 2006: 268—269], и этот опыт оказался еще более безуспешным.

Итак, Екатерининский перевод (Е2) и перевод, изданный Л. К. Ильинским, — это две версии одного текста, которые, конечно, можно свести к одному — но таким общим текстом будет только древнерусский оригинал «Слова о полку Игореве». Л. К. Ильинский писал: «Действительно, с точки зрения перевода 1-го издания (и перевода Малиновского) перевод „Рукописи“ (и Екатерининский перевод) (т. е. Е2. — А. Б.) мог быть назван „неисправной перепиской“ (слова А. И. Мусина-Пушкина о рукописях перевода „Слова...“ 1790-х гг. — А. Б.), ибо близость к тексту, сохранение словарного материала, отдельных выражений не могла понравиться человеку, воспитанному на взглядах XVIII века на язык литературного перевода. Здесь еще не было той желанной ясности, до которой он и доведен в издании 1800 года» [Ильинский 1920: 51].

В тексте Е2 и в интересующих нас копиях перевода «Слова...» конца XVIII в. есть одна замечательная деталь, характеризующая даже не столько хронологию разных переводов, сколько соотношение этих переводов с древнерусским текстом «Слова...» и являющаяся сильным аргументом в пользу аутентичности древнерусского оригинала «Слова...». С. В. Власов и Д. Г. Демидов в числе разночтений Е2 и Е3 указывают на фрагмент начала «Слова...»: «Мы *помним* = *Помняшетъ* бо...» Сравним это место с текстом и переводом издания 1800 г.: текст

«Помняшь бо речь п̑рвыхъ время̑ усобѣѣ» и перевод «Памятно нам по древним преданиям, что поведая о каком-либо сражении...» [Слово 1800: 3]. С какой стати в исходном тексте «Слова...», т. е., по логике Власова и Демидова, протооригинале древнерусского текста, вдруг 1-е лицо мн. числа «мы помним» заменилось на 3-е лицо мн. числа «помняшь»? Объяснение тут одно. В начале работы над переводом «Слова...» форма имперфекта глагола *помняшь* была прочитана публикаторами как *помняшемъ* по палеографическим причинам — при ясной реальности сходства начертаний букв Т с тремя ножками и М и глагольная форма переведена как ‘мы помним’. Где эта форма могла быть так прочитана? Ответ опять один — только в древнерусском тексте «Слова...» по рукописи. Далее в процессе работы над интерпретацией памятника чтение древнерусского текста «Слова...» изменилось на корректное *помняшь*, а перевод, зафиксированный в Е2 и других копиях, остался неисправленным вплоть до печатного издания 1800 г. включительно и целого ряда переводов 1810-х—1820-х гг., от него зависящих. Перевод ‘помнил он...’ появляется только у Н. Грамматина [Ильинский 1920: 15].

Таким образом, текст Е2 не предшествует хронологически Е3 — Екатерининской копии «Слова...», сделанной с древнерусского оригинала, отразившегося в Е2 и в его аналогах, изученных и изданных Л. К. Ильинским.

Более того, текст Е1 никак не может быть источником текста Е2. Преамбула «Историческое содержание...» наличествует не только в комплекте документов по «Слову...» в бумагах Екатерины II, но она присутствует и в двух из трех копий переводов «Слова...», рассмотренных Л. К. Ильинским, и, кроме того, она имеется и в печатном издании «Слова...» 1800 г. [Слово 1800: III—VIII]. Эти преамбулы, составляющие части одного документа (отнюдь не ранний и поздний варианты), рассмотрены Л. К. Ильинским [Ильинский 1920: 7—9], при этом оказалось, что фрагмент «Историческое содержание...» в издаваемой им рукописи оказывается значительно ближе к тексту вводной части издания 1800 г., в то время как аналогичная часть бумаг Екатерины II (Е1) несколько отличается от него. Но это несущественно: ясно, что документы Е1 и Е2 должны были дополнять, а не подменять друг друга, они составляли две части одной идеи, в конце концов реализованной в издании 1800 г. Какой фальсификатор будет публиковать эскиз своего замысла, пусть и исправленный позднее, вместе с готовым древнерусским текстом, да еще и с переводом, над которым издатели трудились около 10 лет?

Итак, предположение о Екатерининском переводе «Слова...» (Е2) как возможном источнике его фальсификации несостоятельно, как не-

доказательны и предположения о распределении претеритальных форм в тексте и формах настоящего исторического — у С. В. Власова и Д. Г. Демидова это, по сути, раскавыченная цитата из книги А. А. Зимина [Зимин 2006: 286]; об аутентичности настоящего исторического для «Слова...» и «Девгениева деяния» см.: [Пичхадзе 2016: 608].

Задача оценки «внешних» источников предполагаемой фальсификации «Слова...» в наши дни существенно осложняется нарастающим и ныне объемом позитивных знаний о «Слове...». Мало того что «Задонщина» была открыта Р. Ф. Тимковским в 1813 или в 1814 г., так при этом у скептиков оказывается, что при компилировании «Слова...» были использованы обе ее редакции, в то время как Краткая редакция (как выяснено, дошедшая до нас в автографе Ефросина, ее списки неизвестны) носит следы вторичной сверки и правки текста по «Слову...». К числу инструментов фальсификации «Слова...» в плане источников графики и орфографии придется отнести и Пролог 1479 г., исследованный Л. П. Жуковской [Жуковская 1985] — это единственная известная нам рукопись, орфография которой идентична мусин-пушкинскому изданию «Слова...».

В количественном отношении сторонники и противники подлинности «Слова о полку Игореве» как памятника книжности XII в. делятся как большинство к меньшинству. Так же делится и исследовательская литература по «Слову...». Оставим в стороне вопрос о конъюнктуре позиций сторонников аутентичности «Слова...», заметим следующее — в любой науке и в любой частной проблеме при различии взглядов и концепций для неопитов примкнуть к меньшинству — задача более простая, требующая меньшего объема знаний и обещающая гораздо более скорый успех. Не тут-то было, издание книги А. А. Зимина показало, что сам уважаемый историк был готов отказаться от своей теории, если будет доказано, что Краткая редакция Задонщины вторична, ибо это создает неустраимые противоречия в его концепции (см.: [Зимин 2006: 169]) — как мы знаем, так и получилось [Бобров 2005]. Заодно мы увидели, что видный историк, критикуя мусин-пушкинское издание «Слова...», не слишком тверд в знании падежей, в то время как простое изменение расстановки знаков препинания между предложениями снимает мнимые противоречия в тексте. Изучение материалов по переводам «Слова...» в конце XVIII в. лишило Екатерининский перевод уникальности, соответственно, утрачивается та его предназначенность, о которой пишут С. В. Власов и Д. Г. Демидов.

Авторы, чьи сочинения рассматриваются в данной статье, опубликовали еще одну работу, которая выглядит как развернутая рецензия на книгу А. А. Зализняка [Власов, Демидов 2014].

Они пишут: «В отличие от книги А. А. Зализняка, многие работы о „Слове...“ исходят из неверной посылки, будто время создания памятника уже известно (ссылка на книгу: [Олядыкова, Бурыкин 2012], курсив мой. — А. Б.). Ценные частные наблюдения в области грамматики, лексики, стилистики, поэтики произвольно объявляются уникальными для нашего средневековья, известными только в XII в. и только в „Слове...“ и неизвестными в более поздних памятниках письменности» [Власов, Демидов 2014: 7]. Это двойной обман. Во-первых, «Слово...» как сочинение о реальных исторических событиях, датируемых с точностью до дня или до двух-трех месяцев 1185 г., само по себе содержит основания для датировки его не последней третью или четвертью XII в., а летом или осенью 1185 г.: другие варианты его датирования основаны на том, чего в тексте «Слова...» нет и что хотят видеть в обстоятельствах его появления те или иные литературоведы или историки. Во-вторых, логика исследований языка и поэтики «Слова...» такова, что исследователи всевозможных параллелей к «Слову...» уходят от гапаксов, уникальных слов, единично документируемых поэтических коллокаций не только вширь — к увеличению числа примеров, но и вверх — от XII в. к более позднему времени, где лингвистический материал доходит до начала XXI в., т. е. до нашей современности, представленной живыми русскими и украинскими говорами. Далее: «Казалось бы, „взгляд лингвиста“ побуждает читателя не просто бездумно согласиться с положением, согласно которому произведение появилось в конце XII в., а продолжить движение к полному и исчерпывающему исследованию „Слова...“, в результате которого стали бы ясными и критически оцененными также и все возможные аргументы в пользу составления памятника как цельного произведения в конце XVIII в.» [Власов, Демидов 2014: 7], ср. в выводах: «...невозможно исходить из якобы известного утверждения, что „Слово...“ написано в XII в. Такое исходное утверждение ошибочно. Необходимо рассматривать обе точки зрения» [Власов, Демидов 2014: 35]. Источниковедение древнерусской литературы XII в. — давно сложившаяся научная дисциплина, где основные открытия состоялись много лет назад, а фантазийные гипотезы не приживаются, в нем давно нет места подобным «аргументам», в которых авторские недогляды смешиваются с умышленными умолчаниями, а то и другое просто обманывает читателей. Учет всех суждений — это призывы адептов разных антинаучных теорий от учения Н. Я. Марра до «Новой хронологии» А. Т. Фоменко, хотя принцип *audiatur et altera pars* в таких ситуациях некорректен в применении и в научных сферах он на практике не применяется, если эта самая *altera pars* уличена в преднамеренном обмане. Продолжим: «С другой стороны, автор <А. А. Зализняк> использует порой тот самый нежелательный „риторический напор“, против которого

предостерегал вначале, подчеркивая, исходя исключительно из формальных параметров, малую степень вероятности противоположной точки зрения о написании „Слова...“ в конце XVIII в. и представляя свои выводы о происхождении СоПИ (т. е. „Слова о полку Игореве“. — А. Б.), не учитывающие план содержания и функциональную значимость языковых единиц текста, очевидными доказательствами написания „Слова...“ в XII в.» [Там же]. Резонный вопрос: а что будут доказывать подобные факты? Нам пришлось признать недоказательными для атрибуции «Слова...» значительное число лексических единиц, общих для памятников XII в. и имеющих соответствия в русском языке не то что XVIII в., а начала XXI в. Кто-то будет сомневаться в древности «Слова...», прочитав *«Игорь едет по Боричеву...»* и *«Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую»*? Или относить к XVIII в. фразу *«На рѣцѣ на Каялѣ тьма светъ покрыла»*? или *«Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донця»*? Очевидно — и давно известно, — что в языке «Слова...» нет репрезентативного количества фактов, относящихся к времени «после «Задонщины» и тем более относящихся исключительно к XVIII в., поэтому, мы полагаем, авторы и пользуются жанром полемической статьи вместо исследования проблемы, предполагающей полную выборку примеров из текста и значимый характер такой выборки.

Читаем: *«Для удобства обоснования версии написания текста на древнерусском языке в XII в., в первой статье сборника (книги А. А. Зализняка. — А. Б.) высказывается предположение (курсив всюду наш. — А. Б.), что сам текст памятника, датируемого его первыми публикаторами исходом XII в., был переписан в XV—XVI вв. и содержит в себе немало черт языка не XII, а XV—XVI вв.»* [Власов, Демидов 2014: 8]. Утверждение (довольно категорическое, и это явно не предположение!), что часть мусин-пушкинского сборника со «Словом...» относилась к XV или XVI в., *не принадлежит А. А. Зализняку* (см.: [ЭнциСПИг, т. 3: 287—291]), это положение общеизвестно, и оно до известной степени даже противоречит тому, что в рукописи этого времени должны быть черты языка XII в. В продолжение: «Не экономнее ли было бы предположить, что „Слово“ является написанным „старыми словесы“ литературным памятником или XV в. <...>, или XVI в. <...>, вместо того чтобы заниматься реконструкцией правильных форм никому не ведомого оригинала XII века?» [Власов, Демидов 2014: 8]. Ну, «не экономнее ли...?» — это оборот создателей и защитников «Новой хронологии». Далее, господа, назовите для XV—XVI вв. хоть одного автора, который пользовался бы в своих трудах «старыми словесы» конца XII в., притом древнерусскими, а не церковнославянскими? Мы о такой практике не знаем, а реконструировать ее *ad hoc* по одному

тексту, к тому же без среднерусской даты — слишком смело. То, что авторы говорят о древнерусском языке как об «общем» языке, ссылаясь на то, что «Словарь Академии российской» и Словарь 1847 г. объединяют церковнославянские, древнерусские и современные этим словарям слова, наивно — это всего лишь практика лексикографии того времени. Словарная «общность» тут оказывается мнимой, а ее лингвистическая база — наивной, как сходство русского и болгарского языков с общей графикой, общей лексикой и разительными различиями в грамматике. Если идти таким путем, можно приписать «Капитанскую дочку» по сюжету и по языку не А. С. Пушкину, а А. Н. Радищеву, Н. М. Карамзину или кому-либо еще и сказать, что она была только переписана Пушкиным.

Даже внешне позитивные наблюдения авторов над языком «Слова...» оставляют коллег в недоумении. Это касается лексемы *русичи*, документированной «Словом...» [Власов, Демидов 2014: 10], но ведь в тексте это название относится не к народу, а всего лишь к дружине Игоря и Всеволода! А если *русичи* — это древнее название жителей бассейна реки Рось, впадающей в Днепр (как *костромичи* — жители места при впадении реки Костромы в Волгу), их «факт» превращается непонятно во что.

Еще одна пространная и бессодержательная цитата, без которой трудно обойтись: «Корректная методика анализа ошибок (и, шире, разного рода аномалий) в реконструируемом древнем тексте XII в. в случае, когда неизвестно время создания рукописи, написанной, предположительно, то ли 1) в конце XVIII в. (время обнаружения и публикации памятника), то ли 2) в XII в. и переписанной в XV—XVI вв., подразумевает не просто поиск в тексте черт языка XII в. (а тем более их реконструкцию путем исправления ошибок!), а доказательство того, что выделяемые в тексте черты языка XII в. не только действительно соответствуют обычному (а не аномальному) их употреблению в соответствующих текстах XII в., но еще и доказательство того, что эти черты никак не могли быть изменены (подновлены) при переписке текста в XV—XVI вв.» [Власов, Демидов 2014: 11].

Разумеется, при переписке не были и не могли быть подновлены формы двойственного числа: «Уже соколома крыльця припѣшали поганыхъ саблями, а самую опуташа въ путины желѣзны; два сълнца помѣркоста, оба багряная стѣлпа погасоста и въ морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяця, Олегъ и Святъславъ, тѣмоу ся поволокоста; «О моя сыновья, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлти» [Обнорский 1946: 149] и такая форма, как «а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано». Впрочем, авторы в случаях с формами двойственного числа намекают на грамматику

М. Смотрицкого [Власов, Демидов 2014: 11], очевидно, пользуясь опытом А. А. Зимина. Если вариантность, как с препозитивным *ся*, не укладывается в домыслы С. В. Власова и Д. Г. Демидова, они тут же придумывают *нескольких авторов* или даже *авторские группы* (ну да, Ильф и Петров, и Бендер с Паниковским, и Скумбриевич с Берлагой) впридачу), узус которых различался в ту или иную сторону.

Авторы замечают: «Такой же непосильной задачей не кажется нам и то, что Аноним, судя по всему, хорошо владевший церковно-славянским языком, мог и даже должен был обратить внимание на различия в употреблении двойственного числа в древнерусских текстах и в церковно-славянской норме» [Власов, Демидов 2014: 18]. Вопрос: почему же автор, живший в XVIII в. и владевший нормами церковно-славянского языка, так безбожно и бездарно путал формы именительного и винительного падежей существительных мужского рода? Это те самые *плъци и пълкы*, посадившие в лужу А. А. Зимина как знатока истории русского языка; смешение таких форм заставляет видеть в архимандрите Иоиле семинариста-троечника, а не ученойшего инока. Причем в результате получалась как раз та картина, какая и характерна для языка XV—XVI вв. Кто-то скажет — это характерно для «Задонщины» и из нее взято. Да, но почему в «Слове...» правильное *соколы* (винительный падеж), адекватное для XII в., а в «Задонщине» — *соколи*, форма именительного падежа вместо винительного? Рассуждения о формах имперфекта совершенного вида *дотечаше, поскочаше, възгряху, дорыскаше, прерыскаше*, где авторы неуклюже пытаются опровергнуть А. А. Зализняка [Власов, Демидов 2014: 18—21] с удивительным выводом «Итак, словоформы *дотечаше, поскочаше, възгряху* следует рассматривать как гиперкорректные формы, образованные под влиянием церковно-славянской нормы XVIII в.» [Власов, Демидов 2014: 21] — это при том, что архаика глагольной системы «Слова...», включая некоторые основы (*тяги, скочити, търгати, пудити, стрешати* (читаемого как *стрезжати*) и некоторые другие), префиксальные образования, претериты, личные формы двойственного числа, позволяет на таких примерах иллюстрировать историю форм даже не «церковно-древнерусского», а общеславянского глагола, о котором Аноним, он же фальсификатор, стилизатор, мистификатор, точно не имел никакого понятия. Мы не говорим о том, что отсутствие видовых значений у глаголов *дотечаше, поскочаше, възгряху* и т. п. может быть и субъективной точкой зрения, в то время как приписываемые им пары [Власов, Демидов 2014: 18] — выдумка: асимметрия видовых пар в русской глагольной лексике есть хорошо известный факт, тут без корявых примеров можно и обойтись. Хуже другое: куда С. В. Власов и Д. Г. Демидов денут формы аориста несовершенного вида — *тече*,

плаваша, не троскотаеша, скочи, поскочи и др., служащие демонстрацией отсутствия корреляции между видовыми и временными формами и значениями в древнерусском языке. Что же, умолчание — любимый прием скептиков-шулеров, коих, к несчастью С. В. Власова и Д. Г. Демидова, в дискуссиях о подлинности «Слова...» уже достаточно, и они не отдают себе отчета в том, что уже дискредитируют друг друга.

Поразительно то, с какой эмоциональной активностью скептики, и в особенности С. В. Власов и Д. Г. Демидов, пользуются словами «доказательство», «доказать» и требуют «доказать» принадлежность языка и содержания «Слова...» ко второй половине XII в., при этом считая, что все их собственные положения и построения уже «доказаны» — ими самими, А. А. Зиминим или кем-либо еще. Между тем им можно адресовать один вопрос: а вы *доказали* факт личного знакомства архимандрита Иоиля Быковского с А. И. Мусиным-Пушкиным? ⁸¹

Показное внимание к мелким частностям языка «Слова...», о которых и курсовую работу написать трудно, проявляемое С. В. Власовым и Д. Г. Демидовым, умножает число факторов, влияющих на историю текста. Но мы, зная историческую грамматику русского языка, видим, что все наблюдаемые явления могут находить объяснение без умножения сущностей, без допущений того, что при составлении «Слова...» были использованы неизвестные в то время списки «Задонщины», без того, что составители располагали огромным древлехранилищем рукописей, содержащих неизданные в то время памятники, что «Слово...» могло быть сочинено двумя или тремя «колхозами» ⁸² из любителей древности. С. В. Власов и Д. Г. Демидов в своих построениях постоянно умножают число фактов и факторов, не замечая того, что почти каждый факт в отведенной для него группе оказывается

⁸¹ Все, чем тут располагают как ортодоксы, так и скептики, — это фразы А. А. Зимина: «Предполагаемые встречи с А. И. Мусиным-Пушкиным в Ярославле» [Зимин 2006: 318]; «О времени знакомства Мусина-Пушкина с Иоилем можно только догадываться. Скорее всего, это произошло в Ярославле (в Ярославском уезде находилась основная вотчина Мусиных-Пушкиных)» [Зимин 2006: 326]; сам факт знакомства не доказан, а о времени недоказанного знакомства можно догадываться как о реальном факте. Впрочем, в скептическом менталитете предположение или просто слово мэтра — это уже «доказательство».

⁸² Как понятно, С. В. Власов и Д. Г. Демидов склоняются к тому, что «Слово...» могло быть составлено Екатериной II при содействии ее ученых помощников. Эту концепцию убивает один вопрос: почему издатели в 1800 г. не объявили о том, что публикуемый текст «литературно-художественной реконструкции» принадлежит покойной государыне? Установлено, что И. П. Елагин был знаком со «Словом...» в 1787—1788 гг. [Ужанков 2015: 367, 391, 393, 420].

единичным, а его объяснение в рамках множества задействованных сущностей — произвольным.

В аннотации к статье сказано: «Авторы настаивают, что необходимы также качественный функционально-семантический анализ, семантическая (а не только формальная) классификация примеров, иллюстрирующих воплощение скрытых „глубинных сущностей“ в текстах» [Власов, Демидов 2014: 6]. Однако ничего из перечисленного в их статье найти нельзя — да и хотелось бы взглянуть, как все это будет выглядеть в изложении пишущих, каждый из которых уже имеет в науке свою репутацию. В целом получается как в известном романе М. Булгакова: «Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над Вами потешаться будут». Достоинство у обсуждаемой статьи одно — ее авторы признают, что текст «Слова...» существовал у авторов уже в начале 1790-х гг., а не взялся неведь откуда в 1795 г.

Надо согласиться с Е. А. Галинской: «Книга А. А. Зализняка практически закрывает длившуюся два столетия дискуссию о подлинности или поддельности „Слова о полку Игореве“». Рассмотрение лингвистической стороны проблемы оказалось достаточным для решающих выводов. Как справедливо заключает ученый, „любой новый сторонник поддельности текста памятника, какие бы литературоведческие или исторические соображения он ни выдвигал, должен прежде всего объяснить, каким способом он может опровергнуть главный вывод лингвистов“» [Галинская 2006: 78]. Беда в том, что «словофобы»-скептики в своих рассуждениях девальвировали само понятие доказательства: что сказал их «авторитет» — то уже «доказано», и им безразлично, что кто-то не согласен со сказанным, а кто-то вообще считает, что это неправда. Последователи «ортодоксов» отмечают, что Д. С. Лихачев не сомневался в подлинности «Слова...», поскольку располагал системой доказательств аутентичности этого памятника для древнерусской литературы (а равно и языка) и культуры домонгольского времени: отдельные положения излагал печатно, многими другими руководствовался как методологической основой [Соколова 2004а: 23—31]. Достаточно ясно, что для датировки памятника в целом и не нужно, и невозможно следить за датировкой *каждого слова и каждой грамматической формы*.

Относительно методик обоснования тех или иных точек зрения, которые требуют для предъявления фигуранты настоящей работы и иные разномастные скептики, тут следует вспомнить попытки обьявить подделкой Синайский кодекс и оценку этих попыток; как было отмечено в посвященной Синайскому кодексу публикации Британского музея: «невероятность этой истории столь очевидна, что не нужда-

ется в доказательствах» [Дойель 1980: 355]. «То, что Симонид мог написать этот кодекс, выглядело столь же правдоподобно, по словам Тишендорфа, как если бы кто-нибудь заявил: „Это я построил Лондон, или я поместил гору Синай на то место в пустыне, где она сейчас находится“» [Дойель 1980: 354]. Да, Синайский кодекс, в отличие от рукописи «Слова о полку Игореве», существует (хотя уже в Британском музее, а не в Российской национальной библиотеке), но история нас учит — претенциозности, подозрительности и разнообразным формам неадекватного научного поведения вообще нет предела.

«Слово о полку Игореве», как кажется из опыта изучения самого памятника и литературы о нем, обладает почти мистическим свойством — оно одаривает сторонников его подлинности новыми, неожиданными открытиями — от целых произведений, как «Задонщина», до отдельных букв в оригинальном тексте и переводе, восходящих к древней рукописи. И оно же жестоко мстит скептикам, сколь бы ни были авторитетны их имена, навсегда оставляя их на обочине научного прогресса. Издание книги А. А. Зимина — самый яркий и недавний пример — не только не убедило других исследователей в правдоподобии его концепции, но нанесло тяжелейший удар по репутации самого ученого в отношении источниковедения, текстологии и, главное, языка древнерусских памятников.

Некоторые комментарии к книге А. А. Зимина «Слово о полку Игореве»

Прямо скажем, все воры в домоуправлении.
М. Булгаков. «Мастер и Маргарита», глава 15.

Прошло почти 55 лет со времени доклада А. А. Зимина «К изучению „Слова о полку Игореве“» 27 февраля 1963 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и более 50 лет со времени обсуждения работы А. А. Зимина «„Слово о полку Игореве“. Источники. Время написания. Автор», состоявшегося 4—6 мая 1964 г. в Москве.

Книга А. А. Зимина, о которой идет речь, была издана в 2006 г. Это расширенное и дополненное издание названной выше работы, опубликованной в количестве 101 экземпляра в виде материалов к дискуссии 1964 г. Появились интереснейшие материалы, предваряющие и сопровождающие дискуссию и доступные ныне каждому желающе-

му⁸³. Более того, недавно были изданы и воспоминания А. А. Зимины, в которые пока еще не включена глава о дискуссии 1964 г., но которых вполне достаточно для того, чтобы понять многое из самой дискуссии и из того, что происходит вокруг нее и по сей день [Зимин 2015].

У этих воспоминаний есть одна черта, роднящая их с диалогией И. Ильфа и Е. Петрова об Остапе Бендере — ни там, ни там нет ни одного положительного героя. Кажется, автор воспоминаний перед кем-то оправдывается, как булгаковский Никанор Иванович, и дает понять, что его обвиняют напрасно. Какими только эпитетами не награждены коллеги А. А. Зимины — и стиль воспоминаний позволяет лучше понять манеру его полемики с его оппонентами. Но не в этом дело.

Обратимся к предмету книги А. А. Зимины 2006 г. издания.

15 февраля 1963 г. А. А. Зимин пишет Д. С. Лихачеву: «Дорогой Дмитрий Сергеевич! У меня к Вам большая просьба. Не смогли бы Вы поставить на заседании Вашего сектора в ближайшее свободное время мой доклад на тему „К изучению „Слова о полку Игореве“? В этом докладе мне хотелось бы поделиться своими соображениями по темным и малоизученным вопросам истории текста этого памятника в связи с историей Руси XII в.» [Соколова 1994: 233]. Мы не будем рассматривать содержание доклада А. А. Зимины и приводящие обстоятельства — им посвящена объемная литература. Обратим внимание на самое существенное. Р. О. Якобсон пишет Д. С. Лихачеву 30 апреля 1963 г.: «Дорогой Дмитрий Сергеевич, весть о Вашей болезни очень меня огорчила. От души желаю Вам скорейшего и полнейшего выздоровления. Спасибо за оба письма. Какое убожество — выходка Зимины. Если что-либо по этому поводу выйдет в печати, пожалуйста, уведомьте или пришлите. Очередной том моих Writings, посвященный вопросам славянского эпоса и включивший две новые, не печатавшиеся работы ... должен выйти накануне съезда славистов. В Послесловии, которое сдам в июне, намереваюсь отозваться и на Зимины. Мне кажется, было тактической ошибкой рус(ских) филологов и литературоведов слишком мягкое отношение к измышлениям Мазона и его приспешников, явно направленным к снижению древнерусской культуры. ... Впрочем, едва ли можно говорить о шумихе в западной печати вокруг доклада Зимины. Здесь, насколько мне известно, не было ни одного печатного отклика, а в Европе, насколько я знаю от своего голландского издателя, ничего не было, кроме кулуарных разговоров среди славистов, из которых наименее грамотные весьма расположены кадить Мазону и развенчивать „Слово“. Преданный Р. Якобсон» [Соколова 1994: 246].

⁸³ К истории вопроса см.: [История спора 2010; Базанов 2011; 2011а; 2012; 2013; 2014; Соколова 1994; 2004а; 2004б; 2007].

Попытаемся представить события, имеющие отношение к биографии самого А. А. Зими́на накануне дискуссий 1963—1964 гг., несколько расширив время, предшествующее им, которое обозревается М. А. Базановым [Базанов 2011а].

В апреле 1962 г. были объявлены выборы в АН СССР. В члены-корреспонденты выдвигались Л. В. Черепнин (избран в академики в 1972 г.), Д. М. Кукин (избран в члены-корреспонденты в 1964 г.) и А. Л. Сидоров (1900—1966: не избран). После этого А. Ф. Смирнов предложил выдвинуть кандидатами также А. В. Фадеева (1908—1965) и А. А. Зими́на [Базанов 2004: 91—92] (скобки всюду наши. — А. Б.). Отзывы на труды А. А. Зими́на дали А. В. Арциховский, Б. А. Рыбаков и М. Н. Тихомиров [Базанов 2004: 92].

Далее биограф А. А. Зими́на отходит от затронутой им темы и к ней не возвращается. Сам А. А. Зимин пишет так: «Хвостов полагал, что хороший чиновник должен понимать даже не высказанные слова шефа. Отсюда он уже в 1959 г. поставил мою книгу на защиту, а в 1962 г. выдвинул мою кандидатуру в членкоры. Но я не оправдал его надежд» [Зимин 2015: 49]; «в 1962 г. меня выдвигали в членкоры, и Тихомиров присоединился к этому выдвижению, хотя его кандидатурой (которую он противопоставлял Черепнину) был В. И. Шунков» [Зимин 2015: 166]. Еще одна цитата: «В 1962 г., ловя на ходу возможные мысли Тихомирова, Хвостов выдвигает меня в членкоры (старик в это время был в Крыму и не предполагал ничего подобного делать). Кандидатуру (на первом этапе) поддержал Рыбаков, которому я нужен был в его игре против Черепнина. Отзыв дал также Арциховский (написан он был фактически Яниным: я у него был оппонентом по докторской). В списке я был как будто четвертым (завалили Черепнина и Кима, прошел Шунков, пятый — Воронин). Позднее мои доброжелатели говорили: „Ну что б тебе подождать со „Словом“. Прошел бы в членкоры тогда“. Все это несусветная чушь» [Зимин 2015: 378]. Здесь есть одна странность: до лета 1962 г. А. А. Зимин «Словом...» не занимался (о чем он потом сам скажет), но ошибку своих доброжелателей он не исправляет.

29 июня 1962 г. в члены-корреспонденты АН СССР по отделению истории был избран В. И. Шунков (1900—1967). На этих же выборах в члены-корреспонденты были избраны Ф. П. Филин (1908—1982), в то время зав. Словарным отделом Института языкознания АН СССР, и В. Г. Базанов (1911—1981), тогда главный редактор журнала «Русская литература», с 1965 г. директор ИРЛИ: в оценке Зими́на «Васька Базанов» и директор Института (1955—1965 гг., член-корреспондент с 1960 г., академик с 1979 г. — А. Б.) [А. С.] Бушмин (Оба липовые членкоры, косящиеся на Д. С.) [Зимин 2015: 145]. Понятно, что для

А. А. Зимины итоги выборов в АН СССР в 1962 г. обернулись катастрофой — не только из-за личного неизбрания, но и из-за избрания «конкурентов». Косвенным (или прямым) виновником ему казался Д. С. Лихачев и Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Тут и начинается эпопея «Слово...» — «не настоящее», Лихачев — агент Милюкова и Якобсона.

Вот что пишет о своей работе сам А. А. Зимин: «Итак, 22 декабря я уселся за „красный сборник“, обложился памятниками. 22 февраля, в день рождения, я съездил в Ярославль, а 27 февраля 1963 г. в Ленинграде я делал трехчасовой доклад, в котором были сформулированы уже все основные идеи работы (кстати, это был первый доклад, к тому же в присутствии человек 300, который я делал не по бумажке — отныне я уже никогда не „читал“ докладов, а только говорил. Торопливость в постановке вопроса вызывалась тем, что мне стало известно, что к выводу об авторстве Иоила пришел и Мазон, и как будто какой-то болгарин в Америке. Конечно, я не сказал Лихачеву о своем тезисе (иначе бы доклад не состоялся). Теперь же он стал фактом науки. Работу же фактически меня „заставило“ написать начальство: стенограммы не было, а ему важно было меня „проработать“. Потребовали текст. И вот к концу года я написал тот трехтомник, который есть в ротапринтном варианте в нескольких экземплярах. ... Конечно, оппоненты ответили 50-листовым „Черным сборником“ ([Слово 1966] — А. Б.), двухтомником Рыбакова ([Рыбаков 1971; 1972] — А. Б.), книгой Адриановой ([Адрианова-Перетц 1968] — А. Б.) и минометным огнем статей» [Зимин 2015: 380].

Итак, по признанию самого А. А. Зимина, доклад в отделе древнерусской литературы ИРЛИ 27 февраля 1963 г. был подготовлен фактически за два месяца. Для создания концепции это, как кажется, маловато — или «концепция» оказывается такой, какой оказалась на самом деле. Далее А. А. Зимин объясняется: «Работу же фактически меня „заставило“ написать начальство: стенограммы не было, а ему важно было меня „проработать“. ... И вот к концу года я написал тот трехтомник, который есть в ротапринтном варианте...» Ясно, что речь здесь идет о конце 1963 г. Но вот что пишет Б. А. Рыбаков Д. С. Лихачеву 2 июля 1963 г. «Дорогой Дмитрий Сергеевич! <...> А Зимин написал уже книгу в 20 печ(атных) листов, и она будет отпечатана ротапринтным способом небольшим тиражом. Он уверяет, что все мы, защитники „Слова...“, немедленно уверуем в его правоту и сложим оружие. Я знаю его аргументы по кратким тезисам и по трехчасовому изложению их им самим. Странная, совершенно необъяснимая убежденность его в подделке заставляет его быстро пробежать мимо всех доказательств...» [Соколова 1994: 250]. Чему верить — тому, что

трехтомник для обсуждения был написан А. А. Зиминим к концу 1963 г., или словам Б. А. Рыбакова, который мог узнать о написанных к началу июля 1963 г. двадцати листах книги только от самого А. А. Зими́на? ⁸⁴ В любом случае получается, что на работу над трехтомником и будущей книгой 2006 г. А. А. Зимин потратил примерно год. Тут многое становится понятным: пирамида строилась от вершины к основанию — от тезиса о «Слове...» как сочинении XVIII в. до текста книги с избытком цитат и ссылок. Именно так она достраивалась автором до его ухода из жизни, так же точно она достраивается скептиками и по сей день. При этом на нее не влияет ни пересмотр соотношения двух редакций «Задонщины» [Соколова 2014], ни устранение Иоила из числа авторов «Слова...», ни полное устранение ярославской темы из истории вопроса о рукописи «Слова...» — это все уже очень странно и непонятно.

Уделим внимание финальному эпизоду московской дискуссии в мае 1964 г.: «Когда все аргументы были коллегами оспорены и отвергнуты, А. А. Зимин бросил последний козырь. Обратился к стенограмме его заключительного выступления на слушаниях в Отделении истории (1964): „Первым выступил в защиту древности или против Мазона П. Н. Милюков. Его аргументы повторяются в основных чертах и развиваются дальше Д. С. Лихачевым <...> Это историографический факт, о котором Д. С. Лихачев почему-то всегда умалчивает. Далее. Основной противник позднего происхождения „Слова...“ — небезызвестный профессор Р. Якобсон (США), политические и научные представления которого достаточно ясны. Его школа поднимается на щит в зарубежной славистике, и я что-то не слыхал, чтобы Д. С. Лихачев хоть когда-нибудь подвергал взгляды Якобсона и его последователей серьезной критике. <...> Д. С. Лихачев не упомянул и ренегата Лесного, бежавшего с немцами из Киева и подвизающегося сейчас в Австралии. Этот с позволения сказать „ученый“ дикой бранью встретил не только работу Мазона, но и прислал, как мне сообщил С. В. Шервинский, уже готовую разносную рецензию против Зими́на в комиссию по „Слову о полку Игореве“ <...> Можно было бы напомнить о том диком вое (иного слова не подыщешь), который был под-

⁸⁴ Столь же запутанным выглядит вопрос о форме мемуаров А. А. Зими́на «Храм науки». А. Л. Хорошкевич говорит о нескольких (не менее трех) редакциях письменного и машинописного текста [Зимин 2015: 29], однако по форме они производят впечатление расшифрованных магнитозаписей: на это указывают отсутствующие инициалы называемых лиц, короткие фразы, ошибки, не характерные для письменной речи, но типичные для записи устной речи с магнитофона. Возможно, А. А. Зимин сам расшифровывал надиктованный на магнитофон текст.

нят реакционными славистами, прослышавшими теми или иными способами о докладе Зимина и пытающимися сколотить общественное мнение за рубежом против Зимина. Я имею в виду и выступление Якобсона на съезде славистов с анонимным выпадом против меня, и „деятельность“ в этом направлении главных столпов реакционной славистики — украинского националиста Д. Чижевского и „патриарха“ эмигрантских историков Г. Вернадского и многих других. Все они с нетерпением ждут возможности начать разнузданную кампанию против Зимина“. Даже на фоне обычной фразеологии той эпохи этот пассаж выглядит неожиданно. Ведь это уже не безобидные „привычные клише“ (выражение А. А. Формозова), подтверждающие лояльность. ... Хорошо, что эти политические обвинения А. А. Зимина по адресу Д. С. Лихачева, бывшего политзаключенного Соловецкого лагеря, прозвучали в период „оттепели“, когда они, к счастью, не могли иметь серьезных последствий» [Соколова 2007: 33—34; История спора 2010: 96—97, 526—527]. Странно — так поступил сын полковника русской армии, хотя бы и перешедшего на сторону красных [Зимин 2015: 413].

Ажиотаж вокруг книги А. А. Зимина о «Слове...» непонятен: Д. С. Лихачев и его последователи, защищавшие аутентичность «Слова...», никогда не были лояльны к официальной идеологии (а она, по крайней мере, — персонально к Дмитрию Сергеевичу). Современная картина вокруг книги А. А. Зимина очень сходна с положением дел вокруг идей М. Постникова — Г. Носовского — А. Фоменко, относящихся к мировой истории (см.: [Шмидт 2005]).

Заметим, что позицию А. А. Зимина в отношении «Слова...» трудно назвать концепцией ввиду ее мозаичности на всех уровнях — как по областям исследования, так и по времени появления тех или иных мнений, по мысли автора, имеющих доказательную силу, а также ввиду ее установок, согласно которым любое небесспорное положение или построение, вызывающее полемику, толкуется как аргумент в пользу автора и иже с ним скептиков.

Что же это такое — книга А. А. Зимина? Это ни в коей мере не монографическая работа, строго доказывающая, что «Слово о полку Игореве» является подделкой XVIII в. Это книга, в которой данная мысль высказывается и основывается на целой серии больших и малых гипотез, допущений и, как ни печально, заблуждений или категоричных, но неверных утверждений. Странна сама логика: «ортодоксы» изучают «Слово...» в его связях с литературой домонгольской Руси, даже не обсуждая дату его явления на свет: «скептики» начинают с акцента на XVIII в. как время его создания, причем далее они не интересуются ни языковой, ни собственно литературной составляющей

«Слова...» в рамках XVIII в. — в лучшем случае их занимает идеология и очень поверхностно и тенденциозно — источниковедение.

Во введении А. А. Зимин отмечает: «Странным казался и язык древней поэмы, в котором находили слова и выражения из современных украинского и польского языков» (с. 8). Думается, в этом не было ничего странного при том уровне изученности славянской филологии и истории русского языка, какой был характерен для XIX в. в целом и в особенности для его первой половины — ну хотя бы до появления словаря В. И. Даля. Далее: «Особенно они [исследователи] обращают внимание на слова восточного происхождения, ибо некоторые из них, по их мнению, сохранили черты половецкого языка» (с. 11, см. также с. 423). Это явный вымысел: все ориенталисты говорили о том, что восточные слова «Слова о полку Игореве» представляют более древний слой восточной лексики, нежели язык половцев. Тут А. А. Зимин не понимает аргументов и меняет фокус внимания: в подделке повествования о половцах *должны быть* половецкие слова — эту мысль он внушает читателям и далее.

В первой главе своей книги А. А. Зимин говорит: «Если будет доказано, что „Слово“ текстологически связано только с Пространной редакцией „Задонщины“, а последняя восходит к Краткой и не имеет никаких других источников, которые могут быть отождествлены непосредственно (или опосредованно) со „Словом“, то Песнь о походе Игоря придется признать произведением вторичным, а „Задонщину“ Пространной редакции первичной» [Зимин 2006: 16]. Все дальнейшее содержание главы I посвящено обоснованию данного тезиса. Ошибочность его была показана уже дважды — Р. П. Дмитриевой (о которой А. А. Зимин говорит: «Изолировав проблему списков Задонщины от Слова, она сосредоточила свое внимание на тезисе о позднем происхождении списка „К-Б“. Увы, и это оказалось невозможным» [Зимин 2015: 144]; см.: [Дмитриева 1966]) и Л. В. Соколовой [Соколова 2014].

Среди сторонников вторичности Краткой, ефросиновской редакции «Задонщины» А. А. Зимин называет С. К. Шамбинаго [Зимин 2006: 17] и В. Ф. Ржигу [Зимин 2006: 20], однако он не склонен соглашаться с их выводами. В результате спор о Пространной и Краткой редакции «Задонщины» превращается в спор с заданными итогами, автор не предложил ничего своего в решении вопроса о генезисе «Задонщины». И далее автор-скептик критикует оппонентов, обращаясь к своим гипотезам как к чему-то доказанному: «Но все построение Чижевской рушится, если считать Краткую редакцию „Задонщины“ первичной» [Зимин 2006: 107] — как мы уже сказали, Краткая редакция «Задонщины» как раз вторична, что бы ни повторял автор [Зимин 2006: 112 и др.].

Указав на сложность вопросов текстологии и редакций «Задонщины» [Зимин 2006: 15, примеч.], А. А. Зимин обращается к необходимости реконструкции архетипа «Задонщины» в связи со «Словом...» [Зимин 2006: 15—16]. Однако тут есть непростой вопрос, корректна ли вообще для «Задонщины» такая задача, как реконструкция единого текста? Ведь она абсолютно неприменима к существующему в трех редакциях «Житию Протопопа Аввакума», из которых две дошли до нас в автографах, иллюстрирующих отдельность авторских текстов. Чтобы как-то смягчить остроту проблемы, А. А. Зимин допускает, что «Задонщина» представляла собой устное сочинение [Зимин 2006: 19], ссылаясь на порядочно (и заслуженно) забытое мнение А. И. Никифорова, для которого и «Слово...» было былинной XII в. Но если это так — значит, к текстологическим сравнениям «Слова...» и редакций «Задонщины» вообще неприменим аппарат текстологии письменных исторических и художественных сочинений и их надо считать неизвестным жанром фольклора (такие позиции см. в: [Манн 2008], см. также критическую рецензию [Ранчин 2010]).

В сравнении фрагментов «Слова...» и «Задонщины» автор далеко не всегда логичен: как мог получиться текст «Слова...» «*Конец копия вскормлени*», если в «Задонщине» «*кочаны коней вскормлены*» — список «С» [Зимин 2006: 109], или как фрагмент «*Туто ся поганиш разлучишася борзю*» стал источником текста «*Ту ся брата разлучиста на брезѣ*» [Зимин 2006: 116, 124] — тут значительно более вероятно как раз обратное, т. е. переделка «Слова...» «Задонщиной», как и принято считать. Источником слов «*сини мльни*» предполагается сочетание «*силнии мльнии*» [Зимин 2006: 119, см. также с. 164]. Едва ли можно считать исконным авторским построением слова «Задонщины» (список «У»): «*замѣкни, государь, Оке реке ворота...*», ведь Ока не Дунай... Еще не смешно? Но скоро будет смешно по-настоящему.

Отдельная фраза первого издания «Слова...» «*Русскыя плѣкы отступиша*», где текст правится А. А. Зиминым по «Задонщине», и при этом не замечается винительный падеж прилагательного *русскыя* и существительного *полкы*, комментируется так: «Замена *отступиша* на *оступиша*, которую делают некоторые исследователи, Задонщиной не подкрепляется», и тут делается ссылка на издание «Слова...» 1950 г. и работы В. П. Адриановой-Перетц [Зимин 2006: 120]. С палеографической точки зрения довольно-таки ясно, что издатели рукописи «Слова...» начальную омегу в слове *отступиша* приняли за лигатуру «от» и прочитали слово как *отступиша*. Но это еще не все. Оказывается, что уважаемый историк в критике текстов не придает значения тому, что *плѣкы* и *плѣци* — это разные падежные формы, позволяющие видеть ошибку во фразовой разбивке текста издателями, но не в грамматике

текста, не имеющего пунктуации. К слову, неразличение форм именительного и винительного падежей именных частей речи на самом деле часто встречается в списках «Задонщины» (видимо, ее текст переписывался пословно и писец подводил формы под именительный падеж, но для «Слова...» такие явления нельзя назвать типичными. Еще примеры: *своими сильными плъкы* (здесь в «Слове...» вообще творительный падеж), но в «Задонщине» *силнии плъкы съступалися* [Зимин 2006: 126] — здесь по смыслу именительный падеж, а по форме — винительный. Того, что «Задонщина» дает системные ошибки в употреблении именительного и винительного падежей и мы не только читаем там *свои бръзьи комони*, но и не видим различия форм *соколы* — *соколи* и *плъкы* — *плъци*, никто из читателей книги А. А. Зимина в упор не замечает. В «Слове...» падежные формы смешиваются в основном из-за издательской пунктуации и инициированного ею перевода, но для «Задонщины» смешение форм неустранимо, оно повторяется в разных списках.

А. А. Зимин делает «открытие»: «...еще в конце XI в. сабля считалась оружием хазарским и печенежским, а меч — русским» [Зимин 2006: 120]. Но и в «Слове...», как показывает анализ всех контекстов с употреблением названий видов оружия, и сабли, и стрелы к русским дружинникам скорее враждебны, чем нейтральны или дружественны. Там же читаем: «...Летопись практически до татаро-монгольского нашествия не знает сабли как оружия русских воинов на поле битвы» [Зимин 2006: 121]. Это, однако, не означает, что русские воины не знали сабли вообще (сабля, в отличие от меча, не была княжеским оружием), но нам достаточно одного присутствия сабли в тексте «Повести об убиении Андрея Боголюбского» (1174), чтобы аргументировать собственные построения и показать, что А. А. Зимин неправ по фактам текстов.

А. А. Зимин удивляется тому, что Ярославна не плачет по Владимиру Игоревичу, и делает из этого вывод: значит, подделка!? [Зимин 2006: 133]. Странно, что ранее, кажется, никто не обратил внимания на то, что из плача Ярославны проясняется важная особенность: Ярославна знает, что Игорь жив, хотя и находится в стане половцев.

А. А. Зимин пишет: «Фраза „стару помолодиться“ (в тексте «а чи диво ся, братие, стару помолодити» — точно по закону Вакернагеля, хотя *ся* и отделено от глагола двумя словами. — А. Б.) естественна в „Задонщине“, где она связана непосредственно со старцем Пересветом (в Пространной редакции именно он и произносит ее) и лишена этой конкретности в „Слове“ (если не относить ее непосредственно к самому Святославу)» [Зимин 2006: 129], однако же Пересвет являлся «старцем» только по иноческому постригу, а не по преклонному воз-

расту, и *ся молодити* было ему некуда. Ошибка, непростительная для автора уже как для историка.

Странно читать у А. А. Зими́на такое: «Да и термин „кмети“, в значении „воины“ заимствован автором „Слова...“, скорее всего, из Девгениева деяния» [Зимин 2006: 225, ср. также: 381]. Дело в том, что «термина» «кмети» в издании «Слова...» 1800 г. вообще *нет*, там слова *съведоми къ мети* напечатаны с пробелом и переведены ‘В цель стрелять знаючи’ — они не были поняты издателями. Далее: «В повести (об Акире) и „Слове“ „бебер“ — „бебрян“ называется в одном контексте — для обозначения скорбной одежды женщины. Это также наводит на мысль, что „Повесть об Акире“ могла быть источником „Слова о полку Игореве“» [Зимин 2006: 227]. Тут явная и серьезная ошибка: давно доказано, и это было известно А. А. Зимину, что, как выяснил Н. А. Мещерский (см. комментарий), здесь речь идет о названии ткани, а не меха: более того, в одном из экземпляров первого издания «Слова...» в данном месте находится читательская глосса «шелковый» (см. далее комментарии к тексту), — следовательно, значение этого слова было понятно компетентным читателям и в XIX в.

Но следом А. А. Зимин указывает на фольклорную аналогию «...где речь идет именно о бобрах: „*Ой чия-то жена Через речку брела, Помочила бобра и черные соболи*!“» [Зимин 2006: 228]. Это как, спрашивается, — она брела летом в шубе или зимой на речке льда не было? Фривольный смысл этого текста и известные факты переносных значений слов-названий пушных зверей в соматической лексике (см., например: [Успенский 1982: 105, примеч.]) тут либо не замечены автором, либо маскируются: для А. А. Зими́на главное — дезавуировать все факты, указывающие на аутентичность «Слова о полку Игореве».

Комментируя анализ лексики «Слова...», А. А. Зимин пишет: «Важно прежде всего то решающее обстоятельство, что в Игоровой песни нет слов, которые не бытовали в более позднее время вплоть до XVIII века или не встречались бы в известных автору „Слова...“ памятниках. Архаизмов, которые можно было бы обнаружить в какой-либо древней рукописи при отсутствии их в более поздних памятниках, в „Слове“ не найдено» [Зимин 2006: 281]. Однако доказательная сила данного утверждения равна нулю даже внутри самой концепции А. А. Зими́на. Все памятники со сходной лексикой объявляются им знакомыми автору «Слова...», а примеры дивергенции лексики древнерусского языка XII в., ныне отслеживаемые по словарям архаических форм украинского или польского языков, объявляются использованием украинских, белорусских, польских или диалектных слов. Заметим, что таким требованиям А. А. Зими́на к «подлинности» удов-

летворяют как раз явные подделки, например, печально известная «Велесова книга».

Возвращаясь к восточным словам «Слова о полку Игореве», А. А. Зимин пишет: «Как нам сообщил А. Э. Бертельс (видимо, имеется в виду А. Е. Бертельс (1928—1995). — А. Б.), член-корреспондент АН СССР Э. Бертельс (очевидно, подразумевается Е. Э. Бертельс (1890—1957). — А. Б.) около 1950 г. готовил доклад на тему об ориентализмах „Слова о полку Игореве“. Он пришел к выводу, что все попытки истолковать тюркизмы „Слова“ из одного какого-либо тюркского языка или тюркской фонетики явно безнадежны. Поэтому Э. Бертельс считал, что все ориентализмы „Слова...“ или искажены до неузнаваемости, или появились под пером фальсификатора» [Зимин 2006: 427]. Е. Э. Бертельс, востоковед-иранист, конечно, мог разобраться в тюркской лексике «Слова...», которой и на тот момент была посвящена объемная литература, но никто и не говорил о том, что ориентализмы и тюркизмы «Слова...» восходят к одному языку, — они отражают на тот момент почти 500-летние контакты жителей Киевской Руси со своими южными и восточными соседями. И сам А. А. Зимин, разбирая слова *харалужный*, *харалуг*, мало того, что пытается реабилитировать явный нонсенс «берега харалужные» в «Задонщине», так еще и приводит наименее вероятную этимологию этого слова, данную В. Ф. Ржигой (из арабского *хараб* — ‘гибель’), и настаивает на «чагатайском», т. е. все же тюркском, но заведомо позднем происхождении этого слова.

Абсолютно неубедительны и бездоказательны утверждения А. А. Зимина по поводу поэтической формы «Слова...». Жалкое впечатление производят поиски рифмы в «Слове...» [Зимин 2006: 173], странно утверждение, что «Слово...» написано былинным стихом [Зимин 2006: 248]; «Песнь об Игоровом походе написана одноопорным речитативом, который стал утверждаться в народном эпическом творчестве только с середины XVIII в.» [Зимин 2006: 302—303]. Что же такое — Иоиль сочинял былинку? Или мы имеем записи былин XVII в. или, скажем, XV в., которые сравниваем со «Словом...»?

Для обоснования того, что «Слово...» мог написать ярославский архимандрит Иоиль Быковский, приводится такой аргумент: церковь Успения Богородицы («Пирогощая») находилась... рядом со зданием Киевской Духовной академии, где учился и преподавал Иоиль Быковский [Зимин 2006: 309]. Еще один довод в пользу того же: «Именно в его библиотеке мы находим Никоновскую и Кенигсбергскую летописи, использованные при написании этого памятника» ([Зимин 2006: 323], имеется в виду «Слово о полку Игореве»). Заметим — это написано всерьез и речь идет не о рукописях, а о печатных изданиях этих летописей.

Так называемая «реконструкция» «Слова...» у А. А. Зимина [Зимин 2006: 490—497] — это обман на обмане. В преамбуле с названием «„Слово о полку Игореве“ и его источники» [Зимин 2006: 490] «текстами» называются как «Задонщина» и летописи, так и фрагменты, имеющие величину от одного (!) слова до десяти («Задонщина» по разным спискам) или восьми (летописи), при этом не делается различий между текстовым совпадением и «мотивом». Так почти случайный минимум совпадений превращается в некую псевдодоказательную величину. Сопоставляемые с летописями и другими сочинениями фрагменты подаются А. А. Зиминим как «мотив», таких «мотивов», соотносимых не менее чем с 12 источниками, насчитывается 36 [Зимин 2006: 491—497]. Для сравнения укажем — миниатюры Радзивилловской летописи, недоступные читателям издания «Кенигсбергской летописи» 1767 г., дают 30 случаев соотносительности со «Словом...» — 8 миниатюр на сюжет «Слова...» и 22 миниатюры на исторические экскурсы «Слова...», сюда же добавится около 20 миниатюр, посвященных героям «Слова...» после событий 1185 г. Итого — более 50 примеров соотносительности «Слова...» и одних только миниатюр Радзивилловской летописи, находящихся только одно объяснение — единство АВТОРА.

Изучение труда А. А. Зимина показывает — выкладки его оказываются необсужденными по всем позициям, что уже высказывалось [Чернов 2010: 221—230], и репутация известного ученого в области текстологии, источниковедения, исследования древнерусских текстов сильно пострадала в глазах тех, кто к взглядам А. А. Зимина на «Слово...» относился нейтрально, имея свое понимание о времени создания этого памятника и его авторстве. Защищают его неспециалисты в этих вопросах, абстрактно пекущиеся о научной этике [Ранчин 2012].

Н. М. Михайлова, одна из сторонниц взглядов А. А. Зимина на «Слово...», считающая каждое положение известного историка доказанным, пишет: «Таким образом, с 1812 года — вот уже 200 лет — ученые „книжники“-слововеды (историки и лингвисты) имеют дело: — не с автографом XII—XIII вв. (который пока не нашли) и — не с точной копией списка XVI в. (который сгорел в 1812 г.), — а с ПЕРЕЛОЖЕНИЕМ исходного текста „на употребляемое ныне наречие“ (т. е. на русский язык, понятный читателям, жившим в конце XVIII в.). РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС: Можно ли ДАТИРОВАТЬ произведение XII—XIII вв. на основании „лингвистического анализа“ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ (т. е. перевода) текста XVI в. на язык конца XVIII в. ? — Ответ: Оказывается, можно. Как показывает 200-летний опыт „изучения Слова“, научная этика это вполне допускает, что и объясняет появление всё новых и новых „доказательств подлинности“. Читатели

этих опусов, как правило, даже это ПЕРЕЛОЖЕНИЕ не читают, а „проходят“ в школе, читая разные „толкования“ и другие „переложения“, которые сочинили ученые „слововеды“ и поэты за истекшие 200 лет» [Михайлова 1989].

Чтобы породить такой «шедевр», как вышеприведенная цитата, надо вообще не иметь представления о том, что же сделали со «Словом...» А. И. Мусин-Пушкин и его помощники в 1800 г. Н. М. Михайлова, имеющая собственное мнение о «Слове...», откровенно выраженное в ее статье, элементарно не осведомлена о том, что в мусин-пушкинском издании 1800 г. содержится не только «переложение», которое сами издатели в частном узусе называли переводом, но и древнерусский текст «Слова...». Далее можно не продолжать — комментарии излишни.

В числе источников «Слова...» Н. М. Михайлова называет Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи, добавляя: «И обе находились у графа Мусина-Пушкина» [Михайлова 1989]. Уточним — Ипатьевская летопись, во-первых, находилась в библиотеке Академии наук, во-вторых, была открыта только в 1809 г. Н. М. Карамзиным.

На одном из форумов о «Слове...» мы читаем: «4 (ВАЖНО!). Начало Слова в точности по смыслу повторяет хронику Манассии, переведённую в Болгарии во второй половине XIV века — только после этого она появилась в России... Вот так как то...» <http://forum.istorichka.ru/cgi-bin/yabb2/YaBB.pl?num=1368688962/23>. Во-первых, это скрытая отсылка к книге А. А. Зимина [Зимин 2006: 231], во-вторых, Хроника Константина Манассии, жившего во второй половине XII в., то есть современника Кузьмища, для нас — автора «Слова...», явно была известна древнерусским книжникам и в греческом оригинале. Может быть, именно она, известная как в стихах, так и в прозе, и заставляла автора «Слова...» колебаться в выборе формы своего сочинения. Мысль о необходимости для автора «Слова...» иметь русский перевод этой хроники приходит в голову только нынешним нерадивым школярам.

Поразительно, но вне круга чтения обсуждающих сочинение А. А. Зимина и тем более вне поля зрения тех, кто воображает себя продолжателями дискуссии о подлинности «Слова...», противостоящими «ортодоксам» — ученикам и последователям Д. С. Лихачева и Н. А. Мещерского, остаются очень содержательные работы А. А. Горского, в которых на основе новой методики сравнения текстов на предмет определения направления влияния одного текста на другой получены результаты, опровергшие предположения А. А. Зимина [Горский 1987; 1989; 1992; 1993; 2004: 623—625; 2004а: 160—175; 2009; 2010; 2010а: 109—115]. Не находят поддержки идеи А. А. Зимина и в трудах его

зятя (мужа дочери) В. П. Козлова, много занимавшегося деятельностью А. И. Мусина-Пушкина и его помощников.

Что же касается самой книги А. А. Зимина, она, на наш взгляд, определенно полезна. Было бы неплохо издать ее еще раз — с обновленным аппаратом и новыми комментариями. Эта книга была бы очень полезна для того, чтобы читать ее со студентами на семинарах по исторической грамматике русского языка и показывать то, чего никогда и ни при каких обстоятельствах *нельзя* делать с древнерусским текстом⁸⁵.

Сон гоблинов, или великая мистификация по поводу поддельности «Слова о полку Игореве»

Богданов В. М., Носов Н. В. «Слово о полку Игореве» Великая мистификация. СПб.: Изд. дом «Нева», 2005.

Идиотов бы поубрать вдвойне
И в твоей стране, и в моей стране.

А. Вознесенский. Испанская песня графа Резанова из оперы «Юнона и Авось»

Настоящие заметки уже не отвечают жанру рецензии, тем не менее нам хотелось бы привлечь внимание читателей не столько к данной книге, сколько к «Слову о полку Игореве», к современным проблемам его изучения и состоянию науки о нем и науки о древней русской литературе в целом.

⁸⁵ В число скептиков, не только явно, но и неявно сомневавшихся в подлинности «Слова...», попал и А. М. Ремизов. Ср.: «Возмушались и русские эмигранты. В одной из сцен романа „Мышкина дудочка“, посвященного жизни русских в Париже, Ремизов описывает типичную реакцию „русского патриота“: „...Андрэ Мазон, последователь „скептической школы“ Каченовского и Строева, написал в их духе книгу о „Слове о полку Игореве“. А Иван Павлыч (И. П. Кобеко, близкий знакомый писателя. — А. Б), ему наплевать на норманнов и всяких варягов, русских он производит от аланов, Москва — Третий Рим, а Слово несомненно и... неприкосновенно: Руки прочь!“» (цит. по: [Розанов 2016: 107]). Супруга писателя С. П. Ремизова-Довгелло работала в L'École nationale des langues orientales (Школе восточных языков) и в Institut d'études slaves (Институте славянских исследований), при ее посредстве А. М. Ремизов познакомился с А. Мазоном [Там же]. Комментарии излишни — в такой ситуации только и оставалось, что ерничать в адрес патриотов, подчеркивая их наивность. Иная позиция для семейства Ремизовых при таком знакомстве была бы чревата, скажем так, большими продовольственными неприятностями.

На первый взгляд читателю, малознакомому с персоналиями исследователей «Слова о полку Игореве», может показаться, что книга написана большими эрудитами в области изучения «Слова...». Однако за большим числом знакомых имен заметно поразительно плохое знание и вольное обращение с источниками — трудами таких ученых, как В. Н. Татищев, А. Шлецер и Мюллер (с. 4: кто такой — не знаем, может быть, все-таки известный историк Г. Миллер (1705—1783)?). Завлекает читателей, но не впечатляет история о казахе с возом, якобы купившем на астраханском базаре исчезнувший в Петрозаводске список «Слова...» (с. 6). Скажем сразу — не было такого казаха и быть не могло, потому что, увы, никогда не было и древнего списка «Слова...» в Олонецкой семинарии (см. раздел «Текст» настоящей книги).

Авторы книги называют мусин-пушкинский список «Слова о полку Игореве» «Темным, неудобочитаемым и полным нелепых ошибок...» (с. 7) и ссылаются не на кого-нибудь из славистов-палеографов, а на сочинение О. Сулейменова «Аз и я» [Сулейменов 1991]. Дискуссия вокруг этой книги была более плодотворной, чем сама книга, так, известный московский лингвист-тюрколог Н. А. Баскаков отметил, что О. Сулейменов в трактовке тюркизмов «Слова...» слишком вольно обращается с родным для него казахским языком [Баскаков 1978].

В. М. Богданов и Н. В. Носов не воспринимают слова «Завтроку, обеду и ужинъ» (с. 27, 30, 50 и след., 155, 158) как слова, принадлежащие древнерусскому языку XII в., саркастически усматривая «перерывы на питание» в ходе побега Игоря Святославича из плена и приводя замечательный синонимический ряд «выть, брашно, снєдь, харч» (с. 30). Они активно пытаются посеять недоверие к фактам памятника у читателей. Однако авторам невдомек, что слова *обед* и *ужин* попали из славянских языков в венгерский язык — *ebéd* ‘обед’ и *izsonna* ‘полдник’ примерно за два века до написания «Слова...», да и ужин по-венгерски — *vacsora*, слово опять же славянского происхождения.

Те же авторы «великой мистификации», коей на самом деле является их сочинение, утверждают: «„Слово...“ буквально напичкано языческой символикой, а вот христианские мотивы в нем почти совсем отсутствуют» (с. 44). Однако в «Слове...» нет языческой символики, там есть только поэтическая фразеология со старинными теонимами, и автор его является убежденным христианином: в Киеве и Полоцке ориентирами для него служат храмы святой Софии.

Далее читаем: «Известно также, что тюркские племена сами часто называли себя гусями. Например, казах это *каз ак*, т. е. Белый Гусь». «Конфетное» знание тюркских языков, на уровне «Кара-кум — черные пески», служит плохую службу в равной мере историкам, географам-

топонимистам и популяризаторам науки — Белый гусь по-казахски и на других тюркских языках будет *ак каз*, и казахи тут ни при чем. Не ясно, почему надо было сомневаться в том, что слова *до курь* значат ‘до петухов’ и понимать *курь* как *куриц* (с. 32), ведь в «Сказании о ку-ре и лисице» тоже речь идет не о курице... Станные, очень странные мысли приходят в голову, когда знакомое место в тексте «Слова...» оформляется как «*прострашася* половцы» (с. 95), по счастью, в представляемом полном тексте (с. 174) читается верное *прострошася*, однозначно указывающее на издание, откуда взят текст...

Далее такие замечания можно делать по каждой странице книги В. М. Богданова и Н. В. Носова. С древнерусским языком авторы обращаются по принципу: если не знаем — разберем-перетолкуем-переврем. Древнерусская культура для авторов — это языческая муь и христианское мракобесие, князья — чревоугодники и эксплуататоры, книжники — невежды, путающиеся в буквах и словах. Такого не было даже в самое мрачное время отечественной науки. По утверждению новых толкователей «Слова...», *были* — это бывалые воины (с. 33), хотя давно указывалось, что это тюркский титул, имеющий общий корень со словами *боярин*, *болярин*. Небольшой раздел с названием «От аза до ятя» (с. 49) — чистая профанация, хуже написать об истории русской письменности просто невозможно. Чего стоит одна фраза — «не забудем и об „яте“ в конце слов, оканчивающихся на согласные». Ять с ером не путали даже самые ревностные борцы со старой орфографией. Впрочем, этих авторов превзошел Интернет-скептик А. Кунгуров: «Это с какой такой радости скоропись XVI в. выполнялась без разделения слов? То, что слова не всегда разделялись пробелами, это верно, но в таком случае разделителями являлись заглавные буквы» [Кунгуров 2013]. Вспоминаются знакомые слова: «Пантелея из буфетной. Милиционера. Протокол. Машину. В психиатрическую».

Издатели книги вносят в текст «Слова...» ненужные исправления — так перетолковывается сочетание *за шеломянем* (с. 58), вместо слова *телѣгы* — что в языке «Слова...» может быть менее понятно? — авторы предлагают читать «иволги», полагая, что *телѣгы* — «очередная опечатка переписчика» (с. 61, так у авторов. — А. Б.). Слова *уныша бо градомъ забрали* новые знатоки переводят как ‘юношей по городам позабирали’ (с. 62—63), хотя древнерусские княжества не знали ни всеобщей воинской повинности, ни тотальной мобилизации — тут явная историческая несообразность. Они же предлагают заменить имя собственное *Карна* на слово *карга* — тюркское ‘ворона’: зачем это надо, если вороны в «Слове...» встречаются в изобилии и называются своим именем «врани». Говоря о *хинах*, авторы полагают, что речь идет о китайцах (так думал Л. Н. Гумилев), и тут же добав-

ляют: «французы называют их *шины, шинуаз*» — очередной перл, последнее слово во французском языке — это форма женского рода и означает ‘китайнка’. *Полочане* «Слова...» превращаются в *полошань*, что должно значить ‘помои’ (с. 75), а утверждение, что за словом *бѣла* (*емляху дань по бѣлѣ*) стоит не зверек, а серебряная монета (с. 78—79), откуда-то заимствовано без надлежащей ссылки.

Вообще глава 5 «Пятнадцать истолкований» (с. 50—87) может сослужить одну службу — быть образцом абсурда. Даже там, где авторы вроде и правы — в том, что *бѣла* — это серебряная монета и в том, что *пороси* — это утренний туман, оказывается невозможным отличить их собственные соображения от плагиата.

Запредельным является сомнение авторов в существовании vyplnenного во второй половине XII в. древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, который, как они пишут, был выдуман Н. А. Мещерским (с. 102). Им, как, впрочем, и многим, невдомек, что древнерусский перевод сочинения Иосифа Флавия оказал сильнейшее влияние на становление и развитие древнерусской воинской повести как жанра, во всех образцах которого может быть отмечено воздействие «Истории Иудейской войны» — здесь литературное влияние столь сильно, что пользоваться этими повестями как историческим источником следует с большой осторожностью. Кстати, в древности перевода «Истории Иудейской войны» не сомневается и современная исследовательница этого памятника А. А. Пичхадзе [Пичхадзе и др. 2004], опубликовавшая его текст по другим рукописям, нежели привлекавшиеся Н. А. Мещерским.

Рассуждения авторов книги о тайнописи, скрытой в «Слове...» и непременно отсылающей нас к XVIII в., равно как и стремление приписать создание «Слова...» В. К. Тредиаковскому и почему-то именно в 1766 г. (с. 108—117, 128 и след., 162—165), право же, лучше бы отсутствовали вовсе — подобными наблюдениями и методами можно доказать, например, то, что «Евгения Онегина» написали Валерий Брюсов или Михаил Кузмин. Что касается поисков анаграмм сокровенных имен, то мы уверим читателей — их в заголовке данной статьи численно больше, чем в тексте «Слова о полку Игореве»...

Во второй половине книги помещены шесть приложений (с. 169—269), они включают древнерусский текст «Слова...», перевод реконструированного текста (хочется спросить — чей перевод и кем реконструированного, но это мы скажем позже), перевод «Слова...» Д. С. Лихачева с его комментариями, реконструкцию текста «Слова...», выполненную Б. А. Рыбаковым, текст «Слова...» по Шуйской рукописи, «Задонщину» в переводе Л. А. Дмитриева и летописную повесть о походе Игоря на половцев 1185 г. из Ипатьевской летописи в переводе

О. В. Творогова. Любопытно, знают ли авторы, хотя бы приблизительно, что публикуемая ими реконструкция древнерусского текста «Слова...» выполнена автором данной рецензии как часть коллективного труда, а перевод — тем самым Н. А. Мещерским, который, по их мнению, сочинил древнерусскую «Историю Иудейской войны» вместо Иосифа Флавия. Вероятно, тогда В. М. Богданов и Н. В. Носов должны были быть знакомы и с комментариями к тексту «Слова...», подготовленными теми же исследователями, поскольку реконструированный текст и перевод должны были быть взяты из печатного издания (Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель, 1985) или из его интернет-версии, помещенной на ряде сайтов. Все указанные материалы, помещенные в обсуждаемом издании, полезны сами по себе, но отнюдь не как приложение к этому сочинению. Первая же часть книги — это какой-то капустник двоечников, пытающихся сорвать урок литературы...

В общем, обсуждаемая книга — действительно в каком-то отношении великая мистификация. Если позиция уважаемого историка А. А. Зимина в отношении «Слова о полку Игореве» была добропорядочным заблуждением специалиста в смежной области, то сочинение В. М. Богданова и Н. В. Носова явило нам блестящий пример самодискредитации любых попыток усомниться в подлинности этого уникального памятника древней русской литературы XII в.

Подлоги тысячелетия или новая попытка объявить «Слово о полку Игореве» фальсификацией

Костин А. «Слово о полку Игореве» — подделка тысячелетия. М.: Алгоритм, 2014. 431 с.

При жизни графа отвечать за подобное, скорее всего, пришлось бы у барьера со стволом Лепажу в руке.

А. Ю. Чернов. Хроники изнаночного времени.

«Слово о полку Игореве» уже много лет не оставляет равнодушными читателей двух категорий. Одни восхищаются литературным мастерством и историческими знаниями автора, жившего в XII в. Другие ищут возможность и основания объявить памятник древнерусской литературы имитацией, стилизацией, фальшивкой, подделкой конца XVIII в.

Книга А. Костина, интересующая нас здесь, уже была предметом рецензии [Альтшуллер 2015], однако этот автор посвятил большую часть своих заметок пушкинской теме. Этой же книге посвящена часть содержательного обзора по проблеме авторства «Слова...» [Горлова, Чумаченко 2016: 62—63]. Мы сосредоточимся на том, что связано непосредственно со «Словом...», его текстом и его изданиями.

Автор обсуждаемой книги посвятил свое сочинение памяти А. А. Зимина: «Однако в начале 60-х годов в „скептики“ напросился известный советский историк Александр Александрович Зимин, который почитай с математической точностью „вычислил“, что автором „Слова...“ является архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Иоиль Быковский, у которого якобы в конце 80-х годов XVIII столетия А. И. Мусин-Пушкин приобрел протограф „Слова о полку Игореве“» (с. 23)⁸⁶. Сказанное здесь существенно, ибо система основных фигур и фактов в подаче автора станет предметом нашего внимания.

Далее А. Костин ссылается на своих единомышленников: «Впрочем, следует отметить, что одновременно с А. А. Зализняком, трудившимся над судьбоносным для атрибуции авторства „Слова о полку Игореве“ произведением⁸⁷, в городе на Неве скромный „словолюб“ Владимир Михайлович Богданов совершенно оригинальным путем „открыл“ автора „Слова...“, о чем в 2005 году в соавторстве с Н. В. Носовым выпустил книгу-сенсацию [Богданов, Носов 2005], которую маститые „ортодоксы-словисты“ даже не удостоили своим

⁸⁶ Ср.: «Между 1787 и 1788 г. граф А. И. Мусин-Пушкин (1744—1817), эрудит, принадлежащий к правящей элите, чьи интересы коллекционера-антиквара были хорошо подкреплены широким влиянием, связанным с его государственными постами (среди которых обер-прокурор Святейшего Синода), купил целиком собрание древних рукописей, хранившихся в Спасо-Ярославском монастыре. В их числе был также древний рукописный сборник под номером 323, содержащий среди прочего „Слово...“» [Пиккио 2002: 80]. Монастырское собрание рукописей не покупалось целиком, а хронограф с номером 323, не покидавший своего места в Ярославле, не содержит «Слова о полку Игореве». Автор книги, известный итальянский славист, не располагал новыми данными относительно состава рукописей в названном монастыре, не знал о судьбе хронографа с номером 323 и не был в курсе новых результатов изучения происхождения мусин-пушкинского сборника.

⁸⁷ А это опять случай так называемой неправды: книга А. А. Зализняка ничего не говорит об авторстве «Слова...», цель А. А. Зализняка — изучить язык «Слова...» и показать, что он соответствует всем особенностям русского языка конца XII в. Показать соответствие языка «Слова...» нормам XVIII в. не удастся никогда и никому. Не случайно все «скептики» обязательно называли кого-то из современников открытия «Слова...» как возможного автора, и каждый очередной разоблачитель как бы держит экзамен на чин — кого персонально он будет шельмовать или превозносить.

вниманием. Наступили новые времена, и гнобить „скептиков“ испытанным орудием путем включения идеологической гильотины стало уже не модно, да и малоэффективно. Сплотив свой год от года редущие ряды, „ортодоксы“ избрали новую тактику борьбы со „скептиками“, которую в полном соответствии с широко известной поговоркой можно назвать: „Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу“» (с. 31).

Ну насчет «не удостоили вниманием» — тут наш автор, извиняюсь, соврамши (см.: [Бурыкин 2011; 2013]). Так что «ортодоксы» не только продолжают работать, но и не дремлют, и в их арсенале есть нечто посерьезнее «идеологической гильотины».

Первое, к чему обращается А. Костин, — датировка «Слова...». Почему-то его очень веселит тот факт, что юбилей «Слова...» в 1985 г. соотносится не с созданием памятника, а с датой неудачного похода (с. 17), — ему невдомек или он делает такой вид, что самая ранняя датировка написания «Слова...» по описанным в нем событиям как раз и приходится на лето или осень 1185 г. [Олядыкова, Бурыкин 2012: 179], другие даты в пределах XII—начала XIII в. — субъективная литературная или историческая авторская конъюнктура, не обладающая доказательными ресурсами. Так же можно утверждать, что А. С. Пушкин написал «Полтаву» в 1812 г. — ново, красиво, похоже, а рукописи не доказательство — переписал позже...

Назовем сразу основной источник скепсиса автора данной книги в отношении «Слова...» — это лекции М. Т. Каченовского (1775—1842), которые слушал К. Д. Кавелин (1818—1885) и с которыми был знаком А. С. Пушкин — вот и все основание для сомнения. А. Костин пишет: «Что за „великие секреты“ содержались в „воспоминаниях“, что даже в годы горбачевской перестройки и в лихие 90-е годы прошлого столетия работники Пушкинского Дома „боялись“ их обнародовать?» (с. 191—192). По логике автора, это, во-первых, сомнения самого М. Т. Каченовского в подлинности «Слова...» и, во-вторых, якобы озвученное М. Т. Каченовским сообщение о том, что «Слова...» сочинено В. К. Тредиаковским, что якобы из того уважения, какое А. С. Пушкин питал к В. К. Тредиаковскому, оно повергло даже Пушкина в сомнения о подлинности «Слова...», из-за чего его заметки о «Слове...» остались незаконченными (подробнее о работе А. С. Пушкина над «Словом...» см.: [Шмидт 1997]). Тут автору сразу ни в чем нельзя было верить, потому что основанием для выводов являются рассказы о рассказах, пересказываемые кем-то, и, как мы потом увидим, в них нет ничего кроме вымыслов. Далее разворачивается интрига английского приключенческого романа (см. с. 411—425, финал обсуждаемой книги). Оказывается, сами издатели книги со «Словом...»

1800 г. решили «раскрыть тайну» своего издания через 100 лет — при этом А. И. Мусин-Пушкин (тот самый, о котором издатели позже свидетельствовали «Граф не имел права помарывать корректуру») в 1817 г. передал М. Т. Каченовскому опечатанный пакет с документами об издании «Слова...», — очевидно, в том числе и с рукописью В. К. Тредиаковского. Как пишет А. Костин, М. Т. Каченовский передал этот пакет К. Д. Кавелину, которому доверился в 1832 г. К. Д. Кавелин, в свою очередь, не имея других претендентов на то, чтобы передать тайну «Слова...», передает «пакет» своему племяннику Д. А. Корсакову, известному историку и члену Петербургской АН (1843—1919), а тот — известному пушкинисту Арнольду Ильичу Гессену (1878—1976), который как будто бы дал намеки на содержание «пакета» в книге «Все волновало нежный ум» (1965). Содержание таинственного пакета автор раскрывает фразой: «Неизвестно также, что случилось с рукописью протографа „Слова о полку Игореве“, которая попала в его (А. И. Гессена. — А. Б.) руки в грозные годы Гражданской войны» (с. 238). Выводы автора книги: «Во-первых, на каком-то этапе своей, вероятно, нелегкой жизни А. Гессен вынужден был вскрыть пакет и ознакомиться с его содержанием, о чем и дал сигнал в своей книге, хотя и в искаженном виде, но с расчетом на то, что специалисты рано или поздно разберутся. <...> А что еще ему оставалось делать? Вероятно, у него возникли серьезные проблемы с передачей по эстафете секретной депеши. Судя по тому, что ему пришлось спешно ознакомиться с ее содержанием, она либо была изъята кем-то и исчезла в неизвестном направлении. Либо, напротив, депеша была срочно переправлена в надежное место, например за границу, где у него, наверняка, имелись родственники из эмигрантского сообщества, но только после ознакомления с ее содержимым с той целью, чтобы дать специалистам нить для поиска в случае изменения политического курса в стране» (с. 423, 424).

Итак, предметные основания для объявления «Слова...» «подделкой тысячелетия» отсутствуют — есть лишь выстроенная пунктиром цепочка Тредиаковский — Иоиль Быковский — Мусин-Пушкин — Каченовский — Кавелин — Корсаков — Гессен, ставший «известным пушкинистом» через 40 лет после смерти Д. А. Корсакова. Из статьи о М. Т. Каченовском [ЭнциСПИг, т. 3: 29—31] явствует, что он считал подделками все или почти все памятники древнерусской истории и литературы, а не только «Слово...». Это уже совершенно иная концепция истории древнерусской литературы. Конструкция А. Костина от одного такого замечания становится малореальной, хотя построение мощно: от издателя — к признанному авторитету, ректору Московского университета с 1837 г. М. Т. Каченовскому, потом к истори-

ку с лаврами академика Д. А. Корсакову и к писателю-пушкиноведу, с момента кончины которого тоже минуло почти 40 лет... Интересна и подача насчет того, что материалы «пакета» могли попасть за границу, — ну прямо-таки булгаковское «А вы поройтесь у себя в портфеле, Никанор Иванович...», мол, если нет, но захотят — придумают...

Главная особенность всех наших «скептиков» в обсуждаемой проблеме — это приверженность устаревшим идеям, теориям и шаблонам, которые в науке о «Слове...» давно опровергнуты или не принимаются всерьез никем. Так и у А. Костина — центральную роль в триумвирате фальсификаторов-создателей слова (Тредиаковский — Иоиль Быковский — Мусин-Пушкин) играет архимандрит Иоиль. Автор пишет о нем: «Из Академии Быковский вышел широкообразованным человеком. Уже в 1750 году он преподавал латинский язык, знал немецкий и греческий, а позднее читал проповеди по-польски (интересно, кому и где можно было православному священнослужителю читать католические проповеди? — А. Б.)⁸⁸. Украинский, белорусский и русский языки для него составляли родную языковую среду, в которой он провел все свои годы. Был знаком с отдельными восточными языками турецкого происхождения» (что за языки так называются — нам неизвестно. — А. Б.) (с. 205)⁸⁹.

Последние по времени разыскания А. Г. Боброва о происхождении мусин-пушкинского сборника со «Словом...» говорят нам о том, что этот сборник был обнаружен в Кирилло-Белозерском монастыре [Бобров 2014]. Стало быть, и Ярославль тут ни при чем, и Иоиль Быковский, как сейчас говорят, не при делах. А. Костин пишет: «По какой-то причине к непосредственной работе по изданию „Игровой Песни“ Мусин-Пушкин приступил только после смерти Иоиля Быковского в 1798 году» (с. 331). Это или благодушное незнание, или введение в заблуждение. Ранее этой даты появились и Екатерининская копия «Слова...», и те копии, которые в 1790-е гг. раздавались желающим и интересующимся и которые давно известны и изданы [Ильинский 1920]. Мы читаем у А. Костина: «Понятно, что никаких следов, напоминающих о „работе“ тройки стилизаторов „Слова...“, не должно было сохраниться. Именно по этой причине после смерти в начале 90-х годов сначала И. Н. Болтина, а затем И. П. Елагина их архивы были приобретены А. И. Мусиным-Пушкиным, и „нужные“ (а вернее сказать,

⁸⁸ Ср. «<Иоиль>, очевидно, отлично знал польский язык, поскольку во время пасхальных архиерейских служб он всегда читал Евангелие по-польски» [Лукиянов 1956: 43]. Источник этой информации неясен, но Евангелие, которое можно читать, — это не проповеди, которые надо уметь сочинять.

⁸⁹ Ср.: «Иоиль мог быть знаком с отдельными восточными словами турецкого происхождения» (курсив наш. — А. Б.) [Зимин 2006: 290].

ненужные) бумаги благополучно „сгорели“ в Московском пожаре 1812 года (то, что было „нужно“, естественно, уничтожено было еще до издания „Слова...“)» (с. 415). Оказывается, число этих «бумаг» даже уменьшалось самими издателями, и они хорошо сохранились.

Итак, во-первых, автор уже неправ и не знает литературы по предмету (кстати, на умолчании о работе Л. К. Ильинского недавно попала и другая группа «скептиков»), во-вторых, какой резон мнимым фальсификаторам распространять свой продукт в копиях до его книжного издания в 1800 г.? Сама идея о том, что к созданию «Слова...» причастен В. К. Тредиаковский, была уже озвучена В. М. Богдановым и Н. В. Носовым, и на момент издания своей книги авторы никак не полагали, что она получит продолжение и разъяснение в сочинении А. Костина, — но А. Костин-то явно ориентирует своих читателей на этих «слововедов» как на интуитивных первооткрывателей истории памятника. Компьютерная проверка показала: ни текст, ни первый перевод «Слова...» по языку не имеет ничего общего с языком В. К. Тредиаковского, кроме высокочастотной лексики, совпадения которой никоим образом и нигде не будут показательными. Тут в изложении уже кто-то лишний — или Тредиаковский, или Иоиль Быковский.

Мы ознакомились с книгой А. И. Гессена и в издании 1965 г., на которое указывает А. Г. Костин, и в новейшем издании 2015 г. — и не обнаружили в указанной главе никакого «контрольного сигнала» и никаких указаний на таинственный пакет. А. Гессен цитирует письмо Пушкина Наталии Николаевне: «А тут разговорились с ним (Каченовским. — А. Б.) так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слезы умиления» [Гессен 1965: 423], при этом вспоминается реплика поручика Шервинского из «Дней Турбиных» — «...и проследился», также, как мы знаем, не вызывающая доверия.

Зато мы обнаружили другое: А. Костин в эпилоге к новому изданию этой же книги А. И. Гессена, вышедшему в 2015 г., пишет: «В подтверждение того, что А. И. Гессен мог стать „жертвой“ заблуждения в силу неглубокого знания вопроса, о котором пишет, я привел для примера статью Н. И. Сутта „Слово о полку Игореве“ (К 750-летию его создания), опубликованную в том же номере „Нового мира“ (курсив наш. — А. Б.) на с. 252—259» [Гессен 2015: 315]. В указанном номере журнала (Новый мир. 1938. № 5) действительно имеется статья с названием «Пушкин и „Слово о полку Игореве“» (с. 260—271), только ее автором является не А. И. Гессен, участник «эстафеты», а М. А. Цявловский, популярным пересказом указанной статьи которого и является этюд А. И. Гессена [Цявловский 1938].

Что это означает? Во-первых, популяризатор Пушкина А. И. Гессен, несмотря на почтенную биографию и возраст, и признанный уче-

ный-филолог М. А. Цявловский — несоизмеримые величины. Во-вторых, если заметки А. И. Гессена о Пушкине и «Слова...» — это всего-навсего реферат по чужой статье почти 30-летней давности на момент появления в свет книги 1965 г., это значит, что *никакой «эстафеты» и никакого пакета у А. И. Гессена не было*. В-третьих, как приписываемые А. С. Пушкину сомнения в подлинности «Слова...», так и привязываемое к В. К. Третьяковскому авторство «Слова...» оказываются продуктом фантазии А. Костина, который решил объявить своими сторонниками и А. И. Гессена, и А. С. Пушкина.

Тайна, которую невозможно было раскрыть при обращении к книге самого А. И. Гессена по изданию 1965 г., раскрывается... в написанном А. Костиным послесловии к новому изданию этой книги, выпущенному в 2015 г. Вот что мы там читаем: «В свою очередь представившись как дочь А. И. Гессена, Дина Арнольдовна Гессен вежливо сообщила, что отец находится в больнице, но она, по возможности, в самое ближайшее время переадресует ему этот вопрос, о результатах немедленно мне перезвонит, и попросила мой гостиничный номер телефона. Когда я, извинившись, сообщил, что через двое суток улетаю из Москвы, она попросила мой домашний номер телефона, если в течение этих двух суток не сумеет выполнить мою просьбу. Не сумела. По прошествии недели я уже потерял всякую надежду на звонок из Москвы, но он вдруг раздался, причем довольно поздно — ночью (разница во времени с Москвой — 4 часа). Извинившись за то, что вышла задержка по объективным обстоятельствам (я понял, что виной тому было состояние здоровья А. И. Гессена), она продиктовала ответ отца на мой вопрос: „К. Д. Кавелин оставил свои воспоминания о той исторической встрече, что помирила вечных оппонентов друг другу. Причем он, в отличие от других свидетелей диспута, уловил в конце выступления М. Т. Каченовского якобы следующую фразу: „Вы, Пушкин, хорошо знаете имя автора „Слова...“, поскольку не единожды упоминали его в своих эпиграммах на меня. Он жил и творил в том же веке, в котором Вы родились“» [Гессен 2015: 318—319]. Содержание переданного из третьих рук мы оставим без комментариев.

Нас, однако, в этой книге ждет еще один сюрприз. В приложении 2 в ней помещена «реконструкция» текста «Слова...», очевидно, попавшая в руки А. Костина [Гессен 2015: 329—337].

Вот этот самый «прототекст» или «реконструкция» «Слова...», опубликованный как приложение к послесловию А. Костина, однозначно свидетельствует — перед нами очередная фальшивка, разоблачить которую способен даже студент. Из нее убраны «темные места» — «привнесенные в текст слова и предложения в период „затемнения“ А. И. Мусиным-Пушкиным первоисточника» [Гессен 2015: 326].

При этом в данной «реконструкции» оставлены все давние и общепринятые поправки к тексту «Слова...», появившиеся после 1800 г., имеющие в основном грамматический характер и к «темным местам» не относящиеся.

Вот лишь немногие примеры. Если уж первые издатели не справились со словами «свѣдоми кмети» и прочитали «къ мети» — с переводом ‘в цель стрелять’, то откуда корректное современное чтение «свѣдоми кмети» в «прототексте» А. Костина?

Кто убрал точку издания 1800 г. во фразе «Длѣго ночь мръкнеть»?

Кто отрегулировал пунктуацию и грамматические связи во фразе «и отъ всѣхъ странъ Рускыя плѣкы оступиша», так что она приняла вполне современный для изданий «Слова...» вид?

Откуда в подделке 1790-х гг. (до издания 1800 г.) вставка В. Н. Петца 1926 г. с неуклюжей модернизацией орфографии — «Не ваю ли вой злачеными шеломы по крови плаваша?» (Не ваю ли <вой>).

Откуда поправка во фразе «Храбрая мысль носить ваю умъ на дѣло?» (ваъ в издании 1800 г.)?

Какой гений XVIII в. разобрался с именами во фразе, *«той же звонъ слыша давный великий Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ»*, сделав ее кристально ясной и прочитав ее так, как читает большинство современных комментаторов?

Почему отсутствует продолжение фразы *«и полетѣ соколомъ подъ мѣглами...»* — не по той ли причине, что «Завтроку, обѣду и ужинѣ» не поверили В. М. Богданов и Н. В. Носов?

Откуда вставка «его» в словах «стрежаше его гоголем на водѣ», принятая современными издателями? (в «протореконструкции» вообще галиматья — «стрежаше е гоголемъ на водѣ»).

Почему А. Костин и другие так часто повторяют, что «Слово...» вошло в оборот в 1795 г.? Чтобы объявить позднейшей подделкой Екатерининскую копию «Слова...», якобы подложенную в архив умершей в 1796 г. императрицы? Но И. Добровскийзнакомился со «Словом...» уже в 1792 г. во время приезда в Петербург (см.: [Ужанков 2015: 390—391], а И. П. Елагин — в 1787—1788 гг. [Ужанков 2015: 367, 391, 393, 420]).

Нам удалось почти со 100-процентной надежностью определить источник этого «прототекста» «Слова...». Им оказывается так называемая Щукинская рукопись [Гаврюшин 1985; см.: Богданов, Носов 2005: 234—244]. В тексте А. Костина нет тех же самых «темных мест», которые отсутствуют и в этой рукописи, а ряд произвольных перестановок хотя и осложняет сопоставление текстов, но все же незначительно. Похоже, автор «прототекста» заимствовал текст Щукин-

ской рукописи из книги В. М. Богданова и Н. В. Носова, где она была перепечатана.

Увы, к огорчению ловких псевдоскептиков, которые ставят задачей морочить голову читателям, тщательно подготавливаемое открытие «прототекста» «Слова...» в Щукинской рукописи уже не состоится. Тема «Тредиаковский — автор „Слова...“, Мусин-Пушкин — фальсификатор, А. И. Гессен — хранитель тайны авторства „Слова...“» закрыта.

Что же, сочинение А. А. Зимина о «Слове...» инициировало активность потенциальных и реальных последователей. Они уже не ведают, что главный аргумент А. А. Зимина в его концепции — не биография Иоила Быковского, а первичность Краткой редакции «Задонщины» по отношению к Пространной редакции — опровергнут окончательно, а многое из сказанного им о «Слове...», русской лексике, текстах летописей и фольклоре вызывает неподдельный смех у лингвистов; такова реакция на ошибки, искажения, наивные рассуждения или плохо скрытые умолчания об очевидном. Блестящая книга А. А. Зализняка «„Слово о полку Игореве“: взгляд лингвиста» (М., 2004; 2007; 2008) стала фундаментальным исследованием языка «Слова...», но писать такую книгу исключительно против скептиков — это все равно что палить по воробьям из пушки. Понятно, что фрондировать и бранить Д. С. Лихачева и его единомышленников, начертав на щите имя А. А. Зимина, гораздо легче, чем найти что-то новое в тексте древнего памятника и добавить нечто свое в объем знаний о нем.

Книга А. Костина во многих отношениях разочаровывает, наверное, непредвзятому читателю не понравится суетность изложения, как будто автор что-то скрывает от него. Но еще более неприятно то, как мастерски А. Костин дурачит читателей и особенно школьников и молодежь, выставляя на передний план неких чудаков-«словолюбов», собирающих целые полки книг об этом памятнике, — здесь кто-то и слезу проронит. На самом же деле для успешной работы над текстом «Слова...» нужен минимум книг, подавляющее большинство которых ныне доступно в электронных ресурсах, и это не те издания и не те романы, на которые указывает А. Костин. То, что реально понадобится внимательному читателю и молодому исследователю — комментированные издания (далеко не все), словари, справочники, — практически полностью перечислено в библиографии к нашей книге. Скажем откровенно, что ни А. С. Орлов, ни И. П. Еремин, ни Д. С. Лихачев, ни Л. А. Дмитриев, ни О. В. Творогов, ни другие исследователи древнерусской литературы, серьезно занимавшиеся «Словом о полку Игореве», не были «словолюбами», — этот памятник составлял лишь один из многих предметов их исследований.

Вспоминается герой гоголевского «Ревизора», который «несколько вольнодумен», потому что прочитал пять или шесть книг... Однако в наше время оценка доморощенных скептиков, как поймет внимательный читатель, будет уже не идеологической, а самой что ни на есть научной, филологической и исторической. Только авторам «вольнодумных» книг и провокаторам с разнообразных форумов вряд ли от этого будет легче — им обличения в адрес А. А. Зими́на в 1960-е гг. ангельским пением покажутся... Можно как-то с трудом и из жалости поверить в то, что А. А. Зимин в чем-то заблуждался — не прочитал «Повесть об убиении Андрея Боголюбского», или забыл, что у заговорщиков в 1174 г. были сабли, или не сообразил, что сабля — не княжеское оружие. Но если в «прототексте» «Слова...» 1760-х или 1780-х гг. присутствуют те поправки, которые вошли в научный оборот только в XX в. и известный текст выдается за новую находку — это воистину подделка тысячелетия. Так — и только так! — с умалчением, сочинительством и подлогами — можно распространять вымыслы о поддельности «Слова...».

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЛОВО О ПЪЛКУ ИГОРЕВЪ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЬСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Реконструкция древнерусского текста Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми
словесы трудныхъ повѣстїи <пѣснь> о пълку Игоревѣ,
Игоря Святъславличя! Начати же ся тои пѣсни по
былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню.

[5] Боянъ бо вѣщїи, аще кому хотяше пѣснь творити,
то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вѣлкомъ
по земли, сизымъ орломъ подѣ облакы. Помняшетъ
бо речъ пѣрвыхъ временъ усобицѣ. Тѣгда пуцѣяшетъ
і соколовъ на стадо лебеден, которыи дотечаше,

[10] та преди пѣснь пояше старому Ярославу, храброму
Мстиславу, иже зарѣза Редедю предѣ пълкы

Загл. пълку П, полку ЕМ.

1 бяшетъ ПЕМ; начати Е.

2 трудныхъ М; пѣснь — нет в ПЕМ; полку ЕМ.

3 Начати ПЕ; тѣй П, тѣ Е; Святъславлича П, Святъславлича Е.

4 былинамъ П.

5 пѣснѣ Е.

6 растекашется Е; волкомъ ЕМ.

7 шизымъ ПЕ, шизымъ М; помняшетъ ЕМ.

8 рѣчь ЕМ; пѣрвыхъ П, пѣрвыхъ ЕМ; усобицѣ П; Тогда ПЕМ; пуца-
шетъ ПЕ, пуцѣяшетъ М.

9 10мъ ЕМ; соколовъ П; лебедѣй П; дотечаше ПЕМ.

10 пѣсь П, пѣснѣ Е, пѣсни М; Ярославу П.

11 полкы ЕМ.

касожьскымы, красному Романови Святъславличю.

Боянъ же, братіе, не 1 соколовъ на стадо лебедеи
пуцяше, нъ своя вѣщія пѣрсты на живыя струны

[15] въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго
Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ
крѣпостію своею и поостри <и> сѣрдця своего мужьствомъ,
напѣлнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя

[20] пѣлки на землю Половецкую за землю Русьскую.

Тѣгда Игорь вѣзрѣ на свѣтлое сѣлнце и видѣ
отъ него тѣмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь
къ дружинѣ своей: «Братіе и дружино! Луче жъ бы
потяту быти, неже полонену быти. А въсядемъ,

[25] братіе, на своя бѣрзыя комони, да позримъ синего
Дону!» Спала князю умъ похоти и жѣлость ему
знаменіе заступи искусити Дону великаго. «Хоцю
бо, — рече, — копіе приломити конецъ поля
Половецкаго, съ вами, русичи, хоцю главу

[30] свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону!»

О Бояне, соловію стараго времени! А бы ты сія
пѣлки ущекоталь, скача, славію, по мыслену древу,

12 косожьскымы Е, косожскымы М; Роману Святославичу М.

13 соколовъ П; лебедѣи П.

14 пуцяше ПЕ; вѣщія ПЕ; пѣрсты ПЕМ; живая ПЕМ.

15 вскладаше М; князем М.

17 Владимира ПЕ; умъ П.

18 и нет в ПЕ; сѣрдця ПЕ; мужествомъ ПЕ.

19 напѣлнився П, наполнился Е.

20 пѣлки П, полкы Е, половѣцкую П, половецкую Е; Руськую ПЕ.

21 Тогда ПЕ; солнце ПЕ.

23 Луцезъ ПЕМ.

24 всядемъ ПЕ.

25 свои ПЕ; бѣрзыя П.

26 умъ П; жалость ПЕ.

27 хоцю ПЕ.

29 половецкого Е; русици ПЕ; хоцю ПЕ.

30 шеломомъ ПЕ.

31 стараго Е; сіа ПЕ.

32 пѣлки П, полкы Е; скача ПЕ.

лѣтая умомъ подѣ облакы, свивая славы оба полы
сего времени, рыщя въ тропу Трояню чресь поля на горы.

[35] Пѣти было пѣснь Игоревѣ того <Велеса> внуку:
«Не буря соколы занесе чресь поля широкая — галици стады
бѣжати кѣ Дону великому...» Чили вѣспѣти было, вѣщен
Бояне, Велесовѣ внуче: «Комони ржуть за Сулою,
звенить слава въ Киевѣ; трубы трубятъ

[40] въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ».
Игорь ждеть мила брата Всеволода. И рече
ему буи турѣ Всеволодѣ: «Одинѣ братѣ, одинѣ свѣтъ
свѣтлыи ты, Игорю, оба есѣ Святъславличя! Сѣдлаи,
брате, своя бѣрзые комони, а мои ти готови,

[45] осѣдлани у Курьска на переди. А мои ти куряне
свѣдоми кѣмети; подѣ трубами повити, подѣ шеломы
възлелѣяни, конецѣ копия въскрѣмлени; пути имѣ
вѣдоми, яругы имѣ знаемы, люди у нихѣ напряжени,
тули отворени, сабли изѣострены, сами скачють акы

[50] сѣрыи вѣлци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а князю славы».
Тѣгда вѣступи Игорь князь въ златѣ стремень
и поѣха по чистому полю. Сълнце ему тѣмою путь

33 летая ПЕ; умом Е.

34 рища ПЕ.

35 пѣсь П, пѣснѣ Е, пѣсни М; Велеса нет в ПЕМ, в скобках Олга ПМ,
Ольга Е.

36 чресь ПЕМ; галицы М; бѣжати ПЕ, бѣжати М.

37 вѣспѣти М; вѣщей М.

38 Велесовѣ П.

41 ждеть ПЕ; речѣ Е.

42 один Е.

44 свои ПЕ; бѣрзые П, бѣрзые Е.

45 куряни ПЕМ.

46 кѣ мети ПЕ; кѣ мѣти М.

47 възлелѣяны П, възлѣлѣяни Е, възлелѣяни М; въскрѣмлени ПЕ,
вскрѣмлени М; имѣ П.

48 имѣ Е; знаеми ПЕМ.

49 изѣострены П, изострены Е, изострѣни М; скачють ЕМ; акы М.

50 вѣлци П; себе П; славѣ ПЕМ.

51 Тогда ПЕ; вступи Е,

52 Солнце ПЕ; тѣмою П, тмою Е.

заступаше, ношь стонуши ему грозою птичь убуди,
свистъ звѣринъ вѣста, Дивъ кличетъ върху

[55] древа, велить послушати земли незнаемѣ, Вълзѣ,
и Поморію, и Посулю, и Сурожю, и Корсуню,
и тебѣ, тьмотороканьскыи бълванъ! А половци
неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому;
крычатъ телѣгы полунощи, рци лебеди роспужени.

[60] Игорь къ Дону вои ведеть! Уже бо бѣды его пасеть птичь
по дубію. Вълци грозу вѣсржати по яругамъ, орли
клектомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешють на
чърленыя щиты. О Русьская земле! уже за шеломянемъ еси!
Дълго ночь мъркнеть. Заря свѣтъ запала,

[65] мъгла поля покрыла, щекоть славии успе, говоръ
галичь убудися. Русичи великая поля чърлеными щиты
прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

Съ заранія въ пятькъ потыпташа поганыя пълкы
половецкыя, и россушяся стрѣлами по полю, помчяша

[70] красныя дѣвки половецкыя, а съ ними золото, и
паволокы, и драгыя оксамиты; орътмами и япончицями
и кожныхы начяша мосты мостити по болотомъ и

54 свистъ звѣринъ въ стазби П, этих слов нет в Е; кличетъ П; върху
ПЕ.

55 велить ПЕ; послушати ПЕ; вълзѣ ПЕ.

56 Сурожу ПЕ.

57 Тьмотораканьскый П, тьмотороканьскыи Е; бълванъ ПЕ.

58 побѣгоша ПЕ.

59 крычатъ ПЕ; телѣгы П; полунощи П; роспужени ПЕ.

60 ведеть ПЕ; насеть П; птичь ПЕМ.

61 подобію ПЕ; вълци П, волци Е; вѣсржати П; яругамъ Е.

62 зовуть ПЕ; брешють ПЕ.

63 чърленыя П, чрленыя Е; Руская ПЕ; Шоломянемъ Е.

64 Дълго П, долго Е; мркнеть П, мръкнеть Е.

65 мъгла П.

66 убуди ПЕ; чърлеными П, чрълеными Е.

67 прегородиша ПЕ.

68 с заранія Е; няткъ П, някъ Е; потопташа ПЕ; пълкы П, полкы Е.

69 рассушясь П, рассушясь Е, рассушясь М; помчаша ПЕ.

71 орътмами Е; орътъ-мами М; япончицами ПЕ.

72 кожныхы ПЕ; начаша П, начаша Е.

гразивымъ мѣстомъ, и всякими узорочьи половецкими.

Чърленъ стягъ, бѣла хорюговъ, чърлена чолка,

[75] сребрено стружіе — храброму Святъславличю!

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо.

Далече залетѣло! Не было оно обидѣ

порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе,

чърныйи воронъ, поганыи половчине! Гза

[80] бѣжитъ сѣрымъ вълкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править
къ Дону великому.

Другаго дни вельми рано крѣвавыя зори свѣтъ

повѣдають, чърныя тучя съ моря идуть, хотятъ

прикрыти д сълнца, а въ нихъ трепещуть синія мълніи.

[85] Быти грому великому! Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго!

Ту ся копіемъ приламатѣ, ту ся саблямъ потручатѣ

о шеломи половецкыя — на рѣцѣ на Каялѣ у Дону

великаго. О Русьская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря

[90] стрѣлами на храбрыя пълкы Игоревы. Земля тутнетъ,

рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрывають, стязи

глаголютъ. Половци идуть отъ Дона и отъ моря,

73 половецкими П.

74 Чърленъ П, чърленъ Е; чърлена П, чръвлена Е.

75 строужіе М; Святъславличю П.

76 Дремлетъ П; Олгово Е.

77 залѣтѣло Е; небылонъ П, не было нь Е.

78 тебѣ ПЕ.

79 чърный П, черный Е; Гзакъ ПЕ.

80 бѣжитъ П; вълкомъ П, волкомъ Е; Кончакъ ПЕ.

82 велми ПЕ; кровавыя ПЕ.

83 повѣдають П, повѣдаютъ Е; чърныя П, черныя Е; туча Е; идуть П;
хотятъ П.

84 4 Е; солнца ПЕ; трепещуть Е; синіи ПЕ; мълніи П, молніи Е.

85 великого Е.

86 потручатѣ Е.

88 великого Е; Руская ПЕ; землѣ П; уже не Шеломянемъ ПЕ.

89 вѣють ПЕ.

90 стрелами Е; на храбрыя нетъ в К; пълкы П, полки Е, полкы К; тут-
нетъ ПЕ, тоутнетъ М.

91 текутъ Е; прикрывають П.

92 глаголютъ ПЕ.

и отъ всѣхъ странъ русьскыя пѣлкъ оступиша.

Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,

[95] а храбрѣи русичи преградиша чърлеными щиты.

Яръ туре Всеволоде! Стоиши на борони,

прищещи на вои стрѣлами, гремлещи о шеломи

мечи харалужными. Камо туръ поскочае, своимъ

златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя

[100] головы половецкыя. Поскепаны саблями калеными

шеломы оварьскыи отъ тебе, яръ туре Всеволоде!

Кая раны, дорога братіе, забывъ чти и живота,

и града Чърнигова, отня злата стола и своя

милыя хоти красныя Глѣбовны свычяи и обычяи!

[105] Были вѣщи Трояни, минула лѣта Ярославля,

были пѣлци Ольговы, Ольга Святъславличя. Тѣи

бо Олегъ мечемъ крамолу ковае и стрѣлы по земли

сѣяе. Ступаетъ въ златъ стремя въ градѣ

Тмутороканѣ, тоже звонъ слыша давныи великыи

[110] Ярославль сынъ Всеволодъ, а Владимиръ по вся

утра уши закладаетъ въ Чърниговѣ. Бориса же

Вячеславличя слава на судъ приведе и на Канину

93 рускыя ПЕ; пѣлкъ П, полки Е; отступиша ПЕ.

94 прегородиша ПЕ.

95 русичи ПЕ; преградиша ПЕ; чърлеными П, чръвлеными Е.

96 Всеволодъ П.

97 стрѣлами Е.

98 харалужными М; поскочае Е.

99 златымъ Е; шеломом Е; лежатъ П, лежать Е.

101 шеломи ПЕМ; оварьскыя ПЕМ.

102 забывъ Е.

103 Чърнигова П, Чернигова Е.

104 свычяи ПЕ; обычяи ПЕ.

105 вѣщи ПЕ, сѣчи К.

106 пѣлци П, полци Е; Ольговы ПЕ; Ольга Е; Святъславличя П, Святъславлича Е; Той ЕМ.

107 мечемъ Е; стрѣлы Е.

108 Ступаетъ ПЕ.

109 Тмутороканъ Е; слыша ПЕМ.

110 Ярославль ПЕ. Всеволодъ П, Всеволодъ Е; Владимиръ П1Е.

111 Черниговъ ПЕ.

112 Вячеславлича ПЕ, Казанину М.

зелену паполому <ему> пошла за обиду Ольгову,
храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ
[115] полелѣя отца своего между угорьскими иноходцы
къ Святѣи Софїи къ Киеву. Тѣгда при Олѣѣ
Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами,
погибашеть жизнь Дажьбоя внука, въ княжихъ
крамолахъ вѣщи чловѣкомъ скратишся. Тѣгда

[120] по Русьской земли рѣдко ратаеве кыкахуть, нѣ часто
врани граяхуть, трупя себѣ дѣлаче, а галици
свою рѣчь говоряхуть, хотятъ полетѣти на уедіе.

То было въ ты рати и въ ты плѣкы, а сиди рати
не слышано! Съ заранія до вечера, съ вечера

[125] до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли
о шеломахъ, трещятъ копія харалужная въ полѣ незнаемѣ
среди земли Половецкыя. Чѣрна земля подѣ копыты
костьми была посѣяна, а крѣвию поляна, тугою
възыдоша по Русьской земли. Что ми шумить,

[130] что ми звенить давѣча рано предѣ зорями? Игорь
плѣкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата
Всеволода. Бишся день, бишся другыи, третьяго

113 па-полому М; ему нет в ПЕМ; Олгову ПЕ.

114 Святоплѣкъ П, Святополкъ Е, Святоплѣкъ К.

115 повелѣя ПЕ, по велѣя К; угорьскими П, угорьскими Е; иноходцы Е.

116 ко ПЕ; Киеву ПЕ; Тогда ПЕ.

118 погибашеть П, погибашеть М; Дажьдь-Божя ПЕ, Дажьдь-Божя М.

119 чловѣкомъ П, чловѣкомъ М; скратишся ПЕМ; Тогда ПЕМ.

120 Рускои ПЕМ; землѣ М; рѣдко ПЕ; ратаевѣ ПЕ; кыкахуть ПЕ,
кыкахоуть М; часто ПЕМ.

121 граяхуть М; рупіа ПЕМ.

122 говоря, хуты М; хотятъ М; полѣтѣти Е; оуедіе М.

123 плѣкы П, полкы Е.

124 слышано ПЕ; заранія ПЕ.

125 летятъ П; стрелы Е; гримлютъ П.

126 трещятъ ПЕ; копія ПЕ; харалужныя ПЕ.

127 половецкыи ПЕ; чѣрна П, черна Е.

128 кровію ПЕ.

129 възыдоша ПЕ; Рускои ПЕ; шумить ПЕ.

130 давеча П, давеча Е.

131 плѣкы П, полкы Е; заворочаетъ П, заворочаетъ Е; жаль ПЕ.

132 Бишся ПЕ, бишся П, бишся Е.

дни къ полуднію падоша стязи Игоревѣ. Ту ся
брата разлучиста на брезѣ быстрои Каялы.

[135] Ту крѣваваго вина не доста; ту пирѣ докончаша
храбрїи русичи, сваты попоиша, а сами полегоша
за землю Русьскую. Ничить трава жялощами,
а древо ся тугою къ земли приклонило.

Уже бо, братіе, не веселая година вѣстала,

[140] уже пустыни силу прикрыла. Вѣстала Обида въ силахъ
Дажьбожя внука, вѣступила дѣвою на землю Трояню,
въсплескала лебедиными крылы на синемъ морѣ
у Дону, плещучи, упуди жирня времена. Усобиця
княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ

[145] брату: «Се мое, а то мое же», и начяша князи
про малое «Се великое» мѣлвити, а сами на себе
крамолу ковати, а поганїи съ всѣхъ странъ
прихождаху съ побѣдами на землю Русьскую.

О, далече заиде соколъ, птиць бя — къ морю!

[150] А Игорева храбраго пълку не крѣсити. За нимъ
кликну Карна, и Жяля поскочи по Русьской
земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ.

Жены русьскыя въсплакашяся, а ркучи:

«Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію съмыслити,

133 падоша ПЕ; Игоревы ПЕ.

135 кроваваго ПЕ; докончаша ПЕ.

136 попоиша ПЕ; полегоша ПЕ.

137 Рускую ПЕ; жалощами ПЕМ.

138 стугою ПЕ, съ тугою М; преклонилося ПЕ, приклонилося М.

141 Дажь-Божя ПЕ; вступилъ ПЕ, вѣстоупилъ М; двою М.

142 крылы Е; синѣмъ П, синемъ Е; море ПМ.

143 оудоноу М; плещоучи М; убуди ПЕ; усобица ПЕ.

144 княземъ Е.

145 начяша П, начаша Е.

146 мѣлвити П, молвити Е; себѣ П.

148 Рускую ПЕ.

149 заиде ПЕ.

150 храброго Е; пълку П, полку Е; кресити Е, нимъ Е.

151 Жяля П, Карнаижа Е; Руской ПЕ.

152 людемъ нет в П.

153 Рускія П, Рускыя ЕМ; въсплакашась ПЕ, всплакашась М; аркучи ПЕ.

154 намъ Е, нам М; своихъ М; милыхъ М; смыслити ПЕМ.

[155] ни думою съдумати, ни очима съгледати,
а злата и сребра ни мало того потрепати!»
А въстона бо, братіе, Киевѣ тугою, а
Чѣрниговѣ напастыми. Тоска разліяся по Русьской
земли, печаль жирна тече среди земли Русьскыи.

[160] А князи сами на себе крамолу коваху, а поганіи
сами, побѣдами нарыщюще на Русьскую землю,
емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тая бо два храбрая Святъславлича, Игорь
и Всеволодъ, уже лжу убудиста каторою. Ту бяше
[165] успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозныи великыи
Киевскыи. Грозою бяшетъ притрепеталъ,
своими сильными плѣкы и харалужными мечи наступи
на землю Половецкую, притѣпта хѣлмы и яругы,
възмути рѣкы и озера, иссуши потоки и болота,

[170] а поганого Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ
великихъ плѣковъ половецкыхъ яко вихрь вытѣрже,
и паде ся Кобякъ въ градъ Киевѣ, въ гридниѣ
Святъславли. Ту нѣмци и венедици, ту грѣци
и морава поють славу Святъславлю, кають князя

[175] Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы
половецкыя. Русьскаго злата насыпаша ту, Игорь

155 сдумати ПЕМ; о очима Е; зглядати М.

157 Киевѣ ПЕ.

158 Черниговѣ П, Черниговѣ Е; Руской ПЕ.

159 печаль ПЕ; утече Е; средѣ П, средѣ Е; Рускый П, Рускыи Е.

161 нарыщюще ПЕ; Рускую ПЕ.

163 Ти ПЕ; Святъславлича П.

164 убуди ПЕ; каторую ПЕ; то ПЕ.

165 отецъ П; Святъславъ ПЕ; грозный Е; великый Е.

166 Киевскый П, Киевскый Е.

167 сильными Е; плѣкы П, полкы Е.

168 притопта ПЕ; хѣлмы ПЕ.

169 взмути П, в'змути Е; рѣки П; озера ПЕ; потоки П.

170 поганого Е; излоуку М; желѣзныхъ Е.

171 великихъ П; плѣковъ П, полковъ Е; половецкихъ П; выторже ПЕ.

172 Киевѣ ПЕ.

173 грѣци ПЕ;

174 поють ПЕ; кають Е.

175 погроуси М.

176 половецкыя П; Рускаго ПЕ; насыпаша ПЕ.

князь высѣде изъ сѣдла злата а въ сѣдло кощіево.
 Унышя бо градомъ забрала, а веселіе пониче.
 А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ. «Въ Киевѣ
 [180] на горахъ си ночь съ вечера одѣвахуть мя, —
 рече, — чърною паполомою на кровати тисовѣ,
 чърпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено,
 сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тѣлковинъ
 великыи женчюгъ на лоно и нѣгують мя. Уже дѣски
 [185] безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовѣрсѣмъ. Всю ночь
 съ вечера Бусови врани възграяху, у Плєсньска на
 болони бѣшя дебри Кыянѣ и несошяся къ синему морю».
 И рѣкоша бояре князю: «Уже, княже, тута умъ
 полонила. Се бо два сокола слетѣста съ отня стола
 [190] злата поискати града Тматороканя, а любо испити
 шеломомъ Дону. Уже соколома крыльця припѣшали
 поганыхъ саблями, а самою опуташи въ путины
 желѣзны. Тьмно бо бѣ въ г день, два сѣлнца
 померкоста, оба багряная стѣлпа погасоста и въ
 [195] морѣ погрузиста, и великое буиство подаста хынови,
 и съ нима молодая мѣсяця, Олегъ и Святъславъ, тьмою

177 *высѣдѣ* П.

178 *Унышя* ПЕ; *забрали* ПЕ.

179 *Святъславъ* П; *Кієвъ* ПЕ.

180 *одѣвахъте* ПЕ.

181 *чърною* П, *черною* Е; *кроваты* П.

182 *чърпахуть* ПЕ; *трудомъ* П, *трудом* Е.

183 *тоулы* М; *тѣлковинъ* П, *тѣлковинъ* ЕМ.

184 *женчюгъ* ПЕ; *нѣгують* П; *дѣски* П.

185 *вмоемъ* П; *златовѣрсѣмъ* П, *златовѣрсемъ* Е.

186 *бусови* П, *бо-суви* Е; *Плѣньска* Е.

187 *бѣшя* ПЕ; *дебрь кисаню* ПЕ; *и не сошлю къ* ПЕ.

188 *рѣкоша* ПЕ; *умъ* ПЕ.

189 *слетѣста* П.

190 *Тматороканя* Е.

191 *шеломомъ* ПЕ; *крыльця* П, *крильца* Е.

192 *самаю* П, *самого* Е; *опустоша* П, *опуташи* Е.

193 *Темно* ПЕ; *3и* Е; *солнца* ПЕ; *померкоста* П, *померкоста* Е.

194 *стѣлпа* ПЕ.

195 В ПЕ вся строка после 198; *подасть* Е; *Хинови* ПЕ.

196 *нимъ* ПЕ; *мѣсяця* ПЕ; *тьмою* П, *тмою* Е.

- ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма светъ покрыла,
по Русьской земли прострошяся половци акы пардуже гнѣздо.
Уже снесся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю,
- [200] уже вѣржесе Дивѣ на землю. Се бо готѣскыя красныя
дѣвѣ вѣспѣша на брезѣ синему морю: звоня Русьскымъ
златомъ, поють время Бусово, лелѣють мѣсть Шароканю.
А мы уже дружина жядни веселія!»
- Тѣгда великыи Святѣславъ изрони злато слово,
- [205] слѣзами смѣшено, и рече: «О моя сыновѣця, Игорю
и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи
цѣлѣти, а себѣ славы искати. Нѣ не честно одолѣсте,
не честно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая
сърдця въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести
- [210] закалена. Се ли створисте моеи сребренѣи сединѣ?
А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовои
брата моего Ярослава съ Чѣрниговѣскыи былями,
съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчакы,
и съ ревугы, и съ ольберы. Тѣи бо бесѣ щитовѣ
- [215] съ засапожники кликомъ пѣлѣкы побѣждають,
звонячи въ прадѣдную славу. Нѣ рекосте: «Мужаимѣся
сами, преднюю славу сами похѣтимъ, а заднею ся сами
подѣлимъ!» А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли
соколъ въ мытѣхъ бываетъ, высоко птицѣ възбиваетъ,
-
- 198 Рускои ПЕ; *прострошася* ПЕ; *акы* П.
200 *вѣржеса* ПЕ; *дивѣ* П; *готскія* П.
201 *вѣспѣша* ПЕ, *вспѣша* К; *синяго моря* К; *Рускымъ* ПЕ.
202 *поють* П; *лелѣють* ПЕ.
203 *жадни* ПЕ; *веселія* Е.
204 *Тогда* ПЕ; *великыи* П; *Святславъ* П, *Святославъ* К.
205 *слезами* ПЕ; *сыновця* ПК, *сыновча* Е.
208 *прольясте* Е.
209 *сердца* ПЕ; *жестоцемъ* П.
210 *сребреней* ПЕ; *сѣдинѣ* ПЕ.
212 *Чѣрниговѣскыи* ПЕ.
213 *шельбиры* Е.
214 *олѣбѣры* Е; *бес* П; *щитовѣ* П.
215 *пѣлѣкы* П, *полѣкы* Е; *побѣждають* П.
217 *похитимъ* П, *похѣтимъ* Е; *заднюю* ПЕ; *подѣлимъ* Е.
219 *мытѣхъ* П; *бываетъ* П; *птицѣ* П; *възбиваетъ* П.

[220] не дасть гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло,
княже ми неспособіе. Наниче ся години обратиша.
Се у Римъ крычатъ подѣ саблями половецкыми,
а Володимиръ подѣ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!
Великыи княже Всеволоде! Не мыслію ти

[225] прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти.
Ты бо можеша Вѣлгу веслы раскропити, а Донъ
шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чяга
по ногатѣ, а кощеи по рѣзанѣ. Ты бо можеша посуху
живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы.

[230] Ты буи Рюриче и Давыде! Не ваю ли <вои> злечеными
шеломы по крѣви плаваши? Не ваю ли храбрая дружина
рыкають аки тури, ранени саблями калеными на полѣ
незнаемъ? Вѣступита, господина, въ злата стремени
за обиду сего времени, за землю Русскую,

[235] за раны Игоревы, буюго Святъславлича!
Галичскыи Осмомысле Ярославѣ! Высоко
сѣдиши на своемъ златокланнѣмъ столѣ, подпѣръ
горы угорскыи своими желѣзными плѣкы, заступивъ
королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, мечя бремены

220 дасть П.

221 обратиша ПЕ.

222 Уримъ П, урим Е, у Римъ К; кричатъ ПЕ, кричатъ К.

223 Володимиръ Е, Володимеръ К.

225 издалеча ПЕ.

226 Волгу ПЕ; раскропити Е.

227 А же Е; чага ПЕК.

228 резанѣ ПЕ, рѣзани К.

229 живыми нет в Е; стреляти Е.

230 вои нет в ПЕ.

231 крови ПЕ; плаваши ПЕ.

232 рыкають П; аки Е; ранены ПЕ.

233 Вступита ПЕК; гна Е; златый К; стремень ПЕК.

234 зане землю Е; Русскую П, Рускую Е.

235 Святславлича П, Святъславлича Е.

236 Галичкы ПЕ; Осмомыслѣ П.

237 златокланнемъ Е; подпѣръ ПЕК.

238 угорскыи П, угорскыи Е; плѣки П, полки Е, плѣкы К.

239 затвори къ Дунаю К; мечи ПЕ; бремены ПЕ.

[240] чрезъ облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по
землямъ текутъ, отворяеши Кыеву врата, стрѣляеши
съ отня злата стола салтъаны за землями. Стрѣляи,
господине, Кончяка, поганого кощея, за землю
Русьскую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

[245] А ты буи Романе и Мстиславе! Храбрая мысль
носить ваю умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло
въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ шириаяся, хотя
птицю въ буиствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзнии
паворози подѣ шеломи латиньскими. Тѣми трѣсну земля,

[250] и многы страны — хинова, литѣва, ятвязи, деремела
и половци сулици своя повѣргоша, а главы своя
поклониша подѣ тыи мечи харалужныи. Нѣ уже, княже
Игорю, утѣрпе сѣлнцю свѣтъ, а древо не бологомъ
листвіе сѣрони, по Рѣси и по Сули грады подѣлиша,

[255] а Игорева храбраго пѣлку не крѣсити. Донѣ ти,
Княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду. Ольговичи
храбрѣи князи доспѣли на брань.

Инѣгварь и Всеволодѣ и вси три Мстиславичи,
не худа гнѣзда шестокрыльци! Не побѣдными жребіи

240 облакы П.

241 текутъ П; отворяеши П; Кіеву ПЕ; стреляеши Е.

242 салтани П, салтъани Е; стреляи Е.

243 Кончака ПЕ; поганого ПЕ.

244 Рускую ПЕ; Святславлича П, Святъславлича Е.

246 носить П; вась ПЕ; умъ Е.

247 вѣтрехъ П.

248 желѣзныи П.

249 папорзи ПЕК; латинскими ПК.

250 многи П; Хинова нет в К; Литва ПЕК.

251 повѣргоща П, повѣргоша ЕК.

252 поклониша ПЕ; харулужныи К.

253 утѣрпѣ П, утѣрпѣ Е; солнцю ПЕ.

254 срони ПЕ; Рѣси П, Роси Е; гради ПЕ; подѣлиша ПЕ.

255 пѣлку П, полку Е; кресити Е.

256 кличетъ П; зоветъ Е; Олговичи ПЕ.

257 храбрѣи ПЕ.

258 Ингварь ЕК; и нет в К; Мстиславлича Е, Мстиславича К.

259 шестокрильци П, шестокрильци Е.

[260] собѣ власти расхытисте. Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкыя и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъславличя! Уже бо Сула не течеть сребренными струями

[265] къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ полочяномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы литовскыя, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты

[270] на крѣвавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи. Исходи юна кровь, а ты рекъ: «Дружину твою, княже, птичь крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша». Не бысть ту брата Брячислава, ни другаго — Всеволода, единъ же изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла

[275] чресъ золото ожереліе. Уныли голоси, пониче веселіе, трубы трубять городеньскыя. Ярославле и вси внуци Всеслави! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дѣднеи славы. Вы бо своими крамолами начясте

260 шеломы ПЕ.

261 сулицы ПЕ; *ляцкіі* П, *ляцкыи* Е; *щиты* ПЕ.

262 стрелами Е; *Русскую* П, *Рускую* Е.

263 Святъславлича ПЕ.

264 течеть ПЕ.

265 течеть ПЕ.

266 полочаномъ П.

268 литовскія П.

269 чрълеными ПЕ.

270 кровавѣ ПЕ; *литовскими* ПЕ.

271 *И схоти ю на кровать и рекъ* ПЕ; *княжскую* вместо твою, княже М.

272 *птиць* ПЕМ; *крылы* ПЕМ; *приодѣ* ПЕ, *приоде* М; *звери* ЕМ; *полизаша* ПЕ, *полизаше* М.

273 *бысь* П, *бы* Е; *Брячислава* П, *Брячаслава* Е.

274 *жемчужну* Е; *душу* ПЕ.

275 *чрезъ* Е; *Унылы* П.

276 *трубять* ПЕ; *городеньскіи* ПЕ.

277 *Ярославе* ПЕ; *внуце* ПЕ; *понизить* ПЕ.

278 *вонзить* ПЕ.

279 *славѣ* ПЕ; *начасте* Е.

[280] наводити поганья на землю Русьскую, на жизнь Всеславу,
которою бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыя.

На седьмомъ вѣдѣ Трояни вѣрже Всеславъ жребіи
о дѣвицю себѣ любу. Тѣи клюками подѣпъръ ся окони,
и скочи къ граду Киеву, и дотчеса стружіемъ злата

[285] стола Киевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
въ пълночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мыглѣ,
утѣрже вазни съ три кусы, отвори врата Новуграду,
разѣшибе славу Ярославу, скочи вѣлкомъ до Немигы —
сѣду токѣ. На Немизѣ снопы стелють головами,

[290] молотять цепи харалужными, на тоѣ животь кладуть,
вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ крѣвави брезѣ не бологомъ
бяхуть посѣяни, посѣяни костью русьскихъ сыновѣ.
Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше,
а самъ въ ночь вѣлкомъ рыскаше, изъ Киева дорыскаше до

[295] куръ Тмутороканя, великому Хърсови вѣлкомъ путь
перрыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю
рано у Святыхъ Софiei въ колоколы, а онъ въ Киевѣ
звонѣ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ,
нѣ чясто бѣды страдаше. Тому вѣщеи Боянѣ и първое

280 Рускую ПЕ.

281 Которое ПЕ; половецкыи ПЕ.

282 седмомъ Е; Зояни Е; вѣрже ПЕ.

283 Тѣ Е; подпър ПЕ.

285 Киевскаго П, Киевскаго Е; отныхъ Е; зверем Е.

286 пълночи П, полночи Е; сине Е.

287 утѣрже ПЕ; воззни стрикусы П, вазнистри кусы Е; оттвори П.

288 разѣшибе П, разѣшибѣ Е; вѣлкомъ П, волкомъ Е; Немиги ПЕ.

289 съ Дудутокѣ ПЕ; стелють ПЕМ.

290 молотять ПЕМ; чети ПЕМ; халужными ЕМ; кладуть П.

291 вѣють ПЕМ; душу ПЕМ; от М; кровави ПЕМ.

292 бяхуть М; Рускихъ ПЕ, русскихъ М; сыновѣ Е.

293 радяше Е.

294 вѣлкомъ П, волкомъ Е; исъ Е; дорискаше ПЕ.

295 Тмутороканя ПЕ; Хърсови ПЕ; вѣлкомъ П, волкомъ Е.

296 Полотскѣ П; позвониша ПЕ.

298 слыша ПЕ; вѣща ПЕ; душа ПЕ; в'друзѣ Е

299 часто ПЕ; пръвое П, первое Е, перъвое М.

[300] припѣвку, смысленны, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни пытьцю горазду суда Божія не минути!»

О, стонати Русьской земли, помянувшѣ пѣрвую годину и пѣрвыхъ князеи! Того стараго Владимира не лъзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевьскимъ, сего

[305] бо нынѣ сташа стязи Рюрикови, а друзіи Давидови, нѣ розньо ся имѣ хоботы пашють, копія поють!

На Дунаи Ярославнынѣ гласъ слышитѣ, зегзицею незнаемъ рано кычеть: «Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянѣ рукавѣ въ Каялѣ рѣцѣ, утру

[310] князю крѣвавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ». Ярославна рано плачетѣ въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: «О вѣтре вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши?

Чему мычѣши хыновскыя стрѣлки на своею нетрудную крыльцю на моя лады вои? Мало ли ти бяшетѣ горѣ

[315] подѣ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?»

Ярославна рано плачетѣ Путивлю городу на заборолѣ, а ркучи: «О Днѣпре Словутицю! Ты пробилѣ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялѣ еси на себѣ

[320] Святѣславли носады до плѣку Кобякова. Възлелѣи, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала

300 *притовку* М; *смысленный* М; *хитру* М.

301 *птицю* ПЕМ; *Божія* ПЕМ.

302 *Руской* ПЕ; *помянувшѣ* ПЕ; *пѣрвую* П, *первую* Е.

303 *пѣрвыхъ* П, *первыхъ* Е; *Владимира* ПЕ.

304 *нелзѣ* Е; *Кіевскимъ* П, *Кіевьскимъ* Е.

305 *сташа* ПЕ; *Рюриковы* ПЕ; *Давидовы* П.

306 *рози*нося ПЕ; *пашуть* П, *нашуть* Е; *копія* ПЕ; *поють* ПЕ.

307 *Ярославнымъ* Е; *слышитѣ* П.

308 *незнаемъ* ПЕ.

310 *крѣвавыя* ПЕ.

311 *плачетѣ* П.

312 *вѣтрѣ* П; *гне* Е.

313 *хиновскыя* ПЕ; *не трудною* ПЕ.

314 *крилицю* ПЕ; *бяшетѣ* П; *горѣ* Е.

316 *развѣя* ПЕ.

318 *Днепре* ПЕ; *Словутицю* ПЕ.

320 *Святѣславли* ПЕ; *плѣку* П, *полку* Е.

къ нему слезъ на море рано!» Ярославна рано плачеть
въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое
сълнце! Всѣмъ тепло и красно еси. Чему, господине,
[325] простре горячюю свою лучю на лады вои, въ полѣ безводнѣ
жаждею имъ луку съпряже, тугою имъ тулы затче?»
Прысну море полунощи, идутъ сморци мглами,
Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкыя
на землю Русьскую, къ отню злату столу. Погасоша
[330] вечеру зори. Игорь спить, Игорь бдитъ, Игорь
мыслию поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго
Донця. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою,
велитъ князю разумѣти — Князю Игорю не бытъ! — Кликну.
Стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся половецкыя
[335] подвизаша. А Игорь князь поскочи гърностаемъ
къ тростию и бѣлымъ гоголемъ на воду, въвржеся
на бързъ комонь, и скочи съ него босымъ вълкомъ,
и потече къ лугу Донця, и полетѣ соколомъ подъ мглами,
избивая гуси и лебеди завтраку, и обѣду, и ужинѣ.
[340] Коли Игорь соколомъ полетѣ, тѣгда Влуръ вълкомъ
потече, труся собою студеную росу, претъргоста бо
своя бързая комоня. Донецъ рече: «Княже Игорю!

322 морѣ Е; Ярославна на морѣ плачеть Е; плачеть П.

323 къ вместо въ в ПЕ.

324 сълнце П, солнце Е; всемъ Е; гне Е.

325 ладѣ ПЕ.

326 жаждею ПЕ; имъ ПЕ; лучи ПЕ; тули ПЕ; затче ПЕ.

327 идутъ П; сморци ПЕ.

328 кажетъ ПЕ; половецкои ПЕ.

329 Рускую ПЕ; Погасоша ПЕ.

330 зари ПЕ; спить П; бдитъ П.

331 мѣритъ П; великого Е.

332 Донца ПЕ; Комонь ПЕ.

334 въшумѣ ПЕ; половецкии ПЕ.

335 подвизашася ПЕ; поскачи Е; горнастаемъ П, горностаемъ Е.

336 въвржеся П, въвержеся Е.

337 бързъ П, борзъ Е; босымъ Е; вълкомъ П, волкомъ Е.

338 Донца ПЕ; мглами Е.

340 соколомъ Е; тогда ПЕ; вълкомъ П, волкомъ Е.

341 претъргоста ПЕ.

342 бързая П, борзая Е. Донецъ П.

Не мало ти величїя, а Кончяку нелюбія, а Русьской
 земли веселїя!» Игорь рече: «О Донче! Не мало ти
 [345] величїя, лелѣявшю князя на вълнахъ, стлавѣшю ему
 зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшю
 его теплыми мѣглами подѣ сѣнію зелену древу, стрѣжаше
 его гоголемъ на водѣ, чаицями на струяхъ, чѣрнядьми
 на вѣтрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю
 [350] имѣя, пожръши чюжи ручьи и стругы, рострена къ усту,
 уношю князя Ростислава затвори днѣ при темнѣхъ березѣхъ.
 Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ.
 Уныша цвѣты жялобою, и древо ся тугою къ земли приклонило».
 А не сорокы вѣстрокоташа, на слѣду Игоревѣ
 [355] ѣздить Гза съ Кончякомъ. Тѣгда врани не грахуть,
 галици помѣлкоша, сорокы не трокоташа, полозиѣ
 ползоша только. Дятлове текѣтомъ путь къ рѣцѣхъ кажуть,
 соловиі веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдають. Мѣлвить Гза
 къ Кончякови: «Аже соколъ къ гнѣзду летить, соколича
 [360] рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами». Рече
 Кончякъ ко Гзѣ: «Аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ
 соколыца опутаевѣ красною дѣвицею». И рече Гза

343 *Кончаку* ПЕ; *Руской* ПЕ.

344 *веселїа* ПЕ.

345 *лелѣявшю* ПЕ; *вълнахъ* П, *волнахъ* Е; *стлавишю* ПЕ.

346 *зелѣну* П; *на своихъ* Е; *одѣвавшю* ПЕ.

347 *мѣглами* П, *мглами* Е.

348 *е гоголемъ* ПЕ; *чаицями* ПЕ; *чѣрнядьми* ПЕ.

349 *ветрѣхъ* П.

350 *пожръши* ПЕ; *чужи* ПЕ; *ростре на кусту* ПЕ.

351 *уношю* ПЕ; *князю* ПЕ; *Ростиславу* ПЕ; *Днѣпрѣ темнѣ* ПЕ.

352 *Плачется* ПЕ; *Ростиславя* П.

353 *Уныша* ПЕ; *жалобою* ПЕ; *древо стугою* ПЕ; *прѣклонило* ПЕ.

354 *втросткоташа* ПЕ.

355 *ѣздить* П; *Гзакъ* ПЕ; *Кончакомъ* ПЕ; *Тогда* ПЕ; *грахуть* ПЕ.

356 *помѣлкоша* П, *помолкоша* Е; *троскоташа* ПЕ; *полозию* П, *по лозию* Е.

357 *ползоша* П, *ползаша* Е; *только* Е; *тектормъ* ПЕ; *кажуть* П.

358 *пѣсньми* П; *повѣдають* ПЕ; *Мѣлвить* П, *молвить* Е; *Гзакъ* ПЕ.

359 *къ* нет в ПЕ; *Кончакови* ПЕ; *летить* П, *летит* Е; *соколича* ПЕ.

360 *стрѣлами* Е; *Речь* Е.

361 *Кончакъ* ПЕ; *летить* П.

362 *соколыца* ПЕ; *дивицею* П; *рѣкъ* Е; *Гзакъ* ПЕ.

къ Кончакови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею,
ни нама будеть сокольця, ни нама красны дѣвицѣ,
[365] то почнуть наю птици бити въ полѣ Половецкомъ». Рєкъ Боянѣ и Ходына, Святѣславля пѣснотворця
старога времени Ярославля, Ольгова коганя хоти:
«Тяжко ти головѣ кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ
головы» — Русьской земли безѣ Игоря. Солнце свѣтиться
[370] на небесе — Игорь князь въ Русьской земли. Дѣвици
поють на Дунаи, вьются голоси чрезѣ море до Кіева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святѣи Богородици
Пирогощен. Страны рады, гради весели.
Пѣвъше пѣснь старымѣ княземѣ, а потомѣ молодымѣ
[375] пѣти. Слава Игорю Святѣславличю, бун туру
Всеволоду, Владимиру Игоревичю. Здрави князи
и дружина, побарая за християны на поганыя пѣлки.
Княземѣ слава а дружинѣ.
Аминь.

363 *Кончакови* ПЕ.

364 *будеть* ПЕ; *сокольця* ПЕ; *дѣвице* ПЕ.

365 *почнуть* ПЕ.

366 *и ходы на* ПЕ; *пѣснотворца* П, *пѣснотворца* Е.

368 *тяжко* ПЕ; *головы* ПЕ.

369 *Руской* ПЕ; *Солнце* ПЕ; *свѣтитя* ПЕ.

370 *небесѣ* П; *Руской* ПЕ.

371 *поють* ПЕ; *вьются* ПЕ; *чресѣ* Е; *Кіева* ПЕ.

372 *ѣдетъ* ПЕ.

373 *ради* ПЕ.

374 *пѣвшие* ПЕ.

375 *Святѣславлича* П, *Святѣславличъ* Е; *Всеволодѣ* П, *Всеволоде* Е.

376 *Владимиру* ПЕ; *Игоревичу* П, *Игоревичъ* Е.

377 *християны* Е, *пѣлки* П, *полки* Е.

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

*Перевод древнерусского текста*¹

[1] Не достойно ли было бы нам, братья, начать старыми словами скорбных воинских повестей <песнь> о походе Игореvem — Игоря Святославича. Начаться же той песни по былям сего времени, а не по замыслу Боянову. Потому что Боян вещий, если кому хотел сложить хвалебную песнь, то растекался мыслью по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Помнил ведь он рассказы о войнах давних времен. Тогда он пускал десять соколов на стадо лебедей, которую лебедь настигал, та первой песнь пела старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедю перед полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. Но Боян, братья, не десять соколов на стадо лебедей пускал, а на живые струны свои вещие персты возлагал, и они сами князьям славу рокотали.

[16] Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который выковал ум твердостью своей и наострил его мужеством своего сердца, исполненный боевого духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

[21] Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что от него тьмою все его воины прикрыты. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Все же лучше быть погибшим в бою, чем полоненным. Сядем же, братья, на своих борзых коней, чтобы

¹ Цифры в квадратных скобках против абзацных строк являются ссылками и соответствуют нумерации этих строк в древнерусском тексте. Переход к подробным комментариям к тексту «Слова о полку Игореvem» осуществляется через нумерацию строк в древнерусском тексте.

нам взглянуть на синий Дон!» Разожгло князю ум желание, и страсть ему знáмение заступила изведать Дона великого. «Хочу, — сказал он, — копье преломить о край поля Половецкого, с вами, русичи, хочу голову свою сложить или испить шелоном Дона!»

[31] О Боян, соловей старого времени! Вот если бы ты воспел эти походы, скача, о соловей, по мысленному древу, летая умом под облаками, сплетая обе славы того времени, рыща по тропе Трояновой через поля на горы. Тогда петь бы внуку того <Велеса> песнь Игорю: «Не буря соколов занесла через поля широкие — галки стаями летят к Дону великому!» Или так бы тебе спеть, о вещий Боян, Велесов внук: «Трубы трубят в Новеграде, стоят стяги в Путивле!»

[41] Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему буйтур Всеволод: «Один брат, один свет светлый ты, о Игорь, оба мы Святославичи! Седлай, брат, своих борзых коней, а мои-то готовы, оседланы у Курска заранее. А мои-то куряне испытанные воины, под трубами повиты, под шеломами взлелеяны, с конца копья вскормлены, пути им известны, овраги им знакомы, луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наточены, сами они скачут как серые волки в поле, ищущие себе чести, а князю славы.

[51] Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заграждало, ночь, стонущая ему грозою, птиц разбудила, свист звериный поднялся — Див кличет на вершине дерева, велит прислушаться земле неведомой — Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутороканский болван! А половцы непроторенными дорогами побежали к Дону великому; скрипят телеги в полночи, как будто испуганные лебеди. Игорь к Дону воинов ведет! Уже ведь от беды его предостерегают птицы по дубам. Волки страх нагоняют по оврагам, орлы клекотом на кости зверей созывают, лисицы лают на червленые щиты. О Русская земля! Ты уже за холмом!

[64] Долго ночь меркнет. Заря свет зажгла, мгла поля покрыла, трели соловьев утихли, говор галок пробудился. Русичи, ищущие себе чести, а князю славы, великие поля червлеными щитами перегородили.

[68] С утра в пятницу потоптали они нечестивые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали прекрасных девушек половецких, и с ними золото, и драгоценные ткани, и дорогие бархаты; покрывалами, и плащами, и кожухами начали мос-

ты мостить по болотам и топким местам — и всякими украшениями половецкими. Червлёный стяг, белая хоругвь, червлёная челка — серебряное древко — храброму Святославичу!

[76] Дремлет в поле Олегово доблестное гнездо. Далеко залетело! Не было оно на обиду порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чёрный ворон, неверный половчин! Гза бежит серым волком, Кончак ему путь указывает к Дону великому.

[82] На другой день рано поутру кровавые зори свет возвещают, чёрные тучи с моря идут, хотят закрыть четыре солнца, а в тучах трепещут синие молнии. Быть грому великому! Идти дождю стрелами с Дона великого! Тут копьям поломаться, тут саблям пощербиться о шеломы половецкие — на реке на Каяле у Дона великого. О Русская земля! Ты уже за холмом!

[89] Вот ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля гудит, реки мутно текут, утренние туманы поля покрывают, стяги говорят — развеваются на ветру. Половцы идут от Дона и от моря, и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи преградили червлёнными щитами.

[96] О ярый тур Всеволод! Стоишь ты в боевом строю, сыплешь на воинов стрелами, гремишь о шеломы мечами харалужными — остриями сверкающими. Куда бы тур ни поскакал, своим золотым шеломом блистая, там лежат нечестивые головы половецкие. Тобой в щепки разбиты калёными саблями аварские шеломы, ярый тур Всеволод, презирающий раны, о дорогие братья, забывший почести и жизнь, и город Чернигов, отчий золотой стол и свychаи и обычаи своей милой жены — прекрасной Глебовны!

[105] Были века Трояновы, минули лета Ярославовы, были походы Олеговы, Олега Святославича. Тот самый Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. Когда вступал он в золотое стремя в граде Тмуторокани, то этот звон слышал давний великий князь Ярославов сын Всеволод, а Владимир <Мономах> каждое утро закладывал уши — запирали ворота в Чернигове. А Бориса Вячеславича слава на суд привела и на Канине зелёный плащ ему постлала за обиду Олега — храброго и молодого князя. С той же Каялы Святополк бережно повёз отца своего на угорских иноходцах к святой Софии — к Киеву. Тогда, при Олеге Гориславиче, сеялась и росла в усобицах, погибала жизнь Дажьбогова внука, в княжеских крамолах век людской сократился. То-

гда по Русской земле редко оратаи кликали, но часто вороны граяли, мертвые тела между собой дежая, а галки свой разговор вели — полетят они на богатый пир. Это было в те битвы и те походы, а такой битвы не слышано! С утра до вечера, с вечера до света летят стрелы каленые, гремят сабли о шелома, трещат копыя харалужные, остриями блистающие в поле неведомом среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костями была засеяна и кровью полита, скорбью взошли они по Русской земле. Что мне шумит, что мне звенит так рано пред зарей? Игорь полки поворачивает, потому что жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы. Тут кровавого вина не хватило; тут пир закончили храбрые русичи, сватов напоили, а сами полегли за Русскую землю. Никнет трава от жалости, и дерево от горя к земле склонилось.

[139] Ведь уже, братья, невеселое время наступило, уже пустыня воинство накрыла. Встала Обида в войске Дажьбожьего внука, вступила девою на землю Троянову, всплескала лебедиными крыльями на синем море у Дона, плеща ими, прогнала счастливые времена. Раскол между князьями привел к гибели для них от неверных, потому что сказал брат брату: «Это мое, а то тоже мое», и начали князья про малое говорить: «Это великое» — и сами на себя крамолу ковать, а неверные из всех стран приходили с победами на Русскую землю.

[149] О, далеко залетел сокол, птиц бьющий, — к морю! А Игорева храброго войска не воскресить. О нем воскликнула Карна, и Желя помчалась по Русской земле, разбрасывая людям огонь из пламенного рога. Жены русские заплакали, причитая: «Уже нам своих милых мужей ни мыслию не промыслить, ни душою не придумать, ни очами не повидать, а до золота и серебра и вовсе не дотронуться!»

[157] И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильно течет среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали, а неверные сами, с победами набегая на Русскую землю, брали дань по серебряной монете со двора.

[163] Те ведь два храбрые Святославича, Игорь и Всеволод, обособившись <от других>, зло разбудили, которое прежде успокоил отец их, Святослав грозный великий Киевский. Грозою он

заставил трепетать — своими сильными полками и харалужными мечами наступил на Половецкую землю, потоптал холмы и овраги, взмутил реки и озера, иссушил ручьи и болота. А неверного Кобяка из лукоморья из железных многочисленных полков половецких как смерч вырвал, и упал Кобяк в граде Киеве, в гриднице Святослава. Тут немцы и венецианцы, тут греки и мораване поют славу Святославу, осуждают князя Игоря, который утопил счастье на дне Каялы, реки половецкой. Рассыпали там русское золото, Игорь-князь пересел из золотого седла в седло невольника-кощера. В унынии городские стены, и веселье поникло.

[179] А Святослав мутный сон видел. «В Киеве на горах этой ночью с вечера, — сказал он, — укрывают меня черным плащом на ложе тисовом, черпают мне темные виноградные ягоды, с пшением смешанные, сыплют мне пустыми колчанами неверных язычников-толмачей крупный жемчуг на грудь и оплакивают меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом. Всю эту ночь с вечера Бозовы вороны начинали взграивать, у Плесеньска на низком берегу разверзлись овраги Кияни, и простерлись они до синего моря».

[188] И сказали бояре князю: «Уже, о князь, скорбь ум заполонила; это ведь два сокола слетели с отеческого золотого стола поискать града Тмуторокани или хотя бы испить шелоном Дона. Ведь уже тем двум соколам крылышки подрезали саблями неверных, а их самих опутали железными путами. Потому и темно стало в третий день, два солнца померкли, оба багряных столпа погасли и в море погрузились и великое беспокойство подали хинам, и с ними два молодых месяца, оба тьмой заволоклись. На реке на Каяле тьма свет покрыла, по Русской земле разбежались половцы, как выводок гепардов. Уже пала хула на хвалу, уже набросилась нужда на волю, уже низринулся Див на землю. Ведь уже и готские красавицы запели на берегу синего моря, звеня русским золотом, поют время Боза, лелеют месть за Шарукана. А мы уже — дружина — жаждем веселья!»

[204] Тогда великий Святослав изрек золотое слово, со слезами смешанное, и вот что сказал: «О мои племянники, Игорь и Всеволод! Рано вы начали землю Половецкую мечами тревожить и себе славы искать. Но по чести не одолели, не по чести кровь неверных пролили. У вас обоих храбрые сердца выкованы из твердого, тяжело ранищего металла-харалуга и в ярости закалены. Что

же вы сотворили моим серебряным седидам? Ведь уже не вижу я власти сильного и богатого и повелевающего многими войсками брата моего Ярослава, и с черниговскими старшинами, и с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Те ведь без щитов с засапожными ножами кликом полки побеждают, звеня в прадедовскую славу. Но сказали вы: „Оба сами наберемся мужества: прежнюю славу сами поддержим, а будущую между собой поделим!“ А диво ли, братья, старому помолодеть? Даже когда сокол линяет, высоко птиц взбивает — не даст гнезда своего в обиду. Но вот беда — нет желания князей мне помочь. Понапрасну времена прошли».

[222] Вот уже у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир изранен. Скорбь и горе сыну Глеба!

[224] Могучий князь Всеволод! У тебя и в мыслях нет прилететь издалека защитить отцовский золотой престол! Ведь ты можешь Волгу веслами раскропить, а Дон шеломами вычерпать. Был бы ты здесь, то была бы невольница по ногате, а невольник по резане. Ведь ты можешь посуху живыми шереширами — огненными снарядами — стрелять, удалыми сынами Глебовыми!

[230] Ты, о храбрый Рюрик, и Давыд! Не ваши ли воины золочеными шеломами по крови плавали? Не ваши ли храбрые дружины рычат как туры, раненные саблями калеными в поле неведомом? Оба вступите, владыки, в золотые стремяна за обиду этого времени, за раны Игоревы, храброго Святославича!

[236] О Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь ты на своем златокованом престоле. Ты запер горы уторские своими железными полками, преградив венгерскому королю путь, затворив проход к Дунаю, перебрасывая грузы через облака, суды творя до Дуная. Грозы твои по землям текут, открываешь ты Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола султанов за землями. Стреляй, владыка, Кончака, поганого кощя-смерда за Русскую землю, за раны Игоревы, храброго Святославича!

[245] А ты, о храбрый Роман и Мстислав! Храбрая мысль направляет ум у вас обоих на подвиги. Высоко летаешь ты на подвиги в ярости, как сокол, на ветру распростершись, желая птиц в неистовстве одолеть. Ведь есть у вас обоих железные застежки под шеломами латинскими. Под теми вздрогнула земля и многие страны — хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы свои сулицы побросали и свои головы склонили под теми мечами харалужными.

Но уже, о князь Игорь, померк солнца свет, и деревья не к добру листву потеряли — по Роси и по Суле <враги> города поделили, а Игорева храброго войска не воскресить. Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, поторопились на брань.

[258] Ингварь, и Всеволод, и все трое Мстиславичей не худого гнезда шестокрыльцы! Несправедливыми жребиями расхватили вы себе владения! Где же ваши золотые шеломы, и сулицы лясские, и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, храброго Святославича!

[264] Ведь уже Сула не течет серебряными струями к граду Переяславлю, и Двина уже болотом течет к тем грозным полочанам под кликом неверных. Один только Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами о шеломы литовские, превзошел славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве повержен литовскими мечами. Текла юная кровь его, и сказал он: «Дружину твою, о князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизали!» Не было там ни брата Брячислава, ни другого — Всеволода, и совсем один ты изронил жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Приуныли голоса, поникло веселье, трубы трубят городеньские.

[277] Ярославичи и все внуки Всеславовы! Опустите стяги свои, вонзите в землю свои мечи, покрытые позором, ведь уже выпали вы из дедовской славы. Ведь вы своими раздорами начали наводить неверных на землю Русскую, на богатства Всеслава, из-за раздоров случилось насилие от земли Половецкой!

[282] На седьмом веке Трояновом кинул Всеслав жребий ради девицы, ему любимой. Он как будто расставил подпорки под стропила терема и прискакал к граду Киеву и едва дотронулся древком золотого престола Киевского. Прыгнул он барсом в полночи из Белгорода, завесился синим туманом, урвал удачи с три куска — отворил врата Новгороду, расшиб славу Ярославу, прыгнул волком до Немиги — сдул ток. На Немиге снопы стелют головами, молотят цепами харалужными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Кровавые берега Немиги не добрым зерном были засеяны — засеяны костями русских сынов. Всеслав-князь людам суд творил, князьям города дарил, а сам по ночам волком рыскал, из Киева достигал до первых петухов Тмуторокани, великому Хорсу волком перебегал дорогу. Ему в Полоцке позвонили к ранней заутрене у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон

слышал. Хотя и была вещая душа в другом теле, но часто страдал он от бед. Ему вещий Боян и давнюю припевку-поговорку изрек, мудрый: «Ни хитрому, ни разумному, ни колдуну искусному суда божьего не миновать!»

[302] О, стонать Русской земле, вспомнив прежние времена и прежних князей! Того старого Владимира нельзя было прибить гвоздями к горам Киевским, ныне же одни его стяги стали Рюриковы, а другие — Давыдовы, но в разные стороны у них бунчуки развеваются, по-разному копыя поют.

[307] На Дунае голос Ярославны слышится, чайкой-зегзицей неведомой рано утром голосит: «Полечу я, — говорит, — по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на могучем его теле!» Ярославна рано утром плачет в Путивле на городской стене, причитая: «О ветер-ветрило! Зачем, о господин, нам навстречу веешь? Зачем несешь ты хиновские стрелы на своих легких крыльях на воинов моего милого? Мало ли тебе было гуры под облаками обвевать,нося корабли на синем море? Зачем, о господин, ты мое веселие по степи ковыльной развеял?» Ярославна рано утром плачет в Путивле на городской стене, причитая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы — течешь через землю Половецкую. Ты носил на себе Святославовы боевые лады до войска Кобякова. Принеси, о господин, моего милого ко мне, чтобы я не посылала ему слез на море рано утром!» Ярославна рано утром плачет в Путивле на градской стене, причитая: «Светлое и трижды светлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно. Зачем же, владыка, ты протер свой горячий луч на воинов милого, в поле безводном от жажды луки их ослабил, на горе им колчаны закрыл?»

[327] Взволновалось море в полночь, облака туманов сливаются в сплошную мглу, Игорю-князю бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отцовскому золотому столу. Погасли вечерние звезды. Игорь спит — Игорь бодрствует, Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца. Уже как будто зовя коня, в полуночи Овлур свистнул за рекой, дает князю понять — так князю Игорю кликнул он. Загремела земля, зашумела трава, шатры половецкие зашевелились. А Игорь-князь бросился горностаем к тростнику и белым гоголем на воду, вскочил на борзого коня и прыгнул с него проворным волком, и побежал к пойме Донца, и полетел соколом под облаками, побивая гусей и лебедей на завтрак, и на обед, и на ужин. Когда Игорь соколом

полетел, тогда Овлур волком побежал, отряхивая собой студеную росу, ибо загнали они своих борзых коней. Донец-река говорит: «О князь Игорь! Много тебе величия, а Кончаку ненависти, а Русской земле веселья!» Игорь говорит: «О Донец! Много тебе величия, потому что ты носил князя на волнах, расстилал ему зеленую траву на твоих серебряных берегах, укрывал его теплыми туманами под сенью зеленых деревьев, ты стерег его гоголем на воде, чайками на перекатах, чернядьми на ветру. Ведь совсем не так, — сказал он, — река Стугна, недобрую стремнину имеющая, пожрала чужие ручьи и потоки, расширилась к устью, юношу князя Ростислава затворила на дне у темного берега. Оплакивает мать Ростиславова юношу князя Ростислава. Поникли цветы от жалости, и дерево от горя к земле склонилось.

[354] Тут не сороки застрекотали — по следу Игоря ездят Гза с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет возвещают. Говорит Гза Кончаку: «Если сокол к гнезду летит, молодого сокола мы с тобой расстреляем своими золочеными стрелами!» Сказал Кончак Гзе: «Если сокол к гнезду летит, мы с тобой соколика опутаем красною девицею!» И сказал Гза Кончаку: «Если мы с тобой его опутаем красною девицею, не будет обоим нам ни соколика, ни красной девицы и будут нас обоих птицы бить в поле Половецком!»

[366] Сказали Боян и Ходына, два песнотворца Святослава о старом времени Ярославовом, любимцы Олега-князя: «Тяжело тебе, голове, без плеч, плохо тебе, телу, без головы» — так Русской земле без Игоря. Солнце светит на небе — Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае — летят голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву к святой Богородице Пирогощей. Страны в радости, города в веселье.

[374] После хвалебной песни старым князьям надо петь и молодым. Слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу. Пусть пребудут здравы князья и дружина, сражающаяся за христиан против воинства неверных! Князьям слава и дружине!

Аминь.

Перевод А. А. Бурыкина

КОММЕНТАРИИ

Комментарии к тексту «Слова...» в настоящей книге в каком-то отношении необычны.

Они частично воспроизводят комментарии, подготовленные Н. А. Мещерским и автором данной книги для публикации «Слова...» в третьем издании «Библиотеки поэта» [Слово о полку... 1985]. Однако по прошествии более чем 30 лет после появления «Энциклопедии „Слова...“» и новых публикаций о нем оставлять эти комментарии, признанные исследователями и читателями, без необходимых изменений было бы нелогичным.

По этой причине в каждом фрагменте комментария под цифрой 1985: (год первой редакции комментариев) воспроизводится текст, принадлежащий двум авторам. Далее — при необходимости, присутствующей почти всегда, — за цифрой 2017 следует текст комментария, подготовленного автором настоящей книги, как и ряд вставленных в текст под цифрой 2017 фрагментов комментариев, отсутствующих в издании 1985 г.

Комментарии по содержанию характеризует персонажей «Слова...», его топографию, реалии, освещают филологическую проблематику прочтения и понимания оригинального текста, мотивируют переводческие решения. Именно поэтому мы стремились с максимальной полнотой учитывать разнообразные примечания к изданиям текста «Слова...»¹. Значительное место в комментариях занимают сведения о значении древнерусских слов, указания на такое значение грамматических форм, как их понимают исследователи древнерусского текста «Слова...». Традиционно для жанра комментариев к «Слову о полку Игореве» в них приводятся языковые параллели и реминисценции из других оригинальных и переводных памятников древнерусской литературы².

Слово о пълку Игореве. 1985: Заглавие памятника взято первыми издателями из рукописи сборника, в котором они его обнаружили. «Слово...» — широко распространенный в древнерусской литературе термин, обозначающий эпическое или ораторское произведение, содержащее обращение к кому-либо. «Словами» назывались также воинские, историче-

¹ Нам остался недоступным труд А. А. Горского (см.: [Горский 2002]).

² Цифры в начале абзацев комментариев соответствуют нумерации строк памятника в древнерусском тексте.

ские, бытовые повествования, например: «О полонении Иерусалима Иосифа Еврейна слово первое» (всего таких «слов» семь), «Слово об аргивнянехъ» (древнегреческий эпос, цитируемый в переводном памятнике XV в. «Рыдание Иоанна Евгеника»), «Слово о безбожном царе Мамае», «Слово об Акире Премудром», «Слово и дивна повесть Динары царицы» (это произведение, аналогично «Слову о полку Игореве», называется в самом тексте «повестью»). В заглавии произведения слово «полкъ» может иметь значения ‘поход’, ‘война’ или ‘войско’, ‘дружина’. Колебания первых издателей в передаче этого слова отразились в трех вариантах его написания: *плѣкъ* — *плѣкъ* — *полкъ*, которые имеются и в Екатерининской копии и в бумагах А. Ф. Малиновского. С этими разными значениями слово «полкъ» в дальнейшем проходит через весь текст памятника. 2017: Можно думать, что лексема «слово» введена в текст заголовка произведения позднее, а в авторском тексте и старших списках текст был озаглавлен как «О пълку Игоревѣ». Ср. название Краткой редакции «Повести об убиении Андрея Боголюбского» «*О убиеньи Андреевѣ*», встречающееся только в Лаврентьевской летописи [Лавр. лет. 1856: 180]. Синонимия названий литературных форм *слово* — *песнь* — *повесть*, возможно, отражает авторский выбор формы и стиля для своего произведения.

Игоря сына Святъслава внука Ольгова. 1985: Называния отца и деда при имени князя обычны для литературного этикета русского летописания старшего периода. Ср.: «*В то же время Святославичъ Игорьъ, внукъ Ольговъ, поеха из Новгорода*» [Ипат. лет. 1908: стб. 637]. Игорь (1152—1201/1202) — сын Святослава Олеговича, князя Черниговского, с 1178 по 1198 г. был князем Новгород-Северским; с 1198 г. княжил в Чернигове. 2017: См.: [Поляков 2001; Коваленко 2013: 66—67].

1. Нелепо ли ны бяшетъ. 1985: Принято думать, что текст памятника начинается риторическим вопросом: «не следует ли начать?», «не пристало ли начать повествование о походе Игоря?» Такое понимание не бесспорно. Мы принимаем толкование, данное А. С. Пушкиным, согласно которому в начале памятника встречаем не вопросительное, а утвердительное предложение: «Неприлично было бы...» Данное прочтение согласуется с пунктуацией текста в издании 1800 г., где в конце первой фразы стоит восклицательный знак. В Екатерининской копии эта фраза заканчивается вопросительным знаком, что свидетельствует о колебаниях в понимании текста издателями. Впоследствии в большинстве изданий появился вопросительный знак. Глагол «бяшетъ» — форма имперфекта в значении сослагательного наклонения (см.: [Булаховский 1978, т. 3: 449—450]). 2017: Древнерусская безлично-предикативная форма *Нелѣпо* определенно имела утвердительно-отрицательное значение ‘недостойно, неприлично, негоже’, ср.: «*Нелѣпо ми презрѣти тѣяние их, ни моему животу на ползу будетъ*» [Мещерский 1958: 263]. См. также: [Соколова 1986; 1987].

Братіе — обычное в древнерусской словесности обращение к коллективу слушателей и читателей. *Старыми словесы*. Здесь стилистиче-

ская характеристика древних воинских повестей, слог которых автор «Слова...» не считает соответствующим своему времени и описываемым им событиям. 2017: «Старые слова» у автора могут противопоставляться «новым песням» без конкретизации сравнения (см. ниже, 8—9).

2. *Трудныхъ повестіи*. Слово «трудный» в древнерусском языке началось как «ратный, воинский», так и «печальный, скорбный». Поэтому одни переводчики (первые издатели В. А. Жуковский, Н. С. Тихонравов, А. А. Потебня, А. С. Орлов, В. И. Стеллецкий) переводили как «печальные, горестные», другие (М. Д. Деларю, С. В. Шервинский, И. А. Новиков, Н. К. Гудзий, В. Н. Перетц, Д. С. Лихачев) как «воинские, ратные». В данном словоупотреблении органически и диалектически совмещены оба значения. Подобная игра многозначными словами характерна для авторского стиля «Слова...» (см. комментарий к заглавию и к 110—111, 140).

<Песнь> о полку Игореве. В тексте пропуск, нарушена синтаксическая связь между словами: неясно, каким существительным управляет глагол «начяти». С. П. Обнорский считает, что глагол «начяти» относится к словосочетанию «трудныхъ повестіи» [Обнорский 1960: 66], но это грамматически невозможно. Восстановление пропущенного слова «песнь» подтверждается началом следующего предложения, где это слово употребляется в сочетании с указательным местоимением «тъи», отсылающим к предмету, который уже должен быть назван.

3—4. *По былинамъ* — здесь: по действительным событиям. «Былина» — слово, распространенное в современном русском языке для обозначения фольклорного эпического жанра, неизвестно древнерусской письменности и нигде более, кроме «Слова о полку Игореве» и «Задонщины», где оно является прямым заимствованием из «Слова...», не встречается. Нет этого термина и в фольклоре: сказители, певшие былины, чаще всего называли их «старинами».

5. *Боянь* — певец, живший в Киевской Руси, по мнению большинства ученых, в XI в. Время его жизни устанавливается в соответствии с датами жизни упоминаемых князей (см. ниже). Местом его деятельности, если верить весьма позднему сообщению «Задонщины», был Киев. Имя Боян встречается в граффито XII в. на стене Софии Киевской [Высоцкий 1966: 60—71], в новгородских берестяных грамотах XI—XII вв. (см. № 509, 516, 526: [Арциховский, Янин 1978: 104, 111, 124—125]), в старейшей псковской грамоте конца XIII в. [Грамоты 1949: 317]. Этимологии имени Боян см.: [Менгес 1979: 80—83].

Вещіи — эпитет, указывающий на синкретизм словесно-художественных и определенных культовых функций. Как писал В. Л. Комарович, «...слово „вещий“ имело почти столь же широкое распространение, как и „волхв“ или „кудесник“; это были синонимы лишь с незначительными, неологичными теперь оттенками значений» [Комарович 1960: 93].

6. *Растекашеться мыслію по древу*. 1985: По поводу значения слова «мыслію» существуют разные мнения. Одни авторы (Н. А. Полевой, Ка-

релкин (Н. П. Корелкин), И. А. Новиков, Н. М. Егоров, Н. В. Шарлемань, В. В. Мавродин), исправляя текст на «мыслю», видят здесь название какого-то зверька — мыши, белки или белки-летяги, другие следуют в понимании текста за первыми издателями. Сильным аргументом в пользу именно такого понимания является наличие в «Слове...» сочетания «мысленное древо» [Мещерский 1958а: 46]. Как полагает В. В. Колесов, в мусин-пушкинской рукописи «Слова...» могло быть написание «мыслю», требующее чтения «мыслию», как его и поняли первые издатели [Колесов 1971: 138—139]. В. В. Колесов дает подробное филологическое обоснование совмещения слов «мышь» и «мысль» в древнерусских памятниках, своеобразной стилистической игры квазиомонимами — омографами. 2017: Новейшие лингвогеографические данные по слову *мышь* в ряду названий белки (наст. изд.) ничего не прояснили в рассматриваемом вопросе, кроме документации самой лексемы *мышь* в современных русских говорах. А. Ю. Чернов в своем комментарии к «Слову...» на это место приводит цитату из электронной мифологической энциклопедии (www.mythology.narod.ru): «На вершине Иггдрасиля сидит мудрый орел, а между его глазами — ястреб Ведрфельнир („Полинявший от непогоды“), корни Иггдрасиля гложут дракон Нидхёгг и змеи. Перебранку между орлом и драконом переносит спящая по стволу белка Рататоск („Грызозуб“) — своеобразный посредник между „верхом“ и „низом“» [Чернов 2006: 142]. Это явно та самая белка, образ которой использовался М. И. Стеблин-Каменским для определения понятия бинарного оператора в концепции К. Леви-Строса, и скорее всего — прообраз белки, скачущей «по древу», «по мыслену древу» для «Слова...». Оригинально предположение В. Г. Складченко, что под «древом» тут имеется материал для письма — дощечки, наподобие тех, что были найдены в Новгороде в 2000 г. [Складченко 2003, № 1].

7. *Сизымь орломь*. 1985: Слово «шизый» (сизый) как эпитет орла широко употребляется в фольклоре, однако в древнерусских памятниках оно нигде не встречается. По мнению некоторых ученых (см.: [Каринский 1916: 202—204]), начальное «ш» вместо «с» в этом слове указывает на псковское происхождение рукописи памятника, однако этимология этого слова неясна. С. П. Обнорский считает все примеры, иллюстрирующие псковское происхождение мусин-пушкинской рукописи, недостоверными и сомнительными [Обнорский 1960: 35]. 2017: А. Ю. Чернов в своем комментарии к тексту памятника указывает, что словосочетание *конь... шизый* встретилось в новгородской берестяной грамоте XII в. (№ 735), найденной в 1991 г. [Чернов 2006: 129].

7—8. *Помняшетъ бо речъ пьрвыхъ времяъ усобице*. Обычно «речь» исправляют на «рече», понимая данную глагольную форму как вводное слово. Но фраза может быть понята и без исправления: существительное «речь» выступает как прямое дополнение при глаголе «помняшетъ», а «пьрвыхъ времяъ усобице» — несогласованное определение к нему (род. пад. ед. ч.).

8—9. *Тогда пуцяшеть і соколовъ на стадо лебедей*. 1985: Образ сокола, преследующего лебедя, типичен для русского и украинского фольклора [Перетц 1926: 139—140], но применение этого образа к игре на музыкальных инструментах не находит никаких аналогий. 2017: Игра на струнном инструменте — хуре — сравнивается с лебединым пением в калмыцком эпосе «Джангар» [Джангар 1990: 200, 357; Олядыкова, Бурыкин 2012: 161]. Ср., однако: «*Исповѣдайтесь Господеву в гуслех, во псалтири десятиструннем пойте Ему. Воспойте Ему песнь нову, добре пойте Ему со восклицанием*» (Псалтирь, 32, 2—3); «*и вложи во уста моя песнь нову*» (Псалтирь, 39, 4); «*песнь нову воспою Тебѣ, во псалтири десятиструннем пою Тебѣ*» (Псалтирь, 143, 9).

9. *Который дотечаше*. «Который» — в данном случае форма род. пад. ед. ч. ж. р., зависящая от глагола *дотечаше*. Рассмотрение её как формы им. пад. м. р. отпадает, так как далее следует местоимение ж. р. ед. ч. «та».

10. *Старому Ярославу*. Имеется в виду киевский князь Ярослав Владимирович (ум. 1054), известный в исторических трудах под именем Ярослав Мудрый.

10—12. *Храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предъ тълкы касожьскими*. 1985: Подразумевается Мстислав Владимирович (ум. 1036), брат Ярослава Мудрого, княживший в Тмуторокани и Чернигове. Здесь речь идет об одном из воинских подвигов Мстислава, описанном в «Повести временных лет» под 1022 г., — его единоборстве с касожским князем Редедей. Касоги — древнее название одного из кавказских племен — черкесов или кабардинцев, данное им их ираноязычными соседями; ср. осет. *касæг* — ‘черкес’, ‘кабардинец’ [Турчанинов 1975: 145, 148—149]. 2017: поединок Мстислава с Редедей составил сюжет *трех* миниатюр РЛ (ил. 182—184).

12. *Красному Романови Святъславличю*. Роман Святославич, внук Ярослава Мудрого, сын великого князя Киевского Святослава Ярославича, старший брат Олега Святославича Черниговского, известного под именем Олега Гориславича (см. ниже, 106—107, 116—119). Летописные сведения о нем крайне скудны. В 1079 г. он был убит половцами. Обращают на себя внимание симпатии автора «Слова...» к предкам черниговских князей, чем, вероятно, объясняется употребление эпитета «красный», которого в применении к Роману летописи не знают.

14. *На живыя струны*. В первом издании: «живая», но в этом случае нарушено согласование: «живая» — форма ср. р. На основании этого места текста можно думать, что песни Бояна сопровождалась игрой на каком-то струнном музыкальном инструменте, по-видимому на гуслях, далее названных «мысленным древом».

15. *Они же сами княземъ славу рокотаху*. Обращает внимание, что местоимения «они» и «сами» стоят в форме мн. ч. м. р., т. е. они согласованы со словом «пърсты», а не «струны». В этом нельзя видеть нарушения

норм употребления местоимений. Скорее всего, автор говорит, что именно Бояновы персты приводили в движение струны. Слово «рокотати» в древнерусских памятниках не зафиксировано, но встречается в диалектах и имеет параллели в других славянских языках (см.: [Булаховский 1978: 524—525; Евгеньева 1969: 28]). После публикации «Слова...» глагол «рокотать» вошел в литературный язык, особенно в язык поэзии.

16. Почнемъ же, братіе, повѣсть сію. 2017: Ср.: *Свирель и гусли делают приятным пение, но лучше их — приятный язык* (Сир. 40, 21). Автор, отказавшись от «старых словес» Бояна, уклоняется и от старых форм преподнесения устного сочинения под аккомпанемент музыкальных инструментов, что открывает нам сложные поиски изощренной прозаической формы «Слова...», предпринятые автором.

16—17. Отъ старого Владимира до нынешняго Игоря. Вопрос о том, кого нужно понимать под «старым Владимиром», остается нерешенным. По-видимому, автор называет так Владимира I Святославича (ум. 1015), княжение которого знаменовало собой начальный этап письменной истории Древней Руси. Видеть, как считает Б. А. Рыбаков, в «старом Владимире» Владимира Мономаха нет оснований, так как тематический и исторический кругозор автора «Слова...» явно выходит за рамки XII в. в сторону ранней истории Руси.

17—18. Иже истягну умъ крепостію своею и поостри и сѣрдця своего мужьствомъ. 1985: Глаголы «истягнути» и «поострити», известные как термины кузнечного ремесла, иногда употребляются в древнерусской книжной словесности в сочетании со словами «ум», «мысль». В приведенном словосочетании нельзя рассматривать форму «сѣрдця» как род. пад. неполного объекта. Резонно предположение А. А. Потебни о связи формы «сѣрдця» с «мужьствомъ» и употреблении слова «умъ» в качестве объекта сразу при двух глаголах [Потебня 1878: 15]. На этом основании восстанавливается энклитическое местоимение «и» (его) после «поостри», которое могло выпасть в результате гаплогогической ошибки одного из позднейших переписчиков — пропуска одной из двух рядом стоящих букв. 2017: Возможно, перифраз молитвы Троице перед чтением Псалтири: ср.: «господи, управи умъ мой, и утверди сердце мое» (см.: [Пиккио 2002: 95]).

19. Натѣлнивъся ратнаго духа. 1985: Традиционно-книжное выражение, близкая параллель к которому есть в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия [Мещерский 1958: 297]. 2017: Ср. еще: «И тако рекшу Титу, вси вой исполнишася духа браннаго» [Мещерский 1958: 315].

20. На землю Половецкую за землю Русьскую. Эти словосочетания могли употребляться и для обозначения территории, занятой определенным народом, и для именованя самих народов.

21. Тѣгда Игорь възре на светлое сѣлнце. 1985: Некоторые исследователи (А. И. Соболевский, В. Н. Перетц, Н. К. Гудзий и др.) предлагали переставить абзац от слов «тѣгда Игорь възре...» до слов «испити шело-мъ Дону» после первого употребления формулы «ишучи себе чти, а

князю славы», мотивируя свое мнение тем, что последовательность событий выглядит нарушенной, а также ссылаясь на то, что в древнерусских текстах перестановки частей текста вследствие выпадения листов рукописей встречаются довольно часто (см.: [Мещерский 1958: 65]). Требование соблюдать строгую хронологическую последовательность событий — не довод к перестановке: время хронологическое не всегда совпадает с временем художественным. В самом тексте о солнечном затмении говорится дважды (см. далее: «сълнце ему тьмоу путь заступаше»), что, возможно, отвечало творческому замыслу автора «Слова...». 2017: Далее подробности жизни и княжений Всеслава Полоцкого показывают яркий образец отступлений от хронологии событий в их представлении в литературном тексте (см.: 268, 282).

21—22. *Виде отъ него тьмоу вся своя воя прикрыты.* Двойное употребление вин. пад. (в вин. пад. стоят существительное «воя» и причастие «прикрыты») — оборот, характерный для книжной речи и функционально соответствующий дополнительному придаточному предложению. В этом месте «Слова...» речь идет о реальном солнечном затмении 1 мая 1185 г., которое застало войско Игоря на восьмой день похода. У многих народов солнечное затмение считалось символом недоброго предзнаменования. Автор «Слова...» сразу после упоминания о затмении переходит к изложению речи Игоря перед войском, подчеркивая тем самым решительность князя, его мужество и отвагу.

23—24. *Луче жь бы потяту быта, неже полонену быти.* 1985: В летописях и воинских повестях обычно полководцы в решающий момент перед началом походов и битв обращаются с призывной речью к своему воинству, побуждая его на героическую борьбу с противником. Данная фраза находит многочисленные соответствия в воинских повестях. Ср., например: *«леплеи смърть славу взяти, негли жити пленени»* [Мещерский 1958: 335] и т. п. 2017: У древнерусских слов *полон*, *полонити* усматривается компонент значения, не учитывавшийся ранее: пленными считались те, кто был захвачен пришедшим неприятелем, — значит, Игорь и его дружинники, захваченные после поражения их войска на чужой территории, к «полону» не относились, и призыв Игоря звучит в свете этого несколько иначе: смысл его слов — лучше погибнуть в борьбе в степи, нежели ждать нашествия врагов и быть побежденным на своей же территории. Эти слова соотносятся с текстом книги II «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: *«брат твои умре безмилостивноу смѣр-ти, тако и ты потят будещи серпом небесным»* [Мещерский 1958: 258].

25. *Бързый комони.* «Комонь» — боевой конь. 2017: По позднейшим разысканиям, это слово могло иметь значение «княжеский конь; конь, на котором ездит князь», эпитет «бързый» применительно к коню обычен для славянского фольклора.

25—26. *Позримъ синего Дону.* Это единственный случай употребления эпитета «синий» при упоминании Дона, более в «Слове...» он не повторяется.

26. *Спала князю умъ похоти.* 1985: Фраза может быть понята тройко. 1. «Разожгло князю ум желание (похоти), и жалость (страсть) ему знамение заступила». Это предложенное А. И. Соболевским и Р. О. Яковсоном толкование текста следует признать наиболее аргументированным и грамматически, и семантически. В таком случае «спала» — форма 3-го л. ед. ч. аориста от глагола «спалати», «умъ» — прямое дополнение в вин. пад. ед. ч., «похоти» — сильное желание; 2. Пришло князю на ум желание: тогда «спала» — форма перфекта 3-го л. ед. ч. ж. р. от глагола «спасти»: при слове «умъ» необходимо вставить предлог «на» (ср. словосочетание «вспасть на ум»); 3. Н. М. Дылевский видит в «спала» существительное со значением ‘огонь’, сближая его с однокоренными образованиями в славянских языках [Дылевский 1961: 317—331]; «похоти» при этом прочтении — сказуемое в форме аориста 3-го л. ед. ч. от глагола «похытити» (с опиской). О «похитить» см. 216. 2017: А. А. Зализняк допускает чтение «похоть» как вариант [Зализняк 2008: 461, примеч. 2], у А. В. Дыбо чтение «похоть» является единственным [Чернов 2006а: 391, 410]. В. Г. Складенко считает данное выражение синонимом современного украинского «спала на розум» с дальнейшим допущением чтения «похоть» [Складенко 2003, № 3].

28—29. *Коніє приломити конецъ поля Половецкого.* В данном случае это выражение означает не только ‘начать битву’, но и ‘достичь противника, нанести ему удар’.

30. *Любо испити шелоомъ Дону* — традиционная формула, характерная для летописей и воинских повестей (см.: Ипат. лет. под 1201 г.; Новгородскую первую летопись под 1224 г. и др.). Само выражение «пить шелоомъ» или «поить коней из реки» означает ‘завладеть ее берегами, завершив поход, одержав победу’. После первого издания «Слова...» этот образ вошел в русскую поэтическую традицию. Ср.: «Не испить врагу шелоом Дона!» (Кедрин Д. Дума о России).

31. *О Бояне, соловію старого времени.* Уподобление поэта соловью знакомо древнерусской литературе с XI в. (см.: [Адрианова-Перетц 1968: 58]). Далее весь абзац посвящен сравнению двух стилистических манер — манеры Бояна, которая кажется автору «Слова...» архаической, и собственной манеры автора «Слова...». Здесь получает свое развитие намеченное ранее противопоставление: «начаты же ся той песни по былинамъ сего времени, а не по замышлетю Бояню».

31—32. *А бы ты сія пълкы ущекоталь.* «А бы... ущекоталь» — древнерусская форма сослагательного наклонения: «Вот если бы...» Глагол «щекотать» известен в русских говорах, его употребление здесь развешивает метафору уподобления поэта соловью.

32. *Скачя, славію, по мыслену древу.* Словосочетание «мысленое древо» не может быть оторвано от выражения «растекается мыслию по древу», что отмечали многие комментаторы. Выражение «мысленое древо» может быть поставлено в связь с древнеанглийским *gleo-beam* или *gamen-*

wudu — ‘дерево веселья’, ‘дерево радости’ и является, таким образом, заместительным словосочетанием для обозначения музыкального инструмента (см.: [Мещерский 1958а: 46]). В. Ф. Ржига, отмечая, что выражение «растекаться мыслью по древу» подразумевает поэтическое творчество, приводит параллель из скальдической поэзии, где выражение «дерево песен, покрытое листвою славы», означает поэтическое произведение [Ржига 1934: 111]. Цитируемый текст принадлежит Эгилю Скаллаграмсону — одному из самых известных скальдов. Возможно, что «скача... по мыслену древу» означает ‘исполняя песни, сложенные ранее’.

33. *Летая умомъ подь облакы*. Параллели к этому словосочетанию из других памятников см.: [Адрианова-Перетц 1966: 59—60]. Интересно, что данный отрывок буквально повторяет изложенное ранее: «растекашется мыслію по древу... сизымъ орломъ подь облакы».

33—34. *Свивая славы оба полы сего времени*. 1985: Некоторые ученые (Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов) предлагали исправить «славы» на «славію», но эта конъектура недостаточно обоснованна. Ключ к раскрытию метафоры заложен в противопоставлении двух стилистических манер — Бояна и автора «Слова...». Под «славой» здесь следует понимать хвалебную песнь (лексема «слава» восходит к тому же корню, что и «слыть» и «слово»). При подобном восприятии текста речь в нем идет о сочетании разных стилистических манер и художественных приемов, более архаичного и нового, в одном произведении. Именно такое сочетание разных стилистических манер и характерно для «Слова о полку Игореве»: автор, противопоставляя свой стиль Боянову, вместе с тем «свивает их», вводя в текст извлечения из песен Бояна или намеренно меняя стилистическую окраску в подражание его слогу. По-видимому, сочетание разных стилей могло быть узаконенным художественным приемом. Ф. Петрарка в одном из своих сонетов [Petrarca 1908. P. 57] говорит, что «ткет новую ткань» (tela novella), сплетая «стиль новых и древнюю речь» (lo stil de moderni e'l sermon prisco). Глагол «сплетати» для обозначения поэтического творчества хорошо известен (отсюда наименование стилей: «плетение словес, извитие словес») и обычен для средневековой поэзии. 2017: В «Сокровенном сказании монголов» (ок. 1240) о девочке-исполнительнице сказаний: «И долго она с великим гневом говорила им, Древние речи распускала, Старые слова развивала». (Комментарий С. А. Козина: Вскрывала она, разъясняла (распарывала) старые слова, распространяла древние слова) [Сокровенное сказание 1941, § 66]. У тунгусоязычных народов до сих пор язык фольклора считается «старым языком» (полевые наблюдения).

34. *Рыцѣ въ тропу Трояню*. 1985: По поводу того, кто такой Троян «Слова...» и как следует понимать словосочетания «тропа Трояня», «земля Трояня», «на седьмомъ веце Трояне», существует обширная литература, содержащая множество гипотез, которые сводятся к нескольким основным. 1. Троян — славянское языческое божество (Ф. И. Буслаев, Е. В. Бар-

сов, Д. С. Лихачев, А. Болдур). 2. Троян — римский император Траян (53—117) (Н. М. Карамзин, М. А. Максимович, Н. П. Дашкевич, В. Мансикка, М. С. Дринов, Н. С. Державин, Б. А. Рыбаков). *Troaeum Traiani* — памятник или комплекс памятников, воздвигнутых на территории нынешней Румынии в 108—109 гг. в честь побед императора Траяна и город *Municipium Troaeum Traiani* (см. обзор: [Державин 1941: 45 и след.]). «Земля Трояня» — территория Юго-Западной Руси и Бессарабии, сохранившая имя императора Траяна в топонимах [Там же: 17—19]. 3. Троян — русский князь или триумвират русских князей с разными трактовками (Н. А. Полевой, О. М. Бодянский, И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров, Н. В. Шляков, Г. А. Ильинский). 4. Троян — образ, навеянный преданиями и книжными источниками о Троянской войне (П. П. Вяземский, А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, Вс. Ф. Миллер). Наиболее правдоподобным представляется мнение И. В. Ягича, согласно которому Троян «Слова...» — это результат наложения воспоминаний об императоре Траяне на народные представления о божестве Трояне [Jagič 1867: 99]. Текст сербских народных преданий о короле Трояне, передвигавшемся на большие расстояния ночью до петухов, чтобы не быть застигнутым солнцем, близок легенде о Всеславе Полоцком (см. 268—270 и 282—289), на что обратил внимание уже Ф. И. Буслаев [Буслаев 1861: 385—391]. На том основании, что в южнославянских легендах о Трояне встречаются змееборческие мотивы, можно думать, что Троян как божество древних славян восходит к иранскому пантеону, где ему соответствует Тразтаона — победитель дракона [Топоров 1982: 523—524]. Параллели к иранским мифам о Тразтаоне имеются в скифской мифологии [Раевский 1977: 81—86, 128]. Последний по времени обзор обширной литературы о Трояне содержится в книге Л. Н. Гумилева [Гумилев 1970: 320—321]. Однако собственная точка зрения Л. Н. Гумилева, по мнению которого Троян — это имя, калькированное с тюркского «троица», вызывает возражения. 2017: В. Г. Склиаренко полагает, что все упоминания Трояна в «Слове...» связаны с наследием Бояна [Склиаренко 2003, № 4]. См. также: [Соколова 1990; Васильев 1998].

35. *Пети было песнь Игореву того <Велеса> внуку*. «Пети было» — безличная конструкция, по значению тождественная сослагательному наклонению. Из древнерусского текста неясно, к кому именно относится словосочетание «того внуку». Первые издатели, а за ними и многие исследователи поняли так, будто речь идет об Игоре — внуке Олега Святославича, и вставили в скобках курсивом имя «Олга» после «того». М. В. Щепкина предположила, что речь идет о самом авторе «Слова...» — внуке Бояна [Щепкина 1960: 74—75]. Скорее всего, однако, здесь говорится о самом Бояне, названном далее Велесовым внуком. В славянской мифологии Велес обычно признается богом богатства, благополучия, покровителем скота. Называние Бояна далее Велесовым внуком, возможно, означает связь культа Велеса с обрядовыми песнями и поэзией [Иванов, Топоров 1980: 227].

35—36. *Не буря соколы занесе*. В тексте воспроизводится один из заповей в стиле Бояна. Представленная здесь стилистическая фигура — отрицательный параллелизм — характерна для песенных фольклорных жанров, но не для «Слова...» и книжной литературы.

37. *Чили въсьнети было*. «Чили» — сложный по составу сопоставительный союз, соответствующий современному «или». Вся фраза вводит еще один заповей в стиле Бояна.

38—39. *Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Киеве*. Сулла — пограничная река, отделявшая русские земли от территории постоянных кочевий половцев. Возможно, этот заповей в манере Бояна следует понимать так: «Кони русских князей ржут за Сулой — весть о победах достигла Киева». То, что здесь упомянут Киев, указывает на конец речений, имитирующих манеру Бояна, и на начало повествования о походе Игоря. Эта фраза не принадлежит к собственно авторской речи «Слова...», так как Киев не играл никакой роли в организации похода.

39—40. *Трубы трубятъ въ Новѣградѣ*. Новгород-Северский — стольный город одноименного княжества (на востоке современной Черниговской обл.), откуда Игорь Святославич 23 апреля 1185 г. выступил в свой поход.

40. *Стоять стязи въ Путивле*. Путивль — резиденция Владимира Игоревича, сына Игоря Святославича.

41. *Игорь ждет мила брата Всеволода*. Всеволод Святославич (ок. 1155—1196) — родной брат Игоря, князь Трубчевский и Курский. Как сообщает Ипатьевская летопись, он шел иным путем из Курска. В летописном некрологе его под 1196 г. сообщается, что он был «во Ольговичехъ всих удалые рожаемъ и воспитаемъ и возрастомъ и всею добротою и моужьственною доблестью» [Ипат. лет. 1908: стб. 696].

42. *Буи туръ* — разъяренный дикий бык, постоянный эпитет Всеволода. Встречается в «Слове...» настолько часто, что создается впечатление, будто «буи туръ» — прозвище, которое Всеволод носил при жизни. Дикie быки — туры водились на Руси до первой трети XVII в. и часто служили объектом княжеской охоты. Подобный эпитет подчеркивал мужество, отвагу и силу Всеволода. Прилагательное «буи» имело также значение «буйный, безумный».

43—44. *Седлаи, брате, своя бързья комони* — типичное для воинской повести и фольклора обозначение подготовки к началу похода.

44. *А мои ти готови*. 1985: «Ти» — частица, употреблявшаяся при передаче прямой речи. 2017: Б. А. Рыбаков считает эту частицу и соответствующие энклитические местоимения характерными для речи жителей Новгород-Северского княжества [Рыбаков 1972: 121, 124].

45. *Оседлани у Курьска на переди*. Курск, основанный в X в., был довольно крупным городом. Он был расположен недалеко от половецкой степи — его жители часто вступали в борьбу с половцами, не случайно далее о них говорится как об опытных воинах.

46. *Къмети* — отборные воины. 1985: Слово это известно в древнерусских памятниках, однако первые издатели его не поняли и, неверно разделив текст на слова (*къ мети*), дали перевод 'в цель стрелять знаючи'. На их ошибку вскоре указал Н. М. Карамзин. В первом издании своей «Истории Государства Российского» он повторил мусин-пушкинский текст «Слова...» и отразил это в своем пересказе, но уже два года спустя (1818) во втором издании он исправил текст цитаты из «Слова...» и оговорил: «къметями назывались слуги и дружина» ([Карамзин 1818: 219—220, примеч. 263, 272]; см.: [Дмитриев 1962: 48—49]). 2017: Слово *кмети* практически не сохранилось в русском языке, но широко представлено в современных говорах украинского языка в самых разных значениях.

46—47. *Подъ трубами повити, подь шеломы възлелеяни, конець копия въскърлени*. Изображение воинов, с детства постигающих воинское искусство, перекликается с текстом «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: «<римляне> яко родившеся с оружием, николи отлучаются ихъ» [Мещерский 1958: 296]; «учать бо ся из младеньства ратному обычаю» [Там же: 294]; «Мы под шеломом състаревшеся» [Там же: 353].

48. *Луци у нихъ напряжени*. Образ натянутого лука символизирует в древнерусской литературе готовность к бою, способность к стойкому сопротивлению (см.: [Мещерский 1976: 85—86]). Обычно в качестве параллели к этому месту приводят место из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: «лукъ напряжень» (Е. В. Барсов, В. Н. Перетц и др.). В более исправном тексте хронографической редакции в данном месте читается: «лукъ съпряжень», что оправдывается общим смыслом — иудеи говорят о бессилии сопротивляться римлянам. Следовательно, данное место может приводиться как параллель только к словосочетанию «луци съпряже» в плаче Ярославны.

49. *Тули отворени*. Тул — колчан. Здесь своеобразный, присущий автору «Слова...», художественный прием — повторение стилистически маркированных словосочетаний. Ср.: «луци напряжени, тули отворени» (при описании выступления в поход), «лучи съпряже, тулы затьче» (в плаче Ярославны), «звенить слава въ Киеве» (в начале текста) и «вьются голоси через море до Киева» (в финале) и др.

49. *Сабли изъострены*. 2017. А. А. Зимин ошибается или дезинформирует читателей, утверждая, что летопись практически до татаро-монгольского нашествия не знает сабли как оружия русских воинов на поле битвы [Зимин 2006: 120, 121]. Ср.: «Видимо, во второй половине X в., а особенно около 1000 г., киевские дружинники располагали и владели новым оружием; времена, когда хазарская и печенежская сабли противопоставлялись русскому мечу, уже прошли» [Кирпичников 1966, вып. 1: 66]; «Все эти обстоятельства уже действовали в X в. и именно к этому времени относятся первые дошедшие до нас древнерусские сабли; почти все они встречены в южной Руси, но даже в крупных дружинных некрополях Киева и Чернигова весьма редки. Как и меч, сабля у русских и их

иноплеменных союзников — признак богатства и знатности. Ее находят в курганах князей или бояр, военачальников, богатырей, наконец, дружинников, укрепившихся на пограничье со степью» ([Кирпичников 1966, вып. 1: 65]; см. также: [Мусин 2005: 183]); установлено, что кочевники использовали сабли киевского производства [Там же].

50. *Ииучи себе чти, а князю славы.* Противопоставление «честь» — «слава» отражает определенные идеологические категории княжеско-дружинной среды в эпоху Киевской Руси. Как отмечает Ю. М. Лотман, «честь подразумевает материальную награду (или подарок), являющуюся знаком определенных отношений. „Слава“ подразумевает отсутствие материального знака. Она невещественна и поэтому в идеях феодального общества — более ценна...» (см.: [Лотман 1967: 105]). В Ипатьевской летописи Игорь после первой победы над половцами говорит дружине: «Се Бог силою своею возложилъ на врагы наша победу, а на насъ честь и слава!» [Ипат. лет. 1908: стб. 640].

51. *Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремень.* 1985: Устойчивое выражение, характеризующее выступление князя в поход. Эпитет «золотой» постоянно сопровождает в «Слове...» атрибуты княжеской власти, ср. далее: «златъ столъ», «злаченый шеломы», «златоверхий терем». 2017: по нашему мнению, словосочетания «златокованный стол», «златоверхий терем» указывают на основное занятие автора «Слова...» Кузьмища — архитектор и встречаются только в принадлежащих ему текстах. О словах «златъ стремень» см. далее.

53. *Нощъ стокуци ему грозою птичь убуду.* 1985: Не совсем ясно, что имеется в виду — реальная гроза, происшедшая во время похода до сражения с половцами, или гроза — символ недоброго предзнаменования. «Птичь» — птицы, собирательное существительное. 2017: Возможно, что и в этом случае, как принято в другом месте «Слова...» (см. 143) читать *упуду* 'прогнала'.

54. *Свистъ зверинъ вѣста.* 1985: В первом издании: «свистъ зверинъ въ стазби». Надо полагать (вслед за Н. С. Тихонравовым, В. Н. Щепкиным, А. С. Орловым), что «зби» представляет собой внесенную в текст маргиналию «зри»: «перевернутое» *р*, сходное с *б*, характерно для скорописных почерков XVI—XVII вв. — времени, которым обычно датируется мусин-пушкинская рукопись «Слова...». В данном случае маргиналия могла относиться к слову «Дивь». 2017: А. А. Зализняк оставляет чтение *въстазби* [Зализняк 2008: 462, примеч. 3], указывая на известные конъектурные варианты. См. 54—55. В издании А. Ю. Чернова предполагается, что так была обозначена ссылка на летописную или хронографическую статью [Чернов 2010: 100—101].

54—55. *Дивь кличетъ върху древа.* 1985: Лексема «Дивь» ('дух, демон') помимо «Слова...» встречается в апокрифе «Книга тайн Еноха»: «Аз исследовахъ и написахъ тутень громный и дивь молниинъ» (рукопись архива библиотеки Академии наук СССР, № 45. 13.4, л. 361. См.: [Ме-

щерский 1976: 83]). Слово «Дивъ» могло быть заимствовано из иранских языков (ср. перс.: *dēv*, *dīv*; авест. *daeva*; санскр. *dēva* — ‘бог’) через тюркское посредство [Менгес 1979: 192—193]. То, что Див кличет на вершине дерева, связывает его с образом былинного Соловья-разбойника как силы, враждебной Русской земле. 2017: В. Г. Складенко, прорабатывая дальнейшие возможности исправления написания *зби*, предлагает читать «*свистъ звѣринъ въста: зби(т) дивъ кличетъ врѣху древа*» («свист звіриний піднявся: зігнаний (потривожений) Див кричить наверху дерева») [Складенко 2003, № 5]. Ср. также: «*Озобѣ ѿ вепрь от дубравы, ѿ уединѣнный дивий поядѣ ѿ*» (Псалтирь, 79, 14).

55. **Велить послушати земли незнаемѣ** — земле, удаленной от Русской земли. Вълѣѣ — имеются в виду низовья Волги. Поморіе — северное побережье Азовского и Черного морей, Посуліе — побережье реки Сулы; упоминание её среди весьма отдаленных мест — странно. Сурожь — современный Судак. Название его восходит к греческому Σουρῶναι, вошедшему в древнерусский язык через болгарское посредство [Менгес 1979: 132—134]. Корсунь — Херсонес Таврический, упоминается в «Повести временных лет» под 988 г. и до этого в рассказе о путешествии апостола Андрея на Русь. Херсонес Таврический — греческая колония в Крыму, основан в V в. до н. э. (ныне в черте Севастополя). С конца IV в. находился в зависимости от Византии. В 989 г. был взят Владимиром Святославичем, после чего связи Херсонеса с Русью стали особенно тесными. В конце XII в. Херсонес переживает период последнего расцвета: в начале XIII в. он попадает в зависимость от Трапезундской империи и в середине XV в. перестает существовать.

57. **Тмутороканьскыи бълванъ**. 1985: Как пишет К. Г. Менгес, «Бълванъ „Слова...“, сопровождаемый эпитетом Тмутороканский, персонафицирован и является, несомненно, каменной бабой, стоящей поблизости от древней Тмуторокани» [Менгес 1979: 88]. Возможно, что это словосочетание связано с упоминаемым в средневековых греческих источниках названием поселения Βαίνης, находившегося неподалеку от Тмуторокани (см.: [Голубинский 1901, т. 1: 48]). Тмуторокань — древний русский город на Таманском полуострове. В VI в. здесь располагался греческий город Гермонасса, в VIII—IX вв. — поселение Таматарха, входившее в состав Хазарского каганата. В 965 г. князь Святослав Игоревич, разгромив хазар, основал на месте Таматархи Тмутороканское княжество, ставшее южной границей русских земель. В XII в. из-за вторжения половцев Тмуторокань теряет связь с другими русскими княжествами. В «Слове о полку Игореве» мы встречаем последнее упоминание о ней: в XIII—XIV вв. на месте Тмуторокани существовало поселение, входившее в состав Золотой Орды. Названия Тмуторокань и Тамань связаны по происхождению (см.: [Добродомов 1973: 129—133]). 2017: В псковских говорах слово *бълван* имеет значение ‘небольшой залив’; возможно, так назывался юго-восточный угол Азовского моря.

57—58. *Половци неготовыми дорогами побегошия къ Дону великому.* Бегство половцев было поспешным, и они двигались не по обычным путям.

59. *Рци* — сравнительный союз ‘как’, ‘как будто’. *Роспужени*. 1985: В первом издании: «роspужени»; поправка Д. Дубенского «роspужени» принята почти всеми исследователями. В древнерусском языке существовал глагол «роspудити» — ‘разогнать’. Видеть в этой форме глагол «роspустить», как считает Г. В. Сумаруков (см.: [Сумаруков 1983: 89—91]), совершенно невозможно. 2017: Префиксальные формы глагола *пудити* составляют яркую черту языка «Слова...»: ср. дважды встречающееся *утуди* (см. 53 и 143), очевидно, непонятное для последнего переписчика мусин-пушкинской тетради.

60—61. *Уже бо беды его насеть птичь по дубію.* «Беды» — форма род. пад. ед. ч., беспредложное управление. «По дубію» (вместо «подобію») — исправление Н. С. Тихонравова, Е. В. Барсова и других исследователей: по-видимому, в диграфе «оу» не был выписан знак «у». П. В. Владимиrow и В. А. Яковлев, основываясь на параллельном месте «Задонщины», читают: «подь облакы» (см.: [Перетц 1926а: 176]). «Дубіе» — дубы, собирательное существительное, ср.: «ковылію».

61. *Вьлци грозу вьсрожать по яругамъ.* 1985: Глагол «вьсрожати, вьсрожити» в древнерусских памятниках не встречается. В современных брянских говорах обнаружено слово «восрашить» — ‘разбередить’ [Козырев 1976: 96]. Параллели к этому слову приводит и Л. А. Булаховский [Булаховский 1978: 483]. Однако заслуживает внимания и предлагавшаяся конъектура: «вьрожать, ворожать» (И. М. Снегирев, Ф. Е. Корш). Возможно, написание «вьсрожать» могло возникнуть из «ворожать — вврожать» с омегой, не понятой первыми издателями. 2017: В. Г. Складенко пишет: «У загадковому *вьсрожать* ми вбачаемо *вѣс(т)ражатъ* від *вѣстражити* „устерегти, углядіти вчасно“» [Складенко 2003, № 6].

62—63. *Лисици брешють на чърленыя щиты.* 1985: «Чърленыя щиты» — щиты, окрашенные в красный цвет, были одним из отличительных признаков русских воинов. 2017: глагол *брехать*, обозначающий лай лисы, есть в русских говорах, но ведет себя как уходящая из языка лексема. Ср.: «*предадѣтся в рѹки оружія, части лісовом бѹдут*» (Псалтирь, 62, 11).

63. *О Русская земле! Уже за шеломянемъ еси!* Эта фраза употребляется в «Слове...» дважды и служит рефреном-формулой. Большинство исследователей считают, что «шеломань» — это гряда холмов, отделявшая русские земли от мест, по которым проходило войско Игоря. Но возникает двойное понимание того, что называется «Русской землей»: территория русских княжеств, как принято думать, или войско Игоря, как считали первые издатели, Д. Н. Дубенский и ныне В. И. Стеллецкий. Почти во всех случаях словосочетание «Русская земля» в «Слове...» имеет в виду русские княжества, что служит аргументом в пользу первой точки зрения.

64—65. *Заря светъ запала, мъгла поля покрыла*. 1985: Среди исследователей нет единого мнения, о каком времени суток говорится в тексте. Форма глагола «запала» может быть признана аористом 3-го л. ед. ч. от «запалати» ('зажечь') или перфектом 3-го л. ед. ч. от глагола «запасти» ('погаснуть'): соответственно, при одном прочтении речь пойдет об утренней заре, при другом — о вечерней. Судя по тому, что говорится далее: *«щекоть славѣи успе, говоръ галичь убудися»*, здесь описывается картина утренней зари, так как именно перед рассветом поля покрываются туманом, смолкает соловьиное пение и начинают громко кричать галки и вороны (см.: [Зарубин 1935: 113]). 2017: В. Г. Складенко полагает, что здесь показывается картина наступающего утра — «ранкова зоря сховалася». «Ранкова зоря сховалася тому, що був туман: мъгла поля покрыла» (древнерус. *мъгла* 'туман' [Складенко 2003, № 7]).

68—69. *Съ заранія въ пятькъ потыпташи поганыя пълкы половецкыя*. 1985: Изображается первое столкновение с половцами, в котором русское войско одержало быструю и легкую победу, захватив богатую добычу. «Пятькъ» — пятница; это слово в такой форме сохранилось в некоторых современных славянских языках. «Поганыя» — слово заимствовано из латинского (*paganus* — 'язычник') и не имело в древнерусском языке того отрицательного эмоционально-оценочного значения, которое присуще ему ныне. Здесь, как и в других местах текста, отчетливая аллитерация и ассонанс в словах, начинающихся на «по» (*пѣ*). 2017: Для современников «Слова...» эта легкая победа Игоря была очевидным нарушением воинских регламентов. Ср. в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: *«Аще же кто внезапно, без промысла побѣду примутъ, то не славно имъ есть. Аще кто напасть приметь съ промыслы, то имъ славно, и утѣшение ему есть, зане не без ума погибнѣ»* [Мещерский 1958: 298]. Просчет Игоря должен был быть очевидным и для половцев. То же говорится в «Сокровенном сказании монголов»: *«Перезимовали ту зиму, а на осень в год Собаки Чингис хан положил воевать с Татарами: Чааан Татар, Алчи Татар, Дутаут Татар и Алухай Татар. Прежде чем вступить в битву при урочище Далан нэмургес, Чингис хан, с общего согласия, установил такое правило: „Если мы потесним неприятеля, не задерживаться у добычи. Ведь после окончательного разгрома неприятеля добыча эта от нас не уйдет. Сумеет, поди, поделиться. В случае же отступления все мы обязаны немедленно возвращаться в строй и занимать свое прежнее место“»* [Сокровенное сказание 1941, § 153].

70. *Красныя девкы половецкыя*. Словосочетание «красная девица», характерное для фольклора, находим и далее, в заключительной части «Слова...».

71. *Паволокы* — шелковая ткань или изделия из нее. 2017: Слова *злато* и *паволокы*, стоящие рядом или поблизости друг от друга, встречаются в «Повести временных лет» во всех четырех текстах договоров русских с греками и присутствуют при описании даров, дани или трофеев под 907,

911, 944, 955, 969, 971, 975, 1043 гг. Ср. в «Повести временных лет» под 907 г.: *«И приде Олегъ къ Киеву, неся золото, и паволоки, и овощи, и вина, и всяко узорочье и прозваша Ольга вѣщий»*. Ср. также в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: *«И се, похваливъ крѣпость и бодрость его и тщание, и възложъ на нь вѣнецъ злат, и гривну злату, и хоругвь серебряну от плѣннаго злата и сребра. И паволоки пуцаше, и чинъ его измѣняше в лучышии чинъ»* [Мещерский 1958: 435]. Данный фрагмент в «Слове...» имеет формульный характер.

Драгия оксамиты. 1985: *Оксамит* или *аксамит* (слово греческого происхождения) — название дорогой ткани, возможно бархата. 2017: Слово «дорогія бархаты» в соответствующем месте перевода издания 1800 г. [Слово 1800: 11], представляющие форму винительного падежа прилагательного и существительного, однозначно показывают, что данный текст является переводом древнерусского оригинала «Слова...».

71—72. 1985: *Орьтьмами и япончицями и кожуюхъ начаяша мосты мостити по болотомъ*. «Орьтьма» — ‘покрывало’, ‘накидка’, слово тюркского происхождения, хотя оно не встречается в других древнерусских текстах и неизвестно в самих тюркских языках. Оно легко объясняется как отглагольное имя на -тѣ от глагола *ört* — ‘покрывать’ [Менгес 1979: 124—125]. «Япончиця» — ‘накидка’, ‘плащ’: ср. тур. *jarupşa* — род плаща грубой работы [Менгес 1979: 186]. То, что такой одеждой и тканями русичи «начаяша мосты мостити», подчеркивает богатство доставшейся им добычи. 2017: Слово *кожуюхъ* встречается в «Девгениевом деянии», находившемся в мусин-пушкинской тетради непосредственно за «Словом...».

73. *Всякими узорочьи половецкими*. 1985: «Узорочье» — ‘драгоценности’, ‘дорогие предметы’. В современных южнорусских переселенческих говорах это слово употребляется как в прямом, так и в переносном метафорическом значении [Мещерский 1956б: 79]. 2017: Это слово может служить приметой языка автора «Слова...», т. к. большая часть его употреблений приходится на тексты, атрибутируемые Кузьмищу Киянину.

74—75. *Чърлень стягъ, бела хоругвь, чърлена чолка, сребрено стружіе — храброму Святъславличю*. Перечисляются предметы, доставшие русскому войску в качестве трофеев. Это могли быть значки каких-то воинских подразделений и штандарты их предводителей или предметы культа. Белый цвет хоругви связан с символическими представлениями монгольских и тюркских народностей — священное знамя монголов было белого цвета (см.: [Олядыкова 1979: 80]). Слово «хоругвь» заимствовано из монгольских языков через тюркское посредство (см.: [Менгес 1979: 157—166]). «Стружіе» — древко копья, длинный шест. В данном контексте «стружіе» — это, несомненно, древко одного из захваченных у половцев значков.

76. *Дремлетъ въ поле Ольгово хороброе гнездо*. Все князья, участвовавшие в походе, приходились внуками — Игорь, Всеволод — или пра-

внуками — Владимир Игоревич (1170—1208), Святослав Олегович (1166—после 1191) — князю Черниговскому и Тмутороканскому Олегу Свято-славичу (ум. 1115). По Ипатьевской летописи, после первой удачной битвы Игорь предлагал сразу же возвратиться из степи назад, ибо русские увидели, что *«полки половецькии... мнози суть»*, однако на это не согласился Святослав Олегович, сказав: *«Далече есмь гонить по половецехъ, а кони мои не могут, аже ми будет ныне поехать»* [Ипат. лет. 1908: стб. 640]. Его поддержал Всеволод, и было решено переночевать в поле.

77—78. Далече залетѣло! Не было оно обидѣ порождено ни соколу, ни кречету... 2017: А. А. Зализняк оставляет текст без исправления *не было нѣ*, видя здесь союз *нѣ* ‘но’ [Зализняк 2008: 260—267, 463].

79. Гза — имя половецкого хана; другие варианты этого имени: Коза, Кза, Гза, Гзя. Более правильная форма имени — Гза — подтверждается большинством источников и этимологическими исследованиями. Конечное «къ», отсутствующее в других источниках, появилось, вероятно, под влиянием ханских имен: Кончакъ, Кобякъ, Бонякъ. Возможно, что форма Гзакъ в тексте «Слова...» возникла в результате ошибок в рукописях, предшествующих мусин-пушкинскому списку.

80. Кончакъ ему слѣдъ править. 1985: Кончак — половецкий хан, сын хана Отрока, внук Шарукана. «Следъ править» — очевидно: ‘указывает дорогу’, ‘ведет за собой’. Места, описываемые в «Слове...», были лучше знакомы Кончаку, чем Гзе, кочевья которого, насколько можно судить, располагались несколько севернее. Вс. Ф. Миллер и А. С. Орлов полагали, что Кончак идет вслед за Гзой, однако такое предположение не представляется убедительным. 2017: А. Ю. Чернов понимает слова *слѣдъ править* как ‘указывает направление’ [Чернов 2006а: 260; 2010: 108 — со ссылкой на брянские говоры]. Смысл слов *след правити*, так же как слов *отводить след*, встречающихся в сходном контексте «Сокровенного сказания монголов» (1240), не вполне понятен, но, похоже, в обоих случаях они относятся к военной терминологии. В «Истории Иудейской войны...» читаем: *«Назади оставше мало, иже повелѣниемъ его, къ хвостомъ привязаша хвойники, женяху, да прахъ великий явится. И мняху, все вой суще»* [Мещерский 1958: 349]. Н. А. Мещерский писал об этом пассаже: «Здесь переводчик стремится конкретизировать описание боевых действий, связать их с привычными для русского читателя ассоциациями. Так, рассказывая в ч. 7 этой главы о победе Симона, сына Гиорова, над идумеями, древнерусский переводчик на месте глухого упоминания о том, что войско идумеев обратилось в бегство, едва увидев приближающийся к нему отряд Симона, вставляет подробный рассказ о военной хитрости последнего, велевшего задним рядам воинов привязать «хвойники» к хвостам своих лошадей, чтобы при движении поднимать больше пыли. Увидя клубы пыли за рядами воинов Симона, идумеи подумали, что «задних болѣ передних», и разбежались. Наличие в этом рассказе «хвойников» выдает его русское происхождение. Вообще весь эпизод — в духе военной такти-

ки русских» [Мещерский 1958: 59]. По-видимому, то же самое практиковали и половцы. Возможно, и это предполагает текст «Сокровенного сказания», таким образом не только создавалась своего рода пылевая завеса, скрывающая войско, но и скрывался след передвижения небольшого отряда или угоняемого стада скота.

83. *Чьрныя тучя*. 1985: Символ вражеского войска. Для поэтики «Слова...» очень характерно противопоставление солнца, света и ночи, темноты. 2017: Столь же характерно для «Слова...» использование метеорологической лексики в переносных значениях с эмоционально-экспрессивными оттенками. Динамика эволюции этой лексики показывает, что слова современного обиходного языка (туча, облако, молния, гром) были в прошлом элементами языка высокой поэзии.

Съ моря идуть. 2017: В тексте выразительно подчеркивается, что южное направление, где находятся Черное и Азовское моря, является крайне недружественным для русского войска. А. А. Горский показал, что морем в «Слове...» именуется настоящее море, а не озеро, возле которого состоялась последняя битва войска Игоря [Горский 1988].

83—84. *Хотять прикрыти д сылнця*. Имеются в виду русские князья-братья Игорь и Всеволод; сын Игоря Владимир и племянник князей братьев Святослав Олегович.

84. *Синія мълніи*. 2017: А. А. Зимин утверждает, что источником слов «синіи мълніи» предполагается сочетание «силнии мълнии» [Зимин 2006: 119, 164], однако если «синіи мълніи» вписываются в систему словосочетаний со словом синий в «Слове...», то «силнии мълнии» — явное недоразумение текста «Задонщины» (одно из многих), оно уникально и лишено образности.

84—85. *Выти грому великому! Итти дождю стрелами съ Дону Великого*. Метафора, возникшая из хорошо известного по древнерусским воинским повестям сравнения: «и стрелы на нихъ летяху яко дождь» [Мещерский 1958: 343].

86—87. *Ту ся саблямъ потручати о шеломы половецкыя*. В. Г. Скляренко, проанализировав объяснения глагола *потручати*, приводит украинские параллели к нему [Скляренко 2003, № 8].

87. *На рѣцѣ на Каяле*. 1985: Река Каяла несколько раз упоминается в «Слове...» как место решающего сражения русских с половцами. Этимология этого слова, географическое приурочение данного топонима и самая его реальность остаются до сих пор проблематичными. Название реки восходит к тюркскому *qaja-ly* — ‘скалистая’ — от *qaja* — ‘скала’ [Менгес 1979: 100]. В Ипатьевской летописи форма «Каялы» не склоняется. Согласно тщательно аргументированной гипотезе Н. В. Сибилева и М. Ф. Гетманца, Каяла — это речка Макатиха, впадающая в реку Голая Долина, приток реки Сухой Торец [Гетманец 1976: 305—326], что хорошо согласуется с геологическими и гидрологическими характеристиками указанной местности. В исследовательской литературе существует также

восходящая еще к трудам Е. В. Барсова традиция, согласно которой Каяла — не реальный географический объект, а эпическая «Жаль-река», река печали (см.: [Рыбаков 1972: 224]). В этом случае название реки — Каяла — связывается с глаголом «каяти» — ‘жалеть, оплакивать’ (см.: [Дмитриев 1953: 30—38]). 2017: См.: [Поляков 2014: 45—49; Пядышев 1980: 42—65].

89. *Се ветри, Стрибожи внуци*. 1985: Стрибог — древнее славянское божество, по-видимому, покровитель ветров, в числе других богов его имя названо в «Повести временных лет» под 980 г.: «*И нача княжити Володимиръ въ Кieve единъ, и постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога и Симарьѣла, и Мокошь*» (см.: [Повесть временных лет 1950: 56]). Традиционные этимологические толкования выводят древнерусское Стрибогъ из иранского Sribaya — ‘возвышенный бог’ ([Фасмер 1971: 777]; см. также: [Булаховский 1978: 495—497]). В новейших работах этот теоним признается славянским отражением индоевропейского *ptr-ei-*deiwo — ‘отец-бог’ [Иванов, Топоров 1982: 471]. «Стрибожи внуци» — характерная для автора «Слова...» стилистическая фигура (ср. выше: «Велесовъ внуче» — о Бояне, «Дажьбожи внуци» — о русичах). Язычество для автора «Слова...» — не столько реальная система религиозных представлений, сколько дополнительный источник изобразительных средств. 2017: изображения славянских богов в виде античных героев встречаются в Радзивилловской летописи (см. ил. 111 и др.). Из новых работ о язычестве в «Слове...» см.: [Мартынов 1980; Шелемова 1995; Шелоник 2001]. Использование теонимов как источника поэтической фразеологии в греческой словесности восходит к Гомеру, и эта практика должна была быть знакома автору «Слова...».

91. *Пороси* — форма мн. ч. от слова «порохъ» (‘пыль, прах’). 2017: Здесь в издании 1985 г. комментаторами была допущена распространенная ошибка — в данном случае имеются в виду *пороси* (ед. ч. *порось*) — ‘утренние туманы, несущие росу’, это слово сохранилось в близких значениях в русских народных говорах: «Порось, ж. Мелкие капли росы на траве, растениях» [СРНГ 1996, вып. 30: 80].

90—91. *Стязи глаголють*. В «Сказании о Мамаевом побоище», вероятно не без воздействия «Слова...», появляется развернутая метафора: «*И стязи ихъ золоченныя ревутъ, простирающесе аки облаци, тихо трепещущи, хотятъ промолвити*» (см.: [Дылевский 1962: 183—184]).

92—93. *Половци идутъ отъ Дона и отъ моря и отъ всехъ странъ*. Согласно упомянутой выше (см. 87) гипотезе Н. В. Сибилева и М. Ф. Гетманца, «морем» здесь названо несколько расположенных неподалеку от Макашихи озер, которые во время весеннего половодья сливаются в одно огромное озеро. По военно-исторической реконструкции последнего сражения [Гетманец 1976: 313—319], русское войско действительно оказалось окруженным половцами со всех сторон.

93. *Русьскыя ꙗꙑлы оступишиа*. 1985: В первом издании «Слова...» — «отступиша», что не дает осмысленного чтения. Скорее всего, издатели неправильно прочитали написание «оступишиа», содержащее букву «омега», передав ее как «от», или в самой рукописи буква «от» была употреблена вместо буквы «омега» в значении «о». 2017: А. А. Зимин в своей трактовке этого фрагмента «Слова...» следует за первыми издателями [Зимин 2006: 120], не замечая того, что форма *ꙗꙑлы* не может быть формой именительного падежа и является формой винительного падежа; форма именительного падежа в тексте памятника выглядит как *ꙗꙑли* и полностью отвечает формам древнерусской грамматики. Издатели «Слова...» не смогли правильно разбить текст на фразы, но подобную грамматическую ошибку в XVIII в. не мог допустить ни один фальсификатор, тем более — знающий церковнославянский язык, каким был Иоиль Быховский.

94. *Дети бесови* — половцы.

96. *Стоиши на борони*. Последнее сражение, описываемое здесь, носило для русских оборонительный характер, поэтому князья должны были уделять внимание защите своих войск от нападавших половцев. «Боронь», таким образом, — ‘оборона, защита’.

97. *Прищещи на вои стрелами*. 1985: Предполагается, что со «Словом...» были знакомы иллюстраторы Владимирского летописного свода 1212 г., копии миниатюр которого сохранились в дошедшей до нас Радзивилловской летописи 1487 г. Там на одном из рисунков князь Всеволод изображен с луком и стрелой [Рыбаков 1972: 20]. 2017: Нельзя исключать того, что оружие было пририсовано позднее или появилось на копиях миниатюр, выполненных в XV в., — на ил. 583 действительно князь изображен с натянутым луком, но на следующей миниатюре (ил. 584) присутствует воин с самострелом, о котором в текстах ничего не говорится.

97—98. *Гремлещи о шеломы мечи харалужными*. Эпитет «харалужный» применительно к мечам и копьям несколько раз встречается в «Слове...», но совершенно неизвестен в других древнерусских памятниках. Он появляется лишь однажды в «Задонщине» явно под влиянием «Слова...» в бессмысленном контексте: «берега харалужные». Словосочетание «копѣя харалужная» встречается в некоторых редакциях «Сказания о Мамаевом побоище», куда оно также попало из «Слова о полку Игореве» [Перетц 1926: 39]. Предлагалось более десятка этимологий слова «харалужный»: от тюрк. *qara* — ‘черный, вороненый металл’ (П. М. Мелиоранский, Ф. Е. Корш, Л. Н. Гумилев), от тюркского этнонима *qarluq* — ‘карлукский’ (А. Заки Валиди, А. Зайончковский, А. Н. Кирпичников), от арабского *harab* — ‘гибельный’ (В. Ф. Ржигя), *quryuluy* — ‘гибельный’, *qutu-luy* — ‘отточенный’, *qaruwly* — ‘тяжелый, доступный только опытному воину’ (Н. А. Баскаков), *caroling* — ‘каролинский’ (С. А. Геденов, Р. О. Якобсон, К. Г. Менгес). Перечисленные этимологии малоправдоподобны. По-видимому, слово «харалуж» или самый эпитет «харалужный» в

применении к мечам и копьям заимствованы из индоиранских языков. Ср. санскритские корни *khaga* — ‘твердый, острый’ и *langh* — ‘поражать, сверкать, блеснуть’, а также *khaga-langhyana*, т. е. ‘сверкающий остротой, поражающий остротой’, соответствующее русскому «харалужный» [Мещерский, Бурькин 1984: 67—73].

99. *Златымъ шелоомъ посвѣчивая*. Об эпитете «золотой» в применении к принадлежащим князю предметам см. 51.

100—101. *Поскепаны саблями калеными шеломи оварьскими*. 1985: Глагол «поскепати» — ‘рубить в щепки’ — в применении к шлемам здесь объясняется особенностями их конструкции: шлемы кочевников изготовлялись из деревянных пластин, обтянутых кожей и лишь скрепленных железной окантовкой. Под ударами тяжелых русских мечей такие шлемы действительно разлетались в щепки (см.: [Ржига 1947: 179—182]). «Оварьская» — принадлежащие аварам, т. е. предкам современных аварцев Дагестана. Племена, населявшие Северный Кавказ, часто выступали в союзе с половцами. Этноним «авары» имеет иранское происхождение [Абаев 1958: 26]. 2017: Ср. *«И бысть видѣти ломъ копѣнный и скръѣстание мечное, и щиты искѣпаны»* [Мещерский 1958: 300].

102. *Кая раны, дорога братіе*. По мнению А. И. Соболевского, Г. А. Ильинского, В. Н. Перетца, Л. А. Булаховского, здесь нет необходимости исправлять «раны» на «рана», но, в отличие от названных ученых, в форме «кая» можно видеть не 3-е л. аориста от глагола «каяти», а действительное причастие ед. ч. м. р. «презирающий». Некоторые исследователи (М. А. Максимович, А. А. Потебня, А. С. Орлов, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев) видят в форме «кая» ж. р. от вопросительного местоимения «кый». Словосочетание «дорога братіе» встречается в других древнерусских памятниках, в частности в «Сказании о Борисе и Глебе» [Соболевский 1916: 210—213].

103—104. *Своя милья хоти красныя Глебовны свычяя и обычяя*. 1985: Ольга (Мария) Глебовна, дочь князя Глеба Юрьевича (ум. 1171), сестра князя Владимира Глебовича Переяславского, племянница Андрея Боголюбского, жена Всеволода. В литературе отмечалось, что эти сведения восходят к примечаниям первого издания «Слова...» и не могут считаться достоверными [Творогов 1977: 92—93]. Все же эта гипотеза принята (см.: [Рыбаков 1971: 89, 91; Войтович 2000: табл. 22, № 5, 24, 25]): этот брак объединял две княжеские ветви — Ольговичей и Мономаховичей, потомков сыновей Ярослава Мудрого. «Хоть» — любимая супруга. Словосочетание «свычяя и обычяя» пока нигде более не обнаружено, но слова «свычай» и «обычай» встречались часто, выступая как синонимы [Адрианова-Перетц 1968: 98]. 2017: Еще один пример внимания автора к родственникам Андрея Боголюбского. Материал, показывающий, что свычай и обычай — диалектная фразема, приводится А. Ю. Черновым [Чернов 2006: 186], но нет уверенности в том, что этот оборот не попал в русскую речь из «Слова...».

105. *Были вѣщи Трояни*. Троян — см. 34: века Трояновы для автора «Слова...» — воплощение глубокой старины. *Минула лета Ярославля*. Возможно, речь идет не обо всем периоде княжения Ярослава Мудрого, а о тех княжеских междоусобицах, которыми сопровождались первые годы его правления, когда Ярослав боролся с князем Святополком, потом — с Мстиславом.

106. *Были пълци Ольговы, Ольга Святъславличя*. Олег Святославич (ум. 1115) — сын великого князя Киевского Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого, дед Игоря и Всеволода. Здесь имеются в виду междоусобные войны, которые в течение длительного времени вел этот князь со своими родственниками. Поддерживаемый половцами Олег (в то время князь Тмутороканский) сначала напал на Чернигов, находившийся во владении его дяди Всеволода Ярославича. После победы Олега на реке Сож Всеволод бежал к брату, киевскому князю Изяславу. Последний со своим сыном Ярополком и Всеволод с сыном Владимиром (Мономахом) взяли Чернигов. В то же время к Чернигову подошли Олег и Борис Вячеславич (см. 111—112). Сражение произошло, как сообщают летописи, под Черниговом «на Нежатине Ниве» (1078), неподалеку от ручья Канин. В этой битве погибли Изяслав, великий князь Киевский, и Борис Вячеславич. Олег бежал назад в Тмуторокань; великим князем Киевским стал Всеволод, в Чернигове стал княжить Владимир Мономах. В 1079 г. Олег попал в плен к хазарам и был отправлен в Византию, но четыре года спустя бежал, вернувшись в Тмуторокань. В 1094 г. Олег в союзе с половцами снова выступил в поход на Чернигов, и Владимир Мономах добровольно уступил ему город. События последней трети XI в. должны были найти отражение не только в известных летописных повестях, но и в других видах книжной словесности и в фольклоре. Еще А. А. Потебня предположил, что весь отрывок от слов «были пълци Ольговы» до слов «а сиеи рати не слышяно» заимствован из не дошедшего до нас сочинения, посвященного этим событиям [Потебня 1878: 51]. В самом деле, этот отрывок демонстрирует некоторые стилистические и синтаксические отличия от остального текста «Слова...» — в нем часто встречается дистантное расположение подлежащего и сказуемого с тяготением последнего к концу синтагмы, единственное исключение: «Святополкъ полелѣя отца своего».

107—108. *Олеѣ мечемъ крамолу коваше и стрелы по земли съяше*. Словосочетание «крамолу ковати» далее встречается еще несколько раз в составе формулы: «а князи сами на себе крамолу коваху» и др. «Стрелы по земли съяше» — подобная метафора, основанная на сопоставлении битвы с земледельческим трудом, довольно широко распространена в древнерусской литературе и в разнообразных формах проходит через весь текст «Слова...» [Адрианова-Перетц 1947: 60 и след.].

109—110. *Тожѣ звонъ слышя дивныи великыи Ярославль сынъ Всеволодъ*. 1985: Предложенная в ряде изданий конъектура «тъи же» (вместо «тоже») — избыточна: указательное местоимение «тъ» выступает здесь

в краткой форме, поэтому форму 1-го издания следует сохранить. Слово «звонъ» в значении ‘весть’, ‘слух о каком-либо событии, распространяемый молвой’, находит наиболее близкую параллель в «Истории Иудейской войны»: «и звенять прегрешения наша въ ушию всехъ, мно же яко и по насъ будетъ се звонъ» [Мещерский 1958: 459]. В понимании того, какое историческое лицо имеется здесь в виду, среди исследователей нет единства, так как в тексте первого издания стоят рядом два притяжательных прилагательных «Ярославъ сынъ Всеволожь». Одни, вслед за Н. Ф. Грамматиным и П. Бутковым, прибегая к перестановке следующего далее союза «а», читают: «давнии великий Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владимиръ...» (Н. Ф. Грамматин, П. Бутков, А. А. Потебня, В. Н. Перетц, Д. С. Лихачев). И. М. Снегирев предложил читать: «Ярославль сынъ Всеволодь» (т. е. Ярославов сын Всеволод), его поддержали Д. Н. Дубенский, М. А. Максимович, П. П. Вяземский, О. М. Огоновский, Вс. Ф. Миллер, Н. С. Тихонравов, Е. В. Барсов, В. А. Яковлев, Ф. Е. Корш, А. С. Орлов, И. П. Еремин, Б. А. Рыбаков, О. В. Творогов. Те, кто считает, что здесь речь идет о Ярославе Мудром, допускают анахронизм — ко времени, описываемому в данном отрывке, Ярослава не было в живых, тогда как княжеские междоусобицы продолжались еще и после вокняжения Всеволода Ярославича. Отметим, что в летописном некрологе («Повесть временных лет» под 1093 г.) он назван великим: *«преставися великий князь Всеволодь сынъ Ярославль, внукъ Володимеръ»*. Таким образом, в летописной традиции Всеволод Ярославич — второй после Ярослава Мудрого киевский князь, названный великим. 2017: Л. Мюллер также видит здесь Владимира Мономаха [Müller 1958: 325—339]. В реконструкции А. А. Зализняка — *а Владимиръ сынъ Всеволожь* [Зализняк 2008: 465] — с перестановкой, что также позволяет относить именование к будущему Владимиру Мономаху.

110—111. *Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Чърнигове*. Д. Д. Мальсагов указал, что речь идет о проушинах городских ворот, которые князь держал на запоре и днем и ночью, опасаясь нападения [Мальсагов 1959: 162]. Здесь в тексте своеобразная игра слов: с одной стороны, «уши закладаше» связано с предшествующим «звонъ», с другой — это выражение обозначает конкретное действие — запираание городских ворот. Владимир Всеволодович (1053—1125) — впоследствии великий князь Киевский (1113—1125), известный под именем Владимир Мономах по прозвищу своего деда, византийского императора Константина Мономаха. То, что о Владимире говорится здесь как о рядовом черниговском князе — он упомянут даже без отчества, — важный аргумент в пользу гипотезы А. А. Потебни о том, что весь отрывок взят из не дошедшего до нас сочинения [Потебня 1878: 51]: у автора этого отрывка иной исторический кругозор — не чувствуется знакомства с историей Киева начала XII в. «Уши» — обозначение узкого прохода: «игольные уши» — выражение, восходящее к евангельскому тексту (Матф., XIX, 24).

111—112. *Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе*. 1985: Борис Вячеславич — сын Вячеслава Ярославича, внук Ярослава Мудрого.

Выступив в союзе с Олегом Святославичем (см. 106), Борис Вячеславич погиб осенью 1078 г. в битве на Нежатиной Ниве в возрасте 24 лет (см.: [Яценко 1976: 296—304]). 2017: Три миниатюры РЛ (ил. 264—266) показывают события битвы на Нежатиной Ниве 3 октября 1078 г. («*Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе и на Канину зелену паполому (ему) постла*», «*Съ тоя же Каялы Святополкъ полелѣя отца своего межю угорьскими иноходьцы*»). При этом на одной из них (ил. 265) явно изображена гибель Изяслава, на другой (ил. 264) пораженный воин в дружине в правой стороне рисунка, как считают современные издатели РЛ с иллюстрациями, может быть Борисом Вячеславичем. На третьем рисунке (ил. 266) представлен эпизод доставления гроба с погибшим Изяславом Ярославичем в ладье к Городцу и встреча его киевлянами. Весь нижеследующий пассаж показывает творческую самостоятельность и независимость автора «Слова...» от летописных источников, соотносительных по времени с излагаемыми событиями, — есть большая вероятность, что ему были доступны не дошедшие до нас документы и хроники, но один из его приемов — смешение художественного времени, хронологии повествования по отношению к реальной последовательности событий (см. то же ниже в рассказе о Всеславе Полоцком).

112—113. *На Канину зелену паполому <ему> постла за обиду Ольгову*. «Паполома» — ‘плащ’; слово заимствовано из древнегреческого языка. Канинь — по мнению большинства комментаторов, название ручья близ Чернигова, неподалеку от Нежатиной Нивы, где происходила битва. Ручей с таким названием упомянут в Лаврентьевской летописи под 1152 г. Форма «на Канину» вместо ожидаемого «на Канине» — это, скорее всего, форма местн. пад. ед. ч. на «-у», но возможна и описка под влиянием двух последующих форм вин. пад. ж. р. на «-у». Текст в первом издании «на Канину зелену паполому постла» не обнаруживает грамматических связей, поэтому необходимы исправления либо: «на Канину *на* зелену паполому постла» (т. е. ‘на Канине на зеленый плащ его разостлала’), либо: «на Канину зелену паполому *ему* постла» (т. е. ‘на Канине зеленый плащ ему постлала’). Обе конъектуры объясняют искажение текста как результат описок гаплоглогического характера, вторая конъектура кажется более предпочтительной.

114. *Храбра и млада князя*. По-видимому, эти слова относятся к Борису Вячеславичу (см. 111), поскольку сочувственное отношение автора может вызывать погибший в бою юный князь.

Съ тоя же Каялы. Упоминание Каялы в данном месте уже давно вызвало недоумение исследователей. М. А. Максимович, а вслед за ним А. И. Попов полагали, что «Каялы» здесь — искаженное «Канины» [Попов 1967: 217—221]. Возможно, «Каялы» — позднейшая помета, принадлежащая одному из читателей какого-то списка «Слова...», не понимавшему, о какой именно битве идет речь. О. М. Огоновский считал глоссо всю эту фразу [Перетц 1926а: 204].

Святопълкъ — князь Святополк Изяславич (1050—1113), сын Изяслава Ярославича, внук Ярослава Мудрого.

115. **Полелѣя** — в тексте первого издания «повелѣя». Я. О. Пожарский и М. А. Максимович читали: «повеле ять (яти)». С некоторыми модификациями это чтение принято П. П. Вяземским, Вс. Ф. Миллером, А. И. Смирновым, О. М. Огоновским, С. К. Шамбинаго [Перетц 1926а: 205]; этого чтения придерживается ныне В. В. Колесов [Колесов 1976: 39]. Н. М. Карамзин, а позднее Н. Ф. Грамматин и П. В. Владимиров читали: «по сече я». А. А. Потебня предложил читать «полелѣя»; это чтение поддерживали Е. В. Барсов, В. Н. Перетц и большинство современных исследователей. В пользу такой конъектуры говорит распространенность в «Слове...» префиксальных и беспрефиксальных форм глагола «лелеяти» [Якобсон 1958: 106].

Междю угорьскими иноходьци. 1985: Иноходцы использовались для перевозки раненых и павших в бою воинов, что подтверждается миниатюрами Радзивилловской летописи. Кони-иноходцы были более предпочтительными для этого, так как не трясли раненых. Венгерские (угорские) кони высоко ценились на Руси и в Европе. 2017: На миниатюре Радзивилловской летописи (ил. 266) убитого князя везут в ладье, что совпадает и с летописным текстом.

116. **Къ святѣи Софїи къ Киеву**. 1985: Это сообщение о погребении Изяслава не совпадает с известием «Повести временных лет», где под 1078 г. говорится: *«убьенъ бысть князь Изяславъ месяца октямбря въ 3 день... и принесше положиша тело его в цркви святыя Богородица, вложивше и в раку мраморяну»*. Все комментаторы справедливо полагают, что церковь «святыя Богородица» — Десятинная церковь, построенная еще при Владимире Святославиче. Однако И. М. Кудрявцев обнаружил, что в Софийской первой летописи и аналогично в Новгородской пятой летописи читается: *«И положиша Изяслава в святой Софїи в Киеве. И бысть княжения его лѣтъ 24»* [Новг. пят. лет. 1917: 136; Соф. перв. лет. 1925: 147]. После опубликования этой статьи [Кудрявцев 1949: 407—409] комментаторы «Слова...» стали склоняться к мысли, будто в древнерусской историографии существовали две разные версии о месте погребения Изяслава. Известно, однако, что Десятинная церковь до возведения Софийского собора, а возможно и позднее, иногда называлась Софией [Голубинский 1901: 181, примеч. со ссылкой на немецкого хрониста XI в. Титмара Мерзебургского, с. 182]. Кроме того, уже давно М. Д. Приселков предположил, что автор «Слова...» почерпнул сведения о погребении Изяслава в Софии Киевской из не дошедшего до нас литературно-исторического источника, восходящего к черниговской летописной школе [Приселков 1940: 52]. Д. С. Лихачев показал, что Софийская первая и Новгородская пятая летописи действительно соотносятся с черниговской летописной традицией и появление их связано с вокняжением Святослава Ольговича — отца Игоря — в Новгороде [Лихачев 1948: 240—261]. Мож-

но думать, что в Чернигове по старой традиции называли киевскую Десятинную церковь Софией и, в соответствии с собственным черниговским обычаем, полагали, что всех князей должны были хоронить в главной княжеской церкви. 2017: Над этим сообщением с непонятными источниками задумался и А. Ю. Чернов [Чернов 2006а: 47], но если автор текста «Слова...» — зодчий Кузьмище Киянин, который по своему занятию должен был не только строить, но и надзирать за состоянием действующих храмов, он должен был лучше летописцев знать, кто из князей в какой церкви нашел последнее упокоение.

116—119. *Тѣгда при Олѣѣ Гориславличѣхъ сѣяшется и ростиаше уسوبѣцами, погыбаше жизнь Дажьбожа внука, въ князѣхъ крамолахъ вѣщи человекомъ скратишася.* Гориславлич — прозвище князя Олега Святославича, известное только по «Слову...». Оно имеет или осудительный, или сочувственный характер. Появление такого прозвища после того, как Олег Святославич был назван раньше по имени и отчеству, может быть объяснено как художественный прием. Но возможно, что это прозвище или все словосочетание «при Олзе Гориславличех» — глосса, принадлежавшая одному из ранних читателей «Слова...», знавшему, о ком именно здесь идет речь. Сквозь осуждение княжеских междоусобиц в пользу сохранения жизни «Дажьбожа внука» прослеживается сострадание к личности самого Олега Святославича. Может быть, мы встречаемся с использованием в «Слове...» какого-то текста XI в., повествующего о княжеских междоусобицах 1078 г. Подлинное значение прозвища нуждается в специальном исследовании из-за неясности этимологии. Первый компонент может восходить к корням *горѣ* ('вверху') и *горе* ('горесть'). Отчество Гориславлич со столь же неясной этимологией есть в новгородской берестяной грамоте № 262 [Арциховский, Борковский 1963: 88—89]. Это же отчество встречается в Новгородской первой летописи под 1223 и 1240 гг. Текст этой фразы частично совпадает с текстом записи на Псковском Апостоле 1307 г. (ГИМ. Синодальное собрание. № 722), открытой К. Ф. Калайдовичем еще в 1813 г.: «при сихъ князехъ сеяшется и ростиаше уسوبѣцами гыняше жизнь наши въ князехъ которы и вѣщи скоротишася человекомъ» (см.: [Срезневский 1882: 170—171]). Начиная с К. Ф. Калайдовича, исследовательская традиция видит в параллелизме этих текстов свидетельство подлинности «Слова...» и читательского интереса к нему. Полагают, что делавший запись писец Домид внёс её из одного из списков «Слова...». Высказывались мнения, что текст записи и данный фрагмент «Слова...» могут восходить к общему источнику (М. Н. Тихомиров, А. А. Потебня, с некоторыми оговорками). Интересно, что языковые формы в записи на Апостоле 1307 г. архаичнее соответствующих форм в «Слове...». Считается, что писец записи имел в распоряжении более древний и исправный экземпляр «Слова...» [Якубинский 1953: 323]. Однако возможно, что разночтения этих текстов — результат того, что фрагмент неизвестного нам сейчас источника XI в. дошел без изменений

в записи на Апостоле и подвергся переработке под пером автора «Слова...». Синтаксические связи внутри данной фразы не вполне ясны. Скорее всего, глаголы «сеяшется» и «растяшеть» употреблены безлично, что и отражено в переводе. «Дажьбожь внук» — собирательное обозначение русичей. Н. С. Тихонравов, Вс. Ф. Миллер, В. Н. Перетц и некоторые другие ученые полагали, что это обозначение князей и их избранной дружины. Дажьбог — славянское языческое божество, связываемое с культом солнца [Иванов, Топоров 1980: 347]. Этимологию имени традиционно возводят к славянскому глаголу «дати» в форме повелительного наклонения — «даждь» [Фасмер 1964: 482; Булаховский 1978: 498]. Однако связь Дажьбога с солнцем заставляет думать, что в этом имени содержится тот же корень, что и в готск. *Dags* — ‘день’, лит. *daga* — ‘жара’, прус. *Dagis* — ‘лето’ [Якубинский 1953: 339]. Имя Дажьбог встречается в «Повести временных лет» и в тексте Хроники Иоанна Малалы: «царствова Египтяномъ сынъ его солнце именемъ, его же наричють Дажьбожь» (см.: [Повесть временных лет 1950а, ч. 1: 197—198]). В источниках засвидетельствована форма Дажьбожь, в тексте «Слова...» — Дажьбожи, Дажьбожь.

119—122. *Тъгда по Русьскои земли редко ратаеве кыкахуть, нъ чясто врани граяхуть, трупя себе деляче, а галици свою речь говоряхуть.* 1985: Это место имеет близкую параллель в синодальном списке «Задонщины»: «Въ тоя же время по Резанскои земли ни ратои, ни постух не покличет, нъ тол<ь>ко часто вороны грают, трупу человеческого чают» (см.: [«Слово...» и памятники 1966: 554]). 2017: Слова из этого фрагмента сформировали другую формулу «ови же ласкосердствующе на златоимание, яко же врани на трупь» [Мещерский 1958: 234].

123—124. *То было въ ты рати и въ ты пълкы, а сицеи рати не слышяно.* Здесь замечен переход от одного текста к другому, заканчивается вставка, восходящая к неизвестному источнику XI в. «Сицеи» — род. пад. ед. ч. ж. р. древнерусского определительного местоимения «сиции» (‘такой’), редкий случай употребления в тексте памятника полной (членной) формы местоимения.

127—129. *Чърна земля подь копыты костьми была посеяна, а кръвию польяна, тугою възыдоша по Русьскои земли.* 1985: Здесь получает дальнейшее развитие использованная ранее метафора «тъгда при Олзѣ Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами погыбашеть жизнь Дажьбожя внука». Затем данная метафора встречается еще раз: «Немизѣ кръвави брезѣ не бологомъ бяхуть посеяни, посеяни костьми русьскихъ сыновъ». 2017: Можно думать, что у этих текстов имелся общий источник, содержавший свод информации о смутных временах второй половины XI в., для которого и была характерна «сельскохозяйственная» образность.

129—130. *Что ми шюмить, что ми звенить давеча рано предъ зорями?* «Ми» — форма дат. пад. личного местоимения 1-го лица ед. ч.,

только в этом случае во всем тексте памятника встречается авторское «я». Многие комментаторы исправляют текст: вместо «давеча» читают «далече». Однако Л. А. Булаховский убедительно показал, что древнерусское «давеча» могло иметь значение «сегодня утром, рано утром», ссылаясь на факты украинского и словенского языков [Булаховский 1978: 484].

132—133. *Биися день, биися други, третьяго дни къ полудню падоша стязи Игореву*. Фраза пронизана традиционной числовой символикой: роковым для русского войска, по мысли автора, оказывается именно третий день. В действительности решающая битва продолжалась полтора дня: в субботу утром войско Игоря было окружено, битва шла всю субботу, ночь на воскресенье и закончилась 12 мая, в воскресенье, к полудню.

133—134. *Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы*. 1985: Существительное «брата» и глагол «разлучиста» стоят в форме двойственного числа. Русские князья, попавшие в плен, были действительно разлучены друг с другом и разведены в разные стороны. Как сообщает Ипатьевская летопись, «Игоря же бяхуть яли Тарголове... а Всеволода, брата его яль Роман Кзичь, а Святослава Олговича Елдечюкъ... а Володимера Копти» [Ипат. лет. 1908: стб. 644]. 2017: Любопытно, что у сына половецкого хана Кзы русское княжеское имя.

134—135. *Ту крѣваваго вина не доста, ту пирь dokonчяшиа храбриі русичи, сваты попоишиа, а сами полегошиа за землю Русьскую*. Наряду с традиционными метафорами-символами *битва* — *посев* и *жатва*, в литературе и фольклоре часто встречается метафора *битва* — *пир*, в особенности свадебный (см.: [Адрианова-Перетц 1947: 111]). Слово «сваты» употреблено в данном контексте не случайно: половецкие ханы и русские князья нередко на самом деле приходились сватами друг другу. Кончак, выдав дочь за Владимира Игоревича, стал сватом Игорю.

137—138. *Ничить трава жялощами, а древо ся тугою къ земли приклонило*. 1985: Образы глубокой скорби и печали, повторяющиеся еще раз далее (см. 353). Иллюстрируя их проявление в изобразительном искусстве Древней Руси, Д. С. Лихачев в качестве примера приводит клеймо иконы Богоматерь Одигитрия в Житии XV—XVI вв. [Лихачев 1978а: 351 и вклейка]. «Жялощами» — формы на «-ощи» встречаются, хотя и редко (см., однако: «Украдоша бо ны тогда жалощами и убиша ины в наю мѣсто» — «Укрыли тогда нас (двоих) из-за жалости и убили других вместо нас (двоих)» [Мешерский 1958: 249]), в древнерусском языке и довольно многочисленны в современном украинском [Булаховский 1978: 455]; «жялощами» — твор. пад. причины, употребление которого в данном значении широко представлено в «Слове...». 2017: Чтение *древо ся тугою...* становится общепринятым (см.: [Зализняк 2008: 466, 474; Чернов 2006а: 397, 408]). Ср.: «Всякая плоть — как трава, и всякая слава человеческая — как цвет на траве, засохла трава и цвет ее опал». 1 Пет. 1, 24, что дает сразу две мотивировки образу «Слова...». По про-

шествии некоторого времени приходится признать, что приоритет в прочтении разбираемого фрагмента «Слова...» как «*древо ся туюю... къ земли приклонилось* (или *преклонилось*)» принадлежит отнюдь не комментаторам издания 1985 г. Такое чтение предлагалось как минимум дважды в истории изучения текста «Слова о полку Игореве». Так читал это место «Слова...» П. В. Владимиров (1854—1902) в своем издании памятника [Владимиров 1894; 1900: 353] — ср., однако, в его же издании «с туюю» [Владимиров 1900: 348] (о нем см.: [ЭнциСПИг, т. 1: 215—216]), что отмечали позднее В. Н. Перетц и В. П. Адрианова-Перетц [Перетц 1926а: 217; Адрианова-Перетц 1966: 69]. Несколько ранее А. В. Лонгинов писал: «Обычное в „Слове“ отделение местоимения *ся* от связанных с ним глаголов и отсутствие его в одном из припевов при глаголе „*приклонило*“ побуждают читать „*ся туюю... приклонило*“» [Лонгинов 1892: 258]. В рецензии П. В. Владимирова на труд А. В. Лонгинова, где содержится анализ всех изменений текста, предлагавшихся А. В. Лонгиновым и его предшественниками [Владимиров 1895], это чтение не обсуждается.

Однако подлинный приоритет в чтении «*древо ся туюю...*» принадлежит даже не А. В. Лонгинову: более чем за 30 лет до него на возможность такого чтения данного фрагмента «Слова...» указал чешский филолог М. Гаттала (1821—1903) в своем издании текста памятника [Hattala 1858, str. 10] (о нем см.: [ЭнциСПИг, т. 2: 17—18]) причем, как и П. В. Владимиров, только при втором употреблении этой формулы. Думается, нет оснований удивляться тому обстоятельству, что впервые чтение этого фрагмента, предполагающее препозитивное и дистантное расположение показателя возвратности по отношению к глаголу, было впервые предложено именно чешским исследователем и поддерживалось в изданиях «Слова...», выходивших в Украине. Как отметил А. А. Зализняк, такое же чтение «*древо ся туюю ... преклонило*» предложил в 1948 г. Р. О. Якобсон [Jakobson 1966: 152—153]³, и А. А. Зализняк оценил его так «...между тем это одно из самых надежных исправлений во всем СПИ» [Зализняк 2008: 62]⁴.

140. *Уже пустыни силу прикрыла*. 1985: «Пустыни» — архаическая форма им. пад. ед. ч. на «-ни». «Сила» — в данном контексте поэтический синоним слов «дружина», «войско». «Вьстала Обида». Здесь «Обида» — персонифицированное олицетворение несчастья, горя, скорби. Как отме-

³ Ср., однако, перевод Р. Якобсона «деревья кручиной пригнуло к земле» [Якобсон 1958: 118, 121].

⁴ Автор настоящей статьи и Н. А. Мещерский предложили то же самое чтение независимо от Р. О. Якобсона. Работа Р. О. Якобсона, увы, осталась нам недоступной, и мы не могли проследить в полной мере историю появления этого чтения в практике издания «Слова...» и критики его текста. Остается непонятным, почему в соответствующем месте книги А. А. Зализняка отсутствует ссылка на «Слово о полку Игореве» (Л., 1985), хотя это издание «Слова...» есть в аппарате к книге.

часть Д. С. Лихачев, слово «обида» употребляется в отношении каких-то нарушений княжеских феодальных прав и княжеского достоинства [Лихачев 1978: 188]. Употребление этого слова в поэтическом контексте освобождает его от обычного присущего ему узкотерминологического значения и дает возможность осознать его как относящееся ко всей Русской земле. В данном случае поэтическая метафора сближает образ «Обиды» с былинно-сказочным образом девы-лебедя (см.: [Орлов 1936: 27—36]). 2017: Ср.: «Сделаю эту землю пустынею за то, что они вероломно поступали, говорит Господь Бог» (Иез. 15, 8). Характерная черта в использовании ветхозаветных образов в «Слове...» — изменение временного плана, преподнесение предсказаний как чего-либо свершившегося.

141. *На землю Трояню* — см. 34.

142. *Всплескала лебедиными крылы на синемъ морь у Дону*. 1985: Содержащееся здесь географическое указание на северную часть Азовского моря — устье Дона является довольно точным. Упоминание этих мест может быть намеком на то, что с поражением Игоря цель пробиться к Дону и тем более вернуть Тмуторокань стала недостижимой. 2017: В. Г. Складенко предлагает изменить членение текста на фразы и читать «Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы. На синѣмъ море у Дону плещучи, убуди жирня времена» [Складенко 2003, № 12].

143. *Плещучи, упуди жирня времена*. Написание первого издания «убуди», защищаемое некоторыми комментаторами (например: [«Слово...» 1967: 494]), вызывает сомнения. Перевод «растревожила времена обилия» недостаточно осмыслен и не соответствует общему контексту. Принимается поправка А. А. Потебни [Потебня 1878: 66], поддержанная В. Н. Перетцем, А. С. Орловым и И. П. Ереминым: «упуди» — «прогнала». «Жирня времена» — «времена изобилия, богатства». Ср. ранее: «погыбашеть жизнь».

143—144. *Усобиця княземъ на поганяя погыбе*. 1985: «Усобиця» — здесь: военные действия, наступления, походы на неприятеля. Общий контекст фразы и ее структура необычны: «усобиця... на поганяя, усобиця... погыбе», как и употребление дат. пад. для выражения принадлежности, не характерны для других древнерусских памятников. Возможно, в данном месте — порча текста или пропуск. 2017: Все же скорее всего здесь «усобиця» — это раскол бывших коалиций и родственных связей, процесс и результат обособления князей и княжеств друг от друга, как и следует из внутренней формы слова: смысл фразы — обособление князей, отсутствие консолидации, раскол стали для них смертельно опасными, приводят их к гибели.

144—145. *Рекоста бо брать брату: «Се мое, а то мое же»*. Перифраза юридической формулы, регулирующей княжеское право на удел: «се мое, а то твое» [Лихачев 1978: 186]. «Рекоста» — форма двойств. ч. 3-го л. аориста. Обращает на себя внимание игра формами грамматического чис-

ла: «рекоста» (двойств.) «и начяшя князи» (мн.) — в следующей фразе, что оттеняет усиление княжеских раздоров, о которых здесь говорится, не только между двумя, но и между всеми князьями.

145—147. *Начяшя князи... сами на себе крамолу ковати* — см. 107.

147—148. *Поганіи съ всехъ странъ прихощаду*. «Поганіи» — здесь имеются в виду не только половцы, но иноверцы, иноплеменники, язычники, нападавшие на Русь.

149. *О, далече заиде соколъ, птицъ бя, — къ морю*. Уподобление князя-воина соколу, преследующему птиц, сопровождается гиперболизацией масштабов похода. Возможно, однако, что в свете средневековых представлений о путешествии за море как о путешествии в потусторонний мир это место следует понимать так: «Игорь, будучи не в силах защитить себя и свою дружину, оказался на грани гибели».

150. *Игорева храброго пълку не крѣсити* — формула-рефрен, употребляемая и далее. Параллель ей встречается неоднократно в «Повести временных лет» и позднейших летописях (см.: [Адрианова-Перетц 1968: 116]).

150—152. *За нимъ кликну Карна, и Жыля поскочи по Русьской зем-ли*. 1985: Карна и Жыля — олицетворение ритуальной печали, связанной с погребальным обрядом. Карна, возможно, производное от «карити» — «оплакивать умерших», «править по ним тризну» [СлСпрСПИг, вып. 2: 178]. Древнерусское *жся, желя* («скорбь», «печаль») употребляется во многих древнерусских памятниках до XVII в. [СлСпрСПИг, вып. 2: 87—88]. Близкие по форме и значению слова сохранились в русских говорах: быть в жали — находиться в трауре; жальник — могила, кладбище; жальбище — опустошенное, разоренное место или остатки побоища; жалевой — траурный [Даль 1955, т. 1: 525]. 2017: эти взгляды поддерживаются современными комментаторами «Слова...» [Скляренко 2003, № 13].

152. *Смазу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ*. По мысли Д. В. Айналова, автор «Слова...» сравнивает скорбь и горе, распространяющиеся по Русской земле, с метанием греческого огня — зажигательной смеси, использовавшейся византийцами в морских сражениях и иногда применявшейся половцами на суше [Айналов 1934: 181—184]. Применение половцами греческого огня описывается в Ипатьевской летописи под 1184 г. (см. 228—229).

153. *Жены русьскыя въсплакашяся, а ркучи*. 1985: Помимо «Слова...», плач русских жен по погибшим в битве мужьям встречается в «Задонщине» и других воинских повестях. Однако соответствующий пассаж «Задонщины» содержит несколько плачей, произносимых конкретными женщинами-вдовами. Коллективный плач в «Слове...» — уникальное явление в древнерусской литературе. Синтаксический параллелизм этого отрывка характерен для языка фольклора и часто встречается именно в причитаниях, но в них мы нигде не находим той языковой отточенности и завершенности, какую видим здесь. «А ркучи» — в первом издании

«Слова...» и во многих последующих дается слитное написание союза [или частицы] «а» с причастием от глагола «речи», что не является правомерным. Многочисленные древнерусские тексты подтверждают раздельное функционирование и написание этих речевых элементов. 2017: Ср. в летописной повести о походе Игоря по Лаврентьевской летописи (под 1186 г.): «*стоагша на вежах 3 днѣ. Веселася, а рекуще братѣ наша ходили с Стѣславомъ великимъ*» князем и билися с ними зря на Переяславль, а инии сами к ним пришли, а в землю ихъ не смѣли по нихъ ити, а мы в земли ихъ юсмъ». В. Г. Складенко предлагает иное членение фрагмента на фразы: «*За нимъ кликну Кар(ѣ)на, и ж(ѣ)ля поскочи по Руской земли, смагу (людемъ) мычючи. Въ пламянѣ розѣ жены рускія въсплакашася, аркучи: „Уже намъ своихъ милыхъ ладѣ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати...“*» [Складенко 2003, № 14].

157—158. *Въстона бо, братіе, Києвъ тугою, а Чърниговъ напасть-ми.* Употребление творительного падежа причины обычно для текста «Слова...» и является особенностью авторского слога.

159. 1985: *Печаль жирна тече.* О прилагательном «жирный» ‘обильный’ см. 143. 2017: Ср.: «*Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте: смех ваш да обратится в плач, и радость — в печаль*» (Иак. 4, 9). См. далее: «Страны рады, гради весели» как смысловая инверсия сказанного в этом фрагменте и реализация оппозиции «радость—печаль», «смех—плач» по всему тексту памятника

160—162. *Погании сами... емляху дань по бѣлѣ отъ двора.* 1985: Многие комментаторы переводят: ‘по белке’ (см., например: [СлСпрСПИГ, вып. 1: 47]). Однако «бела» здесь — серебряная монета, а не беличья шкурка как денежная единица. Противопоставление «белы» и «веверицы» (т. е. белки) встречается в «Повести временных лет» (под 859 г.): «*А козари... имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ от дыма*». Достаточное число примеров употребления слова «бѣла» в значении ‘серебряная монета’ дает И. И. Срезневский [МСДРЯ 1958, т. 1: 217]. Слово «бѣла» в значении ‘мелкая серебряная монета’ является калькой соответствующего тюркского ақса, означающего серебряную монету.оборот «отъ двора» как формула обложения данью также встречается в «Повести временных лет» в рассказе о мести Ольги (под 945 г.). 2017: А. Ю. Чернов отметил, что в «Слове...» упоминаются только новгородские деньги — бела, ногата и резана [Чернов 2010: 129].

163—164. *Тая бо два храбрая Святъславличя... уже лжу убудиста которою.* 1985: «Храбрая» — прилагательное в форме двойств. ч. м. р. В тексте первого издания: «...лжу убуди, которую то...» «убуди» исправляется на «убудиста» по порядку согласования в числе глагола с именем «которою». Издатели явно приняли существительное «котора» (‘междоусобица’, ‘распря’, ‘раздоры’) за местоимение «который», однако в древнерусском языке местоимение «который» имело значение: какой-либо, некоторый. В переводе вместо следующего далее «ту» использовано со-

временное местоимение «который», присоединяющее определительное придаточное предложение. 2017: В. Г. Складенко все же предлагает читать: *«уже лжу убуди(ста), которую то бьше успиль отецъ ихъ Святъ-славъ грозный великий кїевскый грозою»* [Складенко 2003: № 15].

164—166. *Ту бьше успиль отецъ ихъ Святъславъ грозный великий Кїевъскый*. «Ту» — указ. местоимение ж. р. ед. ч. в вин. пад. Замена местоимения «то» на «ту» — традиционна. «Бьше успиль» — плюсквамперфект (давнопрошедшее время). Святослав Всеволодович (ок. 1125—1194) — двоюродный брат Игоря и Всеволода. В тексте он назван их отцом, так как в описываемое время он был старшим среди Олеговичей и самым старым среди русских князей, занимая наиболее высокое положение в княжеской иерархии. В 1180 г. Святослав становится великим князем Киевским и сам неоднократно участвует в походах на половцев.

166. *Бьшетъ притрепеталь* — форма плюсквамперфекта. Предлагалось исправление «притрепеталь» на «притрепаль» (Н. С. Тихонравов, Я. Малашев, Вс. Ф. Миллер, А. А. Потебня, П. В. Владимиров, В. А. Яковлев, Ф. Е. Корш, В. Н. Перетц, А. С. Орлов, Д. С. Лихачев), но такое исправление не является необходимым (см.: [СлСпрСПИг, вып. 4: 209—210], со ссылкой на Л. А. Булаховского).

168—169. *Притънта хълмы и яругы, възмути реки и озера, иссуши потоки и болота*. Походы Святослава уподоблены смерчу, проносящемуся над Половецкой землей, — развитие метафоры, вызванной многозначным существительным «грозою» и эпитетом Святослава «грозный».

170—171. *Поганого Кобяка изъ луку моря отъ железныхъ великихъ пълковъ половецкихъ яко вихрь вытьрже*. 1985: Кобяк Карлыевич — половецкий хан. В 1184 г. вместе «со двема сынома» попал в плен к русским во время одного из походов Святослава. «Отъ железныхъ великихъ пълковъ половецкихъ» — поэтическая гипербола. «Пълковъ» — редкая для XII в. форма род. пад. мн. ч. м. р. с флексией «-овъ». 2017: После выявления в русских говорах формы *вихрь* с твердым *р* в конце исправление текста уже не обязательно.

172—173. *Паде ся Кобякъ въ граде Кїеве, въ гриднице Святъславли*. «Гридница» — парадный пиршественный зал в княжеском тереме. Сюда, видимо, был приведен к Святославу пленный Кобяк.

173—174. *Ту немци и венецици, ту гръци и морава поють славу Святъславлю*. «Венецици» — венецианцы, «моравы» — жители Моравии. Сходный перечень народов имеется и в других древнерусских памятниках: в «Повести временных лет» (под 1111 г.), а также в «Житии Александра Невского», в «Слове о погибели Русской земли» (XIII в.).

174—175. *Кають князя Игоря, иже погрузи жырѣ во дне Каялы*. Территории, занимаемые перечисленными выше народами, располагались к западу или юго-западу от Руси (греческие и венецианские колонии были по всему Черноморскому побережью). Естественно, что эти народы восхваляют удачные походы Святослава, разгромившего их опасных восточ-

ных соседей — половцев, и тяжело переживают неудачный поход Игоря, открывший половцам дорогу не только на северо-запад, в русские княжества, но и на запад и юго-запад. Политические взгляды автора «Слова...» здесь хорошо согласуются со взглядами других древнерусских авторов XIII в. (ср.: «Слово о погибели Русской земли»).

176—177. *Игорь князь высьде изъ седла злата, а въ седло кощіево.* «Кощіи» — здесь: ‘невольник’, ‘пленник’ (см.: [Мещерский 1983а: 198]). О прилагательном «златъ» как постоянном эпитете княжеских атрибутов см. выше (51, 99), в данном случае этот эпитет включен в противопоставление, чем подчеркивается резкий поворот в судьбе героя повествования.

178. *Унышиа бо градомъ забрала, а веселіе пониче.* «Градомъ» — дат. пад. мн. ч., дат. локативный, который встречается и далее. «Забралами» называлась часть крепостной стены — крытая галерея, идущая по верху стен с внутренней стороны. Оттуда хорошо просматривались окрестности города. Образ городских стен, пребывающих в унынии и скорби, известен древнерусской книжности (см.: «забрала споня да излеють... слезы день и ночь») [Перетц 1930: 304] и фольклору: «а тут плакала не душа красна девушка, а тут плакала стена да городовая. Она ведает над Киевом несчастьице, она ведает над Киевом великое» [Гильфердинг 1949: 987]. «Веселіе пониче» — формульное словосочетание, встречающееся и далее.

179. *А Святъславъ мутень сонъ виде* и т. д. 1985: Обычно данный фрагмент текста имеет следующую пунктуацию: «А Святъславъ мутень сонъ виде въ Кіеве на горахъ. „Си ночь съ вечера одевахуть мя“, — рече...». Однако при таком чтении текст «Слова...» противоречит летописной повести о походе Игоря по Ипатьевской летописи, согласно которой во время похода Игоря Святослав не находился в Киеве: «Въ то же время великий князь Всеволодичъ Святославъ шель бяшетъ в Корачевъ и сбираетъ от верхнихъ земель вои, хотя ити на половци к Донови на все лето» [Ипат. лет. 1908: стб. 644—645]. Принятая здесь пунктуация первого издания устраняет это противоречие. Что касается приурочения погребального обряда, который видит во сне Святослав, к Киеву — великокняжеской резиденции, то надо иметь в виду, что великих князей Киевских, вне зависимости от места их смерти, хоронили в главных церквах Киева (см. 116, сообщение о похоронах Изяслава Ярославича, погибшего под Черниговом). Вещие сны, наполненные загадочными образами-символами, требующими толкований, — традиционный мотив средневековых литературных произведений, хроник, летописей. Его можно встретить и в библейских книгах, и в русском фольклоре [Перетц 1926а: 238—246]. Подробный разбор этого фрагмента «Слова...» сделан акад. М. П. Алексеевым [Алексеев 1950: 226—248]. «Мутень» — ‘неясный’, ‘непонятный’, ‘требующий разъяснений’. «Въ Кіеве на горахъ» — речевое клише, обозначающее верхнюю часть Киева, где располагались княжеский терем, Десятинная церковь, София. Это выражение встречается в Ипатьевской

летописи (под 1198 г.) и в других летописных текстах. 2017: Такие же сны встречаются в «Девгениевом деянии», греческий оригинал которого должен был быть знаком автору «Слова...»: «Слышав же то Амир царь и ужасень бысть, и призвав кметевъ своих и рече имъ: «Братия моя, силнии кмети! Видѣхъ я нощь сон, яко ястребы три биюще мя крылы своими и едва не предложиха на тѣло моему ранъ; занеже братаничи сии придутъ, а начнутъ прю творити» [Библиотека литературы 2004, т. 3: 62]; «Тоя же нощи царица Амира царя, прекрасная царица дѣвица, видѣша сонъ и ужасна бысть и повѣдаша братиямъ своимъ: «Братия моя милая, видѣла я сон: въ нѣкое время влетѣша в полату мою златокрылатый соколъ и ять мя за руку и изнесе из полаты моея, и потомъ прилетѣша три враны и напустиша на сокола, и соколъ мя опусти» [Библиотека литературы 2004, т. 3: 70]. Вера в вещие сны и рассказы о них осуждаются в ветхозаветных текстах, ср.: «Как обнимающий тень или гонящийся за ветром, так верящий сновидениям. Сновидения совершенно то же, что подобие лица против лица) (Сир. 34, 2—3). «Гадания и приметы и сновидения — суета, и сердце наполняется мечтами, как у рождающей» (Сир. 34, 5). Автор «Слова...» по отношению к снам явно предпочитает следовать современной ему литературной традиции вопреки наставлением Священного Писания. Сон со сходной символикой присутствует в «Сокровенном сказании монголов»: «Снился мне, сват Есугай, снился мне этою ночью сон, будто снишёл ко мне на руку белый сокол, зажавший в когтях солнце и луну. По поводу этого своего сна я говорил людям: Солнце и луну можно ведь видеть только лишь взглядом своим; а тут вот прилетел с солнцем и луной в когтях этот сокол и снишел ко мне на руку, белый спустился. Что-то он предвещает? — подумал лишь я, как вижу: подъезжаешь, сват Есугай, ты со своим сыном. Как случится такому сну? Не иначе, что это вы — духом своего Киятского племени — являлись во сне моём и предрекали!» [Сокровенное сказание 1941, § 63].

180—181. *Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, — рече, — чьрною паполомоу на кровати тисовѣ.* «Си ночь» — наречие времени, образованное соединением указательного местоимения «съ» с вин. пад. существительного. Подобная модель была широко распространена в русском языке во все периоды его истории и постоянно встречается в говорах. В первом издании *одевахуте* — скорее всего, смешение форм 2-го и 3-го л. мн. ч. Исправление, предложенное А. Глаголевым (*одевахуть*), является общепризнанным, так как согласуется со стоящими далее формами *чьрпахуть* и *сыпахуть*. *Одевати* в значении ‘покрывать одеялом, тулупом’ обычно для говоров. *Кровать* — слово греческого происхождения, в эпоху создания памятника было, по всей вероятности, заметным, ярким и экзотичным; на кровати могли лежать либо знатные, либо больные. «Тисовый» — из тисового дерева; по-видимому, традиционный эпитет, подвергшийся в фольклоре переосмыслению: «кровать тесовая». В «Слове...» упоминание о «кроватьи тисовой» могло быть символом смерти и гроба.

182. *Чърпахуть ми синее вино съ трудомъ смешено*. 1985: «Синее вино» — символ скорби и печали. В русском фольклоре выразительно противопоставление «зеленого вина» (молодого виноградного вина), не-пременного атрибута пиров, и «синего вина» (крепкой водки или спирта), которое могло употребляться при бальзамировании умершего либо быть ритуальным питьем при похоронном обряде. Символическое значение цвета вин в XVIII в. служит темой стихотворения Г. Р. Державина «Разные вина» (1782). 2017: Ни в одном из известных нам ныне комментариев к «Слову...» не учтено то, что слово *вино* в украинском языке имеет значение ‘виноград, ягоды винограда, виноградная лоза’ и ‘виноградное вино’. Таким образом, с учетом данных украинских говоров, *синее вино* в «Слове...» — не обязательно алкогольный напиток, это могут быть и черные виноградные ягоды, возможно, использовавшиеся в обряде. Известно, что «плети винограда были символами спасения в погребальном искусстве» [Тресиддер 1999: 43]. То, что лексема *вино* в «Слове...» может не относиться к напитку, вообще упущено авторами Энциклопедии СПИГ [Энц СПИГ, т. 1: 197—198].

Съ трудомъ смешено — 2017: Перевод ‘со скорбью смешанное’, данный в издании 1985 г. и даже повторенный в монографии 2012 г. [Олядыкова, Бурыкин 2012: 236], верен только если понимать слова «синее вино» как напиток. Известно, что прилагательное *трудный* в «Слове...» имеет семантику ‘скорбный, печальный’, синонимом слова *печаль* в памятнике является слово *туга*, встречающееся 7 раз в одном и том же значении. Слово *трудъ* встречается всего один раз — после двух употреблений слова *туга*. Напрашивается предположение, что в авторском тексте «Слова...» читалось «...синее вино съ *тугою* смешено», где в этом контексте присутствовало слово, эквивалентное древнетюркскому *tögi* ‘пшено’ ([Древнетюркский словарь 1969: 579], ср.: ногайское *дубги*, кумыкское *дюгю* ‘рис’), в этом значении не понятое переписчиком мусин-пушкинской тетради и замененное синонимом. В этом случае «*синее вино съ трудомъ (тугою) смешено*», т. е. ягоды винограда, смешанные с рисом или пшеном, — классическая славянская кутья, блюдо поминального обряда. Как отмечается, в древности кутья делалась и из пшена, хотя и нечасто, а приготовление ее из риса относится к позднему времени [Валенцова 1995: 69—71]; возможно, кутья с рисом во второй половине XII в. в Киеве составляла особенную роскошь поминальной трапезы. О. Сулейменов предлагал видеть здесь чагатайское *турта*, османское *турту* ‘осадки, подонки’ [Сулейменов 1991: 57], ср.: турецкое *tortu* ‘осадок, отстой, гуща’ (вопреки О. Сулейменову, явно не связанное с турецким *dur-mak* ‘стоять’), однако после того, как оказывается, что *синее вино* — не напиток, эта версия отпадает вообще.

183—184. *Сыпахуть ми тыщими тулы поганыхъ тълковинъ великыи женчюгъ на лоно*. «*Тыщими тулы*» — ‘пустыми колчанами’. По смыслу это словосочетание перекликается с содержащимися выше в тек-

сте фразами: «*итти дождю стрелами*», «*прищещи на вои стрелами*». Подробный комментарий к слову «тълковинъ» — ‘переводчик’ — дает К. Г. Менгес [Менгес 1979, с. 146—150]. По народным поверьям, видеть во сне жемчуг означает горько плакать, лить крупные слезы. В качестве параллели ко сну Святослава исследователи часто приводят сон князя Мала из «Повести временных лет» по тексту «Летописца Переславля Суздальского»: «*и сонъ часто зряше Малъ князь: се бо пришедъ Ольга дааше ему прѣты многоцѣнны червены вей жемчужомъ иссаждены и одеяла чрѣны съ зелеными узоры*» [Лихачев 1978: 229—231]. Однако отличие сна князя Мала от сна Святослава заключается в том, что Мал видит во сне события, предвещающие его смерть, а Святослав — собственные похороны.

184. *Нѣкують мя*. А. А. Потебня, а позже и многие другие комментаторы, унифицируя временные формы глагола в данном предложении, исправляли «негують» на «неговахуть», однако это исправление излишне, так как завершение цепочки имперфектных сказуемых формой настоящего времени может нести определенную стилистическую нагрузку.

184—185. *Уже дѣски безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовѣрстѣмъ*. 1985: «Кнесъ» — верхний продольный брус кровли. Здесь отразились существовавшие до недавнего времени представления о том, что для облегчения страданий умирающего необходимо приподнять или убрать конек крыши (или матицу), отчего будто бы ускоряется смерть [Валенцова 1995: 17]. Вообще эта примета считается предвестием беды. Сложносоставной эпитет «златоверхий» является традиционным и для книжности, и для фольклора [Перетц 1926: 109—110]. 2017: Прилагательное *златовѣрхыи*, как мы полагаем, вместе с этим пассажем в целом и другими строительными образами «Слова...» (*клюками подѣтърся о кони*), указывает на профессию автора — архитектора и специалиста по декору зданий. Спорным представляется мнение В. Г. Скрыренко о том, что *кнѣсь* — это опорный столб терема [Скрыренко 2003, № 17].

186. *Бусови врачѣ възгряху*. 1985: В первом издании: «босуви». Исправление предложено В. Макушевым и поддержано подавляющим большинством последующих комментаторов, однако в понимании этого прилагательного существуют различия. Согласно традиции, восходящей к Я. О. Пожарскому и А. Ф. Вельтману и развитой О. М. Огоновским и А. И. Смирновым, «Бусови» — притяжательное прилагательное от имени антского вождя VI в Бус (Боз). 2017: В единственном числе форма *бусувъ* выглядела бы как закономерная западнославянская форма притяжательного прилагательного с удлинением гласного в суффиксе. Можно связывать это прилагательное с диалектным «бусый» (серый), но исправление в тексте не требуется; Л. В. Соколова указывает на формы *бусый*, *бусовый*, *босый*, *бусовый* «серый с различными оттенками» [Соколова 2002: 4]. «Възгряху» — имперфект многократного вида. В. Г. Скрыренко считает, что Бус — имя половецкого хана [Скрыренко 2003, № 18], но такого имени в доступных источниках нет.

186—187. *У Плесньска на болони*. 1985: Топоним «Плесньскъ» приурочивается к пойме Днепра в окрестностях Киева. «Болонь» — заливной луг в пойме реки: по-видимому, географически точное указание на местность выше Киева по правому берегу Днепра (ср. современное название Оболонь — один из районов в Киеве). 2017: О Плесньске см.: [Котков 1961: 64—68; Звагельский 2014: 172—181; Войтович 2011: 52].

187. *Бѣша дебри Кыянѣ* — 1985: Место очень темное, до сих пор не получившее окончательного истолкования. В тексте первого издания здесь читается: «дебрь кисаню», в Екатерининской копии: «дебрьски сани». Принимаем исправление А. А. Потебни «дебри кияне» [Потебня 1878: 81], аргументированное географически в специальной статье [Шарлемань 1950: 209—211]. Чтение самого Шарлеманя «дебрь киянь» неприемлемо, так как глагольная форма «бѣша» требует существительного во мн. ч. Из других объяснений заслуживают упоминания интерпретации В. Н. Перетца, А. С. Орлова и М. В. Щепкиной: «дебрьски сани» — «лесные змеи» [Перетц 1926а: 254—259; Орлов 1946: 117; Щепкина 1950: 195]. 2017: Чтение *дебрьски сани* см. еще: [Обнорский, Бархударов 1999: 228; Зализняк 2008: 467; Чернов 2006а: 399]. Перевод «*у Плесеньска на низком берегу разверзлись овраги Кияни*» не является единственно возможным: возможно, что *дебри Кыянѣ* или *дебри Кыяни* — форма беспредложного местного падежа и эти слова уточняют то место, где именно «*Бусови врачѣ възграяху*». См. еще: [Котков 1961: 78].

Несошяся къ синему морю. 1985: В первом издании: «не сошлю», что не дает смысла. Уже А. Ф. Вельтман, М. А. Максимович и А. Ф. Гильфердинг исправили это место на «несошясь — несошяся». При подобном толковании текста смысл его таков: овраги, располагающиеся севернее Киева, выше по течению Днепра, подступают к городу и простираются дальше на юг, к синему морю. «Синее море» — обозначение Черного моря как географическое название. Оно встречается в памятнике неоднократно, причем иногда в контекстах, не оставляющих сомнения в географической точности: «*обида... всплескала лебедиными крылы на сине море*», «*се бо готьскія красныя девы вспеша на брезе синему морю*», «*телеючи корабли на сине море*». Топоним «синее море», возможно, является калькой иранского названия Черного моря (ср.: авестийское *ахдаэпа* — «темноцветный»; персидское *хасин* — «темно-синий»), которое было заимствовано греками и сохранено в греческом названии Черного моря *Πόντος Εὐξείνους* (см.: [Фрейман 1930: 647—651]). 2017: По В. Г. Скляренко, следует читать так: «*На болони бѣша дебрыѣ и(с) сан(ь)ю, и несоша(с) ѿ къ синему морю*» [Скляренко 2003, № 19].

188. *Рѣкошя бояре князю*. Отрывок из поэмы до слов: «*а мы уже дружина жьядни веселія*» излагает ранее известное читателю содержание, но в совершенно другой словесной форме — форме иносказания: реальные персонажи заменены символами. По поэтике и способу включения в текст этот отрывок близок стихотворным вставкам-висам исландских

саг, которые также в иной форме излагают уже известные читателю события (см. об этом: [Стеблин-Каменский 1984: 64]). Интересной языковой особенностью отрывка является чередование глагольных форм перфекта с формами аориста при преобладании первых: известно, что перфект в устной разговорной речи употреблялся значительно чаще, чем другие формы прошедшего времени, это придает тексту менее книжный характер.

189. *Два сокола слетѣста съ отня стола.* Уподобление князя соколу встречается в тексте постоянно. «Слетеста» — форма 3-го л. двойств. ч. аориста.

190. *Поискати града Тьмutorоканя* — см. 57.

191—193. *Уже соколома крыльця припѣшали поганыхъ саблями, а самую опуташя въ путины железны.* «Соколома» — форма двойств. ч. дат. пад. «Припешали» — подрезали крылья, сделали «пешим», неспособным летать [СлСпрСПИг, вып. 4: 206]. В Екатерининской копии — «самого», что выпадает из ряда форм двойственного числа, согласующихся друг с другом. «Самую» — форма вин. пад. двойств. ч. местоимения «самъ». Метафора «князь-сокол» распространяется, способы ее развертывания говорят о знакомстве автора с соколиной охотой [Адрианова-Перетц 1968: 131].

193. *Тьмно бо бѣ в г (3-й) день.* Именно на третий день завершились военные действия. *Два сынця* — князья Игорь и Всеволод.

196. *Молодая месяца, Олегъ и Святъславъ.* Имена княжичей, включенные в текст, представляют трудности для объяснения. Олег, младший сын Игоря, не мог принимать участия в походе, так как был еще слишком юн. Правдоподобно мнение тех исследователей (А. А. Потебня, С. К. Шамбинаго, А. С. Орлов, И. П. Еремин, Л. А. Творогов, Р. О. Якобсон), которые видят здесь интерполяцию, восходящую к одному из позднейших списков «Слова...», когда имена его персонажей уже не были широко известны. Этим объясняется ошибка: Олег вместо правильного Владимир (сын Игоря). Под вторым месяцем, видимо, подразумевается князь Святослав Рыльский.

195—197. *Въ море погрузиста, и великое буйство подаст хынови... тьмою ся поволокоста.* 1985: В первом издании «Слова...»: «и въ море погрузиста и великое буйство подасть хинови» — эта фраза стоит после слов «аки пардуже гнездо». Перестановка, необходимость которой обосновывается согласованием глагола по двойственному числу, является общепринятой. Возможно, что эти слова попали не на свое место из-за того, что в одном из протографов мусин-пушкинской рукописи «Слова...» они составляли целую строку и были при переписке пропущены, а потом, примерно через две строки, вставлены. Со времен М. А. Максимовича (см.: [Перетц 1926а: 112, примеч.]) этот отрывок текста помещается после слова «поволокоста». Однако, принимая во внимание объем строки рукописи (42—43 знака), при переписке которой произошла перестановка,

можно думать, что перенесенная строка располагалась после слова «погасоста» и была вписана ровно тремя строками ниже. Но возможна и иная интерпретация: Р. О. Jakobson предлагает читать так: *«два солнца померкоста, оба багряная стълпа погасоста и въ море погрузиста, и съ нима молодая месяца тъмоу ся поволокоста. На реце на Каяле тъма светъ покрыла, по Русьской земли простроися половци аки пардуже гнездо, и великое буйство подастъ хынови»* [Jakobson 1958: 119]. Этноним «хынови» нигде, кроме «Слова...», не встречается — в «Задонщину» он попал из «Слова...». Исследователи (А. И. Соболевский, В. Р. Кипарский, Д. Моравчик, К. Г. Менгес) видят в этом этнониме обозначение гуннов и убедительно полагают, что впоследствии этим словом стали называть венгров (см.: [Менгес 1979: 168—170]). Смысл этой реплики таков: победа половцев над войском Игоря заставила венгров беспокоиться о безопасности своих земель, так как путь половцам на запад был открыт (см. 174—175). «Буйство» — здесь: ‘беспокойство’, ‘страх’, ‘ужас’ (ср. дальше; ‘буйство» — ‘ярость’, ‘неистовство»). 2017: А. Ю. Чернов указывает, что буйство — ‘смелость’, ‘дерзость’ [Чернов 2010: 146]. Два «багряная стълпа» — видимо, лучи солнца на закате, пробивающиеся сквозь плотные облака; такое зрелище является довольно редким и более претендует на знамение, нежели месяц (луна), закрывающийся плотными облаками.

198. *Простроися половци аки пардуже гнездо.* 1985: «Пардуже» — притяжательное прилагательное от «пардусь». Н. В. Шарлемань, а вслед за ним и другие комментаторы истолковывают древнерусское «пардусь» как ‘гепард’, отмечая, что гепарды использовались на охоте как ловчие звери [Шарлемань 1948: 119—121]. То, что гепарды охотятся обычно выводком — «гнездом», наблюдали специалисты-зоологи [Воробьев 1973: 44]. Трудно, однако, судить, что именно отразилось в сравнении половцев с пардужим гнездом — использование гепардов на охоте или личные наблюдения автора над тем, как охотятся в природных условиях хищники семейства кошачьих — гепарды и барсы. Изображение трёх гепардов, поваливших на землю дикого коня или онагра, встречается во фресках Софии Киевской (см.: [Шарлемань 1960: 614]). С. К. Шамбинаго, В. Ф. Ржига считали, что пардусы «Слова...» — это барсы. В древнерусских апокрифических памятниках половцы (куманы) сравниваются с гепардами и отождествляются с ними: *«куманинь пардусь есть, угринь рысь есть...»*, *«куманинь пардусь, болгаринь быкъ, сръбинь вълкъ»* (см.: [Перетц 1926а: 263]). 2017: Аргументом против отождествления пардужьего гнезда с выводком барсов-ирбисов является то, что барс в «Слове...» именуется *лютým зверем*. Далее, по информации биологов, у барсов рождается только два, редко три детеныша, в то время как у гепардов — от двух до шести котят, при этом гепарды-самцы в природе охотятся коллективами-коалициями.

199. *Снеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю.* Персонификация абстрактных понятий, характерная для авторского стиля «Слова...» (см. о слове «обида» 140).

200. *Уже вѣржеся Дивъ на землю.* 1985: Это место нелегко поддается истолкованию. Связь его с пассажем «Дивъ кличет вѣрху древа» трудно объяснить. Кроме того, в обоих случаях неясно, кому покровительствует Див — русским или половцам. Поражение русских символизируется в тексте через низвержение кумиров; божество, чисто условно понимаемое, низринутое на землю, усиливает трагизм изображаемого положения. 2017: Фраза пополняет логический ряд акциональных инверсий, характерных для композиции слова, ср.: *луци напряжении — луци съпряже.*

200—201. *Готьскыя красныя девы вѣспеша на брезе синему морю.* Речь идет о крымских готах, или готах-тетракситах, которые жили в Крыму до XVIII в. В эпоху «Слова...» готы поддерживали торговые отношения с половцами и, вероятно, имели с ними политический союз. Совсем недавно Д. С. Лихачев выдвинул новое предположение: готские девы — это северные готы, жители Готского берега — острова Готланд в Балтийском море [Лихачев 1985: 511—512].

201—202. *Звоня Русьскымъ златомъ.* Очевидно, часть добычи, захваченной половцами, попала в руки готам.

202. *Поють время Бусово* — вспоминают победы своего вождя Винитара над славянами и их предводителем Бозом (см.: [Иордан 1960: 115]). По мнению других ученых (И. П. Еремин, О. В. Творогов), здесь речь идет о каком-то половецком хане XI в., который мог прославиться походами на Русь.

Лелеють месть Шароканю. Шарукан — половецкий хан, дед Кончака. Он упоминается в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 1107 г., в Ипатьевской летописи — под 1111 г. и в Новгородской первой летописи. Походы с участием Шарукана на Русь почти всегда оканчивались неудачей, один раз он «едва утече», а в другой раз попал в плен. В данном случае «девы готские» радуются отмщению за поражения прямого предка Кончака. Налицо композиционный параллелизм: потенциальные союзники Руси «поють славу Святъславлю, кають князя Игоря», «девы готские» — союзники половцев — «поють время Бусово, лелеють месть Шароканю». Политический кругозор автора «Слова...», отмечающего значение описываемых событий для соседей и союзников русских и половцев, выходит за пределы враждующих сторон.

203. *Мы уже дружина жидни веселія.* Заклчительная фраза речи бояр, непосредственно следующая за описанием ликующих по поводу поражения Игоря готов, приобретает следующий смысл: дружина Святослава призывает его возглавить объединенный поход русских князей с целью окончательно разгромить половцев и положить конец их набегам.

204. *Тгда великыи Святъславъ изрони злато слово.* 1985: По поводу вопроса, где заканчивается «золотое слово» — речь Святослава, обращенная к русским князьям, существуют разные мнения. Трудность этого вопроса заключается в том, что тот текст, который можно было бы считать «золотым словом» Святослава, сложен по композиции. Он включает

обращение Святослава к Игорю и Всеволоду, призыв к русским князьям — «загородите поля ворота» — и рассказ-воспоминание о полоцких князьях. Подобное композиционное членение текста в отношении к «золотому слову» было предложено А. А. Потебней и поддержано В. Н. Перетцем и последующими исследователями. Несколько иную точку зрения высказал И. П. Еремин, который считал, что в «золотом слове» чередуется авторская речь и речь его персонажа — Святослава, что, по его мнению, характерно для авторского стиля произведения в целом (см.: [Еремин 1950: 110—111]). В публикуемом тексте «Слова...» окончание речи Святослава кавычками не фиксируется. События и самый текст «золотого слова» очень близки к рассказу Ипатьевской летописи, где говорится, что, узнав о поражении Игоря, Святослав, *«то слышавъ и вельми въздохнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: „О любы моя братіе и сынове и муже земли руское... не въздержавше уности отвориши ворота на Русьскую землю“»* [Ипат. лет. 1908: стб. 645]. Согласно Ипатьевской летописи, Святослав, будучи в Чернигове, слушает рассказ Беловолода Просовича, *«прибѣжавшего съ тоя брани»*, о поражении Игоря; в «Слове» местом действия является Киев — стольный град великого князя. 2017: См. также: [Соколова 2002].

205—206. *Моя сыновья, Игорю и Всеволоде*. 1985: «Сыновья» — форма зват. пад. двойств. ч. от «сыновья» — ‘племянник’. В первом издании и Екатерининской копии — «сыновья», что отражает диалектное смешение «щ» и «ч». Святослав называет своих двоюродных братьев Игоря и Всеволода племянниками по праву старшинства, по возрасту и месту в княжеской иерархии. Как отмечено выше, автор «Слова...» по той же причине называет Святослава отцом Игоря и Всеволода. 2017: До сих пор не совсем ясно, что означает слово сыновець — ‘сын брата’ или ‘сын умершего брата’; значения древнерусских терминов родства требуют тщательной проверки в увязывании с датами жизни тех лиц, степень родства с которыми обозначается тем или иным термином.

206—207. *Рано еста начала Половецкую земли мечи цвѣлити*. «Цвелити» — ‘дразнить’, ‘раздражать’, ‘терзать’. Глагол «квелить» встречается в современных среднерусских и южнорусских говорах в том же значении (см.: [Мещерский 1956: 79]).

207. *а себѣ славы искати*. 2017: Ср.: «Как нехорошо есть много меду, так домогаться славы не есть слава» (Притч. 25, 27). Святослав выражает ту же мысль: поиски славы сами по себе славы не принесут.

207—208. *Нѣ не честно одолѣсте, не честно бо кровь поганую проліясте*. Обычно это место переводят: ‘но не по чести одолели’, что не имеет должного смысла: Игорь и Всеволод не «одолели» половцев, а потерпели поражение от них. Общий смысл таков: Игорь и Всеволод не смогли одержать над половцами победу, достойную их чести.

208—210. *Ваю храбрая сьрдця въ жестоцѣмъ харалузе скована, а въ буести закалена*. Параллель этой изысканной метафоре имеется в

фольклоре: «*Ты родимая матушка, у тебя сердце каменно, во булате сковано*»; «*Гораздо у тебя, брателко, в булате сердце заковано*» (см.: [Перетц 1926а: 267]); «*<У свекра> сердце каменно, в буети заковано, в булате сварено*» [Шептаев 1957: 427]. Однако слово «булат» вошло в русский язык не ранее XIV в. Слово «харалуг», по-видимому, является своеобразным авторским неологизмом, образованным от прилагательного-эпитета «харалужный» (см. 97—98). Случаи заимствования метафор и словесных формул фольклором из памятников книжной словесности достаточно широко известны [Перетц 1926а: 67]. «Ваю» — род. пад. двойств. ч. местоимения «вы».

210. *Се ли створиште мои сребрени сѣдинѣ*. 1985: Обращает на себя внимание аллитерация — скопление слов с начальным «с»: это один из самых ярких примеров аллитерации в «Слове...». 2017: Ср.: «*Слава юношей — сила их, а украшение стариков — седина*» (Притч. 20, 29); Святослав намекает, что юношеская сила князей нанесла урон его возрастным качествам — мудрости

211—212. *Многовои брата моего Ярослава*. Ярослав Всеволодович — родной брат Святослава Киевского, князь Черниговский (1140—1198). В 80-е гг. XII в. Ярослав по крайней мере трижды (в 1183, 1184, 1187 гг.) отказывался от участия в походах на половцев. «Многовои» — подобные сложносоставные слова в древнерусских текстах обычно имели яркую стилистическую окраску. Смысл этого эпитета: имеющий множество воинов, повелевающий многочисленными войсками. Начальная форма — «многовая», так что в тексте правильно образован род. пад.

212. *Съ Черниговскими былями*. В Черниговской земле обитали тюркские кочевые племена, подвластные Ярославу, их старейшины носили тюркский титул «быля», хорошо засвидетельствованный древними тюркскими источниками и вошедший в общеславянский язык (см.: [Менгес 1979: 91—92; Мещерский 1983а: 194]).

213—214. *Съ могути, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчаки, и съ ревугы, и съ ольбѣры*. Относительно этого перечня собственных имен существуют две точки зрения. Одни исследователи (С. Е. Малов) считают их титулами, чинами или прозвищами высокопоставленных лиц тюркского происхождения, другие (П. М. Мелиоранский, Ф. Е. Корш, Н. А. Баскаков, К. Г. Менгес) видят в них этнонимы — названия племен или родовых групп (см.: [Менгес 1979: 117—118, 136—137, 174—180, 145—146, 127—128, 122—124; Баскаков 1982: 14—29; Ковалев 2000]).

214—216. *Ти бо бесъ щитовъ съ засапожники кликомъ тьлкъ побеждають, звонячи въ прадѣдную славу*. 1985: «Засапожники» — ножи, носившиеся за голенищем и используемые в рукопашной схватке. Трудно согласиться с тем, что данная фраза относится к тюркским племенам, находящимся в вассальной зависимости от Чернигова, неясно также, о какой «*прадедней славе*» может идти речь. Возможно, что в тексте пропуск. Но вероятно, впрочем, что «прадедняя слава» — это слава Мстислава, прапрадеда героев «Слова...» (см. 10—12). 2017: См.: [Одинцов 1984].

216—217. *Нъ рекосте: «Мужаимеся сами, преднюю славу сами похытимъ, а заднею ся сами поделимъ!»* «Мужаимеся» — редкая форма I-го л. двойств. ч., не опознанная издателями (в тексте: «му жа име ся»), эта форма была правильно объяснена А. С. Шишковым в 1805 г. Как показал акад. Д. С. Лихачев, «предняя слава» — слава времен минувших, «задняя слава» — слава настоящая или грядущая. Таким образом, Игорь и Всеволод намеревались «похитить» славу прежних походов на половцев и «поделить» славу своего похода [Лихачев 1978: 202—203]. «Похытимъ» — поддержим [Мещерский 1956: 82—83]. «Заднею» (вместо читаемого в источниках текста «заднюю») — поправка А. А. Потебни, О. М. Огоновского, Л. А. Булаховского [Булаховский 1978: 488].

218—220. *Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду.* 1985: Как объяснил Н. В. Шарлемань, термином «въ мытехъ бываетъ» охотники «...обозначают линьку, главным образом тот период, когда молодая птица надевает оперение взрослой птицы, т. е. достигает половой зрелости. Птицеводам хорошо известно, с какой отвагой прогоняет сокол от своего гнезда даже значительно более сильного, чем он сам, орла-беркута» [Шарлемань 1948: 112]. Эта фраза имеет параллели в других памятниках. Как отмечает В. П. Адрианова-Перетц, «...в поздних списках „Повести об Акире“ появляются вставки в старый текст, упоминающие о линьке сокола. „Егда бо соколь трехъ мытеи бывает он не даст ся с гнезда своего взятии“» [Адрианова-Перетц 1968: 141]. На этом основании некоторые исследователи предполагают, что в авторском оригинале «Слова...» было: «г мытеи», т. е. «трех мытей» [Творогов 1969: 114]. В хорватском эпосе и сербохорватской письменности XV—XVII вв. встречаются эпитеты сокола «тројемитар», «тричмитар» и «митар» [СлСпрСПИг, вып. 6: 227—229]. 2017: См. также: [Соколова 1996].

220—221. *Нъ се зло, княже ми непособіе.* «Княже» — притяжательное прилагательное, ср. р. ед. ч. «Непособіе» — отсутствие помощи, нежелание помочь. В переводе здесь сохранен номинативный тип предложения, характерный для оригинала и несущий определенную стилистическую окраску.

221. *Наниче ся години обратия.* 1985: Н. С. Тихонравов перевел «наниче» — «иным образом», «иначе» — и привел пример из «Лексикона трязычного» Ф. П. Поликарпова: «наничь одежду одевати» — «надевать одежду наизнанку» [Тихонравов 1866: 35]. Перевод «наизнанку» поддерживали А. А. Потебня и В. Н. Перетц, что нашло обоснование в повсеместном употреблении слова «наниче» в данном значении в великорусских говорах (см.: [Мещерский 1956а: 8]). 2017. С предложенным здесь пониманием текста согласился А. Ю. Чернов [Чернов 2006: 238; 2006а: 51], однако украинские лексемы *наніц*, *наніч* имеют значение «безрезультатно», «напрасно», «на нет», «насмарку», что в большей степени соответствует контексту памятника. В. Г. Сkläренко предлагает понимать это место на

основе украинского фразеологизма «в ніщо добрі часи обернулися» [Скляренко 2003, № 23].

222—223. *Се у Римъ кричать подъ саблями половецкими, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глебову.* 1985: Имеется в виду город Римов, разоренный половцами под предводительством Кончака после победы над Игорем. Володимиръ — Владимир Глебович, князь Переяславский, сын великого князя Глеба Юрьевича (ум. 1171), родной племянник Андрея Боголюбского. Обороняя Переяславль от половцев Кончака, он, как сообщает летопись, получил три «смертные раны», от которых скончался позднее, 18 апреля 1187 г., когда ему не было и тридцати лет. Обращает на себя внимание искреннее сочувствие автора «Слова...» к этому князю: можно думать о знакомстве автора с деталями и подробностями походов Владимира Глебовича на половцев (см. 229). 2017: Сцена нападения половцев на Переяславль, где Владимир Глебович был трижды ранен, изображена в Радзивилловской летописи (ил. 588).

224. *Великий княже Всеволоде.* 1985: Призыв к русским князьям, вложенный автором в уста Святослава Киевского, содержит одновременно восхваление их былых ратных подвигов и воинской доблести, не утраченной ими, и укор за отсутствие общих военно-политических устремлений, желание обособиться, ограничиваясь интересами своих удельных княжеств. В призыве названы лишь наиболее значительные владельцы уделов, хотя он обращен не только к отдельным князьям. Именно эту мысль автора «Слова...» имел в виду в своем широко известном высказывании К. Маркс: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ» [Маркс, Энгельс 1962, т. 29: 16]. Всеволод — Всеволод Юрьевич (1154—1212), сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха, князь Владимиро-Суздальский. Он первым из владимирских князей принял титул великого князя. Возможно, поэтому Святослав должен был обращаться к нему в первую очередь. 2017: Этот князь известен в исторической литературе как Всеволод Большое Гнездо. Отдельного внимания заслуживает отношение автора «Слова...» к князьям, находящимся в близких степенях родства с Андреем Боголюбским. В «Повести об убиении Андрея Боголюбского» Великим князем называется сам Андрей Юрьевич.

225. *Отня злата стола поблюсти.* Возможно, имеется в виду не Киев, которому непосредственная опасность не угрожала, а осажденный половцами Переяславль, традиционно находившийся во владении потомков Юрия Долгорукого. Владимир Глебович Переяславский (см. 222—223) приходился Всеволоду Юрьевичу племянником. Любопытные сведения об использовании «Слова...» в XVI в. при составлении «Степенной книги» в повествовании о деятельности Всеволода см.: [Альшиц 1958: 69].

226—227. *Ты бо можешши Вългу веслы раскропити, а Донъ шеломы вълъяти.* 1985: Имеется в виду успешный поход Всеволода на волжских болгар, состоявшийся летом 1183 г. 2017: то, что при указании на этот по-

ход не упоминаются сами волжские болгары, может быть проявлением своеобразной негативной топики автора, согласно установке которой в сочинениях не упоминаются те народы, представители которых совершили преступления против русских князей и запятнали репутацию народов (в «Слове...» не упоминаются торки, потому что один «торчин» был убийцей Глеба, а другой принимал участие в ослеплении Василька Теребовльского; в нем не упомянуты ясы-осетины, так как «ясин» Анбал был одним из убийц Андрея Боголюбского). Волжские болгары дважды упоминаются только в Пространной редакции «Повести об убиении Андрея Боголюбского» в тех фрагментах, которые, видимо, были дописаны в продолжении Краткой редакции повести, принадлежащей Кузьмищу Киянину.

227—228. *Аже бы ты былъ, то была бы чяга по ногатѣ, а кощеи по резанѣ.* «Чяга» — девушка-невольница. «Ногата» — двадцатая часть гривны, основной денежной единицы Древней Руси. «Кощеи» (см. 176—177). «Резана» — пятидесятая часть гривны. Смысл всей фразы: если бы Всеволод принял участие в походе на половцев, то цена на холопов из пленных кочевников стала бы баснословно низкой.

228—229. *Можешии посуху живыми шереширы стреляти.* 1985: «Шереширы», как правильно поняли уже первые издатели, — «неизвестный уже ныне военный снаряд» [Слово 1800: 29, примеч.]. Большинство комментаторов сходится в том, что шереширы — это снаряды, содержащие так называемый греческий огонь, т. е. зажигательную смесь. Наиболее подробное обоснование такой точки зрения см.: [Айналов 1934: 184—185]. Обзор этимологий этого восточного слова см.: [Мещерский, Бурыкин 1984: 70—73]. Появление слова «шереширы» в тексте памятника (нигде более оно не встречается), по всей вероятности, связано с объединенным походом русских князей на половцев в 1184 г., когда русские захватили в плен «мужа бесурмения», стрелявшего «живым огнем». 2017: Указание на применение малоизвестного оружия «посуху», в котором обоснованно видится «греческий огонь» — морское оружие византийцев, применяемое по кораблям (не только в морском бою, но и с берега), и на знание автора об этом оружии подтверждается изображениями РЛ (ил. 52, 53).

229. *Удалыми сыны Глѣбовы* — сыновья рязанского князя Глеба Ростиславича, участвовавшие в походе Всеволода на волжских болгар в 1183 г.

230. *Ты буи Рюриче и Давыде.* «Буи» — здесь, как и выше (см. 42), храбрый, неистовый. Рюрик (ум. 1212) и Давыд (ум. 1197) Ростиславичи — сыновья Ростислава Мстиславича, внуки Мстислава (см. 10—11), правнуки Владимира Мономаха. Рюрик Ростиславич был соправителем Святослава и владел всеми городами Киевской земли, кроме Киева, которым время от времени тоже завладевал. Был женат на знатной половчанке, дочери хана Билюка. Давыд Ростиславич — князь Смоленский. Если Рюрик часто не без успеха предпринимал походы на половцев, то Давыд

Ростиславич предпочитал с ними не воевать, и в 1184 г. во время совместного похода русских князей на половцев он, не вступая в бой, увел свою дружину назад в Смоленск.

230—231. *Не ваю ли <вои> злачеными шеломи по крови плавашия?* 1985: «Ваю» — род. пад. двойств. ч. местоимения «вы». Слова «вои» нет в тексте — это вставка В. Н. Перетца, поддержанная последующими комментаторами. 2017: У А. А. Зализняка [Зализняк 2008: 467] этой вставки нет. В. Г. Спяренко, отходя от традиции В. Н. Перетца и следовавших за ним комментаторов, читает «*Не ва ли злачеными шеломи по крови плава(с)та?*» [Спяренко 2003, № 25].

231—232. *Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури.* По нормам грамматики древнерусского языка собирательное существительное в форме ед. ч. согласуется с глаголом во мн. ч. Эта особенность сохраняется в русском языке довольно долго (см.: [Горбачевич 1984: 34]).

233. *Вступита, господина, въ злата стремени.* 1985: Существительное и глагол стоят в форме двойственного числа. О словосочетании «вступить въ златъ стремя» см. 51. 2017: На миниатюре Радзивилловской летописи, показывающей съезд князей у Святослава Киевского (ил. 587), на переднем плане стремени держит княжеское стремя, что никак не соотносится с летописным текстом, но полностью отвечает содержанию «Злата слова» Святослава в «Слове...».

236. *Галичскыи Осмомысле Ярославе.* Ярослав Владимирович (1130—1187) — тесть Игоря, отец Ярославны; в 1153—1187 гг. князь Галицкий. Галицкое княжество было одним из могущественнейших русских княжеств. Автор гиперболизированно изображает мощь князя, который остается равнодушным к бедствиям, постигшим его зятя. Прозвище Ярослава — Осмомысл, известное только по «Слову...», имеет разные толкования: «имеющий восемь мыслей, множество забот», «мудрый за восьмьерых». Ярослав умер 1 августа 1187 г. Эта дата служит основанием для определения времени написания памятника — считается, что «Слово...» было написано не позднее этого времени. В первом издании «Осмомыслѣ» — форма местного падежа, а не звательного, как должно быть; рядом в тексте правильное: Ярославе. По-видимому, прозвище Осмомысл, не известное по летописям, было внесено в одну из рукописей «Слова...» позднейшим читателем. Ни ошибкой оригинала, ни опечаткой форма «Осмомыслѣ» быть не может.

236—237. *Высоко седиши на своемъ златокованнѣмъ столе.* 1985: Кремль Галича располагался на высоком берегу Днестра. 2017: Златокованый — примета языка Кузьмища Киянина, архитектора по профессии.

237—238. *Подпъръ горы угорьскыя своими железными пълкы.* «Подпъръ» — ‘запер’, ‘закрыл’. «Горы угорьскыя» — Карпаты, по которым проходила граница между Галицким княжеством и Венгрией. Близкая параллель к данному месту — в «Слове о погибели Рускыя земли»: «А утры твердяху каменны горы <города> железными вороты, а бы на них

великий Володимер тамо не възехалъ» (см.: [Мещерский 1963: 45]). Очевидно, Венгрия и Галич взаимно отгораживались друг от друга.

238—239. *Заступишь королеви путь*. 1985: Имеется в виду венгерский король, которому Ярослав закрывал дорогу на Юго-Западную Русь. 2017: В 1172—1196 гг. королем Венгрии был Бела III из династии Арпадов (ок. 1148—1196).

239. *Затворишь Дунаю ворота*. 1985: Очевидно, устье Дуная относилось к владениям Галицкого княжества. 2017: Другое понимание этого места — Галицкое княжество перекрывало все торговые пути, проходящие по долинам и ведущие с востока к Дунаю.

239—240. *Мечя бремени чрезь облакы*. 1985: Возможно, имеются в виду высокие перевалы, через которые проходили торговые пути, связывавшие Русь с Западной Европой. 2017: В. Г. Складенко читает *времены* [Складенко 2003, № 26].

241. *Отворяиши Киеву врата*. Намек на политическое могущество Ярослава, при содействии которого князья могли занимать киевский престол. В конце 1158 г. Ярослав в союзе с Мстиславом Изяславичем захватили Киев, изгнали оттуда Изяслава Давыдовича, бывшего тогда великим князем Киевским, и пригласили княжить в Киев Ростислава Мстиславича Смоленского (ум. 1167), отца Рюрика и Давыда Ростиславичей.

241—242. *Стрѣляеши съ отня злата стола салтъаны за землями*. Смысл этой фразы не вполне ясен. Еще Д. Н. Дубенский в своем издании «Слова...» (1844) предположил здесь намек на участие галицкой дружины в крестовом походе против султана Саладина. Однако поход состоялся в 1190 г., уже после смерти Ярослава. Возможно, речь могла идти о намерении Ярослава участвовать в походе или о предварительных переговорах.

242—243. *Стреляи, господине, Кончяка, поганого кощя*. Эпитеты, которыми автор «Слова...» здесь характеризует Кончака, имеют ярко отрицательную стилистическую окраску и даже противоречат его собственной феодальной этике. Предлагаемый перевод («поганого кощя» — «смерда») соответствует стилистической природе оригинала.

245. *Буи Романе и Мстиславе*. Роман Мстиславич (1150—1205) — князь Волынский и Галицкий. Эпитет «буи», которым автор отличает некоторых князей, характеризует их как наиболее активных политических деятелей своего времени (ср. 42, 230). Роман прославился своими походами на половцев, а также военными действиями против западных соседей, особенно Литвы. В Галицко-Волынской летописи (под 1205 г.) читается восторженная похвала этому князю. Кто такой Мстислав — точно не установлено: либо это двоюродный брат Романа — Мстислав Ярославич Пересопницкий, либо Мстислав Ярославич Городенский. Оба они были союзниками Романа и принимали участие в его походах.

245—246. *Храбрая мысль носить ваю умъ на дело*. 1985: В источниках текста — «васть умъ», вероятнее всего, ошибка прочтения рукописи

издателями, не опознавшими формы род. пад. двойств. ч. местоимения «вы». 2017: В. Г. Складенко предлагает читать «Храбрая мысль носить васъ умно дѣло» [Складенко 2003, № 27], однако тут остается не вполне понятным отсутствие предлога перед *умно*.

248—249. *Железнии наворози подѣ шеломи латиньскими*. 1985: В первом издании — «папорзи». Значение этого слова до конца не выяснено. По общему смыслу речь идет о какой-то детали защитного вооружения. Наиболее приемлемым кажется чтение Ф. И. Буслаева: «паперси» — «нагрудники» [СлСпрСПИг, вып. 4: 54—55]. Заслуживает внимания объяснение Ю. М. Лотмана: «*навор(о)зи*» — «ремешки, прикрепляющие шлем к подбородку» [Лотман 1958: 39]. Очевидно, говорится о защитном вооружении западноевропейского образца, которым пользовались воины галицко-волинских князей. 2017: Значение этого одного из самых загадочных слов памятника прояснено в последние десятилетия материалами украинских говоров, где слово *навороз*, *повороз* имеет значение «бечевка, веревка, завязка»: эти материалы подтверждают чтение данного места текста, предложенное Ю. М. Лотманом, — *наворози* (см.: [ЭнциСПИг, т. 4: 11—13] с исходной формой *напороз*). А. А. Зализняк читает *па(в)орзи* «завязки, крепящие шлем» [Зализняк 2008: 470, примеч. 23], указывая иные варианты. В. Г. Складенко согласен с этим, но в форме *железнии* — *железнии* он видит союз «и»: «даже завязки и те железные». С этим не согласен А. Ю. Чернов: «речь, конечно, о рыцарском доспехе с крылоподобными наплечниками» [Чернов 2006: 263; Чернов 2010: 171].

250—251. *Хинова, литьва, ятвязи, деремела и половци*. 1985: Хинова — венгры (см. 195—197); литва — литовские племена, северные соседи Галицко-Волинского княжества; ятвязи (ятвяги) — одно из балтийских племен, вошедшее позднее в состав литовской нации; деремела — название какого-то балтийского племени, родственного литовцам и ятвягам. 2017: См.: [Ковалев 2000; Кретов 2000].

251. *Сулиця* — короткое метательное копьё.

253—254. *Древо не бологомъ листвѣ сѣрони*. «Не бологомъ» — «не добромъ», «не к добру», «не вовремя». В данном случае Русь сравнивается с деревом, потерявшим листву раньше времени.

254. *По Ръси и по Сули грады поделишия*. Рось — правый приток Днепра, Сулла — левый приток Днепра, та и другая — пограничные реки, отделявшие русские земли от половецких кочевий. «Грады поделишия» — речь идет о том, что половцы, Кончак и Гза, уже «поделили» между собою русские города, лежащие в приграничной полосе, по правому и левому берегам Днепра.

255—256. *Донъ ти, княже, кличеть и зоветь князи на побѣду*. В данном случае налицо перемена ориентации в изложении по отношению к началу текста: если сначала Игорь устремляется к Дону, то здесь Дон в персонифицированном виде призывает к себе других русских князей.

258. *Ингварь и Всеволодъ и вси три Мстиславици*. Согласно обобщающему исследованию Б. А. Рыбакова, Ингварь и Всеволод — родные братья Мстислава Ярославича, упомянутого выше (если это действительно он), сыновья Ярослава Изяславича Луцкого. «Вси три Мстиславици» — сыновья князя Мстислава Ростиславича Храброго [Рыбаков 1972: 489].

259. *Шестокрыльцы* — эпитет, употреблявшийся по отношению к ангелам-серафимам. Как полагают Н. М. Дылевский и А. В. Соловьев, основываясь на данных южнославянского фольклора, такой эпитет мог употребляться также применительно к соколу и удалому витязю [Соловьев 1964: 371].

259—260. *Не победными жребіи собе власти расхытите*. «Не победными» — ‘недостойными’, ‘нечестными’; ‘власти» — здесь: ‘волости’, ‘уделы’.

261—262. *Загородите поля ворота своими острыми стрелами*. 1985: Эта фраза перекликается со словами Святослава в Ипатьевской летописи: «Не воздержавше уности отвориша ворота на русьскую землю» [Ипат. лет. 1908: стб. 645]. 2017: «Поле» здесь — обобщенное название степи к югу и юго-востоку от Киева и народов, населяющих степи и составляющих угрозу для русских княжеств. По сути, в «Слове...» в приведенном контексте данная лексема функционирует как макротопоним и текст мог бы выглядеть как «Загородите Полю ворота...». Это же макротопонимическое значение слова *поле* представлено в пословице «Один в поле не воин», где поле как сфера военных действий противопоставляется лесной местности.

264—266. *Уже бо Сула не течеть... и Двина болотомъ течеть... подь кликомъ поганыхъ*. От юго-восточной границы Руси автор «Слова...» переходит к северо-западу. Намеки на борьбу против Литвы содержались уже в обращении к Роману и другим галицко-волынским князьям. Продолжая ту же тему, автор обращается к полоцким князьям — непосредственным соседям Литвы. Достойна внимания последовательность обращения автора «Слова...» к князьям, представителям различных генеалогических ветвей: Мономаховичам (в соответствии с их иерархией), Ярославу Осмомыслу — потомку Ярослава Мудрого и, наконец, к полоцким князьям, потомкам Изяслава Владимировича, старшего брата Ярослава Мудрого. Таким образом, общим предком полоцких князей с другими героями «Слова...» является лишь Владимир Святославич, «старый Владимир».

267—268. *Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы литовьскыя*. 1985: В дошедших до нас летописях об этом князе ничего не говорится: полоцкое летописание не сохранилось. 2017: Считается, что Изяслав Василькович был городеньским князем (г. Городец на Березине Минского княжества). Обзор предположений о родственных связях этого князя см.: [ЭнцСПИг, т. 2: 275—277].

268—270. *Притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подѣ чърлеными щиты на крѣваве траве притрепанъ литовьскими мечи.* Всеслав Брячиславич (ум. 1101) — правнук Владимира Святославича и его первой жены Рогнеды, князь Полоцкий. Изложение основных деяний слывшего волшебником князя (см. 282—296).

«*Притрепа славу... а самъ притрепанъ*» — в подлиннике неперево-димая игра слов, связанная с употреблением одного и того же глагола «притрепати» в разных значениях: ‘затмить’, ‘разбить’ (‘сразить’).

271. *Исходи юна кровь, а тѣи рекъ.* 1985: Место очень темное. В первом издании: «и с хотию на кровать и рекъ» — не дающее смысла. Принимаются поправки М. И. Маньковского, Н. К. Грунского и М. В. Щепкиной «исходи юна кровь», поддержанные Л. А. Булаховским [Булаховский 1978: 476, 511]. 2017: В. Г. Складенко предлагает читать «Исхити ю [славу] на кровать» [Складенко 2003, № 31], Л. В. Соколова поддерживает чтение «съ хотию на кровати» [Соколова 2002: 7—8].

271—272. *Дружину твою, княже, птичь крылы приоде, а звери кровь полизаша.* 1985: Фраза, вложенная в уста умирающего князя, наполнена отголосками библейских сказаний (см.: [Перетц 1926а: 287]), однако она не соответствует как стилистике «Слова...», так и литературному этикету Древней Руси. Ей можно найти аналогии в скальдических строфах-висах, произносимых перед смертью героями исландских саг («Сага о Гисли», «Сага о Греттире»). Близкой аналогией ей являются слова Эгиля Скаллагримсона: «Охраняйте Анунда, вашего хозяина, и его дружину, чтобы звери и птицы не растерзали их трупов» [Сага об Эгиле 1956: 180]. Возможно, в тексте эти слова восходят к какому-то не дошедшему до нас стихотворному произведению знаменитого викинга-скальда, о котором повествует эта сага. 2017: Ср.: «положиша Иерусалим яко овощное хранилище, положиша трупия раб Твоих брашно птицам небесным, плоти преподобных Твоих зверем земным» (Псалтирь, 78, 2).

272. *Не бысть ту брата Брячислава, ни другого — Всеволода.* 1985: Брячислав Василькович однажды упоминается в летописи (см.: Ипат. лет. под 1180 г.: стб. 620), о Всеволоде Васильковиче ничего не известно. 2017: В новых попытках построения генеалогии полоцких князей, владевших городами Западной Руси, эти князья, не известные по другим источникам, представлены как потомки Всеслава Полоцкого [ЭнциСПИг, т. 1: 159—160, 251—252], однако детализация их родственных связей остается весьма спорной. См. также: [Войтович 2000].

274—275. *Изрони жемчужну душу изъ храбра тела чресь злато озерелие.* 1985: Метафора: душа — бисер или жемчуг — известна в древнерусской литературе по Хронике Георгия Амартола: «свое естество душевное видяхъ яко бисеръ блещашья» [Истрин 1920: 440]. Представления о душе-жемчужине в византийской словесности восходят к раннехристианским каноническим и апокрифическим текстам, донесшим до нас элементы религиозно-философских учений, объявленных позднее ерети-

ческими. Так, в апокрифе «Деяния апостола Фомы», написанном, вероятно, в конце II—начале III в. на сирийском языке, содержится так называемый «Гимн души», доминирующими понятиями которого являются жемчужина и сверкающее одеяние — символы царства небесного и бессмертной души. Из новейших работ об этом см.: [Poirier 1981]. Греческий перевод гимна сохранился лишь в одной рукописи, но его отголоски вполне могли найти себе место в славянских литературах раннего средневековья. В свое время Д. В. Айналов отметил, что представления о душе как жемчужине характерны для Индии [Айналов 1934: 177—178]. Именно в индопарфянских княжествах разворачивается действие в апокрифических «Деяниях Фомы». «Злато ожереліе» — атрибут князя, как символический, так и реальный. 2017: См.: [Мещерский, Мещерская 1987: 144—147]. Похоже, здесь авторская отсылка к представленному в «Повести временных лет» под 1015 г. тексту «Сказания о Борисе и Глебе», где рассказывается об отроке Георгии, родом утрине (венгре), слуге Бориса, который надел на своего любимца «гривну злату велику» (массивное золотое ожерелье). Отрок Георгий разделил участь своего князя, пытаясь укрыть его своим телом от копий убийц: «и слугу его падша на немъ, прободоша с нимъ». Потом убийцы «не могуше вборзѣ съяти гривны с шифъ усѣкнуша главу его и тако сняша гривну и тѣмъже послѣ же не обрѣтоша тѣла его въ трупи» (Полное собрание русских летописей, т. 1, ч. 1. Лаврентьевская летопись. Л., 1926, стб. 134). Обращает на себя внимание значительное сходство лексики отдельных пассажей «Сказания о Борисе и Глебе» с лексикой «Слова...», чего не отмечалось ранее.

275. *Уняли голоси, понице веселіе*. Повторение уже известных фраз с некоторыми лексическими вариациями (см. 178).

275—276. *Трубы трубятъ городеньскыя*. 1985: Городенское княжество располагалось между реками Стырю и Горынью возле г. Пинока, на рубеже Галицко-Волынских и Полоцких земель. Изяслав Василькович, вероятно, был городенским князем (см.: [Перетц 1926а: 288]). Упоминание об Изяславе Васильковиче в монологе Святослава не случайно. Великий князь Киевский Святослав был женат на полоцкой княжне Марии Васильковне, которая, по всей вероятности, была сестрой Изяслава и других полоцких князей, называемых далее (см.: [Рыбаков 1971: 99]). Смысл включения данного эпизода в текст «Слова...» таков: Изяслав Василькович погиб, в одиночестве сражаясь с внешними противниками Руси, в то время как остальные князья вели междоусобные войны. 2017: Мария Васильковна, супруга Святослава Киевского, дочь полоцкого князя Василька Святославича (Роговолодовича), правнучка Всеслава Брячиславича Полоцкого [ЭнциСПИг, т. 3: 220]. Некоторые исследователи считают Марию Васильковну автором «Слова...» [Сумаруков, Серегина 2008]; признается, что именно осведомленность Марии Васильковны в полоцких делах отражена в тексте «Слова...» и она может считаться одним из информаторов автора «Слова...». Это вполне возможно, хотя автор — если это архитек-

тор Кузьмище Киянин — и сам был осведомлен о полоцких событиях и упомянул в своем тексте о храме св. Софии в Полоцке.

277. *Ярославле и вси внуци Всеслави.* В первом издании: «Ярославле». Д. С. Лихачев предложил читать «Ярославли», имея в виду не одно конкретное лицо, а Ярославичей, целую княжескую ветвь — потомков Ярослава Мудрого, которые в течение длительного времени вели борьбу с полоцкими князьями, потомками Изяслава, названными по имени Всеслава, наиболее значительного князя из этой ветви, — Всеславовыми внуками [Лихачев 1950: 452].

278. *Вонзите свои мечи верезжены.* 1985: Как следует переводить причастие «верезжени», не совсем понятно. Возможны варианты: поврежденные, брошенные или опозоренные, покрытые позором. 2017: В источниках текста *верезжени* — форма именительного, а не винительного падежа, что требуется по языковым нормам.

278—279. *Уже бо выскочисте изъ дѣднеи славы.* Имеется в виду слава ранее названных княжеских ветвей — сыновей Ярослава Мудрого, сменявших друг друга на киевском «золотом столе», и самого Всеслава.

281. *Котороу бо беше насиліе.* «Котороу» — твор. пад. причины существительного ед. ч. ж. р. «котора» (см. 163).

282—283. *На седьмомъ веце Трояни върже Всеславъ жребіи о дѣвицю себе любу.* 1985: «На седьмомъ веце Трояни» — это выражение следует понимать как «последние времена язычества», поскольку понятие «седьмой» в средневековье ассоциировалось с понятием «последний». Троян — см. 34. Всеслав — см. 268—270. Представление о нем как о князе-волшебнике, князе-волхве отразилось в сочинениях, написанных еще при жизни Всеслава. Так, в «Повести временных лет» (под 1044 г.) говорится: «его же роди мати отъ вълхованія». В 1063 и 1067 гг. он дважды захватывал и сжигал Новгород; в 1068 г., освобожденный восставшими киевлянами из «поруба», куда он был брошен по приказу Изяслава Ярославича, стал князем Киевским, однако через 7 месяцев бежал в Полоцк. Имеется ряд общих черт, роднящих князя-волшебника Всеслава Полоцкого с былинным богатырем-кудесником Волхом Всеславьевичем (см.: [Древние стихотворения 1977: 433]). «Девицю себе любу» — под «девицей», вероятно, имеется в виду Киев, овладеть которым хотел Всеслав. 2017: «Върже Всеславъ жребіи...» — метание жребия с помощью кубиков-игральных костей, правда, по другому поводу, изображено в РЛ (ил. 114). О нем см. также: [Горский 1990; Соколова 2003]. Трудно согласиться с трактовкой легенды как заимствования «из дружинной былины Бояна» [Чернов 2010: 180].

283. *Клюками подѣтьръ ся, окони.* 1985: «Клюками» — хитростями. Возможно, Всеслав мог подстрекать киевлян к бунту против Изяслава, и кони, которых потребовали у Изяслава киевляне, явились поводом к этому бунту. 2017: По новым данным, основанным на фактах русских народных говоров, можно думать, что здесь в составе сложной и не до

конца ясной метафоры (требующей чтения *о кони*) перечисляются строительные элементы конструкции княжеского терема — завершая водоотводов — «кони» и их опоры — «клюки»: оба термина имеют аналогии в современных русских говорах. Смысл фразы — Всеслав занял княжеский терем незаконно, проникнув в него извне, как сказали бы сейчас, пользуясь современными метафорами, — по водосточной трубе. А. А. Зализняк, ссылаясь на примеры из берестяных грамот и новые чтения ряда текстов, видит здесь союз *оконо, оконы* «как будто», что упрощает перевод [Зализняк 2008: 268 и след., 274, 278]. В. Г. Складенко вслед за Р. Якобсоном предлагает исправлять «кони» на копии [Складенко 2003, № 33].

284—285. *Дотчеся стружіємъ злата стола Киевскаго*. Словосочетание «дотчеся стружіємъ» в тексте «Слова...» употреблено не случайно: оно намекает на краткий срок пребывания Всеслава киевским князем. Стружие — см. 74—75.

285—286. *Скачи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ пълночи изъ Бѣлграда*. 1985: Изображение поспешного бегства Всеслава из Киева. По определению Б. А. Ларина, «лютый зверь» древнерусских памятников — это рысь [Ларин 1977: 46—50], однако такое значение определяется не во всех контекстах, где встречается сочетание «лютый зверь». 2017: Эта интерпретация Б. А. Ларина явно инициирована французскими словами *loup-cervier* ‘рысь’, сходными с *лютый зверь* в латинографичном начертании *loute syver* в Парижском словаре москвитов (новое издание этого памятника см.: [Ларин 2002]). Словосочетание *лютый звѣрь* встречается, кроме «Слова...», и в других входивших в мусин-пушкинский сборник произведениях — «Повести об Акире» и «Девгениевом деянии», а в «Сказании об Индийском царстве», находившемся там же, о крокодиле сказано «звѣрь лють». Сквозное совпадение этих слов (при сходстве других черт языка и лексики) наводит на мысль о том, что перевод перечисленных повестей на русский язык и написание «Слова о полку Игореве» — результат деятельности одного и того же книжника-автора и переводчика. По вопросу, кого древнерусские книжники называли лютым зверем, нет единого мнения, среди исследователей доминирует точка зрения, что это кто-то из семейства кошачьих — барс, леопард, рысь или лев [ЭнциСПИГ, т. 3: 189—190]. Если судить по упоминанию лютого зверя среди тех, с кем сталкивался на своих охотах Владимир Мономах и кто перечислен в его «Поучении»: «Тура мя 2 метала на розех и с конем, олень мя один бол, а 2 лоси, один ногами топтал, а другой рогома бол, вепрь ми на бедре меч оттял, медведь ми у колена подъякла укусил, лютый зверь скочил ко мне на бедра и конь со мною поверже» (см.: [ПДР 1978: 408]), то повергнуть на землю всадника с конем мог только барс. Встреча со львом на охоте для Владимира Мономаха маловероятна, но барсы в то время жили в Карпатах или в Прикарпатье, где, видимо, и охотился князь. Мы принимаем точку зрения В. Н. Перетца, согласно которой

лютый зверь — это барс (см. также: [Ужанков 2015: 508; уточнение — Всеслав сравнивается с волком в другом пассаже]. *Белгород* — пригород Киева, княжеская резиденция.

286. *Объсися синѣ мьглѣ*. 1985: Предлагались разные переводы: ‘покрыт синей мглой’, ‘сокрылся в синей мгле’, ‘окутался синим туманом’, ‘объятый синей мглой’ и др. Общий смысл: скрылся во мгле; лексическая многозначность древнерусского текста оставляет широкие возможности для передачи стилистики оригинала. 2017: Слова «*Объсися синѣ мьглѣ*» становятся понятными только из сообщения Радзивилловской летописи об искушении Всеслава бесами (ил. 227), похоже, автор предполагает, что Всеслав вступил в сговор с бесами. Сама миниатюра 227, изображающая Всеслава с бесом, оказывается весьма странной: обычно в РЛ в сценах искушения изображаются скопища бесов (ср. ил. 250, 252, 253, 256, 257, 278, 279) и они обычно помещаются в правой части рисунка, здесь же всего один бес, причем весьма необычного облика, находится в левой части рисунка.

287. *Утърже вазни съ три кусы*. Это место очень долго оставалось без осмысленной интерпретации: в первом издании «утръ же возни стрикусы». Лишь в 1958 г. Р. О. Якобсон предложил читать: «утърже вазни съ три кусы» [Якобсон 1958: 104]. Данное слововедение было принято всеми последующими комментаторами, которые, однако, разошлись во мнениях по поводу трактовки словосочетания «съ три кусы». Н. М. Дылевский и А. В. Соловьев переводили: *урвал счастья с три клокa*. Д. С. Лихачев: *с трех попыток отворил ворота Новгороду* (с иной пунктуацией). По соображениям синтаксического и грамматического характера перевод Н. М. Дылевского и А. В. Соловьева предпочтительней (см.: [Мещерский 1971: 95—96]).

Отвори врата Новуграду. Дважды, в 1063 и 1067 гг., Всеслав брал Новгород (см. 282—283).

288. *Разъшибе славу Ярославу*. Всеслав, разорив Новгород, на какое-то время нарушил в нем государственный порядок, дарованный новгородцам «грамотами» Ярослава Мудрого, княжившего в Новгороде до 1016 г.

Скочи вълкомъ до Нѣмиги. 1985: Речь идет о столкновении выступившего из Новгорода Всеслава с дружиной Изяслава Ярославича (и его братьев Святослава и Всеволода) на реке Немиге в 1068 г., где Всеслав был разбит и пленен. 2017: Вълкомъ — сравнение подчеркивает мотив оборотничества князя, владевшего какими-то сверхъестественными способностями.

289. *Съду токъ*. 1985: В источниках текста: «съ Дудутокъ», однако топоним Дудutki до сих пор не имеет прямого приурочения. Н. М. Карамзин полагал, что это монастырь «на Дудутках» под Новгородом, Н. П. Барсов — что это местность под Киевом (см.: [Булаховский 1978: 487]). Однако оба эти указания не вполне достоверны. Принимаем чтение Р. О. Якоб-

сона «съду токъ» — ‘подготовил ток’ [Якобсон 1958: 106, 120]. Написание «съ Дудутокъ» является диттографией — повторением слога «ду», хотя формула «дуть ток» в устной эпической традиции восточных славян, указанная Р. О. Якобсоном, пока не обнаружена. 2017: Чтение *съду токъ* как единственно корректное поддерживает Л. В. Соколова [Соколова 2002: 8—9]. Отмечена особая роль ветра при молотье у славян [Плотникова 2004: 290—291], у белорусов имелась примета: если при первой молотье цепи свистят в воздухе, следующее лето будет «пустое на хлеб», т. е. неурожайное [Плотникова 2004: 289]. Есть традиция искать этот топоним в названиях мест Белоруссии: В. В. Капнист сравнивал его с названием Дудичи [Чернов 2010: 185], предполагалось нахождение Дудуток в Полоцкой земле [Дроздович 2000; Булахов 2012: 64, 65—66].

289. *На Нѣмизѣ снопы стелють головами*. Метафора *битва* — жатва для древнерусских воинских повестей является обычной [Адрианова-Перетц 1926а: 162—163] и восходит к библейским книгам. В данном месте «Слова...» битва дружин Всеслава и Изяслава Ярославича сравнивается с молотьбой. Яркая и выразительная, эта развернутая метафора не имеет аналогий в других памятниках.

293—294. *Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вълкомъ рыскаше*. По существовавшим представлениям, Всеслав, как князь-волшебник, мог распоряжаться судьбами подвластных ему людей и даже делить города между князьями с помощью колдовских чар. Представление о волке как оборотне является очень древним и восходит к индоевропейской традиции (см.: [Иванов 1975: 399—408]).

294—296. *Изъ Киева дорыскаше до куръ Тмутороканя, великому Хърсови вълкомъ путь прерыскаше*. Здесь подчеркивается быстрота передвижения оборотня Всеслава, за ночь пробежавшего от Киева до Тмуторокани и от Полоцка до Киева. Хоре — божество славян, связанное с культом солнца (см.: [Иванов, Топоров 1982: 452—453]). Географическая и астрономическая точность описания пути Всеслава столь велика, что оно воспринимается как метафоризированное только современными читателями: Всеслав, двигаясь из Киева в Тмуторокань (с севера на юго-восток), действительно перебежал дорогу солнцу, двигающемуся с востока на запад. Сюжетное совпадение данного места повествования о Всеславе с южнославянскими сказаниями о Трояне отметил еще Ф. И. Буслаев [Буслаев 1861: 385 и след.]. Весьма интересно, что текст легенды о Всеславе имеет определенные языковые отличия от основного текста «Слова...» — в нем широко представлен имперфект нового образования (типа «судяше, рядяше»). «До куръ» — до петухов, до петушиного пения, до рассвета, что подтверждается совпадением со сказаниями о Трояне. Толкования «до городских стен» (В. А. Захаров, Н. А. Баскаков, А. Н. Робинсон и др.), безусловно, неосновательны. См. об этом: [Дылевский 1985: 99—106].

296. *Тому въ Полотъскѣ позвониха заутреню рано у Святыхъ Софеи въ колоколы, а онъ въ Киевѣ звонъ слышиа*. 1985: Еще раз подчерки-

вается, что Всеслав-оборотень передвигался только в ночное время и с необыкновенной быстротой, достигая цели своего путешествия до пещинопеня и во время звона к заутрене. 2017: О храме св. Софии в Полоцке см.: [Комеч 1987; Раппопорт 1986; Слюнченко 1987].

298—299. *Аще и вещь души въ друзѣ телѣ, нъ чьасто бѣды страдаше.* 1985: В. Ф. Миллер, А. А. Потебня, А. И. Смирнов, Е. В. Барсов, В. Н. Перетц и последующие комментаторы приняли поправку «въ дръзе теле» — «в храбром теле», «дерзком», «смелом». «Если, однако, — пишет Л. А. Булаховский, — принять недавно сделанную ссылку на выражение скальдов *eigi einhamr* — «у кого больше одной оболочки», т. е. тела, то данную конъектуру можно оспаривать» [Булаховский 1978: 490]. 2017: Чтение въ друзѣ см. также: [Зализняк 2008: 472, примеч. 31; Соколова 2002: 6]. Ср.: «Есть тело душевное, есть тело и духовное» (1 Кор. 15, 44) — тогда «веща душа» Всеслава располагалась в духовном теле.

300—301. *Ни хытру, ни горазду, ни пытьцю горазду суда Божія не минути.* 1985: В первом издании — «птицю горазду»; принимается поправка Л. А. Булаховского: «пытцю» — «колдуну»; ср.: древнерусское «пытливый» — «обладающий чародейской силой» [Булаховский 1978: 490]. На основании этой же конъектуры возможен перевод «искателю счастья», ср. совр.: пытать счастья. Словосочетание «судь Божіи» в данной фразе может иметь два толкования: час кончины и судьба, причем ни то ни другое не связано с христианскими догматами. Автор приписывает «припевку» своему предшественнику Бояну, однако, по всей видимости, это широко распространенный афоризм пословичного типа, параллели которому обнаруживаются в средневековых литературах различных народов. Ср.: «Но никто не избежит того, что ему назначено» [Сага о Греттире 1976: 113]. 2017: Вариант *пытцю* учтен А. А. Зализняком [Зализняк 2008: 472, примеч. 32]. В. Г. Складенко поправляет текст на «„Ни хытру, ни горазду“, ни пѣвцю горазду» [Складенко 2003, № 36]. Ср.: «*Не должен находится у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых*» (Втор. 18, 10—12). По-видимому, в тексте указывается на кого-то из носителей магических практик, перечисленных в приведенной цитате.

302—303. *О, стонати Русьской земли, помянувшие първую годину и първыхъ князей.* Автор «Слова...» напоминает о могуществе Киевской Руси в годы княжения Игоря, Святослава, «старого Владимира» — Владимира Святославича.

303—304. *Того старого Владимира не лъзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевськимъ.* По-видимому, подчеркивается широкий политический кругозор Владимира и масштабы его походов.

305. *Ныне стая сязи Рюрикови, а друзи Давидови.* Упоминание о том, что стяги «старого Владимира» ныне принадлежат Рюрику и Давиду Ростиславичам (о них см. 230), не совсем понятно. Хотя номинально

Святослав и Рюрик Ростиславич были соправителями, военная власть, очевидно, принадлежала Рюрику. Давыд Ростиславич, как известно, далеко не всегда выступал на стороне своего брата и во время похода 1184 г. повернул свои смоленские дружины назад.

306. *Розно ся имъ хоботы пашють, копя поють*. 1985: «Хоботы» — бунчуки, конские хвосты на древках, значки. В тексте памятника «хоботы» семантически явно противопоставлены «стягам» и другим воинским атрибутам. Метафорическая картина, представляющая несогласие двух князей: их стяги развеваются в разные стороны, звук ветра, дующего сквозь копия, воспринимается как различный. Это описание — еще один образец картины, метафорической по форме и одновременно поразительно точной по содержанию. 2017: Такое понимание текста защищает и В. Г. Склиаренко [Склиаренко 2003, № 37], отмечая, что оно стало общепринятым. А. Ю. Чернов называет его «метафора феодальной раздробленности» [Чернов 2010: 190]. Тем не менее из словесных изложений смысл этого образа непонятен. Миниатюры Радзивилловской летописи показывают, что именно так иллюстратор изображал столкновения между владельцами отдельных русских княжеств. Мы это видим уже на первой иллюстрации к битве на Нежатиной Ниве (ил. 264), «розно ся имъ хоботы пашють» — значки на копьях противоборствующих дружин направлены в разные стороны, то же наблюдается на других миниатюрах, относящихся к княжеским междоусобицам (см. ил. 105, 428, 447, 459, 494, 575, 594). Мы не наблюдаем такого расположения значков на рисунках в изображениях столкновений русских дружин с половцами. *Копя поють* — тонкое наблюдение А. Ю. Чернова: это свист ветра в поднятых вверх копьях полков, скачущих в разные стороны [Чернов 2006: 287, 307].

307. *На Дунаи Ярославныѣ гласъ слышитъ*. Этими словами начинается знаменитый «плач Ярославны», один из наиболее поэтических текстов древнерусской литературы. По своей жанровой природе плач Ярославны напоминает славянские причитания; некоторая аналогия ему — древнеанглийский «Плач жены» (см.: [Древнеанглийская поэзия 1982: 60—61]). Дунай — эпическое название реки, распространенное у славянских народов: как и многочисленные гидронимы Восточной Европы, название Дунай связано с иранским «река». Ярославна — жена князя Игоря, дочь Ярослава Осмомысла (см. 236); в «Поколенной росписи» князей, упоминаемых в «Слове о полку Игореве», приложенной к первому изданию, названа Евфросинией. Это имя могло быть взято из «Родословника князей великих и удельных рода Рюрика» Екатерины II, напечатанного в 1793 г. В летописях его нет. Имя Евфросиния встречается в Любечском синодике, но исследователи высказывают серьезные сомнения в том, что здесь Евфросинией названа жена Игоря Святославича (см.: [СлСпрСПИг, вып. 6: 198—199]). «Слышитъ» — иногда исправляют: «ся слышитъ», однако в древнерусском языке глагол «слышати» без возвратной частицы мог иметь значение «слышаться». Против исправления высказались С. П. Обнорский и Л. А. Булаховский (см.: [Булаховский 1978: 469—470]).

307—308. *Зегзицею незнаемъ рано кычетъ*. 1985: Многие комментаторы полагали, что этим словом названа кукушка, имея в виду словарную параллель в «Молении Даниила Заточника» и «Задонщине». Однако, по данным Н. В. Шарлеманя, «зігізкой» в украинских говорах называют чайку [Шарлемань 1948: 115]. Параллель в русских брянских говорах обнаружил В. А. Козырев [Козырев 1976а: 80—81]. Отмечалось также, что сам контекст плача Ярославны вызывает представление именно о водяной птице, летящей над рекой, а не о лесной птице — кукушке [Мещерский 1956: 76]. «Чайка небога» — символ тоскующей женщины в украинском фольклоре [Там же]. «Незнаемъ» — обычно комментаторы исправляют эту форму на «незнаема» по смыслу, предполагая, что в этом предложении опущено подлежащее ж. р. Однако такое исправление недостаточно обоснованно, потому что синтаксически глагол «кычетъ» и причастие согласуются с подлежащим «глась». 2017: *зегзицей* в воронежских говорах называют иволгу [Чернов 2010: 194, 365].

309. *Омочю бебрянь рукавъ въ Каляѣ рѣцѣ*. 1985: Долгое время исследователи считали, что речь идет о рукаве женской одежды, отороченном бобровым мехом, это понимание текста отражено в подавляющем большинстве поэтических переводов «Слова...». Но, как показывают материалы «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Повести об Акире Премудром» и древнерусского перевода библейской книги «Есфирь», слово «бѣбрь» обозначало тонкую полотняную или шелковую ткань (см.: [Мещерский 1956а: 5—6]). Значительно позже опубликования данной статьи, в 1978 г., был обнаружен экземпляр первого издания «Слова...», где словосочетание «бебрянь рукавъ» было отмечено маргиналией «шелковый», сделанной почерком первой половины XIX в. (см.: [Гребенюк, Гончарова 1978: 180—181]). Ныне данное понимание разделяется подавляющим большинством комментаторов. 2017: То, что *бебрянь рукавъ* «Слова...» не имеет отношения к бобрам, должно было быть прекрасно известно А. А. Зимину (к указанной литературе см. еще: [Мещерский 1956: 528—529; 1958а: 43—44]), «Словарь-справочник „Слова...“» дает интересующее нас значение слова *бебрян* первым [СлСпрСПИг, вып. 1: 42—43] — первый выпуск словаря вышел в свет в 1965 г. Тем не менее А. А. Зимин настаивает на том, что в «Слове...» речь идет именно о бобрах [Зимин 2006: 227—228], а это противоречит его же собственным ссылкам на значения слов *бебер*, *бебрянь* в «Повести об Акире» [Там же: 227].

311. *Ярославна рано плачетъ въ Путивле на забрале, а ркучи*. 1985: Этот рефрен далее повторяется еще дважды, причем при втором его воспроизведении избирается вариант с полногласными сочетаниями, в чем сказалось незаурядное стилистическое мастерство автора (подробнее см.: [Мещерский 1981: 78—79]). «Въ Путивле» — в отношении местопребывания Ярославны «Слово...» расходится с другими историческими источниками. Согласно В. Н. Татищеву, который опирался на не дошедшие до

нас летописные свидетельства, Ярославна находилась в Новгороде-Северском, откуда и выехала для встречи бежавшего из плена Игоря (см.: [Татищев 1964, т. 4: 305—306]). По-видимому, автор «Слова...» не знал точно, где находилась Ярославна. Достоверность сообщений В. Н. Татищева в тех случаях, когда они содержат не известные по другим источникам факты, в частности, ту дополнительную информацию, которая имеется в его изложении событий 1185 г., неоднократно подчеркивалась в работах крупнейших советских историков (см.: [Тихомиров 1968: 60—61; Рыбаков 1972, гл. 2]). 2017:

На миниатюре РЛ изображено нападение половцев на Переяславль и ранение Владимира Глебовича (ил. 588), свидетельницей этой сцены стала женщина, стоящая на городской стене (в центре), откуда открывается вид на пространство вне города.

Возможно, это жена Владимира, — однако если в протографе (оригинале) Радзивилловской летописи в этом месте располагались две иллюстрации, объединенные копиями РЛ в одну, то это, без сомнения, Ярославна на стене в Путивле.

312. *Чему, господине, насильно вѣеши?* 2017: А. Ю. Чернов понимает здесь *насильно* как «навстречу» [Чернов, 2006: 295; 2006а: 208, 263; 2010: 196]; в связи со следующей фразой становится понятным, что направление ветра играло важнейшую роль в битве с участием лучников, в данном контексте указание на то, что половецкие стрелы за счет попутного ветра летели дальше, чем стрелы воинов Игоря.

313—314. *Чему мычещи хыновъскыя стрелки на своєю нетрудную крыльцю на моя лады вои.* 1985: Здесь название «хыновъскыя» употребляется в более широком смысле, обозначая всю совокупность кочевых тюркоязычных племен и их соседей. Возможно, в этом эпитете сохранились воспоминания о гуннах (см. 196—197). Образ легких крыльев ветра имеет параллель в одном из «Слов» Кирилла Туровского, где ангелы «облакы крылы ветреними приносятъ». Слово «лада» в значении «любимый», «любимая», «супруг», «супруга» представлено в восточнославянском фольклоре, преимущественно в песнях и причитаниях, но в древнерусских памятниках не встречается. 2017: В. Г. Складенко полагает, что речь здесь идет о стрелах венгерского образца, использовавшихся половцами, такие стрелы они также могли приобретать у венгров или захватывать как трофеи [Складенко 2003, № 29]. *На своєю нетрудную крыльцю* — ср.: «и лете, лете на крилу ветреню» (Псалтирь, 17, 11), «ходьй на крилу ветреню» (Псалтирь, 103, 3).

314—315. *Мало ли ти бяшетъ горъ подѣ облакы вѣяти.* Предлагаюсь исправление: «горе» — «наверху», однако оно не обязательно. В восточнославянском фольклоре «гора» ассоциируется с чем-либо зловещим, предвещающим недоброе. Море, упоминаемое далее, — также чуждая славянам стихия.

319. *О Днѣпре Словутичю.* Этот редкий эпитет Днепра встречается еще раз в «Повести о Сухане», где герой приезжает «ко быст<р>у

<Д>непру Слаутицю» [Малышев 1956: 141]. «Днепр Словута» встречается также в украинских думах. Эпитет фиксирует смысловую контаминацию слов «слава», «слыть» и названия притока Припяти — реки Славуты, впадающей в Днепр.

320. *Носады* — боевые ладьи (об этом термине см.: [Богородский 1955: 228—254]).

323—324. *Свѣтлое и тресвѣтлое сьлнце*. В «Шестодневе» Иоанна, экзарха Болгарского, имеется образ солнца «трыми светы сияюще» (см.: [Адрианова-Перетц 1964: 87; 1968: 174]). В среднеболгарском памятнике XV в. «Служба святым отца пророку» несколько раз встречается словосочетание «трисветлое солнце» — также в применении к божеству (см.: [Лихачев 1969: 409]).

325. *Въ полѣ безводнѣ*. Как сказано в Лаврентьевской летописи (под 1185 г.), воины Игоря «изнемогли бо ся бяху безводьемъ».

326. *Луци съпряже... тулы затъче* — см. 49. 1985: Явные или скрытые отсылки к сказанному ранее, создающие параллелизмы или антитезы, — характерная черта поэтической манеры автора «Слова...». 2017: По какой-то странной причине, возможно, по соотносительности с фрагментом *лучи у них напряжени*, все исследователи, реконструировавшие первоначальный текст «Слова...», не замечали здесь того, что в этом контексте слово *лукъ* стоит в форме винительного падежа мн. числа и в реконструкции форм языка XII в. должна была присутствовать форма *луки*, но мы видим эту форму только в реконструкции Р. Нахтигала [Nahtigal 1950: 380, 390] и В. В. Колесова [Колесов 1976: 42] и исправляем наш текст.

327. *Прысну море полунощи, идуць сморци мъглами*. 1985: Слово «полунощи» можно понимать двояко: астрономически — в полночь и географически — к северу, на севере. Первое понимание предпочтительней: неясно, какое море могло располагаться к северу от места пребывания Игоря в плену. 2017: Идутъ сморци мъглами — в издании 1985 г. оба автора допустили ошибку, дав чтение *идуть смьрчи мъглами*. Данное место не требует поправок: слово *сморци* имеет единичное, но весьма репрезентативное соответствие в живых русских говорах: «Сморак, м. дым, чад» [СРНГ 2005, вып. 39: 39]. Таким образом, исходной формой для *сморци* оказывается форма *сморькъ*, а значением — ‘ключья тумана, стелющиеся по земле, подобные облакам’. На то же указали и другие комментаторы: сморок — «туча, темное облако» ([Чернов 2006а: 24] — с указанием на новгородские берестяные грамоты; [Чернов 2006: 399] — со ссылкой на В. А. Козырева [Козырев 1976: 110]). Рассмотренный здесь случай, как и форма *пороси* (см. 91) — пример того, как диалектные материалы корректируют комментаторские решения, основывающиеся на тривиальных фактах исторической фонетики русского языка.

329—330. *Погасося вечеру зори*. Возможно, речь идет не о вечерней заре, а о звездах, зашедших за горизонт; звезда в совр. укр. — зiра, зiрка, зiрниця [Гринченко, т. 2: 154].

332—333. *Комоньнь въ полуночи Овлуръ свисну за рекою, велить князю разумети*. В первом издании: «комонь въ полуночи Овлуръ свисну...», что при переводе ‘коня в полуночи Овлур свистнул за рекою’ не дает связи с последующими словами «велить князю разумети». Принимается поправка Л. А. Булаховского «комоньнь» — ‘конный’ [Булаховский 1978: 487—488]. Искажение текста объясняется гаплоглогической ошибкой — утратой одного из двух рядом стоящих знаков. Данный перевод полностью проясняет смысл: Овлур уже с конями подает сигнал Игорю. [2017: Впрочем, можно понимать текст и так: Овлур свистом, каким обычно подзывают коня, дает знать Игорю о готовности к побегу, и тогда принятая поправка становится избыточной]. 1985: *Овлур* — имя половецкого воина, бежавшего на Русь вместе с Игорем. Как сообщает Ипатьевская летопись, он был «родомъ половчинь». Происхождение этого имени остается загадкой. Существует несколько этимологий, объясняющих имя как тюркское, возможно, перед нами половецкая адаптация христианского имени Лавр. Предполагалось также вейнахское (чеченское) происхождение имени (см.: [Менгес 1979: 92—94]). Если верить сообщениям В. Н. Татищева, Овлур занимал довольно высокое положение в половецком войске и сочувствие его Игорю было вызвано обидой на своих соплеменников. В. Н. Татишев пишет, что мать Овлура была русская, уроженка Новгород-Северского княжества, но сам Овлур был крещен лишь после бегства Игоря из плена [Татишев 1964, т. 3: 138—145]. 2017: Сходство этого имени с именем римского «воеводы» Олувий Галл (см.: [Мещерский 1958: 442]), по-видимому, случайно.

333. *Князю Игорю не быть*. 1985: Смысл этой реплики ясен, однако текст, видимо, испорчен [Обнорский 1960: 59]. 2017: Украинское *небыть* имеет значение ‘будто’ [Чернов 2010: 198, примеч. 84]; смысл фразы — Овлур, подзывая коня свистом, как будто подал сигнал Игорю.

334—335. *Вежи ся половецкыи подвизашя*. В первом издании — «подвизашя ся», здесь описка: дважды повторена частица «ся», которая по нормам древнерусского языка могла стоять как перед глаголом, так и после него.

335—336. 2017: *А Игорь князь поскочи гърностаемъ къ тростію*. Сходный образ — «Будто сизо-белый заяц, Выскочив из осоки» — встречается в калмыцком эпосе «Джангар» [Джангар 1990: 209—210, 215, 244, 276, 295, 324, 332; Олядыкова, Бурыкин 2012: 167] и в якутском олонхо (см. далее).

336. *Гоголь* — водоплавающая птица.

336—337. *Въвржесе на бързъ комонь*. 2017: А. А. Зализняк предлагает читать *въ(з) вържесе* [Зализняк 2008: 473], что, на наш взгляд, избыточно и требует верификации предлагаемого здесь глагола по диалектным данным.

337. *Скочи съ него босымъ вълкомъ*. 1985: По поводу словосочетания «босый волк» существует обширная литература. В брянских говорах сло-

восочетание «бегать как босый волк» означает «быстро бегать» [Козырев 1976а: 95]. 2017: Глагол *скоčiti* и его производные (ср. *поскоçашие*), похоже, одна из примет языка автора «Слова...». См. также: [Подкорытова 2007: 143—150].

341—342. *Претъргоста бо своя бързая комоня*. 1985: И сказуемое и дополнение стоят в форме двойственного числа, согласуясь с подразумеваемым подлежащим. Употребление форм двойственного числа здесь соответствует смыслу излагаемого, не исключено, что Игорь и Овлур, отправляясь в далекий путь, не имели запасных коней. Ипатьевская летопись описывает побег Игоря из плена следующим образом: «Сии же пришедь ко рече, и перебрeдь, и вседе на конь, и тако поидоста сквозь вежа... И иде пешь 11 день до города Донця, и оттоле иде во свои Новьгородъ и обрадовашася ему» [Ипат. лет. 1908: стб. 651]. 2017: Для языка автора «Слова...» и произведений, возможно, принадлежащих ему же, характерны формы глагола *търгати*, *търгнути*, ср. в «Слове...» *утърже* и *выторже*. Любопытнейший пример употребления этого глагола дает нам Краткая редакция «Повести об убиении Андрея Боголюбского», принадлежащая Кузьмищу Киянину: «Онъ же въ оторопе въскочивъ, поиде по них, *начя търгати* и *г(лаго)лати въ болезни с(е)рдца*» [Лет. Пер. Сузд. 1995: 100]. Этот текст, старейший среди списков Краткой редакции данной повести и датируемый осенью 1174 г., — единственный список, дающий корректное чтение этой фразы, другие тексты — Краткая редакция по Лаврентьевской, Радзивилловской, Суздальской летописям, Пространная редакция по Ипатьевской летописи — дают чтение *начать рыгати / ригати*, переводимое исследователями как ‘начал рыгать’, в действительности же речь идет о том, что смертельно раненный князь Андрей начал *търгати* — ‘биться в конвульсиях’, и мы находим еще один пример совпадения редких слов между текстами мусин-пушкинской тетради и «Повестью об убиении Андрея Боголюбского».

342—344. *Донецъ рече: «Княже Игорю, не мало ти величїя, а Кончяку нелюбія, а Русьской земли веселїя»*. Обращения человека к явлениям и стихиям природы встречаются в фольклоре, откуда они, видимо, попали в плач Ярославны, но диалог человека и реки имеет косвенные аналогии лишь в сказках. «Не мало ти величья» — формула взаимной похвалы Донца и Игоря, возможно, традиционная для заклинаний-благопожеланий.

345. *Лелѣявишу князя на вълнахъ*. Может быть, какую-то часть пути Игорь и Овлур преодолели по реке — в лодке или верхом по речному мелководью, чтобы не оставлять следов.

347—348. *Стрежаше его гоголемъ на водѣ..* 2017: В источниках «е гоголем» — очевидная гаплография. С. П. Обнорский предложил читать *стерегу* [Обнорский, Бархударов 1999: 230]; в украинских говорах есть глагол *стрешити* ‘покрывать, укрывать’, возможно, не понятый последним переписчиком мусин-пушкинской тетради (см. наст. изд.).

348—349. *Чаицями на струяхъ, чърнядьми на ветрехъ.* «Чаица» — один из видов чаек. «Чернеть» — название нырковых уток [Шарлемань 1948: 113].

349—350. *Не тако ли, рече, река Стугна, худу струю имея, по-жъръши чюжси ручьи и струги, рострена къ усту.* 1985: Стугна — правый приток Днепра ниже Киева. В первом издании: «ростре на кусту». Принимается поправка М. А. Максимовича, поддержанная Н. С. Тихо-нравовым, А. А. Потебней и другими комментаторами. Слово «струга» — ‘струя’ — обычно для южнославянских памятников XVI—XVII вв. [Котков 1961: 68—69]. 2017: на современных картах Стугна к устью разделяется на два рукава [Чернов 2010: 203].

351. *Уношю князя Ростислава затвори днѣ.* В первом издании: «князю Ростиславу» — очевидная описка под влиянием формы «уношю». В «Повести временных лет» (под 1093 г.) рассказывается о том, что Владимир Мономах и Ростислав, потерпев поражение от половцев, «прибе-гоша к реце Стугне и обрете Володимеръ с Ростиславомъ, и нача утопати Ростиславъ пред очима Володимерима. И хотъ похватити брата своего, и мало не утопе самъ. И утопе Ростиславъ сынъ Всеволожъ». Далее сказано: «И плакася о немъ мати его и вси людѣи печалиша си по немъ уности его ради». Как видно из текста, эти выражения воспроизведены автором «Слова...» почти буквально. *Днѣ при темне березе.* В первом издании: «Днепръ темне березе» — без грамматического согласования (Днепръ — притяжательное прилагательное, но не существительное). Поправка «дне» (на дне) известна уже давно (П. П. Вяземский, М. В. Щепкина и др.). «Темне березе» — прилагательное «темный» имеет здесь не столько цветовую, сколько эмоциональную окраску.

353. *Унышиа цвѣты жсялобою, и древо ся туюю къ земли приклонило.* 1985: Повторение уже встречавшейся однажды формулы с вариативным лексическим наполнением. Обоснование поправки: «древу ся туюю» — вместо предлога «съ», вероятно, имелась возвратная частица в положении перед глаголом, «туюю» — творительный падеж в значении причины. 2017: Показательно, что в четырех списках «Задонщины», представляющих Пространную редакцию (в Кирилло-Белозерском списке это место «Слова...» не имеет соответствий), в параллельных со «Словом...» пассажах и явно из «Слова...» заимствованных читается *древеса*, форма, не закономерная для множественного числа слова *древу* для языка XIV—начала XV в. Ср.:

1) *...а дрѣвеса туюю к земли приклонишася* (ГБЛ, собр. Ундольского, N 632, список «У») [«Слово...» и памятники 1966: 538];

2) *...а дрѣвеса к земли туюю преклонишася* (ГИМ, собр. Музейское, N 2060, список «И-1») [«Слово...» и памятники 1966: 543];

3) *...лита, а дрѣвес(а) туюю к земли преклонишася* (ГИМ, собр. Музейское, N 3045, список «И-2») — по иронии судьбы этот список, не имеющий начала, открывается интересующей нас фразой [«Слово...» и памятники 1966: 546];

4) ...а дрѣвеса тугами приклонишася до земли (ГИМ, собр. Синодальное, N 790, список «С») [«Слово...» и памятники 1966: 554].

Складывается впечатление, что «Задонщина», пусть и в преобразованном виде, сохранила чтение, более близкое к оригиналу «Слова...», нежели чтение мусин-пушкинской рукописи.

356—357. *Полозіе ползошя только*. Источники текста воспроизводят это место по-разному: первое издание — «полозію ползошя», в переводе: «двигались... по сучьям». Екатерининская копия — «по лозию ползаша». Принимаем поправку Вс. Ф. Миллера и Е. В. Барсова, обоснованную натуралистом Н. В. Шарлеманем: «полозю — полозы, крупные неядовитые степные змеи» [Шарлемань 1948: 121—122].

358—365. *Мълвить Гза къ Кончякови: «Аже соколь къ гнезду летить»* и т. д. Стилистически разговор половецких ханов близок двум отрывкам «Слова...» — «речи бояр» и предсмертной фразе Изяслава Васильковича: для этого фрагмента «Слова...» характерно обилие поэтических синонимов, неоднократно встречавшихся в тексте ранее. «Злачеными стрелами» — об эпитете «золотой, золоченый» применительно к княжеским атрибутам см. 51. В соответствии с литературным этикетом времени создания «Слова...» у русского князя — «златъ стремянь», «златыи шеломъ», у половецких ханов — «злаченые стрелы». Глагол «опутати» является, с одной стороны, термином соколиной охоты, с другой стороны, устойчивым элементом фразеологии свадебного фольклора. В данном контексте словесные ассоциации объединяют оба значения. Владимир Игоревич (сын Игоря) во время пребывания в плену женился на дочери Кончака. По всей вероятности, договоренность об этом браке существовала задолго до похода и плена Игоря — ранее Игорь и Кончак неоднократно выступали как союзники. На Русь Владимир Игоревич вернулся в 1187 г. По сообщению Ипатьевской летописи: «*приде Володимерь ис половець с Коньчаковною, и створи свадьбу Игорь сынови своему и венча его и съ дѣтятемъ*» [Ипат. лет. 1908: стб. 659]. Время возвращения Владимира Игоревича из плена иногда принимается за аргумент для датировки «Слова...» временем после лета 1187 г., с чем трудно согласиться.

366. *Рекъ Боянъ и Ходына*. 1985: В первом издании: «и ходы на». Принимается исправление И. Е. Забелина: «Ходына» [Забелин 1894: 297—301], поддержанное и другими комментаторами (В. Н. Перетц, Д. С. Лихачев и др.). Такое чтение подтверждается употреблением далее форм двойственного числа — «песнотворця». В древнегерманской поэтической традиции сохранились отголоски исполнения поэтических произведений двумя певцами (см.: [Стеблин-Каменский 1979: 67—68; Шарыпкин 1973: 195—201]). В одном из древнеанглийских поэтических памятников говорится: Мы со Скиллингом возгласили / Голосами чистыми / Зычно пред хозяином / Песносказанье наше [Видсид 1982: 20]. Правда, комментаторы этого отрывка [Там же: 259] расходятся во мнениях относительно того, кому принадлежит имя Скиллинг — сотоварищу певца по поэтическому

искусству или музыкальному инструменту певца. 2017: А. Ю. Чернов видит в указанном месте древнеанглийского стихотворения упоминание о скиллинггах, т. е. шиллинггах [Чернов, 2006а: 173].

367. *Ольгова коганя хоти*. Как думают исследователи, Боян и предполагаемый Ходына были любимцами (*хоти*) Олега Святославича. Олег Святославич (см. 76) был Тмутороканским князем, поэтому именование его каганом вполне закономерно. В древнерусских литературных памятниках и надписях каганами назывались Владимир и Ярослав Мудрый. По мнению С. А. Высоцкого, этот титул носил также Святослав Ярославич и, возможно, другие великие князья второй половины XI в. [Высоцкий 1966: 49—52].

368—369. *Тяжько ти головѣ кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы*. 2017: Судя по всему, цитаты из репертуара Бояна имеют источники в восточном фольклоре. В «Сокровенном сказании монголов» читаем: «Труся рысцой за братом своим, Бугу Хадаги, говорит ему Бодончар: „Брат, а брат! Добро человеку быть с головой, а шубе — с воротником“. Брат его, Бугу Хадаги, не понял, к чему эти его слова» [Сокровенное сказание 1941, § 33].

370—371. *Девиси поють на Дунаи, вьються голоси чрезь море до Києва*. Не вполне ясно, идет ли речь о реальном Дунае или о Дунае как эпической реке. Возможно, таким образом выражается радость жителей дунайских берегов по поводу того, что с возвращением Игоря на Русь миновала угроза вторжения половцев на запад (см. выше: «и великое буйство подаста хинови», 196—197).

372. *Игорь едет по Боричеву*. Боричев взвоз (подъем) — кратчайший путь между Верхним городом и Подолом в Киеве (современный Андреевский спуск).

372—373. *Къ святеи Богородици Пирогощен*. 1985: Речь идет о церкви в Киеве на Подоле, построенной в 1132 г. при Мстиславе. Церковь названа так по находившейся в ней иконе Богородицы Пирогощей, привезенной в Киев из Византии. Этимология названия «Пирогощая» до сих пор вызывает споры. Д. С. Лихачев, ссылаясь на В. З. Завитневича и Н. П. Кондакова, считает, что «Пирогощая» означает «башенная», и объясняет происхождение этого названия тем, что в Константинополе эта икона находилась во Влахернской церкви, похожей на башню [Лихачев 1978: 222—224, 227—228]. Более вероятна этимология А. И. Соболевского, который считал, что «Пирогощая» — притяжательное прилагательное от имени Пирогость; возможно, это имя купца или боярина, привезшего икону из Константинополя в Киев [Соболевский 1910: 236]. Следует иметь в виду, что «Пирогощая» — не официальное наименование иконы и церкви, а народное. (О связях Влахернского храма в Константинополе с Древней Русью и в частности с Киевом см.: [Александров 1983: 77]). Б. А. Рыбаков показал, что если Игорь едет по Боричеву к Пирогощей, то он не въезжает в Киев, как думали ранее, а едет из Верхнего города, где

располагалась княжеская резиденция, на Подол, т. е. направляется в сторону Чернигова после встречи с великими князьями Святославом и Рюриком [Рыбаков 1972: 276]. Возможно, Игорю были устроены торжественные проводы. 2017: А. Ю. Чернов, объясняя, почему Игорь едет именно к церкви Богородицы Пирогошей, цитирует слова Д. С. Лихачева: «С точки зрения феодального этикета, мы можем с полной определенностью ответить на вопрос о том, почему Игорь едет не к Богородице Десятиной и не к Софии: Игорь не был киевским князем, он не мог ехать к чужому княжескому столу и к чужой патрональной святыне. В эти два храма по возвращении из похода могли ехать только киевские князья, что и отмечено летописью в нескольких случаях под XII в.» [Чернов 2006а: 322; Лихачев 1978а: 275]. Можно предполагать, что Игорь оказался в Киеве 1 октября 1185 г., как раз в праздник Покрова, а икона Богородицы Пирогошей и была иконой Покрова, а сам праздник на Руси был сравнительно новым [Чернов 2006а: 330—332]. В связи с этим обращает на себя внимание символика укрывания и оберегания в предшествующих эпизодах «Слова...»: «*лелѣвъшию князя на вѣлнхъ, стлавъшию ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавъшию его теплыми мѣглами подѣ стѣню зелену древу, стрежаше его гоголемъ на водѣ*» Л. Е. Махновец высказывает предположение, что Игорь имел намерение посетить храм Богородицы Пирогошей в храмовый праздник Успения Богородицы 15 августа (см.: [Творогов 1995: 141—142]). *Страны рады, гради весели.* 1985: Ипатьевская летопись отмечает радость, с которой во всех городах встречали вернувшегося из плена Игоря: «...иде же во свои Новѣгородъ, и обрадовашася ему. Из Новагорода иде ко брату Ярославу к Чернигову... Ярослав же обрадовася ему... и радъ бысть ему Святославъ, такъ же и Рюрикъ свать его» [Ипат. лет. 1908: стб. 651]. 2017: Начало строительства церкви Богородицы Пирогошей является сюжетом одной из миниатюр Радзивилловской летописи (ил. 382), хотя маловероятно, что Кузьмище Киянин — согласно нашим разысканиям, автор миниатюр РЛ и «Слова...», мог быть непосредственным свидетелем этого события. Ср.: «*Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью. С плачем несущий семена возвратится с радостью, неся снопы свои*» (Псалтирь. 125, 5—6) — уравнивается метафора битвы-сева (см. 127—129), и противопоставление плача-радости.

375—376. *Слава Игорю Святъславличю, буи туру Всеволоду, Владимиру Игоревичю.* Два отчества «Святъславличю» и «Игоревичю», имя «Всеволоду» в этой фразе не согласованы грамматически с именем и прозвищем «буи туру» и имеют варианты по источникам (Святъславлича, Всеволоде — в первом издании; Святъславличъ, Всеволоде, Игоревич — в Екатерининской копии). Весьма вероятно, что во всех трех случаях мы встречаем внесенные в текст читательские пометы — глоссы, поясняющие, о ком именно идет речь в заключительной части текста. Выше подобные случаи можно предполагать в уникальных прозвищах князей Голославличъ и Осмомысль.

376—377. *Здрави князи и дружина, побарая за християны на поган-
ва пълки*. 2017: Ср. «Азь же велми пою и хвалю кончающихся при бра-
ни» [Мещерский 1958: 400].

378—379. *Княземъ слава, а дружинѣ. Аминь*. 1985: В первом изда-
нии и Екатерининской копии между словами «дружине» и «аминь» нет
точки, хотя в первом издании слово «аминь» набрано с прописной буквы,
а в переводе читается: «Слава князьям и дружине!» Чтение первого изда-
ния (отсутствие знаков препинания) повлияло на перевод В. А. Жуков-
ского: «Слава князьям, а дружине аминь!» — и И. А. Новикова: «...а дру-
жине, polegшей в бою, — вечная память!» Подобное прочтение древне-
русского текста совершенно невозможно: слово «аминь» — древнееврей-
ского происхождения, имеет значение ‘истинно, верно’. Так обычно
заканчивались во всех христианских странах богослужебные и учитель-
ные тексты, оно также стало устойчивой концовкой для литературных
произведений. 2017: Слово *аминь* стоит в финале «Девгениева деяния»
[Библиотека литературы 2004: 90 и 91]. Словом *аминь* заканчивается
и Краткая редакция «Повести об убиении Андрея Боголюбского», и это
завершение текста отделяет самое «Повесть» от других сведений за тот же
год, не входящих в ее текст ([Лавр. лет. 1856: 158; Радз. лет. 1989: 139;
Лет. Пер. Сузд. 1995: 101]; ср. также: [Ипат. лет. 1908: стб. 595]), — при
том, что слово *аминь* встречается в Лаврентьевской летописи всего триж-
ды, и здесь на фоне множества аналогий это скорее признак авторской
манеры, нежели случайное совпадение с финалом текста «Слова...».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все в порядке: лежит поэма.
И, как свойственно ей, молчит.
Анна Ахматова. Поэма без героя.

Итак, книга закончена. Что ж делать дальше?

Наверное, прежде всего стоит обратиться к читателю, который подумает так:

— Ничего себе! Автор собрал вместе все, что мог, приписал одному автору и «Слово...», и переводы, и миниатюры летописи, и владимирские соборы и теперь будет гордиться тем, что установил его имя, которое и без него было известно. Так все смогут...

Придется сразу сказать — в процессе обобщения и определения наследия Кузьмища собрано далеко не все, о чем знают специалисты. И не все из привлекаемого «подошло» Кузьмищу Киянину как автору «Слова...», хоть он и универсальный гений¹. Так, стало ясно — Кузьмище не имеет отношения к древнерусскому переводу «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и к киевским храмам, построенным до начала XII века.

Из литературных сочинений пока с его именем связываются только произведения мусин-пушкинской тетради и «Повесть об убиении Андрея Боголюбского», причем в Краткой, а не в Пространной редакции; последняя, как представляется, была доработана одаренным Подмастерьем Кузьмища, коллегой по цеху, талантливым, но менее опытным литератором. Миниатюры Радзивилловской летописи — да, по тематике, топике, эстетике и художественной этике это, безусловно, Кузьмище, это его топика, эстетика, аксиология, его автопортреты — как у К. Брюллова в «Последнем дне Помпеи» или у О. Монферрана на фронте Исаакиевского собора. Но фрески, сохранившиеся для нас с XII в., в его наследие пока что не вписываются, хотя по неко-

¹ О связи «Слова...» с музыкальным искусством Руси и Византии см.: [Серегина 2011].

торым миниатюрам кажется, что их автор владел техникой фресковой живописи и ее стилистикой. Архитектурные сооружения, те же храмы — ведь фантазия могла бы отправить Кузьмища строить церкви в Новгород, Псков, Смоленск, Полоцк, но это нереально. Одно время автору казалось, что протограф Радзивилловской летописи вообще был домашней летописью, любимой книгой Кузьмища, которую мастер переписывал и иллюстрировал для себя лично, но эту красивую мысль ставит под сомнение диссонанс содержания летописных статей и миниатюр, относящихся к самому концу XII—первым годам XIII в. В тексте летописи за последние годы XII в. говорится о постройке новых храмов, как раз то, что могло интересовать архитектора на покое, а на миниатюрах изображаются деяния героев «Слова...». Отчасти это понятно: храмы и их строительство Кузьмище рисовал почти с натуры, а батальные сцены миниатюр — понятно, в соответствии с канон. Для того, чтобы увеличился объем наследия Кузьмища-архитектора, необходимы тщательные, прежде всего технологические, а потом уже искусствоведческие исследования храмов второй половины XII—начала XIII в. в Киеве, Чернигове, городах Чернигово-Северской земли.

Кто-то решит — для автора книги нет никаких авторитетов. Он и ортодоксов критикует, и над скептиками издевается.

Наша книга посвящена специальным проблемам, обозначенным в подзаголовке «текст, язык, автор». Мы не стремимся обновить текст «Слова...» изобилием поправок, не выражаем разногласий с такими исследователями грамматики языка «Слова...», как С. П. Обнорский и А. А. Зализняк, по одной причине — у нас нет разногласий с традицией изучения языка «Слова...». Если три издания книги А. А. Зализняка ныне подвергают в истерику доморожденных «словофобов», лично автора давно во всем убедили совсем не полемические рассуждения С. П. Обнорского, который дал системное описание языка «Слова...» в контексте исторической грамматики русского языка старшего периода — до первой трети XIII в.

Что касается последнего пункта «автор», книга представляет новую концепцию, имеющую новую систему оснований. Л. А. Дмитриев писал: «Ни в „Слове“, ни в каких-либо других исторических и литературных памятниках данных об Авторе „Слова...“ нет. Основным источником наших представлений о нем является только текст „Слова...“» [Дмитриев 1987: 24]. Текст как повествование, действительно, ничего не сообщает об авторе «Слова...». Но лексика текста «Слова...», его грамматика, лексические микросистемы, находимые в тексте, художественные средства, в частности, характерные эпитеты, в сопоставлении с другими произведениями могут дать внутренние указания — в направлении от текста памятника к персоне автора. Такие

указания — сходство языка — и позволили указать на то, что мусин-пушкинская тетрадь объединяет тексты, написанные одним автором, а затем на том же основании сходства языка связать их с личностью Кузьмища Киянина, киевского зодчего. Текст — это не только слова, но и изображаемые в нем предметы, описываемые в нем ситуации и действия. Оба сочинения — «Слово о полку Игореве» и «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» оказались сопоставимы не столько с повествованием Радзивилловской летописи, сколько с ее миниатюрами, не всегда привязанными к летописному повествованию. Так появилась идея о единстве автора — переводчика, писателя, художника-миниатюриста, а зафиксированное Ипатьевской летописью его имя как архитектора — Кузьмище Киянин — было давно известно. Объем связей между топижкой повествований и изображений, поэтикой словесных текстов, темами, эстетикой, аксиологией рисунков на миниатюрах летописи продолжает расти. Остальное в проблемах изучения «Слова...» продолжает привлекать внимание, но тут у каждого исследователя свои предпочтения — отошлем читателей к добротной монографии А. Н. Ужанкова [Ужанков 2015], более традиционной по проблематике. И заметим напоследок, что зодчий Кузьмище Киянин вполне удовлетворяет тем требованиям, которые предъявляли к Автору «Слова...» Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев — может быть, даже подходит под эти требования в максимальной степени. Словосочетания «златоверхий терем» и «златокованный стол» говорят об авторе «Слова...» больше, чем любые поиски анаграмм или тайнописи в «Слове...».

Естественно подумать о том, чем же заниматься дальше, изучая «Слово...»?

Первое, о чем хочется сказать, — не надо ждать милостей от судьбы в надежде на новые археографические или археологические находки. «Золотой век» в археографии произведений древнерусской литературы, к сожалению, давно закончился. Среди археологов находки печати Игоря Святославича в Пскове [Белецкий В. Д., Белецкий С. В., 1988] или находка чаши с именем Игоря [Коваленко 1998] — это почти сенсации, это когда очень повезет — впрочем, вспомним пословицу, согласно которой кому повезет, у того и петух снесет: стоит посмотреть указатель трудов черниговского археолога В. П. Коваленко (1954—2016) [Коваленко 2014], где множество работ имеет отношение к разнообразным предметам «Слова...».

Отчасти эта книга показала, где именно открываются поля для новых наблюдений и новых находок в отношении к «Слову...». Это прежде всего язык «Слова...» как лексика — в равной мере в исторических памятниках русского языка, к каковым относятся не истошающиеся в Великом Новгороде берестяные грамоты, и в необозримых

ресурсах русских народных говоров, распространившихся на огромной территории Европейской России и Сибири. И тут одна из актуальных задач, как представляется из опыта, — это *составление нового «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“*», в котором можно было бы учесть и данные новых исторических словарей русского языка, и факты староукраинского и старобелорусского языков, и материалы русских и украинских народных говоров — правда, тут желательно немного подождать, пока выйдет последний выпуск «Словаря русских народных говоров». Поиск параллелей в лексике, сочетаниях слов, поэтической фразеологии для «Слова...» и других памятников древнерусской книжности будет длиться бесконечно. Даже из древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия выбраны и обнародованы еще не все параллели к «Слову...», а ведь мы уже имеем не только издание этого памятника по Виленскому Хронографу, подготовленное Н. А. Мещерским [Мещерский 1958], но и издание его по Архивскому списку [Пичхадзе и др. 2004].

Как известно, связь «Слова...» с произведениями устного народного творчества — это идея, некогда популярная в науке. Уже никто не считает «Слово...» фольклорным произведением, былинной или образцом иного жанра (такие идеи и раньше популярностью не пользовались, а в дискуссии 1963—1964 гг. скорее дискредитировали тех, кто к ним апеллировал). Однако можно рассчитывать на то, что публикации, архивные материалы или даже новые полевые записи могут дать новые фольклорные параллели к «Слову...», и здесь надо иметь в виду не только русский или славянский, но и восточный фольклор. В комментариях к «Слову...» в их современной части (см. настоящее издание) отмечено, что игра на струнном инструменте — хуре сравнивается с лебединым пением в калмыцком эпосе «Джангар», причем в разных версиях этого эпоса. Значит, в восточном фольклоре есть что искать. А как объяснить то, что при описании бегства Игоря используются те же сравнения, какими характеризуется бег богатырского коня в якутском олонхо: *«Добрый конь, ему предназначенный, помчался бешено... Горностаем стелясь, жеребенком скача, волком несясь...»* [Кыяс Дэбилийэ 1993: 163, 165].

Кто-нибудь непременно спросит — да у вас автор «Слова...» знал и тюркский язык? Отвечу — и древненорвежский тоже. Разбирался в формах, жанрах и образах скандинавской поэзии, знал мифологию, превращавшуюся в поэтические образы. А насчет тюркского — так его хотел признать болдыром-полукровкой даже не Олжас Сулейменов, а авторитетнейший тюрколог Н. А. Баскаков, хотя это было приемлемо не для всех концепций. Нельзя судить о знании языков по личному опыту, связанному с отечественной средней школой середины минувшего века.

Кладезь новых фактов — это более чем двухвековая история издания и изучения «Слова о полку Игореве». Да, многое уже получило освещение в пятитомной «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“», увидевшей свет в 1995 г., и это издание, как и «Словарь-справочник...» и многие книги по «Слову...» (увы, не все), доступно в ресурсах Интернета в электронной версии. Как мы видим, отыскиваются даже издания текста «Слова...», принадлежащие тем ученым, которые не обойдены вниманием в «Энциклопедии „Слова...“». Состав «Энциклопедии», хотя он и очень хорош, мог бы быть пополнен и реалиями, связанными с лексикой текста «Слова...», и персоналиями, и статьями лингвистического характера. Прошло более 20 лет с момента выхода в свет «Энциклопедии...», и если серьезно полагать, что «Слово...» — как Пушкин — это наше все, то надо думать о новом издании «Энциклопедии...». Любое издание текста «Слова...», любая публикация по «Слову...», увидевшая свет в XIX в. или первой половине XX в., может стать сюжетом историографического исследования.

Перспективное занятие для любителей научного ерничанья — комментирование трудов скептиков, они же «словофобы»: уверяем, там еще лет на 50 хватит предметов для юмористических миниатюр. Впрочем, изменение *рыгати* на *търгати* в тексте «Повести об убийнии Андрея Боголюбского» — не слишком смешно, даже если у кого-то издаваемый совершенно корректный текст в древнем издании позапрошлого века не совпадает с собственным переводом.

Реконструкции древнерусского текста «Слова...» и в особенности переводы «Слова...» на русский язык и на все другие языки в наши дни существуют в таком количестве, что кажутся необозримыми. Но и техническое обеспечение исследований «Слова...» не стоит на месте: мы имеем размещенный в Интернете ([Электронный ресурс] / URL: <http://nevmenandr.net/slovo> (дата обращения: 10.11.2017)) прекрасный Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве», составленный Б. В. Ореховым [Орехов 2008; 2009]. В нем также заключено бесчисленное множество тем для полезных и серьезных исследований, связанных с сопоставлением переводов отдельных авторов, переводов, близких по времени, или, наоборот, значительно отстоящих друг от друга по времени. Очень важные результаты обещает сравнение отдельных поэтических переводов «Слова...» с прозаическими переводами тех научных изданий, на которых основывались их авторы, что всегда можно определить по пониманию тех или иных фрагментов «Слова...». Есть возможность задаться целью и составить словарь лексических эквивалентов к древнерусским словарным единицам «Слова...», можно рассматривать отдельные образы памятника в сравнении с художественными решениями переводчиков на уровне характера поэтических фигур и их лексического наполнения. Кроме этого, увлека-

тельный научный поиск обещает обнаружение ранее неизвестных и новых переводов «Слова...» на современный русский язык — а их может найтись немало и среди второстепенных забытых литераторов, и в провинции, и в литературе русского Зарубежья разных периодов. Еще пока не сверены научные прозаические переводы «Слова...», помещенные в разных изданиях, но при этом выполненные одними и теми же авторами — как правило, известными специалистами по древнерусской литературе.

Вечно актуальная задача — новый академический комментарий к тексту «Слова...» и к его научному переводу. Такие комментарии появляются в научных изданиях «Слова...» раз в 25—30 лет — в 1950 г. в серии «Литературные памятники», в трех изданиях «Библиотеки поэта» (1953, 1967, 1985). Комментарий к изданию 1985 г., как и комментарий, публикуемый в этой книге, все же не вполне академический, он не всеобъемлющ, за его текстом остается слишком многое, это не самостоятельная книга, а всего лишь приложение к тексту. Настоящий академический комментарий к «Слову...» был написан в 1926 г. академиком В. Н. Перетцем [Перетц 1926а], без него и сейчас невозможно заниматься научной работой над «Словом...».

Задача подготовки академического комментария к «Слову...» в наши дни намного упрощена созданием «Энциклопедии „Слова...“», которая послужит надежным основанием для такого комментария. Теперь составителям комментария уже не придется искать очень многое с самого начала в огромном количестве работ, остается лишь учитывать новую литературу, новые мнения, новые факты и новые чтения текста памятника, когда они появляются и если они заслуживают внимания.

Кстати, новое критическое издание «Слова...», в аппарате которого учитывались бы не только варианты текста по первому изданию 1800 г., по Екатерининской копии и другим известным источникам, но и разные варианты прочтений и понимания текста памятника отдельными издателями в объеме полного свода, остается пока несбыточной мечтой. А оно необходимо — ну хотя бы для того, чтобы в вариантах чтений «темных мест» не предлагались в роли новых находок те решения, которые уже давно известны в литературе, и чтобы у новых интерпретаторов «Слова...» перед глазами был образец такой же работы, обобщающий труд многих поколений ученых.

Настало время подготовить и выпустить антологию «„Слово о полку Игореве“ в русской филологической науке XIX—XX веков» в нескольких томах, куда вошли бы лучшие и наиболее часто цитируемые книги и статьи о «Слове...», ставшие библиографической редкостью и сопровождаемые комментариями. Продолжением ее должен

стать том «„Слово о полку Игореве“ в зарубежной филологической науке».

Последнее предложение, воспроизводящее нерешенные задачи в изучении уже не самого «Слова о полку Игореве», но его литературного окружения, которое составляют оригинальные и переводные памятники древнерусской литературы XI—XIII вв., — это полный указатель цитат из книг Ветхого Завета и Нового Завета и из творений всех религиозных писателей времен раннего христианства и времен Византийской империи во всех светских произведениях древнерусской литературы этого времени. Мы должны знать источники таких цитат, иметь возможность не только определить, из какой книги и какой главы Священного Писания или из сочинения какого из церковных авторов происходит та или иная цитата, но и иметь возможность сравнить ее текст с оригиналом или с самым ранним славянским переводом данного сочинения. Только так мы сможем разобраться в источниках каждой цитаты и решить вопрос, имеет ли апелляция к Священному Писанию или авторитетному писателю собственно книжный характер или образованный писатель имел возможность приводить собственные перевод цитаты, сделанный по памяти.

Автор данной книги ожидает, что эта книга по выходе в свет вызовет множество нареканий. Одна группа недовольных — это те, кто будет предъявлять миру новых и новых кандидатов в авторы «Слова...», уже подходящих под критерии Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева, хотя под эти критерии подходит и Кузьмище Киянин.

Другая группа — это скептики или «словофобы», взыскующие фальсификаторов, алчущие подделок настолько, что сами начали сочинять их. Таких больше, и они довольно агрессивны. Видимо, они уже догадались, что их сочинения из «Товарищества писателей по-на Мойке» не замалчиваются, а очень даже внимательно читаются. Что же, ждем... Как поет Александр Городницкий, «*Если хама плетью — хам рад, Ежели молебном — хам зол*», или все-таки бард sluкавил — и не молебном, а поленом? А пока есть смысл задуматься над вопросом: почему же что ни «скептик» — то либо невежда, либо лгун. Напомним примеры:

1) А. А. Зимин «забывает», что сабли *есть* в летописях до XIII в. и даже в словаре И. И. Срезневского дано 10 примеров употребления этого слова для данного периода [МСДРЯ, стб. 3122];

2) С. В. Власов и Д. Г. Демидов молчат о том, что их «документ „Е1“» — это наборный экземпляр предисловия к печатному изданию «Слова о полку Игореве» 1800 г. [Слово 1800], а имеющиеся копии перевода «Слова...» сверх «Е2» были проанализированы Л. К. Ильинским [Ильинский 1920];

3) В. М. Богданов и Н. В. Носов сообщают читателям, что древнерусский перевод «Истории Иудейской войны» — это выдумка Н. А. Мещерского, указывают на «яти» в конце слова вместо еров и видят подделку в словах «завтроку, и обѣду и ужинѣ»;

4) А. Костин преподносит нам то, что в этюде А. И. Гессена о Пушкине, на поверку содержащем сведения из четвертых рук (участники событий — П. И. Бартенев — М. А. Цявловский — А. И. Гессен) и оказавшемся компиляцией, есть какая-то тайна. Тут читатели могут посмотреть первоисточник [Бартенев 1925]) и взглянуть на текст списанной с каких-то печатных изданий Щукинской рукописи «Слова...», который выдается за «реконструкцию», якобы восходящую к В. К. Тредиаковскому²;

5) интернет-скептикам, постерам с форумов, которым в школьной программе и всюду мерещатся подделки и «доказательства», — хорошо, сейчас в два вопроса будет доказано их собственное происхождение:

— Ваша мама с вами в зоопарк ходила?

— Ходила.

— А Апулея и Овидия вы читали?

Кто следующий?

В общем, изучение «Слова о полку Игореве» в новом научном контексте только начинается. Все еще впереди.

Вопросы к скептикам и сомневающимся

1. Можно ли пересмотреть ныне бесспорный тезис о том, что Краткая редакция Задонщины изготовлена из Пространной редакции Ефросином в единственном экземпляре? (Сам А. А. Зимин предупреждал читателей, что если Пространная редакция окажется первичной, то его концепция разрушится.)

2. Можно ли допустить, что при составлении «Слова...» сводились и сверялись разные списки «Задонщины», причем те самые, что известны нам?

3. Кем же был Иоиль Быковский — образованнейшим архимандритом или невежественным монахом, не знавшим церковнославянских падежей? Если Иоиль хорошо знал украинский и польский языки, по-

² Для оценки измышлений А. Кунгурова и А. Тюрина здесь достаточно одной цитаты: «Один из настоятелей монастыря приказал эту запись вымарать» (курсив наш. — А. Б.). Вы слышали когда-нибудь, чтобы в монастыре было несколько настоятелей? Прописные буквы в полууставе как средство деления текста на слова — такое же «открытие»...

чему в тексте «Слова...» есть следы утраты редких, известных только украинскому языку, лексем, которые могли быть непонятны на Севере?

4. Был ли Иоиль Быковский все-таки лично знаком с А. И. Мусиным-Пушкиным? «Словофобы», внимание: даже А. А. Зимин говорит об этом — в половине строки — только как о предположении.

5. Что же именно приобрел А. И. Мусин-Пушкин у Иоиля — рукопись «Слова...», сборник-конволют со «Словом...» или половину его библиотеки?

6. Спасо-Ярославский (Спасо-Преображенский) монастырь был преобразован в архиерейский дом указом Екатерины II 3 июля 1787 г., а время знакомства И. П. Елагина со «Словом...» датируется 1787—1788 гг. А. И. Мусин-Пушкин стал обер-прокурором Синода по указу от 26 июля 1791 г., а указ, предписывающий собрать древние рукописи и старопечатные книги в Синоде, датирован 11 августа 1791 г. А. И. Мусин-Пушкин начал собирать свои коллекции в 1775 г., вышел в отставку и переехал в Москву в 1797 г., а Иоиль Быковский скончался 25 августа (5 сентября) 1798 г. Реальны ли вообще возможности приобретения сборника со «Словом...» А. И. Мусин-Пушкиным в Ярославле?

7. Почему пропажа сборника («Хронографа») со «Словом...» в итоге не подтверждается ярославскими описями книг?

8. По каким причинам те, кто высказывает сомнения в подлинности «Слова о полку Игореве», не дают себе труда составить представление о русских подделках письменных памятников начала XIX в. [Пыпин 1898]? В конце XVIII в. в России подделка памятника XII в. в позднейшем списке на бумаге выглядит абсурдом.

9. Почему А. И. Мусин-Пушкин и А. Ф. Малиновский купили у А. И. Бардина поддельные рукописи «Слова...», если «Слово...» было написано ими?

10. Почему в книге А. А. Зимина общеизвестные факты (слово «сабля» в летописях XII в., корректное чтение слов *бебрянъ рукавъ* и т. п.), зафиксированные в научной литературе до 1960 г., замалчиваются или искажаются?

11. Откуда «Сказание об Индийском царстве» и «Повесть об Акире» попали в конвой «Задонщины»?

12. Почему «Сказание об Индийском царстве», традиционно имевшее более поздние датировки перевода, чем две другие повести («Повесть об Акире» и «Девгениево деяние»), оказывается в мусин-пушкинской тетради в начале данной группы текстов?

13. Почему среди сторонников концепции А. А. Зимина, по сути, нет отечественных лингвистов — специалистов по истории русского языка и диалектологов, и приверженность ей являют литературоведы,

историки, узкие «толкователи» «Слова...» и некоторые зарубежные филологи?

14. Как объяснить, что определенные группы лексики встречаются в «Слове...», во всех текстах мусин-пушкинской тетради, в «Повести об убиении Андрея Боголюбского», причем преимущественно в Краткой ее редакции, хотя Пространная редакция в три раза больше Краткой?

15. Как объяснить, что в «Слове...» и в миниатюрах Радзивилловской летописи Владимир Глебович Переяславский ранен, но о его смерти не говорится ни в «Слове...», ни в изобразительном ряде Радзивилловской летописи?

16. Откуда появляется фигура стремennого (ил. 587) в Радзивилловской летописи?

17. Почему из 23 заключительных миниатюр Радзивилловской летописи почти все связаны с героями «Слова...»?

18. Почему исторический кругозор автора «Слова...» непротиворечиво укладывается в изобразительный ряд Радзивилловской летописи?

19. Почему на 613 миниатюр Радзивилловской летописи находятcя только два литературных памятника, с которыми летописный текст сопоставим по количеству и содержанию миниатюр, повествующих о тех же событиях, — это шесть миниатюр к «Повести об убиении Андрея Боголюбского» и восемь — к событиям 1185 г., изображенным в «Слове...». (Третий такой текст — Летопись Олега Гориславича с возможно присутствующими в ней рассказами о Всеславе — утрачен либо не существовал, но он был бы и хронологически не увязан ни с названными сочинениями, ни с миниатюрами летописи.)

20. Почему Краткая редакция «Повести об убиении Андрея Боголюбского» ближе к Слову», чем Пространная?

21. Почему фигура архитектора на строительстве Успенского собора (ил. 516) — единственная (первая и последняя) среди миниатюр Радзивилловской летописи со строительными сюжетами?

22. Почему значки копий направлены в разные стороны (*розно ся имъ хоботы пашють*) в основном на миниатюрах Радзивилловской летописи, посвященных княжеским междоусобицам?

23. Почему сабли выступают как оружие, недружественное для русских воинов, и в словесных текстах, и в миниатюрах Радзивилловской летописи?

24. Кто мог быть одинаково изображен на панихиде и на проводах тела князя Андрея Боголюбского (ил. 544, 546 Радзивилловской летописи)?

25. Кто мог пригласить игумена Арсения из храма Кузьмы и Демьяна отпевать убитого князя, если не Кузьмище — соименник одного из

святых и, соответственно, прихожанин храма, знавший Игумена? Зачем вообще этот храм упомянут в тексте?

26. Почему в миниатюрах Радзивилловской летописи с такой точностью изображена владими́ро-суздальская архитектура (наблюдение Н. П. Кондакова), если допускать, что храмы и миниатюры Радзивилловской летописи не имеют персональной связи друг с другом?

27. Можно ли верить в то, что автор «Слова...» не написал ничего, кроме «Слова...»?

28. Почему современные скептики — «словофобы» в идейном плане смыкаются с «Новой хронологией»?

БИБЛИОГРАФИЯ

Список источников

Воинские повести 1988: Воинские повести Древней Руси. Л., 1988.

ПЛДР 1981: Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV в. М., 1981.

Повесть временных лет 1950: Повесть временных лет. Ч. 1—2: Текст и перевод / подгот. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.

Сокровенное сказание 1941: Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. / пер. С. А. Козина. М.; Л., 1941. Т. I.

Словари и картотеки

Абаев 1958: *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. 1.

Аркушин 2000: *Аркушин Г.* Словник західнополіських говірок: у 2 т. Луцьк, 2000.

Гуйванюк 2005: Словник буковинських говірок. За заг. Рез. Н. В. Гуйванюк. Чернівці, 2005.

Верхратский 1902: *Верхратский И.* Про говор галицких лемків. У Львови, 1902.

Гринченко, т. 1—4: *Гринченко Б.* Словарь української мови. Київ, 1907—1909. Т. 1—4.

Гуцульські говірки 1997: Гуцульські говірки. Короткий словник / Відповід. ред. Я. Закревська. Львів, 1997.

Даль 1955: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1—4.

Древнетюркский словарь 1969: Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Желехівський 1886: *Желехівський.* Малорусько-німецький словник: у 2 т. / уложили Євгеній Желеховський та Софрон Недільський. Львів, 1886. VIII + 1118 + 10 с.

Карпенко 1971—1979: *Карпенко Ю. А.* Матеріали до словника буковинських говірок / под ред. Ю. А. Карпенко и др. Чернівці, 1971—1979. Вип. 1—6.

Керча 2007: *Керча Иг.* Русинско-русский словарь. Т. 1—2. Ужгород, 2007.

Лисенко 1974: *Лисенко П. С.* Словник поліських говорів. Київ, 1974.

Матіїв 2013: *Матіїв Микола*. Словник говірок центральної Бойківщини. Київ; Сімферополь, 2013.

Москаленко 1958: *Москаленко А. А.* Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958.

МСДРЯ 1893—1903: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. СПб., 1893—1903.

МСДРЯ 1958: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. I. С. 217.

Негрич 2008: *Негрич Микола*. Скарби гуцульського говору: Березови. Львів, 2008.

Онишкевич 1984: *Онишкевич М. Й.* Словник бойківських говірок: у 2 ч. Київ: Наукова думка, 1984.

Пипаш, Галас 2005: *Пипаш Ю., Галас Б.* Матеріали до словника гуцульських говірок. Ужгород, 2005.

Пиртей 2001: *Пиртей П. С.* Словник лемківської говірки. Legnica; Włocław, 2001.

Пиртей 2004: *Пиртей П. С.* Короткий словник лемківських говірок. Івано-Франківськ, 2004.

ПОС 1967—2013: Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Б. А. Ларина. Вып. 1—25. Л., 1967—2013.

Сабадош 2008: *Сабадош І.* Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород, 2008

Савчук 2012: *Савчук Д. П.* Словник українських говірок Карпатського регіону: пояснення та походження слів. Київ; Косів, 2012.

СДГВО 2003: Словарь донских говоров Волгоградской области / сост. В. И. Дегтярев, Р. И. Кудряшова, Б. Н. Проценко, О. К. Сердюкова. М.: Русские словари; Астрель, АСТ, 2003. 608 с.

СлДРЯ XI—XIV вв. 1988—1991: Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Вып. 1—4. М., 1988—1991.

Словарь карпоукр. 2001: Словарь карпатоукраинского торуньского говора. С грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001.

СлРЯ XI—XVII вв.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—26. М., 1975—2002.

СлСпрСПИг: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / сост. В. Л. Виноградова. М.; Л., 1965—1984. Вып. 1—6.

СРГК 1994—2005: Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994—2005. Вып. 1—6.

СРНГ 1965—1999: Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Соколов (вып. 24—35). М., Л.; СПб.: Наука, 1965—1999. Вып. 1—46.

Тресиддер 1999: *Тресиддер Дж.* Словарь символов: пер. с англ. М., 1999.

Турчин 2011: *Турчин Евгения*. Словник села Тилич на Лемківщині. Львів, 2011.

Фасмер 1964; 1971; 1972: *Фасмер М. Р.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1—4.

Шило 2008: *Шило Гавр. Ф.* Наддністрянський регіональний словник. Львів; Нью-Йорк, 2008.

Энциклопедический словарь 1901: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 336. СПб., 1901.

ЭнциСПИГ: Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1—5. СПб., 1995.
Horoszczak 1993: *Horoszczak Jaroslaw*. Перший лемківско-польській словник. Легніца, 1993.

Список использованной литературы

- Адрианова-Перетц 1964: *Адрианова-Перетц В. П.* Об эпитете «тресветлый» в «Слове о полку Игореве» // Русская литература. 1964. № 1. С. 86—87.
- Адрианова-Перетц 1966: *Адрианова-Перетц В. П.* Фразеология и лексика «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова...». М.; Л., 1966. С. 13—126.
- Адрианова-Перетц 1968: *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968.
- Айналов 1934: *Айналов Д. В.* Замечания к тексту «Слова о полку Игореве»: сб. ст. к 40-летию учен. деят. академика А. С. Орлова / ред. В. Н. Перетц. Л.: Академия наук СССР, 1934. С. 175—189.
- Александров 1983: *Александров А.* Об установлении праздника Покрова Пресвятой Богородицы в русской церкви // Журнал Моск. Патриархии. 1983. № 10. С. 64—78.
- Алексеев 1950: *Алексеев М. П.* К «сну Святослава» в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: сб. исслед. и ст. / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 226—248.
- Альтшуллер 2015: *Альтшуллер М.* Кто написал «Слово о полку Игореве»? // Новое лит. обозрение. 2015. № 132. С. 385—392.
- Альшиц 1958: *Альшиц Д. Н.* Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 64—70.
- Арциховский, Борковский 1963: *Арциховский А. В. и Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1956—1957 гг. М., 1963.
- Арциховский, Янин 1978: *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1958—1976 гг. М., 1978.
- Базанов 2011: *Базанов М. А.* Д. С. Лихачев о времени создания «Слова о полку Игореве»: из эпистолярного наследия ученого // История идей и история общества: материалы IX Всерос. науч. конф. (г. Нижневартовск, 14—15 апреля 2011 года) / отв. ред. В. Н. Ерохин. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011.
- Базанов 2011a: *Базанов М. А.* Предыстория обсуждения книги А. А. Зими-на «Слово о полку Игореве»: опыт реконструкции событий // Мир историка: историографический сб. / под ред. В. П. Корзун, С. П. Бычкова. Вып. 7. Омск: Изд-во Омского ун-та, 2011. С. 301—329.
- Базанов 2012: *Базанов М. А.* После обсуждения: судьба книги А. А. Зими-на «Слово о полку Игореве» // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Нижневартовск, 7—8 февраля 2012 года). Ч. I: История идей и история общества. Отечественная история / отв. ред. А. В. Коричко, В. Н. Ерохин, Я. Г. Солодкин. Нижневартовск: изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2012. С. 350—352.

Базанов 2013: *Базанов М. А.* Идеологический отдел ЦК КПСС и монография А. А. Зимина «Слово о полку Игореве» // История и историки. 2011—2012. Историографический вестник / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2013. С. 198—205.

Базанов 2014: *Базанов М. А.* К истории дискуссий в советской науке: Обсуждение монографии А. Зимина «Слово о полку Игореве» (4—6 мая 1964) // Вопросы лит. 2014. № 1. С. 335—349.

Барсов 1887; 1890: *Барсов Е. В.* «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. I; М., 1890. Т. III.

Бартенев 1925: *Бартенев П. И.* Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей. Л.: изд-во М. и С. Сабашниковых, 1925.

Баскаков 1978: *Баскаков Н. А.* Еще о тюркизмах «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978. С. 59—68.

Баскаков 1982: *Баскаков Н. А.* Тюркизмы-этнонимы в «Слове о полку Игореве» // Советская тюркология. 1982. № 4. С. 14—29.

Баскаков 1985: *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985.

Баскаков 2010: *Баскаков Н. А.* [Выступление] // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве» / вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Л. В. Соколовой. СПб.: Наука, 2010. С. 297—308.

Белецкий 1986: *Белецкий С. В.* Новые данные к биографии Игоря Святославича Новгород-Северского // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы семинара. Ин-т археол. РАН. Псковский гос. науч.-исслед. археол. центр. Псков, 1986.

Белецкий В. Д., Белецкий С. В. 1988: *Белецкий В. Д., Белецкий С. В.* Печать князя Игоря // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 105—110.

Белоброва 1995а: *Белоброва О. А.* Гоголь // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2: Г—И.

Белоброва 1995б: *Белоброва О. А.* Зегзица // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2: Г—И.

Библиотека литературы 1997: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997.

Библиотека литературы 1999: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб., 1999.

Библиотека литературы 2004: Библиотека литературы Древней руси. Т. 3. СПб., 2004.

Бицилли 1919: *Бицилли П. М.* Элементы средневековой культуры. Ч. 1—2. Пг., 1919.

Бицилли 1931: *Бицилли П. М.* Хрестоматия по истории русской литературы. Ч. 1: Народная словесность и литература допетровского времени / сост. проф. П. М. Бицилли. Изд. Рос. земско-городского комитета. София, 1931.

Бицилли 1941: *Бицилли П. М.* К вопросу о происхождении «Слова о полку Игореве» (По поводу исследования проф. А. Мазона) // Заметки к «Слову о полку Игореве». Белград, 1941. Вып. 2.

Бицилли 1995: *Бицилли П. М.* Элементы средневековой культуры. М.: Мифрил, 1995.

Бицилли 1996: *Бицилли П. М.* Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. СПб.: Мифрил, 1996.

Бобров 1995: *Бобров А. Г.* Паволока // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 4: П-Слово. 1995. С. 6.

Бобров 1995а: *Бобров А. Г.* Папороз // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 4: П-Слово. 1995. С. 11—13.

Бобров 1995б: *Бобров А. Г.* Япончица // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5: Слово Даниила Заточника-Я. Дополнения. Карты. Указатели. 1995. С. 286—287.

Бобров 1995в: *Бобров А. Г.* Яруга // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5: Слово Даниила Заточника-Я. Дополнения. Карты. Указатели. 1995. С. 297—299.

Бобров 2003: *Бобров А. Г.* Попытка одного отождествления (Князь Иван Дмитриевич — инок Ефросин) // Псков в российской и европейской истории (к 100-летию летописного упоминания). Т. 2. М., 2003. С. 270—278.

Бобров 2005: *Бобров А. Г.* Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // *Acta Slavica Iaponica*. Sapporo, 2005. Т. 22. С. 238—298.

Бобров 2008: *Бобров А. Г.* «Заколдованный круг» (о книге А. А. Зимина «Слово о полку Игореве») // Русская литература. 2008. № 3. С. 65—118.

Бобров 2008а: *Бобров А. Г.* Ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича, священноинока Ефросина Белозерского (Опыт реконструкции) // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 94—172.

Бобров 2009: *Бобров А. Г.* О происхождении мусин-пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // Чтения по истории и культуре Древней и Новой России. Ярославль, 2009. С. 114—123.

Бобров 2014: *Бобров А. Г.* Происхождение и судьба мусин-пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // Труды Отдела древнерус. лит. СПб., 2014. Т. 62. С. 528—553.

Богданов, Носов 2005: *Богданов В. М., Носов Н. В.* «Слово о полку Игореве» Великая мистификация. СПб.: Изд. дом «Нева», 2005.

Богородский 1955: *Богородский Б. Л.* Об одном термине из «Слова о полку Игореве» (насадъ—носадъ) // Учен. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Кафедра русского языка. 1955. Т. 104. С. 228—254.

Буганов 1994: *Буганов В. И.* [Рецензия] // Отечественная история. 1994. № 6. С. 215—220. Рец. на: Б. А. Рыбаков. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991.

Булахов 1989: *Булахов М. Г.* «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке / под ред. Л. А. Дмитриева. Минск: Университетское, 1989.

Булахов 2010: *Булахов М. Г.* Лексика военного дела в «Слове о полку Игореве» // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 451—452.

Булахов 2012: *Булахав М. Г.* Беларускія перакладчыкі, даследчыкі, ілюстратары «Слова о плъку Игоревѣ» / М. Г. Булахав. Мінск: Беларус. навука, 2012.

Булаховский 1978: *Булаховский Л. А.* Избранные труды: в 5 т. Киев, 1978. Т. 3: Славистика. Русский язык (В этот том вошли следующие статьи: 1. «Сло-

во о полку Игореве» как памятник древнерусского языка; 2. О первоначальном тексте «Слова о полку Игореве»; 3. Лінгвістичні уваги про міфологічні назви «Слова о полку Игоревім»; 4. Заметки к спорным местам «Слова о полку Игореве»; 5. Функции чисел в «Слове о полку Игореве»; 6. К лексике «Слова о полку Игореве»).

Бурыкин 1987: Бурыкин А. А. Нове видання фольклору русских старожилов Сибири // Народно творчість та етнографія. 1987. № 5. С. 83—86.

Бурыкин 1988: Бурыкин А. А. Из лексикологических комментариев к тексту «Слова о полку Игореве» // Всесоюз. конф. «Методология и методика историко-словарных исследований, историческое изучение славянских языков, славянской письменности и культуры». Тез. докл. Л.: ЛГУ, 1988. С. 80—81.

Бурыкин 2003: Бурыкин А. А. Лексика, связанная с природой, в «Слове о полку Игореве» и проблемы средневекового художественного канона // Материалы XXXII Междунар. филол. конф. 11—15 марта 2003 г. Вып. 11. Секция истории русского языка. Ч. 1. СПб., 2003. С. 3—8.

Бурыкин 2003а: Бурыкин А. А. О некоторых неочевидных примерах препозитивного употребления частицы *ся* в русском языке XII века (к обоснованию чтения «Древо *ся* туюю к земли приклонило» в «Слове о полку Игореве») // Грамматическая и лексическая семантика. Памяти Л. Л. Буланина. СПб., 2003. С. 41—46.

Бурыкин 2004: Бурыкин А. А. «А мои ти куряни свѣдоми кѣмети» (Из наблюдений над употреблением военной лексики в «Слове о полку Игореве») // Проблемы диалектной лексикологии и лексикографии. К 80-летию Федора Павловича Сороколетова. СПб.: Наука, 2004. С. 183—185.

Бурыкин 2005: Бурыкин А. А. Словарь к «Задонщине»: задачи: проблемы: перспективы // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. Материалы Всерос. акад. школы-семинара. СПб.: Наука, 2005. С. 272—281.

Бурыкин 2006: Бурыкин А. А. Лексический атлас русских народных говоров и перспективы дальнейшего историко-диалектологического исследования лексики памятников древнерусского языка (выражение «лисицы брешють» в «Слове о полку Игореве» и глагол *брехать* на карте № 14 Пробного выпуска ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров. (Материалы и исследования). 2006. СПб.: Наука, 2006. С. 58—62.

Бурыкин 2007: Бурыкин А. А. Перевод первого издания «Слова о полку Игореве» 1800 года как памятник истории русского литературного языка XVIII века // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность»: сб. науч. трудов памяти З. М. Петровой (к 85-летию со дня рождения). СПб., 2007. С. 109—118.

Бурыкин 2007а: Бурыкин А. А. Псковский областной словарь и Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: к проблеме пересекающихся лексических пространств в исторических словарях // Псковские говоры в свете актуальных проблем диалектологии. Псков, 2007. С. 30—44.

Бурыкин 2010: Бурыкин А. А. Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика русских говоров (по данным новых диалектных словарей) // Славянский мир: духовные традиции современность: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Тамбов, 2010. С. 46—51.

Бурыкин 2011: *Бурыкин А. А.* Сон гоблинов, или великая мистификация по поводу поддельности «Слова о полку Игореве» // ЯЛИК (Языки. Литература. История. Культура). 2011. № 84. Рец на кн.: Богданов В. М., Носов Н. В. «Слово о полку Игореве». Великая мистификация. СПб.: Изд. дом «Нева», 2005.

Бурыкин 2013: *Бурыкин А. А.* К 50-летию дискуссии о подлинности «Слова о полку Игореве» // ЯЛИК (Языки. Литература. История. Культура). 2013. № 89. С. 8—11. Рец. на кн.: Зимин А. А. Слово о полку Игореве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.

Бурыкин 2014: *Бурыкин А. А.* Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика русских народных говоров (по данным новых диалектных словарей) // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. 2014. СПб., 2014. С. 174—193.

Бурыкин 2014а: *Бурыкин А. А.* Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика украинских говоров (проблемы и перспективы исторического и диалектологического изучения языка «Слова о полку Игореве») // Славянская диалектная лексикография: материалы конф. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 29—31.

Буслаев 1861: *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1: Русская народная поэзия. СПб., 1861.

Валенцова 1995: *Валенцова М. М. Крыша* // Славянские древности. Т. 3. М., 1995. С. 18.

Валенцова 1995: *Валенцова М. М.* Кутья // Славянские древности. Т. 3. М., 1995. С. 69—71.

Васильев 1998: *Васильев М. А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М.: Индрик, 1998.

Викторов 1890: *Викторов А. Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890.

Владимиров 1894: *Владимиров П. В.* Слово о полку Игореве. Киев, 1894.

Владимиров 1895: *Владимиров П. В.* Историческое исследование «Сказания о походе Северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году» А. В. Лонгинова // Из отчета о десятом присуждении Пушкинских премий в 1894 году. СПб., 1895.

Владимиров 1900: *Владимиров П. В.* Древняя русская литература Киевского периода XI—XIII веков. Киев, 1900.

Власов, Демидов 2014: *Власов С. В., Демидов Д. Г.* Что могут сказать современные лингвисты о времени создания «Слова о полку Игореве»? (Критические заметки по поводу книги А. А. Зализняка «„Слово о полку Игореве“: взгляд лингвиста») // Вестник Лит. ин-та им. А. М. Горького. 2014. № 4. С. 6—37.

Власов, Демидов 2015: *Власов С. В., Демидов Д. Г.* О соотношении екатерининской копии «Слова о полку Игореве» и других сопутствующих материалов из архива Екатерины II // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: сб. ст. к 150-летию со дня рождения ученого / отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 668—703.

Водолазкин 1995: *Водолазкин Е. Г.* Шерешеры // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5: Слово Даниила Заточника-Я. Дополнения. Карты. Указатели. 1995. С. 232—234.

Войтович 2000: *Войтович Л. В.* Князівські династії Східної Європи (кінець IX—початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2000.

Войтович 2009: *Войтович Л. В.* Кілька зауваг до нової дискусії навколо «Слова о полку Игоревім» // Фортеця: збірник заповідника «Тустань» на пошану Михайла Рожка. Львів, 2009. С. 40—56.

Войтович 2011: *Войтович Л. В.* К дискуссии о подлинности «Слова о полку Игореве» и его авторах // *Rossica Antiqua*. 2011. № 1. С. 42—59.

Воробьев Б. 1996: *Воробьев Б.* Открытия еще впереди // *Техника — молодежи*. 1996. № 2. С. 43—44.

Воробьев К. А. 1973: *Воробьев К. А.* Заметки орнитолога. М., 1973.

Воронин 2007: *Воронин Н. Н.* Андрей Боголюбский. М., 2007.

Высоцкий 1966: *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1.

Гаврюшин 1986: *Гаврюшин Н. К.* Щукинская рукопись «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1986. С. 393—404.

Галахов 1848: *Галахов А.* Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языков. М., 1848. Т. 1.

Галинская 2006: *Галинская Е. А.* «Слово о полку Игореве»: точка в споре? // *Наука и жизнь*. 2006. № 5. С. 76—78.

Гальперин 2007: *Гальперин Ч.* «Подлинник? Подделка? Опять подделка!»: Эдвард Кинан, Йозеф Добровский и происхождение «Слова о полку Игореве» // *Studia Slavica et Balcanica petropolitana*. 2007. № 1—2. С. 5—22.

Гаспаров 2000: *Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000.

Гессен 1965: *Гессен А. И.* Все волновало нежный ум... М., 1965.

Гессен 2015: *Гессен А. И.* Любовь к родному пепелищу... Этюды о Пушкине / сост., автор предисл. и послесл. А. Костин. М.: Алгоритм, 2015.

Гетманец 1976: *Гетманец М. Ф.* По следам князя Игоря // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 305—326.

Гильфердинг 1949: // *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины. М.; Л., 1949. Т. 1.

Головенченко 1963: *Головенченко Ф. М.* «Слово о полку Игореве». М., 1963.

Голубинский 1901: *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1901. Т. 1.

Горбачевич 1984: *Горбачевич К. С.* Русский язык. Прошлое — настоящее — будущее. М., 1984.

Горлова, Чумаченко 2016: *Горлова И. И., Чумаченко В. К.* Гипотетический автор «Слова о полку Игореве» в интерпретации Д. С. Лихачева и новейшие номинанты на эту роль // Культурное наследие России. 2016. С. 57—64.

Горский 1978: *Горский А. А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 29—37.

Горский 1987: *Горский А. А.* Некоторые проблемы соотношения «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» // *Вспомогат. ист. дисциплины*. Л., 1987. Т. 19. С. 3—21.

Горский 1988: *Горский А. А.* «Море» в «Слове о полку Игореве» // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 8: История*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. № 3. С. 72—78.

Горский 1989: *Горский А. А.* О методике изучения заимствованных текстов: «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // *Методы изуч. источников по истории рус. обществ. мысли периода феодализма: сб. науч. трудов*. М., 1989. С. 6—28.

Горский 1990: *Горский А. А.* Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве» // *Обществ. сознание, книжность, лит. периода феодализма*. Новосибирск: Наука, 1990. С. 102—105.

Горский 1992: *Горский А. А.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: источниковедческие и историко-культурные проблемы. М.: ИРИ, 1992.

Горский 1993: *Горский А. А.* Слово о полку Игореве — Слово о гибели русской земли — Задонщина: источниковедческие проблемы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993.

Горский 2001: *Горский А. А.* Проблема подлинности «Слова о полку Игореве»: современное состояние изучения // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: материалы юбилейных чтений по истории и культуре Древней и Новой России. 27—29 августа 2000 г., Ярославль; Рыбинск, 2001. С. 22—27.

Горский 2002: *Горский А. А.* Слово о полку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова. М., 2002.

Горский 2004: *Горский А. А.* К источниковедению «Слова о полку Игореве» // *Герменевтика древнерусской литературы*. Вып. 11. М., 2004. С. 621—646.

Горский 2004а: *Горский А. А.* От славянского населения до Московского государства. М., 2004.

Горский 2009: *Горский А. А.* О старом и новом «скептицизме» в исследовании «Слова о полку Игореве» // *Чтения по истории и культуре древней и новой России*. Ярославль, 2009. С. 66—77.

Горский 2010: *Горский А. А.* О старом и новом «скептицизме» в вопросе о подлинности «Слова о полку Игореве» // *Вестник ист., лит., искусства*. Том 7. М., 2010. С. 68—86.

Горский 2010а: *Горский А. А.* Русское средневековье. М., 2010.

Грамоты 1949: *Грамоты Великого Новгорода и Пскова* / под ред. С. Н. Валка. М.; Л. 1949.

Гребенюк, Гончарова 1978: *Гребенюк В. П., Гончарова Т. Б.* Неизвестный экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978. С. 180—181.

Гумилев 1970: *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970.

Данилевский 1994: *Данилевский И. Н.* // *Отечественная история*. 1994. № 6. С. 220—225. Рец. на: Б. А. Рыбаков. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М.: Молодая гвардия, 1991.

Данилевский 2003: *Данилевский И. Н.* А был ли казус? Некоторые размышления об одной перебранке, которой, вероятно, никогда не было... // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 5. М., 2003. С. 337—364.

Державец 1979: *Державец И.* Агафья Ростиславна — автор «Слова о полку Игореве»? // Памир. 1979. № 8. С. 84—94.

Державин 1941: *Державин Н. С.* «Троян» в «Слове о полку Игореве»: сб. ст. и исслед. в области славянской филологии. М.; Л., 1941.

Джангар 1990: *Джангар.* Калмыцкий героический эпос. М., 1990.

Дмитриев 1953: *Дмитриев Л. А.* Глагол «каяти» и река Каяла в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 30—38.

Дмитриев 1960: *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960.

Дмитриев 1962: *Дмитриев Л. А.* Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 38—49.

Дмитриев 1976: *Дмитриев Л. А.* Книга академика В. Н. Перетца «Слово о полку Игореві — пам'ятка феодальної України — Русі XII віку» (к 50-летию издания) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 344—350.

Дмитриев 1985: *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1985. Т. 40. С. 32—42.

Дмитриев 1986: *Дмитриев Л. А.* К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1986. № 4. С. 3—24.

Дмитриев 1987: *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова о полку Игореве» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 16—32.

Дмитриев 1995: *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова...» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1: А—В. 1995. С. 24—36.

Дмитриев 1995а: *Дмитриев Л. А.* Малиновский А. Ф. // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. СПб., 1995.

Дмитриева 1966: *Дмитриева Р. П.* Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова...». М.; Л., 1966. С. 199—263.

Добродомов 1973: *Добродомов И. Г.* Тьмуторокань и Тамань // «Русская речь». 1973. № 5. С. 129—133.

Дойель 1980: *Дойель Л.* Завещанное временем. Поиски памятников письменности. М., 1980.

Древнеанглийская поэзия 1982: *Древнеанглийская поэзия.* М., 1982.

Древние стихотворения 1977: *Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым.* Изд. 2-е доп. / подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977.

Дроздович 2000: *Дроздовіч Я.* «Дудуткі» і Гародня: [Аб знаходжанні мясцовасцей, успамянутых у «Слове аб палку Ігара»] // «Слово о пльку Игоревѣ» у асвятленні дзеячаў беларускай навукі, літаратуры і культуры: Зб. навук. і юбіл. матэрыялаў / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; уклад. М. Г. Булахаў. Мінск: БДПУ, 2000. С. 93—94.

Дубенский 1844: *Дубенский Д.* «Слово о полку Игореве». М., 1844.

Дылевский 1961: *Дылевский Н. М.* «Спала князю умъ похоти» в «Слове о полку Игореве» // Людмил Стоянов. Исслед. и ст. за творчество му. София, 1961. С. 317—331.

Дылевский 1962: *Дылевский Н. М.* Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 183—184.

Дылевский 1985: *Дылевский Н. М.* Неоправданный возврат к прежнему — «Изъ Кыева дорискаше до куръ Тматороканя» в «Слове о полку Игореве» // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 99—106.

Евгеньева 1969: *Евгеньева А. П.* Несколько замечаний к истории и употреблению в русском литературном языке слов «рокотать» и «трепетать» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 26—31.

Елеонская 1978: *Елеонская А. С.* «Слово о полку Игореве» в русской школе XIX—начала XX в. // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М.: Наука, 1978. С. 163—175.

Еремин 1950: *Еремин И. П.* «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // «Слово о полку Игореве»: сб. исслед. и ст. / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 93—129.

Жукович 1901: *Жукович П.* Памяти профессора И. Е. Троицкого // Церковный вестник. 1901. № 32. Стб. 1009—1015.

Жуковская 1985: *Жуковская Л. П.* О редакциях, издании 1800 года и датировке списка «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время / под ред. акад. Б. А. Рыбакова. М., 1985. С. 68—79.

Забелин 1894: *Забелин И.* Заметка об одном темном месте в «Слове о полку Игореве» // «Археологические известия и заметки». М., 1894. № 9. С. 297—301.

Зализняк 2004; 2007; 2008: *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004; 2-е изд. 2007; 3-е изд. 2008.

Замкова 1975: *Замкова В. В.* Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века. Л., 1975.

Зарубин 1935: *Зарубин Н. Н.* Заря утренняя или вечерняя? // ТОДРЛ. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 95—150.

Звагельський 2014: *Звагельський В. Б.* Щодо одного «темного» місця «Слова о полку Ігоревім» // Русин. 2014. № 1 (35). С. 172—181.

Зимин 2006: *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 516 с.

Зотов 1996: *Зотов Б.* Не Кирилл ли Туровской с Припяти — автор «Слова о полку Игореве»? // Техника — молодежи. 1996. № 2. С. 42—43.

Иванов 1975: *Иванов Вяч. Вс.* Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1975. Т. 34, № 5. С. 399—408.

Иванов, Топоров 1980: *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Велес // Мифы народов мира. 1980. Т. 1. С. 227.

Иванов, Топоров 1980а: *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Дажьбог // Мифы народов мира. 1980. Т. 1. С. 347.

Иванов, Топоров 1982: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянская мифология // Мифы народов мира. 1982. Т. 2. С. 452—453.

Иванов, Топоров 1982а: *Иванов Вяч. В., Топоров В. Н.* Стрибог // Мифы народов мира. 1982. Т. 2. С. 471.

Ильинский 1920: *Ильинский Л. К.* Перевод «Слова о полку Игореве» по рукописи XVIII века. Пг., 1920.

Иордан 1960: *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.

История спора 2010: История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: материалы дискуссии 1960-х годов / вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Л. В. Соколовой. СПб., 2010.

Истрин 1920: *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянонорусском переводе. Пг., 1920. Т. 1.

Каган-Тарковская 1993: *Каган-Тарковская М. Д.* Легендарные списки «Слова о полку Игореве» // Труды отдела древнерус. лит. Т. 48. СПб.: Наука, 1993. С. 68—73.

Казанский летописец 1903: Казанский летописец / Полн. собр. рус. летописей. Т. 19. СПб., 1903.

Карамзин 1818: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского: 2-е изд. СПб., 1818. Т. 3.

Каринский 1916: *Каринский Н. М.* Мусин-пушкинская рукопись «Слова о полку Игореве» как памятник псковской письменности XV—XVI вв. // Журнал министерства нар. просвещ. 1916, декабрь. С. 199—214.

Келлин, Пружановская, Соловьев 2005: *Келлин Н. С., Пружановская М. В., Соловьев И. В.* Восточные мотивы в миниатюрах Радзивилловского списка-II: учебно-методическое пособие по истории и источниковедению / Н. С. Келлин, М. В. Пружановская, И. В. Соловьев. Москва: [б. и.], 2005.

Клейнер 2007: *Клейнер Ю. А.* Боярин: барин — дворянин // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (Москва, 16—18 апреля 2007 г.): материалы конф. М., 2007. С. 103—109.

Ковалев 2000: *Ковалев Г. Ф.* Этнонимия «Слова о полку Игореве» // Вестник Воронежского ГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки. 2000. № 2. С. 3—20.

Коваленко 1998: *Коваленко В. П.* Чаша князя Игоря [Текст] // Історія Русі-України: іст.-археол. зб. Київ, 1998. С. 142—151.

Коваленко 2013: *Коваленко В. П.* Ігор Святославич [Текст] // Шевченківська енциклопедія: у 6 т. / Ін-т л-ри ім. Т. Г. Шевченка, НАН України. Київ, 2013. Т. 3. С. 66—67.

Коваленко 2014: Володимир Петрович Коваленко: біобібліогр. покажч. / уклад. Н. Ф. Головатенко; відп. ред. Г. Г. Макарова. Чернівці, 2014. 96 с.

Козлов 1985: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. 2-е изд., М., 1985.

Козлов 1988: *Козлов В. П.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988.

Козлов 1999: *Козлов В. П.* Российская археография конца XVIII—первой четверти XIX в. М., 1999.

Козырев 1973: *Козырев В. А.* Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других народных говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973.

Козырев 1976: *Козырев В. А.* Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXXI. С. 93—103.

Колесов 1971: *Колесов В. В.* «Растекается мыслию по древу» // Вестник ЛГУ. 1971. № 2. Вып. 1. С. 138—139.

Колесов 1976: *Колесов В. В.* Ударение в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXXI. С. 23—76.

Колесов 1987: *Колесов В. В.* Повесть о убиении Андрея Боголюбского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. С. 365—367.

Колесов 1997: *Колесов В. В.* Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб., 1997. С. 616—618.

Комарович 1960: *Комарович В. Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 84—104.

Комеч 1987: *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X—начала XII века: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М.: Наука, 1987.

Костікова 2000: *Костікова І. І.* Вивчення «Слова о полку Ігоревім» в Україні у 1970—1990-х роках: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Харків, 2000.

Костин 2014: *Костин А.* «Слово о полку Игореве» — подделка тысячелетия. М.: Алгоритм, 2014.

Котков 1961: *Котков С. И.* Из старых южнорусских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 65—74.

Котляренко 1966: *Котляренко А. Н.* Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова...». М.; Л., 1966. С. 127—196.

Кретов 2000: *Кретов А. А.* Хинова и деремела (По поводу статьи Г. Ф. Ковалева «Этнонимия „Слова о полку Игореве“») // Вестник Воронежского ГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки. 2000. № 2. С. 20—27.

Кудрявцев 1949: *Кудрявцев И. М.* Заметка к тексту «Слова о полку Игореве» «Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ» // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 407—409.

Кузнецов 2010: *Кузнецов А. А.* Летописная полемика о числе куполов Успенского собора // Вестник Удмурт. ун-та. История, филология. 2010. Вып. 1. С. 13—23.

Кузнецов 2012: *Кузнецов А. А.* Сведения источников XV—XVII вв. об участии в убийстве Андрея Боголюбского его жены // Исслед. по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова: сб. ст. / отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 2012. С. 23—32.

Кузнецова, Бурыкин 1983: *Кузнецова М. В., Бурыкин А. А.* К истории возвратных глаголов в древнерусском языке // Лингвист. исслед. 1983. Синтаксический анализ предложения. М., 1983. С. 111—119.

Кунгуров 2013: *Кунгуров А.* Старый спор о фальсификации «Слова о полку Игореве» // Лебедь. Независимый альманах. № 695 от 26 декабря 2013 г. [Электронный ресурс] / URL: <http://lebed.com/2013/art6360.htm> (дата обращения: 10.11.2017).

Кучкин 2001: *Кучкин В. А.* XI век в «Слове о полку Игореве». 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве» [Текст]: материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России, 27—29 августа 2000 г., Ярославль, Рыбинск / Департамент культуры и туризма адм. Яросл. обл. и др. Ярославль: Александр Рутман, 2001. С. 27—34.

Кучкин 2003: *Кучкин В. А.* Летописные повествования об убиении кн. Андрея Боголюбского // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 61—65.

Кыыс Дэбийийэ 1993: Якутский героический эпос «Кыыс Дэбийийэ». Новосибирск: ВО «Наука», 1993.

Ларин 1962: *Ларин Б. А.* Из истории слов (буй — погост) // Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962. С. 3—9.

Ларин 1963: *Ларин Б. А.* Об архаике в семантической структуре слова (яр — юр — буй) // Из истории слов и словарей. Л., 1963. С. 78—89.

Ларин 1977: *Ларин Б. А.* История русского языка и общее языкознание. Л., 1977.

Ларин 2002: *Ларин Б. А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI—XVII веков. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002.

Ларин 2003: *Ларин Б. А.* Филологическое наследие. СПб., 2003.

Лексика и фразеология 1981; 2007: Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника: монография / Б. Л. Богородский, А. С. Герд, Е. М. Иссерлин и др.; идея: Б. А. Ларин; отв. ред. Е. М. Иссерлин, ред. С. С. Волков, В. П. Фелицына. ЛГУ. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. Переиздание: Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. Изд. подгот. Межкафедральным словарным кабинетом им. проф. Б. А. Ларина / подгот. к переизданию: проф. А. С. Герд, доц. С. С. Волков. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.

Лексический атлас 2004: Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск. М., 2004.

Лихачев 1948: *Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и Новгородский политический переворот 1136 г. // Исторические записки. 1948. № 25. С. 240—261.

Лихачев 1949: *Лихачев Д. С.* Повести о Николе Заразском // ТОДРЛ. Т. 7. М.; Л., 1949. С. 257—406.

Лихачев 1950: *Лихачев Д. С.* Комментарий исторический и географический // «Слово о полку Игореве» / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 375—466.

Лихачев 1950а: *Лихачев Д. С.* Устные истоки художественной системы «Слова...» // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 53—92.

Лихачев 1969: *Лихачев Д. С.* «Тресветлое солнце» плача Ярославны // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 409.

Лихачев 1978: *Лихачев Д. С.* Монументально-исторический стиль древнеславянских литератур // Славянские литературы. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 119—150.

Лихачев 1978а: *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978.

Лихачев 1985: *Лихачев Д. С.* Новгородские черты в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 509—513.

Лихачева 1979: *Лихачева В. Д.* Был ли портрет в византийском искусстве? // Византийский временник. 1979. Т. 40. Ред. на кн.: I. Spatharakis. The portrait in byzantine illuminated manuscripts. Leiden, 1976.

Ломов 2000: *Ломов А. М.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Диалогия Софония старца? // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1: Гуманитарные науки. 2000. № 2. С. 38—60.

Ломов 2010: *Ломов А. М.* «Слово о полку Игореве» и вокруг него. Воронеж, 2010.

Лонгинов 1892: *Лонгинов А. В.* Историческое исследование Сказания о походе Северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году. Одесса, 1892.

Лотман 1958: *Лотман Ю. М.* О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 37—40.

Лотман 1967: *Лотман Ю. М.* Об оппозициях «честь», «слава» в светских текстах Киевского периода // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1967. Вып. 19. С. 100—112.

Лукьянов 1956: *Лукьянов В. В.* Первый владеец рукописи «Слова...» — Иоиль Быковский // ТОДРЛ. Т. XII. Л., 1956. С. 42—45.

Лушников 2011: *Лушников А. А.* Состояние восточнославянского язычества в конце X в. (по миниатюрам Радзивилловской летописи) // Вестник МГОУ. 2011. История и политические науки. № 2. С. 111—114.

Малашенко 2003: *Малашенко О.* Судебный протокол исторической значимости // Белорусская деловая газета. Приложение «Для служебного пользования». 2003. № 4. С. 14.

Мальшев 1956: *Мальшев В. И.* Повесть о Сухане. М.; Л., 1956.

Мальсагов 1959: *Мальсагов Д. Д.* О некоторых непонятных местах «Слова о полку Игореве» // Изв. Чечено-Ингушского НИИ ист., яз. и лит. Грозный, 1959. Т. 1, вып. 2. Языкознание. С. 120—167.

Манн 2008: *Манн Р.* «Песнь о полку Игореве»: новые открытия. М., 2008.

Маркс, Энгельс 1962: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.: 2-е изд. Т. 29. М., 1962.

Мартынов 1980: *Мартынов В. В.* Сакральный мир «Слова о полку Игореве» // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы / отв. ред. Н. И. Толстой. М., 1980. С. 61—78.

Медведев 1966: *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. М., 1966.

Менгес 1979: *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.

Мещерский 1954: *Мещерский Н. А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 120—135.

Мещерский 1956: *Мещерский Н. А.* К вопросу о территориальном приурочении первоначального текста «Слова о полку Игореве» по данным лексики // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Т. 3, вып. 1. Петрозаводск, 1956. С. 64—88.

Мещерский 1956а: *Мещерский Н. А.* К вопросу о диалектной основе лексики «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. Карело-финского пед. ин-та. Петрозаводск, 1956. Т. 3, вып. 1. С. 64—88.

Мешерский 1956б: *Мещерский Н. А.* К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. ЛГУ. № 198. Сер. филол. наук. Вып. 24. Л., 1956. С. 3—9.

Мешерский 1958: *Мещерский Н. А.* «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958.

Мешерский 1958а: *Мещерский Н. А.* К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 43—48.

Мешерский 1963: *Мещерский Н. А.* К реконструкции текста «Слова о гибели Русских земли» // Вестник ЛГУ. 1963. № 14. С. 44—53.

Мешерский 1970: *Мещерский Н. А.* Необходим полный историко-грамматический комментарий к тексту «Слова о полку Игореве» // По новым программам. Петрозаводск, 1970. С. 304—314.

Мешерский 1971: *Мещерский Н. А.* К интерпретации чтения «с три кусы» в «Слове о полку Игореве» // Проблемы истории феодальной России: сб. ст. к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1971. С. 95—96.

Мешерский 1976: *Мещерский Н. А.* Из наблюдений над текстом «Слова о полку Игореве» // Вестник ЛГУ. 1976. № 14. Вып. 3. С. 82—87.

Мешерский 1981: *Мещерский Н. А.* История русского литературного языка. Л., 1981.

Мешерский 1983: *Мещерский Н. А.* Из наблюдений над текстом «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1983. С. 409—410.

Мешерский 1983а: *Мещерский Н. А.* За прабългарския принос в общеславянския език // България 1300: Статии и изследвания на ленинградските българисти. София, 1983. С. 191—205.

Мешерский, Бурыкин 1984: *Мещерский Н. А., Бурыкин А. А.* Заметки к восточной лексике в «Слове о полку Игореве». Харалуг, харалужный. Шерешеры // Вестник ЛГУ. 1984. № 14. С. 67—73.

Мешерский, Бурыкин 1985: *Мещерский Н. А., Бурыкин А. А.* Заметки к восточной лексике «Слова о полку Игореве». Гза, Гзакъ // Вестн. Ленингр. ун-та. 1985. № 2. С. 50—53.

Мешерский, Бурыкин 1986: *Мещерский Н. А., Бурыкин А. А.* Проблема критического текста «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 91—105.

Мешерский, Бурыкин 1986а: *Мещерский Н. А., Бурыкин А. А.* Путеводитель по «Слову о полку Игореве» // Вопросы литературы. 1986. № 12. С. 216—222.

Мешерский, Бурыкин 1988: *Мещерский Н. А., Бурыкин А. А.* Авторская речь и читательский узус в древнерусском тексте (глоссы и интерполяции в мусин-пушкинском списке «Слова о полку Игореве») // Лит. яз. и нар. речь. Пермь, 1988. С. 141—149.

Мешерский, Мешерская 1987: *Мещерский Н. А., Мешерская Е. Н.* «Жемчужна душа» в «Слове о полку Игореве» // Исслед. по древней и новой лит. Л., 1987. С. 144—146.

Милов, Полянская, Романкова 1994: *Милов Л. В., Полянская И. В., Романкова Н. В.* Был ли боярин Петр Бориславич автором «Слова о полку Игореве» // От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994.

Мифы народов мира 1980; 1982: Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М., 1980; Т. 2. М., 1982.

Михайлова 1989: *Михайлова Н. М.* Оссианизм. Подложные «древние песни» — общие признаки [Электронный ресурс] / 1989. URL: http://www.domarchive.ru/reading-room/mikhailova_art/4235 (дата обращения: 25.10.2017).

Мусин 2005: *Мусин А. Е.* *Milites Christi* Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. 363 с.

Никитин 1998: *Никитин А. Л.* «Слово о полку Игореве». Тексты. События. Люди. М., 1998.

Николаев 2013: *Николаев Г. А.* Образно-поэтические выражения в «Слове о полку Игореве» и вопрос о подлинности поэмы // Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 17—19 окт. 2013 г.) / под общ. ред. Н. Н. Фаттаховой. Казань: Печать-Сервис-XXI век, 2013. С. 187—192.

Николаев 2014: *Николаев С. Л.* Лексическая стратификация «Слова о полку Игореве» // *Slověne* = Словһне. International Journal of Slavic Studies. 2014. Т. III, вып. 2. С. 7—109.

Николаева 1997: *Николаева Т. М.* «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста. М., 1997.

Німчук 1967; 1968; 1971: *Німчук В. В.* «Слово о полку Ігоревім» і народна мова // Мовознавство. 1967. № 4. С. 79—81; 1968. № 1. С. 36—40; 1971. № 3. С. 13—20.

Німчук 1987: *Німчук В. В.* Лексика й фразеологія «Слова о полку Ігоревім» із погляду сучасної діалектології // Мовознавство. 1987. № 6. С. 24—31.

Німчук 2009: *Німчук В. В.* [Рецензия] // Українська мова. 2009. № 4. С. 81—113. Рец. на: О. Пріцак. Коли і ким було написано «Слово о полку Ігоревім». Київ: Обереги, 2008.

Новоселова 2007: *Новоселова А. Н.* Поэтика фольклора в художественной системе «Слова о полку Игореве»: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2007.

Обнорский 1939: *Обнорский С. П.* «Слово о полку Игореве» как памятник русского литературного языка // Русский язык в школе. 1939. № 4. С. 9—18.

Обнорский 1946: *Обнорский С. П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. С. 132—198.

Обнорский 1960: *Обнорский С. П.* Слово о полку Игореве // Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С. 33—98.

Обнорский 2010: *Обнорский С. П.* Русский литературный язык. Вехи истории. М.; 2010.

Обнорский 2015: *Обнорский С. П.* Русский литературный язык старейшей поры. М.; 2015.

Обнорский, Бархударов 1938: *Обнорский С. П., Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. Л., 1938. С. 155—158.

Обнорский, Бархударов 1952; 1999: *Обнорский С. П., Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка. 2-е изд. Ч. 1. М., 1952.; 3-е изд. М., 1999.

Оболенский 1851: *Оболенский К. М.* Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII века. М.: Университетская типография, 1851.

Обсуждение 1964: Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве») // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 121—140 (авторы В. А. Кучкин, О. В. Творогов).

Одинцов 1984: *Одинцов Г. Ф.* «Засапожник», «меч», «шерешир»... в «Слове о полку Игореве» // Рус. речь. 1984. № 2. С. 126—133.

Одоховская, Баканурский 1990: *Одоховская И. А., Баканурский А. Г.* Время и поэтика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи. Киев, 1990. С. 87—92.

Олядыкова 1979: *Олядыкова Л. Б.* О древнейших монгольско-славянских языковых связях // Вестник ЛГУ. 1979. № 8. С. 78—83.

Олядыкова, Бурыкин 2012: *Олядыкова Л. Б., Бурыкин А. А.* «Слово о полку Игореве»: Современные проблемы филологического изучения (исследования и статьи). Реконструкция древнерусского текста, перевод, комментарии [Текст] / Л. Б. Олядыкова, А. А. Бурыкин; отв. ред. С. А. Мызников. Элиста: изд. Калм. гос. ун-та, 2012. 267 с.

Орехов 2008: *Орехов Б. В.* Опыт параллельного корпуса переводов «Слова о полку Игореве» в представлении древнего текста и его переводов // Современные информационные технологии и письменное наследие: от древних текстов к электронным библиотекам. EL'MANUSCRIPT-08: материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. В. Д. Соловьев, В. А. Баранов. 2008. С. 217—219.

Орехов 2009: *Орехов Б. В.* Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве»: итоги и перспективы [Текст] / Б. В. Орехов // Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы / отв. ред. В. А. Плунгян. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 462—473.

Орлов 1934: *Орлов А. С.* Переводные повести феодальной Руси и Московского государства. М., 1934.

Орлов 1936: *Орлов А. С.* Дева-лебедь в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 27—36.

Орлов 1946: *Орлов А. С.* «Слово о полку Игореве». М.; Л., 1946. Изд. 2, доп. 212 с.

Охрименко 1984: *Охрименко П. П.* Уточнение хронологии «Слова о полку Игореве» // Вопр. рус. лит. Львов, 1984. Вып. 2. С. 92—98.

Перетц 1926: *Перетц В. Н.* К изучению «Слова о полку Игореве»: Отд. отт. Л., 1926.

Перетц 1926а: *Перетц В. Н.* «Слово о полку Ігоревім». Пам'ятка феодальної України — Руси XII віку. Київ, 1926.

Перетц 1930: *Перетц В. Н.* «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг // Известия по русскому языку и словесности. 1930. Т. 3, кн. 1. С. 289—309.

Пиккио 2002: *Пиккио Р.* История древнерусской литературы. М., 2002.

Пичхадзе и др. 2004: *Пичхадзе А. А. и др.* «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Москва, 2004. Т. 1—2. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Пичхадзе 2016: *Пичхадзе А. А.* Языковые особенности древнерусских эпических текстов // Язык: поиски факты гипотезы: сб. ст. к 100-летию акад. Н. Ю. Шведовой. М., 2016. С. 605—621.

Плотникова 2004: *Плотникова А. А.* Молотьба // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004. С. 288—292.

Повесть о Дракуле 1964: *Повесть о Дракуле*. М.; Л., 1964.

Подкорытова 2007: *Подкорытова Т. И.* Мифологические истоки фразеологизма *босым волком* в «Слове о полку Игореве» // *Croatica et Slavica Iadertina*. Zadar, 2007. III. Str. 143—150.

Поляков 2001: *Поляков А. Н.* В граде Игореве. СПб.: Ист. фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2001.

Поляков 2014: *Поляков А. Н.* Поход князя Игоря на половцев в 1185 году (Маршрут. Календарь и ход событий) // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2014. № 9 (170). Сентябрь, 2014. С. 45—49.

Попков 1993: *Попков В. И.* Тропинка к «Слову о полку Игореве»: перевод-толкование // Козловъ. Мичуринск, 1993. С. 208—221.

Попков 2001: *Попков В. И.* Восьмое чудо света // Литературная Россия. 2001. 23.03. № 12.

Попов 1967: *Попов А. И.* «Каяла» и «Канина» в «Слове о полку Игореве» // Русская литература. 1967. № 4. С. 217—221.

Порохова 1988: *Порохова О. Г.* Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах. Л., 1988.

Потанин 1899: *Потанин Г. Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.

Потебня 1878: *Потебня А. А.* Слово о полку Игореве. Воронеж, 1878.

Потебня 1914: *Потебня А. А.* Слово о полку Игореве. Харьков, 1914.

Приселков 1940: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.

Прицак 2008: *Прицак О.* Коли і ким було написано «Слово о полку Ігоревім». Київ: Обереги, 2008.

Проневич 2011: *Проневич Г. Н.* «Слово о полку Игореве»: несколько аргументов в пользу гипотезы об авторстве Кирилла Туровского // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2011. № 2. С. 12—19.

Пыпин 1898: *Пыпин А. Н.* Подделки рукописей и народных песен. СПб., 1898.

Пядышев 1980: *Пядышев Г. Е.* Поход Игоря в 1185 г. Место битвы / Г. Е. Пядышев // История СССР. 1980. № 4. С. 42—65.

Раевский 1977: *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.

Ранчин 2010: *Ранчин А.* О чем поют копыя? // Новое литературное обозрение. 2010. № 104. С. 357—362.

Ранчин 2012: *Ранчин А.* А было ли «Слово...» в начале? Споры о подлинности «Слова о полку Игореве» и книга академика А. А. Зализняка // Новый Мир. 2012. № 6.

Раппопорт 1986: *Раппопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1986.

Ржига 1934: *Ржига В. Ф.* «Мысленное древо» в «Слове о полку Игореве» // Сб. ст. к 40-летию учен. деят. академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 103—112.

Ржига 1947: *Ржига В. Ф.* Восток в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» / под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947. С. 179—182.

Ржига 1950: *Ржига В. Ф.* Из текстологических наблюдений над «Словом о полку Игореве»: что такое «въ стазби»? // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 188—191.

Рижский 1978: *Рижский М. И.* История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978.

Рижский 2007: *Рижский М. И.* Русская Библия: история переводов Библии в России. М., 2007.

Розанов 2016: *Розанов Ю. В.* Алексей Ремизов и «Слово о полку Игореве» // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2016. № 6. Филол. науки. С. 104—109.

Рыбаков 1971: *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

Рыбаков 1972: *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

Рыбаков 1991: *Рыбаков Б. А.* Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991.

Руделев 2016: *Руделев В. Г.* «Слово о полку Игореве» и его автор. Новая версия (на основе более корректного прочтения некоторых участков текста) // Вестник Тамбовского гос. ун-та. Сер. Филол. науки и культурология. 2016. Вып. 2 (6). С. 33—42.

Сага об Эгиле 1956: «Сага об Эгиле» // Исландские саги / ред., вступ. ст. и примеч. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1956.

Сага о Греттире 1976: «Сага о Греттире». Новосибирск, 1976.

Савельева 1995: *Савельева Н. В.* Кмети // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 3: К—О. С. 45—46.

Савельева 1995а: *Савельева Н. В.* Обнорский Сергей Петрович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 3. К—О. С. 335—338.

Савельева 1995б: *Савельева Н. В.* Паполлома // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 4: П—Слово. С. 11.

Салмина 1995: *Салмина М. А.* Дебрь Кисаню // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2: Г—И. С. 93—96.

Салмина 1995а: *Салмина М. А.* Повесть об Акире Премудром // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 4: П—Слово.

Салмина 1995б: *Салмина М. А.* Сказание об Индийском царстве // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 4: П—Слово.

Салмина 1995в: *Салмина М. А.* Списки «Слова...» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. СПб., Дмитрий Буланин, 1995. С. 45—46.

Салмина 1995г: *Салмина М. А.* Природа в «Слове...» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. СПб., 1995.

Салмина 1995д: *Салмина М. А.* Смага // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5: Слово Даниила Заточника—Я. Дополнения. Карты. Указатели. С. 8—10.

Сапунов 1990: *Сапунов Б. В.* Миниатюры Радзивилловской летописи о походе Игоря на половцев // Книга в России XVI—середины XIX в.: сб. науч. тр. Л., 1990. С. 11—27.

Сацута 2008: *Сацута И. В.* Дзеясловы прошлага часу ў кантэксце «Слова аб палку Ігаравым» (Шостыя Рэсп. Калеснікаўскія чытанні. «Слова аб палку Ігаравым» у літаратуры і духоўнай культуры славянскіх народаў: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Брэст, 27—28 крас. 2007 г. Брэст, 2008. С. 243—249.

Сбитнев 2010: *Сбитнев Ю.* Тайны родного слова: Новое прочтение древнерусского текста «Слова о полку Игореве». Чернигов: Троица, 2010.

Селиванова 2006: *Селиванова О. В.* Книжные редкости коллекции Н. М. Каринского в Фундаментальной библиотеке РГПУ им. А. И. Герцена // Материалы XXXV Международной филологической конференции. 13—18 марта 2006 г., Санкт-Петербург. Вып. 6: История русского языка и культурная память народа. Ч. 1. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2006. С. 129—130.

Семенов 1989: Семенов В. Б. По следам Олонецкого списка «Слова о полку Игореве» // Север (Петрозаводск). 1989. № 5. С. 115—120.

Серегина 2011: *Серегина Н. С.* «Слово о полку Игореве» и русская певческая гимнография XII века / Н. С. Серегина. М.: Памятники исторической мысли, 2011.

Скляренко 2003: *Скляренко В. Г.* «Темні місця» в «Слові о полку Ігоревім». Київ.: Довіра, 2003.

Слово 1800: Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800.

«Слово...» 1967: «Слово о полку Игореве» / вступ. ст. Д. С. Лихачева; сост. и подгот. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева; примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Л., 1967 (Б-ка поэта, БС).

«Слово...» в украинских переводах 1953: «Слово о пълку Ігореве» в українських художніх перекладах і переспівах XIX—XX ст. / До вид. підготував чл.-кор. АН УРСР С. І. Маслов. Київ: Вид. Акад. наук УРСР, 1953.

«Слово...» 1950: «Слово о полку Игореве»: сб. исслед. и ст. / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.

«Слово...» 1961: «Слово о полку Игореве»: Поэтические переводы и переложения / под общ. ред. В. Ф. Ржиги, В. Д. Кузьминой и В. И. Стеллецкого. М., 1961.

«Слово...» и памятники 1966: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966.

Слово о полку... 1985: Слово о полку Игореве / вступ. ст. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева; сост. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова; реконструкция древнерус. текста и коммент. Н. А. Мещерского, А. А. Бурыкина; подгот. текста и примеч. Л. А. Дмитриева; ред. В. С. Киселев. Л.: Советский писатель, 1985. [4] л. лл.

Слюнченко 1987: *Слюнченко В. Г.* Полоцкий Софийский собор: историко-архитектурный очерк. Минск: Полымя, 1987.

Смирнов 2011: *Смирнов В. Б.* Новая гипотеза об авторстве «Слова о полку Игореве» // Вестник ВолГУ. 2011. Сер. 8. Вып. 10. С. 143—150. Рец. на: Ло-

мов А. М. «Слово о полку Игореве» и вокруг него. Воронеж: Полиграф. центр Воронеж. ун-та, 2010.

Соболевский 1910: *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910.

Соболевский 1916: *Соболевский А. И.* Материалы и заметки по древнерусской литературе // Изв. отд-ния рус. яз. и словесности. 1916. Кн. 2. С. 210—213.

Соколова 1986: *Соколова Л. В.* Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исслед. «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 65—74.

Соколова 1987: *Соколова Л. В.* Две первые фразы «Слова о полку Игореве» // Исслед. по древней и новой лит. Л., 1987. С. 210—215.

Соколова 1990: *Соколова Л. В.* Троян в «Слове о полку Игореве» (Обзор существующих точек зрения) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 325—362.

Соколова 1994: *Соколова Л. В.* К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве» (Из переписки академика Д. С. Лихачева) / публикация Л. В. Соколовой // Русская литература. 1994. № 2. С. 232—268; № 3. С. 213—245.

Соколова 1995: *Соколова Л. В.* Пустыня // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 4: П—Слово. 1995. С. 189—191.

Соколова 1995а: *Соколова Л. В.* Троян в «Слове...» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5: Слово Даниила Заточника—Я. Дополнения. Карты. Указатели. С. 131—137.

Соколова 1996: *Соколова Л. В.* «Соколь въ мытєхъ» // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 454—465.

Соколова 2001: *Соколова Л. В.* Святослав Всеволодович Киевский и его «злато слово» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 7—46.

Соколова 2002: *Соколова Л. В.* Первое издание «Слова о полку Игореве» и современное прочтение текста // Русская литература. 2002. № 4. С. 3—12.

Соколова 2003: *Соколова Л. В.* Образ Всеслава Полоцкого в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 23—58.

Соколова 2004: *Соколова Л. В.* Композиция «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 184—210.

Соколова 2004а: *Соколова Л. В.* Почему Д. С. Лихачев не сомневался в подлинности «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 23—43.

Соколова 2004б: *Соколова Л. В.* Спор о подлинности «Слова о полку Игореве»: История одной неосуществленной публикации (по письмам из архивов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева) / подгот. текстов к печати, вступ. ст. и коммент. Л. В. Соколовой // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 385—422.

Соколова 2007: *Соколова Л. В.* Новые мифы о старом (по поводу интервью на радиостанциях «Эхо Москвы и «Свобода» в связи с выходом книги А. А. Зимина «Слово о полку Игореве» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2007. № ½. С. 23—38.

Соколова 2014: *Соколова Л. В.* Первоначально ли краткая редакция Задонщины? (В связи с новейшими работами о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины») // Труды отдела древнерус. лит. СПб., 2014. Т. 62. С. 673—724.

Соколова 2016: *Соколова Л. В.* Смысловая функция переключек рассказов об Олеге Святославиче и Всеславе Полоцком в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 64. СПб.: Росток, 2016. С. 628—652.

Соловьев 1964: *Соловьев А. В.* Восемь заметок к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20.

Сороколетов 1970: *Сороколетов Ф. П.* История военной лексики в русском языке (XI—XVII вв.). Л., 1970; 2-е изд. М., 2009.

Сперанский 1967: *Сперанский М. Н.* Перевод «Слова о полку Игореве» в бумагах А. Ф. Малиновского // Исслед. и материалы по древнерус. лит. Древнерус. лит. и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 17—24.

Срезневский 1882: *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка X—XIV вв.: 2-е изд. СПб., 1882.

Стасов 1902: *Стасов В. В.* Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских, русских, джагатайских и персидских. СПб., 1902.

Стеблин-Каменский 1979: *Стеблин-Каменский М. И.* Древнескандинавская литература. М., 1979.

Стеблин-Каменский 1984: *Стеблин-Каменский М. И.* Мир саги: Становление литературы. Л., 1984.

Стеллецкий 1981: *Стеллецкий В. И.* Комментарий // Слово о полку Игореве («Сокровища древнерусской литературы») / под ред. Ф. П. Филина. М., 1981.

Сударушкин 1988: *Сударушкин Б. М.* Уединенный памятник. Повесть-расследование об истории находки и гибели списка «Слова о полку Игореве». М., Молодая гвардия, 1988.

Сулейменов 1991: *Сулейменов О.* Аз и Я. Алма-Ата, 1991.

Сумаруков 1983: *Сумаруков Г. В.* «Кто есть кто» в «Слове о полку Игореве». М., 1983. С. 89—91.

Сумаруков 1988: *Сумаруков Г. В.* Мария Васильковна, жена Святослава Киевского, — возможный автор «Слова о полку Игореве» // Тез. докл. и общ. зональной конф. «„Слово о полку Игореве“ на Урале». Пермь, 1988. С. 27—29.

Сумаруков, Серегина 2008: *Сумаруков Г. В., Серегина Н. С.* Полоцкая княжна Мария Васильковна — автор «Слова о полку Игореве». Исследования тайнописи / вступ. ст. Л. Ф. Данько, А. И. Судника. Полоцк: А. И. Судник, 2008.

Татищев 1964: *Татищев В. Н.* История Российская: в 7 т. М.; Л., 1964. Т. 4. С. 305—306.

Творогов 1929: *Творогов Л. А.* Памятники старины нашего Севера и их состояние // Бюллетень ЛОИКФУН [Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народов]. Вып. 1. Л., 1929. С. 5—8.

Творогов 1948: *Творогов Л. А.* Письмо к акад. М. Н. Тихомирову // Вопросы истории. 1948. № 9. С. 134—136.

Творогов 1969: *Творогов О. В.* «Сокол трех мытей» в «Повести об Акире Премудром» // Вопросы теории и истории языка: сб. ст., посвящ. памяти Б. А. Ларина. Л., 1969. С. 112—114.

Творогов 1975: *Творогов О. В.* Мова «Слова о полку Игореве» (підсумки и завдання вивчення) // Мовознавство. 1975. 6. С. 6—31.

Творогов 1975а: *Творогов О. В.* О некоторых задачах изучения «Слова о полку Игореве» // Изв. ОЛЯ. 1975. Т. 34, вып. 4. С. 299—300.

Творогов 1976: *Творогов О. В.* К вопросу о датировке мусин-пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 135—140, 158—164.

Творогов 1977: *Творогов О. В.* Некоторые принципиальные вопросы изучения «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1977. № 4. С. 96—102.

Творогов 1984: *Творогов О. В.* Лексический состав «Повести временных лет». Словоуказатели и частотный словарь. Киев: Наукова думка, 1984.

Творогов 1995: *Творогов О. В.* Боричев взвоз // ЭнциСПИг: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 141—142.

Творогов 1995а: *Творогов О. В.* Галица // ЭнциСПИг: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2: Г—И. С. 6—7.

Творогов 1995б: *Творогов О. В.* Девгениево деяние // ЭнциСПИг: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2: Г—И. С. 98—99.

Творогов 1995в: *Творогов О. В.* Заря // ЭнциСПИг: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2: Г—И. С. 212—213.

Творогов 1995г: *Творогов О. В.* Издания «Слова...» для высших учебных заведений // ЭнциСПИг: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2. С. 251—252.

Творогов 1995д: *Творогов О. В.* Ключа // ЭнциСПИг: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 3: К—О. С. 44—45.

Творогов 1995е: *Творогов О. В.* Мгла // ЭнциСПИг: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 3: К—О. С. 228—229.

Творогов 1995ж: *Творогов О. В.* Мусин-пушкинский сборник // ЭнциСПИг: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 3. К—О. С. 287—291.

Творогов 1995з: *Творогов О. В.* Сморг // ЭнциСПИг: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5: Слово Даниила Заточника—Я. Дополнения. Карты. Указатели. С. 12—14.

Творогов 1995и: *Творогов О. В.* Струга // ЭнциСПИг: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5: Слово Даниила Заточника—Я. Дополнения. Карты. Указатели. С. 74—75.

Творогов 1995к: *Творогов О. В.* Шукинский список «Слова...» // ЭнциСПИг: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5. С. 247—248.

Тимофеев 2007: *Тимофеев В. П.* Другое «Слово о полку Игореве» М.: Вече, 2007.

Тимофеева 2005: *Тимофеева Т. П.* К вопросу о пятиглавии Успенского собора Андрея Боголюбского во Владимире // Материалы краеведческой конференции 2004 г. Владимир, 2005. С. 27—34.

Тихомиров 1968: *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII веков. М., 1968.

Тихонравов 1866: *Тихонравов Н. С.* «Слово о полку Игореве». М., 1866.

Топоров 1982: *Топоров В. Н.* Тразтаона // Мифы народов мира. Т. 2. 1982. С. 523—524.

Топчий 2015: *Топчий В. А.* Тайна автора «Слова о полку Игореве» // Вестник. 2015, ноябрь. № 79. [Электронный ресурс] / URL: <http://www.proza.ru/2009/10/22/921> (дата обращения: 25.10.2017)

Тресиддер 1999: *Тресиддер Дж.* Словарь символов: пер. с англ. М., 1999.

Троицкий 1901: Троицкий И. Е. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 336. СПб., 1901. С. 578—579.

Турчанинов 1975: *Турчанинов Г. Ф.* Ономастические этюды // Лингвистические исследования. 1975: Вопросы грамматики языков народов СССР. М., 1975. С. 145, 148—149.

Ужанков 2015: *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М.: НИЦ «Академика», 2015.

Успенский 1982: *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., МГУ, 1982. 245 с.

Федотова 1995: *Федотова М. А.* Вино // ЭнциСПИг: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1: А—В. С. 197—198.

Франчук 1976: *Франчук В. Ю.* Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве?» (Наблюдения над языком «Слова...» и Ипатьевской летописи) // Труды отдела древнерус. лит. Л., 1976. Т. 31. С. 77—92.

Франчук 1977: *Франчук В. Ю.* Досліджуємо мову «Слова о полку Ігоревім» // Мова. Людина. Суспільство. Київ, 1977. С. 253—261.

Франчук 1985: *Франчук В. Ю.* К вопросу об авторе // Вопросы литературы. 1985. № 9. С. 157—163.

Франчук 1988: Літописні оповіді про похід князя Ігоря / Упорядкування, текстологічне дослідження та переклади В. Ю. Франчук. Київ, 1988.

Фрейман 1930: *Фрейман А. А.* Название Черного моря в домусульманской Персии // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1930. Т. 5. С. 647—651.

Чернов 2006: *Чернов А. Ю.* Слово о полку Игореве / предисл. Д. С. Лихачева; стихотв. перевод, коммент. прозаич. перевод и послесл. А. Ю. Чернова; реконструкция древнерус. текста и примеч. А. В. Дыбо; Ил. С. К. Русакова. СПб.: Вита Нова, 2006.

Чернов 2006а: *Чернов А. Ю.* Хроники изнаночного времени. «Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности. СПб.: Вита Нова, 2006.

Чернов 2010: Слово о полку Игореве / под ред. Андрея Чернова. СПб.: Летний сад, 2010.

Шарлемань 1948: *Шарлемань Н. В.* Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // Труды отдела древнерус. лит. Ин-та рус. лит. АН СССР. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 111—124.

Шарлемань 1950: *Шарлемань Н. В.* «Дебрь кисаню» — «Дебрь киянь» в «Слове о полку Игореве» // «Слово...» 1950. С. 209—211.

Шарлемань 1960: *Шарлемань Н. В.* Сергей Парамонов о «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 611—616.

Шарыпкин 1973: *Шарыпкин Д. М.* «Рекъ Боянь и Ходына» // Скандинавский сб. Таллин, 1973. Вып. 18. С. 195—201.

Шелемова 1995: *Шелемова А. О.* Христианский и языческий элемент в «Слове о полку Игореве» // Славянские литературы в контексте мировой: материалы докл. междунар. науч. конф. Минск, 17—20 окт. 1995 г. Минск, 1995. С. 274—278.

Шелемова 2000: *Шелемова А. О.* «Слово о полку Игореве». Поэтика странствия и времени. М., 2000.

Шелемова 2015: *Шелемова А. О.* Художественный феномен «Слова о полку Игореве». М.: Флинта, 2015.

Шелоник 2001: *Шелоник М. И.* Язычество и христианство в образе героев «Слова о полку Игореве» // Мастацкі вобраз: генезіс, эвалюцыя, сучасны стан: Матэр. міжнар. навук. канф., 28—30 верас. 2000 г. Брэст, 2001. С. 295—297.

Шептаев 1957: *Шептаев Л. С.* Заметки к древнерусским литературным памятникам // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 427—428.

Шмидт 1997: *Шмидт С. О.* Пушкин и «Слово о полку Игореве» // Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. С. 227—232.

Шмидт 2005: *Шмидт С. О.* «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания. М.: Наука, 2005.

Шмидт 2012: *Шмидт С. О.* Первое издание «Слова о полку Игореве» в развитии культуры России // Шмидт С. О. После 75. Работы 1997—2001 годов. М.: РГГУ, 2012. С. 198—217.

Щепкина 1950: *Щепкина М. В.* К вопросу о неясных местах «Слова о полку Игореве» // «Слово...» 1950. С. 192—195.

Щепкина 1960: *Щепкина М. В.* О личности певца «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 73—79.

Якобсон 1958: *Якобсон Р. О.* Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 102—121.

Якубинский 1953: *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953.

Яценко 1976: *Яценко Б. И.* Кто такой Борис Вячеславич в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 296—304.

Hattala 1858: *Hattala M.* Slovo o polku Igoreve. V Praze, 1858.

Hodana 2011: *Hodana Tomasz.* Najnowsze spory o autentyczność Słowa o wyprawie Igora // Przegląd Rusycystyczny. 2011. Nr 3. S. 5—32.

Jakobson 1966: *Jakobson R.* La Geste du Prince Igor // Jakobson R. Selected writings. Slavic epic studies. Paris: Mouton & Co The Hague, 1966. P. 106—300.

Meschersky, Burykin 1987: *Meschersky N., Burykin A.* Sulla datazione e la paternità dello «Slovo...» // Annali di Ca' Foscari. Rivista della facoltà di lingue e letterature straniere dell'Università di Venezia. XXVI. 1—2. 1987. P. 161—175.

Müller 1958: *Müller Ludolf.* Davnyj velikij Jaroslavъ: Ein Vorschlag zur Klärung einer dunklen Stelle des Igorliedes // Zeitschrift für Slavische Philologie. Vol. 26, No. 2. 1958. S. 325—339.

Nahtigal 1950: *Nahtigal Rajko.* Slovo o polku Igořevě (Odlomek iz slovenske prireditve izdaje) // Slavistica Revija. 1950. Fasc. 3—4. St. 369—396.

Nahtigal 1954: *Nahtigal Rajko.* Staroruski ep Slovo o polku Igořevě. / Slovensko izdajo priredil prof. Dr. Rajko Nahtigal. Ljubljana, 1954.

Petrarca 1908: *Petrarca Fr.* Il canzoniere. Milano, 1908.

Poirier 1981: *Poirier P.-H.* L'Hymne de la Perle des Actes de Thomas. Louvain-la-Neuve, 1981.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Вестник ЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета
ГИМ — Отдел письменных источников Государственного университета
ГПБ — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ — Российская национальная библиотека)
ИОЛЯ — Известия отделения литературы и языка Академии наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
МГУ им. М. В. Ломоносова — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
НИИ — Научно-исследовательский институт
СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв.
СлСпрСПИг — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (РАН). Т. 1—64

Летописи

- Воскр. лет. 1856 — Летопись по Воскресенскому списку / Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VII. СПб., 1856.
Густ. лет. — Густынская летопись / ПСРЛ. Т. 40. СПб., 2003.
Ипат. лет. 1843 — Ипатьевская летопись / ПСРЛ, Т. 2. СПб., 1843.
Ипат. лет. 1908; 1962 — Ипатьевская летопись / ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Изд. 2-е (фототипическое воспроизведение. М., 1962).
Лавр. лет. 1856 — Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. 1. СПб., 1856.
Лавр. лет. 1872 — Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872. 2-е изд. Л.; 1926; 1928.
Лет. Пер. Сузд. 1995 — Летописец Переяславля Суздальского / ПСРЛ. Т. 41. М., 1995.
Никон. лет. 1862 — Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью / ПСРЛ. Т. IX. СПб., 1862.
Новг. перв. лет. 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

- Новг. пят. лет. 1917 — Новгородская пятая летопись. Ч. 2 / ПСРЛ. Пг., 1917. Т. 4, вып. 1. С. 136.
- Радз. лет. 1902 — Радзивилловская или Кенигсбергская летопись II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. СПб., 1902.
- Радз. лет. 1989 — Радзивилловская летопись / ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989.
- Радз. лет. 1994 — Радзивилловская летопись: в 2 т. Факсимильное воспроизведение рукописи. Текст. Исследование. Описание миниатюр. Санкт-Петербург; Москва. Глагол — Искусство. 1994 г.
- Соф. перв. лет. 1925 — Софийская первая летопись / ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1925. Т. 55, вып. 1.
- Сузд. лет. 1927 — Суздальская летопись // Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. 1, вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л., 1927.
- Твер. лет. 1863 — Тверская летопись — Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью / ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863.

Сокращения названий языков и диалектов

готск.	— готский
греч.	— греческий
древнерус.	— древнерусский
калм.	— калмыцкий
перс.	— персидский
польск.	— польский
прус.	— прусский
ст.-сл.	— старославянский
тур.	— турецкий
тюрк.	— тюркский
укр.	— украинский

Прочие сокращения

дат.	— дательный
диал.	— диалектный
ед. ч.	— единственное число
зват.	— звательный
им.	— именительный
м. р.	— мужской род
мн. ч.	— множественное число
пад.	— падеж
род.	— родительный
совр.	— современный
стб.	— столбец
стрк.	— строка
сущ.	— существительное
тв.	— творительный

Алексей Алексеевич Бурыкин

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»:

ТЕКСТ, ЯЗЫК, АВТОР

научное издание

Макет подготовлен издательством

«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site:* <http://www.pvost.org>

Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Корректор — *Т. Г. Бугакова*

Подписано в печать 14.11.2017. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 26 печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ № 17713

PRINTED IN RUSSIA

ООО «Типография «НП-ПРИНТ»
197110, г. Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15, лит. «А», корп. 7
тел.: 325-22-97 e-mail: tipnpprint@gmail.com

Алексей Алексеевич Бурюкин — доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН. Автор многочисленных научных работ, среди которых книги:
«Малые жанры эвенского фольклора» (2001);
«Язык малочисленного народа в его письменной форме» (2004);
«Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири)» (2006);
«Слово о полку Игореве. Современные проблемы изучения (с Л. Б. Оглядыковой) (2012);
«Имена собственные как исторический источник. По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII—XIX веков» (2013), и др.

Настоящее издание имеет характер научной бомбы: в результате многолетнего и многомерно-го изучения текста «Слова о полку Игореве» петербургский лингвист А. А. Бурюкин предложил убедительную научную теорию, кем мог быть автор этого знаменитого памятника.

Теория А. А. Бурюкина основывается на интердисциплинарных данных; согласно им автором оказался не безвестный певец, дружинник или летописец, но необыкновенно одаренный человек, имя которого было известно и ранее, — зодчий, художник, золотых дел мастер, переводчик с греческого Кузьмище Киянин.

Образованнейший книжник, могущий по разносторонности интересов быть названным русским Микеланджело, он превосходно владел искусством композиции, был начитан в греческой и русской словесности (воинские летописные повести, жития князей-мучеников), знал фольклорную традицию. Кузьмище Киянин жил как среди князей, так и среди строителей храмов, именно поэтому он сумел создать произведение, которое во многом вырывалось за привычные рамки тогдашней литературы. Подобное мастерство меняет наши представления о светской литературе Руси в XII веке и показывает ее более зрелый характер, чем считалось ранее.

А. А. Бурюкин убедительно доказывает свою гипотезу, оперируя всеми языковыми пластами русской литературной, диалектной и переводной прозы, а также наблюдениями над миниатюрами Радзивилловской летописи. В приложении к изданию представлен перевод «Слова о полку Игореве», исправленный и уточненный с учетом последних научных изысканий.

ISBN 978-5-85803-502-2

9 785858 035022